

Н. Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Истоки и победа 1810–1917 гг.

том I

Университет Дмитрия Пожарского

Н.Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Истоки и победа 1810–1917 гг.

Том 1

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2011

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Платошкин Н.Н.

История Мексиканской революции. Истоки и победа
1810–1917 гг. Том 1. / Н.Н. Платошкин – М.: Русский Фонд
Содействия Образованию и Науке, 2011. – 432 с.

ISBN 978-5-91244-034-2

В книге дан анализ мексиканской истории с момента обретения страной независимости и до начала мексиканской революции в 1910 году – самой значимой социальной революции в Латинской Америке вплоть до 1959 года. Причиной революционных потрясений стала жесткая, проводившаяся за счет широких масс населения политика модернизации Мексики с опорой на иностранный (прежде всего, американский) капитал во время диктатуры Порфирио Диаса. Описаны движущие силы революции, ее успехи и неудачи, а также попытки США использовать стремление мексиканцев к социальному переустройству в своих целях. В книге даны панорамные, живые портреты выдающихся народных вождей мексиканской революции – Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты – чьи имена известны далеко за пределами Мексики. Первый том мексиканской трилогии автора заканчивается 1917 годом, когда народ Мексики принял самую прогрессивную для того времени конституцию страны.

На обложке: фрагмент картины Хосе Давида Сикейроса
«El Señor dell Veneno»

Содержание

Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> Бедная богатая Мексика.....	9
<i>Глава 2.</i> Жестокая модернизация. Эра Порфирио Диаса.....	55
<i>Глава 3.</i> Торжество и гибель Франсиско Мадеро.....	119
<i>Глава 4.</i> Конституционалисты против Уэргты	181
<i>Глава 5.</i> Борьба титанов. Вилья против Каррансы	277
<i>Глава 6.</i> Революция продолжается	351
Краткая хронология истории Мексики до 1917 года	423
Список источников и литературы.....	426

Предисловие

Революции – локомотивы истории

Карл Маркс

XX век вошел в историю как век великих революций. Три русские революции начала столетия не только коренным образом изменили облик одной шестой части суши, но и до сих пор оказывают воздействие на общий ход истории человечества. Как бы ни спорили сегодня историки и политики, основные социальные завоевания – даже такие привычные для современного жителя планеты Земля, как оплачиваемый отпуск, восьмичасовой рабочий день и равноправие полов, – были бы невозможны без жарких споров и кровавых схваток на полях Гражданской войны в России.

Но мы знаем гораздо меньше (или не знаем совсем ничего) о колоссальных социальных потрясениях в других странах. Между тем они предшествовали нашим революциям и сильно повлияли на жизнь России и умонастроения ее граждан. В 1911 году в Китае свергли трехсотлетнюю маньчжурскую монархию (по странному совпадению, российская династия Романовых тоже едва пережила свой трехсотлетний юбилей). На три десятилетия Китай, наш великий сосед, стал ареной кровопролитных войн, заговоров и переворотов. Эта революция закончилась только в 1949 году – чтобы продолжаться и по сей день, но уже на фронтах коренного переустройства многовекового жизненного уклада миллиардного населения и невиданного в мировой истории, за исключением СССР 30-х годов, экономического роста.

В 1910 году началась революция в Мексике. Как и в Китае, она закончилась только три десятилетия спустя, хотя последние крупные сражения мексиканской гражданской войны отгремели в 1915 году. Вплоть до кубинской революции 1959 года именно Мексика была примером социального переустройства для всей Латинской Америки. Именно в этой стране, известной сейчас больше своими курортами и сериалами, в результате революции были созданы передовые формы общественного и экономического устройства, многие из которых пристально изучали даже в Европе.

Партия, пришедшая в Мексике к власти после революции, правила страной до 2000 года. Да и сейчас все солидные мексиканские политики решительно настроены сохранять и приумножать завоевания революции. В Мексике сочли бы странным даже поднять вопрос о переименовании улиц и площадей, названных в честь деятелей той далекой эпохи. Здесь подчас соседствуют

названия, запечатлевшие память о людях, которые десятки лет тому назад ненавидели друг друга и даже пытались убить. Только на миг представьте себе улицу Троцкого, которая вела бы к площади Сталина!

Мексиканская революция не укладывается в привычные для нас стереотипы. Подчас трудно понять, кто был там настоящим революционером, а кто использовал народную волю в своих личных целях. Реакционеры в мгновение ока превращались в радикалов, и наоборот. В этой книге сделана попытка показать не только борьбу классов и сословий мексиканского общества начала XX века, но и представить читателю галерею портретов выдающихся политиков и военных деятелей, многих из которых до сих пор знают миллионы людей во всем мире. Ни один из мексиканских сериалов по напряжению и динамике даже отдаленно не может сравниться с захватывающей панорамой борьбы, в которой причудливым образом переплетались смелость и безрассудство, расчет и подлость.

История, как принято считать, должна учить избегать былых ошибок. Но иногда стоит взглянуть в чужое прошлое, чтобы увидеть в подернутом пеленой времени зеркале собственную страну сегодня. Читатель сам сможет убедиться, насколько похожими были многие проблемы (например борьба с олигархией и иностранным диктатом) тогдашней Мексики и сегодняшней России. Сейчас российские граждане, подобно мексиканцам в начале XX века, решают вопрос, каким путем пойдет их страна в ближайшие десятилетия. У нас, конечно, есть право на ошибку, но лучше бы его пока не использовать. Может быть, нам поможет в этом опыт далекой, но в чем-то очень близкой нам по менталитету страны.

В отечественной историографии фактически есть только две книги, специально посвященные Мексиканской революции. Это блестящие, фундаментальные работы Н. М. Лаврова «Мексиканская революция 1910–1917 гг.» (М., «Наука», 1972) и М. С. Альперовича и Б. Т. Руденко «Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США» (М., Издательство социально-экономической литературы, 1958).

Автор надеется, что сумеет с помощью этой книги оживить интерес отечественного читателя к великой революции мексиканского народа, к героической и захватывающей истории Мексики.

Глава 1

Бедная богатая Мексика

Разнообразием природных условий, флоры и фауны Мексика вполне может сравниться с целым континентом. В XVI веке, на момент прихода испанских конкистадоров, в северных степях и пустынях с континентальным климатом жили племена индейцев – апачей и команчей. Жили, как и тысячи лет назад, промышляя охотой и собирательством. В центре современной Мексики на высоком плато зародились еще за сотни лет до нашей эры очаги цивилизации. Примерно за 2,5 тысячи лет до нашей эры мексиканские индейцы стали оседлыми и освоили производство керамики.¹ Они, как и древние египтяне, поклонялись богу-Солнцу, а воздвигнутые ими ступенчатые пирамиды по своей площади превосходили египетские.

Жители нагорья достигли довольно больших успехов в сельском хозяйстве, но главной их стезей были бесконечные агрессивные войны. Поэтому названия царств и империй менялись с калейдоскопической быстротой. До завоевания европейцами нагорьем владели пришедшие с севера ацтеки, державшие в страхе соседние народы с помощью кровавых походов, после которых в жертву ацтекским богам приносились десятки тысяч пленников.

На крайнем юге Мексики, отделенном от нагорья труднопроходимыми горами и джунглями, расцвела другая цивилизация доколумбовой Америки – культура майя. Майя были миролюбивее ацтеков, хотя и их города-государства постоянно враждовали друг с другом. Но то ли им была чужда имперская идея подчинения соседей, то ли в условиях заросшей джунглями округи образование большого государства было просто невозможно.

Ацтеки – пожалуй, единственная цивилизация Америки, которая попыталась оказать испанцам организованное и ожесточенное сопротивление. Несмотря на превосходство завоевателей в огнестрельном оружии и страх индейцев перед лошадьми, ацтекам поначалу удалось в результате недельных ожесточенных боев выбить отряд испанского конкистадора Эрнана Кортеса из своей столицы – Теночтитлана.² Испанцы в панике бежали на побережье, и Кортес приказал сжечь корабли, чтобы заставить своих людей сражаться

¹ Гонсальбо П. Э. и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 13

² Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 65

не на жизнь, а на смерть. Такого унижительного поражения испанские конкистадоры не испытывали больше нигде в Новом Свете.

Но ацтеков погубила, как ни странно, собственная воинственность. Соседние племена не забыли кровавых сражений и постоянных жертв жестоким ацтекским богам. Они с радостью пришли на помощь испанцам, и благодаря им завоеватели все же захватили мексиканское нагорье. Покорение полуострова Юкатан, где уже клонились к упадку города майя, произошло только десятилетия спустя. А северные районы страны фактически не были покорены вплоть до начала XIX века и числились среди владений испанской короны скорее номинально.

Свою новую и самую богатую колонию испанцы назвали Новой Испанией, и в каком-то смысле это соответствовало истине. Среди населения будущей Мексики был очень высок (до одной трети) процент белых, в то время как в Южной Америке они всегда составляли лишь небольшую прослойку. Иммиграция из Испании не прекращалась вплоть до провозглашения Мексикой независимости, и на то имелась веская причина.

Новая Испания была самой ценной жемчужиной в испанской короне. Ведь там добывалось основное количество золота и серебра всего тогдашнего мира. Именно галеоны из Новой Испании подстерегались многочисленными пиратами Карибского моря. В 1801 году в Новой Испании было добыто золота и серебра на сумму в 16,5 миллиона песо. Правда, испанцы всячески тормозили развитие промышленности в своих колониях и искусственно ограничивали их торговлю с внешним миром. В обмен на золото и серебро Новая Испания была обязана ввозить из метрополии по искусственно завышенным ценам практически все необходимые для повседневной жизни товары. Да и сельское хозяйство, будучи крайне отсталым, не давало Новой Испании больше дохода, чем серебряные рудники. Кстати, и выручка от добычи серебра жителям колонии доставалась далеко не вся. Примерно половина ее шла в Мадрид.

Процесс обретения Мексикой независимости тоже резко отличался по сути от всего, что происходило в других испанских колониях.³ И причина тому лежала как раз в расовом составе населения. Составлявшие чуть менее половины всех «новых испанцев» индейцы были поголовно неграмотны и поэтому выключены из всех политических процессов. Они жили и трудились в начале XIX века точно так же, как и к моменту прихода Кортеса. Индейцы, как и до завоевателей, ели кукурузные лепешки и бобы – пшеничный хлеб и вино были им не по карману.⁴ Даже их католичество скорее напоминало видоизмененный племенной культ. Они почитали Иисуса Христа, как ра-

³ Подробнее о возникновении независимой Мексики см. Альперович М. С. Рождение мексиканского государства. М., 1979

⁴ Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 65

нее почитали своих местных богов. На алтарях местных храмов новому богу приносили привычные жертвы, только на этот раз не человеческие.

В большинстве колоний Испании в Латинской Америке движущей силой движения за независимость были креолы – белые, родившиеся в колониях. По своему социальному статусу они сильно разнились с родившимися в Испании белыми (которых во всех колониях, кроме Мексики, было не так уж и много). Именно креолы, лишенные возможности занимать высшие должности в колониях, как светские, так и церковные, стали главной силой, выступавшей за независимость. Их поддерживали стоявшие еще ниже в социальном табеле о рангах метисы – потомки от смешанных браков индейцев и белых.

Как и везде в Латинской Америке, толчком к объявлению самостоятельности Мексики послужило занятие Испании наполеоновскими войсками в 1808 году. В 1810 году мексиканские креолы провозгласили независимость. Однако многочисленные белые активно воспротивились этому. Когда же к движению за независимость примкнули индейские массы, требовавшие проведения земельной реформы, испугались и сами креолы. 31 июля 1811 года был расстрелян мексиканский Боливар – индейский священник Идальго, возглавлявший повстанческие силы. Сторонники независимости перешли к партизанской борьбе.

Движение за независимость в Новой Испании было подавлено в 1814–1815 годах, когда в Испанию возвратился король Фердинанд, а Наполеон отправился в ссылку. Но в 1820 году мракобеса Фердинанда, вернувшего инквизицию, смела республиканская революция в Мадриде. И вот тогда-то блок креолов и белых Новой Испании решил провозгласить независимость от Испании старой, но революционной. Главной идейной силой такой «независимости» стала католическая церковь. Ей принадлежала половина всей недвижимости Мексики, включая самые плодородные земли. Поэтому святым отцам было не по пути с революционным мадридским правительством, которое как раз и стремилось лишить церковь ее экономической мощи.

Восстание поднял генерал-креол Августин Итурбиде. Вскоре испанский вице-король в Мексике подписал с ним соглашение о признании независимости.⁵

Возникшая в 1821 году Мексика была вторым по территории государством мира после России, занимая площадь более чем в 4,5 миллиона квадратных километров. Кстати, в Калифорнии Мексика и Россия даже граничили между собой до тех пор, пока русские сами не ушли из построенной ими крепости Форт-Росс. Однако, как уже упоминалось, северная часть страны была практически не заселена. Редкие поселения белых вели там не-

⁵ Гонсальбо П. Э. и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 138

прерывные войны с команчами, причем преимущество было скорее на стороне последних. Характерно, что Российско-американская компания (РАК) в письме министру финансов России Д. А. Гурьеву от 6 августа 1822 года отмечала, что колония Росс «основана по высочайшему дозволению е. в-ва государя императора в 1812 г. на земле, не заселенной никакою европейскою нацией или гражданами Соединенных Штатов и купленной Компаниею у тамошних природных жителей».⁶

Новое государство стало по образцу США федерацией штатов. Благодаря пересеченной труднопроходимой местности (войска из столицы страны Мехико до отдаленного Техаса по бездорожью могли добраться только за несколько месяцев) власти отдельных штатов были практически независимы от центрального правительства, у которого к тому же не имелось боеспособной армии для наведения и поддержания порядка. Эту армию просто не на что было содержать. Системы внутреннего налогообложения не существовало, а церковь, самый крупный землевладелец, вообще не платила в казну ни одного песо, пользуясь к тому же многочисленными льготами и беззастенчиво эксплуатируя индейцев-арендаторов. Основным источником доходов правительства были таможенные сборы с единственного международного порта страны – Веракруса.

Экономическое положение молодой республики ухудшали и разрушительные последствия войны за независимость. С 1810-го по 1820 год сельскохозяйственное производство сократилось наполовину, а ремесленное – на две трети. Промышленности в Мексике и вовсе не существовало. Зато страна унаследовала с колониальных времен государственный долг в 70 миллионов песо. У правительства не хватало доходов даже для погашения процентов по нему, так как система внутреннего налогообложения в стране отсутствовала. Мексика была вынуждена брать в долг за границей, прежде всего у Англии. В начале 1824 года мексиканские власти заняли у английской фирмы «Голдшмит энд Компани» 16 миллионов песо, а уже через несколько месяцев – еще столько же у британского банка «Барклайс».⁷ На место политического господства Испании в Мексике приходила экономическая зависимость от Великобритании.

Возвращать долги туманному Альбиону было нечем. Приходилось предоставлять английским товарам право беспоплащенного ввоза, что мешало развитию отечественной промышленности и к тому же сокращало единственный твердый доход государства – таможенные сборы. Экономическая кабала Мексики была тем удивительнее, если учесть, что страна производила

⁶Россия и Мексика в первой половине XIX века: Совместный советско-мексиканский сборник документов. М., 1989. С. 40

⁷ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 7. В то время один мексиканский песо равнялся доллару США.

больше всего серебра в мире. Правда, за время войны за независимость добыча этого драгоценного металла упала в четыре раза.⁸

Сразу же после обретения независимости Мексика вступила в череду бесконечных внутренних и внешних войн, продолжавшихся с редкими паузами до 1867 года. После восстановления с помощью французской интервенции королевской власти в Испании в 1823 году последняя попыталась захватить Мексику и снова превратить ее в колонию. При этом интервенты рассчитывали, и не без оснований, на содействие белого населения страны. В 1829 году трехтысячный испанский отряд с Кубы высадился в порту Тампико, но после ожесточенных боев был разгромлен мексиканской армией под командованием генерала Санта-Анны. После изгнания испанских войск правительство Мексики выслало из страны всех испанцев. Это была мера хотя и популярная в народе, но крайне болезненная с экономической точки зрения. Ведь именно испанцам принадлежали оснащенные самой передовой техникой мануфактуры и крупные сельскохозяйственные поместья.

Внутренняя политика Мексики представляла собой постоянный бурлящий котел с бесчисленными мятежами и переворотами. С 1824-го по 1848 год в республике произошло 250 военных мятежей и сменился 31 президент, причем 21 – с 1841-го по 1848-й. С течением времени внутри страны образовались две основные политические силы – либералы и консерваторы. Либералы в классических традициях тогдашней свободомыслящей масонской Европы выступали за отделение церкви от государства и введение системы разделения властей при одновременном жестком ограничении власти армии. Церковь и милитаризм были основными врагами либералов. Военные и священники предпочитали консерваторов, потому что вождями этой партии как раз и были генералы и епископы, не желавшие утраты своего влияния.

Бесконечные политические споры, мятежи, перевороты и контрперевороты, сотрясавшие страну, никак не касались ее неграмотного сельского населения, составлявшего 80% мексиканцев.⁹ Ведь даже прогрессивные по своей политической сути либералы были реакционерами в социальной сфере. Как и сегодня, они считали, что экономическую жизнь страны должен регулировать чистый рынок. Ну а те, кто не может к нему приспособиться, просто лентяи и должны уступить свое место под солнцем более толковым соплеменникам. Такой социальный дарвинизм был очень модным и главенствующим течением общественной мысли в Европе в XIX веке (в этом смысле австриец Адольф Шикльгрубер-Гитлер выглядит скорее отражением эпохи, а отнюдь не каким-то провозвестником новой идеологии). Именно

⁸ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 304

⁹ В самом крупном городе и столице страны – Мехико – к моменту обретения независимости жили 155 тысяч человек.

в ответ на «научный» либеральный дарвинизм возник марксизм, ему же он обязан и своей популярностью.

В то время как в Мексике хаотично сменяли друг друга у власти либеральные и консервативные президенты, половить рыбки в мутной воде решил ее северный сосед. Первоначально мексиканская политическая элита относилась к США с симпатией. Ведь эта демократическая республика поддерживала восставшие испанские колонии и провозгласила в 1822 году доктрину Монро – запрет европейским монархиям на проведение вооруженных интервенций в Западном полушарии. Поэтому первые мексиканские правительства поощряли заселение американскими колонистами малообжитых северных штатов страны, особенно Техаса. Американские поселенцы освобождались от налогов и могли беспошлинно ввозить товары для своих нужд. В Техас хлынул поток всяческого люда, в том числе множество авантюристов и просто преступников, хотя, конечно, большинство иммигрантов составляли фермеры, желавшие быстро разбогатеть. К середине 30-х годов XIX века в Техасе было в пять раз больше американцев, чем мексиканцев. Американцы платили за акр земли в Техасе мексиканскому правительству 10 центов, а в США земля стоила 1,25 доллара за акр.¹⁰

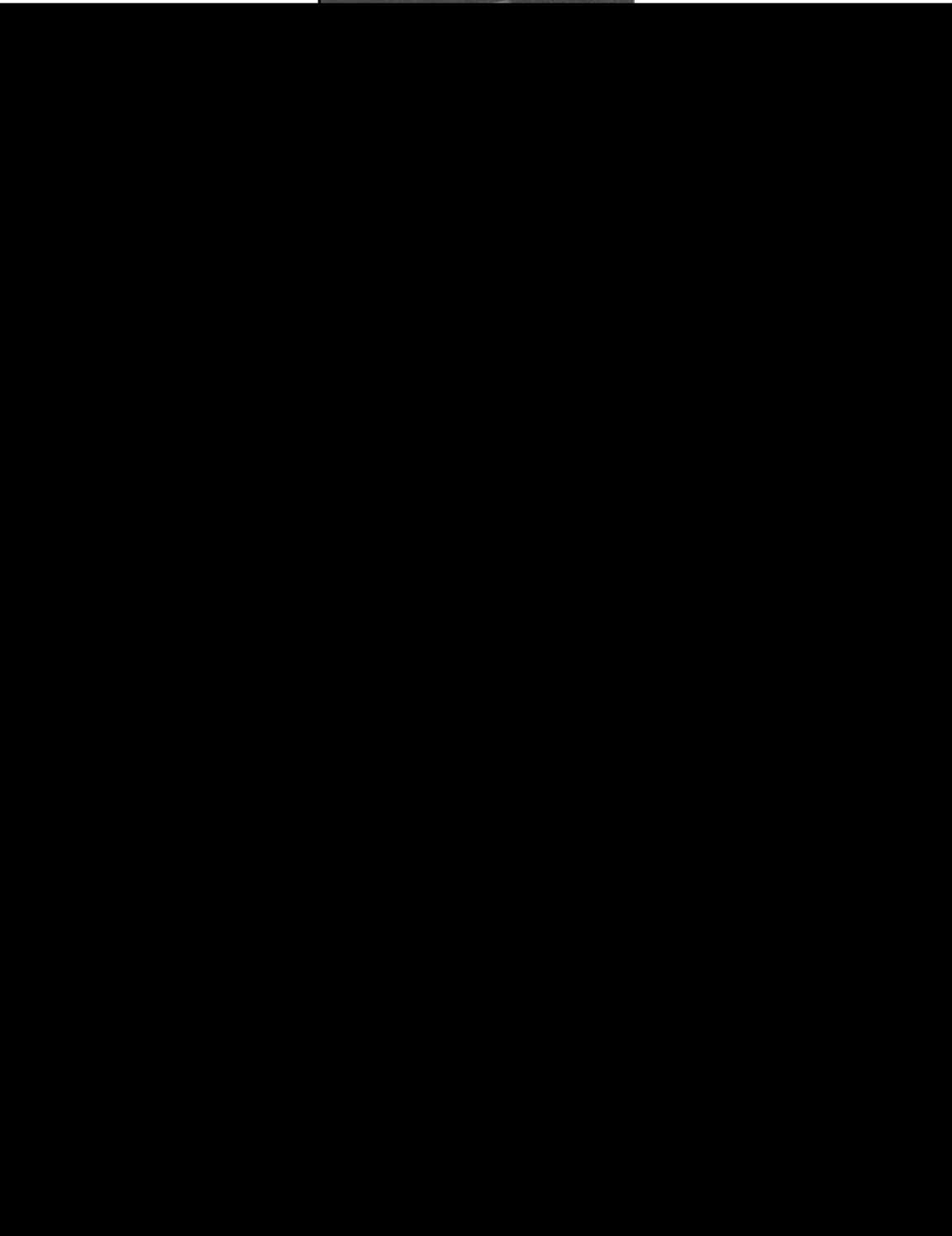
Как только американские поселенцы узнали об отмене мексиканским Конгрессом рабства и стремлении центральных властей заставить их платить налоги, они сразу же взялись за оружие – как водится, под самыми что ни на есть демократическими лозунгами. Но на самом деле защищали они только одну свободу – свободу рабовладения.

На счастье техасских мятежников, которых почти открыто поддерживали американские власти, Мексикой в тот момент правил человек, принесший стране неисчислимые несчастья. Генерал Антонио Лопес де Санта-Анна (1795–1876) боролся в период войны за независимость в рядах роялистов. Популярности ему придал разгром испанской экспедиции в 1829 году. Потом он примкнул к либералам, сделавшим его президентом. Возглавив государство, Санта-Анна изгнал либералов и стал диктатором. Этот человек искренне считал себя мексиканским Наполеоном. Правда, от своего идеала он отличался как минимум двумя вещами: отсутствием военного таланта и чудовищной беспринципностью. Однако техасских колонистов Санта-Анна считал как раз тем противником, который сможет подтвердить его военный гений.

В ноябре 1835 года президент во главе своей шеститысячной армии выступил из Мехико на север для наказания техасских мятежников. Ходили упорные слухи, что Санта-Анна был готов отдать Техас США за 5 миллионов долларов и полмиллиона долларов ему лично.¹¹ Сам же Санта-Анна заявил

¹⁰ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 304

¹¹ Fowler W. Santa Anna of Mexico. Lincoln, University of Nebraska Press, 2007. P. 163

внешняя торговля страны замерла, и Бустаменте ничего не оставалось, как согласиться уплатить французам 600 тысяч песо. Во время осады французами Веракруса пущенное с корабля интервентов ядро оторвало ногу Санта-Анне, и он опять вернул себе подмоченную в Техасе репутацию.¹²

Пример Франции оказался явно заразительным для США. Мексика без флота и собственной военной промышленности была для поднаторевшей в истреблении индейцев американской армии удобным противником. В начале 1845 года президент США Полк заявил о предстоящем присоединении Техаса к США, прекрасно зная: ранее Мексика неоднократно заявляла, что будет расценивать аннексию Техаса как объявление войны. Как раз этой войны американцы страстно и желали: рабовладельцам Юга требовались новые плантации.¹³ Заняв Техас, американская армия под командованием генерала Тейлора в начале 1845 года вторглась на мексиканскую территорию без объявления войны. Одновременно в Калифорнии местные американские поселенцы провозгласили независимую «медвежью республику» (названную так, потому что на ее флаге был изображен медведь). Излишне говорить, что «медведи» сразу попросили присоединения к США.

Длительной войны с Мексикой американцы все же побаивались, так как армия США насчитывала в 1845 году 5500 человек.¹⁴ Вся надежда была на то, что мексиканцы не станут воевать за давно потерянный Техас.

Армия Тейлора оказалась не в силах справиться с мексиканским бездорожьем и крайне медленно продвигалась вглубь страны. Ей оказывали сопротивление в основном партизанские отряды. Мексиканская регулярная армия сражалась храбро, но она ничего не могла противопоставить современной американской артиллерии. 21 сентября 1846 года, после ожесточенных трехдневных боев, американцы захватили крупный город Монтеррей. Однако у Тейлора уже не хватало сил на захват Мехико. И тут на помощь пришел «Наполеон Западного полушария».

Санта-Анна жил в эмиграции на Кубе, которая оставалась испанской колонией. Как только вспыхнула американо-мексиканская война, он немедленно предложил правительству США сделку. Если ему помогут попасть в Мексику (все мексиканское побережье блокировал флот США), он согласится уступить американцам за 30 миллионов долларов ту территорию, на которую они претендуют. А американцы в то время претендовали уже не

¹² Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 193

¹³ Герой гражданской войны и будущий президент США Грант участвовал в мексикано-американской войне. Гораздо позднее он расценил эту войну как «одну из самых несправедливых войн, которые когда-либо вела сильная нация против слабой». Цит. по: Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики 1846–1848. М., 1962. С. 70

¹⁴ Glary D., A. Eagles and Empire. The United States, Mexico and the Struggle for a Continent. New York, 2009. P. 70

и так не очень многочисленную артиллерию. В мае 1847 года американцы, приветствуемые духовенством, вступили в город Пуэбла, которому еще придется сыграть ключевую роль в истории Мексики.

Санта-Анна тайно предложил Скотту, армия которого понесла серьезные потери, немедленное перемирие в обмен на 10 миллионов песо, из которых президент-предатель просил немедленно выплатить ему миллион. Скотт сразу же согласился. Оставалось убедить самих мексиканцев, которые не хотели без боя сдавать столицу. Либералы сформировали в Мехико новую армию в 20 тысяч солдат и 100 орудий. По всей стране возникали батальоны местной милиции, готовые к переброске к столице. В августе армия Скотта начала штурм Мехико, который сперва был отбит. Американцы запросили перемирия. Получив подкрепление, в начале сентября захватчики снова пошли на штурм и опять потерпели неудачу. При толковом командовании мексиканцы вполне могли бы полностью разгромить армию Скотта. Но многие генералы-консерваторы отнюдь не хотели победы, которая привела бы к власти их смертельных врагов-либералов. К тому же мексиканцам, не имевшим собственной военной промышленности, катастрофически не хватало боеприпасов: на одну винтовку приходилось в среднем 15 патронов.¹⁶

Несмотря на героическое сопротивление кадетов военной школы Чапультепека (крепость в одном из районов Мехико), американцы 14 сентября 1847 года заняли Мехико. Муниципалитет оказывал им всяческую помощь. На площадях мексиканской столицы появились виселицы, некоторые католические храмы были превращены в конюшни.

Однако и Тейлор, и Скотт требовали от президента Полка скорейшего формального завершения войны, так как в Мексике развевалось мощное партизанское движение, не подконтрольное предателю Санта-Анне. В октябре 1847 года партизаны атаковали Пуэблу и убили тамошнего американского коменданта. Из-за партизан снабжение армии Скотта через Веракрус оказалось под угрозой. А иного пути просто не существовало.

2 февраля 1848 года стало самым черным днем мексиканской истории. В селении Гуадалупе-Идальго был подписан продиктованный американцами мирный договор, по которому Мексика за 15 миллионов долларов уступала США более половины своей территории – 2,3 миллиона квадратных километров. Границей между обоими государствами стала река Рио-Гранде, являющаяся ей и до сих пор. Левое крыло либералов в Конгрессе («пурос», т.е. «истинные», «чистые») активно выступало против ратификации договора. Но блок консерваторов и умеренных либералов («модерадос») опасаясь гражданской войны, большинством голосов ратифицировал позорную сделку.

¹⁶ Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики 1846–1848. М., 1962. С. 116

с американцами популярный благодаря своей неподкупности (нечастое среди мексиканских адвокатов того времени явление) и доступности для простого населения индеец из народности сапотекос стал губернатором родного штата Оахака. Хуареса отличала редкая для Латинской Америки принципиальность. Никакие дружеские связи не могли заставить его поступиться своими идеалами.

Таким образом, Хуарес, свято веривший в демократию и торжество закона, был прямым антиподом Санта-Анне. После позорного провала в войне с США мексиканский «Наполеон» снова отправился в эмиграцию, на этот раз в Колумбию. В 1853 году, воспользовавшись очередным мятежом консерваторов против правительства «модератос», Санта-Анна вернулся в страну и захватил власть. В декабре 1853 года он провозгласил себя пожизненным диктатором с титулом «светлейшее высочество». Лидеров «пурос» выслали из страны. Хуарес был вынужден работать в США на табачной фабрике в Новом Орлеане. Казалось, Мексику ждет очередная национальная катастрофа.

Конечно, обойтись без предательства «Наполеон» опять не смог. 30 декабря 1853 года его правительство подписало с США договор об уступке американцам за 10 миллионов долларов территории в 120 тысяч квадратных километров на севере страны. По имени американского посланника в Мехико этот договор стали именовать «сделкой Гадсдена».¹⁸ На этот раз Санта-Анна уже явно переполнил чашу терпения столько раз проданной им родины.

1 марта 1854 года о начале борьбы против правительства заявил губернатор южного штата Герреро неграмотный индеец Хуан Альварес. Из погонщика мулов он выбился в выдающегося офицера революционной армии времен войны за независимость.

Следует отметить, что и тогда, и позднее все вооруженные мятежи и выступления в стране гордо именовались «революциями». Каждое выступление начиналось с провозглашения программы, называвшейся «планом». Как правило, чтобы не запутаться в многочисленных «планах», их именовали по месту провозглашения. Не стал исключением и судьбоносный 1854 год. Провозглашенный восставшими (они нарекли себя армией восстановления свободы) «план Аютлы» требовал немедленного восстановления в стране демократического образа правления и свержения Санта-Анны. Поначалу восставшие находись в очень сложном финансовом положении, но на их сторону стал бывший начальник таможни тихоокеанского порта Акапулько Игнасио Комонфорт. Его отряд занял Акапулько, и повстанцы получили необходимые им средства.

¹⁸ Американцы настаивали на продаже им всего севера Мексики – штатов Чиуауа и Сонора. См. Галеана П. Хуарес в истории Мексики. М., 2008. С. 24

Военная экспедиция Санта-Анны в Герреро в марте 1854 года закончилась ничем, так как восставшие уклонились от сражения с регулярной армией и вели изматывающую партизанскую борьбу. Постепенно народное движение охватило и другие штаты. Пожалуй, впервые с 1810 года восставшие были не отрядом регулярной армии под руководством очередного тщеславного генерала, а действительно революционным войском, ставившим перед собой задачу не просто дорваться до власти, а коренным образом преобразовать страну. Во многом революция 1854–1855 годов стала прообразом великой мексиканской революции следующего столетия.

Опираясь на ресурсы восставших штатов (надо отметить, что в каждом штате Мексики по американскому образцу были запасы оружия на случай образования милиции штата), отряды Альвареса и Комонфорта превратились в регулярные войсковые части и повели с юга и запада наступление на Мехико. «Наполеон» не стал снова пытаться свое военное счастье и летом 1855 года бежал из страны.¹⁹

Новое правительство Мексики, образованное из «пурос» (только военный министр Комонфорт принадлежал к «модератос»), немедленно провело коренную чистку армии, уволив более 800 реакционных офицеров. Из бедняков и представителей прогрессивных средних слоев начали формироваться части Национальной гвардии – по сути, в противовес коррумпированной и разложившейся регулярной армии. Был принят давно пропагандировавшийся либералами закон о судопроизводстве, лишавший церковь и армию всех судебных привилегий.

В декабре 1855 года с согласия военного министра Комонфорта вспыхнула реакционный военный мятеж. Национальная гвардия, будучи еще толком не сформированной, не смогла оказать сопротивления. Альварес вынужден был передать власть Комонфорту и отступил со своей индейской армией на родину в штат Герреро (индейцы, выходцы с равнины, очень плохо переносили высокогорный климат Мехико).

Однако консерваторы, ободренные первым успехом, решили избавиться и от самого Комонфорта. При поддержке церкви они образовали в Пуэбле из уволенных офицеров Священный легион, провозгласивший лозунг «Религия или смерть!». Но Комонфорт, в отличие от Санта-Анны, был толковым офицером и довольно легко подавил мятеж. Провалилась и попытка мятежников захватить Веракрус и лишить правительство финансовых доходов от крупнейшей таможни страны.

Комонфорт был вынужден качнуться влево и заключить тактический союз с «пурос». Вернувшийся после бегства Санта-Анны из эмиграции Хуарес

¹⁹ Чтобы собрать денег на борьбу с революционерами, Санта-Анна хотел продать очередной кусок мексиканской территории США, но не успел этого сделать. См. Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 210

(бывший министром юстиции в правительстве Альвареса) стал автором закона о полной ликвидации сословных привилегий армии и духовенства. Начавший свою работу в феврале 1856 года Учредительный конгресс утвердил этот закон. В Мексике зарождалась подлинная революция, по сути, ставшая второй войной за независимость. В июне 1856 года министр финансов Мигель Лердо де Техада провел закон, запрещавший церковным и гражданским корпорациям владение недвижимостью. Этот закон потом стал именоваться в мексиканской истории Реформой, и именно вокруг него разгорелась полномасштабная и последняя мексиканская гражданская война XIX века. Кстати, и саму эту войну нарекли «войной Реформы».

Лердо как правоверный либерал предвосхитил российского Столыпина. Он хотел сделать недвижимость частью свободного товарно-денежного оборота. Конечно, прежде всего закон бил по церкви, так как монастырям (т.е. по терминологии закона церковным корпорациям) принадлежали лучшие земли страны. Однако не менее сильно закон ущемлял права и индейских сельских общин – «эхидос», которые тоже владели существенной частью пахотных земель. Причем у индейцев, в отличие от церковников, зачастую не было никаких документов, подтверждавших их право на землю. Они просто обрабатывали ее испокон веков, еще до прихода европейцев.

Конечно, Лердо не был противником индейцев как таковых. Но он, как и Столыпин, полагал, что землю должен обрабатывать частник, считая общину менее прогрессивным укладом хозяйствования. К тому же закон защищал права тех многочисленных крестьян, которые арендовали церковные земли: ведь он обязывал церковь продать свои земли тем, кто их арендует. Причем этот закон больше благоволил бедным земледельцам, чем «освобождение» крестьян в России в 1861 году, осуществленное, как известно, без земли. Если мексиканский арендатор в течение трех месяцев заявлял о желании приобрести арендуемую им землю, то она сразу передавалась в его собственность при условии погашения ее стоимости постепенно (каждый год новый собственник платил около 6% стоимости).²⁰ Индейцы – члены «эхидос» – также объявлялись арендаторами и должны были оформить обрабатываемые ими участки в частную собственность. В противном случае земля подлежала продаже с торгов. Неграмотное коренное население страны никак не могло понять, почему оно вдруг должно изменить устоявшийся веками традиционный способ обработки земли. К счастью для большинства «эхидос», вспыхнувшая вскоре гражданская война прекратила реализацию закона.

В конце 1856 года Конгресс занялся более важным делом – выработкой новой Конституции. С ее помощью либералы стремились окончательно покончить с пережитками феодализма и превратить Мексику в некое подобие

²⁰ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 34

прогрессивных США. Борьба вокруг Конституции была крайне ожесточенной. Духовенство и консерваторы активно противились закреплению принципа отделения церкви от государства. При поддержке президента Комонфорта в столице проводились демонстрации в защиту «гонимой» религии.²¹ Характерно, что, как обычно, либералы, даже самые прогрессивные, абсолютно игнорировали социальные проблемы страны. Они считали, что достаточно отменить все ограничения для предпринимательской деятельности (Лердо мотивировал свой закон именно этим) и обеспечить принцип разделения властей – и страна сразу же заживет счастливой жизнью. Поэтому Конгресс большинством голосов отверг «коммунистические» предложения депутатов Арриаги и Ольверы, предложивших законодательно ограничить величину помещичьего землевладения, а излишки отдать мало-земельным крестьянам.

Если бы эти предложения были приняты, вполне возможно, никакой революции в Мексике в XX веке не произошло бы. Ведь мексиканские крестьяне (как и российские) страдали не от отсутствия разделения властей, а от невозможности прокормить себя со своих крохотных клочков земли. Им приходилось за половину урожая арендовать дополнительную землю у помещика. Причем стоимость аренды была столь высокой, что большинство арендаторов влезали в долги и превращались в пеонов – долговых рабов, чье положение напоминало жизнь русских крепостных. Пеоны уже не могли уйти с земли, пока не отработают долг, а в случае их смерти долг переходил на детей.

5 февраля 1857 года мексиканский Конгресс утвердил-таки новую Конституцию – одну из самых прогрессивных для того времени. В Мексике законодательно запрещалось рабство, и любой раб, попадавший на ее территорию, автоматически обретал свободу (этот пункт вызвал особую ненависть «прогрессивной» общественности американских южных штатов, где рабовладение в то время процветало). Ликвидировались все сословные привилегии – «фуэрос», и все жители страны получали одинаковые политические права. Кстати, одна из статей Конституции все-таки запрещала пеонаж, однако на местах помещики вплоть до начала XX века эту статью игнорировали. Были гарантированы основные права и свободы. Духовным лицам запрещалось избираться в Конгресс и на пост президента. Учреждалась Национальная гвардия. Главу государства – президента – избирали всеобщим голосованием на четыре года, депутатов Конгресса – на два (здесь налицо практически полное заимствование положений Конституции США).

²¹ На самом деле церковь сильно озлобил закон министра юстиции Хосе Марии Иглесиаса от 11 апреля 1857 года, по которому, в частности, церкви запрещалось требовать с бедняков плату за отправление культа.

Мексиканская церковь немедленно предала Конституцию анафеме, так как туда вошли положения «закона Лердо».²² Епископы запрещали местным священникам звонить в колокола в честь основного закона. Однако во многих местах население сбивало замки на закрытых церквях и самостоятельно приветствовало Конституцию колокольным звоном. В различных частях страны вспыхнули реакционные мятежи. Одновременно в некоторых штатах крестьяне стали захватывать помещичьи земли. Мексику снова охватила смута.

В этих условиях избранный в ноябре 1857 года на пост президента Комонфорт решил снова придержать «пурос» и организовал военный мятеж в одной из бригад, дислоцированных недалеко от Мехико. Глава выступления генерал Сулоага, естественно, провозгласил свой «план», в котором требовал пересмотра конституции и предоставления Комонфорту неограниченных полномочий. Последний «не возражал». Мятежники арестовали радикальных депутатов Конгресса и председателя Верховного суда Хуареса, который согласно конституции автоматически становился главой государства в случае досрочной отставки президента. Однако когда под давлением церкви мятежники потребовали отмены «закона Лердо», Комонфорт уже не мог их поддержать: слишком много бывших генералов и его друзей обогатились, купив за бесценок церковные земли. Тогда Сулоага сам стал президентом, а Комонфорт бежал через Веракрус в США. Правительство мятежников признали США, Франция, Испания и, конечно, Ватикан.

Перед своим бегством из столицы Комонфорт успел освободить Хуареса и арестованных вместе с ним депутатов Конгресса. Хуарес в соответствии с конституцией объявил себя президентом и начал решительную борьбу с мятежниками. Его поддержали несколько штатов на севере и юге страны. Началось формирование новой армии, так как регулярные вооруженные силы поддерживали Сулоагу.²³ Сторонники Хуареса (они называли себя конституционалистами) контролировали большую часть территории. И главное – порт Веракрус с его таможенными поступлениями. Однако с деньгами у правительства Сулоаги затруднений не было, так как его щедро субсидировала церковь.

По оценкам английских и американских дипломатов, за конституционалистами шло 70–80% населения. Тем не менее первые бои с регулярной армией закончились для конституционалистов тяжелыми поражениями. Новой армии требовалось время, чтобы приобрести навыки настоящей войны. Хуарес с трудом координировал действия многочисленных партизан

²² При этом Конституция отнюдь не отделяла церковь от государства – просто римско-католическая церковь согласно основному закону уже не была государственной, как прежде, что означало фактически свободу вероисповедания.

²³ На сторону Хуареса встал генерал Парроди, под командованием которого было около 8 тысяч солдат и офицеров. Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 75

ских отрядов, которые очень медленно преобразовывались в более крупные соединения.

На беду сторонников конституции, у Сулоаги был очень талантливый генерал Мирамон, который, в конце концов, оттеснил отряды Хуареса от столицы на малообжитой север. Правительство конституционалистов через США морем прибыло в Веракрус. В феврале 1859 года Мирамон осадил этот город, но на выручку Хуаресу пришли отряды толкового и смелого до отчаяния генерала Дегольядо, неожиданно ударившие прямо на столицу. Мирамон, вынужденный снять осаду, вернулся в Мехико. Дегольядо был разбит.

Гражданская война отличалась невиданным в истории Мексики ожесточением. Консерваторы расстреливали пленных, что для того времени было вещью неслыханной. Хуарес отвечал радикальными декретами, которые ясно показывали, что компромисс между противоборствующими сторонами невозможен. 12 июля 1859 года он провозгласил манифест о «социальной реформе в Мексике», за что консерваторы немедленно окрестили его коммунистом. Если «закон Лердо» лишь предлагал церкви продать принадлежащую ей недвижимость, то манифест Хуареса провозгласил безвозмездную национализацию. Это соответствовало логике военного времени: было абсолютно ясно, что именно церковь финансирует врагов конституции. По церкви наносился и еще более сильный экономический удар: все граждане освобождались от обязательных церковных обрядов (свадьбы, похороны и т.д.), за которые церковь взимала деньги. Регистрация актов гражданского состояния перешла в руки государства. Все мужские и женские монастыри закрывались.²⁴

Губернаторы некоторых конституционалистских штатов пошли еще дальше. В некоторых из них священников, агитировавших против Конституции, подвергали смертной казни.

На внешнеполитическом фронте Хуаресу удалось добиться признания со стороны США. Правда, не бесплатно. В декабре 1859 года был подписан договор, предоставлявший американцам право беспошлинного транзита с атлантического на тихоокеанское побережье через узкий мексиканский перешийек Теуантепек. Существенная выгода для США – ведь тогда еще не было Панамского канала, прорытого лишь в 1914 году. Хотя Сенат Соединенных Штатов не ратифицировал этот договор, американцы стали предоставлять Хуаресу займы,²⁵ и его сторонники получили возможность закупать в США оружие. Вашингтон отнюдь не пылал любовью к конституционалистам, однако США тревожила слишком сильная ориентация Сулоаги на европейские страны.²⁶ Хуарес же быстро воспользовался американской помощью.

²⁴ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 383

²⁵ Первый заем составлял 2 миллиона песо.

²⁶ Консерваторы взяли заем у швейцарского банкира Жеккера, связанного с французским императором Наполеоном III.

Когда мятежники купили в Испании два корабля и начали блокаду Веракруса, Хуарес объявил эти суда пиратскими, и американский флот с согласия законного мексиканского правительства захватил их.

Но на суше, казалось, ничего нельзя поделать против Мирамона, которого церковь объявила «сверхчеловеком». Стоило либералам в октябре 1858 года с большим трудом захватить крупный город Гвадалахару, как Мирамон через месяц довольно легко выбил их оттуда. Тем не менее с начала 1860 года стало сказываться большое численное преимущество конституционалистов. К тому же и у них выросли талантливые военачальники, среди которых блистали генералы Ортега, Эскобедо и Диас. Летом 1860 года с севера и с юга одновременно армии Хуареса начали наступление на Мехико. В августе Мирамон потерпел неудачу, а уже в декабре «сверхчеловек» был разгромлен. На рождество 25 декабря 1860 года после трех лет невиданной вооруженной борьбы, охватившей всю страну, армии конституционалистов вошли в Мехико. Регулярная армия страны впервые (но, как мы увидим, не в последний раз) была разбита армией народной.

В январе 1861 года президент Хуарес обосновался в Мехико. Казалось, страна может наконец-то зажить мирной и упорядоченной жизнью. Но тут на помощь уже разбитым консерваторам, чьи отдельные отряды перешли к партизанской войне, неожиданно пришли внешние силы.

Избранный в июне 1861 года полноценным президентом Хуарес оказался один на один с тотальным банкротством страны. Нечем было платить жалование армии, которая за годы войны стала крупнейшей в истории Мексики.²⁷ В июле 1861 года мексиканский Конгресс был вынужден заявить о временном приостановлении на два года выплат по внешнему долгу. Это дало желанный повод европейским державам для вмешательства во внутренние дела Мексики. При этом основную часть долга накопило за время гражданской войны консервативное правительство Мирамона, получив кредит у швейцарского банкира Жеккера, принявшего впоследствии французское подданство. Жеккер, в свою очередь, был известен тем, что давал деньги почти всем влиятельным сановникам Второй империи во Франции. В частности, 30% облигаций мексиканского долга Жеккер предложил герцогу де Морни (сводному брату Наполеона III, сыну его матери и одного светского франта, самому влиятельному министру Второй империи). После этого по наущению де Морни колебавшийся ранее Наполеон принял решение завоевать Мексику и заставить ее платить по всем счетам.

Итак, душой новой интервенции против Мексики опять стал Наполеон, на этот раз почти настоящий. Император французов Наполеон III был родным племянником великого дяди и считал, что унаследовал от того талант

²⁷ Хуарес сократил армию, пытался отменить внутренние пошлины – «алькабалу» – и впервые в истории Мексики выпустил медные монеты.

полководца. Казалось, для этого самомнения есть все основания. В 1853–1855 годах французы вместе с англичанами поставили на колени Россию. Ту самую Россию, которая в 1812 году победила великого дядю. В 1859 году армии Наполеона III разгромили Австрию – еще одного исторического противника семейства Бонапартов. Оставалось только превзойти Наполеона I еще и на американском континенте, где у великого корсиканца дела в свое время явно не ладились. В 1803 году он был вынужден продать громадные территории в бассейне Миссисипи США, а затем еще и проиграл войну против лидера чернокожих повстанцев на Гаити Туссена-Лувертюра.

Когда в 1861 году мексиканские эмигранты-консерваторы появились в Париже, Наполеон III слушал их весьма благожелательно. Ведь они предлагали ему или любому из его родственников мексиканский престол. Якобы измученные безбожником Хуаресом добрые католики-мексиканцы только и ждут заморского принца-избавителя.

Однако без господствующей на море Англии Наполеон не мог решиться на вторжение в Мексику. И тут как раз подоспел понятный англичанам предлог – прекращение обслуживания мексиканского долга. К тому же в апреле 1861 года в США началась кровопролитная гражданская война, и доктрины Монро можно было не опасаться. Британский премьер-министр Пальмерстон решил позволить Наполеону от имени держав-кредиторов разбить Мексику и тем самым насолить американцам, которые тоже были не прочь прикупить себе еще кусок территории южного соседа. Самого французского императора Пальмерстон считал «надоедливой посредственностью по имени Наполеон III, в чьем мозгу глупые идеи размножаются как кролики».²⁸

31 октября 1861 года в Лондоне была подписана конвенция Франции, Испании и Англии, согласно которой три страны обязались совместными усилиями взыскать мексиканские долги вооруженным путем. Даже по меркам того времени претензии к разоренной войной Мексике выглядели слишком натянутыми. Тем более что 23 ноября 1861 года мексиканский Конгресс сам же и отменил свое июльское постановление о долговом моратории. Но Наполеона долги интересовали теперь уже мало. Чернышевский справедливо описал суть тогдашней французской политики: «...надобно мешать устройству дел у других народов, чтобы держать их в бессилии и в зависимости от себя».

Уже в декабре 1861 года испанские войска с Кубы заняли Веракрус. В январе 1862 года к ним присоединились англичане и французы.²⁹ Французы потребовали неукоснительного соблюдения соглашения Мирамона –

²⁸ Цит. по: Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 259

²⁹ Первоначально основу армии интервентов составляли испанцы – примерно 6 тысяч солдат и офицеров. Французов было около 2 тысяч, а англичане направили в Мексику 700 морских пехотинцев.

Жеккера, а в качестве гарантии уплаты долга настаивали на своем праве оккупации Веракруса и установлении французского контроля над сбором таможенных пошлин. Хуарес решил сманеврировать и расколоть единый фронт интервентов. 19 февраля 1862 года в местечке Ла-Соледад была подписана конвенция между Мексикой и тремя державами, по которой мексиканское правительство соглашалось на продолжение переговоров о долге. Хуарес даже согласился, что на время переговоров иностранные войска смогут занять три мексиканских города – Кордову, Орисабу и Теукан. Англичан и испанцев это удовлетворило. Тем более что никакой обещанной эмигрантами-консерваторами народной поддержки в Мексике они не заметили. В этих условиях возможная война грозила затянуться. Британский премьер Пальмерстон решил, что будет весьма неплохо позволить слишком амбициозному Наполеону завязнуть в далекой Мексике и отвратить его аппетит от европейских дел.

В апреле 1862 года испанские и английские войска покинули Мексику. Но Наполеону это было как раз выгодно. Теперь, с развязанными руками, он решил установить в Мексике монархию. Правда, англичане не хотели видеть на мексиканском троне французского принца, поэтому Наполеону пришлось найти нейтральную кандидатуру – брата австрийского императора Франца-Иосифа Максимилиана Габсбурга. Максимилиан был женат на дочери бельгийского короля Шарлотте, а Бельгия считалась естественным связующим звеном между Францией и Англией. К тому же Шарлотта была родственницей британского королевского дома (ее отец приходился дядей британской королеве Виктории).

Хуарес между тем впервые в истории страны объявил мобилизацию населения, способного носить оружие, и декретировал смертную казнь для всех иностранцев и их пособников, посягавших на независимость Мексики. Тем самым подчеркивалось, что против интервентов будет воевать не просто регулярная армия, а весь народ Мексики. Во всех районах, занятых французами, объявлялось осадное положение. В свою очередь, подконтрольная императору французская пресса писала, что в Мексике французы не завоевывают, а освобождают мексиканский народ от «гнусной тирании» Хуареса.

16 апреля 1862 года Франция официально объявила войну правительству Хуареса, рассчитывая на быстрый марш от Веракруса к Мехико. Было создано марионеточное мексиканское правительство во главе с клерикалом Альмонте, которое, конечно же, попросило защиты «французского флага».³⁰ Командующий экспедиционным корпусом генерал Лорансез вел

³⁰ Французский посланник в Мехико сообщал в Париж, что мексиканская церковь обещала встретить войска Франции в мексиканской столице специальным благодарственным молебном. См. Meyer M., Sherman W. *The Course of Mexican History*. New York, 1987. P. 389

из лучших генералов Второй империи.³² В марте 1863 года к Пуэбле уже подошли более 30 тысяч французов. Но на сей раз и мексиканцы не теряли времени даром. Город был неплохо укреплен. Фортификационными работами руководил соратник Гарибальди итальянский генерал Гиларди, сражавшийся против Наполеона под Римом еще в 1849 году. Да и командующий мексиканской армией в Пуэбле Ортега был одним из лучших военачальников Хуареса.

Французы не могли взять Пуэблу два месяца. Город был окружен, а посланная на подмогу его защитникам армия под командованием бывшего президента Комонфорта не смогла прорвать кольцо блокады. Только после массированного обстрела тяжелой осадной артиллерией французы 17 мая 1863 года вошли в город, превращенный в груду развалин. Если это и была победа, то отнюдь не блестящая. Мексиканцы, страдавшие от голода, капитулировали в полном порядке, взорвав все склады и заклепав пушки. Но для Хуареса поражение под Пуэблой было очень чувствительным. В плен попали 14 тысяч человек – лучшие части регулярной армии. Около 5 тысяч из них посулами и угрозами удалось перетянуть на сторону французов, и таким образом была создана «мексиканская дивизия» интервентов.

31 мая 1863 года правительство Хуареса было вынуждено покинуть Мехико. Следующие четыре года оно перемещалось по стране, за что получило название «кочующего». Президент постоянно ездил по стране в черной карете, в которой он держал национальный флаг и архив республики. Конгресс предоставил Хуаресу чрезвычайные полномочия на весь период борьбы с «империалистами» (так называли в Мексике интервентов).

7 июня 1863 года французский авангард под руководством генерала Базена вступил в Мехико. 16 июня 1863 года командующий французскими войсками Форей назначил «верховную правительственную хунту» в составе 35 человек. Туда вошли консерваторы, представители духовенства и бывшие соратники Санта-Анны. Хунта, в свою очередь, образовала правительственный триумвират из двух генералов бывшей консервативной армии и бывшего епископа Пуэблы, а позднее архиепископа Мехико Антонио де Лабастиды. Кстати, церковь, как и обещала французскому посланнику, приветствовала в Мехико интервентов перезвоном колоколов. Правительственная хунта назначила некое подобие парламента – «ассамблею нотаблей». «Нотабли» постановили преобразовать Мексику в монархию и пригласить на престол Максимилиана Габсбурга. В случае отказа последнего право назначить нового монарха предоставлялось Наполеону.

³² В июле 1862 года представитель восставшего Юга США в Париже Слайдель заявил французскому министру иностранных дел, что рабовладельческая конфедерация поддержит французскую интервенцию в Мексике. См. Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 261

Дела в марионеточной хунте сразу не заладились. Наполеон, считавший себя либералом, дал инструкцию своему главному в Мексике не допускать реставрации в стране феодальных порядков. В частности, предполагалось оставить в силе антицерковные декреты Хуареса. Базен во главе 200 французских зуавов ворвался на заседание хунты и заставил ее в письменном виде подтвердить правомочность конфискации церковного имущества. После этого разъяренный архиепископ Лабастида вышел из состава «правительства».

32-летний Максимилиан, получив предложение занять мексиканский трон, поначалу заартачился. Конечно, принц очень хотел стать императором далекой страны, которая представлялась ему в романтическом свете (еще более страстно желал спровадить брата-престолонаследника в Мексику австрийский император Франц-Иосиф). Но Максимилиан, как ни странно, также слыл либералом и потребовал всенародного плебисцита по своей кандидатуре. Здесь он, видимо, брал пример с Наполеона, полиция которого поднатерела в организации всенародных «голосований», которые неизменно одобряли все меры императора.

Во второй половине 1863 года французские войска стали продвигаться на север Мексики, оттесняя Хуареса к американской границе. Во всех занятых городах проводился «плебисцит». Вскоре Форей докладывал результаты всенародного «волеизъявления»: 6,4 миллиона мексиканцев из 8,6 пожела-ли видеть Максимилиана своим императором.

В конце мая 1864 года Максимилиан со своей молоденькой женой, которая стала называть себя на испанский манер Карлоттой, прибыл на австрийском фрегате в Веракрус. Город разочаровал холодным приемом и непролазной грязью из-за окружавших его малярийных болот и отсутствия даже намеков на систему уборки мусора. Привезенная специально из Вены роскошная карета очень скоро не выдержала мексиканских дорог. Младшему брату Максимилиан с удивлением писал, что в Мехико нет столь необходимых атрибутов светской жизни, как балы и сплетни за чашкой чая. Эти странные мексиканцы, мол, только и любят скакать верхом, наслаждаясь окрестными ландшафтами.³³

Перед отъездом Максимилиана в Мехико Наполеон заставил подписать его союзный договор, по которому французская армия в Мексике переходила формально под командование нового императора. В обмен тот должен был уплатить Франции 270 миллионов франков в качестве компенсации расходов на «освобождение» страны, а также по 1000 франков в год за каждого

³³ Горячий поклонник французской кухни Максимилиан взял с собой поваров из Франции и огромное количество европейской одежды, подобающей различным светским обязанностям свежеспеченного императора. Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 248

французского солдата и взятую с потолка громадную сумму компенсации «ущерба» неким французским подданным в Мексике. Секретные статьи договора предусматривали поступательное сокращение французских войск в Мексике с 38 тысяч в 1864 году до 25 тысяч в 1867 году.

Романтика Максимилиана прозаические деньги не очень занимали, оттого-то он сразу же увеличил налоги для новых подданных в два раза. Это позволило ему назначить себе жалование в 1,5 миллиона песо в год, плюс еще 200 тысяч на любимую Карлотту. За первые полгода в Мексике Максимилиан устроил 70 официальных завтраков, 20 банкетов, 16 балов и 12 приемов, израсходовав только на вино 100 тысяч песо.³⁴

Проблема была лишь в том, что власть империи распространялась только на крупные города, да и то до тех пор, пока там стояли французские гарнизоны. В Мексике развернулась широкомасштабная партизанская война. В ее навыках военачальники либералов поднааторели за время недавних сражений с консерваторами. Интересно, что пресса почти всего мира вскоре стала сравнивать положение войск Наполеона III в Мексике с партизанской войной в России против войск первого Наполеона. Американские газеты отмечали, что «Мексика окажется для него [т.е. Наполеона III], несомненно, тем же, чем стала Москва для его дяди в России». Один из самых видных генералов армии Хуареса Сарагоса тоже говаривал, что для французов «Мексика может стать второй Москвой».

Так и вышло. Многочисленные партизанские отряды, во главе которых, как и в России в 1812 году, зачастую стояли офицеры регулярной армии, блокировали растянутые коммуникации французских войск, что в условиях горного рельефа и бездорожья было отнюдь не сложно. В крупные сражения с французами мексиканцы старались не ввязываться. Французские войска (во главе которых вскоре поставили будущего маршала Базена) мстили повстанцам, дотла сжигая города и деревни. Максимилиан поначалу протестовал против этой жестокости, но Базену было наплевать на сантименты своего «верховного главнокомандующего». В частности, Максимилиан потребовал выслать из Мексики французского офицера Дюпена, командира так называемой контргерильи, т.е. конного антипартизанского отряда, славившегося неимоверной жестокостью. Дюпен действительно уехал, попал на аудиенцию к Наполеону, получил от того полное одобрение своим действиям и героем вернулся в Мексику. Протесты «императора» Максимилиана были проигнорированы.

Надо сказать, что Максимилиан жестоко разочаровал консервативную партию. Он сформировал правительство из умеренных либералов, подтвердил специальной конституцией все демократические права и свободы. К тому же масон-император наотрез отказался вернуть церкви ее имущество.

³⁴ Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 239

В аграрном вопросе Максимилиан оказался даже радикальнее Хуареса. Он подтвердил земельные права индейских общин и даже создал Совет по делам индейцев для заботы о нуждах коренного населения.³⁵ Император прилежно учил испанский язык и вскоре произносил на нем речи, появляясь перед публикой в мексиканском национальном костюме. Но все эти либерально-косметические меры ничего не значили в условиях тотальной войны, в которой реальная власть принадлежала Базену.

И все же Максимилиан в 1864 году пребывал в состоянии полной эйфории относительно будущего империи. Хуарес поспешно отступал на север, и его восьмитысячная армия, с которой он ушел из Мехико, таяла как весенний снег. Французский флот вошел в реку Рио-Гранде, чтобы отрезать республиканское правительство от США. Вопреки советам Базена Максимилиан распустил все свои мексиканские части, оставив под ружьем два полка. Лучшие генералы-консерваторы Мирамон и Маркес были усиланы с дипломатическими миссиями в Европу (Мирамон стал наблюдателем при прусской армии). Максимилиан опирался в основном на 1,5 тысячи бельгийских добровольцев, именовавшихся «стражей императрицы Шарлотты», и 6,5 тысячи подданных своей родной Австрии, среди которых большинство составляли поляки.

Базен показал себя грамотным и настойчивым военачальником. К концу 1865 года Хуарес оказался уже на самой американской границе в городе Пасо-дель-Норте. Опасаясь реакции США, Базен прекратил преследование, и это спасло республику от полного разгрома. К тому же у Хуареса формально истек срок президентских полномочий, что подвигло генерала Ортегу (он занимался сбором помощи в США) поднять мятеж против президента. Благодаря твердости Хуареса мятеж так и не разросся, а Ортега был арестован.

В октябре 1865 года французы информировали Максимилиана, что Хуарес якобы покинул Мексику и прекратил борьбу. Это дало повод императору 3 октября 1865 года издать специальный декрет, прозванный в Мексике «черным законом». Согласно этому декрету любой мексиканец, захваченный с оружием в руках, считался бандитом, подлежал суду командира захватившей его части и расстрелу в течение 24 часов.³⁶ Ведь после мифического бегства Хуареса, по мнению Максимилиана, регулярных вооруженных сил республики уже не существовало. Император и не догадывался, что подписал себе этим декретом смертный приговор.

Базен с присущей ему энергией стал проводить октябрьский декрет в жизнь. В секретном циркуляре своим подчиненным командующий писал: «Я прошу вас разъяснить личному составу находящихся под вашей командой частей, что я не разрешаю больше брать пленных». Были расстреляны

³⁵ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 45

³⁶ Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 271

более 20 тысяч мексиканцев, включая видных военачальников республики. В ответ войска Хуареса тоже прекратили брать пленных. Война за независимость превратилась в войну на уничтожение.

Эта война окончательно подорвала экономическую мощь церкви и консервативных помещиков, поддержавших Масимилиана. В августе 1863 года президент Хуарес декретировал безвозмездную конфискацию имущества изменников родины. Республиканские генералы обладывали помещиков принудительными «налогами».

Выдержка Хуареса в самый тяжелый для него период принесла плоды – в апреле 1865 года закончилась гражданская война в США. Победившие северяне имели под ружьем прекрасно вооруженную 900-тысячную армию. Американские политики вновь вплотную занялись мексиканскими проблемами.³⁷ Под влиянием посланника Хуареса Ромеро Конгресс США принял резолюцию, в которой называл попытки европейских держав свергнуть республиканский строй на американском континенте угрозой национальной безопасности Штатов. Госсекретарь США Сьюард потребовал от Наполеона III немедленно вывести войска из Мексики. Хуарес, который называл и французов, и американцев «волками», мастерски использовал эти разногласия.

Благодаря расположению правительства США республиканцы закупили там 30 тысяч современных ружей, получили кредит, а более 3 тысяч ветеранов армии северян пополнили ряды мексиканской армии. С другой стороны, Максимилиан побоялся принять на службу перешедшую мексиканскую границу кавалерийскую бригаду южан под командованием Шелби: это было чревато войной с мощным северным соседом.

Лучше складывались дела на международной арене. «Мексиканскую империю» признали все ведущие европейские державы, включая Россию. Александр II принял посланника империи, наградил его орденом Святой Анны и аккредитовал при Максимилиане барона Стекля – по совместительству посланника в США.³⁸ Это был более чем странный шаг, если учесть, что США империю Максимилиана не признавали. При этом до тех пор Петербург не имел с Мексикой дипломатических отношений и не восстановил их после свержения Максимилиана. «Мексиканская империя» получила право содержать дипломатическую миссию в Петербурге и консульские представительства в Одессе и Риге. Стекль готовился посетить Мексику, но

³⁷ 13 мая 1865 года французский консул в Сан-Франциско сообщал, что представитель Хуареса генерал Альварес активно закупает в Калифорнии оружие и два раза в неделю специальным курьером из Мексики получает точную информацию о внутренних делах кабинета министров Максимилиана. См. *La Intervencion Francesa en Mexico segun el Archivo del Mariscal Bazaine*. Mexico, 1973. P. 761

³⁸ Blumberg A. *The diplomacy of the Mexican Empire 1863–1867*. Malabar, Florida, 1987. P. 45

сразу же отказался от путешествия, получив недовольный запрос госсекретаря США Сьюарда. Максимилиан очень просил Петербург все же прислать Стекла в Мехико. Чтобы не обидеть царя, императорское правительство даже отказалось от планов широкого привлечения в Мексику колонистов-поляков. Ведь только что, в 1863–1864 годах русские войска подавили восстание в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи.

Тем не менее в Мехико, в конце концов, собрались посланники основных европейских держав. Вернулся и высланный правительством Хуареса папский нунций. Хуже дела обстояли с собственной армией. Консерваторы поначалу шли туда неохотно, и костяк «императорских войск», как уже упоминалось, составляли бельгийские и австрийские добровольцы, которых прусский посланник называл вечно пьяным сбродом. Многие офицеры Максимилиана были ранее уволены из австрийской армии за непригодность. Худо-бедно удалось сколотить армию в 8–9 тысяч человек, которая, однако, боялась воевать без французов.

4 декабря 1865 года президент США Джонсон заявил в послании Конгрессу, что французская интервенция в Мексике является вызовом для национальных интересов Америки.³⁹ В апреле 1866 года Наполеон под давлением Вашингтона объявил Максимилиану о предстоящем выводе французских войск до конца 1867 года. К этому императора французов толкала и резко изменившаяся ситуация в Европе. Воспользовавшись мексиканской авантюрой Наполеона, Бисмарк в 1866 году за месяц разбил Австрию и фактически объединил Германию. На французских восточных границах неожиданно вырос вооруженный до зубов немецкий колосс. Хуарес писал: «Бисмарк напугал и взбудоражил других волков в Европе». Прусский военный атташе в Париже Лое с удовлетворением констатировал, что мексиканская компания серьезно истощает французские военные ресурсы. Во Франции подняла голову оппозиция и пошли разговоры о возможном свержении Наполеона.

Ко всему прочему, война в Мексике очень дорого обходилась Франции. На нее затратили около миллиарда франков – по тем временам сумма просто астрономическая. В 1866 году французы для обеспечения выданных Максимилиану кредитов (большинство из которых до Мексики так и не дошло) взяли себе 50% доходов мексиканских таможен. Если учесть, что ранее 49% этих же доходов Максимилиан уступил Англии и Испании, то «империя» располагала 1% доходов сборов со своих таможен. К концу интервенции Максимилиан накопил 271,7 миллиона песо внешнего долга. При этом летом 1866 года у него кончились деньги для выплаты жалованья австрийским наемникам.⁴⁰

³⁹ Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 274

⁴⁰ Фрид Н. Императрица. М., 1978. С. 359

В марте 1866 года Базен стал отводить войска с севера и стягивать их поближе к Веракрусу и Мехико. В оставляемых оккупантами районах автоматически восстанавливалась республиканская власть. Черная карета Хуареса начала движение на юг, к столице. Максимилиан хотел отречься от престола, но жена отговорила его. В июле 1866 года она отправилась в Европу, чтобы уговорить Наполеона оставить войска в Мексике. Но император французов остался непреклонным. Слезы Шарлотты не помогли. Не мог Наполеон ничего сказать и о бесследно пропавших где-то во Франции кредитах, якобы выделенных Максимилиану. Шарлотта в сердцах пригрозила отречением своего мужа, на что услышала безразличное: «Отрекайтесь». Императрица упала в обморок. Она бросилась в Рим к папе Пию IX. Но Пий был обижен на Максимилиана за то, что он не вернул имущество мексиканской церкви, и посоветовал уповать на милосердие божье. Сам папа уповал на французские штыки, подпиравшие его власть в Риме с 1849 года. Через три дня Шарлотта вновь пришла к папе, и понтифик с ужасом увидел, что молодая женщина сошла с ума. Он оставил ее ночевать, и она стала единственной в истории особой прекрасного пола, которая провела ночь в покоях римского первосвященника. Лишившаяся рассудка Шарлотта умерла только в 1927 году, пережив своего супруга на 60 лет.

Узнав о трагедии жены, Максимилиан прекратил свой либеральный эксперимент и созвал правительство консерваторов. Во главе своей армии, которую удалось довести до 20 тысяч человек списочного состава (на самом деле, конечно, бойцов было гораздо меньше), император поставил лучшего генерала мексиканской реакции – Мирамона. Мирамон и Маркес в ноябре 1866 года добровольно вернулись из Европы и предоставили себя в распоряжение Максимилиана. Взявший на себя командование гарнизоном Мехико Маркес в своей прокламации к населению был лаконичен: «Вы меня знаете – и нечего больше говорить».⁴¹

Мирамон понимал, что продержаться, а возможно, и победить, можно только убив Хуареса, человека, впервые ставшего общенациональным лидером Мексики. Максимилиан одобрил план «сверхчеловека». В письме Мирамону он «совершенно конфиденциально» советовал сделать так, чтобы в случае захвата Хуареса его судили военным судом и приговорили согласно закону от 3 октября к казни, но приговор не исполняли до получения высочайшего одобрения.⁴² Максимилиан надеялся заставить пленного Хуареса под угрозой физического уничтожения «добровольно» отречься от власти в его пользу.

Мирамон едва не воплотил свой замысел в жизнь. 22 января 1867 года Хуарес в своей неизменной карете прибыл в город Сакатекас, где его, как

⁴¹ Фрид Н. Императрица. М., 1978. С. 365

⁴² Гордин А. Я. Три войны Бенито Хуареса. М., 1984. С. 356

обычно, овациями встречало население. Городские власти советовали президенту уехать в тыл: к городу приближался Мирамон с сильным французским отрядом. Хуарес отказался – за три года ему надоело отступать. Через пять дней Мирамон ворвался в Сакатекас. Хуареса спасло только чудо. Впервые он бросил свою неизменную карету и усакал из города верхом. Люди же Мирамона погнались именно за пустой каретой, что спасло президенту жизнь. В отчаянии «сверхчеловек» отдал Сакатекас на разграбление солдатам. В марте 1867 года республиканцы снова заняли Сакатекас и расстреляли несколько десятков австрийских и бельгийских добровольцев.

В ноябре 1866 года госсекретарь США Сьюард снова в жесткой форме потребовал от Франции немедленно начать вывод войск из Мексики. Перед лицом германской угрозы Наполеон дал в январе 1867 года Базену соответствующее указание. Базен стал немедленно распродавать награбленное французами имущество и даже предложил республиканскому генералу Порфирио Диасу передать в его руки Максимилиана. Покидая Мексику, Базен в своем воззвании от 3 февраля 1867 года лицемерно заявлял: «Все наши усилия были направлены на утверждение внутреннего спокойствия (Мексики). Будьте уверены в том, что... наша миссия не имела другой цели и что никогда целью Франции не было навязывание вам какого бы то ни было правительства, противоречащего вашим желаниям». В середине марта 1867 года последний французский солдат покинул мексиканскую землю. От ран и болезней французы потеряли более 20% своей армии.

Максимилиан опять подумывал об отречении. Но его родственники в далекой Вене, включая мать, требовали, чтобы он не уронил честь Габсбургов. Тогда император сам возглавил остатки своей армии (около 20 тысяч человек) в городе Керетаро.⁴³ Там его вскоре окружили вчетверо более сильные республиканские войска во главе с генералом Эскобедо. 71 день Максимилиан выдерживал осаду. Один из его генералов Маркес с конным отрядом в 1200 человек даже пробился из Керетаро к Мехико, чтобы набрать новую армию. Максимилиан приказал ему привезти из столицы хорошего бургундского вина и французских романов.

В Мехико Маркес собрал иностранных предпринимателей и посланников и потребовал немедленно заплатить ему «военный кредит». В обмен генерал обещал квитанции в счет будущих доходов таможни Веракруса. Естественно, никто не поверил, что империя сможет долго удерживать этот стратегически важный пост. Ведь республиканские отряды регулярно задерживали даже дипломатических курьеров, спешивших из Мехико в Веракрус и обратно, и отбирали у них все интересовавшие их бумаги. Прусского посланника, попы-

⁴³ Ruiz R.E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 254

тавшегося протестовать против фактического грабежа дипломатов со стороны Маркеса, недолго думая, посадили в тюрьму. Наместник Максимилиана в столице ограбил католические храмы, вывезя оттуда серебряные предметы культа.

Наконец Маркес действительно набрал около 4 тысяч человек, но отправился не к Керетаро, а в Веракрус, чтобы захватить таможенные сборы. Однако при все той же Пуэбле он был разбит республиканским генералом Порфирио Диасом, войска которого осадили Мехико.

15 мая 1867 года республиканцы, используя предательство одного из офицеров Максимилиана, ворвались в Керетаро. Максимилиан вручил Эскобедо свою шпагу. Он был абсолютно спокоен, так как просто не мог поверить, что мексиканцы осмелятся казнить европейского принца крови. Несостоявшийся император мечтал о скорой поездке в Бразилию, куда его пригласил тамошний император дон Педро. К тому же Максимилиан уверял, что еще в марте отрекся от престола, но его наместник Маркес в Мехико почему-то не опубликовал этот декрет.

Хуарес приказал отдать Максимилиана, Мирамона и еще одного генерала, Мехию, под суд, который продолжался три дня.⁴⁴ Трое судей из семи (всем членам суда было не более 30 лет) высказались за смертный приговор, еще трое – за высылку Максимилиана из Мексики. Председатель суда подполковник Платон Санчес решил судьбу Максимилиана, высказавшись за расстрел. В вину Максимилиану вменялся прежде всего пресловутый «черный закон». Максимилиан на самом судебном заседании не присутствовал, так как был болен. Перед посетившими его дипломатами он яростно ругал Наполеона и утверждал, что его сокровенной мечтой является служба в прусской армии, когда она начнет войну с Францией.

Хуареса засыпали просьбами о помиловании со всего мира. Но президент республики утвердил приговор. Он прекрасно помнил, что мягкость по отношению к консерваторам после войны 1857–1860 года привела лишь к новой войне, усугубленной интервенцией. Президент хотел, наконец, спокойствия для своей страны. Он понимал, что казнь Максимилиана раз и навсегда отобьет у иностранных государств желание вторгаться в Мексику. В этом он не ошибся. Хуарес писал: «Казнь Максимилиана и предателей послужит назидательным примером всем врагам нашей независимости. Это гуманный акт, который поможет сберечь кровь наших граждан. Мы боролись за независимость Мексики, и необходимо, чтобы это стало действительностью!»⁴⁵ К тому же некоторые генералы-республиканцы, прежде всего Порфирио Диас, войска которого осаждали Мехико, пригрозили Хуаресу мятежом, если он помилует Максимилиана.

⁴⁴ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 204

⁴⁵ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 206

19 июня 1867 года Максимилиан, Мехия и Мирамон были расстреляны недалеко от Керетаро на Холме колоколов. Вся страна ликовала. 30 июня 1867 года Наполеон вместе с турецким султаном участвовал в одном из мероприятий в рамках Международной выставки в Париже, когда ему сообщили о смерти Максимилиана. Он не счел эту весть достаточным поводом, чтобы прервать приятную светскую беседу.

Русскому послу в Париже Будбергу Наполеон заявил: беда Максимилиана была в том, что тот не слушал добрых советов императора французов.⁴⁶

Когда в 1870 году армия Наполеона во главе с маршалом Базеном позорно капитулировала перед пруссаками (за предательство Базен был позднее осужден на каторжные работы), Хуарес подчеркивал, что сочувствует Франции и ее «несчастному народу», который мексиканцы «никогда не смешивали с подлым правительством Бонапарта». «И если презренный Базен, достойный слуга своего не менее презренного императора, пожелает с пользой провести свой тюремный досуг, который он заслужил своим одиозным предательством, то он сможет со знанием дела просветить своих соотечественников относительно необходимости партизанского движения, борющегося за независимость своей родины».

Для помощи провозглашенной в Париже республике был сформирован добровольческий Мексиканский легион. Тем временем парижские коммунары расстреляли банкира Жеккера, из-за которого и началась в 1861 году французская интервенция в Мексику. Те же коммунары послали в подарок Хуаресу ящик изысканных вин из дворца Наполеона с запиской: «Вполне естественно, чтобы Вы, имевший честь первым нанести заслуженный удар торговому дому «Бонапарт и компания», воспользовались некоторым ее имуществом теперь, когда эта компания ликвидируется с молотка».⁴⁷ Бывший главнокомандующий французскими войсками в Мексике Форей сошел с ума, не вынеся катастрофы своей армии в 1870 году. Скоропостижно умер, узнав о пленении Наполеона пруссаками, бывший глава марионеточного правительства Мексики генерал Альмонте.

Так закончилась французская интервенция в Мексике, которую Наполеон когда-то возвышенно окрестил «великой мыслью царствования».

Но вернемся в Мексику 1867 года, где Маркес в Мехико пытался всеми силами скрыть от населения казнь Максимилиана. 15 июня 1867 года он даже организовал в столице благодарственный крестный ход, так как императору якобы удалось прорвать блокаду Керетаро. Но это уже была агония. 21 июня 1867 года войска генерала Порфирио Диаса вступили в Мехико. К удивлению иностранных дипломатов, они вели себя очень корректно. Был расстрелян только известный своей жестокостью генерал-консерватор

⁴⁶ Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969. С. 278

⁴⁷ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 218

Видаурри. Переодетому погонщиком мулов Маркесу удалось незамеченным бежать из Мехико, и он перебрался на Кубу (тогда еще испанскую колонию), где занялся ростовщичеством.

3 июля 1867 года в своей черной карете в Мехико под торжественные овации населения скромно вернулся законный президент. Хуарес вышел на балкон президентского дворца и на глазах тысяч ликующих людей достал из кармана поношенного сюртука сверток. Он развернул национальный флаг Мексики, тот самый, который увез из столицы четырем годами раньше. Пожалуй, на тот момент Хуарес был едва ли не самым популярным человеком в мире. В Аргентине в его честь назвали город, в других латиноамериканских странах выпустили памятные медали. Еще бы – слабая Мексика одолела сильнейшую армию того времени. Хуареса очень любили в Италии (как и Гарибальди в Мексике). В 1883 году никому не известный итальянский кузнец Муссолини назвал своего сына в честь Хуареса – Бенито.

Изгнанием французом и крушением «империи» началась современная история Мексики. Партия консерваторов была идейно дискредитирована сотрудничеством с оккупантами, и все мексиканцы как один стали либералами. В следующий раз консерваторы смогут вернуться к власти в стране лишь в 2000 году. После десяти лет кровопролитной борьбы либералы могли наконец вплотную заняться переустройством страны. За 10 лет гражданской войны и иностранной интервенции погибли 300 тысяч мексиканцев.⁴⁸

Хуарес немедленно назначил в стране президентские выборы и легко их выиграл, победив генерала Порфирио Диаса. Формально Хуарес становился главой государства уже в третий раз, но тогда это не вызвало протестов.⁴⁹ Все понимали, что предыдущие два срока президенту в основном пришлось воевать, а не править.

Период 1867–1876 годов, получивший в мексиканской истории название «Восстановленная республика», пожалуй, самая малоосвещенная страница летописи страны. Позднее диктатор Порфирио Диас за свое долгое правление сделал все, чтобы представить потомству это время как бесконечную череду беспорядков на фоне экономической разрухи. На самом деле все было далеко не так.

Несмотря на блестящий военный успех, внутри- и внешнеполитическое положение Мексики было крайне тяжелым. Отказ признать долги Максимилиана и расстрел последнего привели к дипломатической изоляции республики в Европе. Тем более что министр иностранных дел в правительстве Хуареса Себастьян Лердо де Техада (брат автора «закона Лердо») объявил, что Мексика не будет поддерживать отношения с теми странами,

⁴⁸ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 254

⁴⁹ По Конституции глава государства мог избираться только на два срока.

которые признали империю. Непросто складывались и внешне дружественные американо-мексиканские отношения. Приехав с визитом в Мехико в 1869 году, госсекретарь Сьюард назвал Хуареса самым выдающимся государственным деятелем, с которым ему доводилось встречаться. Но одновременно США жестко настаивали на выплате ущерба, понесенного их гражданами во время гражданской войны и интервенции в Мексике. Хуаресу удалось на время сбить остроту проблемы, согласившись на создание двусторонней комиссии по данному вопросу.

Однако внешнеполитические сложности меркли на фоне внутреннего состояния Мексики. Назначенный министром финансов Ромеро (в годы интервенции представлявший интересы республики в США) впоследствии говорил, что во время третьего президентства Хуареса в казне почти никогда не было ни песо.

Хуарес, которого десятилетняя война заставила пересмотреть многие либеральные догмы, поставил задачу привлечь иностранный капитал и развить с его помощью горнорудную промышленность. А для этого требовалось навести в стране элементарный порядок и централизовать власть. Собственно, это было коренной ревизией либерального мировоззрения. Ведь если консерваторы всегда выступали за унитарную республику, то именно либералы защищали права штатов и муниципалитетов. Однако Хуарес понимал, что в условиях тогдашней Мексики с ее неграмотным населением выборы в штатах зачастую являются фикцией. В каждом штате был свой «сильный человек», как правило, выдвинувшийся в годы войны. Ему, а не центральному правительству, подчинялись расквартированные в этом штате войска, и с их помощью он «проводил» выборы. Поэтому Хуарес поставил перед собой две задачи – одну ближайшую и одну перспективную. Прежде всего необходимо было усилить власть центрального правительства на местах, демобилизовать армию и нейтрализовать местных военных вождей. В долгосрочном плане требовалось срочно создавать в стране систему всеобщего образования.

Мексиканская армия в 1867 году была самой большой в истории страны и насчитывала более 60 тысяч человек. Старую регулярную армию распустили, так как она воевала в гражданской войне на стороне консерваторов. Новая же армия представляла конгломерат партизанских отрядов с многочисленными генералами – вождями отдельных областей, которые присваивали эти звания сами себе. И солдаты, и офицеры во время войны годами не получали жалования.

Только Хуарес с его непререкаемым авторитетом смог пойти на радикальный и непопулярный шаг. Поскольку на армию шло до 80% всего бюджета, он одним решением сократил вооруженные силы до 18 тысяч человек.⁵⁰

⁵⁰ Гонсальбо П. Э. и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 173

Немедленно вспыхнуло несколько мятежей недовольных «каудильос» (так в Мексике называли вождей всевозможных вооруженных отрядов). Однако они были быстро и легко подавлены – люди устали от бесконечной войны. Следует отметить, что адвокат Хуарес, будучи человеком пера, а не шпаги, всегда считал милитаризм наряду с католической церковью основным тормозом прогресса в Мексике. Поэтому военная реформа полностью отвечала его взглядам, в соответствии с которыми он сформировал после изгнания французов чисто гражданское правительство. Многие герои революционных войск, однако, чувствовали себя обойденными.

Главой «военной оппозиции» был самый популярный генерал республики и освободитель Мехико Порфирио Диас. Но пока он не решался оспаривать авторитет Хуареса. Диас стал депутатом Конгресса, но оратором он был плохим. Однажды, выступая с трибуны парламента и описывая страдания демобилизованных солдат, генерал запутался в словах и неожиданно зарыдал. Потрясенные депутаты не знали, плакать им или смеяться.

Уже в 1867 году Хуарес предпринял попытку обуздать самостоятельность штатов и несколько урезать широкие полномочия Конгресса. Он предложил несколько поправок к Конституции, главными из которых были учреждение Сената (призванного, по замыслу Хуареса, уравновесить Конгресс) и предоставление президенту права отвергать любой законопроект Конгресса. Президентское вето по американскому образцу Конгресс мог бы преодолеть только двумя третями голосов. Однако президента ждала неудача. Долгая борьба за права штатов, которую вели либералы, сыграла с ними же дурную шутку. Вся пресса подвергла Хуареса критике за диктаторские замашки, и он вынужден был сам снять с обсуждения поправки к Конституции. Народ на референдуме отверг поправки Хуареса.

Необходимо отметить, что при Хуаресе Конгресс и пресса пользовались невиданной ни до, ни после свободой. И свободу они использовали в основном для критики президента.

В целом попытка консолидации государственной власти Хуаресу не удалась. Централизм был принесен в жертву демократическим свободам.

Президента подвергали критике и за то, что он фактически прекратил преследование церкви. Конгресс обвинил его в предательстве идеалов революции, хотя формально все антиклерикальные законы остались в силе. Политика по отношению к церкви была всего лишь частью курса Хуареса на национальное примирение. Сразу же после избрания президентом в 1867 году он смягчил сроки наказания для многих деятелей времен империи. В 1870 году последовала полная амнистия, позволившая многим эмигрантам вернуться на родину. И эти меры встретили жесткую критику многих соратников Хуареса по либеральной партии.

После окончания войны Мексику захлестнула волна вооруженного бандитизма. Массы демобилизованных не могли найти никакого применения

в разрушенной экономике. Наряду с обычными уголовными бандами в Мексике было и много «робин гудов», которые грабили богатых и отдавали часть добычи беднякам. Эти люди пользовались огромной популярностью среди местного населения. Еще более популярными были грабежи иностранцев, которых ненавидели после интервенции, независимо от их национальности. Только в окрестностях города Гвадалахары действовали свыше тысячи вооруженных бандитов. При такой ситуации ни о каких иностранных инвестициях не могло быть и речи.

Так как на армию с ее полупартизанским характером рассчитывать особо не приходилось, Хуарес еще в 1861 году создал особые отряды сельской конной полиции – «руралес» (в буквальном переводе «сельские»). Им старались регулярно платить и насаждали среди них элитный дух. Подчинены были эти полицейские не министерству обороны, а ведомству внутренних дел. Однако с течением времени в эти отряды проникло много бывших бандитов, а после смерти Хуареса «руралес» превратились в карательные отряды, защищавшие местных помещиков от недовольных крестьян.

Сразу же после победы над французами Хуарес учредил специальную комиссию во главе с известным врачом Габино Барредой. Этот орган должен был заняться реформой системы образования, которой фактически не существовало. Церковные школы были запрещены, а светские еще не созданы. Барреда учился во Франции и был сторонником модной в то время философии позитивизма Огюста Конта. Это идейное течение стремилось устроить жизнь общества методами точных естественных наук. Не случайно в разработанной Барредой школьной программе упор делался на математику, физику, химию и изучение практической профессии. Гуманитарным наукам отводилось подчиненное место.

Впервые в истории Мексики начальное образование было провозглашено бесплатным и обязательным. В каждом населенном пункте с числом жителей более 500 человек должна была быть создана одна школа для мальчиков и одна для девочек. На каждые новые две тысячи жителей предполагалось построить две дополнительные школы. Несмотря на крайне ограниченные бюджетные средства, в Мексике развернулось невиданное по масштабам строительство школ. Если в 1857 году их было около 2500, то в 1870 – более 4500. С 1870-го по 1874 год количество школ удвоилось.⁵¹ В них учились 349 тысяч учеников, 77 тысяч из них – девочки.

Однако количество школьников росло не так быстро, как хотелось бы Хуаресу, причем отнюдь не из-за недостатка школьных зданий. Подавляющее большинство населения жило в нищете, и дети с малых лет помогали родителям сводить концы с концами. Им было не до образования.

⁵¹ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 54

Экономическая политика Хуареса, которую осуществлял на практике его министр финансов Ромеро, так и не смогла преодолеть узости либеральной доктрины. По-прежнему активно проводился в жизнь «закон Лердо», и всё новые и новые общины индейцев теряли землю и превращались в арендаторов в крупных помещичьих хозяйствах – асиендах. Священное преклонение перед частной собственностью не позволило либеральному правительству провести аграрную реформу. Сам Хуарес, правда, стремился, чтобы земли церкви и предателей-консерваторов достались мелким собственникам. Но на практике это было почти невозможно, так как конфискованное имущество продавалось с аукционов, а помещики могли предложить лучшую цену, чем крестьяне-индейцы.

К тому же большинство помещиков «новой формации», обогатившихся на распродажах церковного имущества, являлись бывшими генералами армии либералов. На их стороне был не только закон, но и грубая военная сила. В стране стала складываться взрывоопасная ситуация. Все больше и больше крестьян превращалось в пеонов, а Конгресс (где численно преобладали как раз либеральные нувориши) активно блокировал любые попытки Хуареса улучшить положение должговых рабов. В частности, в 1868 году депутат парламента Хулио Сарате при поддержке президента предложил запретить частные тюрьмы помещиков, в которых пеонов подвергали телесным наказаниям за малейшую провинность, а также запретить переход долга с родителей на детей. Однако Конгресс не стал даже обсуждать эти законопроекты, заявив, что это не входит в его компетенцию.⁵²

С другой стороны, Хуарес, опять же находясь под влиянием либеральных предрассудков, так и не провел в стране программу распределения среди малоземельных крестьян пустующих государственных земель. А ведь именно так вышли из острого социального кризиса США после гражданской войны. В Мексике же все государственные земли резервировались для европейских переселенцев, которые должны были собственным примером научить отсталых индейцев передовым методам агротехники. Беда была лишь в том, что из Европы в Мексику особо никто не стремился. В 1876 году в Мексике проживали только 25 тысяч человек, родившихся за рубежом, и большинство из них занимались торговлей в крупных городах.

Либеральная партия, активно боровшаяся против любых пережитков феодализма, давно стремилась отменить в стране внутренние таможенные сборы – алькабалу. Однако хронический дефицит бюджета так и не позволил Хуаресу осуществить это. Весьма робкими оказались и попытки сделать более справедливым внутреннее налогообложение. В Мексике и пеон, и помещик платили государству примерно одинаковую сумму, эквивалентную заработку за 6–12 дней. Однако когда Хуарес попытался ввести пропорцио-

⁵² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 57

нальную шкалу налогообложения, его опять стали упрекать в создании неравных условий для граждан. Пришлось просто отменить налог для тех, кто получал менее 26 сентаво в день (1 песо равняется 100 сентаво).

Хуарес прекрасно понимал, что как для роста экономики, так и для централизации страны необходимо развивать сеть железных дорог, прежде всего между столицей и крупными портами. Дорогу от Веракруса к Мехико начали строить еще в 1837 году, но бесконечные войны и сильно пересеченный рельеф местности задерживали ввод магистрали в строй. В 1860 году в США находилось в эксплуатации 30 000 миль железнодорожных путей, а в Мексике – 150 миль.⁵³ Дорога от Мехико до Гвадалахары протяженностью примерно в 425 миль занимала более недели, и то при условии сухой погоды. Во времена империи концессию на строительство железной дороги Мехико – Веракрус получили англичане. Возмущению многих не было предела, когда после войны Хуарес в нарушение закона, требовавшего конфискации имущества всех коллаборационистов, сохранил концессию за английской компанией. Причем к 1867 году фирма обанкротилась, и правительство Хуареса согласилось платить ей годовую субсидию в 560 тысяч песо в течение 25 лет. Газеты наперебой стали обвинять Хуареса в поддержке империалистов за государственный счет. К тому же одним из главных акционеров компании был некий Антонио Эскандон, который входил в состав мексиканской делегации, пригласившей Максимилиана на царство. Однако для Хуареса железная дорога была превыше всего, и ее строительство стало быстро завершаться. Английские инженеры совершали чудеса, строя мосты через глубокие ущелья. Аналогов таким сооружениям не имелось даже в США.

Внутреннее положение правительства Хуареса с каждым годом осложнялось из-за роста крестьянских протестов против засилья либеральных помещиков. Но эти помещики являлись одним из двух столпов республики. Вторым был мелкий средний класс – государственные служащие, офицеры, учителя, адвокаты и т.д. Крестьяне либералами воспринимались как инертная консервативная сила, среди которой широко распространены религиозные предрассудки. Неудивительно, что к концу третьего президентского срока Хуареса страну захлестнула волна крестьянских выступлений.

На юге страны, где индейцы составляли большинство населения, движение зачастую носило религиозные формы. В 1869 году подняла восстание мексиканская Жанна д'Арк – простая крестьянская девушка Августина Гомес Чечеп, объявившая себя новой спасительницей человечества.⁵⁴

В 1868 году рядом со столицей стали действовать «бешеные социалисты» (терминология мексиканской прессы того времени), последователи учения некоего Плотино Родаканати, который именовал Христа «божественным со-

⁵³ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 405

⁵⁴ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 59

циалистом человечества». Основным требованием повстанцев был раздел помещичьих земель. «Мы хотим социализма, мы хотим разрушить нынешнее злое государство эксплуататоров... Мы хотим мирно обрабатывать собственную землю». ⁵⁵

Ирония состояла в том, что оппозиция считала социалистом и индейца Хуареса. А тот особенно и не отказывался от этого титула. Во время одного из выступлений в Конгрессе он сказал: «Мы должны так организовать нашу жизнь, чтобы удовлетворить все потребности крестьянина, производящего основные богатства страны. Наш долг позаботиться, чтобы трудящийся имел просторный дом, школу для своих детей и был застрахован на случай болезни и безработицы. Мне скажут, что это социализм. Что ж, это слово меня не пугает. Социализм – естественное стремление улучшить условия и свободное развитие физических и моральных качеств человека. Каждому по его способностям, по его делам, по его знаниям. Тогда исчезнут привилегированные классы и несправедливые преимущества». ⁵⁶ В библиотеке президента был «Манифест коммунистической партии» Карла Маркса.

Однако адвокат Хуарес был сторонником эволюционного развития общества и не мог принять любые насильственные попытки передела собственности. Поэтому он посылал войска и «руралес» против повстанцев. Но не везде правительственным войскам сопутствовал успех. Индейцы майя укрепились в труднодоступных джунглях Юкатана и создали там собственное государство, продержавшееся до 1901 года. Они покупали оружие в соседнем британском Гондурасе и предпринимали вылазки в сопредельные мексиканские штаты.

На севере Мексики, теснимые американскими поселенцами, появились апачи. Они угоняли скот местных помещиков и делали ведение сельского хозяйства почти невозможным. За время войн с апачами в конце XIX века погибли не менее 15 тысяч жителей страны. Не надеясь на армию, владельцы асиенд вооружали своих пастухов и рабочих, и вскоре в северных штатах страны возникли целые военные поселения. Именно эти люди впоследствии станут самыми боеспособными отрядами мексиканской революции.

Хуарес чувствовал: для того, чтобы его реформы принесли осязаемые результаты, ему необходим новый президентский срок. В 1871 году он выдвинул свою кандидатуру в четвертый раз. Но теперь даже внутри его собственной партии этот шаг натолкнулся на резкую критику. Соперником Хуареса помимо все того же Диаса стал ближайший соратник президента, министр иностранных дел Себастьян Лердо де Техада. Хуареса как действующего президента по традиции поддерживали все представители власти, а также многие индейцы, по-прежнему считавшие «дона Бенито» своим. Интеллектуал

⁵⁵ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 58

⁵⁶ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 211–212

Лердо был популярен среди лиц свободных профессий и образованного класса в целом. К тому же он был креолом без всякой примеси индейской крови, и многие считали, что при нем точно не будет никаких социальных экспериментов. За Диасом шли все недовольные, включая бывших консерваторов, и он был единственным по-настоящему оппозиционным кандидатом.

Выборы не принесли абсолютного большинства голосов ни одному из кандидатов, хотя Хуарес занял первое место. По конституции, в этом случае президента из трех кандидатов выбирал Конгресс. Там у Хуареса было прочное большинство, и он стал главой государства в четвертый раз. Лердо заявил о признании результатов голосования.

А вот Диас 8 ноября 1871 года поднял открытый мятеж. Он выступил с «планом Ла Нория» (так называлось поместье генерала). Сердцевиной программы мятежников было требование запретить президенту страны занимать этот пост более одного срока подряд. «Нашим знаменем будет Конституция 1857 года, а программой нашего правительства: больше свободы и меньше администрирования».⁵⁷ Брат Порфирио Феликс, по прозвищу Курносый, быстро установил контроль над Оахакой, родным штатом и Диасов, и Хуареса. В этом штате, где генерал Диас успешно воевал в годы интервенции, к мятежникам присоединились даже федеральные войска. На севере страны Диаса поддержал другой генерал, Тревиньо, собравший несколько тысяч человек и захвативший крупные районы северных штатов. Сам дон Порфирио во главе тысячи бойцов пока достиг предместий Мехико и призвал столичных жителей к всеобщему восстанию. Однако те остались равнодушными. Войска Хуареса легко отогнали мятежного генерала от столицы. В это же время в Оахаке был убит Феликс Диас. И оставшиеся без лидера мятежники разбежались.

В то время как мятеж Диаса разваливался (сам генерал скрывался в горах у индейских племен), неожиданно умер Хуарес. Президент в последние годы часто болел – сказывались тяготы походной жизни в период бесконечных войн. В 1870 году он перенес инсульт. 2 января 1871 года в возрасте 44 лет скончалась любимая жена президента донья Маргарита, и он очень тяжело переживал эту утрату. 18 июля 1872 года Хуарес принимал в своем дворце приемных детей – сирот, родители которых погибли в годы интервенции. Они содержались в специальном приюте, который президент республики оплачивал из своего скромного жалованья. Неожиданно Хуарес почувствовал удушье, и сердечный приступ унес его жизнь в ту же полночь. Вся страна вне зависимости от политических убеждений испытывала глубокую и искреннюю скорбь. Ее выразил даже Диас. 23 июля 1872 года президента-индейца хоронила вся столица.⁵⁸

⁵⁷ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 410

⁵⁸ Лаврецкий И. Р. Хуарес. М., 1969. С. 218–220

Временным президентом страны стал бывший соперник Хуареса на выборах Лердо, который занимал должность председателя верховного суда республики. Хотя он мог занимать высший пост в течение четырех лет, Лердо немедленно объявил новые выборы и легко победил на них Порфирио Диаса. Всем участникам мятежа Диаса была предложена амнистия. Правда, при условии лишения генерала всех званий и орденов. Диас скрепя сердце согласился и удалился в свое поместье, где занялся любимым делом – стал столярничать. Например, он смастерил кресло-качалку с автоматическим опухалом.

Лердо был, пожалуй, самым нетипичным и одним из самых профессионально подготовленных президентов Мексики. Правда, стараниями Диаса период нахождения его соперника у власти был вычеркнут из истории страны, и до сих пор о Лердо мало что знают даже мексиканцы.

Себастьян Лердо де Техада, родившийся в 1823 году, был не генералом или помещиком, а ученым, долгие годы возглавлявшим столичный университет. Блестящий и талантливый оратор, он абсолютно не искал популярности и не старался угодить ведущим политическим группировкам страны. Еще больше, чем Хуареса, Лердо заботило безусловное выполнение законов, и он еще меньше, чем его предшественник, был склонен идти на компромиссы. Именно поэтому стараниями его политических противников и желтой прессы за Лердо закрепилась репутация надменного интеллектуала, не способного по-настоящему понять душу Мексики. Как и любого талантливого человека, его боялись и ненавидели. К тому же Лердо был неподкупен.

Лердо продолжил политику Хуареса и сохранил в правительстве основных министров своего предшественника. Поначалу ему удавалось многое. В частности, он все-таки добился учреждения сената. Если уставший от войны Хуарес предпочитал договариваться с «каудильос» в обмен на номинальную лояльность, то Лердо посылал против местных вождей войска. В частности, ему удалось разбить «тигра Алики» Мануэля Лосаду, контролировавшего горную местность, в честь которой он и получил свое прозвище. В годы интервенции Лосада, как батька Махно в России, поддерживал то империю, то республику. Он вел дела с иностранными предпринимателями и одновременно раздавал помещичьи земли индейским деревням. В 1873 году Лосада был убит, и многие земли снова вернулись к помещикам. Ведь этого, по мнению Лердо, требовал закон.

Новый президент опять ужесточил политику по отношению к церкви. Он изгнал из страны всех иезуитов-иностранцев и включил все основные антиклерикальные законы в конституцию.

Во внешней политике Лердо стремился восстановить дипломатические отношения с европейскими странами, чтобы избежать зависимости Мексики от США. Он активно раздавал железнодорожные концессии англичанам, причем требовал строительства дорог с запада на восток, чтобы

соединить мексиканские порты Атлантического и Тихого океанов. В то же время Лердо всячески противился строительству дорог с юга на север, к американской границе. Он говорил, что «пустыня [имелись в виду засушливые и малонаселенные северные штаты Мексики] разделяет силу и слабость». Чтобы бороться с североамериканскими контрабандистами, Лердо основал мексиканскую береговую охрану, закупив для нее четыре судна. Это стало началом создания военно-морских сил республики.

Лердо стремился соединить столицу со всеми главными городами штатов телеграфом. Во время его короткого президентства было проложено 1600 миль новых телеграфных линий.

1 января 1873 года президент торжественно открыл железную дорогу Веракрус – Мехико, которая существенно ускорила экономическое развитие страны. Под давлением крупных помещиков с севера, стремившихся экспортировать в США скот и мясо, Лердо все же дал концессию на строительство железной дороги к американской границе, но по стратегическим соображениям поручил этот проект компании, составленной только из мексиканцев и англичан. Тем, к сожалению, не удалось собрать достаточный капитал, и правительство согласилось субсидировать строительство. Это сразу же принесло Лердо обвинения в коррупции и фаворитизме со стороны СМИ, хотя в то время государственное субсидирование железных дорог было широко распространено. В частности, тот же Лердо платил американским компаниям по 12 500 песо за каждую милю проложенной железной дороги на перешейке Теуантепек.⁵⁹

В январе 1876 года Лердо заявил о намерении баллотироваться на новый срок. Конституция Мексики этого не запрещала. Но Диас, еще больше опасавшийся Лердо, чем в свое время Хуареса, не мог оставить власть в руках интеллектуала-технократа.

Желания Диаса и американцев совпадали. В Вашингтоне правительство Лердо считали крайне недружественным к американскому капиталу. И на то были все основания. В 1875 году Лердо отказался от всех ранее предоставленных гражданам США концессий на прокладку железных дорог в северных районах страны. Таким же отказом президент Мексики ответил и на предложение Вашингтона заключить торговый договор, по которому американские товары освобождались бы от всех пошлин при ввозе в Мексику. Наконец, США в угрожающем тоне требовали предоставить их войскам право преследовать на мексиканской территории контрабандистов и бандитов, которые якобы угоняли в Мексику скот американских фермеров. Причем наглость американского правительства зашла настолько далеко, что оно потребовало отозвать командующего мексиканскими войсками на границе генерала Кортину и наказать его за покровительство контрабандистам. Ни одно более

⁵⁹ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 412

или менее суверенное правительство не могло удовлетворить подобные притязания. Но в США Мексику суверенной и не считали. Бывший президент США Грант в ходе турне по Европе открыто назвал Мексику «протекторатом США».

На пике американо-мексиканской конфронтации в декабре 1875 года в США появился опальный генерал Диас, который нанес визит в Новый Орлеан, а потом обосновался в приграничном техасском городке Браунсвилль. Там он встретился с ведущими бизнесменами юго-западного Техаса Стилманом, Кеннеди и Кингом.⁶⁰ Те предложили деньги на организацию свержения Лердо, потребовав в обмен железнодорожных концессий, выплаты ущерба, понесенного в ходе гражданской войны и интервенции, а также наведения порядка на границе. Кеннеди и Стилман давно работали в Мексике. В ходе мексиканско-американской войны они занимались снабжением оккупационной армии. Некоторые конгрессмены (прежде всего Густав Шлейхер) от Техаса надеялись, что в ходе очередных беспорядков в Мексике им удастся отколоть север страны и создать там марионеточную республику, которая по образцу Техаса присоединится к США.

Диаса эти тонкости мало волновали. Он пообещал удовлетворить все требования американцев.

15 января 1876 года генерал Фиденсио Эрнандес провозгласил в Пуэбле «план Тустепек», предусматривавший свержение Лердо и передачу власти Диасу. В марте 1876 года по просьбе Диаса военные подняли мятеж в штате Оахака и поддержали «план Тустепек». Его квинтэссенцией опять было требование ограничения президентской власти одним сроком. Причем на этот раз Диас предложил ввести такой же порядок и для штатов, что принесло ему широкую поддержку местных элит. Ведь во многих штатах страны власть десятилетиями находилась в руках влиятельных семей военных командиров или помещиков (часто это были одни и те же люди). Представители среднего служилого класса увидели в программе Диаса возможность добраться наконец до рычагов государственной власти.

Поначалу новый мятеж Диаса развивался еще более неудачно, чем предыдущий. Войска Лердо легко разгромили путчистов в Оахаке. В местечке Икамоле правительственные силы разбили и самого Диаса. Глава мятежников прекрасно понимал, что если он срочно не получит из США деньги и оружие, то мятеж провалится. Но понимал Диас и то, что, поскольку мексиканская казна пуста, Лердо не выдержит длительных боевых действий, да и денег от США несговорчивый мексиканский президент уж точно не дождетсЯ. Тем не менее мятежу срочно требовалось второе дыхание в виде солидной финансовой подпитки.

⁶⁰ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 107

На следующий день после провозглашения «плана Тустепек» ведущие железнодорожные магнаты юго-запада США встретились в городке Кингсбери (Техас). Они решили поддержать Диаса в обмен на его обещание разрешить прокладку железной дороги к американо-мексиканской границе. Таким путем американские торговцы намеревались нанести серьезный удар по европейским конкурентам, которые использовали мексиканские порты для экспорта товаров в Мексику.

Диас дал честное слово, что помимо концессий уберет с границы генерала Кортину, и немедленно получил 40 тысяч долларов, на которые тут же закупил оружие и боеприпасы. В марте 1876 года ему доставили 500 винтовок и 250 тысяч патронов. 17 апреля на деньги бизнесменов Браунсвиля было дополнительно закуплено 510 винтовок, 350 карабинов, 382 тысячи патронов, а также вагоны, мулы, униформа и провиант.⁶¹ Позднее Диас получил несколько партий вооружения через Новый Орлеан.

Техасские газеты выражали полную поддержку «смелому мексиканскому генералу». Торговые партнеры техасцев в Мехико оказывали финансовую помощь мятежникам южнее столицы и передавали корреспонденцию между разрозненными отрядами путчистов.

Столь активная помощь США заставила многих колеблющихся мексиканских генералов примкнуть к Диасу. Сам он осмелел настолько, что 1 апреля решился наконец перейти границу со своим отрядом из 1500 повстанцев. Примечательно, что половину отряда составляли граждане США. Между тем после протестов мексиканского посланника в Вашингтоне госсекретарь США Гамильтон отдал приказ командующему американскими войсками на границе генералу Орду пресечь деятельность отряда Диаса с территории США. Орд ответил, что такие действия невозможны, поскольку они «нарушат гражданские права мексиканцев».

Тем временем прекрасно экипированные части Диаса медленно продвигались вдоль атлантического побережья к столице. Войска Лердо, не располагавшие современным оружием, ничего не могли им противопоставить. Однако мятежники не пользовались в Мексике особой поддержкой населения. Когда в Тамаулипасе Диас организовал парад 800 национальных гвардейцев, последним было предложено добровольно присоединиться к «борьбе за свободу». Из строя вышли один офицер и два солдата. Многие дезертиры из войск Диаса бежали в США.

Лердо же чувствовал себя настолько сильным, что, несмотря на мятеж, объявил президентские выборы. Он был переизбран. Но неожиданно результаты голосования отказался признать председатель верховного суда Иглесиас, который сам метил на президентский пост. Иглесиаса поддержали

⁶¹ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 122

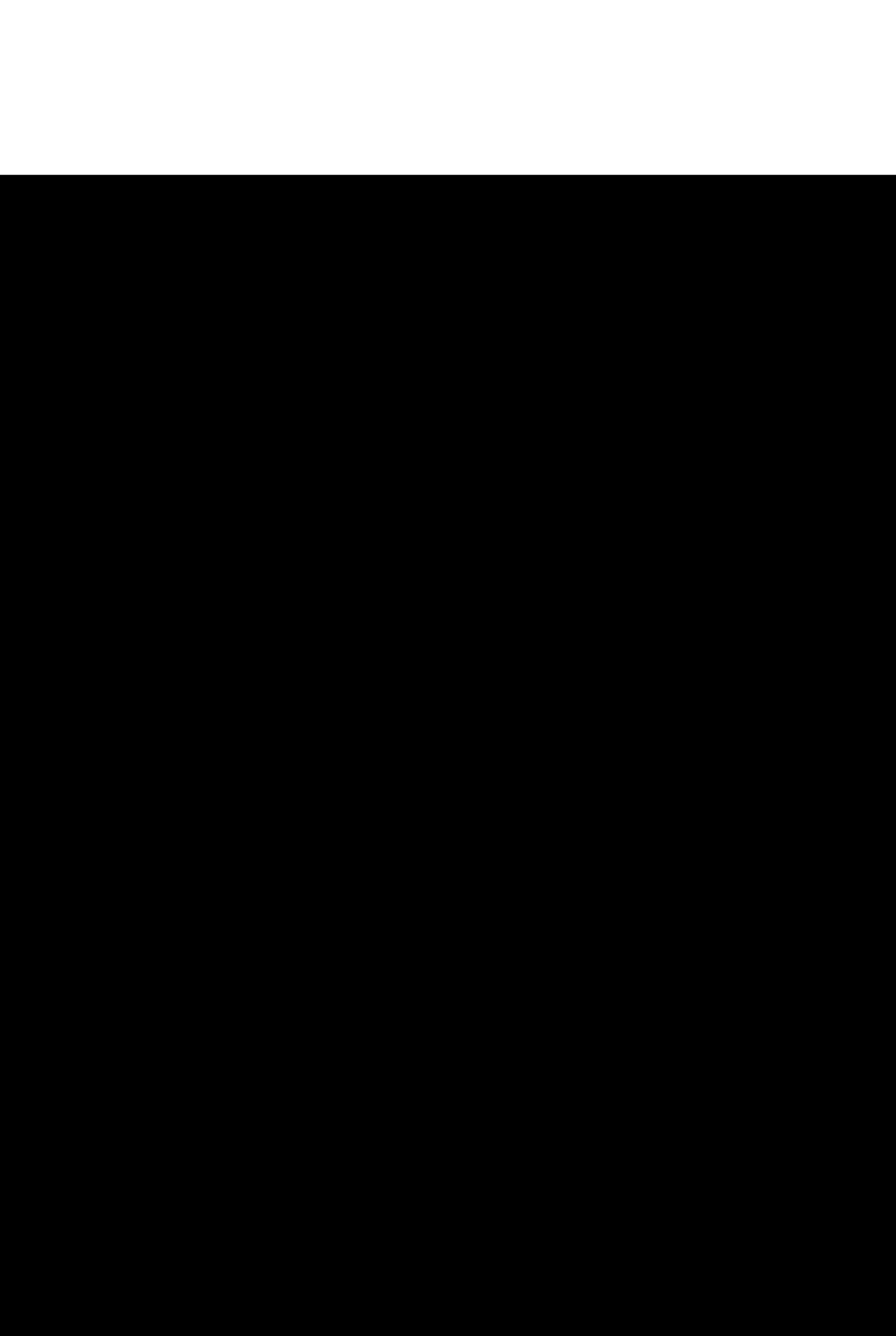
многие депутаты Конгресса и губернаторы некоторых штатов. Это развитие событий вдохнуло в мятеж Диаса новую жизнь, и его отряды нанесли чувствительное поражение правительственным войскам 16 ноября 1876 года.⁶² Однако была разгромлена всего одна, 12-я дивизия регулярной мексиканской армии. У Лердо еще оставались войска, но не было денег. Стратегия войны на измор, примененная Диасом с американской помощью, себя оправдала. Лердо бежал из страны и эмигрировал в США.

Диас предложил Иглесиасу признать его временным президентом в обмен на предоставление ему самому статуса вождя революционной армии. Вторым условием было немедленное объявление новых президентских выборов. Иглесиас переоценил свои силы и отказался. Однако когда войска Диаса двинулись к столице, верные Иглесиасу части просто разбежались. 21 ноября 1876 года Диас занял Мехико. В марте 1877 года состоялись президентские выборы, которые генерал в отсутствие серьезных оппонентов легко выиграл. Никто в Мексике не предполагал, что ему предстояло править страной до 1911 года.

⁶² Meyer M., Sherman W. *The Course of Mexican History*. New York, 1987. P. 414

Глава 2

Жестокая модернизация. Эра Порфирио Диаса

мен на звание адвоката. Много позже в своих воспоминаниях Диас писал: «Моими отличительными качествами были хорошее здоровье, высокий рост, примечательное физическое развитие, огромная подвижность и склонность, желание и возможность заниматься атлетическими упражнениями. Как-то в мои руки попал учебник по гимнастике, наверное, первый, который достиг Оахаки, и он позволил мне соорудить в своем доме импровизированный гимнастический зал».²

До конца жизни Диас практически не читал книг и очень плохо писал по-испански. Его коньком была не грамота – он научился прекрасно разбираться в людях, что и привело обычного метиса в президентское кресло.

В 1855 году Диас бросил юриспруденцию и включился в борьбу либералов против Санта-Анны. Он открыто голосовал против диктатора во время инсценированного последним плебисцита. Губернатор штата запретил Порфирио организовывать отряды национальной гвардии – якобы из-за того, что уроженцы тех мест не были способны к военной карьере. Тогда молодой человек стал формировать воинские части на свой страх и риск и вскоре возглавил либеральные войска в городе Истлан. В декабре 1856 года ему присвоили звание капитана – довольно высокое по тем временам. Бойцы любили его за то, что он воевал нестандартно, постоянно стремясь удерживать наступательную инициативу в своих руках.

В начале гражданской войны, в 1857 году Диас на стороне либералов командовал ротой, составленной из бывшей скотоводов, и в первом же бою получил ранение. Хуарес назначил активного и толкового офицера на стратегический пост – поручил Диасу командование всеми силами либералов в районе перешейка Теуантепек, самой узкой части Мексики между Атлантическим и Тихим океанами. После победы либералов в 1860 году Диас, принявший участие в 12 крупных боях и дослужившийся до звания полковника, впервые покинул свой родной штат. Хуарес говорил: «Диас – это самый выдающийся человек Оахаки».³ А друзья называли его «драчун Диас».

Звезда Диаса ярко засияла в годы борьбы против французов. В судьбоносном сражении при Пуэбле 5 мая 1862 года он отказался повиноваться приказам главкома республиканцев Сарагосы, и инициатива его принесла победу Мексике и звание бригадного генерала ему самому. Сарагоса особо отмечал «предприимчивость и азарт» «гражданина генерала Диаса». После сдачи Пуэблы в 1863 году Диаса назначили командующим Армии Востока, которая вела основные бои с интервентами южнее Мехико, полностью отрезанная от основной массы республиканских войск на севере страны. В марте 1865 года Диас попал во французский плен, но сумел бежать, переодевшись индейцем. Этот дерзкий побег еще больше усилил его популярность в стра-

² Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.9

³ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.15

не. Максимилиан неоднократно предлагал Диасу перейти на его сторону, но тот, прекрасно освоив методы партизанской войны, неизменно отвергал все посулы. Тогда власти империи назначили за голову лучшего республиканского генерала награду в миллион песо.

После побега из плена Диас уже не знал поражений. Во главе сотни деморализованных солдат, с боеприпасами на 15 минут битвы, он нанес поражение при Миатлане вооруженному до зубов отряду, превосходящему его войско по численности вдвое.⁴ В других схватках ему удавалось побеждать с бойцами, вооруженными только мачете, старыми мушкетами и просто кулаками. 2 апреля 1867 года, как уже упоминалось, он одержал победу над войсками Маркеса при Пуэбле и осадил столицу. Правда, защищавшие Мехико солдаты Максимилиана к тому моменту изрядно пали духом, и взятие Пуэблы заняло у Диаса 15 минут. Позднее, уже в годы его президентства, этот успех был раздут официальной пропагандой до масштабов побед Юлия Цезаря.

Когда Хуарес триумфально вступил в Мехико, его встретила сооруженная по приказу Диаса триумфальная арка, увенчанная Богиней мира. В отличие от скромного Хуареса, Диас и тогда, и позже всегда понимал значение пышных церемоний для укрепления престижа власти. Генерал устроил для президента парад своей 35-тысячной армии и вручил ему прошение об отставке. Теперь Диас решил всерьез заняться политикой. В то время он был, несомненно, вторым по популярности человеком в стране после Хуареса. Президент называл генерала «хорошим парнем» и «нашим Порфирио». В душе Диас, однако, считал именно себя архитектором победы над французами. Хуарес же полагал, что успехом Мексика обязана в первую очередь своему народу, его стойкости и преданности идеалам конституции 1857 года.

Как уже упоминалось, в 1871 году Диас организовал мятеж против Хуареса. Президент заявил: «Милитаризм поднимает свое одиозное знамя против стяга законности... Пожертвовать порядком и свободно принятыми законами ради иллюзорных планов одного человека, пусть даже и усыпанного заслугами, означает свергнуть всех нас в пучину анархии».

Уже во время первого путча Диаса ясно проявилось его основное отличие от президента-земляка. Для Хуареса существовали некие политические принципы, прежде всего свобода и демократия, которые не подлежали никакому обсуждению. Диас, напротив, никакие принципы святыми не считал и полагал, что цель всегда оправдывает средства. В 1871 году ради политической выгоды он заключил союз с вышеупомянутым «тигром Алики» Лосадой, который сам хотел провозгласить себя индейским императором.

Стоит сказать несколько слов и о личной жизни героя нации. Во время операции на перешейке в Теуантепекке Диас сошелся с тамошней краси-

⁴ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 18

цей и светской львицей Хуаной Каталиной Ромеро. Он даже велел изменить маршрут строившейся железной дороги, чтобы она проходила в двух метрах от крыльца дома Хуаны. Поезд замедлял ход, и молодой офицер прыгал с подножки прямо на ступеньки дома своей возлюбленной.⁵ У Диаса и Ромеро родились внебрачные дети. Дочь Амада навсегда осталась его любимицей.

В 1867 году генерал женился на своей племяннице Дельфине Ортега, с которой жил до ее смерти в 1880-м.⁶ Хуана Ромеро так никогда и не вышла замуж, но в годы президентства Диаса стала успешным предпринимателем (редкость не только для Мексики, но и для всего тогдашнего мира, в котором не было равноправия мужчин и женщин) и много путешествовала, в том числе и по святым местам. Местный истеблишмент Оахаки прекрасно понимал реальное влияние этой женщины: ведь на устраиваемые ею пышные банкеты всегда приезжал президент.

В первый кабинет Диаса вошли его соратники по «плану Тустепек», чем новый президент очень тяготился. Порфирио понимал, что в случае чего они могут поднять мятеж против него так же, как сам он восстал против Лердо. Президенту приходилось лавировать, и он пока продолжал, в общем и целом, политику своего предшественника, отказавшись от репрессий против сторонников Хуареса и Лердо.

Диас говорил: «Я не люблю и не ненавижу», давая понять и друзьям, и врагам, что всегда готов договориться. Друзьям он обещал «рап» (т.е. «хлеб» – аналог русского «пряника»), врагам – «пало» («дубинку» – аналог русского «кнута»). Внутренний мир был очень нужен Мексике не только вследствие почти тридцатилетних войн – политики постоянно помнили об угрозе со стороны северного соседа.

Поначалу могущественные Соединенные Штаты отказались признать нового мексиканского президента. Отношения между двумя странами быстро ухудшались, и на горизонте замаячила новая война: Основным камнем преткновения были постоянные попытки индейских племен и просто контрабандистов угонять из США скот через плохо охраняемую мексиканскую границу. К тому же, желая поощрить предпринимательство на приграничной с США территории, мексиканские власти провозгласили десятимильный пояс вдоль границы «duty free» – зоной беспошлинных продаж. Там сразу расцвела контрабандная торговля.

Американские власти под давлением возмущенных фермеров и коммерсантов потребовали у Диаса предоставления права на преследование нарушителей на самой мексиканской территории. На столь явное ущемление суверенитета своей страны герой войны с французами пойти не мог.

⁵ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.15

⁶ Диас был образцовым семьянином, и никаких слухов о его внебрачных связях не появлялось.

Напротив, Диас подверг критике решение Лердо строить железные дороги к американской границе.

Однако, прекрасно понимая неблагоприятное для Мексики соотношение военных сил и экономической мощи, Диас пытался не давать американцам ни малейшего предлога для вторжения. Заняв в 1876 году Мехико, он немедленно собрал ведущих банкиров и других богатых людей. Диас попросил у них денег, чтобы заплатить США 300 тысяч долларов, которые Лердо обещал в качестве первого взноса в порядке компенсации ущерба, нанесенного американским гражданам.⁷ В обмен на выполнение обещаний, данных американцам в период подготовки мятежа в 1876 году, Диас надеялся получить дипломатическое признание со стороны северного соседа.

Но здесь он ошибался. Деньги американцы, естественно, взяли, но сразу же потребовали еще. Они считали Диаса своей марионеткой и хотели выжать из нового правительства все, что возможно. К тому же в Америке прошли президентские выборы, и свежеиспеченный президент США Хейс недолго любил мексиканского диктатора. Хейс демонстративно приказал командующему южным военным округом генералу Орду преследовать контрабандистов на территории Мексики без всякого разрешения тамошних властей. В ответ Диас перебросил на север большой контингент войск под руководством своего соратника по путчу 1871 года генерала Тревиньо и приказал силой пресекать все попытки нарушения границы американскими солдатами. В воздухе явно запахло большой войной. Об этом трубили мексиканские и американские газеты, но Диас был абсолютно спокоен. Ведь не кто иной, как Орд помог ему прийти к власти. Вдобавок за время мятежа Тревиньо и Орд успели подружиться.

Конфликта удалось избежать лишь потому, что обе стороны согласились соблюдать некий негласный порядок действий. Американские рейнджеры переходили границу, только убедившись, что поблизости нет мексиканских войск. В свою очередь, мексиканцы делали все, чтобы избежать прямого военного столкновения.

Военная тревога на границе побудила Диаса коренным образом пересмотреть политику по отношению к США. Если раньше он, как и Лердо, старался держать американских предпринимателей подальше от Мексики, то теперь решил полностью сменить курс и, наоборот, всячески способствовать американским инвестициям. При этом Диас исходил из того, что, опасаясь за свои баснословные прибыли, бизнесмены-янки будут удерживать собственное правительство от военных авантур к югу от Рио-Гранде.

В Америку отправился наиболее доверенный советник Диаса Мануэль де Замакона, чтобы при помощи бывшего посланника Хуареса в США Ромеро

⁷ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 127

организовать серию, как сказали бы теперь, презентаций, на которых расхваливался инвестиционный климат Мексики. В США были выпущены и несколько брошюр соответствующего содержания. Сам Диас принимал в Мехико делегации американских бизнесменов, в том числе бывшего президента США и героя гражданской войны Гранта. Такой подход вскоре принес искомые плоды: военная тревога ослабла (в 1880 году приказ Орду был полностью отменен), а в 1878 году США официально признали нового мексиканского президента.⁸

Новый «сильный человек» Мексики не забыл услуг генерала Орда. Дочь последнего вскоре вышла замуж за генерала Тревиньо. А тот за участие в путче получил от «благодарной родины» 880 тысяч акров государственных земель, из которых 90 тысяч акров подарил Орду. Орд переселился в Мексику и стал настоящим феодальным помещиком.⁹

Вопреки мнению многих исследователей Диас отнюдь не порвал с курсом Хуареса и Лердо, направленным на привлечение иностранного капитала и скорейшую модернизацию страны. Правда, отличие, притом коренное заключалось в методах. Будучи прагматиком, Диас прекрасно понимал, что иностранные инвесторы не пойдут в нестабильную страну. Стабильности же можно было достигнуть, по мнению Диаса, только задушив свободную прессу, ликвидировав потенциальных лидеров-претендентов на власть и приструнив Конгресс. На все эти меры ни Лердо, ни тем более Хуарес никогда бы не пошли. Для них соблюдение демократических прав и свобод было вопросом, не подлежавшим обсуждению. Диас же провозгласил лозунг: «Меньше политики – больше управления».

В 1880 году Диасу пришлось в соответствии с принципами провозглашенного им же самим «плана Тустепек» уйти в отставку. Но уже тогда все понимали, что отставка эта будет временной. К удивлению многих, президент избрал своим преемником генерала Мануэля Гонсалеса, которого считали самым коррумпированным и недалеким среди соратников Диаса.¹⁰ Кстати, во многом такая скверная репутация, как поговаривали, была продуктом стараний самого Диаса, распространявшего про генерала разные небывицы. Избиратели должны были осознать, как плохо управляется Мексика без Порфирио Диаса.

Популярности Гонсалеса сильно вредило то, что в гражданской войне 1857–1860 годов он воевал в рядах армии консерваторов. Но во время фран-

⁸ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 128

⁹ Всего за время правления Диаса иностранцы (главным образом американцы) купили в Мексике более 2 миллионов га земли (16% территории страны). См. Григорьева З. К. *Иностранный капитал в экономике Мексики*. М., 1976. С. 25

¹⁰ *Mexico since Independence*. London, Cambridge University Press, 1991. P. 71

цузской интервенции он встал на сторону республики и потерял в боях руку. С тех пор за ним закрепилось прозвище Эль Манко, то есть Однорукий. О себе Гонсалес говорил, что он хороший человек, абсолютно чуждый миру политики. Так и было. Диас ценил Эль Манко прежде всего за его безусловную лояльность. Сам Диас после отставки сначала стал министром развития в кабинете Гонсалеса, а потом перешел на пост губернатора своего родного штата Оахака.

Новый президент Мексики (1880–1884) принял ряд кардинальных решений, на годы вперед определивших вектор развития страны. Все меры предпринимались в тесной координации с Диасом. При этом бывший президент, похоже, специально перекладывал на плечи Гонсалеса бремя особенно непопулярных шагов.

Борясь против Лердо, Диас обвинял своего противника в том, что он раздает концессии иностранцам без разбору и таким образом предает национальные интересы страны. Придя к власти, Диас отменил все эти концессии, но после военной тревоги на границе с США сам стал активно раздавать те же концессии американцам и англичанам, к которым вскоре присоединились немцы. Иностранцев интересовали прежде всего полезные ископаемые: серебро, медь, цинк. Железные дороги были нужны иностранным инвесторам лишь для того, чтобы дешевле вывозить сырье за пределы Мексики. Однако на пути безудержной эксплуатации природных ресурсов стояла старинная норма испанского традиционного права, согласно которой все недра были собственностью государства, а не частных владельцев соответствующих участков земли. Иностранцам это сильно мешало, так как приходилось договариваться и с собственником земли, и с центральными властями, и с властями штатов. Именно правительство Гонсалеса в 1884 году приняло закон, согласно которому собственник земли автоматически становился и владельцем недр.

Гонсалес еще больше ухудшил положение мексиканских крестьян, приняв другой закон, который и послужил одной из главных причин революции в начале XX века. Дело в том, что иностранным инвесторам хотелось приобрести нужные им земли по дешевке. Но после «закона Лердо» все церковные земли обрели новых хозяев, в основном бывших генералов, ставших крупными помещиками и политиками. Те с землей расставаться не желали, и за них было кому замолвить словечко в Мехико. В качестве потенциальных жертв оставались только индейские общины и малоземельные крестьяне.

По инициативе президента Конгресс принял довольно разумный, на первый взгляд, закон. В Мексике пустовало много государственной и ничейной земли (правда, обычно в горных и засушливых районах). Согласно новому закону учреждались специальные землемерные компании, которым государство давало право изыскивать и межевать пустующие земли. В виде платы за свою деятельность они получали треть «найденных» земель и право льгот-

Как только американцы построили первую дорогу к американской границе, они решили загрузить ее в обе стороны. С экспортом мексиканского сырья и скота все было понятно, но янки хотелось еще и завалить мексиканский рынок своими дешевыми товарами. Однако на пути американских экспортеров стояли высокие мексиканские тарифы на отдельные промышленные импортные товары, введенные еще Хуаресом и Лердо для защиты эмбриональной национальной промышленности. В 1882 году США предложили Мексике, как всегда, абсолютно «равноправное» соглашение: обе страны отменяют друг для друга тарифы на некоторые готовые товары.¹² Подвох состоял в том, что в Мексике большинство товаров, для которых США милостливо открывали свой рынок, вообще не производилось. Гонсалес, конечно, колебался. Тогда американцы стали грозить, что прекратят строить железные дороги (в Мексике не производилось ничего такого, что могло бы быть использовано для прокладки железнодорожных путей). Мексиканскому Конгрессу пришлось в 1883 году одобрить «равноправный» договор. Но на этом беды Мексики далеко еще не закончились. Уже через несколько месяцев германский посланник в Мехико потребовал для своей страны такого же торгового режима. Американский посланник сразу же выразил протест. Гонсалеса спас случай. Американские фермеры, которые опасались притока в США дешевой мексиканской сельскохозяйственной продукции, убедили Сенат отклонить торговый договор с Мексикой.

И Диас, и Гонсалес прекрасно понимали, что для создания противовеса США следует немедленно установить тесные отношения с европейскими странами. На этом фронте все зависело от Франции. Париж даже после свержения Наполеона требовал от мексиканского правительства признания долгов империи и выплаты французским гражданам компенсации за ущерб, причиненный им многочисленными войнами на территории Мексики. С другой стороны, правительства Хуареса и Лердо никаких долгов платить не желали и требовали от самой Франции компенсации за причиненные интервентами разрушения. К тому же мексиканцы настаивали, что инициатива восстановления дипломатических отношений должна исходить от Франции как бывшего агрессора. Гонсалес нашел простое и прагматичное решение: обе стороны отказались от всех претензий и восстановили отношения. Мексиканская армия стала получать современное оружие именно из Франции. У американцев старались ничего из военного снаряжения не покупать.

Однако сторонники Диаса через некоторые СМИ обрушились на Гонсалеса с критикой за то, что он пошел на мировую с бывшими интервентами. Бедный президент ничего не понимал: ведь это было согласовано с дон-ом Порфирио (за которым еще с тех времен закрепилась обидная кличка «дон Перфидио», то есть «дон Подлец»). Но бывший президент хранил

¹² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 72

молчание, из чего многие рядовые избиратели заключили, что он недоволен действиями Гонсалеса. Попытка последнего урегулировать финансовые вопросы с англичанами (британцы были единственной альтернативой американцам в строительстве железных дорог) окончилась уличными протестами в Мехико.¹³ В обмен на дипломатическое признание Гонсалес обещал Лондону выплатить 15,4 миллиона фунтов стерлингов британским держателям облигаций займов бывших консервативных правительств. После обнародования этого компромисса президенту пришлось отдать войскам приказ стрелять в демонстрантов. Это, естественно, не добавило ему популярности.

В 1884 году впервые в истории Мексики был учрежден национальный эмиссионный банк, и Гонсалес в соответствии с духом времени ввел в обращение никелевые монеты вместо традиционных серебряных. В стране едва не произошло вооруженное восстание.

Тем не менее итоги правления «простоватого» Гонсалеса оказались весьма впечатляющими. В Мексике его до сих пор помнят хотя бы потому, что этот президент ввел в стране метрическую систему мер, отменив все остальные как рудименты колониальных времен. На севере были наконец побеждены апачи. Мексика имела дипломатические отношения со всеми ведущими европейскими государствами. В 1884 году ввели в эксплуатацию первую железную дорогу между США и Мексикой. Благодаря непопулярным мерам президента иностранные инвестиции в страну впервые со времен завоевания независимости достигли ощутимых размеров. Однако Гонсалеса мексиканцы не любили. Его правительство называли самым коррумпированным в истории Мексики (Порфирио Диас докажет позднее, что пальма первенства на этой стезе принадлежит все же ему самому). После отставки Гонсалеса в 1884 году распускались слухи, что, покидая президентский дворец, он прихватил с собой всю казенную мебель. Как и Лердо, его обвиняли в распродаже национальных ресурсов иностранцам по бросовым ценам. К тому же в 1884 году Мексику впервые в истории потрясли отголоски мирового экономического кризиса. Став зависимой от внешнеэкономической конъюнктуры, страна утратила былую самодостаточность.

Незадолго перед выборами Диас посетил Гонсалеса и пытался убедить его, что не имеет президентских амбиций. Слушая, Гонсалес все время выдвигал и задвигал ящики своего письменного стола. На недоуменный вопрос Диаса он ответил, что ищет того дурака, который бы в это поверил.

На общем фоне победа Диаса на президентских выборах 1884 года была легким делом. Избиратели хотели стабильности, достатка и самостоятельной внешней политики. Все это они ошибочно ассоциировали с доном Порфирио.

¹³ Условия англичан были чуть лучше американских: американцы строили железные дороги в обмен на концессии на сами эти дороги сроком на 99 лет.

Прежде всего Диас решил окончательно консолидировать свою единоличную власть, чтобы уже не зависеть от прихотей своих бывших генералов. В новое правительство Диаса вошли уже не его соратники по путчу 1876 года, а представители самых разных политических направлений: от сторонников Лердо до бывших консерваторов. За кулисами, сохраняя все формальные институты либеральной республики, новый-старый президент предпочитал действовать методом «*rap o palo*» – «хлеба или дубинки». Раскритикованный Диасом Гонсалес послушно хранил молчание на посту губернатора штата Гуанахуато. Бывший президент говорил, что жертвует собственными глубокими убеждениями во имя общественного спокойствия.

Своим девизом во внутренней политике Диас избрал стабильность. Он говорил, что стране нужен достаток, а не новые законы. Чтобы подавить самостоятельность штатов, Диас разделил в них политическое и военное руководство.¹⁴ Командующий федеральными частями в каждом штате стал естественным конкурентом губернатора, и Диас поддерживал это соперничество по принципу «разделяй и властвуй». Если кто-то из губернаторов штатов не понимал новой ситуации, то его убивали подосланные наемники, как это случилось в 1886 году с губернатором штата Гуанахуато Тринидадом Гарсия де ла Каденой.

Чтобы поставить под контроль армию, Диас упразднил многочисленные высшие командные должности и разделил страну на 12 военных округов, которые, в свою очередь, состояли из 30 военных зон. Была учреждена национальная военная академия для подготовки квалифицированного офицерского корпуса. Уже в начале XX века около половины корпуса составляли выпускники академии Чапультепека. Бывший генерал продолжал тратить на армию большую часть бюджета, хотя доля военных расходов за время его правления практически не выросла. Диас постоянно тасовал командующих округами, чтобы они не успевали обзавестись политическим влиянием. Президент поощрял генералов к коммерции с использованием служебного положения. Обрастая капиталами и недвижимостью, те испытывали все меньше желания ставить все это благополучие на сомнительную карту военного мятежа.

Армия строилась на основе выборочного рекрутского набора. Причем этот набор, как и в России того времени, часто использовался затем, чтобы избавиться от непокорных местных жителей. Поэтому крестьяне армию ненавидели, так же, впрочем, как и солдаты, которым платили мало и нерегулярно.

Для усиления федерального контроля на местах в 1896 году были наконец ликвидированы внутренние таможни (алькабала) и налажено прочное телеграфное сообщение со всеми столицами штатов. А стремительно растущая

¹⁴ Krauze E. Porfirio Diaz. *Mistico de la autoridad*. Mexico, 1998. P. 45

сеть железных дорог позволяла быстро перебрасывать войска из столицы на подавление военных мятежей и социальных протестов. Первая телефонная линия в Мехико, появившаяся в 1879 году, связывала президентский дворец с министерством внутренних дел.

Диас впервые в истории Мексики ослабил власть так называемых касиков. Это индейское слово означает «вождь». В Мексике так именовали местных старейшин, часто – выборных руководителей общин. Некоторые касики действительно защищали интересы своего населения и пользовались большим авторитетом, чем губернатор штата и даже президент. Диас фактически заменил выборность на местах принципом назначения мэров так называемыми политическими руководителями («хефес политикос»).¹⁵ Ранее это были сугубо административные чиновники, подчинявшиеся губернаторам штатов. Теперь они стали полновластными руководителями на местах и назначали мэрами и старостами тех, кто был угоден власти. Новые мэры, как правило, активно поддерживали обезземеливание собственных деревень. Крестьяне лишились последних заступников.

«Хефес политикос» стали важным противовесом снизу по отношению к властям штатов. Правда, теперь нужды населения своих регионов были для них не важны. Ведь они зависели только от президента.

Выборы на пост губернаторов штатов и в Конгресс формально сохранялись. Но отныне кандидат мог быть избран только при предварительном одобрении дона Порфирио. Тех, кто не хотел играть по правилам, старались подкупить иной должностью или просто запугивали. К самым отчаянным подсылали наемных убийц. Неудобных людей с именем отправляли с «важными» дипломатическими миссиями за границу. В первом Конгрессе времен Диаса его друзья-генералы составляли 59% депутатов. Постепенно их сменяли земляки и лично преданные друзья. В 1886 году из 229 депутатов Конгресса 62 были уроженцами Оахаки, родного штата Диаса. К концу правления дона Порфирио Конгресс напоминал клуб его друзей и друзей его супруги. Туда «избирали» и многочисленных генералов, которых таким образом отстраняли от военного командования на местах – в 1876–1880 годах среди депутатов конгресса было 59% бывших военных.

С влиятельными людьми на местах Диас всегда предпочитал сначала попробовать договориться. Он не хотел плодить себе смертельных врагов. Поэтому его режим в Мексике иногда называют не «диктатура», а «диктабланда» (игра слов: «duro» по-испански значит «твердый», «blando» – мягкий). Но мягкость дона Порфирио была обманчивой, особенно по отношению к оппозиции из социальных низов. В 1879 году губернатор Веракруса сообщил президенту о раскрытии заговора сторонников бывшего президента Лердо. Он просил совета, как поступить с арестованными, и в ответ полу-

¹⁵ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 96

чил краткую телеграмму: «Убей их хладнокровно». Политические репрессии без суда и следствия потрясли тогда всю страну, так как за время правления Хуареса и Лердо страна уже успела от них отвыкнуть.

На севере страны, в штате Сонора на границе с США войска Диаса вели настоящую войну на уничтожение против индейцев яки, отказывавшихся продавать свои богатые минералами земли американским инвесторам. Индейцев безжалостно истребляли, а пленных ссылали на плантации сизалья на Юкатан, где они работали в кандалах и тысячами умирали от не привычного для них влажного тропического климата. Командующий федеральными карательными войсками получал за каждого индейца с плантаторов Юкатана по 65 песо. 55 из них шли в бюджет военного ведомства, а остальные 10 офицер забирал себе.

Аграрные протесты подавляли «руралес», чей состав и методы деятельности изменились со времен Хуареса самым разительным образом. В 1889 году численный состав «руралес» был увеличен с нескольких сотен до 2 тысяч (со временем их стало около 4 тысяч). Они были поделены на 10 корпусов. В составе каждого имелось три роты по 76 человек. В какой-то мере Диас рассматривал «руралес», подчинявшихся министерству внутренних дел, и как противовес федеральной армии (в ней было около 16 тысяч солдат).

В конной сельской жандармерии появилось много отпетых уголовников и людсе́й, мечтавших обогатиться любыми способами. Рассказывали, что однажды президенту представили кандидатов в «руралес», чьи тела были покрыты ранами, полученными в схватках с бандитами. Диас заметил, что лучше бы взять в жандармерию тех, кто эти раны нанес.¹⁶ Офицеров-«руралес», как правило, брали из федеральной армии. Жандармерия получала хорошее оружие. По заказу помещиков, за большие деньги «руралес» проводили налеты на несговорчивые деревни. Недовольных крестьян вешали на деревьях без всякого суда или сжигали живьем в собственных домах. Фирменной казнью «руралес» было закопать человека в землю по шею и растоптать лошадьми.

Зато президент с гордостью говорил инвесторам, что в его Мексике блондинка-иностранка в коротком платье может пройти от северной границы до Гватемалы, и к ней никто даже не пристанет (намек на Чингисхана: тот хотел создать империю, в которой красивая девушка с золотой чашей может спокойно пройти от одной границы к другой, сохранив честь и имущество). Однако спокойствие в стране было показным. Загнанный вглубь протест с каждым годом накапливался, пока не привел к масштабной социальной революции. При этом президент не только знал о творимых его армией и полицией зверствах, но и оправдывал их. Он писал в воспоминаниях: «Мы были очень твердыми, иногда даже жестокими... Лучше было пролить немного

¹⁶ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 33

крови, чтобы не допустить большого кровопролития. Кровь, которую мы пролили, была плохой, а та, которую мы сохранили, – хорошей».

Придя к власти в 1876 году, Диас добился изменения Конституции 1857 года и внес туда положение о запрете переизбрания президента страны на второй срок подряд. В 1888 году Диас в соответствии с «пожеланиями населения» вновь был избран президентом. Это было грубейшим нарушением его собственной программы. Ведь когда-то генерал восстал против переизбрания Лердо на второй срок. Но к тому времени Конгресс был «зачищен» и стоял из конформистов, лично обязанных президенту своей карьерой. Верховный суд, погубивший Лердо, тоже уже давно не участвовал в политической жизни. Поэтому в 1892 году запрет на переизбрание снова исчез из основного закона.

Молчало и большинство из 150 мексиканских газет. Еще при Гонсалесе был принят закон, по которому журналиста могли посадить в тюрьму не только за некое точно не определенное «психологическое преступление», но даже и за намерения совершить таковое. Кстати, журналистов, как и интеллектуалов в целом, Диас презирал, считая почти всех их продажными. Он говорил: «Этот петух любит кукурузу». К сожалению, он оказался прав. Едва ли не все мексиканские газеты получали субсидии правительства, а их главные редакторы активно участвовали в махинациях с крестьянскими землями. Тех же журналистов, кто осмеливался протестовать, арестовывали, иногда многократно. Например, оппозиционный публицист Филомено Мета арестовывался 34 раза. Неудобные газеты закрывались под различными предлогами.

Диас, ярый масон, помирился с церковью. Он поощрял обогащение святых отцов, и те с амвонов впервые после гражданской войны 1857–1860 годов славляли президента. А он продолжал считать себя либералом. Бывший архиепископ Лабастида, который некогда публично отлучил всех либералов от церкви, в прошлом – член учрежденного французскими интервентами триумvirата, удостоился личного подарка президента: посоха, инкрустированного черепаховой костью и серебром. Церковь за время правления Диаса обросла многочисленными периодическими изданиями и даже стала поддерживать крестьян-индейцев в борьбе за сохранение общинного землепользования.¹⁷ Дело здесь было не в человеколюбии католического клира, а в его стремлении активно противодействовать миссионерской деятельности американских протестантов. В северных районах страны протестанты могли похвастаться серьезными успехами. Поэтому католическая церковь подогревала мексиканский национализм, выступая иногда и против американских инвесторов, сгонявших крестьян с земли. Сам Диас тоже

¹⁷ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 273

держал католических иерархов в напряжении, активно участвуя в масонских церемониях и поддерживая подчеркнуто сердечные отношения с главой протестантской миссии.

В 1892 году режим был консолидирован уже настолько, что Диас изменил конституцию 1857 года, увеличив президентский срок до шести лет. С переизбранием в 1898 и 1904 годах проблем не возникло.

В Мексике расцвел не характерный ранее для этой страны культ личности. Характерно, что одна из оппозиционных газет с сарказмом назвала Диаса «пожизненным президентом Российской республики».¹⁸ Россия с ее самодержавием считалась тогда во всем мире эталоном недемократического общества. Кстати, показательно, что Петербург, не признавший ни образование Мексики в 1820 году, ни правительство «красного» Хуареса, в 1890 году установил дипломатические отношения с Диасом, хотя тот формально продолжал считать себя революционером. В стране появились мавзолей Хуареса и бесчисленные улицы в его честь. Диас провозгласил себя продолжателем дела своего великого земляка. И примерно до 1900 года многие мексиканцы в это верили.

В 1881 году 51-летний вдовец Порфирио Диас женился на 18-летней Кармен (Кармелите) Ромеро Рубио. Сначала девушка преподавала ему английский язык, а спустя несколько недель стала его супругой и персональным имиджмейкером. Она отучила генерала вытирать руки о скатерть, пользоваться зубочисткой на людях и класть во время еды руки на стол. Диаса прельстила не только несомненная красота Кармелиты – этот неравный брак имел и политическое значение.

Отцом невесты был бывший министр в правительстве Лердо Мануэль Ромеро Рубио, которого Диас в 1884 году взял в свой собственный кабинет. Ромеро стал архитектором внутривластной стабилизации. Именно к нему сходились нити неформального управления выборами всех уровней. (Заклученные федеральных тюрем часто в виде наказания заполняли бюллетени вместо самих избирателей.) Ромеро вплоть до своей смерти в 1895 году был лидером вновь возникшей группы мексиканских олигархов, «сьентификос» (т.е. «ученых»). Выходцы из среднего класса, как правило, бывшие адвокаты, журналисты или чиновники среднего звена, они сделали карьеру исключительно благодаря дону Порфирию. У «сьентификос» не имелось собственной политической базы в отдельных штатах или в армии. Свое название группа получила за пропагандируемый ею «научный» (точнее, технократический) подход к переустройству Мексики. Коренное население группа Ромеро считала тормозом на пути прогресса и выступала за полное копирование европейского опыта, включая заманивание в Мексику европейских переселенцев. Один из идеологов группы, журналист и историк Бульнес

¹⁸ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 55

писал, что 5 миллионов белых аргентинцев – выходцев из Европы – намного ценнее 15 миллионов мексиканцев.

«Сьентификос» были основными проводниками для европейских инвесторов и вскоре оказались тесно связаны с ними коммерческими узами. Они основывали свое богатство исключительно на доступе к президенту и рычагам государственной власти. Например, только через них можно было получить выгодную концессию. Иногда олигархи сами решали, где пройдет новая железная дорога, скупали по дешевке через подставных лиц соответствующие земли и потом втридорога перепродавали их государству.

Средств в промышленное производство они не вкладывали и в первую очередь жаждали приобрести все прелести нового социального статуса: прекрасные виллы, французских гувернеров для детей, дорогие ковры и картины.

После смерти Ромеро «сьентификос» возглавил сын французских иммигрантов министр финансов Лимантур, которого вскоре возненавидела вся страна. Для Лимантура главным делом было безусловное погашение всех внешних долгов Мексики и достижение профицита бюджета любой ценой (он действительно достиг этой цели в 1896 году). Диас ценил Лимантура, имевшего очень высокую репутацию в Европе. Только через министра финансов можно было получить у Франции, которая располагала самым большим объемом свободного финансового капитала в тогдашнем мире, выгодный кредит. Сам Лимантур при этом использовал собственную репутацию в личных целях. Через него или его доверенных лиц шли военные заказы для мексиканской армии, которые тоже размещались в основном во Франции.

В целом «сьентификос» ориентировались на Европу, потому что американские инвесторы и без них чувствовали себя в Мексике достаточно сильными, чтобы при случае надавить на самого президента. Посредники-олигархи им были не нужны. Европейцы же не имели на границах Мексики мощных армий, поэтому им приходилось договариваться. В 1890 году Мексика выплатила последний транш долга США, чтобы не давать северному соседу предлога для вмешательства в свои внутренние дела.¹⁹

«Сьентификос» можно считать мексиканскими олигархами, потому что их богатство и влияние были целиком основаны на тех позициях, которые они занимали в окружении президента. Именно за это их ненавидела вторая влиятельная группа мексиканской правящей элиты. В нее входили крупные помещики и бывшие генералы, добившиеся успеха, по их собственному мнению, за счет своих способностей. Сначала эту неформальную группу возглавлял бывший президент Гонсалес, а после его смерти в 1895 году – другой генерал, доверенное лицо Диаса на севере Мексики Бернардо Рейес. На стороне этих людей был крупный национальный капитал, уже тяготившийся

¹⁹ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 441

зависимостью страны от иностранных предпринимателей. А именно креатурой последних – в общем, справедливо – считали «сьентификос». Группа Рейеса спокойно ждала, когда в силу своего возраста Диас уйдет и освободит для нее место. В своей победе она не сомневалась.

Зато в своей победе в борьбе за наследство Диаса сильно сомневались «сьентификос». В начале 1890-х они предприняли попытку создать в Мексике современную правящую партию европейского образца. Как и в Европе, эта партия должна была выдвигать кандидата в президенты и формулировать его программу. С помощью этой партии «сьентификос» надеялись упрочить свое влияние в стране и придать ему долговременную форму.

До тех пор в Мексике не существовало партий в привычном для нас смысле слова. И консерваторы, и либералы представляли скорее течения политической мысли без четкой организации и фиксированного членства. Достаточно было объявить себя, например, либералом, чтобы считаться таковым. Диаса эта система вполне устраивала, так как именно он считался верховным политическим арбитром страны. Подчиняться пусть и номинальному контролю некой партии президент не хотел. Поэтому идея «сьентификос» была им отвергнута. Возможно, именно эта ошибка впоследствии и стоила Диасу президентского кресла.

Один из идейных лидеров «сьентификос» Бульнес умолял Диаса спасти хотя бы себя самого. В июне 1903 года он выступил на съезде Либерального союза – организации политических клубов, поддерживавших переизбрание Диаса. Там Бульнес изложил собравшимся простой силлогизм: «Прогресс, кредитоспособность страны и мир зависят от Порфирио Диаса. Порфирио Диас смертен. Прогресс, кредитоспособность страны и мир умрут вместе с Диасом». Лимантур заклинал престарелого диктатора привлечь к управлению страной больше представителей среднего класса, которые в противном случае станут легкой добычей «агитаторов» и «нигилистов».

«Сфинкс» дон Порфирио игнорировал предостережения своих приближенных. В начале XX века его власть казалась незыблемой. Диас был довольно популярен среди средних городских слоев, которые считали его великим модернизатором страны. За время президентства дон Порфирио численность государственных служащих выросла в девять раз, и они постепенно стали основным костяком среднего класса. Теперь этот класс был послушным, поскольку его материальное благополучие и карьера напрямую зависели от президента и его окружения. Таким образом, впервые Диасу удалось нейтрализовать (хотя и временно, как показали дальнейшие события) самую политически активную и грамотную часть населения. Ведь в прошлом именно адвокаты, учителя, врачи и мелкие торговцы были движущей силой социального протеста. Теперь эти беспокойные люди растворились в массе довольных своим положением чиновников, не интересовавшихся новыми прогрессивными социальными теориями. Для них куда важнее было то, что

Диас модернизирует страну экономически. Крестьян, за счет которых эта модернизация происходила, никто серьезным политическим фактором не считал. Ими занимались «руралес» и армия.

Политическая стабильность, достигнутая за первые двадцать лет правления Диаса, была бы невозможна без солидного фундамента экономического развития. До сих пор многие считают то время самым лучшим в экономической истории Мексики.

Действительно, в 1877–1899 годах мексиканская экономика стабильно росла на 2,7% в год, а в 1900–1910-х – на 3,3%. Этот рост обгонял рост населения страны, которое увеличивалось в среднем на 1,4% в год.²⁰ Получалось, что жизненный уровень мексиканцев должен был улучшаться.²¹

Как же обстояло дело в реальности? Уже упоминалось, что Диас всячески стремился привлечь в страну иностранных инвесторов. При этом он хотел прежде всего повысить доходную базу государства, чтобы без напряжения содержать все более растущий государственный аппарат. Собственно в экономике генерал особо не разбирался и полностью поручил эту сферу Лимантуру. «Сьентификос» же отнюдь не стремились к развитию мексиканской национальной промышленности, считая население просто не способным к эффективной предпринимательской деятельности. Основная ставка делалась на иностранцев, а тех, как неоднократно упоминалось, интересовала только возможность дешевой добычи и быстрого вывоза из страны минерального и сельскохозяйственного сырья.

Если учесть, что с момента обретения независимости мексиканская экономика пребывала в лучшем случае в состоянии стагнации, то достижения Диаса действительно представляются значительными. Однако этот рост был неравномерным. Сельскохозяйственное производство, ориентированное на внутренний рынок, даже сократилось. В то же время средний ежегодный рост в горнодобывающей сфере превышал в конце XIX века 7%, а в производстве экспортных технических сельскохозяйственных культур – 6%.

Экономический рост объяснялся прежде всего резким увеличением иностранных капиталовложений. В 1884 году они составляли скромную сумму в 110 миллионов песо, а в 1911 году (последний год правления Диаса) превысили 3,4 миллиарда песо. 38% капиталовложений приходилось на США, 29% – на Великобританию, 27% на Францию.²² Если американские инвестиции росли постоянно на протяжении всего времени нахождения Диаса у власти, то британцы активнее инвестировали в 80-е годы XIX века и незадолго до свержения дона Порфирио.

²⁰ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 49

²¹ В 1877 году в Мексике проживали 8,7 миллиона человек, в 1910 году – 15 миллионов, в т.ч. 20% «белых» и 43% метисов.

²² Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 49

Мексиканские власти старались по возможности уравновесить американское влияние европейским. На практике, однако, конкурентной борьбы между иностранными предпринимателями не было. Они просто делили между собой секторы и географические районы мексиканской экономики. Так, американцы естественным образом доминировали в северных районах, в то время как британцы – в центральных и южных. Англичане обошли американцев в добыче нефти, а те сконцентрировались на добыче цветных металлов. Французы лидировали в хлопчатобумажной промышленности.

Экономический бум в Мексике начался с активного строительства железных дорог. Когда Диас поднял мятеж против Лердо в 1876 году, боевой листок его войск носил характерное название «Железная дорога». Если в 1876 году в стране было только 700 километров железных дорог (в основном линия Мехико – Веракрус), то уже в 1885 году их протяженность превысила 6 тысяч, в 1900 году достигла 14 тысяч, а в 1910-м – 20 тысяч километров.²³ 80% капитала, использовавшегося для железнодорожного строительства, поставляли США. Чтобы несколько уравновесить приоритет американцев, Диас привлек к железнодорожному строительству в Мексике в 1885–1910 годах 16 британских компаний.²⁴

Для Мексики железные дороги имели еще более важное значение, чем, например, для России или США, потому что, в отличие от этих стран, в Мексике практически не было удобных внутренних водных путей. Но железные дороги, которые строили иностранцы, мало затронули уклад центральных сельскохозяйственных районов, где проживало большинство населения. Они шли в основном к американской границе и крупным портам и служили для вывоза за границу природных богатств страны.

К тому же все оборудование для строительства железных дорог закупалось за границей, и в Мексике так и не возникла современная металлообрабатывающая промышленность. Тем более что правительство и не ставило перед собой такой цели. Наконец, основную массу квалифицированного персонала железных дорог составляли иностранцы, прежде всего американцы. Так что и толчок развитию собственной рабочей аристократии железные дороги не дали.

Да и с финансовой точки зрения железные дороги давали мексиканскому бюджету не так много. Все проценты, дивиденды и прочие доходы в основной массе утекали за границу.

Наряду со строительством железных дорог правительство уделяло повышенное внимание модернизации мексиканских портов, с которыми эти дороги и соединяли основные места разработки полезных ископаемых. Миллионы песо были потрачены на расширение главного порта страны –

²³ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.103

²⁴ Лавров Н.М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 20

Веракрус. Со временем конкуренцию этой гавани стал составлять еще один порт Атлантического побережья – Тампико, рядом с которым обнаружили большие запасы нефти. В 1876 году Тампико мог принимать суда с осадкой не более 9 футов. Американские инженеры по заказу правительства углубили акваторию, и порт стал доступен для кораблей с осадкой в 25 футов. На рубеже веков у Мексики было 10 портов на атлантическом побережье и 14 – на тихоокеанском.

Развивалась и телеграфная сеть страны: ее протяженность увеличилась с 9 тысяч километров в 1877 году до 70 тысяч в 1900-м.

Тем не менее железные дороги дали несомненный толчок развитию мексиканской внешней торговли, что, в свою очередь, действительно умножило финансовые поступления в государственную казну. Экспорт Мексики за время «порфириата», как называли период правления Диаса, вырос в шесть раз, импорт – в три раза. Если внешнеторговый оборот составлял в 1876 году 50 миллионов песо, то в 1910 году – 488 миллионов. Коренным образом изменилась и товарная структура внешней торговли. В 1872 году более половины ввоза приходилось на текстильные товары. Но введенные позднее правительством Гонсалеса высокие импортные тарифы на текстиль привели к импортозамещающему производству в самой Мексике (хотя многие текстильные фабрики находились в руках французов). Уже в 1890 году доля текстиля в импорте снизилась до 22%. Зато выросла доля оборудования, машин и промышленных полуфабрикатов.

Еще в 1877 году две трети мексиканского экспорта приходились на традиционное серебро, по производству которого страна занимала первое место в мире.²⁵ Ведь только серебро ввиду его высокой цены на мировом рынке можно было рентабельно добывать отсталыми методами и перевозить к портам на мулах. В 1910 году доля серебра в вывозе упала до 46,4%. В то же время вырос экспорт меди, свинца, нефти, сизаля (техническое волокно). При этом благодаря новым методам обработки руды добыча серебра и золота в абсолютном размере серьезно выросла. В 1877 году было добыто серебра на 25 миллионов песо, а в 1908 – на 85 миллионов. В 1901 году Мексика занимала первое место в мире по добыче серебра, второе – по добыче меди и пятое – по добыче золота.

Становясь сырьевым придатком развитых стран, Мексика стремительно наращивала вывоз полезных ископаемых и технических сельскохозяйственных культур. Если в конце XIX века общемировой экспорт рос в среднем на 3,6% в год, то мексиканский – на 5–6%.²⁶

Сдвиги в мексиканской внешней торговле во многом были результатом кардинальных изменений в мировой экономике конца XIX века.

²⁵ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 52

²⁶ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 108

Изобретение телеграфа, телефона и автомобиля резко повысило в Европе и США спрос на цветные металлы. С началом XX века флоты основных мировых держав стали переходить с угля на нефть, запасы которой в Мексике оказались очень большими.

Однако в силу географических условий Мексика не смогла избежать полной экономической зависимости от США во внешнеторговой сфере. Диас с горечью воскликнул: «Бедная Мексика! Она так далека от бога и так близка к Соединенным Штатам». В начале XX века на США приходилось более 70% мексиканского экспорта, и страна очень болезненно ощущала любые перемены в американских таможенных тарифах.

Американцы, как уже отмечалось, сосредоточились именно на разработке мексиканских месторождений цветных металлов. Как и в случае с железными дорогами, все управленческие должности и многие места высококвалифицированных рабочих в американских фирмах занимали граждане США. Многие североамериканские инвесторы держали на рудниках собственную полицию, также состоявшую из американцев. В 1898 году полковник американской армии Уильям Грин за 47 тысяч песо купил у вдовы бывшего губернатора штата Сонора земли с богатыми залежами меди. Затем он разместил ценные бумаги своего рудника на нью-йоркской бирже и стал миллионером. Вскоре на его руднике работали более 3500 человек, добывавших и выплавлявших значительную долю мирового производства меди. Грин продолжал скупать окрестные земли и открыл скотоводческий бизнес. В его угодьях паслось более 40 тысяч голов крупного рогатого скота. К руднику полковника Грина мы еще вернемся.

В 1891 году, когда началось производство свинца в Мексике, оно составляло 38 тысяч тонн. Уже в 1900 году эти объемы удвоились. Производство меди в 1891 году составляло 6483 тонны, в 1901 году – 28 тысяч тонн, а в 1910-м – уже 52 тысячи.

61,7% всех инвестиций в горнодобывающую промышленность Мексики приходилось на США, в то время как британцы контролировали в начале XX века 55% инвестиций в нефтедобывающем секторе. Известный американский предприниматель Эдвард Догени (ему принадлежали нефтяные поля в Калифорнии) приобрел 600 тысяч акров земли в районе Тампико. Вскоре его «Мексикэн Петролеум Компани» добыла первую нефть.

С другой стороны, правительство Диаса явно предпочитало американцу британского промышленника и инженера Пирсона, который ранее модернизировал Веракрус и осушил болота в окрестностях Мехико, избавив жителей столицы от постоянных эпидемий. Пирсон получил концессии в районе перешейка Теуантепек, где он строил железные дороги. Однако там нефти не оказалось, и Диас предоставил Пирсону концессии в районе Веракруса и в штате Табаско. Пирсон в знак благодарности включил сына диктатора Порфирио-младшего в совет директоров своей нефтяной компании «Эль

Агила».²⁷ Американцы с явным неудовольствием следили за успехами Пирсона, и Диас почувствовал это, когда под ним зашаталось президентское кресло.

Следует подчеркнуть, что для США, которые в начале XX века еще были нетто-импортером капитала, инвестиции в Мексике играли несравненно более важную роль, чем для британцев. Из всех иностранных инвестиций США на долю Мексики приходилось 46%, в то время как только 5% английских капиталовложений были направлены в эту страну.

В 90-е годы протекционистские тарифы способствовали становлению мексиканской промышленности, производящей предметы потребления. Благодаря мудрой политике губернатора штата Нуэво-Леон, уже знакомого нам Бернардо Рейеса, предоставлявшего промышленности существенные налоговые льготы, в Монтеррее возник первый и единственный мексиканский сталелитейный завод, который производил в 1911 году около 77 тысяч тонн стали и чугуна. Монтеррей стали называть мексиканским Питтсбургом. Однако фабрика в Монтеррее так и осталась единственным предприятием тяжелой промышленности. Машиностроения не возникло вовсе.

Если в 1877 году в Мексике практически полностью отсутствовала текстильная промышленность, то в 1910 году в стране насчитывалось уже 146 прядильных и ткацких фабрик.²⁸

В 1890 году мексиканец немецкого происхождения Хосе Шнайдер организовал первый пивоваренный завод, который давал первоначально 10 тысяч баррелей пива в день. Надо сказать, что «сьентификос» пытались таким образом отучить мексиканцев от питья национального спиртного напитка пульке (делался из сока агавы; позднее путем его дистилляции стали производить ставшую популярной во всем мире текилу), который считался варварским и вредным для здоровья. Несмотря на то, что количество кабаков, где разливали пульке, при Диасе существенно выросло, прогрессивные мексиканцы, в частности новые средние слои, перешли на «европейское» пиво. Вскоре Шнайдеру стало не хватать бутылок, и он открыл стекольное производство. Позднее предприниматель сам производил крышки для бутылок и картонные коробки для упаковки своей продукции.

В конце XIX века в Мексике стали производить мыло, сигареты, цемент, ткани и сахар. Однако уже в начале следующего столетия, когда был исчерпан эффект замещения импорта, обрабатывающая промышленность страны вступила в стадию стагнации. Оказалось, что в 15-миллионной Мексике просто нет достаточного покупательного спроса для многих товаров широкого потребления. А это, в свою очередь, объяснялось плачевными социальными

²⁷ Другое название компании – «Мексикэн Игл», что является дословным переводом на английский испанского наименования.

²⁸ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 232

итогами порфиристской модернизации в аграрном секторе. Хотя согласно переписи 1910 года в стране насчитывалось около 5500 промышленных предприятий, большинство из них принадлежало иностранцам и работало на импортном оборудовании.

В начале XX века 70% населения Мексики занимались сельским хозяйством, и страна сохраняла преимущественно аграрный характер. При этом, не в пример промышленности, за время правления Диаса сельское хозяйство росло в среднем всего лишь на 0,65% в год.²⁹ К тому же общие объемы сельскохозяйственного производства в период с 1877-го по 1894 год даже упали. Конечно, ориентированные на экспорт отрасли аграрного сектора росли впечатляющими темпами. Производство кофе за время «порфириата» увеличилось с 8 до 28 тысяч тонн, сизаля – с 11 тысяч тонн в 1877 году до 129 тысяч тонн в 1910-м. Менее разительными, хотя и высокими, были темпы развития тех секторов, которые ориентировались на складывавшийся после отмены в 1896 году альябалы национальный рынок. Производство хлопка (при Диасе его впервые стали выращивать в самой Мексике) выросло в 1877–1910 годах с 26 до 43 тысяч тонн, а производство сахара – с 630 тысяч до 2,5 миллиона тонн.

В то же время производство основного продукта питания подавляющего большинства населения, кукурузы упало с 2,77 миллиона тонн в 1877 году до 2,13 миллиона тонн в 1910-м. Если учесть, что численность населения во время «порфириата» выросла с 8 до 15 миллионов человек, то становится ясно: потребление кукурузы на душу населения существенно сократилось (с 282 кг в 1877 году до 144 кг в 1907-м).³⁰

Из общего объема иностранных инвестиций в сельское хозяйство было вложено только 5,7%, и тому имелись свои экономические и социальные причины. Американцы, например, предпочитали оставлять производство сизаля на Юкатане – этой огромной мексиканской каторге – в руках местных плантаторов, использовавших рабовладельческие методы эксплуатации рабочей силы. Зато сбытом всего выращенного волокна занималась уже американская компания. Она же и диктовала цены.

Причина стагнации сельского хозяйства заключалась в том, что именно за счет крестьянского населения проводилась хваленая модернизация эпохи Диаса. Из-за жесткого проведения в жизнь закона Лердо о принудительной ликвидации общинного землевладения к 1910 году 90% мексиканских крестьян лишились земли. К моменту обретения Мексикой независимости крестьянским общинам принадлежало 40% сельскохозяйственных угодий страны. В 1910 году в их руках осталось не более 5% этих земель. В штатах Морелос и Оахака, где до правления Диаса большинство земледельцев со-

²⁹ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 68

³⁰ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 69

ставляли индейцы-общинники, без земли остались соответственно 99,5% и 99,8% крестьян.³¹ В 1877–1884 годах страну захлестнула волна крестьянских волнений, но все они были жестоко подавлены.

На севере Мексики крестьянские земли продавались иностранным инвесторам для строительства железных дорог и закладки рудников. Например, в штате Чиуауа американские латифундисты создали огромные скотоводческие империи, поставлявшие живой скот в США. Крупнейшему американскому медиамагнату того времени Рэндольфу Херсту в этом штате принадлежало 3,1 миллиона акров.³²

В центральном районе страны земли захватывали владельцы асиенд – крупных поместий – для того, чтобы производить на них в большом объеме технические культуры, прежде всего сахарный тростник. Только массовое обезземеливание крестьян сделало производство технических культур высококорентабельным. Во-первых, можно было существенно увеличить площади и начать процесс механизации производства и обработки урожая. Во-вторых, безземельные крестьяне превращались в арендаторов на своих бывших землях. Ввиду слабого развития мексиканской промышленности она даже отдаленно не могла абсорбировать миллионы бывших землевладельцев.

Арендаторы, как правило, были вынуждены отдавать владельцу асиенды половину урожая. Во многих местах они отдавали еще 10–15% урожая за использование сельскохозяйственного инвентаря. При этом многие помещики стремились отделаться даже от таких арендаторов. Они предпочитали труд пеонов, то есть долговых рабов. Ведь свободные крестьяне, в конце концов, могли податься на север и наняться на один из американских рудников, где были самые высокие в стране зарплаты. А вот пеону деваться было некуда.

Начиналось рабство обычно с того, что «добрый» хозяин асиенды давал достигшему 18-летия крестьянину ссуду в 150–200 песо для того, чтобы тот мог жениться и обзавестись собственным домом. За это пеон должен был работать на «асиендадо» (т.е. помещика), пока не вернет долг. Но во времена Диаса зарплата сельскохозяйственных рабочих вообще не выросла, оставшись такой же, как и на момент достижения страной независимости, – 26–30 сентаво в день. При этом стоимость основных продуктов питания крестьян – кукурузы, бобов и соуса чили – с 1800-го по 1900 год увеличилась примерно в шесть раз. Зарплату пеону платили такую, чтобы он, даже скудно питаясь, не мог вернуть долг. К тому же во многих местах пеон вообще получал не деньги, а специальные талоны, которые он мог обменять на продукты только в магазине самого же помещика («тиендас де райя»). Излишне говорить, что цены в этих магазинах были гораздо выше, чем в обычных. Особенно

³¹ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 236

³² Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people. New York, 1992. P. 296

зверских форм педонаж достиг на Юкатане, где плантаторы содержали специальные тюрьмы для провинившихся и подвергали их жестоким телесным наказаниям. Кое-где помещики даже пользовались правом первой ночи при свадьбах их долговых рабов. Если же протесты педонов становились массовыми, то подключались «руралес» и армия. Законы многих штатов предусматривали уголовное наказание для педонов, пытавшихся бежать с асиенд.

Труд педонов был настолько дешевым, что это, как ни парадоксально, полностью остановило технический прогресс в мексиканском сельском хозяйстве. Зачем же покупать дорогостоящие импортные машины, если крестьяне-педоны выполняют их работу почти задаром? Рабочий день, как правило, полностью совпадал со световым. Статистика показывает, что мексиканский помещик начала XX века без всякой механизации тратил на производство тонны продукции в среднем 4,5 песо, а американский фермер с его передовыми жатками Маккормика – 4,95 песо.

Помещики-«асиендадос» составляли к моменту падения диктатуры Диаса 3% сельского населения, но им принадлежало около 70% всех земель. 32 самые большие асиенды занимали 57% территории всего государства.³³ Особенно крупных размеров поместья достигли на севере страны, где их профилем было скотоводство. Как правило, крупнейшие «асиендадос» делили между собой и политическую власть в своих штатах.

Хрестоматийным в этом отношении является пример клана Террасас-Криль, который на протяжении трех десятков лет был полновластным хозяином северного штата Чиуауа. Его угодья (около 5 миллионов гектар) превосходили по территории Коста-Рику. Начиная Террасас, подобно большинству помещиков новой формации, как генерал республиканской армии в годы борьбы с консерваторами а позднее – с французской интервенцией. Военные навыки Террасас приобрел, организовав борьбу с апачами. В 1860 году Хуарес сделал его губернатором Чиуауа, и Террасас стал быстро скупать церковные земли, а также «пустующие» государственные угодья и конфискованные земли разбитых сторонников Максимилиана. Цены за все это Террасас платил смешные. Богатства добавила и удачная женитьба на представительнице одного из крупнейших «старых» помещичьих кланов Чиуауа. В 1876 году Террасас не поддержал путч Диаса, и тот на время лишил Террасаса губернаторского поста. Однако к тому времени клану Террасасов принадлежал почти весь штат, и даже Диас был вынужден с этим считаться. С согласия президента Террасас стал членом Конгресса, а в 1903 году снова пересел в губернаторское кресло Чиуауа. Через год престарелого главу клана сменил его зять Энрике Криль. Незадолго до революции губернатором стал сын Террасаса Альберто (у него было 600 тысяч акров земли). С 1860-го по 1910 год представители клана Террасасов занимали пост губернатора штата

³³ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 74

Чиуауа в общей сложности 25 лет. В 1909–1911 годах из 30 депутатов парламента Чиуауа (законодательные органы штатов избирались на два года) родственные связи с семьей Террасаса имели девять человек, а остальные были бизнес-партнерами клана.³⁴

Со временем Террасас и Криль завладели крупнейшим банком штата, продолжая при этом заниматься и традиционным скотоводством. Поглотив всех конкурентов, банк Террасаса стал в начале XX века крупнейшим в Мексике. В Чиуауа Террасасам принадлежали железные дороги и рестораны, мельницы и телефонные линии. Криль тесно сблизился с «сьентификос» и с их помощью стал в 1908 году председателем нефтедобывающей компании «Эль Агила», той самой, в правлении которой сидел сын президента. Криль был владельцем асиенд общей площадью 1,7 миллиона акров.

Не забывал классический помещичий бизнес крупного скотовода и сам Террасас. Перед революцией ему принадлежало 500 тысяч голов крупного рогатого скота, 225 тысяч овец, 25 тысяч лошадей и 5 тысяч мулов. На крупнейшей асиенде (1,3 миллиона акров) Террасаса работали более 2 тысяч пеонов.

Благодаря близости американской границы и росту инвестиций США в штате Чиуауа земли Террасаса с каждым годом росли в цене. Если бы он продал свои угодья перед революцией, то смог бы получить феноменальную по тем временам сумму в 69 миллионов долларов.

Пожалуй, Чиуауа в царствование Террасаса был классическим примером олигархизации мексиканской политической системы эры Диаса. Не случайно, что именно этот штат станет одним из основных центров мексиканской революции.

В штате Юкатан «сильным человеком» и крупнейшим помещиком был Олегарио Молина, тоже активный член группы «сьентификос». Начиная семья Молины с представительства интересов американской торговой компании «Интернэшнл Харвестер Компани», которая имела монополию на закупку сизаля. В 1902 году Молина стал губернатором Юкатана, а три года спустя – министром экономики в правительстве Диаса. Его брат немедленно превратился в одного из крупнейших плантаторов Юкатана, другой брат сидел в правлении железнодорожной компании, а племянник стал «хефе политико» столицы штата. Зять губернатора Молины перенял почетную и прибыльную обязанность представлять интересы американского торгового монополиста. Другой зять (он же и вице-консул Испании на Юкатане) получил от губернатора монопольное право на ввоз в штат динамита и скота.

Всего в республике в 1910 году было 8245 асиенд, которые за время правления Диаса за счет массового обезземеливания крестьянства получили практически за бесценок 134 миллиона акров лучших земель Мексики.

³⁴ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 105

Какой же была социальная цена экономической модернизации Мексики времен Порфирио Диаса? Ведь, в конце концов, в каждой стране есть богатые и бедные. Важно, чтобы жизненный уровень тех и других рос вместе с ростом экономики в целом.

Средние слои мексиканского общества жили в начале XX века довольно странной, скажем, для их американских собратьев, жизнью.³⁵ Государственные служащие часто существовали впроголодь только ради того, чтобы иметь членство элитных клубов и раз в год ездить на фешенебельный курорт, где отдыхали сливки общества. Огромное внимание уделялось внешнему виду и кастовому воспитанию детей. Если ребенок шел открывать дверь и видел хорошо одетого человека, он должен был сказать родителям: «К нам пришел сеньор». Если же посетитель был одет «не по статусу», то его следовало называть «человеком». Огромное большинство представителей мексиканского среднего класса жили от зарплаты до зарплаты или попросту в долг. Но пока «порфириат» олицетворял стабильность, а экономическое положение не ухудшалось, недовольных было не так много. Вскоре, однако, положение резко изменилось.

Пока же иностранцы, которые в начале XX века приезжали в Мехико, сравнивали этот город с ведущими европейскими столицами. По широким зеленым и ярко освещенным вечерами проспектам ходили трамваи. Сливки общества были воспитаны во французском духе, и даже церковь заказывала во Франции архитекторов, чтобы переделать на модный французский лад фасады старых католических храмов. Состоятельные горожане проводили в Париже и Ницце отпуска, а на родине восторгались захватившем всю Мексику в 80-е годы канканом. Лучшие рестораны Мехико были французскими, а центральный бульвар представлял собой точную копию Елисейских полей. 14 июля праздновалось состоятельными гражданами с таким же воодушевлением, как День независимости Мексики.

В Мехико впервые после обретения страной независимости потянулись иностранные туристы, которые отмечали хороший уровень обслуживания и чистоту местных отелей. Да и самих отелей становилось больше. В 1882 году столица не смогла разместить 40 тысяч гостей, приехавших на празднование Дня независимости.³⁶ В 1910 году во время пышных празднований столетнего юбилея этой даты места хватило всем.

Население столицы выросло с 200 тысяч в 1874 году до 471 тысячи в 1910-м.

К 1910 году электричество появилось во всех столицах штатов, а во многих из них ходили трамваи.

³⁵ Подробнее см. Meyer M., Sherman W. *The Course of Mexican History*. New York, 1987. P. 472–473

³⁶ Meyer M., Sherman W. *The Course of Mexican History*. New York, 1987. P. 468

Однако все эти достижения были внешней стороной, глянцевой обложкой «порфириата». Содержание, которое обычно укрывалось от взоров иностранцев, выглядело совсем иначе.

К 1910 году грамотными были только 19% мексиканцев. Диас не добился в борьбе с неграмотностью особых успехов (в 1876 году грамотных было 14% населения) просто потому, что считал образование не очень нужным для большинства. Учителя принадлежали к париям среднего класса.³⁷ Им систематически не доплачивали, а новых школ в расчете на количество населения строилось гораздо меньше, чем во времена Лердо. Неудивительно, что именно учителя стали самыми активными участниками будущей революции. Система профессионального образования, столь необходимая Мексике именно в те годы, практически отсутствовала.

Системы медицинского обслуживания населения почти не существовало. Детская смертность во времена Диаса не снизилась и составляла более 400 человек на тысячу. Показатель по Мехико (323) был гораздо хуже, чем в Санкт-Петербурге (256) и тем более в Лондоне (114). В крестьянских многодетных семьях умирали, не дожив даже до школьного возраста, от трех до пяти детей. Половина всех родившихся детей не доживала до года. В целом смертность по стране составляла 37–40 человек на тысячу жителей, причем в социально неблагополучном штате Морелос этот показатель превышал 57 человек.

И в городах, и в деревнях бедное население (а его было около 80%) жило в условиях чудовищной антисанитарии. По официальным данным, 50% всего жилья в Мексике считалось лачугами, то есть убогими жилищами, состоявшими из одной комнаты и не имевшими ни канализации, ни воды, ни электричества. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни в Мексике во времена Диаса не выросла, оставаясь на уровне примерно 30 лет. В 1910 году средняя продолжительность жизни (30,5 лет) даже сократилась по сравнению с 1895-м (31 год). В начале XX века были и такие годы, когда смертность превышала рождаемость. В том же Мехико бедные кварталы типа Ла Мерсед или Ла Пальма были абсолютно не приспособленными для нормальной жизни, и некоторые даже предлагали сжечь их дотла как рассадники инфекций.

Смертность от инфекционных болезней в Мексике времен Диаса несколько сократилась к концу XIX века, но опять выросла в начале века XX. На родине президента, в Оахаке оспа в 1879 году была причиной трети смертей, в 1882 – всего 1%, а в 1903 году – 14%. Плохое питание и антисанитарные условия жизни привели к тому, что самой страшной смертельной болезнью в Мексике стала дизентерия. (При анализе статистики эры «порфириата»

³⁷ Численность учителей в Мексике при Диасе росла довольно значительными темпами: с 12 748 в 1895 году до 21 017 в 1910 году.

следует помнить, что только 20–25% всех смертей анализировались врачами.) Косил людей с плохим жильем и питанием туберкулез: в 1896 году от этой болезни скончались 10 857 мексиканцев, а в 1903 – 12 945. Даже «сциентификос» были вынуждены признать, что основной причиной болезней является отвратительное питание населения. Появились лозунги вроде «вылечить людей – значит накормить их». Но на свою зарплату большинство мексиканцев просто не могли себе позволить качественную пищу.³⁸ С 1893-го по 1907 год от тифа умерло 125 тысяч мексиканцев.³⁹ Неудивительно – ведь в том же Мехико была всего одна общественная баня (богатые горожане мылись дома). Не снижалась в годы «порфириата» и ежегодная смертность от малярии.

Во время диктатуры Диаса в Мексике возник рабочий класс. Только с 1895-го по 1900 год численность рабочих выросла с 692 697 до 803 294 человек (не считая занятых на транспорте и в госсекторе).⁴⁰ Положение большинства пролетариев было незавидным.

Рабочие на новых фабриках жили в общих бараках или хижинах из металлоотходов. Забастовки и создание профсоюзов были запрещены законом. Зато правительство создало свои рабочие общества (очень похожие на «зубатовские» профсоюзы царской России), которые учили, что повиновение полиции является основным признаком культуры. В 1891 году правительственные рабочие союзы смогли сорвать празднование 1 мая. Правительство поощряло также создание обществ рабочей взаимопомощи. Их члены сами собирали деньги, чтобы помочь товарищам при несчастных случаях.

Ограничений рабочего дня не существовало. Как правило, люди работали по 12 часов семь дней в неделю. Как и пеоны, многие рабочие были вынуждены покупать продукты в заводских лавках по завышенным ценам. На некоторых фабриках хозяева ухитрялись даже вычитать из и так маленькой зарплаты расходы на амортизацию обслуживаемых рабочими машин. Не существовало никакой системы социального страхования. Потерявшего руку или ногу рабочего просто выставляли на улицу, иногда оплатив ампутацию. О пенсионной системе в Мексике никто даже и не слышал.

Как уже упоминалось, реальная зарплата промышленных и сельскохозяйственных рабочих за время правления Диаса не выросла, поскольку инфляция намного обгоняла рост доходов. Исключение составляли только горнодобывающие предприятия, но условия работы на них были просто чудовищными даже по меркам того времени.

³⁸ Подавляющее большинство населения страны, как и во времена испанского владычества, каждый день ело однообразную и бедную белком пищу – кукурузные лепешки, бобы, соус чили – и пило неизменный пульте.

³⁹ Historia moderna de Mexico. Tomo 4. La vida social en el Porfiriato. Mexico, 1957. P. 66

⁴⁰ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 105

В эпоху «порфириата» активно были вовлечены в процесс производственной и общественной жизни мексиканские женщины. Среди примерно 800 тысяч рабочих, считая ремесленников, представительниц слабого пола насчитывалось около 200 тысяч. Однако дело здесь было отнюдь не в прогрессивном феминизме режима дона Порфирио. Просто женщинам платили в два раза меньше, чем мужчинам, и использовали их на самом тяжелом и монотонном труде, прежде всего в текстильной промышленности, а также на сигаретных фабриках, где они вручную скручивали сигары. Но надо отдать должное тому факту, что в начале XX века женщины получили широкий доступ к образованию. В 1887 году медицинская школа Мехико выдала диплом первой женщине-врачу. 65% учителей начальных школ в начале прошлого века тоже были женщинами. Только в правительственном аппарате служили около 2 тысяч женщин. Правда, выше секретарш и телефонисток они не принимались.

Рацион рабочих и крестьян был примерно одинаков – те же неизменные кукурузные лепешки, бобы и пульке. Даже работники крупных скотоводческих асиенд ели мясо только по большим праздникам.

В конце колониального периода сельскохозяйственный рабочий мог кушать на зарплату за 250 дней работы 37,5 гектолитра кукурузы, в 1891 году – 42,5, а в 1908 году – только 23,5. Причем на закате «порфириата» даже начался процесс сокращения реальной заработной платы. Средняя зарплата в целом по стране составляла 39 сентаво в день в 1898 году и только 30 сентаво – в 1911 году. Даже апологеты режима Диаса признавали, что средний мексиканец в конце его правления ел не лучше, чем в начале. Правда, и не хуже, добавляли они.

Отсутствие достойного жилья и хорошо оплачиваемой работы не позволяло многим мужчинам создать нормальную семью. В конце правления Диаса, который старался подчеркнуть свою заботу о семейных ценностях, 40–45% детей в Мексике рождались вне брака (в 70-е годы XIX века – всего лишь около 20%). А в столичном федеральном округе внебрачных детей было более 60%. От половины из них к тому же отказывались оба родителя.

В соответствии с «научной» теорией позитивизма, которая стала официальной идеологией Мексики времен «порфириата», все беды человека, вроде пьянства, проституции и бедности, были не следствием социальных условий жизни, а коренились в самой человеческой природе. И государство, исходя из такого постулата, могло лишь как-то ограничить и упорядочить все эти прискорбные явления. Оттого-то, в подражание «трезвой» Америке, в Мексике и пытались ограничить употребление «нецивилизованного» пульке. Правительственная пресса с негодованием писала, что от алкоголизма умирает дюжина граждан из каждой тысячи, в то время как в США – только трое. В 1903 году от алкоголизма и цирроза печени умерли более 2 тысячи мексиканцев, причем большая часть этих смертей пришлась на столицу.

Неудивительно: в 1901 году в Мехико было 946 дневных и 365 ночных пулькерий (то есть одна на 307 жителей) – и только 34 хлебных магазина и 321 мясная лавка. Из 8 миллионов литров горячительных напитков, произведенных в Мексике, на пульке приходилось 94%.

Правда, те же газеты с удовлетворением констатировали, что мексиканцы все же пьют меньше, чем «русские мужики». При этом, однако, появлялась масса псевдонаучных опусов о якобы природной склонности индейцев к алкоголизму.

Правительство отучало жителей от пульке в основном с помощью репрессивных мер, чем восторгались продиасовские газеты, так как с точки зрения классического позитивизма и либерализма государству вообще не пристало этим заниматься. Штаты принимали законы, по которым в пулькериях не должно было быть окон, женщин и музыки. Мол, тогда, никто и не захочет посещать эти зланные заведения. В некоторых штатах пытались запретить работу питейных заведений после шести часов вечера, чтобы уберечь от пьянства возвращавшихся домой рабочих. Появились в уголовных кодексах ряда штатов и наказания за нахождение в нетрезвом виде в общественных местах. Власти отказывались понять, что большинство граждан пили от безысходности, чтобы хотя бы на время отвлечься от заполненной тяжелым и низкооплачиваемым трудом жизни. К тому же французские вина были мексиканцам просто не по карману, а литр пульке стоил 6–7 сентаво. Признавалось, правда, что именно употребление алкоголя при плохом питании ведет к росту заболеваемости туберкулезом.

Итак, в социальном смысле «порфириат» принес подавляющему большинству населения (прежде всего аграрного) ликвидацию самой материальной основы существования. Мы уже говорили, что в некоторых штатах, например в Морелосе, свыше 99% всех крестьян лишились земли. Не случайно именно Морелос позднее стал одним из главных очагов революции. Средние слои были недовольны олигархизацией экономической и политической жизни, так как она лишала их возможности любого нормального карьерного роста. Будущие генералы и министры революционных правительств при Диасе смогли подняться только до уровня телефонистов, писарей или мелких торговцев.

Не менее важными с точки зрения анализа причин революции является и крупнейшая географическая метаморфоза Мексики, произошедшая во время «порфириата».

До начала строительства железных дорог к американской границе весь север Мексики был гористой и пустынной, практически не заселенной территорией. После введения в строй железных дорог резко возросла стоимость земли в граничащих с США штатах Сонора, Чиуауа и Коауила. Местные помещики немедленно включились в прибыльный бизнес, связанный с поставками в США промышленного и сельскохозяйственного сырья. На север из

центральных и южных районов страны с 1877-го по 1910 год переселились примерно 300 тысяч человек. В 1910 году только в штате Коауила было 115 тысяч иммигрантов из других районов страны, в Чиуауа – около 50 тысяч.

Благодаря этому стали бурно расти северные мексиканские города. В Монтеррее (центре мексиканской металлургии) в 1877 году проживали 14 тысяч человек, а в 1910-м – 79 тысяч.⁴¹ Торреон стал крупным железнодорожным узлом, и его население превысило к 1910 году 43 тысячи человек. Между тем это местечко только в 1893 году получило статус деревни, а городом сделалось лишь в 1907-м. До того, как уже известный нам полковник Грин начал добывать медь в Кананеа, это был сонный поселок с населением в 200 человек. В начале XX века Кананеа превратился в крупнейший город штата Сонора с населением 25 тысяч человек. Если до строительства железных дорог до отрезанной горами от центра Соноры добирались только морем, то теперь этот штат был связан с внешним миром. Правда, в основном с США. Тысячи жителей штата отправились на сезонные работы за границу. Вскоре сонорцев стали называть «мексиканскими янки». Если в центре страны подражали Франции, то на севере – Америке. Там пили виски и старались отдать своих детей в американские школы. Никакой экономической связи с центральной Мексикой Сонора не имела.

Зато крупнейшие помещики штата, как ни странно, были яркими противниками войны, затеянной Диасом против индейцев яки, которые издавна жили в Соноре. Дело в том, что яки делились на мирных («мансос») и воинственных («бронкос»). Мирные индейцы были основной рабочей силой на асиендах. Федеральные же войска депортировали на Юкатан всех индейцев без разбора.⁴² Помещики Соноры отнюдь не желали делиться дешевой рабочей силой с плантаторами Юкатана. Один из крупнейших землевладельцев штата Майторена предоставил индейцам убежище на своей асиенде, за что был брошен в тюрьму. Вскоре Майторена стал одним из лидеров мексиканской революции, а индейцы яки – его самыми верными бойцами.

В конце правления Диаса именно Сонора благодаря своим горнорудным месторождениям была самым богатым штатом республики. Однако все эти богатства контролировали американцы, вложившие в добычу полезных ископаемых более 45 миллионов долларов. Тем не менее правительство штата могло тратить на социальные нужды своего населения больше, чем в среднем по стране. К началу революции около трети сонорцев были грамотными, что в два раза превышало среднемексиканский уровень.

⁴¹ Гонсальбо П.Э и др. Новая краткая история Мексики. М., 2008. С. 208

⁴² Во время подавления очередного восстания яки губернатор Соноры Рамон Корраль расстрелял их талантливого в военном отношении вождя Кахеме, а захваченных в плен индейцев продал на плантации Юкатана по 75 песо за голову. См. Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 262

Если богатством Соноры была медь, то соседний штат Чиуауа, не такой гористый, стал основным поставщиком в Америку живого скота. Ежегодно в США продавалось около 70 тысяч голов скота. Да и сами жители штата ели мяса больше, чем где бы то ни было еще в Мексике: на 2,5 миллиона песо в год. Местные помещики, естественно, забросили зерноводство. Асиенды Чиуауа нисколько не походили на юкатанские. Рабочих рук в штате скорее не хватало, и помещики платили своим рабочим приличную по мексиканским меркам зарплату. К тому же население штата было в масштабах страны уникальным. Довольно значительную его часть составляли бывшие военные колонисты, которых помещики сами же поселили на границе с Сонорой для защиты от апачей. Когда угроза миновала, режим Диаса попытался насадить своих мэров в деревнях и поселках бывших крестьян-солдат. Колонисты, отличные стрелки, привыкшие к постоянной войне, в 1891 году подняли настоящее восстание. В личных целях повстанцев поддержал временно отстраненный Диасом от власти в штате Террасас. Если живших по соседству яки армия безжалостно истребляла, то с восставшими колонистами был достигнут определенный компромисс. Диас даже пошел на замену непопулярного губернатора Чиуауа Лауро Каррильо. Повстанцы получили амнистию, и процесс экспроприации земли замедлился.

Столь несвойственная для Диаса мягкость по отношению к вооруженному крестьянскому мятежу объясняется прежде всего тем, что колонисты по боевым качествам наголову превосходили составленную из забитых крестьян-рекрутов федеральную армию. Это показали события в небольшой деревне Томочи, приютившейся в отрогах гор, отделявших Чиуауа от Соноры. Началось все в ноябре 1891 года с того, что деревня выразила недоверие новому мэру, которого назначил на пост его дядя – один из «хефес политикос». Мэр беззастенчиво пас своих овец на крестьянских землях и заставлял жителей деревни работать на собственной земле за мизерную плату. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что он одалживал крестьян для работы в расположенном неподалеку имении министра финансов Хосе Лимантура – второго по влиянию человека в республике.

Протест крестьян подвигнул мэра лишь на то, чтобы попытаться забрить зачинщиков в армию. Но зачинщики эти были ярыми приверженцами культа шестнадцатилетней девушки, некой Терезиты, которую многие считали святой. Они убедили крестьян, что бог на их стороне и победа обеспечена. Около сотни вооруженных крестьян-колонистов дважды с легкостью разбили посланные против них контингенты правительственных войск численностью более 500 человек. В конце концов, 1200 солдат при помощи артиллерии превратили Томочи в руины и расстреляли всех уцелевших защитников деревни (потери правительственных войск при этом превысили 500 человек). Однако в штате вскоре начали распространяться легенды о героях-крестьянах. Томочи стала первым тревожным звонком для режима Диаса.

Северо-восточный штат Коауила стал центром мексиканской хлопкообрабатывающей промышленности. Там тоже все начиналось с железных дорог к американской границе. До их прокладки хлопок доставлялся морем из-за границы. После появления дешевого транспортного пути стало рентабельным с помощью искусственного орошения производить хлопок в самой Коауиле и сбывать его в Америку. Проблема была лишь в том, что проникшие в штат американские компании не хотели делиться скудными водными ресурсами с местными помещиками. Последних возмущало, что центральное правительство (а значит, сам президент) в этих спорах вставало на сторону американцев. А ведь к началу XX века благодаря экспортному экономическому буму крупные помещики мексиканского севера чувствовали себя вполне в состоянии самостоятельно, без янки заниматься железнодорожным строительством, добычей полезных ископаемых и выращиванием и переработкой сельскохозяйственных культур и скота. Они требовали от Диаса ограничить экономическое господство США на севере Мексики, но президент в далеком Мехико по-прежнему прислушивался разве что к советам своих приближенных-«сьентификос».

Американцы занимались в Коауиле отнюдь не только хлопком.⁴³ В этом штате находилось принадлежавшее янки крупнейшее угольное месторождение Мексики, да и железные дороги штата тоже были американскими. С другой стороны, девять из десяти готовых промышленных товаров штат ввозил из США,

Таким образом, и в Соноре, и в Чиуауа, и в Коауиле крестьянский протест или глухое недовольство по разным причинам находили поддержку у местных крупных землевладельцев. Эта особенность Севера окажется достаточной для того, чтобы превратить его в колыбель мексиканской революции. Другой отличительной чертой Севера было наличие большого нового среднего класса. Если в центральной Мексике средние слои в основном состояли из государственных служащих, то на Севере благодаря экономическому буму появились десятки тысяч торговцев и скотоводов-ранчерос. «Ранчо» (их в 1900 году насчитывалось 35 тысяч) назывались более мелкие, чем асиенды, и, как правило, животноводческие хозяйства. Подчас ранчо и были частью асиенды, но в основном их владельцы хозяйствовали самостоятельно. Если «асиендос» претендовали на посты руководителей штатов, то «ранчерос» хотели быть мэрами или депутатами. Однако жесткая централизация «порфириата» не давала им, за редкими исключениями, такой возможности.

Итак, именно на пережившем экономический бум севере Мексики в начале XX века сложились основные очаги недовольства режимом Диаса. Причем недовольство это разделяли, хотя и по разным причинам, практически все социальные слои северных штатов.

⁴³ В эпоху «порфириата» производство хлопка в Мексике удвоилось.

А сам дон Порфирио (даже сторонники стали называть его «доном Перпетуо», то есть «вечным») в начале нового столетия ощущал, что его политическое положение прочно, как никогда ранее.

Ему удалось свести всю легальную политическую борьбу в стране к одному-единственному вопросу: кому в 1904 году президент доверит честь идти вместе с ним на выборы в качестве кандидата в вице-президенты? В том, что главой государства опять станет сам Диас, почти никто не сомневался. Но все же, рассуждали наблюдатели, генералу в 1904 году стукнет 74 года, и, возможно, вице-президент в силу естественных причин уже во время шестилетнего срока сменит Диаса в президентском кресле.

Все газеты и общественное мнение страны видели в роли кандидатов на пост вице-президента двух человек. Министр финансов Хосе Лимантур никакой популярностью в стране не пользовался, но его ценили в Европе, и он возглавлял «сьентификос», влиятельных технократов. С ним правящая элита и иностранные инвесторы связывали экономическую стабильность в стране. Диаса Лимантур привлекал как раз своей непопулярностью. Ни в народе, ни в отдельных штатах, ни в армии опоры у него не было. А значит, в его лояльности дон Порфирио мог не сомневаться.

Сложнее было с другим кандидатом – губернатором северного штата Нуэво-Леон генералом Бернардо Рейесом. Того в народе считали националистом, поощрявшим мексиканскую промышленность и ненавидевшим настырных янки. Рейеса поддерживали и могущественные северные землевладельцы. Даже сам Диас, посетив столицу Рейеса Монтеррей, заявил в присущем ему лаконичном стиле: «Я вижу, что здесь управляют, как надо».⁴⁴ К тому же Рейес был популярен в стране как победитель воинственных индейцев яки. Но в душе дон Порфирио побаивался авторитета Рейеса и поэтому решил держать его поближе к себе, а заодно и убрать с непослушного и богатого севера.

В 1900 году Рейес стал министром обороны. Диас как бы устроил соревнование между двумя ключевыми министрами своего кабинета (ибо Лимантур по-прежнему управлял финансами, являясь вывеской Мексики для иностранных кредиторов), поощряя их взаимную неприязнь. Чтобы несколько ослабить позиции Лимантура, в СМИ была организована кампания: журналисты вменяли политику в вину его французское происхождение. Своей явной злонамеренностью и использованием наиболее сильных предрассудков мексиканского общества эта кампания уязвила тонченного и слегка высокомерного министра финансов.

К удивлению Диаса, Рейес сумел не потеряться и в столице. Он предложил президенту сформировать в качестве постоянного резерва 16-тысячную гражданскую милицию. Каждое воскресенье в Мехико проходили военные сборы гражданской молодежи, которая восторженно приветствовала Рейеса.

⁴⁴ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 88

Диас стал ревновать и подозревать генерала в бонапартистских амбициях (зачем стране милиция, равная по численности регулярной армии?), хотя лояльность того была беспредельной. В 1902 году Рейес опубликовал проникнутую верноподданическим духом биографию Диаса, а тот, проявив свою «скромность», дал понять, что восхваления ему неприятны. Президент дал отмашку Лимантуру, и министр финансов с удовольствием урезал бюджет военного ведомства. Для Рейеса это было звонкой пощечиной – и в 1904 году он подал в отставку. Вернувшись в Монтеррей, генерал стал еще более популярен в народе, теперь уже как борец со столичной коррумпированной бюрократией.

Тем временем вдалеке от этой подковерной борьбы на вершинах власти в первый год нового XX века в Мексике было образовано первое понастоящему широкое оппозиционное движение, ставившее своей целью не отдельные улучшения «порфириата», а полную его ликвидацию. Во главе поначалу полностью проигнорированной Диасом организации стояли никому не известные студенты – братья Рикардо и Энрике Флорес Магон,⁴⁵ выходцы из родного штата диктатора Оахаки. По иронии судьбы, отец юношей полковник Теодоро Флорес поддержал в 1876 году «план Тустепек». Благодаря его связям сыновья смогли получить престижное образование в Мехико. Вскоре братья, особенно Рикардо, стали активными участниками столичных студенческих кружков. В 1892 году они приняли участие в антиправительственной демонстрации. Диас демонстрацию разогнал и предпочитал по-прежнему не замечать надоедливых молодых интеллектуалов. Между тем Рикардо Флорес Магон, сперва воспринимавший себя, как и большинство оппозиционеров, наследником «чистого» либерализма времен Хуареса, стал уделять повышенное внимание социальным вопросам, главным образом положению пеонов.

7 августа 1900 года Рикардо Флорес Магон вместе с братом основал газету «Рехенерасьон» («regeneración» по-испански означает «возрождение»). Поначалу Рикардо, юрист по образованию лишь хотел обличать отдельные недостатки судебной и полицейской системы Мексики. Но вскоре он понял, что у всех этих недостатков один корень – единоличная диктатура Порфирио Диаса. В декабре 1900 года братья официально назвали свою газету «независимым боевым периодическим изданием».

В том же августе 1900 года инженер Камило Ариага призвал провести в городе Сан-Луис-Потоси (запомним это название) конгресс либеральных сил.⁴⁶ Правительство не возражало, так как целью собрания была объявлена борьба с поднимающим голову клерикализмом. Вопреки ожиданиям в

⁴⁵ Подробнее см. Albro W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992

⁴⁶ Cockcroft J.D. Precursores intelectuales de la Revolution mexicana. Mexico, 1971. P. 87

феврале 1901 года в город приехали более 50 делегатов из многих штатов, в том числе и шеф-редактор «Рехенерасьон». Его выступление произвело фурор и вызвало у многих чувство страха за свою жизнь. Отойдя от безопасной темы церкви, Рикардо Флорес Магон четко произнес: «Наше правительство – это скопище бандитов». На него зашикали, и он повторил фразу. Опять протесты и опять тот же вызов. После третьего раза оратору зааплодировали. Делегаты преодолели собственную рабскую покорность режиму. На конгрессе была основана Либеральная партия Мексики, состоявшая, как и большинство других партий, из нескольких политических клубов в разных городах страны.

Правительство стало разгонять эти клубы, причем одним из первых был закрыт либеральный клуб в штате Нуэво-Леон – вотчине Бернардо Рейеса. Диас явно боялся, что новое оппозиционное движение поддержит слишком популярного генерала. Энрике Флорес Магон был арестован 23 мая 1901 года по ордеру судьи, не раз становившегося объектом критики «Рехенерасьон». Публицист провел в тюрьме почти год. Однако он ухитрился издавать свою газету и из-за решетки. В сентябре 1902 года Энрике опять был арестован. Теперь за нападки на военного министра Рейеса. Выйдя из тюрьмы в конце 1903 года, Энрике вместе с братом Рикардо бежал из Мексики. 3 января 1904 года они пересекли пограничную реку Рио-Гранде.

Между тем Диас избрал кандидатом на пост вице-президента крайне непопулярного в стране Рамона Корраля и после выборов 1904 года вновь стал президентом.

«Сьентификос» восприняли назначение Корраля как свою полную победу над группой Рейеса. Тем более что популярность генерала стала падать – во многом благодаря усилиям «Рехенерасьон» и либеральной партии. В конце 1903 года в столице штата Нуэво-Леон прошла демонстрация против переизбрания Рейеса на пост губернатора штата. Войска открыли огонь и убили 15 демонстрантов. «Народный» кандидат Рейес показал народу свое истинное обличье.

Корралю был посвящен и первый эмигрантский номер «Рехенерасьон», вышедший в столице Техаса Сан-Антонио в ноябре 1904 года. Теперь газета не скрывала цели обновленной Либеральной партии, органом которой она фактически стала: «Мы будем атаковать генерала Диаса как человека, который прямо ответственен за все невзгоды мексиканского народа, и потому, что он представляет собой самую одиозную, кровавую и роковую тиранию, которая когда-либо существовала в нашей стране».⁴⁷ Избрание губернатора Соноры вице-президентом для эмигрантов означало, что Диас хочет сохранить созданный им режим и после своей смерти.

⁴⁷ Albro W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992. P. 26

Используя возвышение Корраля и упадок влияния Рейеса, «сьентификос» решили разобраться с непокорными политическими и экономическими лидерами северных штатов. В Соноре близкое к Корралю правительство штата подавило все политические амбиции либеральных землевладельцев, лидером которых был уже известный нам Хосе Мария Майторена. В Коауиле Диас заставил подать в отставку популярного среди местной элиты губернатора Мигеля Карденаса и предотвратил избрание неугодного ему кандидата Венустиано Каррансы.

Подобная политика привела к тому, что многие богатые люди севера стали финансово поддерживать группу Флореса Магона в США. Деньги давал, например, Франсиско Мадеро, богатый землевладелец и промышленник Коауилы.⁴⁸ Мадеро получил образование во Франции и США, где увлекся спиритизмом. Среди собратьев по классу он слыл чудачком, так как предоставлял своим рабочим немало социальных благ. Но до поры до времени Диас считал клан Мадеро лояльным, потому что его основатель дон Эваристо когда-то поддержал его путч в 1876 году. К тому же Мадеро слыли недругами Рейеса. Правда, Диас и «сьентификос» с неудовольствием наблюдали за тем, как Франсиско Мадеро объединял усилия помещиков штата Коауила в борьбе против американских компаний за скудные водные ресурсы.

Что же касается надоедливых братьев Флорес Магон – Диас подослал к ним в Техас наемного убийцу. Покушения не получилось, но братьям пришлось перебраться подальше от границы – в город Сент-Луис, штат Миссури. Тем не менее «Рехенерасьон», которую тайком доставляли в Мексику, пользовалась в стране все возрастающей популярностью. Продавалось около 25 тысяч экземпляров газеты. Популярной она была и потому, что Либеральная партия, впервые в мексиканской истории, требовала не только политических свобод, но и решения наболевших социальных проблем. Диасу удалось добиться ареста Рикардо и Энрике в Сент-Луисе, но их вскоре выпустили благодаря вмешательству местных журналистов.

1 июля 1906 года образованная в Сент-Луисе в сентябре 1905 года либеральная хунта (то есть фактически правительство в изгнании) выпустила свой манифест, который по обычаю назывался «Либеральным планом».⁴⁹ Там перечислялись традиционные либеральные требования: полная национализация церковного имущества, обеспечение политических свобод, светское образование, отмена смертной казни и ликвидация института «хефес политикос». Но наряду с этим план содержал и социальные требования: восьмичасовой рабочий день и шестидневная рабочая неделя (то есть введение хотя бы одного выходного дня), закрытие магазинов на фабриках и асиендах и выдача зарплаты только наличными деньгами, запрет детского

⁴⁸ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 115

⁴⁹ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 249

труда. Характерно, что братья Флорес Магон обратились именно к нуждам рабочих. Но и аграрному вопросу в документе, впервые в истории мексиканского либерализма, уделялось достойное внимание. Каждый землевладелец должен был обрабатывать имеющиеся у него земли, в противном случае они передавались государству. Государство, в свою очередь, предоставляло освободившуюся землю местным или иностранным колонистам. Для поддержки этой политики планировалось создать специальный кредитный банк. Что и говорить, программа радикально настроенного Рикардо Флореса Магона в аграрном вопросе была не столь уж и радикальной. Но он первым из образованного класса Мексики затронул эту тему. В целом же либеральная хунта по старой либеральной же традиции считала крестьянство политически незрелым и зараженным религиозными предрассудками. И с тактической точки зрения, к сожалению, была права.

На первый взгляд, попытка разбудить именно рабочих выглядела весьма бесперспективным делом. Рабочих в Мексике насчитывалось гораздо меньше, чем ремесленников, и они были политически разобщены. Правда, еще в 70-е годы прошлого века появилась мексиканская секция Первого интернационала, а с 1871 года начала выходить газета с характерным названием «Эль Сосиалиста». Однако с течением времени газета была прикормлена Диасом, а ее главный редактор даже стал депутатом Конгресса. Среди мексиканских рабочих пользовались огромной популярностью идеи анархизма, которые занесли в Мексику итальянские и испанские иммигранты.⁵⁰ Марксизм практически отсутствовал, так как явно был чересчур сложен для неграмотного в основной своей массе пролетариата.

Но братья Флорес Магон использовали в своих целях присущую анархизму готовность к открытым прямым действиям.

В начале XX века большинство рабочих Мексики ненавидели Диаса за то, что настоящими хозяевами в стране были американцы. Рабочие видели, что все более или менее квалифицированные должности на крупных предприятиях заняты иностранцами, которые к тому же получают за одинаковый с мексиканцами труд в два раза больше.

В 1905 году министр финансов Лимантур, сам того не ведая, нанес диктатуре Порфирио Диаса сокрушительный удар, без которого, возможно, и не возникло бы предпосылок для революции. Чтобы наконец сделать Мексику полноправным членом мирового экономического сообщества, Лимантур перевел страну с серебряного на золотой стандарт. Толчком к этому послужил переход на золотой стандарт Соединенных Штатов. Ранее американцы активно закупали мексиканское серебро, но это привело к инфляции и к сокращению золотых резервов. А ведь тогда, в 1890-е годы Америка была

⁵⁰ Рикардо Флорес Магон в эмиграции в США также испытал сильное идеологическое влияние тамошних анархистов.

страной-должником и выплачивала долги своему основному кредитору, Великобритании, в золоте. Вопрос о том, базироваться американскому доллару на золоте или серебре, стал одним из основных в ходе предвыборной кампании в США 1900 года. Победил республиканец Маккинли, сторонник золотого стандарта, который ввел его, как только сделался президентом.

Для Мексики это было сильнейшим ударом. Ведь и Лимантур, и сам Диас всячески подчеркивали, что за время «порфириата» Мексика стала отличным должником и поэтому может занимать за границей деньги в любое время и под разумные проценты. Лимантур проводил активную кредитную политику, беря в долг, когда надо и когда не надо. Деньги занимались во Франции, и «сэنتификос» имели с каждого кредита неплохие комиссионные. В результате этого финансово-политического хвастовства к 1905 году Мексика накопила невиданную ранее сумму внешнего долга – 250 миллионов песо. Однако стоимость мексиканского серебра постоянно снижалась, так как американцам оно уже не нужно было в прежнем объеме. Соответственно, все большую долю бюджета приходилось тратить на погашение внешней задолженности. Мексика пыталась вместе с Китаем предложить США фиксированный курс обмена серебра на золото, но американцы идею в целом проигнорировали, хотя потом предложили явно невыгодный для Мексики курс. Зависимость от США не оставляла мексиканскому правительству иного выбора, чем скрепя сердце согласиться на диктат.

25 марта 1905 года Лимантур объявил о новой валютной системе. Стоимость мексиканского песо устанавливалась на уровне 50 американских центов. Это фактически означало девальвацию мексиканской валюты в два раза и, соответственно, обесценение мексиканских зарплат. Существенно подорожал импорт, особенно товары широкого потребления и промышленное оборудование. Мексиканское серебро стало утекать за границу, где оно стоило дороже, чем на родине. Вся глупость либерально-монетаристской ортодоксии Лимантура проявилась еще и в том, что мексиканский внешний долг практически удвоился.

Зато для иностранных инвесторов наступили в прямом смысле слова золотые времена. Ведь все мексиканские активы, и прежде всего земля, разом подешевели в два раза.

К тому же Мексика стала очень зависимой от любых колебаний мировых финансовых рынков, что вскоре не замедлило сказаться на экономическом положении всех классов. А, как известно, любая революция начинается именно на почве недовольства населения ухудшением своей повседневной жизни.

1 июня 1906 года неожиданно для правительства вспыхнула забастовка на медных рудниках полковника Грина в Кананеа, штат Сонора.⁵¹ Неожиданно

⁵¹ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 97–98

не только потому, что забастовки были в принципе запрещены, но и потому, что горняки-мексиканцы получали у Грина гораздо больше, чем мексиканские рабочие в среднем по стране.

Забастовку подготовили три члена Либеральной партии братьев Флорес Магон, которые распространяли «Рехенерасьон» среди рабочих. Горняки послали для переговоров с руководством компании делегацию, куда и вошли сторонники Флоресов Магонов. Они требовали равной оплаты с американскими коллегами, составлявшими около трети персонала предприятия и занимавшими все руководящие посты, начиная с мастеров. Американцам после упомянутого выше шага Лимантура платили золотой валютой и долларами, при том что девальвация валюты увеличила долг рабочих-мексиканцев за дома, построенные для них компанией.

Полковник Грин, сославшись на непростые для его компании времена, отказался даже разговаривать с рабочими. В ответ рудник прекратил работу. Девизом протестов стал лозунг «Восемь часов и пять песо» (столько платили в день американцам, с которыми рабочие-мексиканцы хотели сравняться в правах). Когда работники лесопильного цеха попытались выйти на улицу, их встретили брандспойтами. Затем американская охрана открыла стрельбу по абсолютно безоружным рабочим. Те стали вооружаться, захватив оружейный магазин в городе. В завязавшейся перестрелке были убиты несколько мексиканцев и два американца. Рабочие подожгли лесопилку и взорвали динамитом несколько объектов.

Грин и американский консульский агент в Соноре Гэлбрейт запаниковали. Грин немедленно позвонил губернатору штата Сонора Рафаэлю Исабалью и попросил прислать «руралес». Но те не могли прибыть достаточно скоро. Тогда Грин связался с друзьями в Аризоне, быстро собравшими для него 276 рейнджеров. Гэлбрейт послал в Вашингтон серию срочных телеграфных депеш, требуя выслать американские войска. В одной из телеграмм говорилось: «Немедленно пришлите помощь в Кананеа, Сонора. Американских граждан убивают, а собственность взрывают динамитом. Нам нужна помощь».

Исабаль разрешил вооруженным американцам перейти границу, и те для маскировки и сохранения лица губернатора штата были приведены к присяге как мексиканские добровольцы. Рейнджеры во главе с Исабалем на поезде прибыли на рудник в 10 часов утра 2 июня и стали демонстративно патрулировать улицы Кананеа. Губернатор не узрел в обстановке ничего критического, и рейнджеров в тот же день отправили обратно. Однако Исабаль уже нанес сокрушительный удар престижу Диаса. Даже рептильная мексиканская пресса не одобрила привлечение иностранцев для подавления протестов мексиканских рабочих.

Вечером 2 июня вновь возникла перестрелка между мексиканскими рабочими и американским персоналом. Добравшиеся наконец до рудника

«руралес» без всякого суда расстреляли за городом тех, кого они считали зачинщиками беспорядков. 3 июня командующий военной зоной, куда входила Кананеа, генерал Луис Торрес ввел в городе осадное положение (его обеспечивали более 2 тысяч солдат регулярной армии и «руралес») и пригрозил призвать рабочих, которые не прекратят забастовку, в армию и отправить воевать против индейцев яки. С забастовщиками встретиться генерал наотрез отказался. Трое членов Либеральной партии, вдохновившие горняков на бунт, были осуждены на 15 лет. Надо отметить, что либеральная хунта в Сент-Луисе не приказывала начать забастовку, и сторонники Флоресов Магонов действовали в этом случае самовольно.

В ходе забастовки были убиты четверо и ранены семь американцев. С мексиканской стороны погибли, по официальным данным, 18 человек, хотя на самом деле жертв было гораздо больше (говорили о сотне с лишним убитых). Консульский агент Гэлбрейт с гордостью отправил в Вашингтон телеграфное сообщение, в котором хвалил «смелых американских парней».

Американцы немедленно использовали волнения в Кананеа в своих интересах. Уже 2 июня 1906 года посол США в Мексике Томпсон предложил Диасу содействие регулярных американских войск в подавлении беспорядков. Диас вежливо отказался, но в общественном мнении Мексики уже сложилось впечатление, что президент перестал быть хозяином в собственной стране. Именно с Кананеа началась идейная революция мексиканского общества, которая вскоре переросла в революцию настоящую.

Обсуждая с одним из своих доверенных лиц, адвокатом Рафаэлем Сайасом Энрикесом события в Кананеа, Порфирио Диас спросил: «Это что, мятеж?» Адвокат ответил ему так же, как в свое время ответили Людовику XVI: «Нет, сир, это предвестник революции».⁵² Диас поручил Энрикесу исследовать рабочий вопрос, и тот пришел к неутешительным для диктатора выводам. Конфиденциальный отчет был представлен президенту 3 августа 1906 года. В нем говорилось, что «социалистическое движение» активно распространяется по всей стране. Его поддерживают средние слои в тех штатах, где власть монополизирована узким кругом лиц. Следует ожидать присоединения к революционному движению пеонов, чье положение гораздо хуже, чем у рабочих. Преследовать оппозиционных журналистов в этих условиях означает лишь способствовать росту их популярности, так как народ любит мучеников. Адвокат справедливо предостерегал: «Это движение не ограничено рабочим классом; к ненависти к определенному кругу лиц – «сьентификос» – добавляется рабочий вопрос, а позднее добавится и вопрос аграрный». Также Энрикес предлагал Диасу отнюдь не новый в мировой истории ход – самому возглавить революционное движение, которое уже не уничтожить.

⁵² Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 99

Но пока диктатор чувствовал себя вполне уверенно. 15 июля 1906 года под эгидой правительства в Мехико собрался первый в истории страны рабочий конгресс. От имени президента выступал один из умнейших представителей «сьентификос» – министр общественного образования Хусто Серра. Министр был за дискуссии, но против забастовок. Если кому-то из рабочих будут мешать работать (имелись в виду, конечно, штрейкбрехеры), то правительство бросит на их «защиту» 60 тысяч штыков.

Мексиканское правительство публично объявило волнения в Кананеа обычным трудовым конфликтом, не направленным против правительства. Диас лично одобрил действия губернатора Исабала: «К счастью, быстрое и энергичное вмешательство правительства штата Сонора и командующего военным округом положило конец этим событиям».⁵³

Но в конфиденциальной беседе с американским послом 4 июня Диас высказал совсем иную, правдивую точку зрения: Кананеа – революционное выступление, направленное на свержение режима. Признал Диас и то, что за волнениями стоят братья Флорес Магон, которых он столь долго недооценивал. Президент просил американцев пресечь деятельность либеральной хунты. Однако содержание его беседы с Томпсоном стало достоянием прессы, что нанесло еще более сильный удар по престижу диктатора. Ведь получалось, что могущественный дон Порфирио бессилен пред лицом кучки бедных эмигрантов-интеллектуалов. Престиж Рикардо Флореса Магона сильно вырос, а «Рехенерасьон» благодаря Диасу приобрела новых читателей. Газету, видимо, пролистывал и сам президент. Во всяком случае, он самолично передал несколько экземпляров Томпсону, чтобы американцы убедились в подрывном характере издания. Госдепартамент, однако, тогда не нашел в газете ничего такого, что оправдывало бы ее закрытие. В США и Мексике к свободе прессы подходили по-разному.

Мексиканские проправительственные газеты приписали организацию забастовки неким «нигилистам». «Рехенерасьон» назвала ее «благословенным восстанием». В том же 1906 году либеральная хунта начала подготовку всеобщего вооруженного восстания. Его идейной базой был упоминавшийся выше манифест от 1 июля 1906 года, появившийся именно под влиянием событий в Кананеа.

План хунты почти полностью повторял выступление самого Диаса в 1876 году. Планировалось, что несколько вооруженных отрядов эмигрантов вторгнутся из США, и это станет сигналом для восстания либеральных групп в разных районах страны. Однако, в отличие от Диаса, повстанцам не хватало денег для закупки оружия. Флорес Магон обратился к Мадеро, но тот заявил, что является принципиальным противником кровопролития. Диктатуру, утверждал Мадеро, – он не считал Диаса тираном, сваливая вину

⁵³ Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 53–54

за деспотизм правительства на «сьентификос», – можно победить только через избирательный бюллетень.⁵⁴

Диас знал о готовящейся революции и решил напугать ею американцев. По Мексике и США поползли слухи, распространяемые агентами дона Порфирио. Либеральная оппозиция в отместку за Кананеа якобы планировала на День независимости Мексики массовые убийства американцев и прочих иммигрантов.

Рикардо Флорес Магон действительно назначил всеобщее восстание именно на эту дату – 16 сентября 1906 года, но американцев во внутримексиканскую борьбу он втягивать не хотел. 12 сентября либеральная хунта направила президенту США Теодору Рузвельту письмо, в котором подчеркивала, что борется только против собственного правительства. Сам же Диас поставил в Мексике иностранцев в опасное положение, потому что с ними обращались «лучше, чем с местными жителями».

В сентябре 1906 года американцы явно ощущали рост оппозиционных настроений в Мексике. Однако минуло 16 сентября... и ничего не произошло. Либералам просто не хватило времени на подготовку. Восстание началось десять дней спустя, и дело не заладилось с самого начала. Агентам Диаса удалось проникнуть в либеральный клуб в Аризоне, который готовил нападение на приграничные города мексиканского штата Сонора, в том числе Кананеа. Характерно, что военным руководителем восставших был индеец яки: Флорес Магон хотел поднять на борьбу с диктатором это яростное племя. Однако за несколько дней до восстания американские рейнджеры по наводке мексиканской охраны арестовали всех руководителей восстания.

Но Рикардо не сдавался. Центром готовящейся революции стал Техас. В мексиканский город Хименес (штат Коауила) было заблаговременно переправлено оружие. Тамошние либералы собирались ударить по властям одновременно с вторжением отряда эмигрантов из Техаса. Катастрофически не хватало денег, и либералы вновь обратились за помощью к Франсиско Мадеро, чей клан имел в Коауиле сильные позиции. Мадеро опять осудил готовящееся вооруженное восстание, назвав преступлением попытку «окунуть страну в кровь во имя личных амбиций».

Тем не менее 26 сентября отряд из примерно 60 либералов напал из США на Хименес и захватил таможенную и муниципальную казну, в которой оказалось 100 долларов.⁵⁵ Один из повстанцев, молодой человек по фамилии Альмарас был убит, став первой жертвой грядущей революции. Увы, далеко не последней. На следующее утро повстанцы покинули Хименес, чтобы

⁵⁴ Cumberland C.C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 46

⁵⁵ Albro W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992. P. 62

захватить припасы на одной из близлежащих асиенд. Но там их уже ждали правительственные войска, которые рассеяли либералов, сумевших большей частью бежать назад в США.

Диас назвал события в Хименесе уголовщиной без всякой политической подоплеки. В США был передан список 65 участников нападения на Хименес с просьбой арестовать и осудить их за бандитизм. Однако независимый американский суд оправдал подозреваемых, признав, что все обвинения против них носят чисто политический характер.

Между тем восстание зрело и в штате Веракрус, где оппозиция была традиционно сильна. Там не забыли, как в 1879 году Диас убил без суда и следствия сторонников свергнутого президента Лердо. В самом порту Веракрус действовали сильные либеральные клубы, которые подвергались постоянным гонениям со стороны правительства. Либеральная хунта Флореса Магона ввиду неуспеха рейда на Хименес порекомендовала друзьям отложить выступление на начало 1907 года. Те отказались, надеясь, что за Веракрусом против Диаса поднимется вся страна.

В Веракрусе и его окрестностям либералам довольно легко удалось сформировать отряд в тысячу человек, большую часть которого составляли крестьяне-индейцы, изгнанные со своих земель.⁵⁶ Повстанцы разделились на три группы, которые должны были синхронно в 11 часов вечера 30 сентября захватить три города штата. Однако из-за организационной неразберихи (в руководстве восстания совсем не было военных) вовремя выступил только один отряд. Он добился весомых успехов в боях за Акаюкан, но при штурме муниципалитета был ранен вождь всего восстания Иларио Салас, и его люди отступили из города.

Ко второму городу повстанцы даже не сумели приблизиться – на них напал отряд федеральных войск, приведенный в боевую готовность после событий в Акаюкане. В третьем городе – портовом Пуэрто-Мехико – войска также сумели создать прочную оборону и легко отбили запоздалую атаку либералов. В течение следующих нескольких дней правительственные силы добивали отдельные группы повстанцев. Почти все командиры отрядов за исключением Саласа были схвачены и приговорены к длительным срокам заключения.

Таким образом, организованные либеральной хунтой вооруженные выступления провалились из-за недостатка средств и, что еще важнее, из-за отсутствия во главе восстания фигуры национального масштаба. Флорес Магон был довольно широко известен, но только среди оппозиционно настроенной интеллигенции. В Мексике все привыкли к тому, что «серьезное» вооруженное выступление возглавляет или генерал, или бывший губернатор

⁵⁶ Albro W. S. Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992. P. 64

штата. Анархистская тактика «прямого действия» (главное начать, а там посмотрим) явно не работала.

Однако Диасу, человеку далеко неглупому, была ясна вся опасность ситуации. Ведь если бы мятежники получили средства и оружие, исход борьбы мог быть иным. Поэтому мексиканское правительство удвоило усилия, чтобы разогнать либеральную хунту и уничтожить «Рехенерасьон». Действовать на сей раз решили руками самих американцев. Главную роль сыграл полковник Грин, ненавидевший либералов за восстание на своем руднике. Он потребовал от властей США закрытия «Рехенерасьон» за клевету: в выпуске от 15 июля 1906 года газета утверждала, что Грин подкупил губернатора Соноры Исабала и тот освободил американцев от всякой ответственности за кровопролитие в Кананеа. На этот раз Диасу сопутствовал успех: американцы закрыли «Рехенерасьон» на девять месяцев.

Несмотря на предыдущие неудачи, либералы готовились к нападению из Техаса на приграничный город штата Чиуауа Сьюдад-Хуарес, которому впоследствии было суждено сыграть ключевую роль в судьбе мексиканской революции. Согласно плану группа повстанцев перед нападением должна была взорвать динамитом казармы правительственных войск, что по замыслу Рикардо Флореса Магона привело бы к панике в рядах защитников города. Однако командующему войсками в Сьюдад-Хуаресе генералу де ла Вега удалось внедрить в ряды заговорщиков двух молодых офицеров. Те пообещали привести гарнизон на сторону революции без всякого динамита. Либералы пожалели солдат и отменили план подрыва казарм. За два дня до нападения, 19 октября 1906 года по наводке мексиканского консула в Эль-Пасо, пограничном тexasском городе, расположенном прямо напротив Сьюдад-Хуареса, американская полиция арестовала вождей восстания. Рикардо Флоресу Магону удалось скрыться, и мексиканские власти объявили о назначении премии в 20 тысяч песо за его поимку.

В конце октября губернатор Чиуауа Энрике Криль докладывал президенту, что штат очищен от заговорщиков. Но эта победа диктатуры оказалась пирровой.

Опять зрели волнения в штате Веракрус. Под влиянием пропаганды либеральной хунты и после событий в Кананеа текстильщики Веракруса образовали летом 1906 года профсоюз «Великий круг свободных рабочих». Из-за диасовского антирабочего законодательства профсоюз был тайным и быстро приобрел черты подпольного революционного политического клуба. Лидеры профсоюза признали руководство либеральной хунты и активно распространяли среди рабочих «Рехенерасьон». Произошедшие позднее волнения на текстильных фабриках района Рио-Бланко были очень похожи на российское «кровавое воскресенье» 1905 года. Похожи тем же презрением власти к рабочим, которые ждали именно от нее решения наболевших вопросов.

Забастовку в декабре 1906 года объявили около 7 тысяч рабочих фабрик Веракруса и Пуэблы, объединившихся во «Второй великий круг свободных рабочих».⁵⁷ Причиной выступления был снобизм все того же ультрамонетаристского министра финансов Лимантура. Когда текстильные магнаты Веракруса стали жаловаться ему на резкое ухудшение своей конкурентоспособности из-за девальвации песо (подорожали импортное сырье и оборудование), Лимантур посоветовал им выжать побольше денег из рабочих. По рекомендации министра финансов предприниматели региона образовали лоббистский союз, который выработал целый регламент поведения рабочих на текстильных фабриках.

Этот документ резко ухудшал и без того варварские условия труда. В нем предусматривались, в частности, 12,5-часовой рабочий день, жесткая система штрафов и запрет принимать гостей в домах, принадлежавших предпринимателям. Самым ненавистным нововведением стали трудовые книжки, в которых отмечалась благонадежность того или иного работника. С отметкой в таком волчьем билете нельзя было устроиться на работу нигде в регионе. Рабочие направили скромную по требованиям петицию президенту республики. Тот принял на себя функции арбитра. Но пока Диас разбирался в конфликте, предприниматели объявили локаут, и 93 текстильные фабрики в 20 штатах выставили на улицу перед самым рождеством тысячи рабочих. Так забастовку решили удушить голодом. Однако ставка на традиционную разобщенность мексиканского пролетариата себя не оправдала. Рабочие других штатов начали собирать средства в фонд помощи бастующим. Протест грозил приобрести национальный характер.

Президент оказался умнее предпринимателей и согласился пойти на частичные уступки. Тем более что в штате Веракрус и так только что было подавлено первое крупное вооруженное выступление против режима за последние годы. 4 января 1907 года дон Порфирио принял соломоново решение. Некоторые требования рабочих были удовлетворены: создавался фонд для вдов и сирот, разрешались визиты гостей в дома рабочих, запрещался детский труд, увеличивалась зарплата.⁵⁸ Однако одновременно президент предлагал введение трудовых книжек, что было отвергнуто рабочими как полицейская мера. Тем не менее президент приказал всем бастующим вернуться 7 января на рабочие места. Приказа диктатора осмелилась послушаться только фабрика в Рио-Бланко, которая присоединилась к забастовке одной из последних. И здесь роль детонатора сыграла ненависть к иностранцам.

Перед фабричным магазином французские служащие стали издеваться над собравшимися рабочими и их женами, напевая по-испански: «*Rap, rap, po les dan!*» («Хлеба, хлеба, а мы вам его и не дадим!») И действительно,

⁵⁷ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 100

⁵⁸ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 100

владельцы магазина издевательски отказывали рабочим в отпуске хлеба в кредит. А ведь у тех просто не было денег из-за почти месячного локаута. Завязалась горячая словесная перепалка, переросшая в драку. Магазин подожгли и разграбили. Владельцы фабрики немедленно вызвали на помощь федеральные войска и местную полицию, которые начали стрелять в собравшихся, убив несколько женщин и детей. Но толпа не рассеялась, а двинулась на муниципалитет и захватила его после недолгого штурма.

Однако у рабочих практически не было оружия, и они отошли из города в соседнюю деревню Ногалес. Там их настигли правительственные войска, открывшие по безоружным людям прицельную стрельбу. Разъяренные рабочие решили вернуться в город, чтобы забрать тела убитых и освободить арестованных товарищей. Демонстрацию встретил полковник Розалино Мартинес, который привел из Веракруса и Пуэблы дополнительные подкрепления. Началась настоящая кровавая бойня. Солдаты без разбора убивали собравшихся, не щадя женщин и детей. Расстрелы захватили и соседние городки. С приездом на место заместителя министра обороны казни недовольных только усилились. Многих рабочих сослали на каторгу. Правительство засекретило данные о жертвах расстрелов в Рио-Бланко. Как минимум там погибло около сотни человек.⁵⁹ Говорят, что, узнав о расстреле рабочих, Диас воскликнул: «Слава богу, я еще не научился убивать!»

Царь Николай II расстрелял рабочих в январе 1905 года, и это стало началом первой русской революции. Диас расстрелял рабочих в январе 1907-го, и именно этот год стал началом краха режима. Кстати, в Мексике и газеты, и интересующиеся политикой граждане внимательно следили за революцией в далекой России. 26 января 1905 года российский поверенный в делах в Мексике де Волан писал в Петербург, что «события 9 января в С.- Петербурге» нашли отголосок и в Мексике».⁶⁰

Как мы помним, Диас начинал захват власти с территории США и открыл страну для американского капитала. Теперь Мексика неожиданно почувствовала оборотную сторону диасовской модернизации. В 1907 году США охватила финансовая паника, которая из-за перехода на золотой стандарт мексиканского песо и внешнеэкономической зависимости страны от северного соседа нанесла сильнейший удар по мексиканской экономике. Владельцы американских предприятий в Мексике, чьи акции котировались на биржах США, начали срочно выводить капиталы домой, чтобы избежать общего банкротства. Резко сократился объем заказов из Америки для мексиканской промышленности. Особенно серьезным был экономический крах на тесно связанном с США севере Мексики. Тысячи людей потеряли работу,

⁵⁹ Данные о количестве жертв в источниках разнятся от 50 до 200.

⁶⁰ Имеется в виду «кровавое воскресенье». Цит по: Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 46

а еще десятки тысяч впервые за много лет оказались лицом к лицу со снижением номинальной зарплаты. В некоторых районах воцарился голод, так как уже несколько лет на севере царила засуха (в барах Чиуауа чистое виски стоило дешевле, чем разбавленное водой).

Лимантур решил вывести страну из кризиса, который сам же и усугубил переходом на золотой стандарт, классическим либеральным методом: за счет снижения зарплаты государственным служащим и повышения налогов. Тем самым многие чиновники низкого ранга разом потеряли весь свой статус, которым они гордились. Даже иностранные дипломаты отмечали, что среди большинства государственных служащих царит настоящая ненависть по отношению к правительству. Вдобавок к тому, что реальная зарплата рабочих и служащих упала, цены на продукты питания резко выросли. Если номинальная зарплата рабочих за период с 1900-го по 1910 год выросла в среднем на 17%, то цены поднялись на 70%.

Германский консул из Гвадалахары сообщал в Берлин: «Многие из здешних фабрик полностью или частично прекратили работу, стройки заброшены, и большое количество фабричных рабочих ушло...»⁶¹ Рабочие были вынуждены наниматься на асиенды, и процесс индустриализации в Мексике пошел вспять.

Финансовый кризис ударил и по крупным землевладельцам севера. Почти все они для получения оборотных средств заложили свои земли в банках. Когда эти самые банки оказались на грани банкротства, Лимантур посоветовал им немедленно потребовать от землевладельцев возвращения всех долгосрочных кредитов. «Асиендадос» севера понесли громадные убытки.

Кризис усугубила монетаристская политика министра финансов Лимантура. Для него по-прежнему главным было обслуживание внешнего долга. Надо отметить, что в 1910 году французы держали 66% мексиканских долговых облигаций, англичане – 16,5%, а американцы – всего лишь 12%. На погашение внешнего долга в условиях финансового кризиса уходило 25% мексиканского бюджета. При этом в угоду кредиторам правительство продолжало считать основным приоритетом сбалансированный бюджет. Резко сокращались и без того мизерные социальные расходы. К тому же, произведя в 1908 году хваленую «мексиканизацию» железных дорог, правительство Диаса помогло их американским владельцам. Так как разговоры о грядущем выкупе акций шли несколько месяцев, американские собственники накопили изрядные долги – 117 миллионов песо (больше, чем весь мексиканский бюджет того времени). Правительство Диаса взяло эти долги на себя.

В то время, когда многие мексиканцы лишились работы и голодали, Лимантур с гордостью сообщал иностранным кредиторам, что правительство с присущей ему финансовой ответственностью не только не допускает

⁶¹ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 119

дефицита бюджета, но даже не тратит уже утвержденные конгрессом бюджетные средства. При этом доходы государства постоянно снижались, составив в 1905 году 129 миллионов песо, в 1907 году – 114 миллионов, в 1908 году – 102. И, тем не менее, в 1908–1909 финансовом году правительство истратило только 93 миллиона песо из 104, утвержденных парламентом.

Однако неурожай конца эпохи «порфириата» сыграли с правительством дурную шутку, обнажив уродливый, однобокий характер предыдущей модернизации. Ввиду концентрации сельского хозяйства на производстве технических культур страна оказалась на грани голода, ведь своего зерна производилось мало. Пришлось срочно закупать зерно за границей, в первую очередь в Аргентине, Южной Африке и Австралии.

Диас понимал, что необходимо хотя бы начать ослаблять экономическую зависимость от США, иначе следующего кризиса страна может просто не пережить. По совету Лимантура мексиканское правительство в 1908 году выкупило у американцев контрольный пакет акций ведущих железных дорог. Правительственная пресса расхваливала «мексиканизацию», хотя основной ее причиной были мощные забастовки мексиканских железнодорожных рабочих.

«Мексиканизация» сильно разозлила США, так как помешала планам концерна Гарримана полностью взять под контроль железнодорожную сеть страны. Еще больше задело американцев предоставление всяческих привилегий концерну англичанина Пирсона, который стал главным нефтедобытчиком Мексики.⁶²

Для Диаса антиамериканские меры были последней попыткой вернуть себе былую популярность. Так, Мексика предоставила политическое убежище президенту Никарагуа Селайе, свергнутому американской морской пехотой.⁶³ Диас вообще, к неудовольствию США, слишком активно вмешивался во внутренние дела центрально-американских республик.⁶⁴ Американцы полагали, что это только их прерогатива.

В 1910 году в Мексике с нарочитой помпой приняли военную делегацию Японии, и в США сразу же стали подозревать Диаса в тайном военном союзе со Страной восходящего солнца.

Американцы попытались сломать Диаса, чтобы показать всему миру истинное лицо его национализма. В апреле 1907 года администрация США обратилась с официальной просьбой предоставить в аренду бухту

⁶² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 122

⁶³ Селайя укрылся в мексиканской дипмиссии, и Диас направил за ним военный корабль.

⁶⁴ Например, в 1906 году гватемальские эмигранты вторглись с территории Мексики в Гватемалу. См. Buchenau J. In the Shadow of the Giant. The Making of Mexico's Central America Policy, 1876–1930. The University of Alabama Press, 1996. P. 62

Магдалена в Нижней Калифорнии для угольной стоянки американского флота. Мексиканский МИД ответил уклончиво: данный вопрос может быть решен только Сенатом. Но в США прекрасно представляли истинное значение мексиканского Сената, который полностью контролировали друзья президента Диаса. Поэтому в июне 1907 года американцы вновь потребовали прав аренды на пять лет. В сентябре 1907 года в Мехико прибыл госсекретарь США Рут, и Диасу пришлось согласиться с требованием северного соседа. Лицо диктатора не спасло и то, что бухта была сдана в аренду США не на пять лет, а на три года. Сенат без проволочек ратифицировал соответствующий договор, который вызвал в стране волну возмущения всех слоев населения.

Диас явно перестал полностью контролировать события и решил последовать наконец совету своих соратников и возглавить неумолимое движение к восстановлению демократии в стране. Тем более что Рикардо Флореса Магона, основного противника режима, в августе 1907 года все-таки арестовали и приговорили к трем годам тюремного заключения американские власти. А значит, можно было спокойно поиграть в демократию.

В феврале 1908 года Диас дал американскому журналисту Крильману интервью, с которого и начался обратный отсчет мексиканской революции. «Нация развилась и требует свободы», – заявил дон Порфирио. И дальше он сказал потрясенному американцу следующее: «Вне зависимости от того, что говорят мои друзья и сторонники, я подам в отставку, когда закончится срок моих президентских полномочий, и не буду больше занимать этот пост. Мне тогда исполнится уже 80 лет.⁶⁵ Я терпеливо ждал дня, когда народ мексиканской республики будет подготовлен к тому, чтобы избирать и изменять свое правительство на выборах, не опасаясь военных мятежей, без ущерба для национальной репутации и без помех для национального прогресса. Думаю, что этот день настал. Я приветствую оппозиционную партию в Мексиканской республике».

Интервью было перепечатано в марте 1908 года основной проправительственной газетой «Импарсиаль» («*imparcial*» – «беспристрастный») и произвело в Мексике эффект разорвавшейся бомбы. Начался период повышенной политической активности. Прежде всего обрели второе дыхание сторонники генерала Рейеса. По всей стране стали организовываться политические клубы Демократической партии, которая поддерживала кандидатуру генерала на пост вице-президента. Ведь спустя всего пару месяцев после своего шумевшего интервью Диас дал задний ход и объявил о «согласии» опять баллотироваться в 1910 году на пост президента. «Сьентификос» создавали при помощи местных властей политические клубы, называвшиеся порфиристскими или клубами в поддержку переизбрания. Они снова пред-

⁶⁵ Cumberland C.C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 47

лагали на пост вице-президента своего ставленника Корраля, против чего, естественно, возражали рейисты.

Диаса тревожила популярность Рейеса среди молодых офицеров. Когда в Мехико возник политический клуб демократической партии, среди его учредителей обнаружили несколько офицеров. Их немедленно отправили служить в отдаленные уголки страны. Однако на железнодорожных станциях, которые они проезжали по дороге к пункту назначения, население устраивало им триумфальные встречи.

После пресловутого интервью Крильману многие местные власти были дезориентированы. Они не могли понять, насколько серьезным является обещание диктатора поощрять в Мексике деятельность оппозиции. Многие «хефес политикос» в этой новой для них обстановке решили пока не вмешиваться открыто и грубо в политические процессы. Тем более что выборы 1908 года в нескольких штатах по-прежнему проходили при полном контроле властей. Неудобных кандидатов, как и раньше, даже не допускали до стадии выдвижения своей кандидатуры.

Между тем либеральная хунта в США, даже оставшись без своего руководителя, опять запланировала на 1908 год вооруженное восстание. К тому времени Флорес Магон уже считал себя анархистом, но придерживался более понятной и традиционной для мексиканцев политической окраски, продолжая именовать себя либералом. Однако и анархистом в традиционном понимании слова назвать его было трудно. Скорее он стал радикальным социалистом, стремившимся уже к коренному переустройству всей жизни в стране. Рикардо резко критиковал взгляды Мадеро, верящего в то, что Диаса можно победить на выборах. Время показало, что он был абсолютно прав.

В июне 1908 года хунта Флореса Магона начала в Мексике вторую волну вооруженных выступлений.⁶⁶ Первое из них произошло в городе Виеска, в южной части штата Коауила недалеко от Торреона. Либералы из Виески давно имели зуб на местного «хефе политико», всячески преследовавшего тамошний либеральный клуб. Поэтому одной из целей восстания было покончить с ненавистным ставленником диасовского режима. Однако тот буквально накануне выступления уехал в Торреон, опасаясь за свою жизнь. В отличие от 1906 года, 24 июня 1908-го около 60 повстанцев легко захватили Виеску, так как полиция практически не оказала сопротивления. Отряд занял муниципалитет и отделение местного банка и разрушил идущие к городу железные дороги, чтобы помешать переброске правительственных войск. Именно такую тактику все революционеры станут использовать и в будущем. Характерно, что захват Виески под лозунгами «Долой диктатуру!» и «Да здравствует либеральная партия!» прошел практически бескровно – был убит всего один человек.

⁶⁶ Cumberland C.C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 49

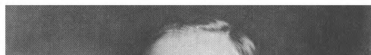
Примерно полтора дня либералы хозяйничали в Виеске, где пользовались полной поддержкой местного населения. Только когда 26 июня все же подошли войска из Торреона и Сальтильо, им пришлось покинуть город. Повстанцы направились в соседний город Матаморос, который не смогли взять из-за сильного сопротивления тамошнего гарнизона, заранее подготовившегося к обороне. Ведь вся сила плохо обученных в военном плане революционеров и тогда, и позже состояла именно во внезапности нападения. В бою у Матамороса войскам удалось пленить многих повстанцев, 15 из которых были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Лидер повстанцев был расстрелян. Мексиканское правительство оценило ущерб от мятежа в 20 тысяч песо.

Если Виеска располагалась далеко от границы, то объект следующей атаки либералов, Лас-Вакас (название – «las vacas», «коровы» – ясно показывает, чем занимались жители городка) находился рядом с Техасом, и либералы рассчитывали здесь на более серьезный успех. Их надежды подкреплялись тем, что повстанцами в Лас-Вакасе командовал кадровый армейский офицер, которому хунта присвоила звание полковника.

Здесь надо заметить, что все революционные движения в Мексике присваивали командирам повстанческих отрядов воинские звания вовсе не из любви мексиканцев к пышным титулам и эполетам. Просто, будучи полковниками и генералами пусть и незаконных правительств в изгнании, захваченные в плен командиры революционных отрядов могли рассчитывать на то, что их осудят как политических деятелей. В противном случае режим считал бы их обычными уголовниками, что почти автоматически влекло за собой смертный приговор. Так что звания и должности, причем подтвержденные письменными мандатами, были своего рода охранной грамотой революционеров. Хотя, конечно, и это в условиях диктатуры Диаса отнюдь не гарантировало пленным жизнь.

Атака на Лас-Вакас, назначенная на утро 25 июня, была неплохо спланирована. В то время как основной отряд атаковал городок из-за границы, вспомогательной кавалерийской части предстояло заблаговременно переправиться через пограничную реку за городом и потом ударить в тыл оборонявшимся. Однако на практике все опять пошло не так, как предполагалось. Кавалеристы запоздали. Тем не менее основной отряд начал в пять часов утра с трех направлений наступление на Лас-Вакас. Упорная битва примерно 60 повстанцев с правительственными войсками была крайне ожесточенной и продолжалась более пяти часов. Только к 10 часам утра либералы отступили обратно за границу. Их руководитель объяснил такой исход нехваткой боеприпасов. Около десяти повстанцев были убиты и столько же ранены. Правительственные войска понесли сходные потери.

Главным мероприятием либералов в серии революционных выступлений 1908 года должна была стать атака на крупный приграничный город Сьюдад-

Франсиско получил самое элитное образование, благо капиталы его семьи позволяли это сделать. После школы иезуитов в Салтильо настал черед католической школы в американском Балтиморе, а в 1887 году Франсиско со своим младшим братом Густаво отплыл во Францию, которая была для мексиканской аристократии землей обетованной. Там Мадеро, как мы уже упоминали, увлекся модным тогда спиритизмом, который в сочетании с его преклонением перед французскими политическими институтами пробудил у него тягу к политической деятельности. Мадеро приятно поразила во Франции свобода выборов и отсутствие оторвавшейся от народа потомственной денежной аристократии. Впрочем, он считал, что даже Аргентина с Уругваем в этом отношении серьезно превосходят его родину.

Пять лет Мадеро изучал коммерцию и экономику в Версале, готовясь принять на себя управление необъятными родительскими капиталами. Вернувшись в 1892 году на родину, Франсиско сразу же отправился в Калифорнию, чтобы изучить в Университете Беркли основные нововведения американского сельского хозяйства.

Но когда Франсиско получил представление о своих будущих асиендах и промышленных предприятиях, он пришел к выводу, что улучшать надо не только агротехнику, но и условия труда сельскохозяйственных рабочих. Родственники не одобряли этой блажи, однако до поры до времени мирились с ней, считая, что наследник скоро перебесится и станет нормальным помещиком.

Как классический либерал и прогрессист западного толка Мадеро считал, что только всеобщее образование населения сможет сделать Мексику процветающей страной. Он уделял особое внимание устройству школ в сельской местности и некоторые из них финансировал. Сначала Франсиско надеялся заинтересовать своими проектами власть имущих. Он даже написал губернатору Чиуауа Энрике Крилю, видному представителю «съентификос», письмо, где горячо доказывал преимущества всеобщего образования. Однако Криль, как и другие «съентификос», столь же горячо был убежден, что основной массе мексиканского населения образование только навредит. Уделом крестьян и рабочих должен оставаться монотонный физический труд, и образования для этого им не требуется. Ну а все квалифицированные должности с успехом занимают иностранцы.

В некоторых исследованиях Мадеро рисуют чудаковатым идеалистом-спиритистом вроде чеховских героев. Однако такие оценки весьма далеки от истины. Спиритизм для него был не только средством общения с духами умерших великих людей (явление, в то время чрезвычайно модное в интеллигентской среде всего мира). Мадеро извлек из своего увлечения боевую идеологию, которую прямо противопоставлял католичеству. Не бог предопределяет человеческую жизнь. Страдания человечества являются вовсе не результатом некоего первородного греха, а следствием несовершенства чело-

веческого общества. Мадеро писал: «Вот великое дело, которое проповедует спиритизм и к которому мы предлагаем присоединиться: освобождение человечества путем образования и науки».⁶⁸ Интересно, что конечной целью реформ человеческого общества Мадеро видел освобождение человечества от оков материализма. Под материализмом он понимал стремление к наживе как мерилу всех ценностей мира. С этой точки зрения правление Диаса и особенно клики «сьентификос» казались воплощением грубого материализма в его самой неприкрытой форме.

Отец тщетно пытался отговорить сына от занятий бесполезными для предпринимательства социальными вопросами. Ведь он учил сына, чтобы тот со временем взял на себя управление разросшейся экономической империей клана Мадеро. Но сын был другого мнения: «Богатство ничего для меня не значит... так как я посвятил свою жизнь высокой и благородной цели, для меня нет иного спокойствия, чем спокойствие совести, и я могу достигнуть его, только исполнив свой долг».

От таких воззрений был лишь шаг до вступления в активную политическую борьбу. И «разбудили» Мадеро либералы 1900 года. Инженер Ариага, учредитель первого оппозиционного конгресса либеральных сил в Сан-Луис-Потоси, где произнес свою знаменитую речь Рикардо Флорес Магон, был личным другом Франсиско. Мадеро искренне возмутил разгром властями клуба Ариаги. Потряс его и расстрел демонстрации против Рейеса в 1903 году. Теперь, писал он, ему стало «абсолютно ясно, что центральное правительство полно решимости сокрушить железным кулаком и даже утопить в крови любое демократическое движение». Как уже упоминалось, Мадеро стал финансово поддерживать издававшуюся в США «Рехенерасьон».

И все же у Мадеро тогда еще сохранялись иллюзии в отношении Диаса. Возможно, размышлял молодой помещик, Диас не терпит конкуренции на общенациональном уровне, но вполне допускает соревнование политических сил, пусть и в довольно узких рамках, на уровне штатов и муниципалитетов. Вскоре сама действительность убедила Франсиско Мадеро в обратном. Первоначально политических амбиций у него не было: он считал себя выше этого. Но с неукротимой энергией, присущей любому искренне убежденному в своей правоте человеку, он бросился с головой в местную предвыборную кампанию в Коауиле, убедив баллотироваться друга семьи. Оппозиционное движение представило скромную программу, основой которой было, в полном соответствии с мыслями Мадеро, запрещение перевыборов действующей власти на второй срок подряд и активное содействие развитию образования. Оппозиционерам казалось, что кампания развивается весьма успешно и их программа находит сочувствие у избирателей.

⁶⁸ Cumberland C.C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 34

Однако в самый последний момент власти штата вмешались в предвыборную гонку и обеспечили победу своих кандидатов.

Но Мадеро не собирался сдаваться. В 1905 году предстояли выборы губернатора штата Коауила.⁶⁹ Этот штат, как и весь север, считался вотчиной Рейеса, которого Мадеро ненавидел после расстрела мирной демонстрации в апреле 1903 года. Поэтому борьба против кандидата властей была для него делом чести. Правда, оставалось неясным, кого же выдвинут власти. Поначалу подозрения, естественно, падали на действующего губернатора Мигеля Карденаса. Его основной соперник Фруменсио Фуэнтес именовал себя независимым, хотя на практике он был составной частью диасовской игры в псевдовыборы. Друг вице-президента Корраля, Фуэнтес надеялся, что тот убедит Диаса не поддерживать на выборах Карденаса. Однако Мадеро рассудил, что поражение действующего губернатора в любом случае будет важной победой оппозиции, и организовал для поддержки Фуэнтеса клуб имени Бенито Хуареса. Как основной финансист оппозиции он был избран президентом клуба.

Фуэнтес благосклонно воспринял помощь земляков, считая, что если победит на выборах, то сможет и позабыть о данных прежде обещаниях. Однако уже тогда Мадеро показал себя неплохим организатором, а отнюдь не чудаковатым идеалистом. Он активно поддерживал список независимых кандидатов в парламент штата, чтобы в случае успеха Фуэнтеса они держали его под контролем.

Летом 1905 года кампания в Коауиле набрала такие обороты, что привлекала внимание национальной прессы. Поражение Карденаса казалось вполне возможным. Но именно в этот момент Диас дал понять Фуэнтесу, что поддерживает действующего губернатора. «Независимый» кандидат впал в панику и хотел немедленно снять свою кандидатуру. Его еле уговорили не делать этого, однако от любой публичной деятельности он все же самоустранился, чтобы не злить власти.

Мадеро же, наоборот, досаждал местным властям своей активностью. Как правило, успех проправительственного кандидата достигался тем, что большинство избирателей в выборах не участвовали и за них заполняли бюллетени члены избирательных комиссий. Если же о каком-либо избирателе было точно известно, что он сторонник оппозиции, то его просто не пускали на участок. Особенно настойчивых арестовывали. Мадеро без усталости объезжал штата, уговаривая людей идти на выборы.

Естественно, голосование принесло «убедительную победу» Карденасу. Казалось бы, Мадеро должен был воочию убедиться в невозможности честной политической борьбы во времена «порфириата». В какой-то мере ему и повезло. Власти хотели после выборов арестовать смутьяна, но его принад-

⁶⁹ Krauze E. Francisco Madero. *Mistico de la libertad*. Mexico, 1997. P. 21

лежность к одному из самых богатых семейств штата удержала их от этого шага.

Последующие годы стали для Мадеро периодом раздумий и активной переписки с журналистами и общественными деятелями оппозиционных взглядов. В нем постепенно созревала мысль о необходимости бросить Диасу прямой вызов на президентских выборах 1910 года. После победы революции Мадеро утверждал, что был еще тогда убежден: диктатора можно свергнуть только вооруженным путем. Может, и так, но в то время он никому подобных мыслей не высказывал. Однако уже в 1907 году Мадеро вышел из семейного бизнеса и решил полностью посвятить себя политической деятельности.

Как мы уже говорили, интервью Диаса Крильману привело к росту в Мексике политической активности. Появилась книга социолога Андреса Молины Энрикеса «Основные национальные проблемы». Автор называл себя сторонником Диаса, но требовал коренных реформ, прежде всего в аграрной сфере, где зримо накапливалось недовольство. В книге был блестящий экономический анализ, но не было методов решения национальных проблем. И вот в конце 1908 года газеты стали печатать выдержки из другой книги: труда Франсиско Мадеро «Президентская преемственность в 1910 году».⁷⁰ Взяться за перо Мадеро побудили два события, которые он считал одинаково опасными для Мексики. Во-первых, 30 мая 1908 года Диас снова заявил о намерении баллотироваться в президенты, нарушив свое же обещание двухмесячной давности. Во-вторых, либеральная хунта летом того же года начала вторую попытку вооруженного восстания против диктатуры.

В своей книге (посвященной «героям страны, независимым журналистам и всем добрым мексиканцам») Мадеро отрекался от насильственного пути оппозиционной деятельности и вообще пытался отделить Диаса-политика от Диаса-человека. Мол, как человек президент страны является патриотом и хочет только блага для Мексики. Но как политик он делает много ошибок и поэтому стал пленником созданной им же самой абсолютной власти. Выход Мадеро видел только в одном – запрете президенту и иным должностным лицам избираться на второй срок подряд. По иронии судьбы, это было то же самое требование, с которым власть захватил в 1876 году сам Диас.

Социальных вопросов в своей книге Мадеро как истинный либерал не касался вовсе. Он полагал, что если в Мексике установится по-настоящему демократический режим, то вопросы повседневной жизни будут решены к удовлетворению большинства граждан. Книга, в отличие от произведения Молины Энрикеса, не блистала глубиной анализа и содержала много довольно наивных рассуждений. Например, некритически преклонялся автор

⁷⁰ Cumberland C.C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 55

перед опытом США и Франции. Однако образованное мексиканское общество получило четкую программу действий – необходимо победить Диаса на президентских выборах 1910 года и не допускать после этого переизбрания должностных лиц.

Мадеро имел нахальство (именно так расценили это в правительстве) послать экземпляр своей книги самому Диасу с рекомендацией внимательно ее прочитать.

Популярность книги именно среди средних слоев объяснялась просто. К тому времени кадровую политику «сьентификос» стали именовать «полным вагоном». То есть власть делил между собой узкий круг лиц, и на ключевых должностях сменялись уже надоевшие всей стране персонажи. Сам Диас к 1910 году непрерывно находился у власти 26 лет. Столько же был членом правительства министр иностранных дел Марискаль. Министр обороны Косио в общей сложности занимал пост 19 лет, Лимантур – 17. Ни одному из членов кабинета Диаса перед революцией не было менее 60 лет. В Конгрессе и Сенате заседали в основном 70- и 80-летние старики. Никого другого в «полный вагон» пускать не хотели. На этом безрадостном фоне программа Мадеро при всей своей простоте в случае успеха открывала доступ к политическим постам тысячам честолюбивых представителей среднего класса.

Наконец, книга потрясла читателей еще одним качеством, от которого они успели отвыкнуть за долгие десятилетия «порфириата», – автор был абсолютно искренен, и ему хотелось доверять.

После издания книги Мадеро приобрел то, чего ему так не хватало, – общенациональную известность. Он стал духовным символом оппозиции. Реально возглавить оппозиционное движение в стране ему помог сам Диас. Дело в том, что диктатора все больше и больше тяготила активность Демократической партии, которая продолжала не только активно продвигать в вице-президенты Рейеса, но и добиваться успехов на выборах в отдельных штатах. Диас считал, что в этих условиях генерал Рейес с его успешным опытом управления одним из ключевых штатов страны – фигура более опасная для режима, чем идеалист Мадеро, за которым не вырисовывалось ни одного штыка. Поэтому правительство не стало чинить препятствий для политической деятельности Мадеро. Напротив, Рейесу диктатор приказал в 1909 году отправиться с военной миссией за границу, что тот покорно и исполнил.⁷¹ Негодованию сторонников генерала не было предела, и местные клубы демократической партии во многих штатах переходили под знамена Мадеро.

Неожиданно для себя он получил в полное распоряжение налаженный и опытный организационный аппарат рейистов. В качестве собственно-

⁷¹ Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 67

го предвыборного штаба 19 мая 1909 года Мадеро основал Центральный клуб против перевыборов (имелось в виду – действующего президента). Поддерживали его и сторонники либеральной хунты Рикардо Флореса Магона. Все это позволило Мадеро начать в конце 1909 года предвыборное турне по стране, которое должно было дать представление о популярности оппозиции в мексиканском обществе.

29 мая 1909 года был опубликован манифест, ставший предвыборной программой оппозиции, теперь именовавшейся Партией противников перевыборов. Это было весьма удачное название, так как оно уже заключало в себе основную программу.

Свое путешествие по стране Мадеро начал с Веракруса – самого оппозиционного и либерального города Мексики. Кандидат в президенты был отнюдь не блестящим оратором, но простым людям нравилась его гражданская смелость и глубокая искренняя убежденность в том, о чем он говорил. На фоне цинизма, закулисных интриг и лицемерия политической системы «порфириата» Мадеро казался настоящим героем, открыто бросающим вызов диктатуре. 18 июня 1909 года на вокзале Веракруса Мадеро встречала огромная по мексиканским понятиям ликующая толпа примерно в две тысячи человек. Немедленно было организовано местное отделение мадеристской партии. Зато когда Мадеро высадился на Юкатане, его пришли встретить всего шесть человек. Франсиско чувствовал себя подавленным, но когда он прибыл в столицу штата Мерида, ее уже заполонили восторженные сторонники оппозиции.

В целом предвыборное турне удалось полностью, и не только потому, что продемонстрировало популярность оппозиции. В каждом штате Мадеро обзавелся сторонниками, которые потом стали основной движущей силой революции. Особенно хорошо принимали кандидата оппозиции в штате Чиуауа, где доверенным лицом Мадеро стал Абрахам Гонсалес.

Во время встреч с избирателями Мадеро горячо обличал несправедливость, но от конкретных обещаний уклонялся. Он по-прежнему избегал жгучих социальных вопросов. Достаточно избрать честную власть, и все наладится само собой. Когда на одном из митингов его спросили, почему он в качестве примера для подражания не разделит свою асиенду между крестьянами, Мадеро ответил, что, по его мнению, мексиканцам нужен не хлеб, а свобода.

В апреле 1910 года съезд Партии противников переизбрания, на который приехали 120 делегатов со всей страны, утвердил Мадеро кандидатом в президенты.⁷² Отец в последний момент попытался отговорить сына от конфронтации с властями, ссылаясь на сложное финансовое положение семейной империи, – но тщетно.

⁷² Cumberland C.C. Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 89

Кандидатом в вице-президенты стал известный врач Франсиско Васкес Гомес, чьи взгляды, с точки зрения многих либералов, были слишком консервативными.

И опять Мадеро отправился в турне по стране. Местные власти относились к нему по-разному. Уже сказывалась неспособность одряхлевшего Диаса держать все под жестким контролем. В Соноре власти понимали опасность Мадеро и сделали его публичную кампанию практически невозможной. Зато в Чиуауа самоуверенный губернатор Криль смотрел на митинги мадеристов довольно благосклонно. Они казались ему безобидными явлениями, вроде циркового представления. Никто из власть предержащих не сомневался, что голоса избирателей все равно посчитают как надо.

И все-таки президентская гонка 1910 годы была необычной. Впервые за десятилетия господство Диаса оспаривал официальный оппозиционный кандидат.

В последний момент у властей, видимо, сдали нервы, и этот оппозиционный кандидат был арестован. Это случилось в Монтеррее, вотчине Рейеса. Теперь там правил командующий федеральными войсками, соратник Диаса по путчу 1876 года и тесть американского генерала Орда – уже знакомый нам генерал Тревиньо. Перед приездом Мадеро он заверил федеральные власти, что сумеет свести на нет любую публичную активность противников Диаса. Это было довольно опрометчивое обещание, если учесть, что Мадеро сам жил в Монтеррее. Полиция не пустила на перрон вокзал тысячи сторонников кандидата и запретила все митинги. Тем не менее импровизированный митинг оппозиции все-таки открылся прямо перед домом Мадеро. Один из его сторонников Роке Эстрада начал выступать и не подчинился требованию полиции немедленно прекратить речь. На следующий день Эстраду пытались арестовать, но Мадеро задержал полицейских, и Роке удалось бежать. Тогда арестовали самого Мадеро – за содействие лицу, скрывшемуся от правоохранительных органов.⁷³

Как и сотни его сторонников по всей Мексике, Мадеро встретил в тюрьме 26 июня 1910 года – день президентских выборов (в Мексике по образцу США существовала система не прямых выборов: сперва избирались выборщики, которые потом выбирали президента). Власти, естественно, объявили о полной победе Диаса. Никто из оппозиционных кандидатов не сумел даже попасть в Конгресс.

В стране царил покойствие, и Диас не возражал против просьбы семьи Мадеро выпустить Франсиско из тюрьмы под залог до суда. Диас после выборов стремился показать себя мудрым отцом нации: страна готовилась пышно отметить сотую годовщину независимости, почти совпадавшую по времени с 80-летним юбилеем бессменного президента. На празднества ожидалось

⁷³ Krauze E. Francisco Madero. *Mistico de la libertad*. Mexico, 1997. P. 48

много высокопоставленных иностранных гостей, а Мадеро, казалось, уже не представлял никакой опасности, тем более что до суда он не имел права покидать город Сан-Луис-Потоси.

В сентябре почти каждый день в нарядном Мехико проходили роскошные балы. На приемах реками текло дорогое французское шампанское, да и гостей обслуживали французские официанты и лакеи. Столицу украсила колонна, увенчанная золотым ангелом. Прекрасно освещенные электричеством центральные улицы Мехико были заполнены гостями со всего мира. Вечерами небо столицы озаряли великолепные фейерверки. Стоимость торжеств превысила весь бюджет на образование в 1910 году.

Американская колония в Мексике (примерно 75 тысяч человек) подарила Диасу статую Джорджа Вашингтона, а итальянцы – статую Джузеппе Гарибальди. Франция вызвала бурю восторга, вернув ключи от Мехико, захваченные французскими войсками в 1863 году.

Казалось, что режиму Порфирио Диаса ничего не угрожает, и только смерть может разлучить этого человека с президентским креслом. И тут Мадеро совершил то, чего от него не ожидали ни друзья, ни враги. 5 октября, переодевшись железнодорожным механиком, он сел на поезд и в тот же день тайно перешел американо-мексиканскую границу. Власти немедленно арестовали любимого младшего брата Мадеро Густаво, чтобы удержать эмигранта от необдуманных действий.

Глава 3

Торжество и гибель Франсиско Мадеро

В октябре 1910 года Мадеро и примкнувшие к нему в эмиграции сторонники напряженно работали над программой будущей революции. Наконец, на свет появился «план Сан-Луис-Потоси».¹ Так назван и датирован 5 октября (последним днем, когда Мадеро действительно находился в этом городе) он был специально, чтобы не злить американские власти. В этом документе Мадеро объявлял результаты июньских выборов недействительными из-за массовых фальсификаций и принимал на себя обязанности временного президента республики. Новый президент предписывал всем гражданам республики подняться против диктатуры с оружием в руках в воскресенье 20 ноября 1910 года, в шесть часов вечера.

Это было весьма мудрым шагом с точки зрения тактики. Во-первых, Мадеро назначал всем своим сторонникам единое время выступления, что грозило Диасу всеобщим восстанием, а не отдельными спорадическими беспорядками. Во-вторых, в отличие от Рикардо Флореса Магона, Мадеро благодаря активной предвыборной кампании знал практически каждый мексиканец. Для средних слоев было важно, что Мадеро выходец из богатой семьи и не исповедует радикальные взгляды. Правда, под влиянием опыта общения с простыми людьми Мадеро включил в «план Сан-Луис-Потоси» требование возврата крестьянам земель, отнятых у них «аморальным способом». Такой расплывчатой формулировки оказалась достаточно, чтобы привлечь на сторону повстанцев и сельское население страны.

Несмотря на то, что еще совсем недавно Мадеро критиковал Рикардо Флореса Магона за вооруженные выступления против Диаса, сам он избрал точно такой же план вооруженного восстания, как и его идейный оппонент. Совпадали даже детали. Сам Мадеро планировал нанести из США три вооруженных удара по приграничным мексиканским городам – в случае успеха это ободрило бы его сторонников в центре страны. Во главе одного из отрядов временный президент планировал сам вступить на мексиканскую территорию и не сомневался, что к нему сразу же присоединятся тысячи во-

¹ Альперович М. С., Руденко Б. Т.. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 69

оруженных сторонников. За время предвыборной гонки партийные организации противников переизбрания появились практически в каждом штате, и именно они должны были стать ядром восстания.

Мадеро повезло еще и в том, что к 1910 году американцы стали тяготиться режимом Диаса, который все больше ориентировался на европейские финансовые круги. Поэтому власти США предоставили Мадеро и его сторонникам полную свободу действий. Не было у повстанцев и проблем с закупкой оружия в США.

Однако когда Мадеро 19 ноября 1910 года пересек границу в родном штате Коауила, его ждало горькое разочарование. Вместо многотысячной повстанческой армии его встретили семь человек. Не сделав ни единого выстрела, Мадеро вместе со своими немногочисленными спутниками заблудился,² а потом вернулся на американскую территорию и вскоре уехал на целый месяц в Новый Орлеан. Многим казалось, что он прекратил борьбу. На самом деле Мадеро планировал из Нового Орлеана высадиться в каком-нибудь мексиканском порту, предпочтительно в Веракрусе. Но на это нужны были деньги, а американские банки не торопились ссужать повстанцев, так как всенародной поддержки у тех в Мексике вроде бы не просматривалось.³ К тому же семья Мадеро была должна различным банкам в Мексике 8 миллионов песо, и временный президент считался фигурой с сомнительной платежеспособностью.

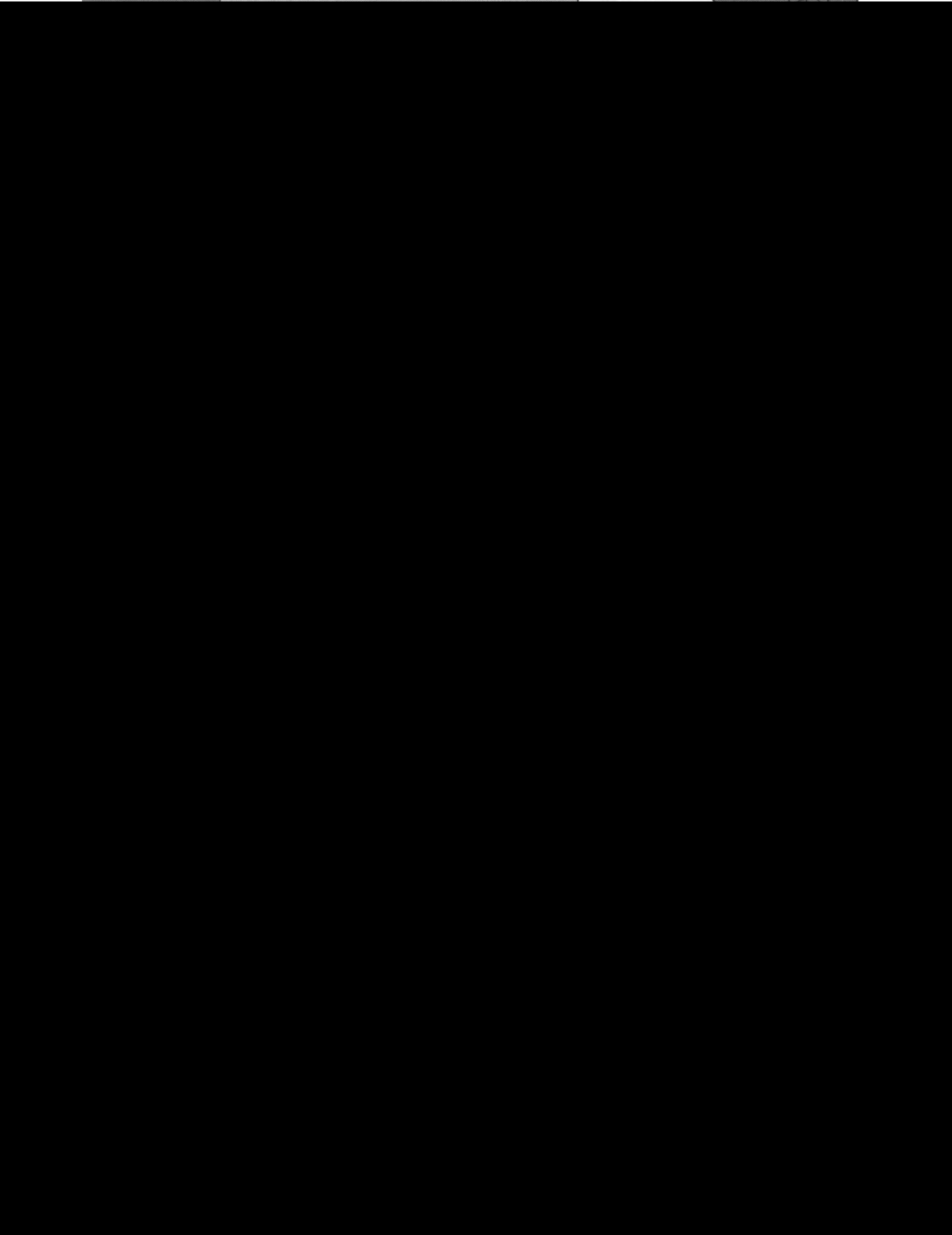
Казалось, диктатуре Диаса опять, как и в 1908 году, сопутствует успех. Полиция вышла на след главы либералов Веракруса Агилеса Сердана, который устроил в своем доме склад оружия. За день до восстания полиция окружила дом Сердана, но тот отказался сдаться, предпочтя гибель.

Всобщего восстания не получилось, но вооруженная борьба все же охватила один из ключевых штатов Мексики – Чиуауа. Там образовалось сразу несколько партизанских отрядов из военных колонистов и представителей средних слоев, и они начали занимать деревни и мелкие города. Первым восстали жители небольшой деревни в северо-восточном Чиуауа – Кучильо Парадо, которыми руководил Торибио Ортега.⁴ У него были сложные отношения с властями, и в 1903 году он уже выступал против правительства с оружием в руках. Узнав, что правительство готовит упреждающий удар, повстанцы выступили заранее. Вскоре к ним присоединились жители окрестных деревень. Восстание в небольшом шахтерском городе Парраль подняли около 40 человек во главе с богатым торговцем Гильермо Бакой. К ним сразу же присоединились десятки мужественных, но плохо вооруженных людей. Полиция смогла удержать город, но и повстанцы отошли из него в полном порядке.

² Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 282

³ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P.125

⁴ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 500

находились желающие ограбить серебряный караван. Ороско прекрасно знал Чиуауа, что потом пригодилось ему в партизанской борьбе. К моменту революции он успел нажить значительный капитал – 100 тысяч песо. Диктатуру Диаса далеко не бедный Ороско не любил прежде всего по политическим причинам: ему не нравилось, что любой «хефе политико» мог при желании сделать невозможным его бизнес. К тому же Ороско активно читал «Рехенерасьон» и поэтому был под наблюдением полиции.

Родной город Ороско Сан-Исидро имел богатые традиции сопротивления наступавшим на него со всех сторон асиендам. Жители ненавидели военного командира региона капитана Хоакина Чавеса, который активно и жестоко подавлял малейшие очаги недовольства. Перед самой революцией Чавес отобрал у Ороско выгодный контракт на перевозку драгоценных металлов, что и решило, как оказалось, судьбу диктатуры Порфирио Диаса.

Как только Ороско примкнул к восстанию, стало ясно, что он обладает недюжинными организаторскими и военными способностями. В первый же день революции отряд Ороско смог осадить и потом захватить районный центр Сьюдад-Герреро.

В это же время другая группа повстанцев из 28 человек выбрала своим командиром Франсиско (Панчо) Вилью. Доротео Аранго, как звали Вилью на самом деле, родился 5 июня 1878 в соседнем с Чиуауа штате Дуранго.⁷ Он работал на асиенде и по мере возможности занимался мелкой торговлей. Жизнь Панчо Вильи обросла легендами, две самые распространенные из которых полностью вымышлены. Согласно одной Вилья был профессиональным бандитом и примкнул к революции из-за своей маниакальной склонности к убийствам. Другая легенда говорит о мексиканском Робине Гуде, который еще до революции активно боролся с диктатурой Диаса. Вилья не был ни профессиональным убийцей, хотя, в отличие от Ороско, несколько лет находился на нелегальном положении, ни классическим бандитом, хотя его долго пытались и пытаются представить таковым. Бизнесмен по своим склонностям, он мечтал иметь собственное дело, однако его неприятности с властями начались еще в ранней юности. Когда соседний помещик (по другим версиям, сын помещика или управляющий имением) попытался изнасиловать сестру Доротео, тот убил его и сразу поставил себя вне закона. Потом он неоднократно пытался вернуться к легальной жизни и одно время успешно торговал мясом.

В Чиуауа Аранго перебрался потому, что был в розыске за дезертирство из армии. По той же причине он сменил имя и фамилию. По некоторым слухам, новую фамилию он взял в честь известного бандита, но на самом деле его отец был внебрачным сыном состоятельного человека Хесуса Вильи, чью фамилию и использовал Доротео.

⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 64

небольшую часть и разбил ее.⁸ Однако поначалу отряд Вильи был подвержен серьезным колебаниям численности, которые отражали его успехи и неудачи. Поначалу последних было больше. В том же Сан-Андресе бойцы Вильи разбрелись по городу, и теперь уже правительственные войска захватили партизан врасплох. Из нескольких сотен бойцов у Вильи осталось около десятка.

Наскоком Вилье удалось захватить другой небольшой городок Сан-Исидро, но когда он ночью попытался взять столицу штата Сьюдад-Чиуауа, его встретили пулеметы правительственных войск, и дальше пригородов отряда продвинуться не удалось.⁹

До весны 1911 года партизаны Чиуауа несли на себе основное бремя борьбы против правительственных войск. Газеты часто поминали имя Ороско, которому удавалось наносить федералам серьезные поражения, пусть и местного значения.

Диас поначалу был склонен относиться к революции как к очередному провалившемуся путчу. Однако партизаны, неся потери, тем не менее держали правительственные войска в Чиуауа под постоянным прессингом. Министр финансов Лимантур в то время находился в Европе, где вел переговоры о реструктуризации мексиканского долга. Он просил Диаса скорее сокрушить революцию, так как партизанская борьба, а точнее, неспособность правительства ее подавить стала отрицательно сказываться на кредитном рейтинге Мексики.

Диктатор, находясь в затруднительном финансовом положении, избрал для борьбы с повстанцами двойную стратегию. Прежде всего он отправил в Чиуауа дополнительно 5 тысяч солдат федеральной армии (по списочному составу в ней имелось примерно 30 тысяч человек, но на самом деле из-за процветавшей в армии коррупции и приписок военнослужащих у Диаса было значительно меньше). Командующим войсками в Чиуауа назначили одного из самых активных армейских генералов Хуана Эрнандеса. Эрнандес ранее служил в штате и хорошо его знал.

Но войну вести Диас предпочитал за счет некоронованного короля Чиуауа Террасаса. Его сына Альберто 6 декабря 1910 года президент назначил губернатором штата. Подразумевалось, что клан Террасасов должен на свой счет набрать и вооружить конные противопартизанские отряды. По двойной стратегии Диаса войска должны были охранять большие города и сражаться с крупными силами революционеров. А наемникам Террасаса отводилась задача зачистки местности и преследования разбитых партизан, с тем чтобы не дать им возможности перегруппировать силы.

Сама по себе стратегия была весьма грамотной, но она не учитывала настроений населения штата, которое поголовно сочувствовало революционе-

⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 76

⁹ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья. М., 1962. С. 33

рам. Террасасу так и не удалось, даже за деньги, создать иррегулярные противопартизанские силы. Войска же были мобильными только вдоль линий железных дорог, которые повстанцы сразу же стали выводить из строя. В западной гористой части Чиуауа партизаны были вообще неуязвимы. Войска боялись надолго покидать столицу штата, опасаясь, что после их ухода вспыхнет вооруженное восстание. Когда на город Ханос напало всего 27 партизан, сопротивление им сумел оказать только мэр со своими помощниками, так как даже местная полиция предпочла уклониться от боя. А город Карретас с населением две тысячи человек занял отряд из 13 повстанцев.

Постепенно у диасовской армии стали возникать проблемы даже с рекрутским набором. Если раньше в армию насильно забирали недовольных, вроде того же Вильи, то теперь все недовольные были в партизанах. Крестьяне идти в армию не хотели. Многие призывники разбегались по дороге в Чиуауа. Если правительственные войска и стойко обороняли отдельные города, то в основном потому, что верили офицерам, утверждавшим, что революционеры не берут пленных.

Вплоть до начала 1911 года правительственные силы удерживали инициативу главным образом благодаря неорганизованности и недостатку военного обучения у противника. Тем не менее и повстанцы могли воевать довольно долго, так как не испытывали проблем с лошадьми и продовольствием. Все это добровольно-принудительно реквизировалось на асиендах, вопреки желанию их владельцев превращавшихся в основной арсенал революции.

В декабре 1910-го – январе 1911 года Террасас сообщал Диасу о переломе психологической ситуации в пользу правительства. О капитуляции, по его словам, подумывал даже Ороско, что было вымыслом чистой воды. Однако партизан на самом деле выбили из всех крупных населенных пунктов, что очень сильно подорвало международный престиж Мадеро. Вождь революции пытался всеми силами добиться от американской администрации статуса воюющей стороны, чтобы иметь право беспрепятственно закупать в Америке оружие и боеприпасы. Но в Вашингтоне считали крах революции делом решенным: ведь повстанцам так и не удалось овладеть ни одним городом Мексики. Мало того, все их успехи ограничивались только внезапными набегами на городки и поселки с небольшими гарнизонами. Во всех открытых столкновениях с правительственной армией повстанцы неизменно терпели поражение.¹⁰

Мадеро готовился вновь, уже окончательно перейти границу – на сей раз в Чиуауа – и взять на себя руководство штурмом какого-нибудь большого города. Его отсутствие среди собственных вооруженных сил отрицательно сказывалось на боевом духе партизан, роптавших, что пока их вождь отсиживается в безопасном Техасе, они проливают за него кровь в постоянных

¹⁰ Tobler H. W. Die Mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 155

стычках с федералами. 5 февраля 1911 года Мадеро попытался перейти границу, но его опять постигла неудача. Правительственные войска вынудили отступить вглубь штата отряд Ороско, который должен был встречать Мадеро. Однако тут вмешательство американских властей неожиданно помогло Мадеро сделать правильный выбор.

Американцы оперативно использовали волнения в Мексике для того, чтобы подтянуть к границе войска и направить к мексиканским берегам «для учений» корабли военно-морского флота. Даже Диас понимал, что это может быть прелюдией для интервенции под предлогом защиты собственности и жизней граждан США в Мексике. Сознал опасность американского вмешательства и Мадеро, требовавший от революционеров не трогать иностранцев. Кстати, этот приказ выполнялся, тем более что Ороско до революции имел коммерческие связи с некоторыми американскими компаниями и не испытывал к янки глубокой вражды. Первоначально власти США сохраняли во внутримексиканском конфликте нейтралитет и не реагировали на многочисленные просьбы Диаса арестовать и выдать Мадеро как человека, использующего территорию США для вооруженной борьбы против мексиканского правительства. Строго говоря, Диас был прав, но американцы выжидали, на чью чашу весов склонится успех. К февралю 1911 года они решили, что правительство Мексики восстановило контроль над страной. Федеральные власти выдали ордер на арест Мадеро, причем губернатор Техаса даже выразил готовность содействовать его поимке на мексиканской территории.

В этих условиях у Мадеро не оставалось выбора, и 14 февраля 1911 года он перешел границу западнее Эль-Пасо.¹¹ На этот раз его встречали довольно многочисленные сторонники, но тут же выяснилось, что партизанские командиры находятся в постоянных ссорах между собой и не признают авторитет Мадеро как военного вождя. Наиболее организованной силой повстанческой армии в Чиуауа были магонисты, которые вообще отрицали право Мадеро, «богатого капиталиста», руководить народной революцией. Ороско не скрывал, что считает свои заслуги в организации партизанского движения более весомыми, чем вклад самого Мадеро. Вернувшийся из Техаса вождь поначалу только усугубил разброд и шатания, назначив своим помощником по военным вопросам Хосе Гарибальди, внука великого итальянца. Этому воспротивились все командиры – во многом потому, что не доверяли иностранцам. К тому же Гарибальди попытался объединить партизанские отряды в некое подобие регулярной армии, а партизаны были преданы только своим начальниками и объединяться с другими отрядами не хотели.

Чтобы установить свое беспрекословное военное лидерство, Мадеро решил занять город Касас-Грандес, не дожидаясь подхода закаленных в боях

¹¹ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 129

отрядов Ороско и Вильи. Он хотел разместить в первом освобожденном городе свое правительство, а затем добиться от США признания в качестве воюющей стороны. 6 марта 1911 года отряд Мадеро атаковал Касас-Грандес, получив неверную информацию, что гарнизон города малочисленен.¹² Несмотря на бесспорную смелость партизан, им не удалось сломить сопротивление защитников города. А когда в тыл Мадеро неожиданно ударил подошедший на помощь городу отряд федералов, партизанам пришлось спасаться бегством. При этом, однако, Мадеро все же повысил свой авторитет среди бойцов, так как проявил в бою личную отвагу, был ранен и отступал одним из последних.

Пока Мадеро воевал в Чиуауа, его родственники и соратники начали в США закулисные переговоры с правительством Диаса. Клан Мадеро испытывал от революции сплошные тяготы, поскольку мексиканские банки требовали немедленно вернуть кредиты, а французские банкиры, которые обычно всегда выручали в сложных ситуациях, на этот раз помогать не хотели. Глава клана Эваристо и дядя вождя революции прибыли в Техас, чтобы потом привезти оттуда Диасу условия мирного соглашения. Бывший кандидат оппозиции на пост вице-президента Васкес Гомес потребовал от правительства передать революционерам один из городов, чтобы оттуда наладить прямые переговоры по телеграфу между Мехико и Мадеро. Диас, естественно, отказался, так как все еще чувствовал на своей стороне силу.

Казалось, что после фиаско у Касас-Грандес революционеры Чиуауа долго не продержатся. И тут неожиданно вспыхнуло мощное революционное движение рядом с мексиканской столицей.

Штат Морелос, расположенный несколько южнее Мехико, был громадной плантацией сахарного тростника и крупнейшим в стране производителем сахара. Как уже упоминалось, тамошние плантаторы за весь период «порфириата» добились почти полной ликвидации общинного землевладения. Наступление плантаторских асиенд на деревни с целью получения дополнительных земель особенно усилилось в начале XX века. Плантаторы Морелоса стали испытывать сильную конкуренцию со стороны производителей сахарного тростника в штате Веракрус, тропический климат которого позволял получать обильные урожаи. К тому же в северном штате Сонора наладили более дешевое производство сахара из свеклы. В этих условиях плантаторы Морелоса стремились полностью ликвидировать крестьянские деревни и превратить их обитателей в грошовую рабочую силу.

Кое-как в штате до поры до времени удавалось избегать открытых протестов, прежде всего благодаря личной популярности тамошнего бессменного

¹² Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 132. В отряде Мадеро было около 500 бойцов, из которых 51 был убит при штурме города, а 12 попали в плен.

емы и пышные униформы. Покидать столицу ради заштатного Морелоса Пабло не хотел, но президенту перечить не стал. Ничего толком не понимавший в делах штата, готовый декретировать все, что предложат ему на подпись местные богатеи, Эскандон был весьма удобен последним.

Морелос, несмотря на свои малые размеры, был одним из ключевых в политическом отношении штатов благодаря своей близости к столице. Не случайно в 1869 году здесь безуспешно баллотировался на пост губернатора сам Порфирио Диас. Победил его тогда другой генерал, Лейва, который руководил в Морелосе борьбой против французской интервенции. В 1876 году Лейва поддержал президента Лердо и поэтому был отстранен Диасом от дел. В декабре 1908 года демократические силы Морелоса пригласили престарелого генерала бросить вызов Эскандону. Генерал отказался, сославшись на слабое здоровье, но порекомендовал вместо себя своего сына, работавшего агрономом в Министерстве общественных работ (это ведомство занималось в числе прочего и аграрными проблемами).

Имя Лейвы в штате значило много, и вся либеральная оппозиция сплотилась вокруг генеральского сына.¹⁴ Поддержала Лейву-младшего и демократическая партия. Власть имущие почувствовали, что предвыборная гонка выходит из-под контроля. Митинги оппозиции собирали немало народа, а агитаторы Лейвы обещали крестьянам раздел асиенд и возвращение отнятых плантаторами земель. Такого афронта местные «хефес политикос» не вынесли, и вскоре полиция по своему обыкновению уже разгоняла митинги и бросала оппозиционеров в тюрьмы. На выборах победил Эскандон. Он по-прежнему регулярно уезжал в любимый Мехико и даже предложил внести в Конституцию штата поправку, разрешавшую губернатору отлучаться в столицу без согласия законодательного собрания. Но губительной для остатков крестьянского землевладения была другая поправка к Конституции, фактически полностью ликвидировавшая в Морелосе местное самоуправление и вводившая помимо ненавистных «хефес политикос» еще и супрефектов для жесткого контроля над деревнями.

Сапата участвовал в предвыборной борьбе на стороне противников Эскандона. За это, а также за непокорный характер его в феврале 1910 года забрали в армию. Возможно, однако, что причина расправы с Сапатой была совсем иной – он предложил сельчанам использовать в качестве адвоката в юридическом споре с соседними помещиками Хесуса Флореса Магона, брата главы либеральной хунты и непримиримого противника Диаса. Уже через месяц солдата Сапату демобилизовали, и он стал присматривать за лошадьми зятя самого Диаса.

Бесспорно, смысленный Сапата мог бы сделать в столице неплохую карьеру. Но он вернулся в родную деревню, причем в самое трудное для нее время.

¹⁴ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 27

Соседняя асиенда, ссылаясь на наличие соответствующих документов, ого-родила деревенское пастбище и претендовала на часть крестьянских земель. Приближалась посевная, а владельцы асиенды не давали согласие на обработку спорной земли. Отчаявшиеся крестьяне уже согласились внести за нее помещику арендную плату, ведь в противном случае деревня из 371 жителя просто не смогла бы себя прокормить. Неоднократные обращения к губернатору штата Эскандону не дали результата. Но тут появился Сапата.

Владельцы асиенды в это время передали спорную землю в аренду жителям соседнего городка Айялы, и те уже начали ее обрабатывать. Сапата как руководитель деревенского комитета действовал решительно. Он собрал 80 наиболее крепких сельчан, вооружил их и появился на спорном поле. Появилась и вооруженная охрана асиенды, но, убедившись в численном превосходстве крестьян, сочла за благо ретироваться. Сапата начал делить спорный участок на наделы и распределять их между сельчанами. После этого его имя сделалось довольно популярным. Владельцы асиенды обратились к местным властям с требованием обязать жителей деревни заплатить за спорную землю. Решение было принято, по сути, в пользу крестьян: им разрешили не платить аренду в 1910 году, а в 1911-м заплатить, если у них найдутся на это средства.

Но Сапата не стал почивать на лаврах. Он направил петицию самому Диасу с просьбой решить вопрос о спорной земле окончательно. Сыграли роль связи Сапаты с зятем президента, и, к удивлению всех окрестных жителей, Диас принял решение в пользу деревни.¹⁵

В конце 1910 года страна погрузилась в революцию, и местный «хэфе политико» не стал разоружать жителей непокорной деревни, чтобы не обострять положение в штате. Он лишь взял с Сапаты слово, что тот не примкнет к Мадеро, и Сапата обещал соблюдать нейтралитет. Но уже в конце 1901 года жители Айялы начали собираться в доме у некого Торреса Бургоса, чтобы обсудить планы будущего восстания. Участником тайных сходов был и Сапата. Характерно, что он считал неразумным выступать прежде, чем Мадеро лично назначит руководителя борьбы в Морелосе.

Для Мадеро Морелос из-за его небольших размеров не играл особого значения. Он даже не посетил этот штат во время предвыборной кампании. Поэтому когда к нему в Техас за указаниями прибыл житель маленького городка Айялы Бургос, Мадеро назначил главой повстанческих сил в Морелосе генерала Лейву, а в случае его отказа – самого Бургоса. Похоже, больше он никого в штате просто не знал. Лейва опять сослался на здоровье и предпочел остаться вне борьбы.

В начале марта 1911 года губернатор Эскандон получил сообщения о готовящемся в штате выступлении и отдал приказ усилить федеральные поли-

¹⁵ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 65

цейские силы. Это побудило конспираторов из Айялы к восстанию. 11 марта Сапата и его единомышленники неожиданно обезоружили полицию Айялы и собрали жителей на центральной площади. Бургос зачитал «план Сан-Луис-Потоси», одобрительно встреченный собравшимися.

В кратчайшие сроки Сапата стал военным руководителем восстания в Морелосе. Он исповедовал крайне осторожную тактику борьбы, избегая столкновения с крупными правительственными силами. Сапата уделял большое внимание накоплению оружия для решающей схватки и обучению своих бойцов координации действий на поле боя. Положение повстанцев в Морелосе облегчалось тем, что основные силы правительственных войск были скованы в Чиуауа. Уже через несколько недель после восстания в Айяле бойцы Сапаты заперли сторонников Диаса в крупных городах, а губернатор Эскандон в панике бежал из штата. Восстание в Морелосе было крайне опасным для режима еще и потому, что рядом с этим штатом проходила ключевая железнодорожная магистраль Мехико – Пуэбла, которую Сапата мог перерезать, лишив правительство существенных финансовых источников для продолжения войны.

Таким образом, в марте 1911 года Диас неожиданно получил очаг революции едва ли не в пригородах Мехико. Этот факт вызвал в правительстве разногласия. Военные, прежде всего генерал Викторiano Уэрта, один из самых энергичных офицеров федеральной армии, требовали беспощадного подавления революции, обещая Диасу быструю победу. Лимантур, напротив, предлагал пойти на уступки восставшим, чтобы расколоть их. «Сьентфигос» абсолютно верно считали, что в стране, по сути, происходят две революции. Мадеро и средние слои северных штатов просто хотят, чтобы их допустили к управлению страной, причем зачастую на местном уровне. Эти люди не желают никаких социальных реформ, и с ними будет легко договориться. Революционеры же на юге и в центре Мексики только номинально подчиняются Мадеро. Они хотят свержения режима, чтобы разделить земли помещиков между крестьянами. Лимантур и его сторонники предлагали ни больше ни меньше как включить Мадеро и его окружение во властный механизм, а затем совместными усилиями подавить остатки обезглавленной революции.

Диас решил прислушаться к Лимантуру и попробовать политический путь урегулирования кризиса. 1 апреля 1911 года президент выступил с очередным посланием Конгрессу о положении страны. Послание стало сенсацией, причем Диас пошел даже дальше того, что планировали Лимантур и его соратники. Президент признал правомочность большинства требований восставших и торжественно объявил, что переизбрания на второй срок подряд любых должностных лиц отныне не будет. Чтобы подчеркнуть серьезность этого обещания, он отправил в отставку наиболее одиозных министров и губернаторов штатов (Альберто Террасас в Чиуауа был заменен

еще в январе). Диас объявил также о грядущей аграрной реформе, включая выкуп государством у помещиков части угодий с последующим их разделом между безземельными крестьянами.

Неожиданная компромиссность Диаса была связана еще и с тем, что 6 марта 1911 президент США Тафт отдал приказ о сосредоточении на мексиканской границе крупной армейской группировки численностью до 20 тысяч человек.¹⁶ Американцы явно стремились использовать беспорядки в Мексике для открытой военной интервенции. И Порфирио Диас не хотел дать северному соседу желанный предлог.

По сути Диас повторил многие положения «плана Сан-Луис-Потоси». Однако президент опоздал. Провозгласи он все эти положения в конце 1910 года, революционеры, возможно, разошлись бы по домам. Теперь же они восприняли заявления президента как свидетельство слабости режима и приближение окончательной военной победы. Тем более что в конце марта – начале апреля революционные отряды братьев Фигероа захватили несколько городов в центральном штате Герреро, и, хотя Сапата относился к Фигероа с подозрением, позднее перешедшим в ненависть, фактически образовали единый фронт с бойцами соседнего Морелоса.

Между тем пока Ороско, Вилья и Сапата теснили федеральные отряды на севере и в центре Мексики, в марте доверенное лицо Диаса Лимантур вел в Нью-Йорке переговоры с Франсиско Васкесом Гомесом (кандидат Мадеро в вице-президенты на выборах 1910 года), отцом Мадеро и его братом Густаво.¹⁷ Речь об отставке Диаса даже не шла. Предполагалось только демократизировать правительство за счет введения в него представителей оппозиции.

Однако революционеры в самой Мексике были настроены на решительную борьбу с режимом. 15 апреля 1911 года пал крупнейший тихоокеанский порт Мексики Акапулько. Двумя днями раньше революционеры Соноры захватили пограничный город Агуа-Приета. Осколками были убиты двое американцев из соседнего аризонского городка. Проведенное властями расследование установило, что виновниками инцидента являются правительственные войска. Когда 18 апреля правительственные силы отбили город, на территорию США опять залетели пули и осколки снарядов. На сей раз Вашингтон выразил правительству Диаса решительный протест. В Мехико со дня на день ждали прямой военной интервенции американцев.¹⁸

¹⁶ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 132

¹⁷ Krauze E. Francisco Madero. Místico de la libertad. Mexico, 1995. P. 59

¹⁸ Царский посол в США Кудашев предполагал, что в случае продолжения внутриамериканского кризиса в Мексике американцы могут оккупировать приграничные мексиканские штаты Сонору и Чиуауа, чтобы «водворить там порядок». См. Альпе-

Того же опасался и Мадеро. Поэтому он избрал двоякую стратегию. 9 апреля 1911 года объединенная повстанческая армия Чиуауа, самыми большими отрядами которой командовали Ороско и Вилья, выступила на север и 19 апреля окружила крупный пограничный город Сьюдад-Хуарес. Революционеры двигались, не встречая сопротивления, так как гарнизон города, состоявший из 700 человек, был слишком мал, чтобы сразиться с повстанцами в открытом бою.¹⁹ Мадеро привел к городу около трех тысяч человек, причем авангард в 500 бойцов возглавлял Вилья. Ему было присвоено звание майора, позднее – полковника. Ороско стал генералом. Бойцы армии Мадеро были хорошо вооружены и получали высокую плату – песо в день.

19 апреля 1911 года Мадеро предъявил командующему гарнизоном генералу Наварро ультиматум с требованием безоговорочно сложить оружие. Генерал отказался, рассчитывая на своевременный подход подкреплений и фортификационные сооружения самого города.

С другой стороны, Мадеро тайне от Ороско и Вильи вел напряженные переговоры с прибывшим в его ставку представителем правительства. К неудовольствию Ороско и Вильи, он заключил перемирие с гарнизоном Сьюдад-Хуареса, которое затем было продлено. Бойцы, не догадываясь о причинах столь странного поведения своего вождя, стали роптать. К тому же начались проблемы с регулярной выплатой жалованья.

Как и предполагал Лимантур, с Мадеро удалось договориться без особых проблем. Он соглашался на то, чтобы Диас остался у власти (непопулярный вице-президент Корраль уже в середине апреля под давлением дона Порфирио подал в отставку и покинул страну). Революционеры должны были получить несколько министерских портфелей и кресел губернаторов штатов (прежде всего северных). Ороско, которого Мадеро ознакомил с планирующимся договором, не возражал, заявив, что он солдат и не вмешивается в дела политиков. Однако большинство сторонников Мадеро все же были за отставку Диаса.

7 мая 1911 года неожиданно для своих военных командиров Мадеро заявил о снятии осады Сьюдад-Хуареса, так как бои за город могли бы привести к военной интервенции США.²⁰ Возможно, что истинная причина столь парадоксального на первый взгляд решения была совсем иной. Мадеро все-таки намеревался договориться с правительством и не хотел сорвать мирные переговоры кровопролитием. Если бы планам Мадеро суждено было воплотиться в жизнь, мексиканская революция закончилась бы, не успев начаться.

рович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 93

¹⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 103

²⁰ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 132

Однако Ороско и Вилья не желали упускать победу и решили действовать на свой страх и риск.

Чтобы избежать прямой конфронтации с лидером революции, они дали указание одному из офицеров прервать перемирие и начать наступление на город. Солдаты Наварро стали отвечать огнем. Мадеро пытался прекратить боевые действия и попросил Наварро, чтобы его люди перестали стрелять. Генерал послушался, но революционеры продолжали наступление. Вилья и Ороско объяснили Мадеро, что уже не смогут помешать штурму города. По некоторым данным, позднее они даже перебрались на территорию США, чтобы Мадеро не смог их найти.

Повстанцы использовали странную для профессиональных военных, но оказавшуюся очень эффективной тактику штурма. Отряды, которые вели наступление, постоянно сменялись, чтобы отдохнуть и подкрепиться, а солдаты федеральных войск уже два дня были без питьевой воды и ввиду своей малочисленности постоянно находились на позициях. Солдаты Ороско и Вилья, чтобы избежать потерь от пулеметов правительственных войск, двигались не по улицам города, а из одного дома в другой, прорубая в стенах небольшие проходы. Тем самым огневое превосходство защитников было сведено на нет.

10 мая 1911 года гарнизон Сьюдад-Хуареса капитулировал. В руки повстанцев попали пограничный переход и крупный таможенный пункт. Теперь у них были деньги и возможность беспрепятственно получать оружие и боеприпасы из США. Но уже на следующий день после штурма Мадеро едва не поплатился жизнью за свои попытки все-таки договориться с режимом Диаса о бескровной передаче власти.

За столом, освещенным светом автомобильных фар, Мадеро подписал соглашение с правительством. Согласно этому документу Диас и вице-президент Корраль отправлялись в эмиграцию. Повстанцы получали право назначить 14 губернаторов штатов и четырех членов правительства. Федеральным войскам следовало покинуть северные штаты Чиуауа, Коауила и Сонора.²¹ Новое правительство Мексики должно было опираться на «лучшие моральные и интеллектуальные слои общества», к которым ни Вилья, ни Ороско, с точки зрения Мадеро, не относились.

Между тем Ороско и Вилья узнали, что Мадеро намерен не предавать военно-полевому суду генерала Наварро, хотя в свое время тот отдал указание заколоть насмерть штыками нескольких пленных революционеров. Мадеро еще в «плане Сан-Луис-Потоси» предупредил, что все военнослужащие, совершившие военные преступления, будут преданы суду военного трибунала. Таким образом, Ороско и Вилья лишь хотели, чтобы их вождь

²¹ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People*. New York, 1992. P. 317

выполнял собственные обещания, Мадеро же не горел желанием судить Наварро, опасаясь, что расстрел генерала ожесточит сопротивление правительственных войск и сорвет мирные переговоры.

Помимо истории с Наварро Ороско был недоволен тем, что Мадеро включил в свое правительство людей, не имевших заслуг перед революцией. В частности, военным министром стал богатый помещик из родного штата Мадеро Коауилы Венустиано Карранса, до недавних пор являвшийся активным сторонником Рейеса. Ороско же с полным на то основанием считал, что военным министром должен быть он сам, так как в действительности именно его войска составляли костяк сил, победивших федералов у Сьюдад-Хуареса. И Ороско, и Вилья стали сознавать, что Мадеро стыдится своих безродных генералов и полковников и не собирается допускать их до управления страной. Вилья, чей горячий темперамент был общеизвестен, даже пытался застрелить в Эль-Пасо Хосе Гарибальди, которому Мадеро поручил принять капитуляцию Наварро.

11 мая 1911 года Ороско зашел к Мадеро и потребовал предать Наварро военному трибуналу, снять Каррансу с поста военного министра и заплатить солдатам давно причитавшееся им жалованье.²² Вилья со своими бойцами находился рядом с домом, чтобы по сигналу Ороско обезоружить охрану Мадеро. Прошло некоторое время, и Ороско выбежал из дома, крикнув Вилье: «Разоружи их!» Вилья немедленно исполнил приказ. Ороско, наставив на Мадеро дуло пистолета, потребовал от него удовлетворения своих притязаний. Однако Мадеро был человеком отнюдь не робкого десятка. Не обращая внимания на пистолет Ороско, он вскочил на автомобиль и обратился с горячей речью к собравшимся перед штаб-квартирой солдатам. Те не были в курсе требований своих начальников и встретили выступление Мадеро одобрительными аплодисментами. Ороско и Вилья поняли, что их переиграли. Ороско театрально обнялся с Мадеро и объявил инцидент исчерпанным. Единственное, чего добились Ороско и Вилья, было обещание Мадеро заплатить солдатам. Сам Мадеро лично проводил пленного генерала Наварро через Рио-Гранде на американскую сторону, чтобы революционеры все-таки не устроили самосуд.

Взятие Сьюдад-Хуареса коренным образом изменило военно-политическую ситуацию в Мексике. Теперь уже Мадеро мог диктовать свои условия центральному правительству. Тем более что успех на севере был дополнен победой и на юге.

Весь март и апрель 1911 года Сапата в Морелосе копил силы, постоянно тревожа федеральные войска неожиданными набегами. Он уже был непререкаемым авторитетом среди восставших. В освобожденных районах

²² Machado M. Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revolution and Northern Mexico. Austin, 1988. P. 24

партизаны производили раздел помещичьих земель, что разительно отличало их от собратьев на севере, в общем, уважавших частную собственность, если отвлечься от широко распространенной практики добровольно-принудительных «кредитов», которыми обкладывались местные богатеи.

Сапата опасался, что Мадеро вот-вот заключит перемирие с правительством, и понимал, что революционному движению юга нужен крупный успех, чтобы добиться реализации своей аграрной программы. В начале мая 1911 года Сапата собрал более 4 тысяч партизан и окружил город Куаутла в Морелосе. Почти неделю за город, который обороняли 400 солдат федеральных войск,²³ шли ожесточенные бои, самые кровопролитные за время всей революции. Партизаны были плохо вооружены и несли большие потери, однако все ту же стягивали кольцо окружения. Неподалеку находились еще 600 военнослужащих правительственных войск под командованием уже знакомого нам генерала Уэрты. Но по непонятным причинам (скорее всего, опасаясь разгрома) они не пришли на выручку своим товарищам. 19 мая 1911 года войска Сапаты заняли Куаутлу.

А уже двумя днями позже Мадеро все-таки подписал упоминавшееся выше соглашение с правительством в Сьюдад-Хуаресе. Этому предшествовали жаркие дебаты среди окружения Диаса. После падения Сьюдад-Хуареса революционеры перешли в наступление практически во всех штатах. Эмилио Мадеро во главе 3500 повстанцев занял важнейший железнодорожный узел Торреон и отрезал от столицы правительственные войска на севере. У братьев Фигероа в Герреро под ружьем уже были более 12 тысяч человек. Сапата занял столицу Морелоса Куэрनावак и практически полностью контролировал весь штат.

7 мая 1911 года Диас заявил на заседании кабинета министров, что готов подать в отставку, если это принесет успокоение стране. Но через пару дней капитулировал Сьюдад-Хуарес, и таких размытых обещаний было уже недостаточно. Диас плохо себя чувствовал: помимо зубной боли у него возникли проблемы со слухом. И опять генерал Уэрта и министр финансов Лимантур пытались убедить президента в правоте своих противоположных взглядов. Уэрта доказывал, что взятие революционерами одного крупного города, пусть и стратегически важного, ничего не значит. Ведь выбили же войска мадеристов из Агуа-Приэты меньше месяца тому назад. Склонившись к уху диктатора, Уэрта обещал ликвидировать восстание на севере с двумя тысячами кавалеристов. Для того чтобы разделаться с Сапатой, ему якобы требовалось всего 1500 солдат. Мнение Уэрты поддерживал письмами из вынужденной эмиграции генерал Рейес. Он просил Диаса разрешить ему вернуться и раздавить революцию. Однако Диас снова прислушался к Лимантуру, который

²³ Это был элитный «золотой пятый полк» федеральной армии. См. Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 86

доказывал, что дальнейшее сопротивление только радикализует повстанцев и они выйдут из-под контроля умеренного Мадеро.

17 мая Диас согласился уйти в отставку до конца месяца и обещал, что вице-президент сделает то же самое. Путь для подписания мирного соглашения был открыт. Документ, которым Мадеро надеялся раз и навсегда закончить революцию, был подписан 21 мая в Сьюдад-Хуаресе. В нем, как уже упоминалось, предусматривалась отставка президента и вице-президента. Новым временным президентом должен был стать министр иностранных дел в кабинете Диаса Франсиско Леон де ла Барра, которому поручалось организовать всеобщие выборы. Весь нанесенный революцией ущерб предполагалось погасить из государственных средств (например, вернуть принудительные кредиты). Объявлялась всеобщая амнистия. Революционные отряды подлежали быстрой демобилизации. Мадеро оговорил устно, что федеральная армия покинет северные штаты и революционеры будут назначать временных губернаторов ключевых штатов. Таким образом, соглашение оставляло в полной неприкосновенности весь государственный механизм диктатуры, прежде всего федеральную армию. Вскоре Мадеро заплатит за эту ошибку жизнью.

Подписанный договор (согласно которому по всей стране немедленно прекращались боевые действия) помешал войскам Сапаты взять Мехико.²⁴

25 мая 1911 года Диас подал в отставку и 31 мая на борту германского парохода «Ипиранга» отбыл в эмиграцию во Францию. Перед отъездом он произнес пророческие слова: «Мадеро выпустил на волю тигра; посмотрим, как ему удастся с ним справиться».

Беды Мадеро были вполне предсказуемы и без Диаса. Любой реформист, оказавшийся в гуще революционных потрясений, рано или поздно должен встать на одну из сторон: поддержать либо революцию, либо реакцию. Мадеро же пытался примирить приспешников Диаса с теми, кто боролся против них с оружием в руках. Это не могло получиться просто по определению. Реакционеры и крупные помещики ненавидели Мадеро за то, что он привел к власти представителей радикальных средних слоев и выпустил на волю столько лет подавлявшийся крестьянский протест. Крестьяне, рабочие и многие бойцы повстанческой армии критиковали Мадеро за соглашательство с де ла Баррой (с военной точки зрения в нем действительно не было никакой необходимости) и за то, что он оставил в неприкосновенности федеральную армию. К тому же Мадеро никак не соглашался на глубокие социальные реформы, стремясь примирить две противоположности на основе старого строя.

7 июня 1911 года Мадеро триумфально въехал в Мехико, и ему рукоплескали 100 тысяч горожан.²⁵ Де ла Барра из соображений безопасности

²⁴ Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 107

²⁵ Krauze E. Francisco Madero. Místico de la libertad. Mexico, 1995. P. 65

попросил Мадеро, чтобы его не сопровождали вооруженные сторонники. Мадеро согласился.²⁶

Сразу же после победы Мадеро постарался отделаться от ее архитекторов – Сапаты, Ороско и Вильи. Эта задача облегчалась отсутствием у Вильи каких бы то ни было политических амбиций. Он хотел наконец заняться мясным бизнесом, и Мадеро прямо предложил ему уйти в отставку и принять от него 25 тысяч песо. Вилья сначала отказался, заявив, что воевал не за деньги. Но Мадеро все же уговорил его взять 10 тысяч песо в качестве простого подарка. Хотя и необразованный, Вилья обладал хорошей интуицией и природной склонностью к политике. Он сразу понял, что в новом режиме для него нет подходящего места. Во время одного из банкетов, на который Мадеро пригласил близких себе по духу городских либеральных интеллектуалов, он попросил Вилью произнести тост. Вилья нехотя поднялся с места и сказал, что хотел бы перевешать всех находящихся в этом зале надушенных господ и продолжить дело революции. Он-то понимал, что народ не удовлетворится вершущечными перестановками в Мехико. Мадеро покровительственно улыбнувшись, назвал Вилью варваром и предложил ему сесть на место.

Конечно, Вилья был недоволен тем, как с ним обошлись. Он даже попытался разоружить внука Гарибальди, которого считал одним из главных инициаторов интриг против себя.²⁷ Однако пока Вилье не оставалось ничего другого, как уйти из политики.²⁸

Вилья женился, найдя в городке Сан-Андрес симпатичную девушку Лус Корраль. Знакомство состоялось в типично революционной обстановке. Когда отряд Вильи занял городок, мать Лус, как и остальные торговцы, получила предписание о добровольном взносе в кассу повстанческой армии. Женщина пришла на прием к Вилье и предложила ему посмотреть, в каких условиях она живет. Вилья был человеком практическим и уделял первостепенное внимание снабжению своих бойцов. Поэтому он самолично явился в дом к сеньоре Корраль. Денежная реквизиция была отменена, хотя Вилья все же предложил дать его бойцам немного кофе, сахара и табака. Обратив внимание на дочь хозяйки, Вилья без обиняков заявил, что у него нет времени на ухаживания, но он предлагает красавице после победы революции руку и сердце. Та, к ужасу матери, согласилась. Но практичный Вилья попросил ее сшить ему рубашку, чтобы проверить домовитость будущей хозяйки

²⁶ Henderson P. V. In the absence of Don Porfirio. Fransisco Leon de la Barra and the Mexican Revolution. Wilmington, 2000. P. 59

²⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 118

²⁸ Конечно, Вилья не был главным военным фактором победы в Чиуауа. Под его командованием состояли 700 бойцов, то есть 10–12% повстанческих сил в штате. Однако из всех партизанских командиров он был самым преданным Мадеро и не имел, в отличие от Ороско, собственных политических амбиций.

своего дома. У матери вспыхнула новая надежда: ее дочь шить почти не умела. Однако Вилья принял подарок неопытной швеи. После победы революции он повел Лус Корраль в церковь венчаться. Священник предложил легендарному уже тогда командиру повстанцев исповедоваться. Ответ звучал примерно так: чтобы рассказать обо всей своей жизни, ему, Вилье, нужно 8 дней, а столько времени у него просто нет. Священник не настаивал, и Вилья обосновался с молодой женой в столице Чиуауа. От политической деятельности он отошел и вскоре оброс хозяйством, открыв четыре мясных лавки. Казалось, что он достиг своего, пусть и маленького счастья.

Ороско удовлетворился местом командующего «*руралес*» штата Чиуауа, хотя и он считал, что его незаслуженно обошли.

Мадеро не удалось договориться только с Сапатай. Подробнее об этом мы поговорим позже.

Расстановка сил в первом послереволюционном правительстве Мексики отражала определенный компромисс между победившими и проигравшими, хотя от слова не занимавшего официально никакого поста Мадеро зависели практически все персональные назначения. Ключевое кресло министра внутренних дел занял брат бывшего кандидата в вице-президенты Франсиско Васкеса Гомеса Эмилио.²⁹ Финансы и юстицию Мадеро доверил своим родственникам, хотя те придерживались явно консервативных взглядов. Только четверо из членов кабинета были убежденными сторонниками революции, трое – противниками Диаса, но консерваторами по воззрениям, двое представляли интересы свергнутой в столице политической элиты.

Но с назначением временных губернаторов отдельных штатов у Мадеро сразу же возникли проблемы. Кое-где губернатора утверждали местные законодательные собрания, в которых практически поголовно заседали сторонники свергнутого диктатора и местных олигархов. В Чиуауа – колыбели революции – законодатели штата, все как один связанные с кланом Террасаса, всячески противились назначению временным губернатором Абрахама Гонсалеса. В Коауиле, родном штате Мадеро законодатели отказались утвердить кандидатуру Венустиано Каррансы и назначили губернатора из сторонников Диаса. Демократу Мадеро пришлось прибегнуть к угрозе применения военной силы, и Карранса все-таки стал губернатором. В штате Дуранго местные власти вообще отказались пустить революционеров в столицу, и туда пришлось направлять повстанческие войска. Уже в конце мая 1911 года американский посол в Мехико назвал ситуацию в стране взрывоопасной.

Со скандала началась и деятельность временного правительства. Оно выделило шесть миллионов песо на погашение расходов, связанных с

²⁹ Cumberland C. C Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 152

революцией.³⁰ Счет на 700 тысяч песо сразу же предъявил брат Мадеро Густаво. Деньги эти действительно были истрачены на подготовку восстания, но заковыка состояла в том, что Густаво получил их путем незаконных финансовых операций. Имелся даже ордер на его арест, выписанный еще при Диасе. Тем не менее правительство первым делом удовлетворило нужды Густаво, и газеты стали наперебой обвинять Мадеро в кумовстве.

Но эти проблемы были цветочками по сравнению с положением в Морелосе. Когда Мадеро 7 июня 1911 года прибыл в Мехико под овации многотысячной толпы, он встретился с Сапатай и пообещал тому посетить его штат. На встрече Сапата ясно заявил, что он боролся прежде всего за аграрную реформу, под которой революционный вождь понимал возврат крестьянам отнятых у них при Диасе земель.³¹

В это время столичные газеты начали разнузданную травлю сапатистов, обвиняя их в массовом терроре, изнасилованиях и грабежах. Сапату называли «Аттилой», его бойцов – «ордами», а его воззвания – «указами» (причем использовалось именно русское слово). На самом деле Сапата, как и Вилья, поддерживал в войсках жесткую дисциплину, что признавали даже проживавшие в Морелосе иностранцы. 12 июня Мадеро принял в столице Морелоса Куэрнавাকে парад 4 тысяч сторонников Сапаты и провел переговоры как с ним, так и с до смерти напуганными плантаторами и сахарозаводчиками. Характерно, что вождь революции вообще не рассматривал возможность назначения Сапаты временным губернатором Морелоса или командующим войсками штата, хотя именно Сапата был реальным хозяином положения и без помощи Мадеро разбил в ходе восстания правительственные войска. Как мы уже говорили, Мадеро считал и Сапату, и Вилью полуграмотными варварами, маврами, сделавшими свое дело. Он предложил Сапате начать демобилизацию повстанческих отрядов, обещая прислать для охраны порядка революционеров из соседних штатов. Сапата согласился. Временным губернатором был назначен человек, явно устраивавший местных плантаторов.

В первый же день демобилизации оружие сложили более 700 сапатистов.³² Но столичные газеты продолжали смаковать бесчинства вооруженных крестьян, и Мадеро вызвал Сапату для объяснений в Мехико. Тот немедленно явился и заверил, что ситуация в Морелосе отнюдь не критическая. Однако временное правительство постоянно нагнетало обстановку, ябедничая Мадеро, что Сапата якобы уже поднял вооруженный мятеж. А ведь после

³⁰ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 152

³¹ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution/ New York, 1970. P. 96

³² Всего в ходе демобилизации повстанцы Сапаты сдали около 3500 винтовок и получили за них от властей 47,5 тысячи песо

сцены с Вильей и Ороско в Сюадад-Хуаресе Мадеро и так относился к революционным вождям с некоторым недоверием. К тому же он, истый либерал, был противником любого вмешательства военных в политику.

К этому времени де ла Барра и Уэрта уже вели свою игру, пытаясь столкнуть Мадеро с Сапатай. Временный губернатор Морелоса Карреон всячески противился реализации достигнутого между Сапатай и Мадеро соглашения о направлении в Морелос для охраны порядка революционных частей из других штатов. Сапата был вынужден несколько замедлить демобилизацию своих бойцов, так как они были единственной силой, поддерживавшей общественный порядок. Газеты продолжали голословно обвинять Сапату в неповиновении временному правительству.

Наконец Мадеро встал на сторону образованного класса и еще раз вызвал Сапату к себе. Тому надоели бесцельные поездки, и он отправил к Мадеро брата. Мадеро потребовал беспрекословного подчинения временному правительству. 10 августа 1911 года реакционеры могли праздновать победу: вместо революционных войск в Морелос был направлен контингент старой федеральной армии во главе с Уэрттой.³³ Приказ генералу гласил: разоружить повстанческие отряды, если потребуется – силой. Таким образом, новая, почти революционная власть санкционировала расправу с повстанцами, которую отказался одобрить даже Диас. Уэрта немедленно начал проводить в Морелосе тактику выжженной земли. Сапата в ответ отменил демобилизацию, и его отряды стали оказывать сопротивление карательным войскам.

Мадеро тяжело переживал неожиданно вспыхнувший конфликт. Он добился от правительства приказа Уэрте приостановить наступление на 48 часов, чтобы разобраться в ситуации. Но Уэрта давно уже выполнял только те приказы, которые хотел. Его части продолжали теснить сапатистов. Сапата обвинил Мадеро в нежелании претворять в жизнь принципы революции, но одновременно пообещал, что в случае вывода из Морелоса федеральных войск обеспечит порядок в штате в течение суток. 18 августа Мадеро прибыл в Морелос и выступил перед сапатистами. Как всегда, Сапата и Мадеро быстро договорились. Новым временным губернатором назначался убежденный революционер Эрнесто Хэй. Командующим войсками в штате становился брат Франсиско Мадеро Рауль. Федеральные войска стягивались к столице штата и подлежали выводу за его пределы. Уэрта был в отчаянии: ему опять не дали добить взбунтовавшихся крестьян. Генерал уже не смог простить Мадеро компромисса. Пока тот вел переговоры с Сапатай, Уэрта, как ни в чем не бывало, продолжал наступление на революционеров, и у Франсиско это вызвало бешенство.

³³ 2 августа 1911 года, в том числе в знак протеста против действий центрального правительства по отношению к Сапате, подал в отставку, пожалуй, единственный настоящий революционер в кабинете – министр внутренних дел Васкес Гомес.

19 августа из Морелоса Мадеро отправил де ла Барре две телеграммы, в которых признавал, что генералов Уэрту и Бланкета ненавидит все население штата. Он провидчески предрекал: оба эти генерала под любым предлогом могут начать мятеж против правительства. Также Мадеро требовал организации в штате Морелос местной комиссии по проведению аграрной реформы.³⁴

Уже летом 1911 года популярность Мадеро, который готовился к президентским выборам, начала стремительно падать. Народ, тщетно ждавший социальных реформ, был недоволен временным правительством. Посол США в Мехико Генри Вильсон в депеше госсекретарю Ноксу так описывал положение в стране: «По всей республике – в городах, на рудниках, плантациях – трудящиеся классы бросают работу и энергично требуют повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня. Во многих местах целые общины отказываются платить местные и федеральные налоги, заявляя, что революционная программа включает требование, согласно которому бедные должны быть освобождены от налогового бремени. Имеется также много случаев, когда поместья, законность владения которыми не подлежит сомнению, насильно захватываются большими группами бедняков, убежденных, что революция аннулировала все старые права на земельную собственность...»³⁵

В июне – июле 1911 года Мексика впервые столкнулась с мощной забастовочной борьбой рабочих, хотя совсем немногие представители пролетариата участвовали в вооруженной борьбе за свержение Диаса. В петиции на имя президента де ла Барры рабочие требовали ограничить их трудовой день хотя бы 12 часами. Рабочие одной фабрики сообщали президенту, что работают с 5.30 утра до восьми вечера.³⁶ 3 июля Мехико парализовала забастовка трамвайщиков. Де ла Барра поручил губернатору столичного округа договориться с забастовщиками, и те добились повышения заработной платы на три цента в час. (Трамвайщики, работавшие в англо-канадской фирме, где зарплата начислялась в валюте, получали в час 10–15 центов.)

В конце июня 1911 года Мадеро пришлось обратиться с воззванием к гражданам Мексики, первым после свержения диктатуры Диаса. Однако воззвание это скорее разочаровало миллионы людей, так как Мадеро не обещал никаких социальных реформ. Например, он высказался против повышения заработной платы в промышленности, но посулил создать условия, при которых каждый сможет зарабатывать на жизнь «тяжелым трудом». Одновременно Мадеро насторожил и реакционную элиту, выступив за

³⁴ Krauze E. Francisco Madero. *Mistico dela libertad*. Mexico, 1995. P. 69–70

³⁵ Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С.103

³⁶ Henderson P. V. In the absence of Don Porfirio. *Francisco Leon de la Barra and the Mexican Revolution*. Wilmington, 2000. P. 151

уничтожение всех политических привилегий правящего класса. Всем стало ясно: целью революции для Мадеро была только политическая демократия, и ничего больше.

Между тем назрел конфликт во временном правительстве, вызванный резкими разногласиями его главы – реакционера де ла Барры и лидера революционного крыла в кабинете Эмилио Васкеса Гомеса. Последнему, как уже упоминалось, пришлось подать в отставку. Но несколько генералов революционных войск открыто выступили в его защиту. Они настаивали на немедленном претворении в жизнь «плана Сан-Луис-Потоси», в частности на отставке де ла Барры и назначении временным президентом самого Мадеро. Последний встал на сторону своих бывших врагов и санкционировал отставку Васкеса Гомеса, а также арест возмущенных генералов.

Но больше всего прочего потрясли вчерашних сторонников революции июльские события в Пуэбле. 12 июля 1911 года в этот город должен был прибыть Мадеро, и у революционеров появились сведения, что на вождя революции готовится покушение. Сигналом к нему должны были стать стычки федеральной армии с бывшими повстанцами. Они и произошли, причем провокация со стороны федералов была налицо. Мадеро же выразил полную поддержку федералам, которые, по его мнению, пресекли беспорядки. Командующий федеральными войсками в Пуэбле генерал Бланкет удостоился личной похвалы Мадеро за «мужество и лояльность».

Соратников Мадеро, особенно Эмилио Васкеса Гомеса и его брата Франсиско, неприятно поразило и решение распустить перед выборами Партию противников переизбрания, потому что она, дескать, уже осуществила свою историческую миссию. Мадеро предлагал создать новую политическую силу – Конституционно-прогрессивную партию.³⁷ Одной из причин такой реорганизации было стремление Мадеро отделаться от братьев Васкес Гомес. Не случайно Франсиско Васкесу Гомесу уже не предложили баллотироваться в вице-президенты. Мадеро выдвинул на этот пост малоизвестного политика из Юкатана Хосе Марию Пино Суареса. Такое развитие событий больше всего насторожило революционеров Чиуауа, где братья Васкес Гомес пользовались авторитетом. Абрахам Гонсалес не смог исполнить личную просьбу Мадеро, который хотел, чтобы тот агитировал за Пино Суареса. По мексиканским законам вице-президента выборщики избирали отдельно, и Васкес Гомес выдвинул свою кандидатуру сам. Еще одним кандидатом стал временный президент де ла Барра.

Мадеро был единодушно провозглашен кандидатом на съезде своей новой партии, открывшемся в Мехико 27 августа 1911 года. Программа кандидата в президенты опять говорила много о политических правах и свободах и почти ничего – об аграрной реформе.

³⁷ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 163

Между тем у Мадеро появился соперник. Генерал Рейес 9 июня 1911 года вернулся в Мехико и по привычке спросил у нового хозяина страны разрешения участвовать в выборах. Мадеро хотел сделать Рейеса министром обороны, но генерал явно метил выше. Вскоре сторонники Рейеса образовали свою политическую партию и выдвинули его кандидатом в президенты. Как ни странно, демократу Мадеро это не понравилось, хотя он был на тот момент бесспорно популярнее Рейеса, которого многие ассоциировали со свергнутой диктатурой. Во время некоторых митингов генерал подвергался физическому воздействию со стороны возмущенных революционеров и не преминул увидеть в этом руку Мадеро, хотя он был тут ни при чем.

Чтобы получить больше времени для агитации, партия Рейеса 12 сентября 1911 года потребовала перенести выборы, намеченные на 1 октября, на более позднюю дату.³⁸ Со своей стороны, Мадеро, наоборот, стремился не оттягивать голосование, чтобы наконец прервать затянувшийся вакуум власти. Он обратился в Конгресс с телеграммой, в которой довольно неуклюже предупреждал об опасных последствиях переноса выборов. Депутаты, в большинстве – по-прежнему сторонники Диаса, восприняли эту телеграмму как угрозу и стали склоняться к удовлетворению петиции Рейеса. Мадеро пришлось фактически извиниться.

Конгресс все-таки отклонил петицию Рейеса, и тот снял свою кандидатуру, обвинив Мадеро в диктаторских замашках. Вскоре Рейес обосновался в Техасе и стал готовить там антиправительственный мятеж.³⁹ Туда же переехал Эмилио Васкес Гомес, который все больше и больше становился рупором левого крыла революционеров, недовольных мягкотелостью Мадеро и отсутствием социальных реформ. Васкес Гомес пользовался поддержкой среди бывших революционеров в Чиуауа.

Постоянно падавшей благодаря усилиям столичных газет популярности Мадеро все же хватило для убедительной победы на президентских выборах. 15 октября 1911 года за него проголосовали 98% избирателей. Де ла Барра, не дожидаясь 1 декабря – дня инаугурации Мадеро по Конституции, – подал в отставку. Поэтому уже 6 ноября 1911 года Франсиско Мадеро стал легитимным президентом страны. Что касается вице-президента – выборщики, естественно, предпочли Пино Суареса, а Васкес Гомес занял только третье место, уступив все тому же де ла Барре.

Кабинет Мадеро нельзя было назвать революционным. Правда, влиятельный пост министра внутренних дел занял губернатор Чиуауа, сторонник глубоких реформ Абрахам Гонсалес. Но внешнеполитическое ведомство

³⁸ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 167

³⁹ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 509

возглавил Калеро, которого Порфирио Диас считал верным другом и даже хотел назначить вице-президентом.⁴⁰

Де ла Барра неспроста так спешил расстаться с президентскими полномочиями. В стране тут и там тлели мятежи, и на борьбу с ними у Мадеро ушел почти целый год. Все еще шли упорные бои в Морелосе, причем вина в том была на совести именно де ла Барры с Уэртой. Сапата постоянно подчеркивал, что готов к компромиссу. 8 октября 1911 года он согласился на 15-дневное перемирие, но Уэрта продолжал наступление, стремясь окружить ставку Сапаты и уничтожить его самого. Тогда Сапата решился на отчаянный шаг: атаковал пригороды Мехико, чтобы привлечь внимание правительства к боине в Морелосе. Он достиг лишь того, что министру обороны Хосе Гонсалесу Саласу пришлось подать в отставку. Зато Мадеро воспользовался рейдом сапатистов, чтобы добиться отзыва Уэрты из Морелоса. В письме Уэрте Мадеро следующим образом обосновывал свою почти неприкрытую враждебность к генералу: «Когда я был в Куаутле, заканчивая переговоры с Сапатой, Вы продолжали наступление... и подходили к Куаутле, не имея на то ясного приказа ни от президента республики, ни от заместителя министра обороны».

Сразу же после инаугурации Мадеро направил к Сапате представителя, и крестьянский вождь опять полностью подтвердил все свои августовские обязательства: вывод федеральных войск из штата в обмен на полное разоружение сапатистов. Новый главнокомандующий войсками в Морелосе генерал Касос Лопес пытался задержать эмиссара Мадеро, и тот едва ускользнул из-под охраны. Однако в качестве президента Мадеро не хотел идти ни на какие компромиссы, ошибочно ставя Сапату на одну доску с Ороско и Вильей во время памятного инцидента в Сьюдад-Хуаресе и полагая, что Сапата, военный командир, намерен диктовать условия гражданскому правительству. Поэтому посланник президента передал Сапате приказ Мадеро: немедленно прекратить сопротивление и уехать из Морелоса.⁴¹ В этом случае Мадеро обещал полное прощение самому Сапате и амнистию всем его сторонникам, не замешанным в актах прямого грабежа и убийствах.

Сапата не согласился с таким «компромиссом» и 25 ноября 1911 года открыто объявил Мадеро предателем революции. В принятом в этот день «плане Айяла» Сапата сформулировал радиальную аграрную программу, предусматривавшую полный раздел между крестьянами асиенд врагов революции и конфискацию трети площади тех асиенд, владельцы которых контрреволюционерами не считались. Верховным вождем революции Сапата

⁴⁰ Ruiz R. E. The Great Rebellion. Mexico 1905—1924. New York, 1980. P. 151

⁴¹ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 183

признал Паскуаля Ороско.⁴² «План Айялы» немедленно поддержали либералы Флореса Магона, и Сапата несколько раз предлагал им образовать на территории Морелоса революционное временное правительство.

Однако, несмотря на близость Морелоса к Мехико, Сапата никогда не представлял прямой угрозы правительству Мадеро. У крестьянского вождя не было собственных политических амбиций, Он просто хотел, чтобы ему дали возможность осуществить в Морелосе аграрную программу.

Четкой организации у сапатистов не имелось. Партизанские отряды действовали автономно, и только по мере необходимости собиралась хунта основных командиров, в которой Сапата был первым среди равных. Мадеро же еще больше ужесточал свою позицию. В декабре 1911 года он уже не предлагал Сапате амнистию, а лишь обещал предоставить ему возможность уехать из Мексики. Губернатором Морелоса был назначен один из братьев Фигероа, бунтарей вроде нашего батеньки Махно, поднявших восстание в соседнем штате Герреро. Однако тысяча солдат правительственных войск и примерно 5 тысяч «руралес» из Герреро ничего не могли поделать с партизанами. Именно последние контролировали большую часть территории штата, за исключением крупных городов. В январе 1912 года в Морелосе было объявлено осадное положение.

К середине января 1912 года под влиянием партизанской войны в Морелосе стали возникать волнения в соседних штатах. Фигероа был вынужден подать в отставку с поста губернатора Морелоса, чтобы сосредоточиться на наведении порядка в своем родном Герреро. А 26 января партизаны начали скоординированное наступление по всему Морелосу. Под ударом оказалась столица штата Куэрнавака, за которую четыре дня шли ожесточенные бои. Правительственные войска спасало только отсутствие у повстанцев боеприпасов и артиллерии. Запасы оружия сапатистов пополнялись лишь благодаря мексиканскому черному рынку и захваченным в битвах трофеям.

Так как ситуация в Морелосе явно выходила из-под контроля, Мадеро назначил новым командующим войсками в штате славившегося жестокостью генерала Хувенсио Роблес. Тот приобрел свою репутацию во время безжалостного истребления индейцев яки на севере страны. В 1909 году он возглавлял федеральные войска, подавлявшие в Морелосе беспорядки во время фальсифицированных выборов на пост губернатора. Сапатистов Роблес называл «фалангой гангстеров». Для начала он арестовал в качестве заложников тещу и сестру Сапаты.

Тактику свою Роблес скопировал с той, что продемонстрировали испанцы в недавней войне за независимость на Кубе. Генерал сжигал дотла дерев-

⁴² Текст «плана Айялы» см. Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 393–395

ни, которые подозревал в сочувствии партизанам, а их жителей переселял в казармы или импровизированные концентрационные лагеря на окраинах крупных городов. Тем самым он надеялся лишить партизан народной поддержки, однако достиг прямо противоположных результатов. Теперь у крестьян не было иного выбора, чем присоединиться к партизанам, ведь их лишили не только земли, но даже жилья.

В январе 1912 года три тысячи сапатистов едва не захватили столицу Морелоса Куэрнаваку.⁴³ Политикой федеральных властей начали возмущаться и плантаторы, которых Роблес оставил без дешевой рабочей силы. Зато столичные газеты именовали Роблеса «героем».

В марте, когда вспыхнул мятеж Ороско в Чиуауа, часть правительственных войск была переброшена из Морелоса на север Мексики, и партизаны Сапаты немедленно перешли в новое наступление. Войска Роблеса снова оказались запертыми в крупных городах. Даже Мадеро стал понимать, что в Морелосе ему противостоит отнюдь не шайка бандитов. В своем первом послании Конгрессу 1 апреля 1912 года президент обещал начать изучение аграрного вопроса в штате, как только Морелос окажется под полным контролем правительства. Однако он продолжал смотреть свысока на отсталых с его точки зрения сапатистов, чей «аграрный социализм» якобы не мог принять иных форм, чем акты вандализма.

Между тем «вандалы», сконцентрировав в апреле вокруг Куэрнаваки около 4 тысяч бойцов, едва не захватили город. И снова для победы им не хватило оружия и боеприпасов. Сапата надеялся, что сможет получить помощь от Ороско через один из тихоокеанских портов недалеко от Морелоса. Однако у самого Ороско из-за эмбарго США с боеприпасами к тому моменту дела обстояли очень плохо. Поэтому партизаны Морелоса были вынуждены чередовать периоды повышенной боевой активности с паузами, во время которых они пополняли свои скудные боевые запасы. В конце мая 1912 года Сапата направил мексиканскому Конгрессу открытое письмо, в котором предупреждал, что партизаны намерены напасть на столицу. Однако Мадеро не испугался. Как раз тогда полиции удалось арестовать в Мехико армейского капитана, который продавал сапатистам винтовки системы «винчестер» с армейских складов.

В мае 1912 года, нанеся Ороско решающие поражения на севере, правительство почувствовало себя настолько уверенно, что отменило осадное положение в Морелосе. Но партизанская борьба в штате и его окрестностях не прекращалась. Сапата и его командиры активно вели рельсовую войну, подрывая поезда с солдатами (страдали от этого и гражданские пассажиры). В конце июля повстанцам едва не удалось захватить город Яутепек, причем его восставшие жители нанесли удар в спину правительственному

⁴³ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 133

гарнизону. В августе Мадеро снова ввел в Морелосе осадное положение сроком на шесть месяцев. Одновременно законодатели Морелоса делали попытки принять хотя бы умеренные законы в пользу мелких землевладельцев. Однако впоследствии народные избранники сами испугались собственной смелости, и предложенные ими законопроекты так и остались на бумаге.

Мадеро отстранил Роблеса от командования карательными войсками в Морелосе и назначил там главкомом одного из самых интеллигентных генералов мексиканской армии, бывшего ректора военной академии Фелипе Анхелеса. В отличие от Уэрты, попросту сжигавшего дотла непокорные деревни, Анхелес, как и сапатисты, старался, чтобы конфликт по возможности не затрагивал мирное население. Поэтому интенсивность боевых действий сразу же снизилась. В сентябре 1912 года казалось, что повстанческое движение пошло на убыль. Крестьяне даже стали просить партизан держаться от их деревень подальше.

Тем временем в Техасе зрел мятеж Рейеса. Он представлялся властям куда более опасным, чем конфликт в Морелосе, бывший, по большому счету, результатом дезинформации Мадеро прессой и во многом вызванный упрямством самого президента.⁴⁴

Во-первых, Рейес все еще сохранял популярность среди молодых офицеров и некоторых генералов федеральной армии. Профессиональным военным не нравилось, что их приравнивали по званию к вчерашним погонщикам мулов вроде Ороско. Во-вторых, Рейес, в отличие от Сапаты, был явным контрреволюционером и стремился свергнуть правительство Мадеро, реставрировав диасовские порядки. Увы, как еще не раз случалось в истории мексиканской революции, борьба с правительством вызывала к жизни самые причудливые политические союзы. Вот и левонастроенный Васкес Гомес заключил в Техасе тактический союз в Техасе с реакционером Рейесом.

Последний, видимо, надеялся, что его коллеги в столице убьют Мадеро и президентство само упадет в его руки. Однако правительству удалось раскрыть заговор, конфисковать большое количество взрывчатки и арестовать в декабре 1911 года двух генералов. Рейеса неудача не смутила, и из Техаса он провозгласил 1 декабря 1911 года днем начала новой революции. Программа Рейеса была весьма смутной: он обещал навести порядок и восстановить поруганную честь армии.

Администрация Мадеро, следуя примеру своих предшественников, попросила американские власти пресечь антиправительственную деятельность Рейеса, которому помогал шериф одного из округов Техаса. Несмотря на неофициальное предупреждение со стороны министра обороны США Нокса, Рейеса все же арестовали, но потом выпустили под залог.

⁴⁴ Krauze E. Francisco Madero. Místico de la libertad. Mexico, 1995. P. 83

Акция американской полиции сорвала план Рейеса по одновременному вторжению на территории штатов Сонора и Чиуауа. Может, для генерала провал был и к лучшему, так как в Чиуауа поддержки у него не имелось. Командующий федеральными войсками на севере генерал Тревиньо, личный враг Рейеса, своевременно добился от правительства Мексики присылки ему подкрепления.

Однако Рейес надеялся, что его помнят в штате Нуэво-Леон, где он столько лет был губернатором. 4 декабря 1911 года генерал пересек границу, и его встретили 600 сторонников. Но затем мятеж просто столкнулся с равнодушием и недоверием местных жителей. Как только отряд Рейеса проходил через какой-нибудь населенный пункт, они сразу же сообщали об этом властям. Отряд с каждым днем таял, и вовсе не в боях, а из-за дезертирства. 25 декабря 1911 года генерал остался совсем один и сдался властям.

Неудачливого заговорщика препроводили дожидаться своей участи в тюрьму Мехико. Во времена столь любимого Рейесом Порфирио Диаса за такие вещи расстреливали в течение 24 часов. Но теперь в Мексике была демократия, которая и спасла генералу жизнь.

Более серьезную угрозу для Мадеро представляли мятежи «слева», так как среди вчерашних революционеров было много недовольных. 10 ноября 1911 года Эмилио Васкес Гомес направил губернаторам штатов циркулярное письмо, в котором обвинял Мадеро в предательстве идеалов «плана Сан-Луис-Потоси» и намекал на свою готовность занять пост временного президента республики.⁴⁵ Через две недели группа левых интеллектуалов под влиянием письма Васкеса разработала «план Такубайя», содержавший положения по решению рабочего и крестьянского вопросов. Васкесу не хватало лишь шпаги, которая добудет ему президентство, и в тех условиях такой шпагой обладал только Паскуаль Ороско.

Положение в колыбели революции, штате Чиуауа, где Ороско по-прежнему пользовался очень большим влиянием, было довольно сложным. Ороско проиграл губернаторские выборы Абрахаму Гонсалесу, который, в отличие от Мадеро, имел конкретные и весьма прогрессивные взгляды на аграрный вопрос и намеревался покончить с засильем клана Террасасов в Чиуауа. Однако, к удивлению Гонсалеса, Мадеро запретил ему расследовать аферу принадлежавшего Террасасу «Банко де Минеро». Это сразу же резко снизило популярность новой власти в Чиуауа. К тому же Мадеро призвал Гонсалеса не проводить никаких аграрных преобразований до тех пор, пока центральные власти не примут единую для всей страны программу реформы. Но Гонсалес решил разделаться с Террасасом по крайней мере в пределах своей компетенции. Он просто провел переоценку всех крупных латифун-

⁴⁵ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 190

дий штата, и Террасас с изумлением узнал, что теперь ему придется платить гораздо больше налогов. Вдобавок Гонсалес планировал провести коренную реформу налоговой системы, которая сделала бы владение крупными поместьями убыточным делом. Единственной надеждой Террасаса оставался мятеж против Мадеро и Гонсалеса, а его мог поднять с шансами на успех все тот же Ороско.

В исторических исследованиях мексиканской революции преобладает мнение, что действительно вспыхнувший вскоре мятеж Ороско был результатом личных амбиций последнего, которые в своих целях поддерживал Террасас. Однако это не соответствует действительности. Ороско не был агентом влияния Террасаса, так как просто не нуждался в этом при своей популярности в Чиуауа. Что же касается финансовой помощи клана мятежникам, то Террасасу были выгодны любые стычки между революционерами, которых он одинаково ненавидел. В тех условиях любая вооруженная борьба в штате помешала бы Гонсалесу претворить в жизнь свою налоговую реформу. Наконец, Ороско все равно заставил бы богатеев Чиуауа оказать ему содействие, и лучше было сделать это добровольно.

Личные амбиции у Ороско, конечно же, присутствовали, но ему было отнюдь не все равно под каким флагом выступать Ничто, например, не заставило бы Ороско заключить союз с тем же Рейесом.

Не будет преувеличением сказать, что Ороско втянул в вооруженный мятеж против Мадеро Эмилио Васкес Гомес. В январе – феврале 1912 года в северных штатах вспыхнуло несколько вооруженных выступлений под знаменем «плана Такубайя», который Васкес Гомес принял как свою программу. В частности, 27 февраля восстал гарнизон много значившего в психологическом плане для Мадеро Сьюдад-Хуареса.⁴⁶ Президент республики приказал Ороско во главе «руралес» и добровольцев штата отбить этот приграничный город. Ранее Ороско уже назначался командующим войсками при подавлении мятежа Рейеса и не проявил на этом посту ни тени неповиновения.

Однако теперь перед Ороско встала трудная дилемма. Он не хотел воевать против вчерашних братьев по оружию, чьи идеи были ему близки. Но послушаться приказа означало дать центральным властям повод отстранить его от должности, а то и предать суду военного трибунала.

Сначала Ороско подал в отставку с поста командующего «руралес», и власти штата со дня на день ждали его открытого выступления. В этих условиях ключевым вопросом для Мадеро и Абрахама Гонсалеса становилась позиция другого популярного революционера Чиуауа, Панчо Вильи. И казалось, что здесь у властей есть все основания для тревоги.

Если Вилья и не имел в то время собственных политических амбиций, он все же был недоволен результатами революции. Особенно возмущало его

⁴⁶ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 139

отношение к демобилизованным солдатам революционной армии. Им, как правило, давали по 50 песо (еще 25, если те сдавали оружие), покупали билет на поезд и отправляли домой. Но недавние пеоны ждали главного, что обещал Мадеро – наделения их землей. Они не были готовы снова работать на помещика с утра до ночи. Абрахам Гонсалес в точном соответствии с указаниями Мадеро просил отставников подождать. Те приходили к Вилье «за правдой». Вилья по возможности помогал вдовам своих погибших товарищей из собственных средств, однако понимал, что эти благородные жесты не решают проблемы в целом.

Когда Мадеро официально стал президентом, Вилья направил ему письмо, в котором утверждал: клан Террасас-Криль по-прежнему угнетает людей в Чиуауа, и там ждут, что власти положат этому конец.⁴⁷ Президент поручил своему секретарю написать Вилье теплый по форме, но ни к чему не обязывающий ответ. Между тем тучи в Чиуауа стали сгущаться и над головой самого Вильи. Его стали обвинять в том, что он потакает своим бывшим солдатам в грабеже скота из поместий Террасаса и неплохо на этом зарабатывает. Отношения Вильи с властями штата обострились, хотя он по-прежнему испытывал глубокую лояльность по отношению к Гонсалесу, который когда-то вовлек его в революцию.

На беду, после победы на выборах Мадеро уговорил Гонсалеса перебраться в Мехико, где тот стал министром внутренних дел. Гонсалес сохранил за собой губернаторский пост и испросил отпуск. Такие вещи в штате были очень непопулярны, поскольку живо напоминали практику марионеточных губернаторов эпохи Диаса. К тому же заместитель Гонсалеса оказался отнюдь не таким активным и прекратил едва намеченные радикальные преобразования.

Вернувшись в Чиуауа в феврале 1912 года, Гонсалес уже не смог помешать антиправительственному мятежу. Тем не менее, в отличие от Мадеро, он сразу понял суть растущего недовольства населения – нерешенный аграрный вопрос. В последней попытке предотвратить выступление Ороско Гонсалес обратился к законодательному собранию штата с просьбой немедленно выделить 6 миллионов песо на работы, связанные с обмером и последующей продажей пустующих земель из государственного фонда (этим же занимались власти во время диктатуры Диаса). Одновременно он обратился к Мадеро, прося выделить деньги на реформу из федерального бюджета, но из Мехико ответили, что на эти цели ассигнований не предусмотрено.

Вилья тоже чувствовал надвигающуюся грозу и пошел на шаг, которого от него никто не ждал. Во время революции полуграмотный Вилья был одним из немногих командиров повстанческих войск, упорно избегавших любого общения с прессой. Он просто боялся чем-нибудь навредить своей и без

⁴⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 156

того отнюдь не белоснежной репутации. Но теперь он обратился в газету «Коррео де Чиуауа», и 15 февраля 1912 года она напечатала его открытое письмо гражданам штата. В нем Вилья довольно запутанно и неконкретно говорил, что страна больна и что в штате нет «гражданских гарантий» (видимо, имея в виду случаи преследования его бывших солдат).⁴⁸

Гонсалес, который со дня на день ждал мятежа Ороско, был все же уверен, что, несмотря на недовольство послереволюционными порядками, Вилья поддержит правительство Мадеро. Вилья же тем временем вел секретные переговоры с Ороско. Позднее он утверждал, что отец Ороско пытался его подкупить. Ороско, напротив, говорил, что Вилья просился в его армию, но был отвергнут из-за своей преступной репутации в прошлом и настоящем. Более убедительной представляется такая версия: Вилья не верил в победу Ороско, которого мало кто поддерживал за пределами Чиуауа. Встав на сторону мятежников, Вилья рисковал материальным благополучием, приобретенным за год после революции. А благополучие это росло неплохими темпами. Впоследствии Вилья жаловался, что в результате мятежа Ороско потерял 200 лошадей, 200 голов крупного рогатого скота, 115 мулов и 1700 песо.

2 марта 1912 года Ороско объявил о восстании против Мадеро, которого он назвал не только предателем революции, но и марионеткой американского империализма.⁴⁹ Конечно, он сильно преувеличивал, хотя клан Мадеро имел тесные связи с американским бизнесом, а без поддержки США революция 1910–1911 годов была бы просто невозможна. Но определенные основания для этих обвинений все же имелись.⁵⁰

Клан Мадеро был связан с влиятельной в Техасе семьей Фрост и главой пивоваренной компании Сан-Антонио Вармундом – видными членами Международного клуба Сан-Антонио, в котором состояла элита техасского бизнеса. Во время эмиграции Мадеро поддерживал тесные отношения с хьюстонской нефтяной компанией «Тексас Ойл Компани». В Нью-Йорке среди его друзей числился влиятельный лоббист и железнодорожный магнат Гарриман. В ходе восстания против Диаса Мадеро жестко пресекал любые попытки нанесения ущерба американской собственности в Мексике. После победы революции техасские капиталисты вложили деньги в семейный бизнес Мадеро по добыче нефти в Тампико.

⁴⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 156

⁴⁹ Delgado de Cantu, G. M. Historia de Mexico. Volumen II: Mexico en el siglo veinte. Mexico, 2003. P. 27

⁵⁰ В программном для своего движения «плане де Эмпакадора» от 4 марта 1912 года Ороско заявил: Мадеро «сорвал с нашего герба славного орла, пожирающего змею, чтобы заменить его ястребом, который пожирает Испанскую Америку». Под ястребом подразумевались США. Цит по: Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 116

5 июня 1912 года Мадеро уже в качестве президента подписал договор с американской «Стандард Ойл» – на условиях, которые были невыгодны для Мексики даже в сравнении с практикой времен Диаса. Американцы получили полное освобождение от налогов и таможенных сборов на 10 лет. Компания заранее получала права на любую недвижимость (как частную, так и государственную), которая требовалась ей для строительства буровых вышек, прокладки нефтепроводов, сооружения портов и дорог.

Между тем восставшая армия Ороско совершала постоянные нападения на американские объекты в разных штатах, что, возможно, и стоило ей победы. Власти США отказались признать Ороско воюющей стороной, и он не смог получать из Америки оружие и боеприпасы.

То, что Ороско не был игрушкой в руках клана Террасаса-Криля, со всей ясностью демонстрировала его политическая программа: так называемый план де Эмпакадора.⁵¹ Он предусматривал повышение заработной платы рабочим, установление ограничений на продолжительность рабочего дня и запрет любых фабричных магазинов.⁵² В аграрной сфере Ороско предлагал возвращение крестьянам всех несправедливо отнятых у них земель, а также выкуп за счет государственных средств части земель помещиков и распределение этих наделов между всеми, кто пожелает их обрабатывать. В плане содержалось также требование отмены обязательного призыва в федеральную армию. Мадеро объявлялся вне закона как предатель революции.

Неудивительно, что программу Ороско немедленно поддержали и Сапата, и либералы из партии Флореса Магона. Один из лидеров магонистов Сарабия прибыл в ставку Ороско, и после беседы с ним вождь мятежников заявил, что его программа ничем не отличается от программы «великой и славной» Либеральной партии Мексики.

Надо отметить, что, несмотря на участие одного из братьев Флорес Магон (Хесуса) в правительстве Мадеро, Либеральная партия занимала по отношению к новому президенту резко отрицательную позицию. Причина была все в том же нежелании Мадеро проводить глубокие социальные реформы. Как и Сапата на юге, либералы Рикардо Флореса Магона сами взялись за решение аграрного вопроса на севере. Еще во время революции 1911 года их отряды захватили приграничный район мексиканского штата Нижняя Калифорния и образовали там анархистскую республику. Они экспроприировали крупные имения, в том числе и те, которые принадлежали американцам. Среди восставшего в феврале 1912 года гарнизона Сьюдад-Хуареса также было

⁵¹ Текст плана см. *La Revolucion Mexicana. Cronicas, Documentos, Planes y Testimonios*. Mexico, 2005. P. 151–157

⁵² Ороско предлагал ограничить рабочий день 10 часами и национализировать железные дороги. См. Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 255

много сторонников Флореса Магона. Характерно, что те и другие называли себя сапатистами.

Поводом для мятежа Ороско послужило решение Абрахама Гонсалеса поручить полковнику Вилье набрать на деньги штата вооруженный отряд для охраны столицы Чиуауа – Сьюдад-Чиуауа. Причем по согласованию с Мадеро Гонсалес, еще до конца не уверенный в лояльности Вильи, ограничил его полномочия по набору добровольцев 250 бойцами. Ороско, в свою очередь, объявил, что население столицы штата необходимо спасти от бандита и разбойника Вильи. Ему поверило большинство населения, и Вилье под натиском ороскистов пришлось оставить город и с немногочисленным отрядом отступить в гористую местность на западе Чиуауа, где он уже воевал примерно год назад. Весь март 1912 года об отряде Вильи ничего не было слышно.

Как и ожидалось, Ороско в течение двух недель легко захватил практически весь Чиуауа, включая столицу, и некоторые районы сопредельных штатов. В конце марта под его командованием собрались около 8 тысяч бойцов. От имени Ороско действовали радикальные отряды и на юге Мексики. На борьбу с мятежниками отправился во главе двухтысячного отряда федеральных войск сам министр обороны Гонсалес Салас. 23 марта началось сражение при Рельяно в южном Чиуауа.⁵³ Сперва обе стороны обстреливали друг друга из пушек и пулеметов. Но затем ороскисты (характерно, что сами они называли себя «красными» или «алыми», что вполне ясно говорит об их политических взглядах) применили оригинальный и очень эффективный маневр. Они набили динамитом локомотив и направили его прямо на поезд правительственных сил. При страшном взрыве погибли и были ранены сотни федеральных солдат, а остатки отряда в беспорядке отступили. Определенную роль в разгроме федералов сыграло и то, что посланный им на помощь контингент во главе с генералом Бланкетом (тем самым, которого Мадеро расхваливал за расстрел революционеров в Пуэбле) почему-то опоздал. Как мы убедимся позднее, опоздание Бланкета скорее всего было преднамеренным. Гонсалес Салас не выдержал позора и застрелился.

Казалось, что Ороско открыл себе путь на крупный железнодорожный узел Торреон, от которого до самого Мехико не было крупной дислокации правительственных сил. В столице стали распространяться панические слухи. Американский посол Вильсон потребовал у правительства Мексики тысячу винтовок и боеприпасы, чтобы иностранцы могли организовать отряды самообороны.⁵⁴ После истеричных депеш Вильсона, который обвинял Мадеро в неспособности поддерживать в стране элементарный порядок, Вашингтон послал к тихоокеанскому побережью Мексики корабли для спа-

⁵³ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 197

⁵⁴ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 196

сения американских граждан. Правда, вопреки ожиданиям желающих спастись оказалось немного.

Интересно, что у Ороско имелось и свое лобби в США. Так, его поддерживали крупнейший американский медиамагнат и одновременно латифундист из Чиуауа Херст и только что избранный сенатор от штата Нью-Йорк Альберт Фолл.⁵⁵ Они пытались убедить президента США Тафта оказать помощь Ороско, но тот полагал, что мятеж вреден для мексиканской экономики, а значит, и для американских инвесторов в Мексике. 14 марта 1914 года, к неудовольствию Ороско, Тафт ввел эмбарго на поставки оружия в Мексику, а потом изменил его, чтобы иметь возможность снабжать вооружением Мадеро.⁵⁶

Между тем Ороско не мог развивать наступление на Торреон. Именно потому, что его отрядам, которые после победы у Рельяно значительно выросли (к тому же в войсках Ороско платили по два песо в день), не хватало оружия и боеприпасов. Возможно, что Ороско и не хотел захвата Мехико. По всей видимости, он рассчитывал договориться с Мадеро, как тот годом раньше договорился с Диасом. Ороско даже прервал все связи с главным политическим оппонентом Мадеро в левом лагере Васкесом Гомесом.

Однако Мадеро, похоже, не забыл своего унижения в Сьюдад-Хуаресе в мае 1911 года и был преисполнен решимости покончить с Ороско. Как только до Мехико дошли сведения о разгроме при Рельяно, было собрано экстренное заседание правительства. Министр обороны и глава внешнеполитического ведомства требовали назначить новым главнокомандующим федеральных войск на севере генерала Уэрту. Мадеро сопротивлялся. Он прекрасно помнил, что именно Уэрта спровоцировал конфликт с Сапатой, к тому же подозревал генерала в симпатиях к Рейесу.

Президента все-таки убедили, и 1 апреля 1912 года главнокомандующим федеральными войсками на севере был назначен Уэрта.⁵⁷ На сей раз генерал диктовал свои условия. Он потребовал, чтобы президент ни в какой форме не вмешивался в его военные операции. Мадеро не оставалось ничего иного, как согласиться, и это едва не стоило жизни Панчо Вилье. Все же президент отправил в ставку Уэрты своего брата Рауля, который должен был присматривать за генералом.

Отряд Вильи тем временем вышел из небытия и захватил небольшой городок Парраль – единственный населенный пункт Чиуауа, который оставался в руках лояльных Мадеро сил. Как водится, Вилья немедленно обложил

⁵⁵ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 157

⁵⁶ Harris C., Sadler L. The Texas Rangers and Mexican Revolution. The bloodiest decade 1910–1920. University of New Mexico Press, 2004. P. 93

⁵⁷ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 196

всех богатых людей контрибуцией, причем особенно пострадал «Банко де Минеро», управляющий которого под угрозой расстрела выдал 50 тысяч песо. В остальном Вилья поддерживал в своем отряде образцовый порядок. Он вообще очень заботился о материальной стороне жизни своих солдат, что не было характерно для многих партизанских командиров. В отряде имелись квартирмейстер, казначей и начальник санитарной части. Что бы ни происходило на поле боя, Вилья следил, чтобы его люди хорошо питались. Проходя мимо бивуачных костров, он вежливо спрашивал разрешения и пробовал солдатскую еду. Излишне говорить, что подчиненные боготворили своего начальника.

Прежде чем двинуться на юг, Ороско послал героя битвы при Рельяно генерала Инеса Салазара (тоже, кстати, сразу же после начала мятежа ограбившего филиал «Банко де Минеро») разделить с Вильей. Отряд примерно в тысячу «алых» 2 апреля осадил Парраль.⁵⁸ Исход битвы решил американский пулеметчик-наемник, служивший у Вильи, некий Том Фаунтейн. Когда нападавшие пытались втащить на холм орудие, чтобы обстрелять Парраль, он метким огнем уложил всю прислугу и тянувших орудие мулов. Ороскистам пришлось отступить. Однако 4 апреля Салазар привел к Парралю уже 2500 бойцов, и на сей раз Вилья оставил город. Нападавшие не сумели сдержать своих эмоций и подвергли Парраль страшному разорению, что контрастировало с поведением отряда Вильи. Салазар пытался предотвратить эксцессы, но ничего не смог сделать. Том Фаунтейн спрятался на ночь в одном магазине, но хозяин выдал его ороскистам, немедленно расстрелявшим американца.

Мадеро был искренне взволнован верностью Вильи, которого обошел наградами и чинами после революции. Ведь тот не только отказался перейти на сторону Ороско, но и рисковал своей жизнью. В телеграмме президента на имя Вильи говорилось: «Панчо, я поздравляю тебя с проявленной преданностью. Дай бог, чтобы ты всегда вел себя как теперь. Проси у генерала Уэрты все, что тебе нужно. Он тебя всем обеспечит. Ты мне доставишь большое удовольствие, если будешь действовать в согласии с этим генералом».⁵⁹

Вряд ли можно согласиться с историками, полагающими, что осада Парраля помешала Ороско взять Торреон и решила исход всей кампании. 12 апреля в Торреон прибыл Уэрта (в Мехико считали, что город уже взят ороскистами), быстро организовавший прочную оборону. Уэрта объявил, что если мятежники в течение 15 дней сложат оружие, то будут амнистированы. Генерал явно считал, что время работает на него. Он знал, что Конгресс США принял 14 марта 1912 года резолюцию, запрещающую поставки оружия в те страны американского континента, где происходили внутренние

⁵⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 160

⁵⁹ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья. М., 1962. С. 62

волнения. Такая резолюция работала на мексиканское правительство, лишая Ороско оружия и боеприпасов.

18 апреля 1912 года Уэрта написал Мадеро длинное письмо, в котором говорилось, что войскам на севере требуется определенная передышка для реорганизации. Из Мехико была затребована дополнительная артиллерия. Уэрта уверял Мадеро, что сооруженные им оборонительные укрепления Торреона вряд ли понадобятся, а особенно дорожить ими смысла нет, так как они строились местными заключенными и, соответственно, не стоили федеральному правительству ни единого песо.

Федеральные войска, подчиненные генералу, стали называться «Северной дивизией» («*Division del Norte*»). Этой дивизии был придан и отряд Вильи. Согласно закону Вилья числился не служащим федеральных войск, а одним из командиров милиции штата Чиуауа, однако в военном отношении был обязан полностью подчиняться Уэрте.

Сначала между Уэртой и Вильей установились прекрасные отношения. Если Ороско казался Уэрте опасным радикалом, то Вилья – обычным бандитом, которого можно легко купить. По настоянию Уэрты Мадеро присвоил Вилье звание «почетного генерала», чтобы польстить самолюбию последнего.

Но Вилья был отнюдь не простачком. Со временем он понял, что целью Уэрты является не только разгром Ороско, но и отстранение от власти в Чиуауа Абрахама Гонсалеса.

Операции Уэрты против Ороско сначала задержала вспыхнувшая среди его солдат эпидемия, а затем – мятеж среди добровольцев, отказавшихся сражаться против ороскистов. Уэрта быстро подавил волнения и отправил мятежников под охраной в Мехико.

Между тем в начале мая 1912 года ценой напряжения всех сил федеральным войскам удалось приостановить наступление ороскистов в Коауиле, а 22–23 мая Уэрта нанес Ороско при том же Рельяно сокрушительное поражение. Битва продолжалась двадцать часов, и только превосходство правительственных войск в артиллерии склонило чашу весов на их сторону. Мятежники потеряли 650 человек, примерно в шесть раз больше, чем «Северная дивизия». Уэрта направил Ороско телеграмму с предложением сдаться, но тот ответил, что предпочтет смерть. Столичные газеты захлебывались от восторга по отношению к Уэрте. Один из братьев Мадеро, Эмилио даже предложил президенту повысить Уэрту до дивизионного генерала. Однако Мадеро не только не повысил его, но и отказал в поощрениях офицерам, которых тот рекомендовал.

Генерал был раздосадован. Мадеро объяснил ему, что намерен наградить всех, кто этого достоин, только после окончательного разгрома Ороско. В конце мая президент полагал, что войска Уэрты слишком медленно преследуют отступавших ороскистов. Генерал ссылался на то, что мятежники

взрывают железнодорожные пути и мосты на пути продвижения правительственных войск. Однако Мадеро не принимал этот аргумент и требовал, чтобы Уэрта отрезал Ороско пути отступления на север.

Президент, к неудовольствию главнокомандующего, стал вмешиваться в его prerogatives. Когда заместитель Уэрты генерал Бланкет запретил солдатам брать с собою в поезд своих жен, так называемых солдадерас (для мексиканской армии того времени – дело обычное), чтобы усилить мобильность войск, Мадеро лично отменил этот приказ. Вдобавок президент пожаловался молодым офицерам действующей армии на нерешительность их начальников, что в глазах Уэрты было вопиющим нарушением субординации.

После второго сражения при Рельяно войска Ороско уже не владели инициативой. Обострились и противоречия в рядах восставших. Эмилио Васкес Гомес, прибывший 5 мая в Сьюдад-Хуарес из США, объявил о формировании временного правительства.⁶⁰ Однако Ороско приказал арестовать конкурента и отпустил его только после того, как Васкес пообещал уехать обратно в Америку.

Ободренный успехом, Уэрта решил, что, нанеся удары Сапате и Ороско, он вполне может разделаться и с третьим героем революции 1911 года – Панчо Вильей. Офицеры Уэрты стали нарочно задевать самолюбие Вильи, чей горячий нрав был широко известен. Уэрта лишь ждал необдуманного проступка со стороны своего подчиненного.

В начале мая помощник Вильи Томас Урбина реквизирует на асиенде, принадлежавшей англо-американской компании, лошадей. Посол США в Мехико Вильсон заявил решительный протест, хотя госдепартамент рекомендовал ему не лезть на рожон: большинство капитала компании принадлежало британцам, а те протестовать не собирались, видимо, не считая инцидент серьезным. Вильсон в свойственной ему высокомерной манере объяснил госдепартаменту, что английский посол в Мехико известный лентяй, и поэтому ему-де пришлось взять инициативу в свои руки.

Инцидент был мгновенно использован Уэртой, который приговорил Урбину к расстрелу. Вилья и другие командиры иррегулярных войск пригрозили выйти из борьбы, если Урбина будет казнен. Уэрте пришлось отступить, так как Ороско был еще силен.⁶¹

В начале июня 1912 года Уэрта наконец добрался и до самого Вильи. Тот конфисковал арабского скакуна, который приглянулся одному из офицеров Уэрты. Офицер по наущению командующего потребовал немедленно вернуть ему коня. Вилья не выдержал и 3 июня прислал Уэрте телеграмму, где сообщил, что его отряд Вильи выходит из-под командования генерала и по-

⁶⁰ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 197

⁶¹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 164

кидает «Северную дивизию». Уэрта немедленно вызвал офицера Гильермо Рубио Наварете и, объявив ему, что Вилья поднял мятеж, велел немедленно расстрелять того за неповиновение. Вилью спасло только то, что Наварете оказался честным человеком. Окружив лагерь Вильи своими солдатами, офицер убедился, что никаких приготовлений к мятежу там не ведется. Поэтому он решил не выполнять приказ и вернуться в штаб Уэрты.

Вилья же, проснувшись и увидев, что его лагерь окружен федеральными солдатами, почуял недоброе и сам направился в штаб Уэрты, чтобы оттуда по телеграфу связаться с Мадеро. Но Уэрта, даже не созывая военного трибунала, приказал немедленно расстрелять Вилью. Его опять спас Наварете. Он увидел, что плачущий Панчо обнимает сапоги одного из офицеров и, рыдая, просит пощады. (Позднее Вилья писал, что разыграл всю эту комедию, чтобы выиграть время.) Через пару минут революционера уже поставили к стенке, и расстрельная команда готовила оружие для экзекуции. Наварете отменил приказ о расстреле на свой страх и риск.

В это же время Уэрта получил телеграмму из Мехико, предписывавшую сохранить Вилье жизнь. Уэрта был взбешен повторным вмешательством Мадеро в его планы, однако вовсе не собирался отступать от своей цели. Генерал отправил Вилью поездом в столицу, но при этом приказал начальнику гарнизона Торреона расстрелять опасного пассажира. К счастью для Вильи, тот не стал выполнять странный приказ. Тогда Уэрта приказал расстрелять Вилью командиру гарнизона следующего по маршруту крупного города Сан-Луис-Потоси. Но тот запросил подтверждения приказа в Мехико, и оттуда пришло указание не трогать Вилью.

Добравшись до Мехико, Вилья был полностью уверен, что Мадеро немедленно встанет на его сторону. Однако Вилью препроводили в тюрьму, и по его делу началось следствие. В июле Вилья начал писать Мадеро письма с просьбой вмешаться в его судьбу, но президент хранил молчание. Вилья не знал тогда, что своим арестом он во многом обязан США. После реквизиции лошадей Урбиной американский посол Вильсон, как уже упоминалось, заявил протест и потребовал ареста Вильи. 5 июня 1912 года мексиканский министр иностранных дел сообщил послу «приятную новость»: Вилья арестован.⁶² Вильсон тут же сообщил в Вашингтон о своей победе.

Но обвинения против Вильи были явно притянуты за уши. Ведь он даже не был в том имении, где Урбина реквизирует лошадей. Поэтому «почетный генерал» надеялся на полное оправдание. Такой же исход предвидел и Уэрта, решивший по мере сил затянуть разбирательство. Вилью стали было обвинять в том, что он отнял у одного богача в Паррале 150 тысяч песо. В качестве свидетеля был вызван и глава филиала «Банко де Минеро» в Паррале. Прокурор пытался доказать, что часть полученных путем реквизиций денег

⁶² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 167

Вилья использовал для собственного обогащения. Однако Вилья доказывал, что проводил реквизиции денег с ведома властей штата и все средства были использованы для питания и снаряжения войск. Показания Вильи полностью подтвердил губернатор Чиуауа Абрахам Гонсалес, который постоянно просил Мадеро освободить Вилью.

Пока Вилья томился в тюрьме, Уэрта продолжал наступление на деморализованные отряды ороскистов. Генерал уже не скрывал своего презрения к Мадеро, который спас Вилью от расстрела. Он писал своим друзьям письма, полные критических замечаний в адрес президента. Одно из таких посланий попало в руки Мадеро. Президент отправил Уэрте письмо, в котором утверждал, что, поставив под командование генерала 7 тысяч лучших солдат, он ясно продемонстрировал свою степень доверия к нему. «Мой дорогой генерал, Вы можете быть уверены, что зависть и гордыня никогда не найдут питательной почвы в моем сердце. Я считаю, что Вы служили своему отечеству хорошо и пользуетесь почетом и доверием соотечественников».

В начале июня 1912 года преследование ороскистов несколько замедлилось, так как у Уэрты возникли проблемы со снабжением. Между тем сам Ороско решил дать федералам еще одно крупное сражение. Неприятели сошлись около городка Бачимбы южнее столицы штата Чиуауа в начале июня. Дело опять решило преимущество правительственных войск в артиллерии. Уэрта, явно насмехаясь над дилетантом-президентом, поручил его брату Эмилио Мадеро во главе бригады добровольцев отрезать Ороско пути к отступлению. Эмилио не смог выполнить приказ.

1 июля Ороско был вынужден перевезти образованное им правительство штата Чиуауа из столицы в Сьюдад-Хуарес.⁶³ 8 июля Уэрта без боя занял столицу и передал власть Абрахаму Гонсалесу. Однако между ними сразу же возникли серьезные разногласия. Если Гонсалес требовал сурового наказания для мятежников, особенно тех представителей финансовой олигархии штата, которые материально поддерживали Ороско деньгами, то Уэрта, напротив, выступал за более мягкое отношение к помещикам Чиуауа, утверждая, что те были вынуждены ссужать ороскистов деньгами. Гонсалес написал Мадеро, но тот встал на сторону Уэрты, предписав прощать всех, кроме прямых зачинщиков мятежа. К явному неудовольствию Гонсалеса, президент Мадеро разрешил вернуться в Чиуауа Луису Террасасу, который бежал в США сразу же после начала мятежа Ороско.

И все же отношения между Мадеро и Уэртой продолжали ухудшаться. Президенту доносили, что клан Террасаса уже начал искать подходы к Уэрте, чтобы сделать из него нового Ороско. К тому же, по мнению Мадеро, Уэрта специально не выказывал рвения в преследовании разбитых ороскистов, что-

⁶³ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 197

бы сохранить в их лице возможных союзников для самостоятельной политической игры. Гонсалес сообщал Мадеро, что Уэрта вот-вот поднимет мятеж. В свою очередь, Уэрта требовал немедленного снятия Гонсалеса с поста, так как в противном случае население Чиуауа якобы не поддержит центральную власть. Мадеро решил, в конце концов, встать на сторону безусловно преданного ему Гонсалеса. В октябре 1912 года Уэрта прибыл в Мехико, чтобы подвергнуться операции по удалению катаракты. Находясь в клинике, он узнал, что освобожден от командования «по собственной просьбе».

После поражения под Бачимбой Ороско вел уже практически партизанскую войну, и Уэрта мог подолгу бывать в Мехико, поручая командование «Северной дивизией» своим заместителям. Как мы увидим позже, в столице у генерала были куда более важные дела. В середине августа федеральные войска взяли Сьюдад-Хуарес, а в сентябре последний город, который еще удерживали «алые», – Охинагу. Ороско бежал в США.

Так к началу октября 1912 года был ликвидирован самый опасный для правительства Мадеро мятеж.⁶⁴ Но ликвидировал его человек, который в то время и сам уже лелеял планы переворота. Пока же Уэрта смог при революционном правительстве почти выполнить свою программу, которую предлагал Диасу весной 1911 года. Сапата был окружен в Морелосе, Вилья сидел в тюрьме. А самый талантливый в военном отношении революционер Паскуаль Ороско стал политическим эмигрантом. Теперь, по мнению Уэрты, должна была наступить очередь самого президента республики.

Мадеро не случайно отстранил Уэрту от командования именно в октябре 1912 года.

Не успели еще отгреметь последние выстрелы мятежа Ороско, как против президента поднял оружие Феликс Диас, племянник свергнутого диктатора. О поразительной политической наивности Мадеро говорит тот факт, что он поставил Диаса командовать гарнизоном стратегически важного мексиканского порта Веракрус. Хотя, возможно, дело здесь было в другом: став президентом, Мадеро стремился доказать господствующему классу, что революция закончилась и теперь он собирается опираться на традиционную олигархию.

10 октября Феликс Диас тайно покинул Веракрус и уже через неделю снова занял этот город как глава нового мятежа.⁶⁵ Гарнизон не оказал никакого сопротивления мятежникам, которых Диас набрал на родине дяди в Оахаке. Диас немедленно обратился к США с просьбой признать за ним статус воюющей стороны – ведь он контролировал ведущий порт Мексики.

⁶⁴ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 198

⁶⁵ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 202

Собственные политические амбиции Феликс отрицал и обещал провести честные президентские выборы после того, как жизнь в стране нормализуется. Мадеро считал мятеж Диаса крайне опасным, так как считал, что у него есть сильная поддержка в армии. Однако на призыв к восстанию не откликнулся ни один крупный гарнизон федеральных войск. Наоборот, вскоре Диас был окружен в Веракрусе лояльными Мадеро войсками. Патрульные суда только зарождавшихся тогда мексиканских ВМС тоже приняли сторону законной власти и заблокировали Диаса с моря.

Однако американский временный поверенный Шайлер было спас Диаса, потребовав от Мадеро воздержаться от атаки Веракруса, в результате которой может пострадать собственность граждан США. Для подкрепления дипломатического демарша США направили к Веракрусу один крейсер. Пока Мадеро уговаривал иностранных дипломатов разрешить его войскам навести порядок, газеты по всей Мексике язвительно ругали президента за бездействие.

Но 22 октября правительственные войска заняли исходные позиции для атаки, а на следующий день почти без боя заняли город. Сторонники мятежников потом утверждали, что командующий правительственными войсками генерал Бельтран добился успеха путем предательства. Якобы он направил к Диасу под белым флагом парламентариев, которые и арестовали главу мятежников. Однако мятежники, вероятно, и сами отнюдь не горели желанием умирать за непонятные цели человека с ненавистной многим мексиканцам фамилией. К тому же Диас оказался «паркетным генералом», не приспособленным для серьезных боевых действий. Германский посланник в Мексике контр-адмирал фон Хинтце побывал в Веракрусе и сообщил американскому коллеге, что численность войск Диаса оказалась сильно преувеличенной и он даже не решился полностью оккупировать Веракрус. Полевые позиции сил Диаса немец назвал «идиотскими» и свидетельствующими об отсутствии серьезных военных знаний. Вдобавок у путчистов было мало боеприпасов, а артиллерия отсутствовала вообще.

Парадоксальную оценку провалившемуся мятежу дал ослепленный ненавистью к Мадеро американский временный поверенный Шайлер в своей депеше в Вашингтон. По его мнению, провал мятежа сильно осложнил общую ситуацию. «Временный успех только усугубит проблемы... Администрация Мадеро абсолютно неспособна обеспечить даже подобие мира и порядка».⁶⁶ Шайлер хотел, чтобы во все крупные мексиканские порты прислали американские военные корабли, которые должны были оставаться там «неопределенное время». Даже госдепартамент счел сообщения Шайлера алармистскими и ответил, что не видит причин для удовлетворения его просьбы. Все

⁶⁶ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 203

же несколько кораблей ВМС США были приведены в боевую готовность на случай осложнения положения в Мексике.

Заметим, что когда ранее Мадеро потребовал у правительства приостановления конституционных гарантий в некоторых охваченных мятежами штатах, реакционная оппозиция сразу же обвинила президента в диктаторских замашках, сравнивая его с Порфирио Диасом..

Под давлением «общественного мнения», которое подогревали американский посол и оппозиционные газеты, Мадеро совершил роковую ошибку, стоившую ему впоследствии жизни. Феликс Диас как офицер, поднявший оружие против правительства, подлежал расстрелу за измену родины, и это все понимали. 23 октября его взяли в плен, а 25-го военный суд вынес смертный приговор. Мадеро отказался помиловать Диаса. Даже тогда, когда об этом его попросила делегация женщин, выступая от имени родственников осужденных. Президент вполне логично ответил: у тех, кого убили мятежники, тоже были жены и дети.

Но тут Мадеро стал жертвой им же самим установленных строгих демократических порядков, которые реакция очень умело использовала в своих целях. Верховный суд, при «порфириате» не осмеливавшийся поднять головы, вдруг вынес странное решение: Феликс Диас не подлежит суду военного трибунала, вопрос требует дальнейшего рассмотрения. Газеты, большинство которых в Мехико стояли на антипрезидентских позициях, обрушились на Мадеро за якобы двойные стандарты. Мол, пленных ороскистов или сапатистов отпускают, а бедного Диаса хотели сразу же расстрелять. Мадеро очень болезненно относился к любым обвинениям, связанным с его якобы антидемократическим поведением. Поэтому в ноябре власти заявили, что в случае суда к Феликсу Диасу не будет применена смертная казнь.

Короткий срок, в течение которого Мадеро находился у власти, конечно же, был заполнен не только мятежами. Хотя помимо описанных на страницах этой книги крупных восстаний произошло и много мелких, давно стершихся даже в памяти самих мексиканцев.

Военные мятежи не могли не сказаться на финансовом положении Мексики. Чтобы пополнить федеральный бюджет, Мадеро распорядился 3 июня 1912 ввести первый в истории страны налог на добычу нефти – 20 сентаво за тонну (или 0,015 доллара за баррель). Несмотря на явную скромность налога, американские нефтяные компании поспешили объявить его «конфискационным».⁶⁷

Мадеро прекрасно понимал, что, несмотря на весь свой классический либерализм, ему придется заняться и социальными проблемами страны, основной из которых была аграрная. Как уже упоминалось, он был горячим сторонником копирования американского опыта и оттого полагал,

⁶⁷ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press. 1991. P. 137

что в Мексике необходимо создать слой мелких и средних землевладельцев, сродни североамериканским фермерам. Будучи северянином (а на севере свободной земли хватало), он имел весьма смутные представления о нуждах индейских общин густонаселенных центра и юга Мексики. Те же просили не раздела земель, а возвращения в общинную собственность деревень угодий, отторгнутых у них асисндами во время правления Диаса. Мадеро же считал общинное землевладение отсталым. Аграрная реформа, которую он замыслил, весьма походила на столыпинскую в России. Не случайно, что обе реформы – и Мадеро, и Столыпина – с треском провалились, так как абсолютно не учитывали пожеланий самого крестьянства.

Мадеро решил взяться за решение аграрной проблемы следующим образом: раздать крестьянам мелкими участками пустующие государственные земли и выделить деньги на ирригацию и агрономическое развитие. Так как большинство пустующих земель располагалось на севере Мексики, то подразумевалось, что крестьянам из центра придется переселиться туда (сравните с попытками Столыпина переселить русских крестьян из центра России в Сибирь). Однако большинство сельских жителей, чье революционное самосознание выросло после свержения Диаса, никуда переселяться не желали. В некоторых деревнях не осталось даже места для кладбища, при том что окружали их крупные поместья. Крестьяне требовали хотя бы частичного раздела этих поместий и возвращения несправедливо отнятых у них земель.

Еще до своего вступления в должность президента Мадеро убедил де ла Барру назначить правительственную комиссию для изучения аграрного вопроса.⁶⁸ Все члены комиссии (туда входили три инженера, два юриста и четыре крупных землевладельца) были людьми весьма консервативных взглядов. В ноябре 1911 года министр развития Эрнандес, чье ведомство занималось и аграрными вопросами, представил законопроект, направленный на выделение дополнительных ассигнований на ирригацию и закупку земель для их последующей продажи крестьянам. Конгресс одобрил законопроект с одной поправкой: перепродажа земель новыми собственниками запрещалась.

В феврале 1912 года представила свой предварительный доклад и аграрная комиссия. Предложения по ключевому вопросу – судьбе крестьянских общин, «эхидос» – в нем не содержалось. Однако было ясно, что правительство, исходя из своей либеральной философии, выступает за раздел общинных земель. 17 февраля Эрнандес направил циркулярное письмо всем губернаторам штатов, рекомендуя им приступить к разделу общинных земель между крестьянами, которые их обрабатывали. Такая политика была шагом назад даже по сравнению с последними годами пребывания Диаса у власти.

⁶⁸ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 210

Престарелый диктатор к концу своего правления стал сознавать, что общинные земли подлежат определенной защите.

Спустя неделю после письма Эрнандеса правительство одобрило порядок продажи или предоставления в аренду государственных земель. Постановлялось, что они должны распределяться наделами не более 200 га сельскохозяйственных и 5000 га пастбищных земель. Деревни могли претендовать на государственные земли только в том случае, если у них не было общинного землепользования. В апреле 1912 года Мадеро информировал Конгресс, что 13 комиссий проводят обследование и подготовку к распределению государственных земель. В мае только в штате Дуранго было подготовлено к продаже 70 тысяч гектар. Однако сама продажа участков будущим фермерам шла плохо, так как крестьяне не хотели уезжать из своих деревень. К тому же многие выделяемые государством земли требовали немалых капиталовложений, прежде всего на создание системы орошения. Правительство пыталось купить земли у помещиков. Те не отказывались продавать, но заламывали такие цены, что не хватило бы никакого бюджета.

Казалось, что позитивный перелом в аграрной политике правительства наступит в ноябре 1912 года, когда в кабинете Мадеро разразился кризис. Президент хотел назначить министром развития прогрессивно мыслящего Хесуса Флореса Магона, но тот уже занимал второй по значению пост министра внутренних дел и не хотел идти на понижение. В конце концов, Флорес Магон ушел в отставку, а его кресло занял Эрнандес. В результате этой рокировки министром развития стал Мануэль Бонилья. Новый министр отказался от услуг консервативной аграрной комиссии и занялся наконец ключевым вопросом общинного землевладения.

Вскоре более 60 депутатов Конгресса внесли на рассмотрение парламента законопроект, предусматривавший восстановление общинного землевладения там, где помещики несправедливо отняли у крестьян их земли.⁶⁹ Так как Конституция 1857 года формально запрещала владение землей общественными корпорациями, по замыслу авторов законопроекта возвращенные общинам земли оставались в государственной собственности, но платы за их использование не предполагалось. Также авторы – и это было настоящей революцией сознания – допускали возможность экспроприации государством помещичьих земель.

Мадеро считал законопроект неэффективным, и его обсуждение продолжалось в парламенте до самого момента свержения правительства в феврале 1913 года. Будь закон о реставрации общинного землевладения принят в конце 1912 года, история Мексики, возможно, пошла бы по другому пути и стране удалось избежать неисчислимых жертв.

⁶⁹ Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 216

Нам остается констатировать: несмотря на искренний интерес к аграрному вопросу, правительство Мадеро не сумело преодолеть свои либеральные предрассудки и так и не приступило к серьезным аграрным преобразованиям. Однако весьма вероятно, что если бы Мадеро провел в президентском кресле весь срок, то все же приступил бы к радикальному решению земельного вопроса. Он сознавал, что без этого нельзя создать гражданскую базу для устойчивого демократического развития Мексики.⁷⁰

Более заметными были успехи правительства в рабочем вопросе. Хотя рабочих в Мексике насчитывалось в десятки раз меньше, чем крестьян, Мадеро давно интересовался положением промышленного пролетариата и считал его в целом прогрессивным классом. Еще в молодости будущего президента искренне возмущали чудовищные условия труда на большинстве мексиканских фабрик. Он был преисполнен решимости коренным образом изменить эту ситуацию, однако и здесь оставался либералом до мозга костей, твердо полагая, что правительство может только рекомендовать частным собственникам улучшение условий труда.

Свержение Диаса вызвало в Мексике волну забастовок, так как рабочие теперь уже не боялись, что против них будут брошены войска. Мадеро потрясло развитие событий: ведь он считал рабочих своими союзниками. Особенно президент был недоволен забастовкой в Торреоне, которая приняла характер всеобщей стачки. Мадеро подозревал, что финансовую помощь бастующим оказывает Рейес.

Коренным изменением политики правительства в рабочем вопросе было то, что Мадеро всячески поощрял создание профсоюзов, запрещенных при Диасе. Гонсалес в Чиуауа шел еще дальше. Он ввел арбитраж трудовых конфликтов комиссиями в составе представителей рабочих, предпринимателей и правительства штата. Причем Гонсалес инструктировал последних голосовать вместе с рабочими.

13 декабря 1911 года в рамках Министерства развития образовался Департамент по труду, который должен был осуществлять постоянный мониторинг трудовых отношений в промышленности и брать на себя функции арбитра в трудовых спорах, если этого желали обе стороны.⁷¹

В январе 1912 года уровень забастовок достиг такого масштаба, что на специальное заседание собрался кабинет министров. Характерно, что принятые на заседании меры укладывались в русло последних лет диктатуры Диаса. Было решено поднимать духовный уровень рабочих, а для этого ограничить часы работы пулькерий.

Но рабочих прежде всего интересовали ограничение трудового дня и повышение зарплаты. После начала забастовки в текстильном регионе штатов

⁷⁰ Krauze E. Francisco Madero. *Mistico dela libertad*. Mexico, 1995. P. 91

⁷¹ Cumberland C.C. *Mexican revolution. Genesis under Madero*. New York, 1969. P. 223

Пуэбла и Веракрус (именно там происходили кровавые волнения в 1907 году) правительство инициировало совещание предпринимателей и рабочих под эгидой Министерства внутренних дел. Рабочие просили, чтобы на совещании председательствовал лично Мадеро, но тот отрядил вместо себя своего брата Густаво.

Начавшиеся 20 января 1912 года переговоры шли трудно, но все же удалось достичь компромисса. На предприятиях текстильной отрасли устанавливался десятичасовой рабочий день, причем там, где он уже был закреплён, предпринимателей обязывали повысить зарплату. На остальных предприятиях рабочее время сокращалось до 10 часов без повышения оплаты труда. Добился Густаво и обещания не брать на работу «слишком маленьких детей», однако конкретный возраст оговорен не был. Слабым местом достигнутого компромисса был его необязательный характер. Однако рабочие убедились в своей силе, и процесс формирования профсоюзов пошел ускоренным темпом.

В июле 1912 года под эгидой министра развития Эрнандеса состоялась еще одна конференция, участники которой попытались кодифицировать основные положения взаимоотношений рабочих и предпринимателей. На этот раз рабочих уже представлял избранный специально для переговоров комитет. Была установлена минимальная заработная плата – 1,25 песо в день.⁷² Максимальная продолжительность работы не должна была превышать 10 часов в дневное и 9 часов в ночное время. Устанавливался 15-дневный отпуск. Мастерам запрещалось принимать от рабочих подарки (в основном вынужденные) и использовать грубые выражения в отношении подчиненных. Были наконец-то запрещены все фабричные магазины. Заработная плата отныне выплачивалась только в национальной валюте, а не в суррогатах отдельных компаний. Не разрешалось принимать на работу детей до 14 лет.

Бесспорно, новый компромисс был важным завоеванием рабочих. Проблема заключалась в том, что он опять не имел силы закона, а был добровольным обязательством предпринимателей. Причем предпринимателей только одной отрасли – текстильной. Для наблюдения за ходом реализации договоренностей рабочие создали в Мехико Постоянный комитет трудящихся. Но и этот комитет не имел никаких законодательно закрепленных прав. В декабре 1912 года правительству пришлось принять специальный закон, по которому оно предоставляло налоговые льготы тем компаниям, которые полностью соблюдали достигнутые договоренности.

В самом конце правления Мадеро Департамент труда наконец приступил к разработке трудового кодекса, но свержение президента помешало его рассмотрению Конгрессом.

⁷² Cumberland C. C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 225

Мадеро был раздосадован тем, что, несмотря на благожелательную позицию правительства по отношению к нуждам пролетариата, в стране как грибы после дождя возникали анархо-синдикалистские профсоюзы, стоявшие на позициях бескомпромиссной борьбы с государством. Вообще анархо-синдикализм свойственен именно идейно незрелому, молодому пролетариату, каким и был в начале XX века мексиканский рабочий класс. Анархо-синдикалисты видели в профсоюзах ни больше ни меньше как альтернативу государству, которое они хотели разрушить. Исходя из этого, подобные профсоюзы считали «мелочью» борьбу за улучшение условий труда. Они занимались только борьбой политической. Показной радикализм анархо-синдикалистов обеспечил им на первых порах большую популярность, особенно в столице.

Испанский рабочий-анархист Амадео Феррес создал в Мехико профсоюз типографских работников «Лус» («Luz», то есть «Свет») и политическую группу «Интеллектуальные рабочие». В июне 1912 года к ним присоединился профессор-анархист из Колумбии Франсиско Монкалено, придавший группе подпольный характер. В сентябре в Мехико был создан «Дом рабочих мира», который издавал собственную газету и пользовался влиянием среди тысяч трудящихся.⁷³ В январе 1913 года популярность «Дома» сильно выросла, так как он провел серию эффектных забастовок, сопровождавшихся блокадой предприятий и уличными сражениями с полицией. (Полицейских рабочие, наслышанные о событиях в далекой России, называли «казаками».)

Правительство попыталось создать в качестве противовеса «Дому рабочих мира» свой профсоюз – «Великую лигу рабочих». Однако сторонники «Дома» пришли на учредительное собрание лиги, добились своего избрания в руководящие органы и сразу же приняли решение о самороспуске организации.

Несмотря на рост популярности анархо-синдикализма в Мексике, правительству Мадеро все же удалось существенно снизить накал трудовых конфликтов в промышленности. В отличие от аграрного вопроса, успехи Мадеро в решении вопроса рабочего неоспоримы и по тем временам были довольно прогрессивными даже в мировом масштабе.

В конце 1912 – начале 1913 года Мадеро казалось, что ситуация в стране наконец-то стабилизировалась. Было покончено с крупными мятежами «справа» и «слева», а Сапата больше не представлял собой фактора национальной политики. Однако правительство Мадеро в политическом смысле висело в воздухе. Прибывший в Мехико в конце 1912 года кубинский посол Мануэль Маркес Стерлинг передал в Гавану следующее мнение об обстановке в стране: «Вы прибыли в плохое время... и вскоре Вы увидите развал

⁷³ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 268

правительства, а самого Мадеро, возможно, на пути в Европу. Он является апостолом, которого презируют высшие классы общества и которому не доверяют низшие классы».⁷⁴

Надежда для Мадеро как будто бы забрезжила на внешнеполитическом фронте. Президентские выборы в США осенью 1912 года выиграл кандидат демократов профессор Вудро Вильсон, который вступил в должность в январе 1913 года. Вильсон слыл прогрессивным политиком и противником вооруженных интервенций США в Латинской Америке. Мадеро надеялся, что Вильсон найдет замену своему однофамильцу – послу США в Мехико, так как враждебность того к президенту страны пребывания была уже общеизвестной.⁷⁵ На новогоднем приеме Мадеро предложил временному поверенному в делах США Шайлеру направить в самый беспокойный штат страны Чиуауа (там еще действовали разрозненные отряды ороскистов) «компетентного и непредвзятого представителя», который смог бы сам убедиться в том, что слухи о всеобщем хаосе в Мексике являются изрядным преувеличением. Мадеро подчеркнул, что армия полностью лояльна правительству. Здесь он ошибался.

В октябре 1912 года в кубинской столице Гаване встретились два генерала мексиканской армии: Мануэль Мондрагон и Грегорио Руис. Они проанализировали причины неудач всех мятежей против Мадеро и пришли к выводу, что поднимать восстание надо только в столице. В ином случае, учитывая размеры страны, у правительства всегда будет время собрать верные силы и подавить мятеж. Новые заговорщики вернулись в Мехико как раз во время подавления мятежа Феликса Диаса в Веракрусе. Они немедленно подкупили тюремную охрану и установили контакт как с самим Диасом, так и с генералом Рейесом. Оба генерала сразу же согласились участвовать в новом мятеже, и Рейес посоветовал наладить связь с Уэртой. На встречу с выздоравливавшим после операции на глазах Уэртой Сайяс Энрикес (тот самый, который когда-то рекомендовал Порфирио Диасу лично возглавить революционное движение) отправил двух представителей. Уэрта согласился, что Мадеро необходимо убрать, но считал, что время для этого еще не настало. На самом деле он просто не хотел быть в будущем заговоре на вторых ролях и видел в президентском кресле не Феликса Диаса или Рейеса, а только себя.

⁷⁴ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico. 1810–1996. New York, 1997. P. 266

⁷⁵ Правда, Мадеро ошибался, думая, что посол Вильсон ведет собственную анти-мексиканскую линию, не согласованную с госдепартаментом США. Русский посланник в Мехико отмечал: «Американский посол Уилсон вел слишком сложную политику, вероятно одобренную его правительством, стараясь не допустить создания сильного правительства в Мексике». Цит по: Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 135–136

В январе 1913 года заговорщики уточняли план вступления, привлекая к нему все новых офицеров. Столичные газеты наперебой кричали о воцарившейся в Мексике анархии и о неспособности правительства управлять нацией.⁷⁶ Однако даже вернувшийся после Нового года в Мехико Вильсон был вынужден признать в депеше в госдепартамент от 7 января 1913 года, что «революционное», т.е. антиправительственное, движение в Мексике идет на убыль. Интересно провидческое предсказание Вильсона, содержавшееся в той же депеше: «По всей Мексике наблюдаются политическая нестабильность и недовольство, которые могут в любой момент привести к свержению правительства»

Между тем заговорщики нашли, казалось, нового Ороско, который должен был повторить мятеж в Чиуауа, когда реакционеры восстанут в Мехико.

Естественным кандидатом на роль нового лидера северных повстанцев представлялся сидящий в столичной тюрьме Вилья. Тот продолжал писать Мадеро письма, требуя личного свидания, но в ответ президент холодно общал через секретаря, что может гарантировать только одно: дело Вильи будет расследовано с полным соблюдением закона. Однако Вилья, похоже, в этом сильно сомневался. Когда он потребовал, чтобы ему продолжали выплачивать генеральскую зарплату, выяснилось, что по документам военного ведомства он вообще не проходит как генерал. Вилья недоумевал: почему же тогда его судит военный суд? Им овладевало отчаяние. Он предлагал Мадеро направить его на борьбу с Сапатой или разрешить эмигрировать за границу, в Испанию. Мадеро отвечал, что возможность эмиграции Вильи в Испанию изучается.

На фоне активной деятельности Гонсалеса в защиту Вильи холодность Мадеро к своему бывшему соратнику просто поражает. Он продолжал считать Вилью случайным в политике человеком, наемником, опасным для стабильности и мира в стране. Даже мнение любимого брата Густаво, относившегося к Вилье с симпатией, не играло для президента большой роли.

Но в октябре 1912 года защищать Вилью неожиданно взялись два новых адвоката. Один из них раньше был сотрудником секретной полиции Диаса.⁷⁷ Адвокаты стали требовать перевода Вильи в военную тюрьму, что и было сделано в ноябре. Время выбрали не случайно – именно тогда провалился мятеж Феликса Диаса, и заговорщики искали свежих людей для борьбы с Мадеро. В военной тюрьме Вилья быстро установил контакт с молодым служащим Карлосом Хуареги, по некоторым данным – крестни-

⁷⁶ О зреющем против Мадеро заговоре знали и американцы. 4 января 1913 года газета «Нью-Йорк Геральд» со ссылкой на консула США в Веракрусе писала, что «Вашингтон узнает о новом заговоре». См. Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 140

⁷⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 180

ком самого Рейеса. Хуареги пронес в тюрьму пилу. Вилья спокойно перепиливал решетки под аккомпанемент игравшего неподалеку военного оркестра.

Было бы, однако, неверно предполагать, что Панчо Вилья стал марионеткой в руках реакции. Он хотел выйти на свободу любым способом и вплоть до самого побега продолжал умолять Мадеро выпустить его из тюрьмы. 11 декабря 1912 года Вилья дал интервью столичной газете «Эль Паис». Он уверял, что никогда не имел политических амбиций, Уэртой восхищается за мужество и знания, сам себя генералом не считает, да и полковником его выбрали партизаны во время революции.

Скорее всего, Вилья пошел на интервью потому, что стал сомневаться, что его письма доходят до президента. Он никак не мог поверить, что Мадеро отказался от него.

За два дня до побега Вилья написал президенту очередное письмо, в котором просил разрешить ему доказать свою преданность на поле боя в борьбе с остатками отрядов Ороско в Чиуауа. Он выражал обеспокоенность, что враги оказывают на президента влияние и хотят добиться его, Вилья, смерти в тюрьме.

На рождество 1912 года Вилья наконец-то закончил пилить решетки и получил от Хуареги традиционный для адвоката костюм. Прогуливаясь по тюремному двору (Вилья прикрывал лицо носовым платком), оба «адвоката» спокойно миновали охрану и вышли на улицу, где их поджидал автомобиль. На нем Вилья перебрался в другой штат, откуда на поезде доехал до тихоокеанского порта Мансанильо, где сел на корабль. Там его узнал бывший казначей «Северной дивизии», случайно оказавшийся на борту. Но Вилье удалось подкупить капитана, и он смог бежать с корабля на лодке еще до швартовки в порту назначения Масатлане. Оттуда Вилья без особых приключений добрался до американского пограничного города Эль-Пасо.

Однако если реакционные заговорщики и ожидали, что Вилья немедленно поднимет восстание против Мадеро, то они ошибались. Наоборот, Вилья продолжал пытаться ликвидировать недоразумение, поссорившее его с президентом. Он даже сообщил Гонсалесу, что не кто иной, как Пабло Эскандон стоит за его побегом из тюрьмы. Это был тот самый Эскандон, которого Сапата выгнал из Морелоса в марте 1911 года. По иронии судьбы, потом Эскандона арестовали за... поддержку Сапаты. Ведь управляющим плантациям бывшего губернатора тоже пришлось платить партизанам в обмен за неприкосновенность бизнеса. Вилья информировал Гонсалеса, что в Чиуауа готовится антиправительственный мятеж.⁷⁸

Гонсалес очень заинтересовался этим сообщением, но Мадеро, похоже, воспринял его как очередную браваду, хотя Вилья и в этом письме подчер-

⁷⁸ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья. М., 1962. С.72–73

кивал преданность президенту и свою готовность навсегда остаться в США, если он того пожелает.

Между тем в конце января 1913 года Вилья действительно стал подумывать об организации восстания в Чиуауа, если его не амнистируют и не позволят вернуться на родину. 20 января 1913 года он отправил Мадеро необычайно резкое письмо, больше похожее на ультиматум. Он просил гарантий своего возвращения в Чиуауа в течение месяца. Затем у Мадеро уже не будет оснований рассчитывать на его лояльность. Возможно, Вилья даже что-то знал о заговоре, который зреет в столице. Он предупреждал, что члены правительства в трудную минуту не встанут на защиту президента.⁷⁹

Гонсалес направил на встречу с Вильей своего однофамильца, который когда-то замещал его на посту губернатора. Аурелиано Гонсалес сообщал, что Вилья, бесспорно, лоялен по отношению к губернатору Чиуауа, но от отчаяния, чувствуя себя загнанным в угол, может решиться на восстание. Президенту Аурелиано немедленно направил телеграмму с просьбой амнистировать Вилью и поручить ему командование отрядами в Чиуауа, которые еще вели борьбу против ороскистов. 6 февраля 1913 года Мадеро, получив ультиматум Вильи, наконец-то послал губернатору Чиуауа телеграмму с разрешением провести переговоры с бывшим соратником. В то же время был освобожден из тюрьмы один из ближайших друзей Вильи Томас Урбина. Тем самым Мадеро предотвратил восстание Вильи. Но разоблачить заговорщиков у себя под боком он не смог.

В начале февраля 1913 года, когда Густаво Мадеро собирался с визитом в Японию, до него дошли слухи о готовящемся военном перевороте. Младший брат президента отменил заграничную поездку, что потом стоило ему жизни.

Путчисты назначили выступление на 9 февраля. В нем должны были принять участие курсанты столичного военного училища и некоторые части артиллеристов. Планировалось освободить Диаса и Рейеса из тюрьмы, захватить президентский дворец и заставить Мадеро уйти в отставку.

Сначала все шло как по маслу. В три часа утра 9 февраля Мондрагон поднял более 300 курсантов и примерно 400 артиллеристов из первого и пятого артиллерийских полков. Мондрагон разделил путчистов на две группы. Одна из них, состоявшая в основном из курсантов, направилась к резиденции президента, Национальному дворцу и захватила его. Сам Мондрагон тем временем во главе другой группы освободил Диаса и Рейеса из тюрьмы, и они отправились провозглашать новое правительство в Национальный дворец.⁸⁰

⁷⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 187–188

⁸⁰ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 233

Но вот дальше у путчистов произошла крупная осечка. Командующий президентской охраной генерал Лауро Виллар узнал о захвате дворца и быстро сформировал ударную группу из 60 солдат, которая легко отбила здание у кадетов. А в это время к дворцу уже приближалась основная группа путчистов, и Рейес готовился провозгласить себя президентом. Он был настолько уверен в своей популярности в армии, что даже не остановил колонну, услышав, что дворец снова взят под контроль верными правительству войсками. Рейес думал, что Виллар не посмеет в него стрелять, но просчитался – в последний раз в своей жизни. Из дворца неожиданно раздался залп, и одной из первых же пулеметных пуль Рейес был сражен наповал. После десятиминутной перестрелки мятежникам пришлось отступить в западную часть города. Наконец они закрепились в старой крепости, где располагался столичный арсенал.

Казалось, что путч провалился, так как столичный гарнизон отнюдь не жаждал присоединиться к кучке мятежников. Когда Мадеро узнал о начавшемся восстании, он решил пройти к президентскому дворцу под охраной тех же курсантов, чтобы подчеркнуть свое доверие к армии. И тут маленькому отряду вроде бы случайно встретился на пути не кто иной, как Уэрта, уже несколько месяцев не имевший четких обязанностей. Уэрта сразу же предложил Мадеро свою помощь в ликвидации мятежа, но посоветовал не возвращаться в Национальный дворец, где жизнь президента была бы в опасности. Однако Мадеро был человеком смелым и продолжал свой путь под пулями, предложив Уэрте присоединиться к его отряду.

Когда Мадеро добрался до дворца, он узнал, что Виллар тяжело ранен. Президенту пришлось назначить Уэрту, которому он по-прежнему не доверял, ответственным за подавление мятежа.

Дальнейший краткий период в истории Мексики получил название «Трагические десять дней». Уэрта от Национального дворца и Диас из арсенала обстреливали якобы бы друг друга из артиллерийских орудий, на самом деле заботливо избегая попаданий в цель. Снаряды сыпались на центральную часть Мехико, где вскоре замерла жизнь. От обстрелов погибли несколько сотен горожан. Улицы были усеяны человеческими и конскими трупами. Большинство магазинов закрылось, и начались перебои с продовольствием. Уэрта и Диас пытались довести население до стадии, когда оно равнодушно воспримет отставку Мадеро, лишь бы вернуться к нормальной жизни. Уэрта уверял президента, что вокруг бастиона восставших установлена плотная блокада, но на самом деле ее не было, и путчисты спокойно пополняли свои запасы продовольствия.

На стороне правительственных войск было подавляющее преимущество. Оно еще более возросло, когда по просьбе Мадеро Фелипе Анхелес привел из Морелоса две тысячи солдат. Однако Уэрта поручил им охранять столицу от якобы предстоявшего налета Сапаты. Чтобы показать Мадеро

неприступность арсенала, он инсценировал атаку на Диаса. Уэрта специально послал морелосских бойцов на наиболее простреливавшийся участок обороны путчистов без всякого прикрытия. Потери правительственных сил были ужасны.

Уже 9 февраля Феликс Диас обратился к американскому послу и попросил его добиться отставки Мадеро, чтобы избежать ненужного кровопролития. Но на тот момент Вильсон решил не рисковать. Однако через несколько дней страшной для жителей Мехико артиллерийской дуэли он решил, что настало его время.⁸¹ Посол потребовал у госдепартамента полномочий на предъявление Мадеро (и для проформы – путчистам) ультиматума о немедленном прекращении боев, которые представляют угрозу для жизни иностранцев. Госдепартамент таких полномочий не дал, а лишь порекомендовал американцам переселиться в более спокойные кварталы города. Тем не менее Вильсон 12 февраля заявил Мадеро решительный протест и пригрозил американской военной интервенцией. Мадеро протест отверг и немедленно написал президенту США Тафту письмо, в котором протестовал против готовящегося военного вмешательства. В Вашингтоне лишь выразили недоумение и заверили, что никакой интервенции не будет, хотя к ней призывал со ссылкой на доктрину Монро и губернатор Техаса.

Однако Вильсон не успокоился и вечером 14 февраля пригласил к себе посланников Испании и Англии. По воспоминаниям испанского дипломата, Вильсон «в сотый раз» назвал Мадеро идиотом и предложил заставить его уйти в отставку. При этом американский посол ударил кулаком по столу и заявил: «Я наведу порядок!»⁸² 15 февраля испанский посланник передал Мадеро просьбу уйти в отставку. Президент был возмущен беспардонностью дипломатов, особенно организатора демарша Вильсона. Когда испанец выходил из президентского кабинета, в приемной уже дожидалась группа сенаторов (в основном сторонников Диаса), также настоятельно попросившая президента уйти. Мадеро отказался, и в тот же день в Мехико появилось воззвание 89 депутатов мексиканского Конгресса, в котором содержался призыв сплотиться вокруг президента.

Таким образом, попытка опрокинуть Мадеро с помощью американского посла не удалась. Диас и Уэрта в это время уже вступили в прямые переговоры, но пока никак не могли решить, кто из них станет президентом. 16 февраля генералы договорились, и Уэрта прислал Вильсону через посыльного сообщение, что вскоре Мадеро покинет свое кресло.⁸³

⁸¹ Вильсон ненавидел Мадеро и не стеснялся говорить об этом в своих беседах с коллегами по дипкорпусу. Он называл мексиканского президента «дураком», «сумасшедшим» и «лунатиком».

⁸² Krauze E. Francisco Madero. Místico de la libertad. Mexico, 1995. P. 97

⁸³ Cumberland C.C. Mexican revolution. Genesis under Madero. New York, 1969. P. 236

Между тем о контактах Диаса с Уэртой узнал Густаво Мадеро. Он умолял брата арестовать Уэрту. Франсиско колебался. Тогда Густаво взял инициативу в свои руки и 17 февраля сам арестовал Уэрту. Президент велел доставить генерала к себе, но тот заверил его в безусловной лояльности и был отпущен. Мадеро даже пожурил брата за незаконные действия.

18 февраля 1913 года Уэрта организовал перед Национальным дворцом военный парад. Сразу же после этого он сообщил военному министру и генералу Бланкету, что Сенат настаивает на отставке президента. Затем он организовал встречу с Мадеро все тех же сенаторов, поддерживавших Диаса. Они повторили свое требование. Мадеро был непреклонен: «Я никогда не уйду в отставку. Меня избрал народ, и, если понадобится, я умру, исполняя свой долг». Тогда Уэрта сбросил маску, и в зал ворвалась группа офицеров, объявившая Мадеро, что он арестован. Завязалась перестрелка, во время которой погибли двое нападавших. Мадеро, все еще надеявшемуся собрать верные ему войска, удалось ускользнуть из дворца. Но во внутреннем дворе он наткнулся на генерала Бланкета, которого некогда хвалил за лояльность. Тот заявил: «Вы – мой пленник». «А вы – предатель», – ответил президент.

Уэрта в это время спокойно обедал с Густаво Мадеро в ресторане «Гамбринус». Около двух часов дня он извинился, сказав, что ему надо срочно позвонить. Генерал действительно позвонил в Национальный дворец и убедился, что Мадеро арестован. После этого в ресторан вошла группа офицеров и арестовала Густаво. Он был передан путчистам Диаса и зверски ими убит. Его тело так и не нашли.

Сразу же после переворота Уэрта сообщил об аресте Мадеро американскому послу. Тот воспринял известие с удовлетворением и порекомендовал генералу отдать власть в руки Конгресса. Но у Уэрты были на сей счет совсем другие планы. Уже 18 февраля в Мехико появилась листовка, подписанная «верховным военным командующим, принявшим на себя исполнительную власть». В листовке Уэрта информировал граждан, что Мадеро арестован, а он принял на себя функции президента.

Листовка не согласовывалась с Диасом, который видел президентом исключительно себя. Но тут на помощь едва не рассорившимся генералам пришел Вильсон. Он пригласил Диаса и Уэрту к себе в посольство, и там после напряженных переговоров оба мятежника наконец-то разделили власть. Их соглашение получило наименование «посольский пакт», чем Вильсон очень гордился.⁸⁴ Было решено, что временным президентом станет Уэрта. Диас пока официального поста не займет, но будет избран президентом на следующих выборах, и Уэрта обязуется его поддержать. Новое правительство было составлено в основном из путчистов. Сына Рейеса Родольфо назначили

⁸⁴ Krauze E. Francisco Madero. *Mistico dela libertad*. Mexico, 1995. P. 102

министром юстиции, а архитектора заговора Мондрагона – министром обороны. Иностранными делами, как и при Порфирио Диасе, стал заведовать все тот же непотопляемый де ла Барра.

Уэрта, однако, стремился, чтобы переворот носил внешне конституционные рамки и непременно хотел, чтобы Мадеро сам ушел в отставку. Тот наконец согласился, видимо, рассчитывая, что мятежники сохранят ему жизнь. Он обговорил следующие политические условия: все губернаторы штатов сохраняют свои посты, сторонники Мадеро не подвергнутся никаким преследованиям, а его самого, вице-президента Суареса, генерала Анхелеса и членов их семей в сопровождении японского и чилийского посланников доставят в Веракрус для отбытия в эмиграцию. Со всеми условиями Уэрта согласился, поскольку и не думал их соблюдать.

19 февраля 1913 года Мадеро и Суарес подали в отставку, которая под давлением войск была одобрена Конгрессом. Многие сторонники президента поддержали отставку именно потому, что надеялись тем самым сохранить Мадеро жизнь. Новый временный президент, которым согласно Конституции стал министр иностранных дел Ласкураин, был приведен к присяге в 22 часа 24 минуты тех же суток. По заранее согласованному плану он немедленно назначил Уэрту министром внутренних дел и в 23.20 ушел в отставку сам. Теперь, опять же согласно Конституции, президентские полномочия переходили к министру внутренних дел, то есть к Уэрте. Внешне законность соблюли, хотя всем было очевидно, что разыгрывается грубый и подлый фарс.⁸⁵

21 февраля этот фарс перерос в трагедию. Мадеро и Суареса перевели из Национального дворца в тюрьму –, якобы для того, чтобы надежнее обеспечить их безопасность. Поездку в Веракрус Уэрта отменил, солгав, что узнал о планах начальника тамошнего гарнизона освободить свергнутого президента. Многие понимали, что готовится убийство. Уэрта посоветовался о дальнейшей судьбе Мадеро с Вильсоном. Генерал предлагал либо поместить Мадеро в психиатрическую лечебницу, либо отправить его в эмиграцию. Но Вильсон в явно несвойственной ему манере ответил, что не хочет вмешиваться во внутренние дела суверенного государства. Когда жена Мадеро попыталась добиться от того же Вильсона защиты для мужа, ей был дан такой же безучастный ответ.

Уэрта понял, что руки у него развязаны. 21 февраля состоялось заседание кабинета министров, решившее судьбу Мадеро. В тот же день Уэрта сменил начальника тюрьмы федерального столичного округа. 22 февраля Мадеро и Суарес были выведены из Национального дворца для транспортировки

⁸⁵ 20 февраля Вильсон сообщил в Вашингтон, что новое правительство получило власть конституционным путем. См. Haley P. E. *The diplomacy of Taft and Wilson with Mexico 1910–1917*. Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 70

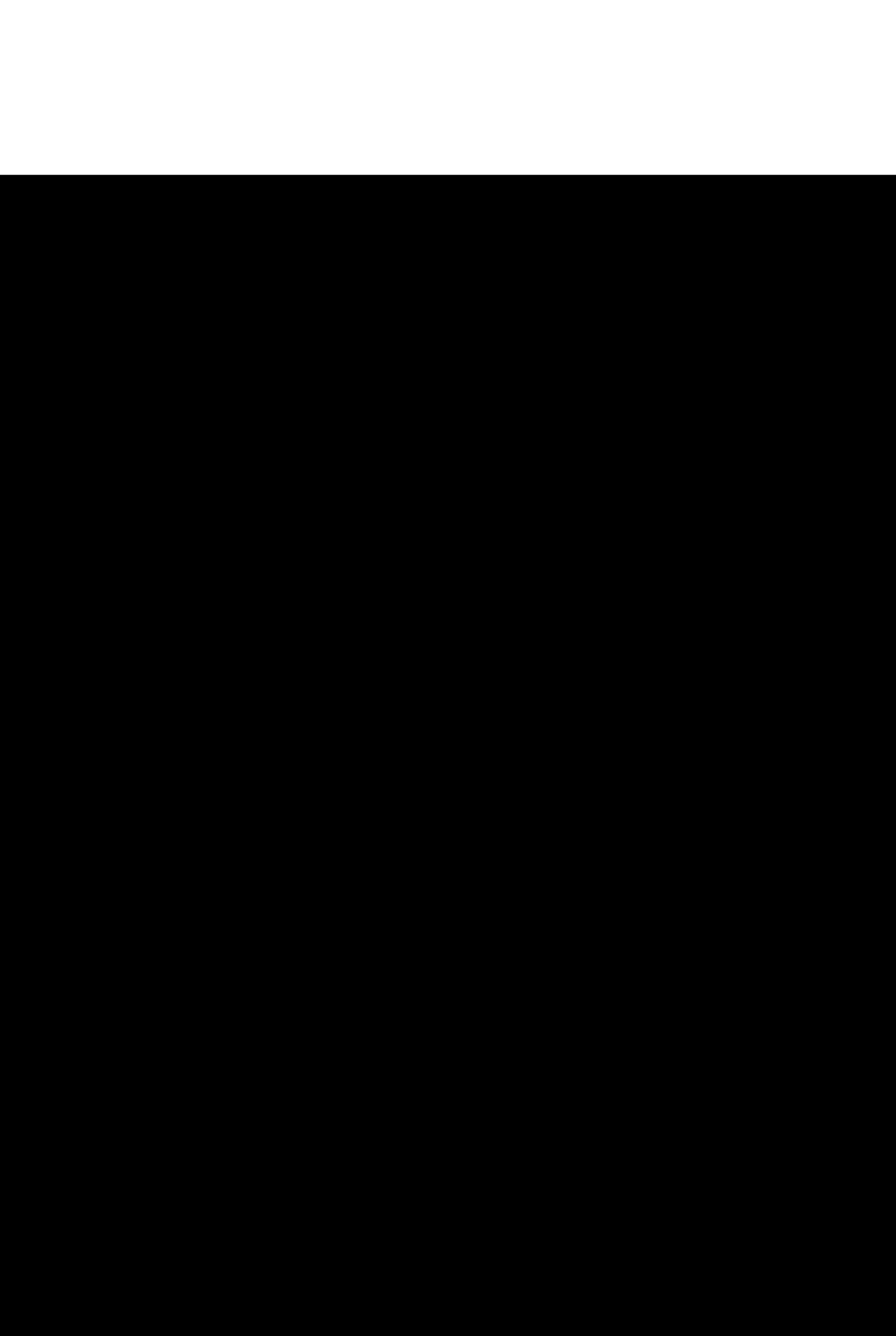
в тюрьму. Но перед ее воротами начальник конвоя майор Карденас вывел президента из машины и выстрелил ему в затылок из револьвера «смит и вессон» 38-го калибра. Пино Суареса, который ехал в другой машине, убил из винтовки капрал Пиментос. Непосредственные указания убийцам перед выездом в тюрьму дал генерал Бланкет.

23 февраля 1913 года газеты сообщили, что бывшие президент и вице-президент погибли при неудачной попытке освобождения собственными сторонниками. В это не поверил никто ни в самой Мексике, ни за рубежом.

Предательски убив президента республики, Уэрта сам разрушил все надежды на долговременность своего правления.

Глава 4

Конституционалисты против Уэрти

нее, по выходным чистил на площади обувь, стараясь хоть как-то пополнить семейный бюджет.

С детских лет мальчик хотел стать офицером, прочитав в газете о наборе кадетов в военную школу Мехико, но ни он, ни его отец даже не мечтали, что это желание когда-нибудь сбудется. Помог счастливый случай. В 1869 году через родной городок Уэрты проезжал генерал Герра. Он спросил у собравшихся на площади людей, нет ли среди них грамотных. Викторiano отозвался, и генерал, который сам был уроженцем штата Халиско, подверг способности мальчика проверке, остался доволен и взял земляка личным секретарем. Затем с помощью президента Хуареса, всячески покровительствовавшего коренному населению Мексики, Герра добился зачисления Уэрты в военное училище. Его отца генерал пристроил на свои конюшни.

В течение пяти лет пребывания в училище Уэрта показал хорошие знания, хотя по своему первоначальному уровню подготовки существенно отставал от своих сокурсников, в основном выпускников элитных школ. В 1877 году, после окончания училища, младшего лейтенанта саперных войск Уэрту планировали послать на стажировку в Германию.² Но тут неожиданно умер отец Викторiano, и он отказался от выгодной командировки, чтобы содержать мать.

Уже в 1878–1879 годах молодой офицер участвовал в некоторых карательных операциях против недовольных режимом Диаса крестьян. Его командиром был полковник Бернардо Рейес. В 1879 году Диас решил впервые в истории мексиканской армии создать генеральный штаб, и Уэрта представил свой план организации этого мозга армии. План был одобрен диктатором, и Уэрту произвели в капитаны. В конце 80-х подающий большие надежды офицер удачно женился на представительнице состоятельной креольской семьи из Веракруса Эмилии Агиле. Хорошо образованная скромная женщина стала верной спутницей Викторiano и в горе, и в радости. Сам Уэрта, похоже, тоже никогда не давал ей повода сомневаться в своей супружеской верности.

Уэрта в течение почти девяти лет был членом картографической комиссии генштаба, которая скрупулезно создавала первую военно-географическую карту Мексики. Но уже в 1893 году он принял участие в подавлении мятежа в штате Герреро. Там впервые проявились его способности добиваться цели любыми средствами. Несмотря на то, что мятежникам после их разгрома была объявлена амнистия, Уэрта расстрелял несколько человек, взятых его подразделением в плен. История стала достоянием столичных газет, критиковавших офицера за ненужную жестокость. Уэрта оправдывался тем, что выполнял приказ, хотя такого приказа найдено не было. Но во времена Диаса за подобные эксцессы не наказывали, а поощряли, и Уэрта ничем не рисковал.

² Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 4

В 1900 году Уэрту в качестве командира батальона направили на борьбу с индейцами яки в Сонору, но в следующем году по рекомендации Рейеса перебросили в знакомый ему Герреро, где опять начались антиправительственные волнения. Там Уэрта вел беспощадную войну с партизанами. Уже через месяц жители штата прозвали его «кровавым животным». Всех участников предыдущего мятежа солдаты Уэрты убили без суда и следствия. Он писал Рейесу: если руководители мятежа сдадутся – «тем хуже для них». За эти «заслуги» Уэрте было временно присвоено звание бригадного генерала.

После подавления волнений в Герреро его назначили заместителем командующего войсками в другой горячей точке Мексики – на Юкатане. Там уже несколько десятилетий не прекращали сопротивления индейцы майя. Уэрта, прибыв на место, сразу же изменил тактику действия карательных сил. Ранее войска перемещались большими колоннами и легко занимали населенные пункты. Индейцы от фронтальных сражений уклонялись, а по мере того, как солдаты двигались дальше, быстро занимали оставленные ими городки и деревни. Уэрта разбил войска на более мелкие подразделения и велел им контролировать определенные территориальные зоны, чтобы сковать деятельность повстанцев. В октябре 1901 года Уэрта доложил в Мехико, что Юкатан усмирен.³ Но этот успех дорого обошелся генералу: от яркого тропического солнца у него возникли проблемы со зрением. К тому же он пристрастился к спиртному.

В 1903 году популярность покровителя Уэрты Рейеса достигла своего пика. Почти все были уверены, что именно его Диас изберет кандидатом в вице-президенты и де-факто преемником. Уэрту же Рейес прочил в заместители министра обороны, поскольку тот был его убежденным и преданным сторонником. Однако, как упоминалось выше, благодаря интригам министра финансов Лимантура Рейес ушел в 1904 году с поста военного министра, и назначение Уэрты сорвалось.

Решив, что с армейской карьерой покончено, Уэрта в 1907 году попросил о бессрочном отпуске в связи с плохим состоянием здоровья. Получив фактическую отставку, он уехал в Монтеррей (столицу штата, губернатором которого был Рейес) и возглавил там частную фирму, получавшую солидные заказы от властей штата. В 1908–1909 году Уэрта опять поддерживал политические амбиции Рейеса, пока тот под давлением Диаса не отправился в добровольно-принудительную поездку в Европу.

Когда Мадеро 20 ноября 1910 года начал революцию, Уэрта сразу попросился назад на военную службу. Учтя его опыт антиповстанческих действий, ходатайство немедленно удовлетворили. В апреле 1911 года Уэрту назначили командующим карательными силами в штате, где он уже два раза

³ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972..P. 14

подавлял мятежи во времена диктатуры Диаса. Во главе 10 тысяч солдат и «руралес» Уэрта должен был навести порядок в штате Герреро, где активно действовали революционеры во главе с братьями Фигероа. Однако к тому моменту основное внимание властей уже было приковано к Чиуауа, поэтому Уэрте выделили всего 600 солдат.⁴ Когда он двигался с ними через Морелос, пришли сообщения, что Сапата готовится штурмовать столицу этого штата Куэрнаваку. Уэрта организовал оборону столицы, в то время как Сапата обрушился на Куаутлу.

Мы уже описывали карательные экспедиции Уэрты против Сапаты и Ороско при правлении Мадеро. В феврале 1913 года, сам сделавшись президентом, Уэрта намеревался в кратчайшие сроки умиротворить страну. Газеты Мехико в большинстве своем приветствовали военного диктатора, который наконец-то наведет порядок после года анархии. Интересно, что «железную руку» Уэрты и свержение революционера Мадеро восхваляли иностранные инвесторы, «лучшие» (т.е. богатые) классы мексиканского общества и церковь. В Оахаке, родном штате Диаса священники даже провели торжественный молебен в благодарность за «избавление» республики.⁵

Уже с первых дней своего правления Уэрта всячески старался привлечь на свою сторону ведущих деятелей всех политических и военных фракций Мексики. Его не интересовали взгляды будущих союзников – главное, чтобы они поддерживали его президентские амбиции. Сначала казалось, что Уэрта довольно легко установит свою власть над страной. Ведь все революционеры 1911 года – Сапата, Ороско и Вилья – находились со свергнутым Мадеро во враждебных отношениях.

Пока в Мехико убрали с улиц трупы людей и животных, к Уэрте поступали телеграммы с выражением поддержки от основных армейских командиров в разных регионах страны. Армия никогда не симпатизировала Мадеро, и на ее лояльность Уэрта рассчитывал с самого начала. Проявив поразительную политическую гибкость, он сразу же начал переговоры о союзе с Ороско, и вскоре соглашение было достигнуто. Представитель ороскистов вошел в правительство, а Уэрта пообещал Ороско осуществить в стране аграрную реформу. Несколько командиров сапатистов также заявили о готовности признать новое правительство. Это кажется удивительным, если учесть, что еще год назад Уэрта возглавлял карательные войска в штате Морелос. Но многие партизаны испытывали к Уэрте доверие, так как он был почти чистокровным индейцем и выбился в начальники из скромной крестьянской семьи. Сапата же колебался, и Уэрта пошел на смелый маневр: направил в качестве личного эмиссара в Морелос отца Паскуаля Ороско. Однако Сапата прика-

⁴ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 20

⁵ Knight A. The Mexican revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990. P. 1–2

В тот же день, 19 февраля, законодательное собрание штата предоставило Каррансе неограниченные полномочия в военной сфере. Он направил всем губернаторам штатов циркулярную телеграмму с призывом встать на его сторону, однако положительных ответов не последовало. Напротив, большинство губернаторов поддержали Уэрту. Карранса был вынужден послать на переговоры в Мехико своих эмиссаров.

Поскольку за поддержку Уэрта соглашался обещать все, что угодно, кроме президентского кресла, переговоры поначалу шли успешно, но были прерваны, как только Карранса узнал о гибели Мадеро и Суареса. Губернатор Коауилы решил, что подлое убийство главы государства вызовет в стране всеобщее восстание, поэтому церемониться с Уэртой не стоит. Карранса начал готовить штат к войне с центральным правительством. 26 февраля 1913 года он проинформировал о своих намерениях президента США Тафта. Тот уже готовился сдавать дела своему преемнику Вудро Вильсону (инаугурация нового хозяина Белого дома была намечена на 4 марта), оттого оставил без внимания поступившее ранее письмо Уэрты, в котором тот сообщал о принятии им президентских полномочий и просил дипломатического признания нового правительства.

Между тем Карранса дал указание снять принадлежащие его штату 50 тысяч песо с банковского счета в столице Коауилы Салтильо, чтобы использовать их для набора добровольцев и закупку оружия. Одновременно было объявлено о принудительно-добровольном кредите среди местных банков на 70 тысяч.¹⁰ Уэрта потребовал объяснений. Ему ответили: штат Коауила не намерен отчитываться перед центральным правительством, так как считает его незаконным. Это был открытый мятеж.

Бросая вызов Уэрте, который считался лучшим генералом мексиканской армии, Карранса рассчитывал на помощь соседних северных штатов Чиуауа и Сонора, где у власти находились назначенные Мадеро губернаторы. Однако в Чиуауа, как уже упоминалось, Уэрте удалось упредить события, хотя вскоре оказалось, что ход этот был проигрышным. Командующий армейскими частями Чиуауа генерал Рабаго арестовал губернатора штата Гонсалеса и заставил того написать прошение об отставке. Потом Гонсалеса посадили в поезд якобы для отправки в Мехико и по дороге хладнокровно расстреляли (по другой версии – бросили живым под колеса). Населению объявили, что на поезд совершили нападение сторонники Мадеро и Гонсалес погиб, попав под перекрестный огонь. Как мы видим, Уэрта воплотил-таки в жизнь план, который он в июне 1912 года пытался осуществить в отношении Панчо Вильи.

Свержение Гонсалеса временно сохранило Чиуауа под контролем центрального правительства и сильно осложнило положение Каррансы, кото-

¹⁰ Cumberland C.C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 19

рого теперь отделяла от северо-западной Сонары широкая полоса территории, занятой федеральной армией.

Но и в самой Сонаре все было не так однозначно. Губернатор штата Майторена слыл человеком либеральным, однако не был горячим поклонником Мадеро. Он склонялся к компромиссу с Уэртой. Однако за немедленное вооруженное выступление ратовали выдвинувшиеся во время мадеристской революции местные военачальники Альваро Обрегон, его племянник Бенджамен Хилл и Плутарко Кальес. В отличие от Вильи и Сапаты, это были не крестьяне или маргиналы – Обрегон до революции служил телеграфистом и имел собственный мелкий бизнес, а Кальес работал учителем, прежде перепробовав много профессий. Образом жизни эти представители низшего среднего класса старались походить на уже сформировавшуюся деловую аристократию северных штатов. Революция Мадеро сделала их крупными политиками и военными местного уровня, и теперь они не хотели терять завоеванных с оружием в руках позиций. Под давлением Обрегона, Кальеса и Хилла Майторена попросил предоставить ему шестимесячный отпуск и эмигрировал в США, чтобы переждать тревожные события.¹¹ Его преемник генерал Пескейра примкнул к Каррансе, и 5 марта 1913 года законодательное собрание Сонары выразило недоверие федеральному правительству.

Участники нового оппозиционного движения северных штатов называли себя конституционалистами. 26 марта 1913 года Карранса выступил с «планом Гуадалупе». ¹² Этот документ не содержал никаких проектов социальных реформ. Целью движения объявлялось свержение незаконной диктатуры Уэрты и восстановление конституционного образа правления. По примеру Мадеро Карранса не стал возлагать на себя обязанностей временного президента (ведь он не участвовал в президентских выборах), но провозгласил себя «верховным [или первым] главнокомандующим конституционалистской армии». Этим титулом он закреплял за собой возможность назначить впоследствии временного главу государства. Причем на этом посту уже тогда Карранса видел только себя, предпочитая пока просто не признаваться в этом публично.

Новое восстание против центральных властей в марте 1913 года коренным образом отличалось по характеру от революции Мадеро в 1910 году. Фактически никакого спонтанного народного выступления на сей раз не произошло. Инициативу формирования революционной армии взяли на себя легитимные правительства самых богатых северных штатов, по ресурсам не уступавшие центральному правительству. Набор добровольцев и закупка оружия происходили упорядоченно. Были созданы, по сути, регу-

¹¹ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 211

¹² Так называлось ранчо, где был принят этот план.

лярные армии. Например, Обрегон в Соноре набрал около сотни добровольцев, получивших от властей штата деньги и оружие. Теперь его отряд официально именовался «4-м добровольческим батальоном Соноры».¹³

Помимо открытого мятежа самых экономически развитых северных штатов Уэрта столкнулся с открытой неприязнью нового президента США Вильсона. На неоднократные попытки его однофамильца, посла США в Мексике, побудить администрацию к признанию нового режима Вильсон отвечал решительным отказом. Посол США, практически приведший Уэрту к власти, 5 марта 1913 года писал в Вашингтон, что со дня на день ожидает известия о капитуляции повстанцев.¹⁴ Такие сообщения должны были создать впечатление, что признанию Уэрты нет разумной альтернативы. Однако военный атташе посольства США в Мехико капитан Бернсайд был на сей счет прямо противоположного мнения. 7 апреля он докладывал в Пентагон об «отчаянном» военном положении правительства Уэрты.¹⁵

Представители американского бизнеса в Мексике сразу встали на сторону Уэрты и хлопотали за него перед только что вступившим в должность президентом Вильсоном. 6 мая 1913 года близкий друг хозяина Белого дома полковник Хаус передал ему три письма американских промышленников, включая президента железнодорожной компании «Сазерн Пасифик Рейлроуд» Круттшмитта. Однако бывший профессор университета Вильсон к бизнесменам горячей любви не испытывал. Одному из своих соратников он заявил: «Я президент Соединенных Штатов в целом, а не только кучки собственников в Мексиканской республике».¹⁶

Уэрта с самого начала считал угрозу с севера серьезной и решил бросить на подавление мятежа Паскуаля Ороско, до сих пор пользовавшегося популярностью в северных штатах. Покольку Ороско был революционером, а Карранса – богатым помещиком, Уэрта надеялся, что под знамена Ороско перейдут многие сторонники социальных реформ. В конце февраля 1913 года Уэрта послал на переговоры с Ороско в Чиуауа трех своих эмиссаров. Ороско выставил пять условий: выплата зарплаты его солдатам из федеральной казны, пенсии вдовам и детям-сиротам погибших в бою ороскистов, немедленное принятие законов об аграрной реформе, снабжение его отрядов оружием и боеприпасами за счет государства и присвоение бойцам официального статуса «руралес». Уэрта немедленно согласился, так как справед-

¹³ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 210

¹⁴ Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 84

¹⁵ Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 84

¹⁶ Hill L. D. Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico. Baton Rouge, 1973. P. 19

ливо полагал, что в борьбе с севером самое важное значение имеет фактор времени. Если позволить правительствам двух мятежных штатов укрепиться, то война приобретет затяжной характер, при котором определяющими будут экономические ресурсы той или иной стороны.

Ороско споро взялся за дело и через неделю сообщил, что готов выставить для борьбы с повстанцами до 4 тысяч закаленных и опытных бойцов. Уэрта считал, что такого количества вполне достаточно, так как Карранса отнюдь не был гениальным военным стратегом. Войска его штата серьезных боевых навыков не имели, да и военачальникам Каррансы до Ороско было далеко.

Пока Ороско готовился к маршу на север, Уэрта все еще пытался договориться с Сапатой. Как опытный генерал он понимал всю опасность войны на два фронта, к тому же союз с Сапатой обеспечил бы новому режиму поддержку крестьянства по всей стране. Ведь тот давно уже перешагнул региональный уровень по своей политической популярности, хотя его партизанские отряды, конечно, не могли открыто драться с федеральной армией, как войска того же Каррансы. Уэрта полагал, что крестьянскому вождю явно не по пути с помещиком Каррансой. Однако генерал просчитался. Хотя Сапата и не признал руководство Каррансы, он точно так же не признал и самого Уэрту, которого хорошо помнил по недавним схваткам в Морелосе. Узнав, что посланный в качестве парламентаря отец Паскуаля Ороско арестован Сапатой, Уэрта решил с помощью молниеносной военной кампании разделиться с надоедливыми партизанами.

Дальнейшие события показали, что Уэрта явно переоценил свои силы. Еще Мадеро в ходе борьбы с бесконечными мятежами довел численность федеральной армии до 55 тысяч человек. В начале марта 1913 года военный министр Мондрагон доложил Уэрте, что вскоре увеличит численность войск до 80 тысяч. Для этого, мол, достаточно только поднять жалованье солдатам. Что и было сделано – теперь рядовой получал полтора песо в день вместо прежнего одного.¹⁷ Здесь надо отметить, что в мексиканской армии правительство обеспечивало солдат только оружием, формой и боеприпасами. Продовольствие военнослужащие должны были покупать и готовить сами. Именно поэтому солдат всюду сопровождали жены и подружки («солдадерас»), которые их кормили, обстирывали и обшивали.

Уэрта с научным подходом произвел полную реорганизацию структур вооруженных сил. Вся армия была сведена в 10 дивизий, которые могли оперировать самостоятельно, имея артиллерию и все основные службы поддержки. Наиболее сильные четыре дивизии размещались на севере и в столичном округе.¹⁸ Уэрта одним из первых в Латинской Америке стал при-

¹⁷ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 88

¹⁸ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 88

Обрегон и тем, что всегда сам предпочитал выбирать места для сражений, навязывая правительственным войскам неудобную для них местность.

В начале мая Обрегон начал медленно отступать на север, после того как в порт Эмпальме (фактически часть Гуайямаса) вошли два корабля федералов. Он явно выманивал противника из-под артиллерийского прикрытия флота, и этот план ему вполне удался. На преследование конституционалистов (которых было около 2000) вышел правительственный отряд в полторы тысячи бойцов. 9 мая к Обрегону подошли еще несколько тысяч человек, и он дал федеральным войскам кровавую трехдневную битву при Санта-Розе. Федералы подверглись страшному разгрому: в порт вернулось менее половины отряда.¹⁹ Офицеры требовали пополнения, пушек и прежде всего – хорошего генерала. Новым главкомом правительственных войск в Соноре был назначен генерал Охеда, который ранее, в марте уступил противнику северную часть штата. Теперь он горел желанием взять реванш.

В конце мая Охеда стал медленно наступать на столицу Соноры Эрмосильо. Обрегон опять повторил свой недавний маневр с притворным отступлением. 25 июня 1913 года противники сошлись у городка Санта-Мария. Из майского разгрома федеральное командование, похоже, не извлекло каких-либо уроков в плане военной тактики. Федералы опять позволили Обрегону выбрать место битвы. Правительственные войска были разгромлены и по собственным данным потеряли 600 из 2500 человек (на самом деле, по-видимому, больше, так как любое поражение федералов обычно сопровождалось еще и массовым дезертирством). Хуже всего для Уэрты было то, что в руки конституционалистов попало много военного снаряжения, в том числе и орудий, а также исправный подвижной железнодорожный состав. Однако Обрегон опять не стал рисковать. Вероятно, он мог на плечах деморализованного противника ворваться в Гуайямас, но вместо этого по всем правилам военного искусства осадил порт.

Для Уэрты успехи его врагов в Соноре были плохой новостью сразу с двух точек зрения. Во-первых, стало окончательно ясно, что новый президент США Вильсон не собирается признавать нового мексиканского президента, хотя американский посол в Мехико по-прежнему рекомендовал сделать это, предварительно добившись от мексиканцев уступок по всем интересующим США вопросам. Президент Вильсон в своем кругу называл кабинет Уэрты «правительством мясников». Сухой ответ на поздравительную телеграмму, направленную в Вашингтон по случаю инаугурации нового президента, был адресован «генералу Уэрте», а не «президенту Уэрте». Занявший Белый дом бывший профессор Принстонского университета не доверял карьерным дипломатам, а поэтому решил отправить в Мексику своих личных друзей, которые должны были на месте оценить

¹⁹ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 38

ситуацию.²⁰ Успехи конституционалистов в Соноре подрывали основу для признания Уэрты со стороны США, так как показывали, что новые власти в Мехико не контролируют ситуацию в стране. Непризнание же Штатами лишало Уэрту возможности закупать у них оружие.

Поэтому победа над мятежниками Каррансы одним махом изменила бы как внутри-, так и внешнеполитическое положение нового режима.

В апреле удача улыбнулась правительственным войскам в соседнем с Сонорой штате Дуранго. В середине месяца отряды различных командиров-конституционалистов общей численностью около 3–4 тысяч человек, плохо организованных и недостаточно вооруженных, осадили одноименную столицу штата. Город удерживал правительственный гарнизон численностью в 700 человек. Богатые семейства города, опасаясь бесчинств революционеров, образовали собственный отряд («социальную оборону») в 500 человек, который стал, пожалуй, самой боеспособной частью среди осажденных. Горожане порекомендовали американскому консулу в Дуранго вооружить и находившихся там его соотечественников. Тот благоразумно отказался.

20 апреля повстанцы перерезали телеграфную связь Дуранго с тихоокеанским портом Масатлан, и осада стала полной. Революционным войскам был отдан приказ, запрещающий любые грабежи в городе после его захвата. Финансовые проблемы планировалось решить, как обычно, с помощью добровольно-принудительного заема среди зажиточных слоев. 23 апреля конституционалисты пошли на штурм, который продолжался двое суток. Сразу же после начала боев правительственные войска захватили в плен двадцать повстанцев и расстреляли их на месте. В ходе штурма некоторые жители Дуранго (естественно, небогатые) стали стрелять в спину оборонявшимся. В ответ на это «социальная оборона» провела задержание и расстрелы подозреваемых. Эти меры вызвали понятную ярость среди нападавших, и бои велись с возрастающей обоюдной жестокостью. 25 апреля у повстанцев почти иссякли боеприпасы. К тому же на выручку осажденным подоспел один из командиров Ороско с 400 опытными бойцами. Революционерам пришлось снять осаду и отойти в горы.²¹

²⁰ Выбор президента пал на 44-летнего журналиста Уильяма Байярда Хейла. Хейл был миссионером, пастором прихода протестантской церкви в Пенсильвании, преподавал в Оксфорде, а с 1901 года занялся журналистикой. В 1912 году Хейл составил биографию тогдашнего губернатора штата Нью-Джерси и будущего президента Вильсона. Этот факт и сыграл определяющую роль, поскольку по-испански Хейл не говорил и специалистом по Латинской Америке не был. Весь его латиноамериканский опыт ограничивался поездкой в страны Центральной Америки в составе делегации госсекретаря Нокса в 1912 году. См. Hill L. D. *Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico*. Baton Rouge, 1973. P. 21–23

²¹ Cumberland C. C. *Mexican revolution. The Constitutionalist years*. Austin, 1972. P. 36–37

Успехи Обрегона в Соноре были, конечно, неприятны для Уэрты, но все же он не считал пока этот штат ключевым театром боевых действий. Сонора лежала на отшибе, отделенная от соседнего Чиуауа труднопроходимыми горами. И только из Чиуауа открывался кратчайший путь по железной дороге на Мехико. Обрегону надо было либо идти длинным и плохим путем на юг вдоль тихоокеанского побережья, либо наступать через горы на Чиуауа. Поэтому контролю над Чиуауа Уэрта придавал первостепенное значение, так как, не захватив его, революционеры не могли угрожать Мехико. С другой стороны, из того же Чиуауа правительственные войска могли наносить удары на запад по Соноре и на восток – по Коауиле.

Исходя из этих соображений, Уэрта разработал план борьбы с Каррансой. Опираясь на Чиуауа, популярный там Ороско должен был быстро разгромить Каррансу в его родной Коауиле. Потом он мог заняться и Обрегоном, с которым он уже сражался в 1912 году. (Обрегон командовал тогда войсками штата Сонора, брошенными против «алых» Ороско.) План был весьма неплох, но не учитывал один фактор – Панчо Вилью.

Узнав об убийстве Мадеро, возмущенный Вилья (зная Уэрту, он не сомневался, что именно тот отдал преступный приказ) немедленно решил вернуться в Чиуауа и предоставить себя в распоряжение Гонсалеса. Но тут его настигла еще более страшная весть – об убийстве самого Гонсалеса. Вилья поклялся отомстить за человека, которого безраздельно уважал. Но как? Правительственные войска, казалось, твердо держат Чиуауа под контролем. Конечно, опять, как и в 1910 году, образовались мелкие партизанские отряды, совершавшие набеги на небольшие города. Однако в сражениях с федеральными войсками эти группы не имели шансов.

Вилья посетил находившегося в Аризоне губернатора Соноры Майторену и попросил у него совета.²² Один из лидеров конституционалистов этого штата Бенджамен Хилл настойчиво предлагал Вилье присоединиться к Обрегону. Но Вилья в Соноре воевать не хотел, прекрасно понимая, что там у него нет никакой популярности и он вряд ли сможет привлечь к революции столько людей, как в родном Чиуауа. Майторена тоже не был заинтересован в том, чтобы Вилья появился в его штате, так как опасался своего равного и вспыльчивого командира, только недавно бежавшего из тюрьмы. Поэтому Майторена лишь ссудил Вилью тысячью долларов. На эти деньги Вилья снял себе номер в отеле в Эль-Пасо. Живя там, он каждый день наслаждался местным мороженым – своим любимым лакомством.

В ночь на 6 марта 1913 года пограничную реку Рио-Гранде перешел маленький отряд из девяти всадников. У людей Вильи – именно он командовал этой группой – было по винтовке и 500 патронов на каждого, два фунта кофе, два фунта сахара и фунт соли.

²² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 206

До прихода Вильи в Чиуауа против федеральных войск дрались мелкие отряды повстанцев, среди которых выделялись бойцы Мануэля Чао, бывшего школьного учителя. 24 февраля 1913 года отряд Чао при помощи местных жителей взял город Санта-Барбару. Однако соседний Парраль взять не удалось – к гарнизону подошло подкрепление.

Но пока что такими силами Уэрту было не напугать. В Коауиле 7 марта 1913 года потерпел первое поражение в стычке с федералами сам Карранса.²³ Через две недели он попытался атаковать столицу собственного штата Салтильо, но был отброшен, потеряв более 400 человек убитыми и пленными. Используя эти успехи правительственных сил, Уэрта объявил в середине марта полную амнистию для всех восставших, кто в течение 15 суток сложит оружие. К Обрегону в Сонору был послан специальный эмиссар, но вернулся ни с чем. Не удалось и переговоры с самим Каррансой: тот пригрозил, что впредь будет арестовывать всех парламентариев Уэрты. Чтобы показать свою непримиримость, Карранса объявил о введении в действие декрета Хуареса времен войны с французами, по которому любые сторонники антинародного правительства (т.е. теперь – сторонники Уэрты) подлежали смертной казни.

В других штатах также брались за оружие и новые, и старые группы повстанцев. В штате Герреро опять, как и в 1910 году, восстали братья Фигероа. Стычки с правительственными силами были отмечены в Веракрусе и штате Табаско. Хотя не все повстанцы признавали своим вождем Каррансу, зато все они не признавали президентом Уэрту.

В середине апреля 1913 года Уэрта тоже решил продемонстрировать непримиримость и силу и послал в Морелос против Сапаты генерала Хувенсио Роблеса. Уэрта считал, что с партизанами он справится скорее. Роблес, прибыв в Морелос, разогнал правительство штата, чего никогда не делал даже Диас. Арестованный губернатор был отправлен в Мехико. На его место назначили временного военного губернатора, никак не стеснявшего главнокомандующего в его действиях. Роблес по-прежнему проводил свою излюбленную тактику выжженных деревень и массового переселения сельского населения в импровизированные концлагеря.

Сапата ответил на прибытие Роблеса захватом города Хонакатепек, где взял в плен генерала правительственных войск Игинио Агилара.²⁴ Продemonстрировав политическую мудрость, Сапата помиловал офицера (Агилар даже хотел присоединиться к сапатистам). Движение Сапаты обрело второе дыхание, и его партизаны контролировали уже не только сельскую местность самого Морелоса, но и некоторые территории соседних штатов

²³ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico. 1810–1996. New York, 1997. P. 342

²⁴ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 167

Пуэбла и Герреро. К лету войска Роблеса удерживали только крупные города и были не в состоянии помешать спокойному передвижению партизанских сил в Морелосе. Выдавая желаемое за действительное, Роблес объявил об окончательной победе и в начале сентября вернулся в Мехико.

9 мая 1913 года на север во главе 1200 бойцов выступил Ороско. Он должен был усилить федеральные силы в Чиуауа и бить отряды конституционалистов там, где он их обнаружит. Ороско не подвел Уэрту, одержав к началу июля несколько побед над восставшими, причем одну из них под Бачимбой, где его самого когда-то разбил Уэрта. Штат Чиуауа в середине лета казался полностью зачищенным.²⁵ Однако как только Ороско продолжил движение на север, у него в тылу опять появились партизаны. Одним из отрядов командовал уже знакомый нам Томас Урбина (именно из-за этого человека годом раньше Уэрта едва не расстрелял Вилью).

Урбина, за которым тянулась недобрая слава жестокого командира, решил отомстить федералам за апрельское поражение под Дуранго и все таки захватить этот город. 13 июня 1913 года он прибыл под Дуранго и взял на себя общее командование примерно 4 тысячами партизан. В это время с учетом прибывших ороскистов и увеличившихся отрядов «социальной защиты» гарнизон Дуранго уже превысил 2500 человек. Ороскисты предпринимали активные рейды по окрестностям, и вскоре их командир доложил, что партизаны разгромлены и покидают штат. Он ошибался. Командующий федералами генерал Кампос был менее оптимистично настроен и сообщил в Мехико, что не может полностью положиться на свои собственные войска, а значительная часть населения Дуранго сочувствует революционерам.

18 июня 1913 года, пока Ороско приводил свои силы в порядок в Торреоне, Урбина начал массированное наступление на Дуранго и на следующий день захватил этот город при поддержке местных жителей. В отместку за расстрелы своих товарищей в апреле революционеры подвергли город страшному разграблению. Без суда были расстреляны многие участники «социальной защиты». Когда иностранцы пожаловались Урбине на бесчинства его бойцов, тот не только отказался провести расследование, но и не стал предоставлять иностранным подданным никакой защиты. Американский посол Вильсон использовал события в Дуранго для того, чтобы еще раз потребовать от президента США признания правительства Уэрты, хотя бы как меньшего из двух зол. Вильсон сообщал в Вашингтон явные небылицы. Например, о массовом самоубийстве изнасилованных повстанцами 50 девушек из лучших семей Дуранго. Характерно, что американский консул в самом Дуранго, подробно описав действительно имевшие место бесчинства Урбины, ничего не упомянул ни об одном изнасиловании.

²⁵ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 94

В Вашингтоне к тому времени уже почти перестали обращать внимание на депеши Вильсона, повторявшие официальные победные коммюнике Уэрты. Там отдавали предпочтение донесениям американских консулов из основных городов Мексики, так как они были гораздо более беспристрастными.

Между тем антиправительственные силы в соседнем Чиуауа подчинялись уже Вилье, который, в свою очередь, признал верховное руководство Каррансы.²⁶ Это Вилью ни к чему не обязывало, поскольку «первый главнокомандующий» под ударами правительственных войск был вынужден уйти из родного штата и по тылам врага пробирался в Сонору, находившуюся под твердым контролем его сторонников. Сам Карранса не хотел видеть Вилью на посту командующего силами конституционалистов Чиуауа. Он отдавал предпочтение другому лидеру повстанцев штата – Мануэлю Чао, бывшему учителю, который, в отличие от Вильи, демонстрировал безусловную лояльность по отношению к «верховному главнокомандующему». К тому же Каррансу возмущало, что командиры Вильи не уважают частную собственность, занимаясь постоянными реквизициями.

Однако Вилью выбрали повстанцы Чиуауа, и Каррансе в то время не оставалось ничего другого, как одобрить это назначение.²⁷ Тем не менее главнокомандующий Вилью, отказавшись назначить того на пост губернатора Чиуауа. Им стал все-таки Чао, а Вилья получил должность командующего войсками штата. Так Карранса хитро разделил полномочия, пытаясь постоянно создавать и удерживать в Чиуауа противовес влиянию Вильи.

Летом 1913 года гражданская война постепенно приобретала невиданный еще в истории Мексики (а возможно, и в мировой истории) тотальный характер. Перфекционист Уэрта по-прежнему продолжал уповать на повышение количества и качества федеральных сил. Железные дороги были фактически переведены на военное положение. Гражданские грузы отправлялись только после того, как обслуживались все военные перевозки. Если же подвижного состава не хватало, то применялись старые проверенные мулы или просто грузчики («каргадорес»). Правительство стало расширять мощности столичного порохового завода и наладило ремонтные работы на единственной артиллерийской фабрике.

²⁶ Подчинившись Каррансе, Вилья оговорил за собой право самостоятельно назначать всех командиров отрядов в штате Чиуауа. См. Guzman M. L. *Memoirs of Pancho Villa*. Austin, 1975. P. 98

²⁷ Авторитет Вильи среди повстанцев базировался на его легендарной способности обеспечивать бесперебойное снабжение своих отрядов продовольствием и боеприпасами. Происходило это благодаря налаженной контрабанде оружия из США. Через три месяца после возвращения в Мексику под командованием Вильи были 700 прекрасно вооруженных бойцов.

Уэрта пытался заставить всю страну, а особенно столицу, жить в атмосфере военного лагеря. Постоянно проводились марши и парады.²⁸ Столичная полиция была переведена на военное положение и преобразована в полк из двух батальонов под командованием армейского офицера. Зимой 1913 года численность полиции Мехико была доведена до тысячи человек. Государственных служащих и учащихся старших классов заставляли в свободное время заниматься военной подготовкой. Губернатор штата Веракрус даже дал указание изготовить для школьников деревянные винтовки.

Естественно, Уэрта считал себя гораздо компетентнее военного министра Мондрагона, и был абсолютно прав – тот посвящал свой пыл в основном набиванию собственных карманов. Генерал-президент лично решал все, даже самые мелкие военные вопросы. Его штаб-квартира каждый день выдавала «на гора» сотни приказов и поручений. Он то и дело проводил неожиданные инспекции частей и учреждений, используя в целях экономии времени еще редкий в ту пору автомобиль.

Слабым местом федеральной армии был абсолютно некомпетентный генеральский корпус, состоявший главным образом из престарелых офицеров, иные из которых воевали еще против французов 40 лет тому назад. Большинство генералов умели лишь проводить парады и в лучшем случае защищать сильно укрепленные города от нападений плохо вооруженных партизан. Отсиживаясь в окопах и укрытиях, правительственные войска ждали, пока неопытные нападающие не израсходуют всех боеприпасов и не отступят. Уэрта пытался поднять боевой дух и наступательный порыв генералов обильной раздачей орденов и новых званий. Было введено высшее в армии звание дивизионного генерала, которое Уэрта присвоил для начала самому себе. Между июнем и сентябрем 1913 года количество генералов в мексиканской армии выросло с 128 до 182.²⁹

Однако к лету 1913 года основной проблемой правительства стала катастрофическая нехватка солдат. Президент не обманывался победными реляциями Мондрагона, по большей части не имевших под собой никаких оснований. Еще в марте Уэрта отдал приказ всем губернаторам дать армии определенное количество рекрутов в зависимости от численности населения штата. В случае невыполнения разнарядки губернаторов снимали с должности, угрожая и еще более радикальными мерами воздействия. В армию стали силой загонять даже заключенных из тюрем.

Конечно, боевой дух новобранцев при таком методе набора не мог быть высоким. Иногда к повстанцам переходили целые подразделения, однако

²⁸ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press. 1972. P. 89

²⁹ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press. 1972. P. 100

из-за неразумного приказа Каррансы (об этом чуть позже), объявлявшего всех сторонников правительства врагами народа, солдаты чаще просто расходились по домам. Офицеры боялись ходить вместе со своими подчиненными в караул. К тому же большинство рекрутов направлялись в бой без мало-мальски достаточной подготовки. Это вело, в свою очередь, к чудовищному расходу боеприпасов. С течением времени пришлось ограничить количество выдаваемых для боя патронов нормой 50 штук на человека.

Для пополнения офицерского состава курсантов военных училищ переводили на ускоренное обучение, и они зачастую направлялись в войска, не освоив полностью учебную программу. Уэрта заставил Конгресс разрешить досрочное присвоение воинских званий за боевые заслуги. В сентябре 1913 года в федеральной армии насчитывался 1081 старший офицер.³⁰

На север были отправлены несколько сотен захваченных в Морелосе крестьян. В крупных городах проводили облавы среди посетителей кинотеатров и ночных ресторанов. Отлавливали нищих и бродяг в бедных предместьях.

Единственными более-менее боеспособными частями правительства были «руралес», солидную часть которых составляли закаленные в боях сторонники Ороско. Уэрта принял решение превратить «руралес» в своего рода гвардию мексиканской армии, создав из них элитные войска. В июле 1913 года диктатор объявил о наборе 10 тысяч добровольцев в ряды «руралес». Уэрта правильно рассудил: главная тактическая беда федеральных войск – то, что они действуют большими колоннами и не могут быстро преследовать небольшие отряды противника. Поэтому планировалось создать 20 мобильных корпусов «руралес» (несмотря на название, эти части по численности примерно соответствовали батальону в 600 человек). В общей сложности к осени 1913 года в ряды «руралес» должны были влиться до 8 тысяч бойцов.

Этого предполагалось достичь прежде всего за счет более высокого, чем в обычной армии, жалованья (2,05 песо в день).³¹ К тому же контракт мог быть подписан на довольно короткий срок (шесть месяцев). После службы боец «руралес» получал в подарок от правительства коня и все снаряжение, за исключением винтовки и патронов.

«Руралес» должны были действовать как силы быстрого реагирования. Им в помощь Уэрта планировал создать более статичные отряды местной самообороны (вроде тех, которые неплохо проявили себя при обороне Дуранго в апреле 1913 года), финансируемые помещиками. Диктатор размышлял логично: пусть, вместо того чтобы принудительно давать деньги

³⁰ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press. 1972. P. 100

³¹ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press. 1972. P. 102

и фураж конституционалистам, «асиендадос» участвуют в защите своего имущества. Помещики в целом с восторгом восприняли инициативу правительства и обещали в кратчайшие сроки поставить под ружье несколько сотен тысяч ополченцев. В случае успеха этой модели противопартизанской борьбы Уэрта намеревался в кратчайшие сроки взять под контроль север Мексики. Если мелкие отряды нападали на асиенды, то местная самооборона должна была продержаться до подхода мобильного отряда «руралес», который преследовал отступавшего противника. Если революционеры объединялись в крупные части, то к «руралес» на помощь выступал гарнизон регулярной армии из ближайшего города. Так Уэрта надеялся решить фундаментальную проблему военной кампании: не дать партизанам возможности спокойно приводить в порядок свои силы прямо под боком у правительственных гарнизонов.

Стратегия Уэрты с военной точки зрения была абсолютно верной. Она не учитывала только психологического фактора, ставшего в этой войне ключевым. Ненависть к режиму была настолько сильна, что даже хорошее жалование не могло привлечь в ряды правительственных сил большого количества добровольцев. Помещики столкнулись с тем, что «их» пеоны просто отказывались защищать своих хозяев и часто, получив оружие, присоединялись к партизанам. На протяжении всего периода пребывания Уэрты у власти самыми боеспособными частями режима являлись бывшие революционеры Паскуаля Ороско. Но они дрались хорошо только потому, что доверяли своему командиру (а не Уэрте). К тому же основной противник ороскистов Вилья объявил, что не будет брать их в плен. Так что сторонники Ороско оказывались перед выбором – полная победа или смерть.³²

Помимо увеличения численности и поднятия боевого духа личного состава важной проблемой Уэрты было пополнение быстро сокращавшихся запасов оружия и боеприпасов. Их можно было приобрести только за границей и только за экспортные товары или в кредит. Сначала казалось, что режим находится здесь в гораздо более благоприятной ситуации, чем его противники. Хотя в США формально действовало эмбарго 1912 года на поставки оружия в охваченные внутренними волнениями страны, президент Вильсон вплоть до августа 1913 года удовлетворял все заявки Уэрты. Однако одержанные летом того же года блестящие победы конституционалистов (прежде всего Вильи) побудили американскую администрацию распространить эмбарго и на центральное правительство Мексики.

Уэрта отреагировал на это массовой конфискацией оружия у владельцев оружейных магазинов. Командующие войсками в штатах получили разре-

³² Напрашивается очевидная параллель с Гражданской войной в России. Прекрасно образованные и имевшие боевой опыт генералы белой армии так и не поняли социального характера войны, уповая на чисто военное решение коренных социальных проблем.

шение изымать оружие у любых частных лиц. Уэрта потребовал у властей США вернуть оружие тех военнослужащих мексиканской армии, которые под напором повстанцев перешли мексикано-американскую границу. Но все эти меры выглядели скорее как жесты отчаяния и не могли компенсировать большую убыль оружия, которое правительственных солдаты в массе оставляли при отступлении после проигранных сражений. В мае 1913 года губернатор Коауилы жаловался в Мехико, что «руралес» его штата полностью израсходовали боезапас и не могут преследовать даже мелкие группы повстанцев.

Диктатор решил срочно закупить оружие за границей. К лету 1913 года режим Уэрты признали, в отличие от США, основные европейские страны, включая Россию,³³ и Япония.³⁴ Тон здесь задавала Великобритания. Глава ее военно-морского ведомства Уинстон Черчилль как раз активно переводил английский флот с угля на мазут. А основным источником нефти были концессии уже упоминавшегося на страницах этой книги англичанина Пирсона в Мексике. Поэтому, исходя из своих экономических интересов в Мексике, Лондон признал Уэрту 31 марта 1913 года, что стало примером для остальных стран мира.

Используя свои внешнеполитические успехи, Уэрта направил в Европу (Англию, Францию, Германию, Бельгию и Испанию) своих представителей, которым поручалось закупить десятки тысяч винтовок и миллионы патронов к ним. В Японии удалось подписать контракт с одной из крупнейших военно-промышленных компаний того времени «Митцуи» на поставку 70 тысяч винтовок и 145 миллионов патронов к ним. В октябре 1913 года первые японские винтовки поступили в Мексику.

Однако для финансирования закупок за рубежом, как и всей тотальной войны в целом, Уэрте было необходимо много денег. Ранее главным источником доходов правительства служили таможенные сборы с основных экспортных мексиканских товаров. Но война на севере серьезно уменьшала этот экспорт, так как большинство грузов шло в США, а железные дороги к американской границе находились с лета 1913 года под постоянными ударами конституционалистов. Чем больше разрастался конфликт, тем больше правительству было нужно денег и тем меньше средств имелось в его распоряжении. Положение Уэрты осложнялось еще и тем, что от Мадеро он

³³ 19 февраля 1913 года Уэрта направил Николаю II следующую телеграмму: «Имею честь сообщить, что я сверг нынешнее правительство. Вашим подданным и собственности гарантирована безопасность». 18 июня министр иностранных дел России Сазонов предписал уведомить Уэрту, что Россия признает его правительство. См. Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910—1917 гг. М., 1972. С. 171

³⁴ Режим Уэрты признали также Франция, Испания, Китай, Австро-Венгрия, Германия и ряд других стран.

унаследовал практически пустую казну (хотя попытки обвинить убитого президента в том, что он расхищал средства, были лишены всяких оснований). По иронии судьбы, столкнувшемуся с серией мятежей Мадеро тоже приходилось тратить огромные средства на военные расходы, прежде всего на увеличение численности армии и «руралес».

Уэрта начал с того, что попытался быстро наладить ремонт железнодорожных экспортных путей и обеспечить их подвижным составом для бесперебойного экспорта. Однако война на севере вскоре приобрела такой размах, что, даже отремонтировав взорванные или разобранные повстанцами пути, правительственные войска не имели сил, чтобы охранять хотя бы основные магистрали. Летом 1913 года почти половина железных дорог Мексики уже не функционировала.³⁵ Акции американских компаний, добывавших в Мексике сырье, быстро пошли вниз на нью-йоркской бирже – ведь это самое сырье было почти невозможно из Мексики вывезти. Массовые реквизиции скота (еще один основной мексиканский экспортный товар) как повстанцами, так и правительственными войсками заставили многих скотопромышленников полностью свернуть свой бизнес.

Следует отметить, что до 1913 года революционные события в Мексике не оказали никакого негативного влияния на производство главных экспортных товаров страны. В 1910–1912 годах вооруженные стычки носили локальный характер, и все участвовавшие в них политические силы стремились беречь железные дороги и промышленные предприятия (если не считать тактику «выжженной земли», проводившуюся в Морелосе). Только в 1913 году боевые действия между правительственными войсками и конституционалистами приобрели тотальный характер и затронули всю территорию Мексики, кроме крайнего юга страны.

Это не замедлило сказаться на мексиканской экономике. Например, если в 1912 году было произведено 32 тонны золота, то в 1914 году – только 8 тонн. Добыча серебра за тот же период сократилась с 2,5 тысячи до 810 тонн. Пшеницы в 1912 году было выращено 321 тысяча тонн, в 1914 – 214 тысяч.³⁶

По мере того как мексиканская экономика приходила в полный упадок, многие банки страны стали резко ужесточать условия выдачи кредитов и требовать возврата ссуженных ранее средств. В стране начались массовая скупка золота (ведь формально мексиканский песо с 1905 года базировался на золотом стандарте, и купюры подлежали свободному обмену на драгоценный желтый металл) и вывоз его из страны. Правительство попыталось противодействовать этому путем введения 10%-ного налога на экспорт зо-

³⁵ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press. 1972. P. 179

³⁶ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 133

лота. Но большинство золота вывозилось нелегально, и налог почти никто не платил. Началось падение реальной стоимости мексиканской валюты. Если к началу гражданской войны за один доллар давали 49,5 сентаво, то к октябрю 1913 года – уже только 36.³⁷ Это удорожало стоимость импорта, без которого страна не могла обойтись. В результате Мексику захлестнула инфляция.

Уэрта пытался свернуть непроизводительные с его точки зрения государственные расходы. Многим правительственным служащим по всей стране прекратили платить зарплату. Было свернуто финансирование школ. Государство стало задерживать расчет по выделенным ранее частным фирмам заказам. Даже компания всесильного при Диасе Пирсона не получила оплату за выполненные ей работы по модернизации портовых сооружений Веракруса. Если раньше по традиции (не отмененной и Мадеро) государство субсидировало разного рода патриотические демонстрации и митинги, то теперь с этой практикой было почти покончено.

Правительство разослало циркуляр, разрешавший губернаторам прибегать к принудительному заимствованию средств у банков и частных лиц. Предполагалось, что эти «кредиты» будут погашаться 15 или 20 числа каждого месяца, после поступления налогов. Некоторые губернаторы, на глазок проведя оценку имущества обеспеченных граждан, обложили его налогом в 5%. Помимо таких «легальных» сборов военные командиры на местах проводили и свои собственные реквизиции, причем иногда даже не подтверждая изъятие средств расписками.

Но все эти меры тоже не спасали положения, и Уэрта прибегнул к самому легкому для любого военного времени методу пополнения казны – ускоренному печатанию бумажных денег. Первоначально устанавливалось, что любой новый бумажный песо должен был быть наполовину обеспечен запасами драгоценных металлов.³⁸ Однако в банки сразу ринулись толпы граждан, пытавшихся обменять бумажные деньги на серебро. Пришлось прекратить свободный размен на серебро, что еще больше подорвало доверие к национальной валюте. Помимо запуска федерального печатного станка Уэрта решил печатать дополнительные деньги и правительствам штатов, чем те с готовностью воспользовались. Стали выпускать собственные денежные знаки и крупные компании. В конце 1913 года американский консул в Дуранго сообщал, что в этом штате циркулирует 25 видов различных денег.

Естественно, эти суррогатные деньги никто не хотел принимать за пределами выпустивших их штатов, и многим приходилось ездить аж в столицу, чтобы там обменять местные деньги на федеральные.

³⁷ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 143

³⁸ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press. 1972. P. 182

Правительство Уэрты обратилось за помощью к ведущим банкам страны, и те предоставили 46,5 миллиона песо (после свержения диктатора они, конечно же, утверждали, что этот заем был принудительным). Узнав, что многие американские компании в Мексике прекратили платить налоги (ведь Уэрту не признавала администрация США), правительство обложило пошлиной в 50% импортные товары. Применялись и единовременные налоги на отдельные экспортные товары: например, зимой 1913 года был введен 3%-ный налог на кофе.³⁹ Радикальнейшим шагом правительства стало обложение 15%-ным налогом всех банковских депозитов, что ударило по самым обеспеченным мексиканцам. Уэрта рассматривал даже полную или частичную национализацию нефтяной отрасли. Однако все же не решился портить отношения с доминировавшими в ней англичанами.

К апрелю 1914 года в Мексике в обращении находилось 222 миллиона песо (сравним с 100 миллионами на момент свержения Диаса), выпущенных только федеральным правительством.

Финансовый хаос страны усугублялся еще и тем, что Карранса тоже решил прибегнуть к выпуску бумажных денег для финансирования собственной армии. Надо отметить, что конституционалисты быстро наладили систему контрабанды оружия из США в обмен на скот и серебро. В частности, Вилья смог набрать и хорошо вооружить крупный отряд потому, что вскоре после своего возвращения в Мексику ограбил поезд с серебром. Все партизанские командиры, как неоднократно отмечалось, проводили реквизиции денежных средств и товаров на подконтрольной им территории. Несмотря на эмбарго со стороны США, конституционалисты с помощью американских бизнесменов и чиновников спокойно закупали в этой стране большое количество оружия и боеприпасов. Вилья организовал систему массовой контрабанды, выплачивая фиксированную сумму за каждые винтовку и патрон.

Однако Карранса с первых дней своего движения стремился придать своей администрации максимум внешней респектабельности, тем более что только таким путем он мог обеспечить хотя бы какой-то контроль местных военачальников своей армии. Ведь военного авторитета, сравнимого с репутацией Вильи или Обрегона, у «верховного главнокомандующего» не имелось. А всякое правительство, по мнению Каррансы, должно было обязательно иметь свои деньги.

Если у Уэрты все же оставался Конгресс, в котором быстро сложился противостоящий правительству блок, то Карранса, хотя и боролся за Конституцию, правил абсолютно диктаторскими методами. Декреты он издавал на основе «чрезвычайных полномочий, которыми я себя наделил». По примеру того же Уэрты летом 1913 года Карранса разбил всю террито-

³⁹ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 184

рию страны на семь военных зон, каждой из которых командовал один из генералов армии конституционалистов. Все подчиненные командующему зоной отряды получали наименование корпуса.⁴⁰ Наиболее важными были следующие корпуса: Северо-Восточный (штаты Коауила, Нуэво-Леон и Тамаулипас) под командованием самого близкого Каррансе и самого неудачливого генерала конституционалистов Пабло Гонсалеса, Северо-Западный (Сонора, Синалоа, Чиуауа и Дуранго) под командованием Альваро Обрегона и Центральный (Сакатекас и все центральные и южные штаты), который возглавил Панфило Натера. Три эти корпуса до самого конца гражданской войны действовали в оперативном отрыве друг от друга, а летом 1914 года этот отрыв воплотился в настоящий политический раскол. Карранса признал самовольно присвоенные офицерские звания всех командиров отрядов конституционалистов, а также офицерские звания тех военнослужащих федеральной армии, которые не участвовали в свержении Мадеро.

Как упоминалось выше, 14 мая 1913 года Карранса возобновил действие декрета Хуареса от 25 января 1862 года, по которому все предатели родины подлежали смертной казни без суда. Предателями считались все, кто поддерживал Уэрту с оружием в руках. Именно этот декрет Каррансы привел к росту отчаянного сопротивления правительственных войск, так как их офицеров не разрешалось брать в плен.

Впоследствии пропаганда Каррансы живописала ужасы, которые творил на освобожденной им территории Панчо Вилья. В частности, смаковались массовые расстрелы пленных. Однако Вилья лишь выполнял приказ самого Каррансы. Просто, в отличие от «респектабельных» генералов вроде Обрегона, он проводил расстрелы не ночью, а открыто, часто в присутствии иностранных наблюдателей. Однажды Вилья обедал с посланцем Каррансы, когда привели двух захваченных в плен офицеров правительственных войск. Вилья приказал расстрелять их немедленно, что и было сделано на глазах высокого гостя. Обед при этом не прекращался. Карранса обо всем этом прекрасно знал – ему посылались регулярные отчеты о количестве расстрелянных пленных.

Вилья как раз стремился щадить жизни федеральных солдат и офицеров-специалистов, если они соглашались вступить в его войска. Однажды он помиловал пленных артиллеристов, в которых крайне нуждался. Однако Карранса, узнав об этом, выговорил своему генералу за нарушение декрета Хуареса от 1862 года.

Что касается финансовой политики, Карранса не очень охотно шел на принудительные кредиты, ведь потом, после победы их пришлось бы отдавать. Поэтому он, как и Уэрта, приступил к выпуску бумажных денег. 26 апреля 1913 года конституционалисты напечатали свои первые банкноты

⁴⁰ ...Y nos fumos a la revolucion. Mexico, 1987. P. 68

на общую сумму в 5 миллионов песо.⁴¹ До конца года они выпустили дензнаков еще на 15 миллионов, а в начале 1914 года – еще на 10. Как и генералы Уэрты, генералы конституционалистов выпускали собственные деньги с ведома и при поощрении со стороны командующего. Шесть штатов, в которых часть территории контролировали назначенные Каррансой губернаторы, также выпускали собственные деньги. Зачастую на территории одного и того же штата ходили банкноты не признававших друг друга губернаторов. Сам Карранса считал, что в ходе гражданской войны конституционалисты выпустили бумажных денег в общей сложности на 60 миллионов песо.

Деньги Каррансы выглядели весьма симпатично, однако на некоторых купюрах не имелось даже даты выпуска и подписи гарантирующего их стоимость лица или органа. Среди населения эти банкноты прозвали «билимбуками». (Американский предприниматель Уильям Вик раньше выпускал в Соноре для расплаты с рабочими собственные деньги, на которых не было ничего, кроме его имени и фамилии, а эти два слова мексиканцы произносили на свой лад – «Билим Бук».)

Однако Карранса решил вопрос признания своих денег просто, но не демократично: тех, кто отказывался их принимать, расстреливали.

Таким образом, уже к лету 1913 года из-за войны в полный упадок пришла внешняя и даже внутренняя торговля Мексики, что сузило финансовую базу правительства Уэрты. Кредитов из США ожидать не приходилось, поскольку Вильсон вообще отказывался говорить о признании генерала и требовал скорейшего проведения в Мексике свободных президентских выборов.⁴² Причем в качестве условия американцы требовали, чтобы на этих выборах сам Уэрта не выдвигал свою кандидатуру.

Уэрта не желал обсуждать эти условия, потому что согласно Конституции он как временный президент и так не имел права участвовать в выборах. Сами же выборы он 1 мая 1913 года пообещал провести уже ближайшей осенью, озвучив точную дату – 26 октября, но только если к этому времени военные действия полностью прекратятся. 27 мая 1913 года президент Вильсон подготовил послу Вильсону в Мехико инструкцию, в которой говорилось, что дата представляется Вашингтону слишком «отдаленной». Если Уэрта согласится на более близкие сроки и гарантирует свободное волеизъявление граждан, то США возьмут на себя функцию посредника в переговорах между Уэртой и восставшими штатами.⁴³ Однако инструкцию Вильсон так и не

⁴¹ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 75

⁴² Идею проведения в Мексике новых выборов под эгидой Конгресса предложил госсекретарю Брайану уже упоминавшийся выше директор «Сазерн Пасифик Рейлроуд» Круттшмитт.

⁴³ Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 89

послал, решив сначала все же направить в Мексику вышеупомянутого Хейла, который должен был на месте оценить запутанную ситуацию в стане.

Уэрта, похоже, понимал, что от президента Вильсона не приходится ждать ничего хорошего, и оттого полагал, что и сам ничего не должен гарантировать северному соседу.

15 июня 1913 года посол Вильсон получил инструкцию с изложением политики США в отношении Мексики. В документе прямо указывалось, что, по мнению Вашингтона, «временное правительство» Мексики не способно установить мир в стране, так как не пользуется доверием со стороны собственного населения.⁴⁴

В августе 1913 года посол был снят с должности. Президент США не назначил ему преемника, поручив ведение текущих дел второму секретарю посольства. Дел у того было не очень много, так как само правительство Уэрты еще в мае 1913 года сузило контакты с посольством США до необходимого минимума.

В этих условиях Уэрта принял решение срочно осуществить заем крупных средств в Европе. Помимо прямой цели – пополнить пустую казну – зарубежный кредит подчеркнул бы доверие внешнего мира к режиму, уже не контролировавшему даже половины территории собственной страны. В отличие от Каррансы, Уэрте пришлось заручиться согласием Конгресса на проведение переговоров об иностранном займе. Так как в парламенте было много сторонников Каррансы, а треть будущего кредита предполагалось потратить на военные цели, то неудивительно сопротивление, с которым Уэрта столкнулся в парламенте. Только через семь недель дебатов, во время которых военное положение Уэрты сильно осложнилось, Конгресс разрешил занять на мировых рынках 200 миллионов песо не больше чем под 6% годовых.⁴⁵

Это была почти невыполнимая задача. Ведь правительство вело полномасштабную войну, что не могло, конечно же, укрыться от потенциальных кредиторов. Тем более что как только эмиссары Уэрты приступили к переговорам в деловых столицах тогдашнего мира – Лондоне и Париже, выяснилось, что непременным условием выделения нового кредита будет погашение предыдущего займа в 41 миллион песо, который взяло еще правительство Мадеро. Переговоры осложнялись еще и заявлением, сделанным в Вашингтоне представителем конституционалистов: в случае победы они не будут платить по долгам Уэрты. Тем не менее 8 июня 1913 года Мексике удалось подписать в Париже соглашение о кредите в 20 миллионов фунтов

⁴⁴ Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 91

⁴⁵ Meyer M. Huerta. *A political portrait*. Lincoln, University of Nebraska Press. 1972. P. 185

стерлингов, который предоставлял консорциум из французских, британских, германских и даже американских банков. В Мехико это событие было немедленно и широко использовано для пропаганды якобы укрепившегося внешнего рейтинга правительства Уэрты.

На самом деле условия кредита оказались таковы, что большая его часть так и не дошла до страны. По условиям договора немедленно выделялось только 6 миллионов фунтов (60 миллионов песо). Остальные 14 миллионов фунтов банки собирались предоставить позднее в зависимости от финансовой (читай – политической) ситуации в Мексике. Погашение 6 миллионов должно было быть произведено регулярными траншами в течение 10 лет, а в качестве гарантий резервировалось 38% импортных таможенных сборов страны. Из 60 миллионов полученных в Париже песо 41 миллион пришлось сразу же отдать в счет погашения кредита Мадеро. 7,5 миллиона пошли на погашение долгов Национальным железным дорогам (которых когда-то за счет бюджета «мексиканизировал» Лимантур). 6 миллионов получили посредники, которые организовали сам кредит. После ряда других неизбежных выплат в бюджет поступило лишь 1,5 миллиона, в то время как только на выплату жалованья армии уходило 3,5 миллиона песо в месяц. Текущий дефицит федерального бюджета Мексики превысил в августе 1913 года 6 миллионов песо.⁴⁶

В конце лета 1913-го правительство Уэрты активно приступило к переговорам о выделении следующей части июньского кредита – 50 миллионов песо – еще до конца года. Но к тому времени военное положение в Мексике коренным образом изменилось не в пользу правительства. И произошло это прежде всего благодаря победам Панчо Вильи.

Через три месяца после возвращения в Мексику Вилья командовал отрядом примерно в 700 человек. Эти люди были не только прекрасно вооружены за счет контрабандных закупок оружия в США, но и хорошо обучены, о чем позаботился взятый Вильей на службу бывший офицер федеральной армии Хуан Медина. Позднее свой отряд в 500 человек добровольно поставил под командование Вильи также носивший титул генерала Торибио Ортега, воевавший еще против Диаса в 1910–1911 годах. Мануэля Чао Панчо буквально заставил подчиниться себе в военном отношении. Объяснение вышло жарким, оба схватились за пистолеты. Вилья оказался быстрее, и под дулом револьвера Чао все же сдался. По мексиканскому обычаю после столь бурного диалога генералы торжественно обнялись, формально положив конец ссоре.

Возможно, решения Чао и Ортеги были вызваны отнюдь не только хорошим снабжением отряда Вильи или убедительной силой его пистолета. Как

⁴⁶ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 187

уже упоминалось, к тому времени в Чиуауа навел порядок сам Ороско, который, прежде чем триумфально войти в столицу штата в июле 1913 года, разбил несколько отрядов местных командиров конституционалистов, в том числе, кстати, и отряд любимчика Каррансы Чао. После этого многие повстанцы считали, что положение может спасти только Вилья, оставшийся «небитым». В августе 1913 года положение революционеров Чиуауа еще более осложнилось: ободренные прибытием Ороско местные помещики приступили к формированию антипартизанских отрядов.

Сам Карранса тоже не мог похвастаться военными успехами. В конце мая 1913 года правительственные войска начали наступление на город Монклоу в Коауиле, где находилась штаб-квартира «верховного главнокомандующего». Однако южнее Панфило Натера на короткое время захватил Сакатекас, и правительственным войскам пришлось перебросить часть сил туда. Карранса получил передышку примерно на месяц, но не смог использовать эту паузу в своих целях. Весь июнь 1913 года отряды революционеров под командованием Пабло Гонсалеса без всякого плана передвигались по Коауиле, вместо того чтобы концентрированным ударом занять столицу штата. И это несмотря на явную пассивность расквартированных в штате немногочисленных федеральных войск.

10 июля 1913 года федеральные войска, усиленные подкреплениями с юга, захватили Монклоу, что можно считать по крайней мере серьезным пропагандистским успехом Уэрты.⁴⁷ В оправдание своего отступления повстанцы утверждали, что федералов было в три раза больше. Командующий федеральным контингентом генерал Маас утверждал то же самое, только с точностью до наоборот. Таким образом, в июле конституционалисты потерпели чувствительные поражения в Коауиле и Чиуауа. Только в отдаленной Соноре Обрегон твердо удерживал северную часть штата вместе со столицей.

Карранса почел за благоразумное решение покинуть родной штат, передав командование там своему брату Хесусу и Пабло Гонсалесу. Но он все еще жаждал славы и решил по дороге возглавить наступление на крупнейший железнодорожный узел севера Мексики и столицу хлопководства страны – Торреон. Этот город был своего рода главной тыловой базой снабжения всех правительственных сил, оперировавших на севере. Его захват сразу давал конституционалистам стратегическое преимущество в войне. Ведь в случае падения Торреона части Ороско на севере, равно как и все федеральные гарнизоны Чиуауа, Коауилы и Дуранго, оказывались без снабжения, и их поражение становилось делом времени. Уэрта тоже прекрасно понимал стратегическое значение Торреона, и город был довольно хорошо укреплен.

В окрестностях Торреона, гарнизон которого насчитывал в конце июля 1913 года примерно 4500 человек, действовали отряды конституциона-

⁴⁷ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist Years. Austin, 1972. P. 44

листов общей численностью в 6500 бойцов.⁴⁸ У них фактически не было единого командования, и Карранса, прибыв под Торреон, взял его на себя. Он ошибочно полагал, что гарнизон Торреона немногочислен и давно деморализован. 21 июля повстанцы начали серию атак на город, но в течение последующих десяти дней все они были отбиты с большими потерями для нападавших. Карранса покинул окрестности Торреона и продолжил путь на запад, в Сонору, куда он решил перенести свою штаб-квартиру.

Примечательно, что Карранса мог бы попасть в этот штат быстро и комфортно, используя поезд и территорию США. Однако ни разу за время войны нога Каррансы не ступила на американскую землю. Глава конституционалистов не доверял американцам, которые, по его мнению (в общем, справедливому), только и искали повод вмешаться в мексиканскую гражданскую войну в собственных интересах. К тому же, не имея за спиной громких побед, Карранса не хотел даже временно переезжать в США, чтобы не дать Уэрте предлога обвинить его в трусости. Поэтому он предпочел почти трехмесячный и полный лишений путь в Сонору через труднопроходимые горы Сьерра-Мадре. Причем большую часть пути этот уже пожилой человек проделал в седле.

Двухмесячный период после неудачного штурма повстанцы, действовавшие вокруг Торреона, использовали для приведения своих весьма потрепанных отрядов в порядок. Однако своими силами город они взять даже не пытались и решили обратиться за помощью к Панчо Вилье. Тот согласился и 26 сентября 1913 года на собрании всех основных командиров конституционалистов штатов Чиуауа и Дуранго был избран верховным главнокомандующим сил, намеревавшихся захватить Торреон. С этого дня Вилья свел все подчиненные ему отряды в единую воинскую часть, получившую название «Северной дивизии». Вспомним – точно так же назвал свои войска Уэрта, годом раньше воюя с Ороско в этих же местах.

Всего к началу решающей операции гражданской войны Вилья сосредоточил под своим командованием самые крупные силы из имевшихся к тому времени в рядах конституционалистов. Он вел на Торреон примерно 8 тысяч бойцов.⁴⁹ Его люди были хорошо вооружены, хотя повстанцам не хватало основного средства прорыва эшелонированной обороны – артиллерии.

Гарнизон Торреона состоял из регулярной армии и «руралес», которые предпринимали постоянные вылазки в окрестности. Командующий гарнизоном 77-летний генерал Игнасио Браво требовал от Уэрты прибытия дополнительных подкреплений, которые были ему обещаны, но фактически так и не добрались до города. Самого Браво Уэрта заменил 1 сентября на генерала помоложе – Эутикио Мунгую. Последний считался более актив-

⁴⁸ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 45

⁴⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 215

ным офицером и даже начал осторожные наступательные операции в конце сентября.

Когда примерно в то же время к городу подтянулись отряды Вильи, Мунгуя переоценил собственные силы и серьезно недооценил силы противника. Поэтому он послал одного из своих офицеров с отрядом всего в 500 человек выбить повстанцев из окрестностей Торреона. Отряд был наголову разгромлен Вильей, и Мунгуе пришлось скрывать эту печальную новость от собственного гарнизона, чтобы предотвратить дезертирство.⁵⁰

Перед прибытием под Торреон Вильи Мунгуя отправил на север по железной дороге большой отряд генерала Кастро, усиленный артиллерией. В подходящий момент этот отряд должен был развернуться и с севера ударить в тыл осаждавшим Торреон конституционалистам.

Свою собственную оборонительную стратегию Мунгуя построил на размещенной на холмах вокруг Торреона артиллерии, которая должна была отбивать конные атаки вильистов. Оставалось лишь продержаться пару дней до подхода Кастро и взять измотанного фронтальными атаками Вилью в смертельные клещи. Однако Вилья на это самоубийство не пошел, а стал постепенно занимать холм за холмом внезапными ночными бросками. К 1 октября 1913 года все окрестные холмы оказались в руках нападавших, и у Мунгуи сдали нервы. Генерал не стал даже рассматривать возможность дальнейшей обороны и приказал отступать. И это несмотря на то, что в результате контратаки правительственным войскам удалось добиться некоторых успехов.

Одним из первых бежал из Торреона бывший командир гарнизона генерал Браво. Из города потянулась беспорядочная колонна повозок, автомашин и просто пеших беженцев. Многие жители были насышаны о крутом нраве Вильи и опасались повторения печальных событий в Дуранго. А в это время обещанные Уэрттой подкрепления были еще в сотнях километрах от Торреона. В море между Веракрусом и Тампико двигались корабли, нагруженные боеприпасами для осажденного гарнизона. Центральное правительство явно и не предполагало, что такой укрепленный узел, как Торреон, падет всего на третий день осады.

После того как войска Мунгуи в панике бежали из Торреона, генерал попал под трибунал и был осужден за трусость.

Одной из причин взятия Торреона Вильей была абсолютная военная некомпетентность генерала Кастро. Тот начал продвигаться на юг, но не смог даже взять небольшой город Камарго, занятый немногочисленным отрядом вильистов. Генерал ухитрился так расположить свою артиллерию, что под ее огонь попала своя же пехота. Едва удалось предотвратить всеобщее восстание солдат, возмущенных бездарностью Кастро.

⁵⁰ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa, Stanford University Press, 1998. P. 216

И все же, несмотря на некомпетентность федерального командования в Торреоне, двумя месяцами раньше Карранса ничего не смог поделаться с этими же самыми противниками. Вилья отличался от своего главкома тем, что действительно сумел установить в своих войсках жесткую дисциплину. При необходимости он лично расстреливал трусов и паникеров. Вилья бросал войска в ночные атаки, а днем его солдаты продолжали наступление, не давая федералам прийти в себя. Такую тактику Вилья и Ороско уже использовали в мае 1911 года при захвате Сьюдад-Хуареса. И уставшие, измотанные солдаты повиновались своему новому вождю, так как за спиной у Вилья было много побед, чем не мог похвастаться «верховный главнокомандующий».

Когда первые революционные отряды вошли в Торреон в ночь на 1 октября 1913 года, казалось, что сбываются самые мрачные предчувствия мирных жителей. Сразу же были разграблены несколько магазинов. Американский консул видел в некоторых разоренных лавках сброшенную победителями старую одежду – прямо в магазине ее меняли на новую.⁵¹ Однако это были, как выяснилось, отдельные эксцессы. Уже утром в Торреоне царил идеальный порядок, а все магазины охранялись постами революционеров. Американский консул Каротерс оценивал суммарный ущерб от грабежей примерно в 500 тысяч песо и сообщал, что это лишь 5% того, чего ожидали жители Торреона.⁵² Вилья отдал указание распределить среди бедных граждан одежду и продовольствие.⁵³

В результате сражений за Торреон были убиты 800 бойцов правительственных войск (в основном сторонники Ороско – их Вилья в плен и не брал), 120 человек попали в плен.⁵⁴ Согласно декрету Хуареса от 1862 года 19 пленных офицеров были расстреляны.⁵⁵ Однако раненых офицеров Вилья отправил в госпиталь.

Взятие Торреона стало, как оказалось, переломным моментом гражданской войны, поскольку конституционалисты впервые разбили в открытом бою действительно сильную федеральную армию, причем опиравшуюся на заблаговременно подготовленную оборону. Войска Вильи смогли захватить в городе огромные запасы боеприпасов и 16 орудий, которых так не хватало конституционалистам (среди трофеев оказалась и огромная пушка под названием «Эль Ниньо» – «ребенок»). Однако в то время многие в Мехико считали потерю Торреона досадной случайностью, которая объяснялась

⁵¹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 217

⁵² В США с удовлетворением отметили, что войска Вильи не покушались на собственность американских граждан в Торреоне.

⁵³ Guzman M. L. Memoirs of Pancho Villa. Austin, 1975. P. 105

⁵⁴ Guzman M. L. Memoirs of Pancho Villa. Austin, 1975. P. 105

⁵⁵ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья. М., 1962., С. 92

прежде всего трусостью генерала Мунгуи, а не превосходством отрядов Вильи. По крайней мере, так хотели видеть события сторонники режима.

Для Уэрты сдача Торреона грянула словно гром среди ясного неба. Генерал знал Вилью как неплохого командира небольшого вспомогательного кавалерийского отряда, однако отказывался видеть в нем стратегический или даже тактический талант. На суде командир гарнизона Мунгуя оправдывался тем, что вильисты имели большое превосходство в численности, а его собственные солдаты были деморализованы. Но больше всего Уэрту поразило утверждение Мунгуи о том, что по уровню боевой выучки конституционалисты превосходили наспех набранных в южных штатах рекрутов торреонского гарнизона. Суд не смог принять никакого решения, заявив, что оно не в его компетенции.⁵⁶

Уэрта двинул на освобождение Торреона хорошо оснащенную колонну федеральных войск во главе с лучшим генералом мексиканской армии Веласко, единственным, к кому с уважением относились и конституционалисты. Одновременно Уэрта надеялся, что горячий характер и неопытность Вильи заставят того совершить необдуманные действия в угаре победы. Казалось, что президент правильно просчитал ситуацию.

После взятия Торреона, оставив там отряд прикрытия, Вилья двинулся по железной дороге на север, чтобы захватить с ходу столицу Чиуауа – Сьюдад-Чиуауа. Некоторые его командиры не рекомендовали атаковать город. Во-первых, он был хорошо укреплен. Во-вторых, командир гарнизона генерал Меркадо был гораздо более опытным и смелым военачальником, чем Мунгуя. И самое главное – гарнизон Чиуауа состоял из закаленных в боях ороскистов, уроженцев северных штатов, поднаторевших в борьбе с Вильей еще с 1912 года.

Однако Вилья все же решился атаковать столицу штата, надеясь, что ее гарнизон будет подавлен известием о падении Торреона. 1 ноября 1913 года он предложил Меркадо капитуляцию и, получив отказ, начал штурм. Но на сей раз атака захлебнулась под хорошо продуманным пулеметным и артиллерийским огнем, а перешедшие в контрнаступление после шестичасового боя ороскисты отбросили нападавших от города. В ряде мест отступление отрядов Вильи стало напоминать бегство. Меркадо сообщал в Мехико о триумфе «героической «Северной дивизии» (по иронии судьбы, части федералов в Чиуауа носили то же название, что и группировка Вильи).

Вилья действительно оказался в крайне сложном положении. Отступить на юг было опасно, так как к Торреону как раз подходили свежие войска Веласко, и не возникало сомнений, что они отобьют город. На севере от Сьюдад-Чиуауа располагался крупный правительственный гарнизон

⁵⁶ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 106

Сьюдад-Хуареса, который еще не участвовал в боях. К тому же Сьюдад-Хуарес находился прямо на границе с США, и американцы могли воспользоваться сражением за этот город как предлогом для интервенции в Мексике. Куда бы ни отходил Вилья от Сьюдад-Чиуауа, он рисковал попасть в клещи, тем более что федералы могли перебрасывать войска по железной дороге довольно быстро. В Мехико считали, что окончательный разгром Вильи является делом нескольких дней.

Но тут Вилья применил ход, не описанный ни в одном учебнике военной тактики. Его отряд захватил поезд, на котором перевозился уголь между Сьюдад-Хуаресом и Сьюдад-Чиуауа. От имени начальника поезда в Сьюдад-Хуарес было передано телеграфное сообщение о появлении поблизости отрядов Вильи. В ответ пришел логичный приказ немедленно возвращаться, периодически информируя о месте нахождения поезда. Вилья погрузил в вагоны около 2 тысяч бойцов, и поезд направился обратно на север. На каждой крупной станции под дулом пистолета телеграфисты сообщали, что поезд с углем следует без происшествий. Ночью 15 ноября 1913 года поезд прибыл на вокзал Сьюдад-Хуареса, и захваченный врасплох гарнизон капитулировал без единого выстрела. Даже если сообщения о приближении вильистов и поступили бы вовремя, способность гарнизона к активному сопротивлению была более чем спорной: большинство офицеров проводили ночи в увеселительных заведениях в соседнем американском Эль-Пасо.⁵⁷

Американцев опять приятно поразил жесткий порядок, установленный Вильей в городе. После столь дерзкого захвата Сьюдад-Хуареса Вилья стал героем американской прессы. Его стали называть лучшим генералом конституционалистов. Вилья приказал помиловать командира гарнизона генерала Франсиско Кастро, который в 1912 году отменил приказ о расстреле самого Вильи Уэртой. Кастро было разрешено перебраться в США. Местные революционеры передали Вилье список 128 активных сторонников Уэрты, ответственных за репрессии в городе. Однако Вилья распорядился помиловать их, чтобы не запачкать репутацию революции.⁵⁸

Узнав о неожиданном захвате Сьюдад-Хуареса, Ороско потребовал от генерала Меркадо разрешения немедленно выступить на север и отбить город, пока вильисты еще нежатся в лучах победы. Но Меркадо колебался, и когда Ороско все-таки получил разрешение выступить на север, Вилья был готов к бою. Правда, его войска устали, к тому же Вилья не хотел сражаться прямо в городе, чтобы не провоцировать американцев. Исходя из этого, командир конституционалистов принял парадоксальное решение дать бой подходившим частям Ороско прямо в полупустыне, недалеко от городка Терра-Бланка, примерно в двадцати милях к югу от Сьюдад-Хуареса.

⁵⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 224

⁵⁸ Guzman M. L. Memoirs of Pancho Villa. Austin, 1975. P. 114

Перед рассветом 23 ноября 1913 года ночевавшие на улицах города солдаты получили приказ немедленно выступать, причем «без женщин». Это означало, что предстоит серьезная битва. Войска (около 6200 человек) двигались, не соблюдая строя, за исключением костяка вильистов, которых Вилья недавно привел под Торреон. Однако большинство солдат служили в частях Вильи совсем недавно, и трудно было предугадать, как поведут они себя в бою на открытой местности.

Вилья выбрал удачную позицию на холмах, перед которыми простирались сыпучие дюны, сковывавшие возможные атаки неприятельской кавалерии. Бой начался 23 ноября, когда федеральные войска (в основном ороскисты)⁵⁹ высадились из поезда и немедленно бросились в атаку. Первый день был ужасным для вильистов. Вражеская артиллерия наносила им мощные удары, а войска под руководством одного из лучших генералов Ороско Салазара дрались очень упорно.⁶⁰ Казалось, вот-вот – и вильисты не выдержат натиска. Но на второй день Вилья бросил свою кавалерию во фланг противника, и Салазар стал отходить, боясь попасть в окружение. Вильисты начали бить по отступавшим шрапнелью, и вскоре отход федеральных сил превратился в бегство. Федеральные силы потеряли более тысячи человек убитыми. Три поезда достались Вильи в качестве трофея.⁶¹ Интересно, что Вилья применил тот же самый эффектный прием, что и Салазар годом раньше: он направил начиненный динамитом состав на поезд врага.

Сражение под Терра-Бланкой оказалось полной победой над лучшими частями федеральных войск – ветеранами-ороскистами. Вилья приказал расстрелять всех захваченных в плен сторонников Ороско и двинулся на юг, чтобы снова попытаться захватить столицу штата. Карранса прислал своему генералу поздравительную телеграмму. Однако мало кто увидел тогда в этой блестящей победе слабые стороны военного дарования Вильи, которые вскоре предопределили сокрушительное поражение этого командира в гражданской войне. Прежде всего, Вилья не имел обыкновения оставлять резерв на случай непредвиденного развития событий. В ходе боя он перебрасывал части с одного участка на другой, что в условиях плохой связи и неважной дисциплины многих командиров было весьма нелегким делом. Фланговые кавалерийские атаки рассчитывались только на внезапность. В случае же применения противником грамотно выстроенной обороны с достаточным количеством пулеметов такие атаки могли привести к гибели лучшей конницы в считанные минуты. Наконец, Вилья пока еще не умел грамотно располагать собственную артиллерию.

⁵⁹ По оценкам Вильи, ороскистов и федералов было примерно 5500 человек.

⁶⁰ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 107

⁶¹ Guzman M. L. Memoirs of Pancho Villa. Austin, 1975. P. 122

25 ноября 1913 года в Сьюдад-Чиуауа вернулись остатки разгромленной армии Ороско. Генерал Меркадо пал духом и принял решение сдать город без боя. Напрасно богатые жители Чиуауа (и многие бедняки, поддерживавшие Ороско) пытались уговорить генерала сражаться. Жители города даже предложили полностью взять войска Меркадо на довольствие: они боялись, что, взяв город, Вилья будет мстить за своего убитого друга – бывшего губернатора Абрахама Гонсалеса. Для паники со стороны Меркадо было не очень много оснований. Войска Вильи также понесли большие потери при Терра-Бланке и вряд ли были готовы испытать нечто подобное при лобовых атаках столицы штата. К тому же федеральные войска под командованием Веласко уже почти подошли к Торреону, из которого они смогли бы по железной дороге быстро подоспеть на помощь защитникам Сьюдад-Чиуауа.

Но Меркадо уже не верил в победу, и отряды ороскистов стали покидать город (ведь они не могли рассчитывать даже на плен) и переходить к партизанской войне. Оставив в городе около 200 человек для охраны общественного порядка вплоть до подхода Вильи, Меркадо с большим обозом, в котором было много мирных жителей (включая прежних некоронованных королей Чиуауа Луиса Террасаса и Энрике Криля), 27 ноября начал полное лишения отступление на северо-запад, к пограничному городу Охинага.⁶² Это был последний город в штате Чиуауа, находившийся к началу 1914 года в руках правительства. Сперва отступавшие двигались на поезде, но партизаны разобрали рельсы, и совсем недалеко от Сьюдад-Чиуауа пришлось спешиться. Дальше путь пролегал по безводной местности, и припасы стали подходить к концу. Большую часть амуниции и вооружений солдаты сожгли, не в силах нести их на себе. 12 декабря оборванные и истощенные федералы добрались до Охинаги. Пока Меркадо приходил в себя, отряды Ороско начали совершать вылазки в окрестные городки и деревни. Однако теперь уже они, а не Вилья были на положении партизан.

А вот в соседней Коауиле дела конституционалистов не поправились и после отъезда оттуда Каррансы. Этот штат имел принципиальное отличие от соседних Соноры и Чиуауа.

В Соноре, как уже упоминалось, восстание против Уэрты подняло местное правительство (кстати, и сами тамошние революционеры предпочитали, чтобы их именовали официально – «войска штата»). С самого начала конституционалисты контролировали столицу и основную часть территории. Их войска получали хорошее жалование, а оружие шло из США. В Чиуауа, наоборот, восстание было спонтанным, народным, что в сочетании с популярностью Вильи позволило превратить партизанскую войну в регулярную.

⁶² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 228

В Коауиле не было ни дружественного конституционалистам правительства штата, так как губернатора Каррансу быстро выбили из столицы и крупных городов, ни спонтанного народного восстания. Военный руководитель восстания в Коауиле генерал Пабло Гонсалес был человеком невоенным и никто не находил в нем задатков военачальника-самородка, каковыми в изобилии обладали Обрегон в Соноре и Вилья в Чиуауа.

Несмотря на то, что федеральные генералы в Коауиле тоже не отличались стремительностью маневра, весь июль и август 1913 года после взятия ставки Каррансы в Монклове они медленно, но верно продвигались на север и 7 октября заняли важный пограничный город Пьедрас-Неграс. Фактически весь штат, по крайней мере его основные населенные пункты и железные дороги, перешел под контроль Уэрты. Выбитые из Коауилы революционеры отступили в соседний штат Нуэво-Леон и решили компенсировать свои неудачи взятием его главного города, металлургической столицы Мексики Монтеррея.

Однако среди руководства тамошних повстанцев разгорелась нешуточная борьба за власть, главными участниками которой были генералы Лусио Бланко и Хесус Кастро. А тут еще подошла из Коауилы «армия» Пабло Гонсалеса, которого Карранса назначил командующим всеми силами конституционалистов на северо-востоке Мексики. Но Бланко не пожелал ставить свой отряд под командование человека, проигравшего все основные бои и выбитого федеральными войсками из родного штата. С полным на то правом Бланко считал себя гораздо более толковым военачальником, чем Гонсалес. В конце концов, в спор был вынужден вмешаться сам «верховный главнокомандующий», который отозвал Бланко в Сонору.

Гонсалес стал постепенно стягивать кольцо осады вокруг Монтеррея. 23 октября он начал атаку на город, рассчитывая, что к ней скоро присоединятся около 3 тысяч бойцов, ранее находившихся под командованием Бланко. Однако по неизвестным причинам они так и не появились. В течение первого же дня наступления революционерам удалось ворваться в Монтеррей и прижать его защитников к самому центру города. Но 24 октября на выручку гарнизона подоспели подкрепления из столицы Коауилы Салтильо, и Гонсалес приказал отступать.⁶³ Его солдаты успели захватить большое количество снаряжения, но на фоне общей неудачи наступления это не очень утешало командира.

Не добившись победы под Монтерреем, Гонсалес стал оттягивать свои войска на юг в штат Тамаулипас, где было меньше федеральных сил. Собрав около 5 тысяч бойцов, Гонсалес сначала занял город Линарес, а с 14 ноября 1913 года приступил к осаде главного города штата Виктории. Гарнизоном командовал генерал Рабаго (тот самый, который арестовал губернатора

⁶³ Cumberland C.C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 48

Чиуауа Абрахама Гонсалеса; в июне 1913 года он был снят с должности командующего федеральными силами в штате Чиуауа). Благодаря активной пропаганде, живописующей зверства революционеров, Рабаго удалось мобилизовать как собственные войска, так и большую часть населения Виктории. Около 500 мирных жителей взяли в руки оружие, чтобы помочь защитникам города. Гонсалесу пришлось столкнуться с упорной обороной. Численное превосходство осаждавших все же сказалось, но только после двух дней упорных боев конституционалисты вступили в сильно разрушенный, объятый пожарами город. Вместе с остатками гарнизона из Виктории ушли примерно две тысячи мирных жителей.

Странно, что Рабаго не стал отступать по хорошей дороге на юго-восток к порту Тампико, а избрал труднопроходимый путь через горы. Видимо, он рассчитывал, что преследовать его не станут. Однако условия пути были настолько тяжелыми, что большая часть мирных жителей вернулась обратно в Викторию, а сами солдаты бросили много снаряжения, которое затем подобрали революционеры.

Гонсалес двинулся на Тампико, но тамошний гарнизон оказался ему не по зубам, и важный атлантический порт еще на несколько месяцев остался в руках правительства.

Вторая половина 1913 года на северо-западном театре военных действий в Соноре не отличалась столь жестокими и стратегически важными сражениями, какие имели место в Чиуауа и Коауиле. В единственном штате, с самого начала боев находившемся в руках конституционалистов, возникли серьезные внутренние разногласия. В июле 1913 года из «отпуска по состоянию здоровья» вернулся законный губернатор Сонары Майторена. Большинство членов высшего военного руководства Сонары, в первую очередь генералы Хилл и Кальес, продолжали считать его трусом и настаивали, чтобы Майторена не возвращался. Однако главный военный гений Сонары Альваро Обрегон неожиданно поддержал возвращение блудного сына. Дело в том, что у самого Обрегона тогда уже испортились отношения с временным губернатором Пескейрой. Тот, например, отказался наказать офицера, который угрожал Обрегону расправой во время боевых действий. Генерал надеялся, что Майторена и Пескейра займутся друг другом и оставят его в покое.

28 июля 1913 года основные военачальники Сонары собрались на совещание, чтобы решить, кто же станет (или останется) губернатором штата. Позиции Пескейры были более предпочтительными, но Майторена все же отстоял свои права и вновь занял пост. При этом контроль за военными действиями был оставлен в руках Обрегона.⁶⁴

⁶⁴ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 47

Последний, хороший генерал, оказался еще и опытным политиком. Обрегон пригласил Каррансу приехать в Сонору, и «верховный главнокомандующий», которого теснили федералы в его родном штате, с благодарностью согласился. Генерал встретил Каррансу 14 сентября 1913 года в местечке Сан-Блас, штат Синалоа, как только тот спустился с гор Сьерра-Мадре.⁶⁵ Узнав, что окопавшийся в порту Гуайямас генерал Охеда планирует выслать для его захвата колонну солдат, Карранса испугался и попросил Обрегона о крупном военном эскорте. Обрегон немедленно его предоставил и сопровождал Каррансу в его дальнейшем пути на поезде в столицу Соноры Эрмосильо. С этого времени Обрегон стал любимым генералом Каррансы, что уже вскоре сыграло свою роль в мексиканской истории. Майторена всячески пытался обойти Обрегона в изъявлении верноподданнических чувств по отношению к Каррансе, но это ему не удалось. Губернатор не сумел даже достать автомобиль для передвижений «верховного главнокомандующего», так как единственное авто оказалось сломанным, а толкового механика не нашлось.

Заняв в мае 1913 года всю территорию Соноры за исключением порта Гуайямас, войска Обрегона вышли к границе штата Синалоа. Политическая ситуация там была непростой. В феврале 1913 года губернатор штата Риверос признал Уэрту, но тот снял его с должности. После этого Риверос перешел в лагерь конституционалистов, и Карранса вновь назначил его губернатором. Обрегон поначалу не хотел сотрудничать с Риверосом, но вернувшийся Майторена был на сей счет иного мнения: ведь он сам тоже повел себя в феврале 1913 года не лучшим образом. Вплоть до августа 1913 года Обрегон вел переговоры с Риверосом о совместных боевых действиях против федералов. Наконец соглашение было достигнуто: власти Синалоа признали Обрегона верховным главнокомандующим, а в обмен на это войска Соноры перешли границу штата и стали снабжать партизанские отряды в Синалоа оружием и боеприпасами.

Благодаря активному набору добровольцев среди индейцев яки войска Обрегона существенно увеличили свою численность, и генерал начал осторожное продвижение на юг вдоль тихоокеанского побережья. В отличие от боев в Чиуауа, здесь приходилось полагаться не на железные дороги, которых практически не было, а на лошадей и мулов. Армия Обрегона, не в пример «Северной дивизии» Вильи, была в основном пехотной, и это тоже сказывалось на темпах кампании.

Командующий гарнизоном правительственных войск в важном портовом городе Масатлан, генерал Рейнальдо Диас еще в июле предупреждал Мехико о надвигавшейся опасности и просил подкреплений. Генерал

⁶⁵ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 47–48

был готов в случае присылки ему подмоги задержать Обрегона на границе Соноры и Синалоа. Тогда с тыла по революционерам мог бы ударить и гарнизон Гуайямаса. Примерно в это же время местные партизаны попытались напасть на столицу штата город Синалоа, но были довольно легко отбиты. Это позволило военному министерству в Мехико расценить предостережения Диаса как ненужное паникерство. Однако когда вместо партизан в дело вступили регулярные по сути войска Обрегона, стало ясно, насколько был прав однофамилец свергнутого диктатора.

Уже в конце августа 1913 года войска Обрегона нанесли правительственным силам ряд чувствительных поражений, а к началу сентября почти весь штат, за исключением городов Синалоа, Масатлан и Кулиакан, был в руках конституционалистов. Причем настолько прочно, что Карранса смог проехать из Синалоа в Сонору на поезде. 5 октября столица штата также была взята Обрегоном, и к декабрю в руках правительственных войск оставался только порт Масатлан, который Обрегон побаивался штурмовать, потому что с моря город прикрывали федеральные ВМС.⁶⁶

Таким образом, к началу декабря 1913 года правительственные войска потерпели на севере Мексики поражения на всех основных фронтах, причем особенно болезненным был разгром лучших сил федеральной армии в Чиуауа. Однако тут, казалось, забрезжила новая надежда. В начале ноября войска генерала Веласко наконец подошли к Торреону и приступили к планомерной осаде города. Как и Обрегон, Веласко методично стягивал кольцо окружения, попутно занимая важные города в Коауиле и Дуранго. 9 декабря 1913 года он начал штурм Торреона, и на следующий день федеральные войска ворвались в город. Но большинству защищавших Торреон революционеров удалось выскользнуть из города и забрать с собой практически все военное снаряжение. Тем не менее взятие Торреона было широко распропагандировано правительственной прессой как перелом в войне. А наиболее отличившихся офицеров Веласко наградили орденами.

Весь 1913 год не прекращались и боевые действия в Морелосе, а также в сопредельных с ним штатах. Однако они не представляли угрозы для режима, потому что сапатисты были по-прежнему недостаточно хорошо организованы и им, как и раньше, не хватало оружия и боеприпасов. Сапата отправил гонца в США к бывшему вице-президенту Мадеро Васкесу Гомесу, чтобы тот организовал отправку оружия на юг. Но из этого ничего не получилось, так как было неясно, как транспортировать столь опасный груз через занятую войсками Уэрты территорию. Отряды Сапаты не контролировали ни один из морских портов, поэтому доставка кораблем тоже отпадала.

⁶⁶ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 50

Сапата объявил войну Уэрте как узурпатору, однако он не подчинялся Каррансе и считал северных конституционалистов лишь союзниками в борьбе против общего врага. Какой-либо координации действий между повстанцами на юге и севере не существовало. Программой борьбы Сапаты по-прежнему был «план Айялы», но после перехода Ороско на сторону Уэрты крестьянский вождь провозгласил лидером революции себя самого. Вскоре Сапате удалось наладить некое подобие дисциплины в собственных отрядах, получивших название «Освободительная армия Юга и Центра». Численность сапатистов было трудно определить в каждый конкретный момент, так как большинство партизан еще и занимались сельским хозяйством. Они собирались лишь для выполнения конкретной боевой задачи, после чего рассеивались.

После отзыва Роблеса Сапата перенес свою ставку в соседний штат Герреро и стал готовиться к крупной операции. Предполагалось захватить один из ключевых городов юга страны, чтобы преподнести диктатору сюрприз накануне намеченных на 26 октября 1913 года президентских и парламентских выборов. Как и конституционалисты, сапатисты эти выборы бойкотировали, что, в чем мы убедимся чуть позже, было, в общем-то, на руку Уэрте.

4 октября 1913 года ставка Сапаты издала приказ, по которому разрозненные партизанские отряды преобразовывались в некое подобие регулярной армии.⁶⁷ Командиры отрядов должны были присвоить всем своим подчиненным звания. Причем, например, капрал одного отряда был обязан подчиняться старшему по званию любого другого отряда (ранее никто из бойцов не признавал над собой вообще никого, кроме своего командира). На марше и в бою солдаты и офицеры непременно должны были находиться в боевых порядках своих частей. Боец не мог отлучиться с поля боя без письменного разрешения командира. Были ужесточены наказания за самочинные реквизиции. Войскам предписывалось уважать крестьянскую собственность.

Повстанческие силы Сапаты были единственными, имевшими четкую программу социальных реформ, прежде всего в аграрном вопросе. При штабе Сапаты постепенно сложился кружок радикальных интеллигентов, которые продолжали разрабатывать проекты переустройства основных сторон мексиканской действительности после свержения Уэрты. Однако Сапата запретил любые экспроприации, за исключением земельной собственности «врагов революции», которые на практике содействовали режиму Уэрты. Точно такой же порядок существовал и в рядах северных конституционалистов, причем там экспроприации применялись гораздо шире, чем в Морелосе.

⁶⁷ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 178

Правительственные силы фактически покинули Морелос в начале октября 1913 года, когда был отозван (сперва в отпуск, а потом и окончательно) палач штата генерал Хувен시오 Роблес. Крестьяне Морелоса провожали офицера-карателя народными балладами. В одной из них были такие слова:

Бог простит тебя, Хувен시오 Роблес,
За столько варварства и бандитизма,
За столько постыдных и ужасных дел,
Что ты совершил в нашей местности!

Осенью 1913 года после взятия Вильей Торреона Уэрта сознательно ослабил гарнизоны в Морелосе, Герреро и Пуэбле, чтобы бросить лучшие части на север. Федеральным частям юга страны было дано приказание удерживать крупные города и обеспечивать безопасность основных железных дорог.

Взятие Торреона побудило Сапату направить представителя к северным конституционалистам, чтобы совместными усилиями добиваться от США присвоения повстанческим силам статуса воюющей стороны.⁶⁸ 20 октября 1913 года Сапата обратился к нации с манифестом, где говорилось, что «победа близка, и борьба подходит к концу». 24 октября он послал Франсиско Васкесу Гомесу в США письмо, в котором давал тому право представлять в Америке освободительное движение Юга и просил организовать получение кредита на закупку оружия.

Действия сапатистов и их сторонников на юге осенью приобрели наконец скоординированный характер. Сапата поручил ряду своих командиров по-прежнему беспокоить федеральные гарнизоны в Морелосе. Причем Сапата требовал одновременных рейдов против различных гарнизонов – затем, чтобы федералы не могли, как раньше, свободно перебрасывать войска на участок, находящийся под угрозой. Сам же он постепенно стягивал лучшие силы в штат Герреро, чтобы захватить его столицу – город Чилпансинго. Партизанские командиры в Герреро к тому времени признавали общее военное руководство Сапаты. Штурм затягивался только по причине отсутствия достаточного количества боеприпасов.⁶⁹

Итак, что бы ни писали столичные газеты, обычно завышавшие данные о потерях конституционалистов в разы, Уэрта подходил к новому 1914 году с весьма плачевными результатами именно в той области, где он не видел себе равных. С начала активных боевых действий на севере федеральная армия не владела инициативой (за исключением весенне-летнего периода в Коауиле). Фронт все ближе и ближе приближался к центру страны, а война приобрела характер противоборства двух регулярных армий. Так как конституциона-

⁶⁸ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 179

⁶⁹ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 181

листы владели почти всей мексикано-американской границей, они беспребойно, пусть и формально незаконно, получали оружие и боеприпасы из США. С каждой неделей соотношение сил становилось все более неблагоприятным для федералов.

Тяжело шли дела у Уэрты и на внутривластном фронте. Как мы помним, в результате посольского пакта Феликс Диас не вошел в правительство, но оставил за собой право его формирования. Любые кадровые перестановки в кабинете подлежали согласованию между Уэрттой и Диасом. Однако изначальный состав кабинета продержался недолго, хотя чисто с профессиональной точки зрения первое правительство Уэрты было не столь уж и плохим. (Правда, посланник американского президента Линд уподобил его «стае волков».) Да и отъявленными реакционерами многие министры отнюдь не являлись. Например, министр финансов Торибио Эскивель Обрегон в свое время рассматривался Мадеро как кандидат на пост вице-президента. Министр внутренних дел Альберто Гарсия Гранадос занимал этот же пост в переходном правительстве де ла Барры в 1911 году. Военный министр Мондрагон слыл артиллеристом-теоретиком, хотя его слабостью была безудержная коррупция. Еще при Диасе он в корыстных целях просил немцев увеличить цену приобретаемых Мексикой орудий. Не изменил Мондрагон своим привычкам и во время пребывания на посту главы военного ведомства при Уэрте.

Тот же с самого начала своего правления стал активно вмешиваться в деятельность всех министерств, не оставляя членам кабинета никакого пространства для самостоятельной работы. При этом диктатора интересовали не столько политические взгляды министров, сколько личная их преданность. А так как большинство министров считали себя обязанным назначением Феликсу Диасу, то Уэрта уже к осени 1913 года полностью заменил состав кабинета. Однако и новые министры его не удовлетворяли – правительственная чехарда лишь набирала обороты. За все 17 месяцев пребывания Уэрты у власти на 9 министерских постах сменились 32 человека. Причем особенно головокружительной была карусель вокруг Министерства иностранных дел, хотя стабильность внешнеполитического ведомства была необходима для активной работы по получению кредитов, денег и оружия из-за рубежа.⁷⁰ Первый министр иностранных дел, бывший временный президент де ла Барра удержался на своем посту до июля 1913 года. Его преемник Федерико Гамбоа (американцы надеялись, что именно он станет новым президентом страны) усидел в кресле до сентября. За ним последовали Керидо Моэно (октябрь 1913-го – февраль 1914 года), Хосе Лопес Портильо (февраль – май 1914-го) и, наконец, Франсиско Карвахаль (июль 1914 года).

⁷⁰ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 140

Уэрта имел также обыкновение тасовать министров по различным постам. Один и тот же человек мог быть поочередно министром образования, внутренних дел и экономического развития. Такая же чехарда (что было еще опаснее для государственного управления) наблюдалась и на постах заместителей министров – то есть тех, кто занимался всей текущей работой ведомств.

Причина, по которой Уэрта отставлял того или иного чиновника, могла быть и серьезной, но чаще разногласия касались не столь уж и глобальных вопросов. Диктатору не нравилось, что с ним вообще осмеливаются спорить. Например, Мондрагон летом 1913 года ушел в отставку вроде бы за дело – слишком явными были военные успехи конституционалистов. Его заменил генерал Бланкет, арестовавший Мадеро в феврале 1913 года. При нем ситуация не улучшилась, но, поскольку Уэрта считал Бланкета полностью лояльным, тот продолжал исполнять обязанности главы военного ведомства вплоть до окончательного краха режима.

Зато министр внутренних дел Гранадос был снят с должности в апреле 1913 года лишь потому, что выразил несогласие с планом президента по размещению одного из контингентов «руралес». ⁷¹ Когда преемник Гранадоса был назначен Уэртой без консультаций с Феликсом Диасом, последний выразил протест, но диктатор оставил его без внимания.

В марте 1913 года Феликс Диас официально объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента Мексики. Заключенный им с Уэртой «посольский пакт» не содержал конкретной даты голосования, но подразумевалось, что выборы состоятся в кратчайшие сроки. В апреле Уэрта пообещал провести президентские выборы в течение ближайших двух месяцев, однако Конгресс отказался объявлять дату новых выборов. Диас в знак протеста отозвал свою кандидатуру. Но 1 мая 1913 года парламент все-таки назначил выборы на последнее воскресенье октября, и Диас опять стал готовиться к выдвижению кандидатуры. Его сторонники в это время никак не могли сойтись в мнениях насчет кандидатуры вице-президента. Одни полагали, что вторым лицом в данной обстановке обязательно должен быть генерал, и предпочитали Мондрагона. Другие надеялись, что в стране все еще популярно имя Рейеса, и предлагали его сына Родольфо (тот занимал пост министра юстиции до сентября 1913 года). В конце концов, выдвинули бывшего временного президента де ла Барру.

Свою предвыборную программу сторонники Феликса Диаса объявили 16 апреля 1913 года. ⁷² Она была крайне расплывчатой и вещала о честном

⁷¹ «Руралес» формально подчинялись министру внутренних дел. См. Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 142

⁷² Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 150

правительстве, религиозной терпимости и решении аграрного вопроса, причем конкретные предложения касательно последнего полностью отсутствовали. Но если Диас рассчитывал, что Уэрта будет соблюдать положения «посольского пакта» и поддержит его кандидатуру, – он сильно ошибался. Диктатор предложил своему сообщнику срочно отправиться в Японию с крайне важной дипломатической миссией – он должен был поблагодарить Страну восходящего солнца за то, что представители приняли участие в праздновании столетия мексиканской независимости в сентябре 1910 года. Диас предпочел не спорить и согласился.

Уже тогда по Мехико ползли слухи о странных исчезновениях людей, критически настроенных по отношению к режиму. Пропали журналисты и даже депутаты парламента. Все понимали, что речь идет о заказных убийствах, за которыми стоит сам временный президент. Всего за время правления Уэрты в столице было совершено около ста заказных убийств, одно из которых, как мы скоро увидим, окончательно рассеяло последнюю иллюзию легитимности режима.

Уэрта, отсылая Диаса в Японию, надеялся задержать его за границей вплоть до 26 октября, так как согласно конституции любой кандидат в президенты должен был находиться в стране в день голосования.

Едва Диас отбыл в свою «крайне важную» командировку, в Мехико образовался широкий политический фронт из сторонников Мадеро и конституционалистов – Объединительная национальная хунта, надевавшаяся выдвинуть сильного оппозиционного кандидата и легальным путем убрать Уэрту от рычагов власти. Но диктатор предпочел не испытывать судьбу и просто разогнал эту политическую группировку. Однако другие партии все-таки еще рассчитывали на более или менее свободные выборы. Либералы выдвинули кандидатуру Хесуса Флореса Магона. Католическая партия предложила баллотироваться министру иностранных дел Федерику Гамбоа, и тот даже подал в отставку, чтобы вести предвыборную борьбу. Партия противников переизбрания выдвинула бывшего соратника Мадеро по выборам 1910 года Франсиско Васкеса Гомеса.⁷³

В условиях столь бурной политической активности Уэрта решил позволить Диасу вернуться на родину. На тот момент стратегия диктатора состояла в том, чтобы выборы были признаны несостоявшимися. Тогда он как временный президент сохранил бы свой пост. А для провала выборов требовалось, чтобы ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства. Диас, по замыслу Уэрты, должен был отобрать голоса у других кандидатов.

Предполагалось, что на сей раз к урнам явится как минимум треть избирателей. Поэтому Уэрта отдал указания всячески поощрять на местах

⁷³ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 151

низкую активность населения: например, просто не сообщать людям, где расположены избирательные участки. На севере, охваченном гражданской войной, ждать упорядоченного голосования вообще не приходилось, так как конституционалисты с самого начала объявили о бойкоте выборов.

Таким образом Уэрта стремился остаться у власти, сохраняя видимость неукоснительного соблюдения положений конституции. Однако это ему не удалось из-за бурных событий, развернувшихся осенью 1913 года вокруг парламента. Палата депутатов Конгресса 26-го созыва была избрана в 1912 году и состояла в основном из сторонников Мадеро. Иной была ситуация в Сенате, где выборы принесли большинство противникам убитого позже президента. После трагических событий февраля 1913 года некоторые депутаты нижней палаты покинули Мехико и присоединились к Каррансе. Но другие остались (позднее они утверждали, что сделали это по заданию конституционалистов) и образовали в палате депутатов мощный оппозиционный «блок обновления». Вскоре к этой группе присоединились и сторонники Феликса Диаса, возмущенные нарушением Уэртой положений «посольского пакта».

Сперва Уэрта старался не портить отношения с Конгрессом, все еще рассчитывая на признание со стороны США. Однако сам Конгресс вовсе не собирался одобрять все начинания диктатора. Уже упоминалось, что с апреля по июнь 1913 года депутаты вели бесконечные дебаты вокруг разрешения правительству на переговоры с иностранными кредиторами. Так как из-за этой тактики проволочек оставались нерешенными многие текущие вопросы управления страной, Уэрта предложил Конгрессу, очередная сессия которого закончилась 31 мая 1913 года, собраться на экстренную сессию в июне. Но депутаты отвергли инициативу временного президента и собрались на очередную сессию только 1 сентября.

Сразу же последовал новый кризис во взаимоотношениях парламента и правительства. Уэрта решил назначить одного из депутатов, Эдуардо Тамариса министром образования. По закону для этого Конгресс должен был дать депутату на это разрешение. Уэрта, считая этот вопрос формальным (таковым он, по сути, и являлся: если сам депутат хотел перейти на работу в правительство, парламент обычно не возражал), назначил Тамариса 17 сентября и в этот же день направил запрос в палату депутатов.⁷⁴ Парламент же немедленно обвинил Уэрту в нарушении Конституции. Положение усугублялось тем, что многие либералы не могли представить себе на посту министра образования члена консервативной Католической партии. Это было нарушением непреложного порядка в стране, заведенного еще Хуаресом: церковь не должна ни прямо, ни косвенно заниматься народным образова-

⁷⁴ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 145

нием. В результате 108 депутатов (в том числе и сторонник Феликса Диаса) отвергли кандидатуру Тамариса, за которого проголосовали только 20 народных избранников.

Уэрта был неприятно поражен столь явным выражением оппозиционных настроений со стороны Конгресса. И тут масла в огонь подлил депутат Сената от штата Чьяпас Белизарио Домингес. Этот человек вызывал у коллег чувство ужаса и восхищения своими открытыми нападка на Уэрту. Когда министр иностранных дел де ла Барра изложил сенаторам причины непризнания правительства Уэрты Америкой, Домингес прилюдно воскликнул: «Как могут Соединенные Штаты признать правительство, на котором кровь президента Мадеро и вице-президента Пино Суареса?!»

23 сентября 1913 года Домингес публично назвал Уэрту «предателем и убийцей» и просил Сенат дать ему официальные полномочия, чтобы от имени верхней палаты потребовать отставки диктатора. Сенат отказал в просьбе. Домингес же продолжал свои смелые выступления, пока у Уэрты не лопнуло терпение. Утром 8 октября 1913 года к дому Домингеса подъехали четверо полицейских, которые силой отвезли строптивного сенатора на городское кладбище, где уже была приготовлена свежая могила. Депутата хладнокровно убили и немедленно предали его тело земле.⁷⁵

Когда 8 октября Домингес не появился в парламенте, его коллеги сразу же заподозрили неладное. К министру внутренних дел была направлена немедленно учрежденная специальная комиссия, однако министр ничего не смог сообщить о месте нахождения Домингеса. В ответ на это депутаты пригрозили, что вплоть до выяснения обстоятельств исчезновения оппозиционного сенатора они не будут прерывать сессию. Вдобавок по предложению одного из сторонников Диаса депутаты приняли жесткую резолюцию из пяти пунктов. Основной, пятый пункт гласил: если Уэрта не сможет разъяснить инцидент с Домингесом и не обеспечит депутатам безопасности, Конгресс перенесет свою работу в место, где будут соблюдаться конституционные гарантии. Этого явного намека на возможность бегства Конгресса на территорию конституционалистов Уэрта уже не мог стерпеть.

9 октября 1913 года диктатор собрал экстренное заседание кабинета и предложил распустить Конгресс, если депутаты не отзовут свою резолюцию. Министры внутренних дел и обороны поддержали этот очевидно антиконституционный порядок действий. Министр иностранных дел был против, так как роспуск Конгресса ставил крест на перспективах признания режима со стороны США. Естественно, линия президента возобладала. Причем Уэрта тут же предложил еще и арестовать наиболее оппозиционно настроенных депутатов. Списки для ареста составлялись впопыхах, и туда попали даже члены первого правительства Уэрты, включая сына Рейеса Родольфо.

⁷⁵ Labastida H. Belisario Dominguez y el estado criminal 1913–1914. Mexico, 2002. P. 176

Собравшись на заседание 10 октября в 15.00, депутаты увидели, что внутри здания расположилась полиция, а снаружи парламент взят в кольцо военных.⁷⁶ Министр иностранных дел от имени правительства попросил депутатов отозвать свою резолюцию, так как она якобы нарушает права кабинета министров. В ответ депутаты потребовали немедленно отвести от здания полицию и солдат, так как они не желают обсуждать этот вопрос под дулами винтовок. Тогда министр зачитал заранее подготовленный указ о роспуске Конгресса и признании всех его резолюций ничтожными. «Мексиканский народ» выберет себе новых депутатов одновременно с президентом 26 октября. Как только депутаты стали расходиться, полиция по заранее составленному списку арестовала 84 из них. Остальных, по списку, содержащему 11 фамилий, задержали в течение 24 часов. Всех арестованных доставили в столичную тюрьму. Бросается в глаза, что из всех взятых под стражу, только один депутат представлял консервативную Католическую партию. Да и то его арестовали потому, что он был близким другом исчезнувшего Домингеса.

Как только известие о роспуске палаты депутатов достигло Сената, тот объявил о самороспуске в знак протеста против антиконституционных действий правительства. Уэрта, в свою очередь, объяснил нации роспуск палаты депутатов тем, что она якобы противилась усилиям правительства по умиротворению страны.

После роспуска Конгресса для многих потеряли смысл и президентские выборы. Снял свою кандидатуру лидер Партии противников переизбрания Франсиско Васкес Гомес. Диасу позволили вернуться в Мексику, однако активной кампании его сторонники не вели. Уэрта уже знал, что выборы не состоятся из-за низкой явки избирателей. Однако он хотел победить даже и на таком голосовании. Формально временный президент не значился в избирательных бюллетенях, но армии и государственным служащим было дано указание вписывать в бюллетени фамилию Уэрты как кандидата в президенты, а военного министра Бланкета – как кандидата в вице-президенты. В крупных городах, откуда ни возьмись, появились предвыборные плакаты с портретом Уэрты, который продолжал уверять, что власть ему не нужна.

26 октября 1913 года избиратели, как и предполагал Уэрта, не стали напрягать себя голосованием, в котором они не видели большого смысла. В штате Чиуауа, где избирательные участки открылись только в Сьюдад-Хуаресе, приняли участие в выборах менее 5% избирателей.⁷⁷ С мест сообщали об отсутствии интереса или о слабом интересе мексиканцев к выборам. Как и предполагалось, из тех, кто все-таки добрался до избирательной

⁷⁶ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 147

⁷⁷ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 153

урны, большинство пожелало видеть президентом Уэрту, который вообще не баллотировался на этот пост. В результате президентские выборы были объявлены несостоявшимися, и Уэрта продолжал исполнять обязанности временного президента. Новый состав Конгресса был избран (в бюллетенях значились кандидаты от 26 партий), но после роспуска прежнего состава никто уже всерьез это учреждение не воспринимал.

События октября 1913 года окончательно подорвали последние остатки легитимности режима Уэрты. Международная пресса почти единогласно объявила голосование фарсом. Об этом же сообщал и специальный представитель президента США Линд. Мексиканская пресса к тому времени была уже «зачищена» и старалась не критиковать Уэрту. Непокорные журналисты исчезали, зато те газеты, которые поддерживали режим, получали щедрые субсидии. Хотя даже субсидии не помогли создать в Чиуауа мощную и популярную антиконституционалистскую газету.

Осенью 1913 года были ликвидированы и последние остатки автономии на местах. Как уже упоминалось, большинство губернаторов штатов поддерживали Уэрту в феврале 1913 года или по крайней мере не выступили против переворота. Однако Уэрта стал немедленно заменять гражданских губернаторов военными. К сентябрю 1913 года в Мексике сохранили свои посты только четыре гражданских губернатора, которые вскоре тоже уступили свои кресла офицерам. Такая политика была самоубийственной: в оппозицию диктатуре загонялись даже те представители мексиканской элиты, которые в принципе были противниками Мадеро и революции в целом.

Разгон Конгресса и фальсифицированные президентские выборы вызвали гнев президента США Вильсона. Как уже упоминалось, его уже давно одолевали представители американских компаний, имевших коммерческие интересы в Мексике. Они требовали признания Уэрты, и Вильсон обещал подумать над этим после президентских выборов. Американцы надеялись, что на них победит клерикал Гамбоа, который будет проводить дружественную по отношению к иностранным инвесторам политику. Но у власти остался Уэрта, который при всем желании не мог считаться демократическим главой государства.

Вудро Вильсон считал себя президентом новой формации. Свою великую миссию этот человек видел в распространении демократии по образцу США в Латинской Америке вне зависимости от того, хотят этого латиноамериканские страны или нет. Как уже упоминалось, собственным карьерным дипломатам новый президент не доверял и предпочитал посылать для изучения обстановки в той или иной стране своих близких друзей и единомышленников. Точно так же Вильсон и поступил и в случае с Мексикой. Слабым местом такой неформальной дипломатии было то, что посланники Вильсона не говорили по-испански и относились к мексиканцам в лучшем случае как к детям-шалунам, которых надо было обучить уму-разуму.

Еще в июне 1913 года в Мехико прибыл первый посланник – журналист Уильям Хейл. В его задачи, в частности, входило изучение роли посла США Вильсона в свержении Мадеро. 15 июня Хейл отправил президенту Вильсону отчет, в котором свержение Мадеро абсолютно верно характеризовалось не как народное восстание, о чем твердил посол, а как военный переворот. Хейл подтвердил и сотрудничество американского посла с путчистами, назвав его историей, полной «предательства, подлости и убийств».⁷⁸ В июле 1913 года посол Вильсон был отозван в Вашингтон и добился аудиенции у своего однофамильца в Белом доме. Разговор, видимо, был жестким, так как посол (вскоре ставший бывшим) подверг президента критике в своем выступлении перед комитетом Сената США по международным делам – случай, для американской дипломатической службы неслыханный.

Уэрта примерно первые полгода своего пребывания у власти относился к США осторожно – вероятно, все еще надеясь, что с президентом Вильсоном удастся договориться. В это же время в Мехико проходили организованные явно не без участия правительства антиамериканские демонстрации. В июле 1913 года студенты Мехико прошли по улицам столицы под лозунгом «Смерть гринго!». Уэрта как бы показывал северному соседу, что ему все труднее сдерживать народный гнев.

Между тем если Хейлу и удалось добиться отзыва из Мехико посла США, выполнить свою основную миссию дипломат-самоучка не сумел. Он неуклюже предлагал Уэрте посредничество в урегулировании внутренней смуты, если тот подаст в отставку и немедленно провозгласит новые выборы. Уэрта отказался даже обсуждать это предложение, расценив его как вмешательство во внутренние дела Мексики.

В конце июля 1913 года президент США Вильсон окончательно решил убрать Уэрту и содействовать образованию нового правительства Мексики.⁷⁹

В августе в Мексику прибыл новый посланник Вильсона – бывший губернатор Миннесоты Джон Линд.⁸⁰ Тот тоже не говорил по-испански и к тому же считал главной бедой мексиканцев их приверженность отсталому католичество. Показательным был уже тот факт, что Линд прибыл в Веракрус на борту американского военного корабля.

⁷⁸ Hill L. D. *Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico.* Baton Rouge, 1973. P. 35. Посла Вильсона Хейл охарактеризовал как нервную личность с огромным самомнением и нетерпимостью к мнению других.

⁷⁹ Hill L. D. *Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico.* Baton Rouge, 1973. P. 65.

⁸⁰ Линд был эмигрантом из Швеции и первоначально участвовал в политике как член республиканской партии. Перейдя к демократам, он активно поддержал «справедливую» войну США против Испании в 1898 году, что во многом и обеспечило ему пост губернатора Миннесоты. Линд отказался от предложенного ему Вильсоном поста посла в Швеции, сочтя это неэтичным для себя как шведа.

14 августа Линд представил министру иностранных дел Гамбоа свой мирный план. Предполагалось немедленно прекратить огонь и объявить перемирие (Линда нисколько не смущало, что против этого возражал уже уверенный в грядущей победе Карранса). Далее необходимо было провести свободные и честные выборы при обязательстве враждующих сторон признать их результаты. Уэрта в этих выборах участвовать права не имел. И опять эти положения никак не были согласованы с Каррансой, а тот отказывался от участия в любых выборах до отставки Уэрты.

Хотя миссия Линда считалась секретной, он немедленно начал раздавать газетам интервью, в которых подробно описывал свои предложения. В эти условиях Уэрта, которого сам подход в принципе устраивал, не мог согласиться с американской инициативой, так как боялся потерять лицо. Вдобавок он не видел смысла гарантировать иностранной державе свое неучастие в выборах, и без того уже запрещенное мексиканской Конституцией.

Линд, бывший крайне низкого мнения о всех мексиканцах, решил, что Уэрту можно купить. Он предложил содействовать в получении американского кредита, если Уэрта официально откажется от участия в выборах. Генерал был взбешен и отказался от дальнейших контактов с Линдом.⁸¹ Министр иностранных дел Гамбоа заверил американского эмиссара, что федеральное правительство контролирует большую часть территории страны (на тот момент это соответствовало действительности), а восстание на севере не удастся подавить именно из-за благоприятной по отношению к повстанцам позиции США. Это утверждение имело под собой реальные факты – без контрабанды оружия из США конституционалисты не создали бы мощных и хорошо вооруженных армий.

После тяжелого разговора с Гамбоа 27 августа Линд снова отбыл в Веракрус, где находился еще несколько недель. Его миссия завершилась полным провалом. Сам спецпредставитель объяснял это в одной из своих депеш госсекретарю США так: мексиканцы казались ему «больше детьми, чем взрослыми людьми».

Президент США Вильсон сразу же после провала миссии Линда выступил перед обеими палатами Конгресса и заявил, что отныне Уэрта лишается права закупать в США оружие и боеприпасы. Уэрта, в свою очередь, справедливо подозревал, что посланцы Вильсона настроены по отношению к нему предвзято, поэтому решил отправить в Вашингтон собственного специального представителя – опытного дипломата Мигеля Самакону.⁸²

⁸¹ Уэрта через Гамбоа передал Линду, что никаких переговоров с США не будет до тех пор, пока Вашингтон не признает мексиканское правительство. См. Meyer M., Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 118

⁸² Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 120

Одновременно министр внутренних дел Урутия направил телеграмму всем властям штатов со строгим указанием не допускать никаких враждебных действий против иностранцев (читай – американцев). Временный поверенный в делах США в Мехико, второй секретарь посольства О'Шоннеси предлагал принять Самакону неофициально на уровне госсекретаря (то есть сделать то же самое, что и мексиканцы с Линдом). Однако по рекомендации Линда Самаконе отказали в приеме на высоком уровне, и его миссия тоже провалилась.

После неудачи Линда Вильсон решил действовать двумя путями. Во-первых, он решил установить прямые контакты с конституционалистами. Во-вторых, дал указание военному ведомству разработать план вооруженного вторжения в Мексику в целях свержения Уэрты. Еще в июле 1913 года германский консул в Чиуауа сообщал о широко распространенных в этом штате слухах о предстоящей американской интервенции. Опровержения этих слухов со стороны госсекретаря США только содействовали их распространению.

На самом деле для этих слухов имелись веские основания. Еще во время пребывания Линда в Мехико президент Вильсон приказал Пентагону подготовить предложения о количестве войск, необходимых для свержения Уэрты. Военное ведомство немедленно разработало планы вторжения и прикрытия собственной границы. Пентагон теперь ждал только сигнала от госдепартамента, который должен был дать «зеленый свет» на вторжение. Некоторые американские генералы считали, что в случае нападения США на Веракрус (оттуда предполагалось кратчайшим путем, как и в 1846 году, добраться до Мехико) Уэрта может сам перейти американскую границу. При этом боеспособность и численность регулярной армии США в то время уступала мексиканской армии (даже без конституционалистов), и Уэрта в своем кругу хвалился, что может спокойно дойти до Сент-Луиса. В чем американцы наголову превосходили своего южного соседа, так это во флоте. Консул мексиканского правительства в Сан-Диего (Калифорния) сообщал, что американские морские офицеры открыто говорят о вторжении в Мексику в сентябре 1913 года.⁸³

В условиях предвоенного психоза американцев сильно беспокоила позиция Великобритании, которая имела солидные инвестиции в Мексике, прежде всего в сфере добычи нефти. Осенью 1913 года казалось, что для этих опасений есть все основания. Лондон объявил о назначении новым посланником при Уэрте сэра Лайонела Кардена, известного своим показным

⁸³ 19 ноября 1913 года госсекретарь Брайан в депеше послу США в Лондоне Пейджу прямо говорил, что в крайнем случае правительство США готово осуществить морскую блокаду Мексики и направить в эту страну вооруженные силы. См. Tobler H. W. *Die mexikanische Revolution*. Frankfurt-am-Main, 1984. S. 240

антиамериканизмом. По дороге в Мехико Карден остановился в США и сделал там ряд публичных заявлений, из которых следовало, что «сильный человек» Уэрта – это тот государственный деятель, который именно сейчас нужен Мексике. То же самое Карден сказал 7 октября в Веракрусе Линду, настоятельно рекомендуя США признать временного президента. Карден предлагал министру иностранных дел Великобритании Эдуарду Грею поддержать Уэрту даже вопреки мнению США, но МИД Германии считало, что Грей слишком слаб, чтобы позволить себе откровенно антиамериканскую линию.⁸⁴

Разгон Уэртой мексиканского Конгресса 10 октября 1913 года наконец-то дал Вильсону желанный повод к свержению неудобного генерала-президента военным путем. Американского президента, правда, сильно насторожило то, что уже через несколько часов после ареста депутатов Карден вручил Уэрте верительные грамоты. Германский посланник позднее сообщал в доверительном порядке американцам, что Карден стал главным советником Уэрты по основным вопросам внутренней и внешней политики (возможно, немец специально преувеличивал, чтобы рассорить британцев и янки). Тем не менее Вильсон поручил дипломатическим представительствам США запросить мнение всех ведущих стран относительно возможного американского вмешательства в события в Мексике.

Британцы, которых в то время больше всего беспокоили усиливавшиеся на европейском континенте военные приготовления Германии, дали американцам свободу действий. Министр иностранных дел Его величества Эдуард Грей обещал, что отныне все свои шаги в Мексике англичане будут согласовывать с Вашингтоном. Франция и Италия сообщили, что их реакция будет зависеть от позиции Англии. Германия заявила о своей незаинтересованности в мексиканских делах, однако дала понять, что воинственный курс американцев ей не по душе. Зато царь Николай II сам предложил США аннексировать Мексику, пообещав поддержку России.

Таким образом, европейцы были готовы бросить Мексику на произвол судьбы. В первых числах ноября 1913 года временный поверенный в делах США в Мексике вручил Уэрте самый настоящий ультиматум. Президент должен был немедленно подать в отставку, иначе США грозили отрезать Мексику от всех источников внешней помощи. Уэрта вроде бы не возражал, однако текст ультиматума просочился в прессу, и диктатор отверг неприемлемые для общественного мнения требования гринго.⁸⁵ Есть версия, что

⁸⁴ Cavert P. The Mexican Revolution, 1910–1914. The Diplomacy of Anglo-American Conflict. Cambridge University Press, 1968. P. 240

⁸⁵ Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 112–113. 5 ноября 1913 года временный поверенный в делах США в Мехико О'Шонесси сообщил в

ультиматум «слил» прессе Линд, который не был заинтересован в любом компромиссе с Уэртой. Но, возможно, передал ультиматум прессе сам Уэрта, чтобы иметь достойный повод его отвергнуть.

Вильсон был готов к немедленной вооруженной интервенции, но для ее успеха требовалась поддержка или хотя бы нейтралитет конституционалистов. Вильсон в свойственной многим американским государственным деятелям высокомерной манере не сомневался, что Карранса горячо поддержит план разгрома Уэрты войсками США.

Начало прямых американских контактов с Каррансой относится к раннему лету 1913 года, когда в ставку революционеров отправился еще один специальный эмиссар Вильсона – Реджинальд дель Валье.⁸⁶ Прежде он был депутатом законодательного собрания Калифорнии и, в отличие от Линда и Хейла, хорошо говорил по-испански. После переговоров с Каррансой дель Валье должен был пробраться в Морелос и установить контакты с Сапатой. От краткой беседы с Каррансой у дель Валье остались самые неприятные впечатления. «Верховный главнокомандующий» желал от американцев только одного – возможности закупать оружие и боеприпасы. Об иных формах взаимодействия по свержению Уэрты Карранса отказывался даже говорить.

Дель Валье оказался еще более неуклюжим дипломатом, чем Линд. Он отправился в Мехико, где рассказал газетам о своей «секретной» миссии. Госсекретарю пришлось немедленно отозвать дель Валье, и поездка последнего в Морелос, естественно, сорвалась.

В октябре 1913 года свои услуги в качестве посредника на переговорах с Каррансой предложил госдепартаменту Джерри Таппер, представитель общественной организации «Международный форум мира». Госсекретарь поручил ему встретиться с Каррансой и сообщить о целях конституционалистов после их возможной военной победы. В конце октября Таппер (у которого, к неудовольствию Каррансы, не было никаких рекомендательных писем госдепартамента) провел переговоры с «верховным главнокомандующим» в Ногалесе. Карранса заявил, что дни Уэрты сочтены, но с Америкой он готов сотрудничать только при соблюдении ряда условий. Уязвленный госсекретарь Брайан (бывший председатель демократической партии США) ответил, что не имеет возможности в данный момент принять от Каррансы какой-либо письменный документ. На этом переговоры завершились.

Сам Карранса как через Таппера, так и через своих собственных представителей в США просил отменить эмбарго на поставки оружия в Мексику.

Вашингтон Вильсону: «Вкратце ответ Уэрты на Ваши требования звучит так: я хочу достичь взаимопонимания, но не могу».

⁸⁶ Hill L. D. Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico. Baton Rouge, 1973. P. 40

Кроме того, он хотел признания за конституционалистами статуса воюющей стороны. От любых других форм сотрудничества с Америкой Карранса отказывался.

Однако американцы продолжали навязывать революционерам свои «добрые услуги». Через неделю после отъезда Таппера в Ногалес приехал уже знакомый нам Хейл. Он еще раз предложил Каррансе совместными усилиями убрать Уэрту. Вашингтон был готов предоставить конституционалистам оружие, статус воюющей стороны и американские войска для прямого вмешательства в конфликт. В обмен от Каррансы ждали гарантий прав и собственности американцев после свержения Уэрты, а также скорейшего проведения в Мексике свободных выборов. Правда, Хейл рекомендовал, как и в 1911 году, создать до выборов временное правительство с участием обеих воюющих сторон. Карранса против этого решительно возражал. Ведь и в 1911 году он был решительно не согласен с компромиссом, которого достиг Мадеро с режимом Диаса. Именно в этом Карранса и видел причину последующего переворота и убийства Мадеро. На сей раз, говорил Карранса, революционеры полностью распустят федеральную армию и уберут от власти всех, кто сотрудничал с узурпатором Уэртой.

Но самым главным итогом переговоров было жесткое предостережение со стороны Каррансы против военного вмешательства США, каким бы предлогом оно ни оправдывалось.⁸⁷ Деша Хейла крайне раздосадовала и Вильсона, и Брайана, рассчитывавших на куда более почтительное поведение Каррансы. Госсекретарь даже заметил, что глава мексиканских конституционалистов не понимает мексиканского конституционного процесса. Через Хейла Брайан сообщил Каррансе, что при таких условиях США не могут оказать повстанцам серьезного содействия. Карранса не настаивал, и переговоры опять прервались к взаимному неудовлетворению сторон.

Вильсон был раздосадован неуступчивостью Каррансы еще и потому, что как раз в это время Вашингтону удалось окончательно сломить сопротивление Лондона возможной интервенции. 13 ноября 1913 года Вильсон принял личного секретаря британского министра иностранных дел Уильяма Тиррела. А уже на следующий день английский посланник в Мехико Карден во главе делегации иностранного дипломатического корпуса посетил Уэрту и потребовал его немедленной отставки.⁸⁸ Одновременно Вильсон разослал во все американские посольства циркулярную депешу с разъяснением курса администрации в мексиканских делах. В этом документе прямо говорилось,

⁸⁷ Cumberland C. C.. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 107

⁸⁸ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 108

что «если генерал Уэрта не уйдет в отставку под давлением обстоятельств, то долгом Соединенных Штатов будет убрать его менее мирными средствами». США обещали заранее проинформировать дружественные государства о начале вооруженного вмешательства.

Однако все воинственные заявления американцев разбивались о неуступчивость Каррансы, который не сомневался, что разделается с Уэртой собственными силами. Вильсон оказался в не очень-то простой дипломатической ситуации. Любой ультиматум, как известно, только тогда чего-нибудь стоит, если его выполняют. А тут получалось, что Уэрта фактически игнорировал все грозные окрики Вашингтона, и ничего не происходило. Линд просил хотя бы отменить эмбарго, как этого и желал Карранса.

В январе 1914 года с новой инициативой выступили британцы. Лондон обещал уговорить другие европейские державы присоединиться к его демаршу с требованием отставки Уэрты, если Вильсон одобрит этот шаг и представит программу будущего правительства Мексики. Возможно, рассуждали англичане, мексиканскому диктатору будет удобнее покориться европейскому, нежели американскому давлению. Но к тому времени американцы убедились в полной бескомпромиссности Каррансы и ответили, что кратчайшим путем достижения мира в Мексике является предоставление обеим воюющим сторонам полной свободы рук в войне друг с другом.

Интересно, что в случае выработки некоей компромиссной правительственной программы, которая удовлетворяла бы и Уэрту, и Каррансу, еще неизвестно, какая из сторон оказалась бы более склонной к осуществлению в Мексике структурных социальных реформ. Конечно, Уэрта был диктатором, но, как мы убедились, и Карранса правил на подвластной ему территории отнюдь не демократическими методами, причем оба соперника оправдывали фактическое попрание конституции условиями военного времени. Что же касается их социальных программ, то Уэрта был готов идти на более глубокие преобразования, чем Карранса – пусть и либеральный, но все-таки помещик.

Вся экономическая программа Каррансы сводилась к практически полному отсутствию этой самой программы. В одном из декретов глава конституционалистов объявил, что все иностранные граждане получают компенсацию за ущерб, причиненный им в ходе гражданской войны. Кроме того, он строго запретил проводить любые экспроприации и конфискации собственности, особенно земельной. Карранса допускал лишь (и то под давлением своих военачальников) временный секвестр угодий врагов революции. Однако эти поместья не распределялись между крестьянами или пеонами. Они поступали под управление властей, которые за счет эксплуатации асиенда финансировали военные расходы, прежде всего приобретение оружия. В Соноре был создан специальный офис по управлению секвестрированным имуществом. Примечательно, что условия труда крестьян и пеонов на вре-

менно изъятых асиендах были ничем не лучше, чем при прежних хозяевах-контрреволюционерах.

Уэрта же первоначально проводил в основных областях социальной политики не менее радикальную политику, чем его предшественник. Волей случая вырвавшись из бедности, Уэрта уделял повышенное внимание образованию, цену которому он знал гораздо лучше, чем выходец из богатой семьи Мадеро. При Мадеро доля государственных расходов на образование в федеральном бюджете составляла 7,8%, что лишь ненамного превышало аналогичный показатель эпохи Диаса – 7,2%. За время краткого правления Мадеро было построено примерно 50 новых школ в сельской местности, да еще правительство стало субсидировать программу школьных обедов для бедных учеников.

При представлении первого бюджета нового кабинета Уэрты на 1913–1914 годы расходы на образование было решено увеличить до 9,9% (таких цифр этот показатель достиг вновь только в 1922 году).⁸⁹ При этом министр образования Эстаньоль подчеркивал в обращении к Конгрессу, что правительство намерено поддерживать сооружение школ и детских садов, прежде всего в сельской местности и бедных кварталах городов. В богатых кварталах Мехико правительство тратит на тысячу мест в детских садах 100 тысяч песо, но эти детские сады доступны только зажиточным столичным семьям. Эстаньоль пообещал, что теперь правительство будет строить образовательные учреждения в бедных пригородах столицы. В целом министр образования просил Конгресс согласиться с выделением на нужды образования 4,5 миллиона песо, на которые правительство обещало построить 5 тысяч новых школ.

Министр отмечал, что особенно важно охватить образованием индейские деревни, многие жители которых до сих пор не знают государственного испанского языка. Такой подход сильно контрастировал с эпохой Диаса, когда индейцев считали низшей и вымирающей расой, балластом для страны. Конгресс одобрил бюджет министерства образования и одновременно выделил деньги на увеличение зарплат учителям на 25%. Вся территория страны была разделена на 36 образовательных зон, состоявших, в свою очередь, из 500 образовательных округов. Предполагалось, что в каждом округе будет построено 10 новых сельских школ. Планы правительства встретили восторженный прием на местах. Многие коммуны решили выделить средства на поддержку строительства школ, а некоторые индейские общины бесплатно работали на возведении зданий.

Конечно, осуществлению столь честолюбивых планов мешали боевые действия и постоянные перестановки в правительстве. К моменту отстав-

⁸⁹ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 159

ки Эстаньоля летом 1913 года успели построить около 35 новых школ, но к сентябрю того же года в строй ввели 131 сельскую школу на 10 тысяч учеников. В условиях войны и инфляции это было хорошим достижением.⁹⁰

Новый министр образования Наранхо, продолжая программу школьного строительства, решил коренным образом реформировать и высшее образование Мексики. Как уже упоминалось, при Диасе под влиянием «сьентификос» в учебных программах основное внимание уделялось точным наукам. Будущий специалист должен быть только беспристрастным технократом, но отнюдь не сознательным гражданином. Гуманитарные предметы при Диасе изучались на последнем курсе, который многие студенты просто бросали, так как чувствовали себя достаточно подкованными по основной, технической специальности.

Наранхо был противником естественнонаучного детерминизма и справедливо полагал, что человеческое общество не подчиняется строго математическим законам развития. Он хотел, чтобы человек с высшим образованием помимо узкоспециальных знаний обладал еще и четким мировоззрением, так как именно из образованного класса выходили почти все государственные чиновники и политики. В декабре 1913 года программа высших учебных заведений была изменена, и первые три курса обучения дополнены такими предметами, как литература, история и философия.

При Уэрте впервые правительство стало уделять внимание нуждам коренного населения страны (что неудивительно, если учесть, что и сам он на три четверти был индейцем). Вместо оскорбительных насмешек над «тупыми и ленивыми» индейцами газеты стали именовать их «бронзовой расой». Во время традиционного празднования Дня Куаутемока (ацтекский вождь, который оборонял Мехико против испанских конкистадоров в XVI веке) правительство впервые направило оркестр столичной полиции для участия в церемонии. Был учрежден этнографический институт, который стремился сохранять и развивать традиционные индейские ремесла. При Уэрте министром федерального правительства впервые в истории страны стал чистокровный индеец – Аурелиано Уруттия, причем занимал он второй по важности пост министра внутренних дел. Конечно, это назначение было произведено прежде всего по политическим, а не по расовым мотивам. Однако Уруттия не отрекся от своих корней и стал направлять в индейские деревни бригады специалистов, помогавших развивать медицинскую и образовательную системы, которых во многих уголках страны еще не было.⁹¹

⁹⁰ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 161

⁹¹ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 163

Что касается аграрной реформы, то сначала Уэрта предполагал лишь продолжать линию Мадеро. Как и его предшественник, генерал и не помышлял о разделе крупных поместий, ведь это противоречило бы священному статусу частной собственности. Но, в отличие от Мадеро, Уэрта был куда более гибким политиком, и по большому счету каких-либо «табу» в его мировоззрении не существовало. Пока же Уэрта, как и Мадеро, собирался распределять между желающими пустующие государственные земли и оказывать поддержку тем, кто согласится их взять.

Уже 1 марта 1913 года правительство объявило, что в преддверии посевной кампании оно готово раздавать семена всем желающим бесплатно.⁹² В некоторых районах страны предполагалось разместить филиалы столичной агротехнической школы, которые должны были пропагандировать современные методы земледелия в зависимости от особенностей климата в каждой из сельскохозяйственных зон страны.

Не боялся Уэрта и продолжить осторожно начатую при Мадеро программу возрождения индейского общинного землепользования. В апреле 1913 года было дано разрешение возвратить 78 общинам земли, отнятые у них во время правления Диаса. Причем речь шла о землях воинственных индейцев яки, которых Уэрта таким путем старался перетянуть на свою сторону и убедить не поддерживать конституционалистов.

В конце весны 1913 года Уэрта решился на шаг, который Мадеро всегда казался слишком радикальным. Он захотел создать Министерство по аграрным вопросам и вдобавок вооружить это ведомство неплохим бюджетом. Интересно, что создание такого министерства успешно блокировал Конгресс, считавшийся более радикальным, чем правительство. Возможно, что депутаты, как и в случае с попыткой Уэрты осуществить заем на международном финансовом рынке, выполняли инструкцию Каррансы, который не хотел роста популярности правительства среди крестьян. Только в феврале 1914 года министерство было наконец создано, но уже через несколько месяцев пришедший к власти Карранса его упразднил.

Уэрта считал предложение Мадеро о покупке государством у помещиков земель для их распределения между крестьянами нереалистичным, потому что помещики стремились продать свои угодья государству втридорога. Поэтому временный президент поручил своему министру финансов Эскивелью Обрегону разработать реальный механизм решения этого вопроса.⁹³

Министр придумал то же самое, что уже попытался (при сопротивлении Мадеро) осуществить в Чиуауа Абрахам Гонсалес. Эскивель Обрегон

⁹² Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 165

⁹³ Политические взгляды Эскивеля Обрегона наглядно иллюстрирует тот факт, что в свое время Мадеро, как упоминалось выше, видел его в роли вице-президента страны.

исходил из того, что многие помещики, чьи земли заложены-перезаложены в разных банках, обрадуются возможности сбыть с рук хотя бы часть своих угодий. Но проблема в том, что у крестьян нет средств, чтобы эти земли приобрести. Поэтому государство должно сыграть здесь роль посредника. Министр предложил выпуск государственных ценных бумаг, с помощью которых крестьяне могли бы финансировать приобретение собственных участков.

Однако в Мексике того времени владение поместьем служило не только и не столько средством извлечения прибыли. Оно было показателем общественного статуса личности, что ценилось гораздо дороже. Чем большим количеством гектаров владел тот или иной человек, тем большим авторитетом пользовался он в высших слоях общества. Поэтому план Эскивеля Обрегона, наверное, не удался бы из-за нежелания помещиков расставаться с символом своего привилегированного положения. Но, так или иначе, «прогрессивный» Конгресс отказался одобрить предложения министра финансов. Скорее всего, за этим тоже стояло стремление Каррансы не допустить роста популярности режима. Зато начиная с лета 1913 года многие помещики, напуганные социальными экспериментами Уэрты, стали переходить в лагерь конституционалистов.

Но правительство не смирилось с поражением своей аграрной инициативы. Как уже упоминалось, первым министром по аграрным вопросам в истории Мексики стал депутат Тамарис, из-за утверждения которого у Уэрты возник очередной кризис в отношениях с Конгрессом. Назначение Тамариса, который придерживался консервативных взглядов, вроде бы не сулило скорых перспектив радикального решения земельного вопроса. Он тоже был противником экспроприации собственности, однако предложил Конгрессу идею, которую, опять же, пытался воплотить годом раньше Гонсалес в Чиуауа. Тамарис внес законопроект о прогрессивном налогообложении крупной земельной собственности. Государство фактически принудило бы помещиков избавиться от излишков земли с помощью налогового пресса. Но Конгресс вновь отклонил инициативу правительства.

Таким образом, можно сделать вывод, что именно Конгресс, где были сильны позиции сторонников конституционалистов, не позволил правительству Уэрты перераспределить земельную собственность в крупных масштабах.

Первые полгода пребывания у власти Уэрты не оставлял надежды добиться признания США, поэтому вел себя крайне осторожно по отношению к иностранным инвесторам на территории страны. Однако с течением времени он перешел к активным действиям и на этом участке внутривнутриполитического фронта. Сначала правительство решило обложить налогом (3 сентаво за баррель) всю добываемую в стране нефть, но это могло рассматриваться как чисто фискальная мера, вынужденная нараставшими военными расходами. Тем

не менее уже в сентябре 1913 года (после провала миссии Линда и замаячившей на горизонте угрозы американской вооруженной интервенции) депутат Моэно по согласованию с правительством предложил полностью национализировать нефтяную промышленность.⁹⁴ В качестве обоснования своей инициативы депутат ссыался на пример европейских стран. Франция и Германия национализировали железные дороги, Англия – угольную промышленность. Почему же Мексика не должна контролировать собственные недра?

Уэрта использовал инициативу Моэно, чтобы припутнуть американцев, одновременно намекнув англичанам, что по отношению к ним национализация пока применяться не будет. Однако англичане были очень встревожены планами правительства. Именно тогда они отказались от самостоятельной линии в Мексике в пользу фактического подчинения американским интересам.

Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, Уэрта назначил Моэно министром иностранных дел. Новый министр, в свою очередь, немедленно заявил о готовности отказаться от высокого поста и вернуться в Конгресс, если его усилия понадобятся для лоббирования законопроекта о национализации. Но когда на свое первое заседание собрался новый состав Конгресса, избранный в октябре 1913 года, правительство уже не форсировало принятие столь радикального закона, а сами депутаты на нем тоже не настаивали.

Весной 1914 года Уэрта рассматривал менее радикальный, но более эффективный план взятия под контроль нефтяного сектора.⁹⁵ На этот раз предполагалось взять под контроль не саму добычу, а транспортировку «черного золота». Имея в своих руках нефтепроводы и портовые склады, правительство могло бы диктовать условия иностранным производителям. Однако весной 1914 года Уэрте было уже не до нефтяной промышленности: резко ухудшилась военная обстановка на севере.

Очень интересна политика Уэрты по отношению к организованному рабочему движению. Как уже упоминалось, самой влиятельной рабочей организацией Мексики был в то время «Дом рабочих мира» в Мехико. К концу правления Мадеро у него сложились крайне неприязненные отношения с властями. «Реакционер» Уэрта в 1913 году разрешил «Дому» официально отпраздновать 1 мая. Единственными условиями были отсутствие прямо направленных против правительства лозунгов и отказ «Дома» от поддержки конституционалистов. Но у рабочих лидеров и без того не имелось никаких причин для особой любви к помещику Каррансе. 25-тысяч демонстрантов, шедших под красными знаменами, призывали к введению восьмичасового рабочего дня и шестидневной рабочей недели.⁹⁶

⁹⁴ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 170

⁹⁵ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 172

⁹⁶ Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 166

Однако уже в конце мая руководство «Дома рабочих мира» решило провести совместную демонстрацию с либералами под антиправительственными политическими лозунгами. 25 мая на улицы Мехико вышли более 8 тысяч демонстрантов. Один из ораторов, сторонник конституционалистов Антонио Диас Сото-и-Гама открыто обвинил Уэрту в убийстве Мадеро. Генерал не мог стерпеть такого афронта ни от кого вне зависимости от политических убеждений. Полиция произвела аресты среди руководителей «Дома», а трое иностранцев из их числа были высланы из Мексики. Тем не менее сам «Дом» закрывать не стали – правительство давало понять, что против чисто профсоюзной деятельности оно ничего не имеет. С арестованными рабочими лидерами власти обращались довольно предупредительно.

После событий 25 мая руководство «Дома» отказалось от политических забастовок, однако развернуло широкую пропагандистскую деятельность. Группа толковых ораторов, прозванная «Красной трибуной», выступала перед желающими с анализом основных экономических и политических проблем страны. Критиковались государство в целом и капиталистический строй. Прямых нападок на Уэрту ораторы избегали. Постепенно ораторы «Красной трибуны» стали собирать многотысячные толпы, а по мере ухудшения военного положения режима их речи становились все более радикальными. В конце концов, Уэрта стал воспринимать «Дом рабочих мира» как агентуру конституционалистов. По его указанию полиция захватила и полностью разгромила здание. «Дом» был закрыт, а около 20 его руководителей оказались за решеткой. Сото-и-Гама вместе с некоторыми товарищами смог скрыться и встал под знамена Сапаты.

Репрессии Уэрты против «Дома» были вызваны не ненавистью генерала к рабочему движению, а возмущением политической антиправительственной деятельностью анархистского профсоюза. Гнев Уэрты усиливало то, что он считал свое правительство гораздо более расположенным к фабричному пролетариату, чем, например, кабинет Мадеро.

Для такой точки зрения у генерала были определенные основания. Уэрта хотел создать отдельное Министерство труда. Эти планы так и не воплотились в жизнь, однако уже через месяц после прихода Уэрты к власти инспекторы созданного Мадеро Национального ведомства труда (оно находилось в составе Министерства развития) начали поездки по фабрикам с целью обследования условий труда женщин. Если владельцы фабрик не соглашались добровольно улучшить условия, чиновники угрожали полным закрытием производства.⁹⁷

Уэрта также основал внутри ведомства труда специальное агентство, которое должно было стать прообразом общенациональной службы занятости. Всем предпринимателям настоятельно рекомендовалось сообщать

⁹⁷ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 173

новому агентству о свободных вакансиях. Еще федеральное правительство рекомендовало властям всех штатов организовывать на своем уровне ведомства по труду, чтобы содействовать улучшению условий жизни рабочего класса. Национальное ведомство стало публиковать ежемесячный бюллетень, в котором публиковались отчеты о состоянии условий труда на различных предприятиях. Экономические стачки режим Уэрты не подавлял. Государство активно подключалось к арбитражному разбирательству и принимало решения то в пользу бастующих, то в пользу предпринимателей.

Пропаганда конституционалистов с большим успехом преподносила режим Уэрты как клерикальный. После поражения консерваторов в гражданских войнах XIX века это было довольно серьезным обвинением в глазах политически активных мексиканцев. Однако на самом деле Уэрта относился к церкви терпимо (как, например, и к тем же рабочим) до тех пор, пока она не критиковала его правительство. Сама церковь, в свою очередь, со временем все более явно симпатизировала генералу просто потому, что Карранса занимал жесткую антиклерикальную позицию, столь традиционную для классического мексиканского либерализма.

Уэрта стремился использовать авторитет церкви (сохранявшийся на высоком уровне в сельской местности) в своих политических целях. 6 января 1914 года с согласия режима во всех храмах страны были проведены специальные службы в поддержку правительства.⁹⁸ В то же время он без всяких колебаний закрыл католическую газету «Ла Унион Популар», критически настроенную по отношению к властям. Лидеры Католической партии Мексики (прежде всего кандидат в президенты Гамбоа) были возмущены подтасовками в ходе голосования 26 октября 1913 года. Протестовали католики и против роспуска Конгресса, в котором Католическая партия была довольно сильно представлена. В ответ на критику Уэрта просто арестовал лидера Католической партии Сомеллеру.

Таким образом, Уэрта проводил политику классического бонапартизма. Он был готов опереться на любые политические и социальные силы, если это укрепляло его власть. В отличие от Мадеро или Каррансы, генерала не имел жестких идеологических предрассудков, которые мешали бы ему проводить те или иные социальные меры. Конечно, Уэрту не назовешь образцовым революционером. Однако по целому ряду жгучих проблем мексиканской действительности его позиции были гораздо ближе чаяниям простых граждан, чем взгляды того же Каррансы.

Конституционалистская пропаганда добилась больших успехов и в стране, и за ее пределами, рисуя Уэрту человеком, склонным ко всем мыслимым порокам. Его величали не иначе как алкоголиком и наркоманом. Наркоманом Уэрта не являлся, а вот выпивать действительно любил. Как

⁹⁸ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 168

мы уже говорили, он пристрастился к спиртным напиткам во время кампании по усмирению восстания на Юкатане в 80-е. С годами алкоголя ему требовалось все больше и больше, и на момент своего президентства Уэрта за обедом выпивал бутылку хорошего коньяку. Жена временного поверенного США передавала в виде светской сплетни слова Уэрты: единственными иностранцами, достойными уважения мексиканского народа, являются Хеннеси и Мартель.

Однако никто и никогда не видел генерала пьяным. Сколько бы он ни выпивал, это не мешало ему вникать во все государственные дела. В этом смысле он чем-то походил на Черчилля, который тоже не мог провести свой рабочий день без коньяка или виски. Но британского премьер-министра запойным алкоголиком не величали.

В отличие, например, от Мондрагона, Уэрту было трудно заподозрить в коррупции. Позднее, находясь в эмиграции в Испании, бывший президент жил довольно скромно. Для сравнения отметим, что коррупция в годы мексиканской революции имела широкое распространение во всех лагерях. В Соноре все знали о махинациях с конфискованным имуществом брата генерала Обрегона Хосе. Брат Вилья Иполито, позднее бежавший в США, вывез с собой баснословную по тем временам сумму – 500 тысяч долларов. Томас Урбина практиковал заключение под стражу и последующее освобождение за определенный выкуп (такая же практика была распространена и в Соноре, просто о ней помалкивали). Вилья знал, что многие его командиры фактически стали собственниками конфискованного у врагов революции имущества. Однако он предпочитал во время войны не вмешиваться в сомнительный бизнес своих соратников, видя в нем дополнительное средство, которое обеспечивало их лояльность.

Уэрта, придя к власти, отказался от официальной резиденции и продолжал жить в своем личном, отнюдь не роскошном доме. Ко всякого рода официальным церемониям (особенно к таким, которые требовали облачения в неудобный фрак) он относился как к обузе и по возможности старался их избегать. Свободное время Уэрта проводил с семьей (у него было 11 детей) в загородном доме под Мехико. Иногда там же собирались и заседания правительства. Если на официальных приемах согласно мировой моде того времени подавались изысканные французские блюда, то дома генерал предпочитал обычную мексиканскую еду (например «энчиладас»).

Каких-либо обвинений в супружеской неверности против Уэрты также никто никогда не выдвигал.

Можно сделать вывод, что Уэрта представлял собой хрестоматийный тип политика, испытывающего упоение от самой власти, а не от ее внешних атрибутов. Неизмеримо важнее, чем деньги или недвижимость, для

⁹⁹ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 130

него была возможность добиться претворения в жизнь собственных замыслов. На беду, он встретил на своем пути такого же аскета – Каррансу. Неудивительно, что этим людям не удалось достичь компромисса.

Социальные реформы на территории, контролируемой конституционалистами, можно было бы и не описывать по причине отсутствия таковых. Однако одно исключение из общего правила достойно большего, чем краткое упоминание.

1 декабря 1913 года, когда дисциплинированные отряды Вильи заняли столицу Чиуауа, встал вопрос об организации власти в штате. Карранса хотел видеть на посту губернатора своего ставленника Мануэля Чао, но все сознавали, что авторитетом в штате пользуется только один человек – Вилья. Ведь Чао даже не был уроженцем Чиуауа. Сам Вилья прекрасно понимал, что ему, полуграмотному поденщику и скотоводу – только в военной тюрьме при Мадеро он начал регулярно читать и осилил «Трех мушкетеров» Дюма, – негоже рядиться в губернаторы.

К тому же все еще шла война, а совмещать руководство растущей армии с гражданской административной деятельностью было бы трудно и для грамотного специалиста.

Однако на совете командиров, где мнения Каррансы не спрашивали, Вилье предложили стать военным губернатором Чиуауа, и он согласился. На протяжении последующих четырех недель Вилья провел в штате преобразования, которые еще больше укрепили его авторитет. Он начал с того, чего так и не разрешил сделать своему другу Абрахаму Гонсалесу Мадеро. Одним декретом новый губернатор штата объявил о полной и безвозмездной конфискации имущества клана Террасас-Криль. В декрете четко оговаривалось – имеется в виду не временный секвестр, а окончательная экспроприация.¹⁰⁰

Конечно, положение Вильи в Чиуауа было во многом уникальным. Едва ли не все население штата – от бедняков-пеонов до помещиков – ненавидело всесильный клан, державший в своих руках экономическую и политическую власть десятилетиями. Поэтому декрет Вильи восприняли на ура почти все жители Чиуауа. В соседних Соноре или Коауиле таких доминантных кланов не имелось, а тамошние помещики (одним из которых был сам Карранса) в основном поддерживали повстанцев. Террасас же был на стороне Уэрти и ушел из столицы Чиуауа вместе с отступавшими федеральными войсками.

Вилья, однако, не стал делить поместья Террасаса между крестьянами. Как и в Соноре, он поставил их под контроль властей штата. Все доходы с асиенд использовались для оснащения «Северной дивизии». Но Вилья пообещал: после победы революции имения будут разделены между солдатами «Северной дивизии» и семьями погибших бойцов. Такие обещания привлекли в ряды вильистов много добровольцев. В отличие от Каррансы,

¹⁰⁰ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 236

Вилье доверяли, помня его заботу о демобилизованных революционерах в 1911–1912 годах. Для социально не обеспеченных слоев населения он был своим человеком, не понаслышке знавшим о тяжелом положении большинства соотечественников.

Будучи в постоянной зависимости от бесперебойных поставок оружия и боеприпасов из США, Вилье не трогал американскую собственность на подконтрольной ему территории. Однако всем испанцам предложили немедленно покинуть Мексику, а их имущество конфисковали. Этот шаг Вилье аргументировал активной поддержкой испанцами переворота Уэрты. Он рассказывал, что в пору своего тюремного заключения беседовал с генералом Рейесом и узнал от последнего об активном участии испанцев в заговоре по свержению Мадеро. Но были и более глубинные, идеологические мотивы. Вилье испытывал ненависть к испанцам – бывшим колонизаторам своей страны – и считал, что пришло время расплаты. В Чиуауа он нехотя разрешил остаться только испанским монахиням.

Карранса не одобрял мер против испанцев, тем более что за них вступились дипломаты США, представлявшие интересы Испании во всех мексиканских городах, где не было ее консульств. Однако и сам Карранса был ярким националистом и патриотом. Поэтому он в резкой форме отказал американским дипломатам в праве представлять интересы подданных других стран, если последние имеют на территории Мексики посольства или миссии.

Вилье старался принять меры и по немедленному облегчению сложного положения основной массы жителей штата. В ходе постоянных военных действий закрылось большинство горнорудных предприятий, рабочие которых были выброшены на улицу. Многие голодали. На рождество 1913 года Вилье распорядился выдать каждому бедняку в Чиуауа по 15 долларов.¹⁰¹ Особым декретом Вилье установил предельные цены на мясо в размере 15 сентаво за килограмм (при Уэрте килограмм мяса стоил песо), хлеб – примерно 4 американских цента за каравай, молоко – 5 центов за кварту. Его солдаты не только контролировали соблюдение декрета на рынках, но и обеспечивали поставки туда мяса с поместий Террасаса. Вилье организовал также бесплатное распределение продуктов питания. Когда торговцы пытались обойти ценовые ограничения, указывая цены в серебряных («довоенных») песо и в песо Вильи, последний распорядился подвергать каждого ловкача 60-дневному заключению в тюрьму.¹⁰²

В результате всех этих мер авторитет Вильи вышел далеко за пределы штата и превысил популярность Каррансы, к большому неудовольствию

¹⁰¹ McLynn F., Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution, New York, 2000. P. 191. Вилье печатал в Чиуауа свои песо, и американские банки принимали их по курсу 18–19 центов за 1 песо под личную гарантию Вильи.

¹⁰² Фактически торговцы стремились продавать товар только за «серебряные» песо.

последнего. Карранса стал активно рассказывать иностранным представителям о необузданности и дикости Вильи, незнакомого якобы с цивилизованными формами общения.

Сам же Вилья действительно подчас этими формами пренебрегал. Но отнюдь не из-за своей дикости. За всеми его на первый взгляд экстравагантными шагами стоял точный расчет. Он, например, нисколько не колеблясь, арестовал укрывшегося в британском консульстве в Сьюдад-Чиуауа Луиса Террасаса-младшего. Вилья просто подозревал, что глава клана не унес с собой все свое богатство. Действительно, Террасас-младший вскоре «раскололся» и рассказал, что в одной из колонн здания «Банко де Минеро» спрятано золото. Но и после этого его не отпустили на свободу. Вилья держал важного узника в качестве заложника на случай возможных политических комбинаций. Партизанский командир справедливо полагал, что сын в плену раз и навсегда отобьет у Террасаса-старшего охоту участвовать в открытом финансировании режима Уэрты.

О прагматизме Вильи свидетельствует и то, что, арестовав Террасаса-младшего, он одновременно объявил в штате широкую политическую амнистию. Многие ороскисты после этого впервые смогли сложить оружие и, не опасаясь за свою жизнь, вернуться к мирному труду.

Карранса между тем решил показать Вилье, кто в доме хозяин, и объявил 7 января 1914 года о смещении того с поста губернатора и назначении на эту должность Мануэля Чао.¹⁰³ Вилья внешне покорился, так как он оставался командующими всеми войсками Чиуауа, и в этом плане Чао должен был ему подчиняться. К тому же Вилья считал, что время для открытого выяснения отношений с Каррансой еще не подошло. Сначала надо было добить Уэрту.

Военные кампании нового, 1914 года стартовали сразу же с началом января и протекали на первых порах с переменным успехом. Конституционалисты хотели ликвидировать последние опорные пункты правительственных войск на американо-мексиканской границе. В Охинаге (Чиуауа) держались более трех тысяч солдат и офицеров под командованием генерала Меркадо, отступивших из столицы штата в декабре. Через Охинагу не проходили железнодорожные магистрали, и ликвидация группировки Меркадо не имела стратегического значения. Однако в случае ее уничтожения весь штат Чиуауа полностью переходил под контроль повстанцев. Город Пьедрас-Неграс (Коауила) тоже не решал исхода войны. Но там была железная дорога, по которой Уэрта мог получать контрабандное оружие из США. Наконец, город Нуэво-Ларедо на техасской границе был стратегически важен, так как через него шел большой поток двусторонней торговли. За два последних города отвечал командующий войсками конституционалистов на северо-востоке Пабло Гонсалес, до сих пор не имевший за плечами громких побед.

¹⁰³ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 249

В конце декабря 1913 года Гонсалес попытался по примеру Вильи атаковать Нуэво-Ларедо ночью. Однако из-за плохой координации между двумя отрядами нападавших они попали под огонь друг друга и были вынуждены отступить. Командиры подразделений советовали Гонсалесу отойти от Нуэво-Ларедо, так как всполошившийся противник находился в состоянии повышенной боевой готовности. Но Гонсалес, наоборот, решил пойти на штурм всеми силами, надеясь, что федералы деморализованы. В результате напряженных двухдневных боев он потерял убитыми и ранеными около тысячи из своих пяти тысяч бойцов и вынужден был отойти. Таких потерь конституционалисты еще не знали. Нуэво-Ларедо остался в руках Уэрты еще на пять месяцев.¹⁰⁴

Казалось, что по такому же неблагоприятному для революционеров сценарию будут развиваться и события в Охинаге. Меркадо привел в порядок свой потрепанный гарнизон, а отряды Ороско стали проводить рейды по прилегавшей к городу местности. Карранса поручил штурм Охинаги командиру конституционалистов в штате Сакатекас Панфило Натере, который в январе 1914 года находился в Сюадад-Хуаресе. Натера ранее уже захватывал город Сакатекас, правда, на короткое время. Карранса хотел показать, что захватывать опорные пункты федералов может не только Вилья (любимый генерал Каррансы Обрегон к тому времени так и не сумел взять ни одного укрепленного крупного города).

4 января 1914 года повстанцы приступили к штурму Охинаги, захлебнувшись после трехдневных кровопролитных боев. Тогда Вилья лично принял на себя командование осаждавшими город силами, и 10 января начался новый штурм. На этот раз, несмотря на тяжелые потери, конституционалисты смогли ворваться в Охинагу в течение того же дня. Меркадо увел остатки гарнизона на американскую территорию. Из окружения, однако, удалось уйти Ороско, который не собирался складывать оружие.

Успехи Вильи, а также растущая ненависть Вильсона по отношению к неуступчивому Уэрте привели к решению президента США об отмене с 3 февраля 1914 года эмбарго на поставки оружия в Мексику. С этого момента время работало уже против Уэрты. Почти два месяца конституционалисты приводили свои силы в порядок, готовясь к решающим схваткам.

Интересно, что к тому времени Вилья стал любимым героем американской прессы и немалой части американского истеблишмента. В отличие от высокомерного и недоступного Каррансы, Вилья всегда находил время для американских журналистов. Известный репортер, социалист Джон Рид едва смог добиться встречи с Каррансой. При этом интервью должно было проходить следующим образом: Риду предлагалось подать свои вопросы в

¹⁰⁴ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972.

письменном виде, а затем получить письменные ответы.¹⁰⁵ Журналисту за-
прещалось говорить с «верховным главнокомандующим» при встрече. Он
мог только поздороваться и попрощаться. Рида провели в темную комнату,
в углу которой виднелась незаправленная постель, а на столе громоздились
остатки завтрака. Помощник подобострастно представил американца над-
менному человеку в темных очках: «Этот джентльмен говорит, что хочет
выразить свои пожелания успеха Вашему делу». Рид все-таки отошел от
протокола и заверил по-испански, что его газета благоприятно настроена
по отношению к конституционалистам. Тогда Карранса заговорил, и заго-
ворил о деле, которое едва не заставило Вильсона вновь ввести эмбарго на
поставки оружия в Мексику.

Англичанин Уильям Бентон еще с 1892 года жил в Мексике, где сначала
подвизался в качестве старателя на золотых приисках. Со временем он за-
нялся скотоводством и приобрел собственную асиенду. У Бентона сложи-
лись враждебные отношения с соседней деревней, у которой он захватил
часть пастбищ. При Диасе его спокойствие охраняли «руралес», поэтому
британец негативно воспринял революцию Мадеро. Бентон был классиче-
ским белым колонизатором и относился к мексиканцам с нескрываемым
презрением. В 1912 году Бентон впервые столкнулся с Вильей. Последний в
то время боролся против Ороско и попросил Бентона оказать финансовую
помощь его отряду. Англичанин в грубой форме отказал ему, и Вилья не за-
был этого человека.

После освобождения Чиуауа Вилья отдал приказ о конфискации ран-
чо Бентона, так как тот поддерживал Уэрту и был другом клана Террасаса.
К тому же англичанин плохо обращался со своими работниками, подвергая
их официально запрещенным телесным наказаниям.

17 февраля 1914 года Бентон вошел в штаб-квартиру Вильи в Сьюдад-
Хуаресе. Охрана без всяких вопросов пропустила его, зная, что командую-
щий «Северной дивизии» относится к иностранцам предупредительно.
Вилья как раз решал вопрос о выплате тысячи песо вдове убитого в бою ка-
питана. Бентон приблизился к Вилье и в резком тоне потребовал вернуть
его асиенду. (По другой версии – компенсации за скот, который у него рек-
визировали революционеры.) Вилья якобы пообещал выплатить Бентону
компенсацию за конфискованное ранчо при условии, что англичанин поки-
нет Мексику. Однако (далее приводится версия Вильи) Бентон в припадке
ярости выхватил пистолет, направил его на командующего и закричал, что
не позволит такому бандиту, как Вилья, себя грабить. Вилья позвал охрану,
которая быстро скрутила англичанина.¹⁰⁶

¹⁰⁵ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico. 1810–1996. New York, 1997. P. 341

¹⁰⁶ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 326

Вилья поручил своему генералу Родольфо Фьерро, чистившему сапоги в соседней комнате, расстрелять наглеца. Фьерро был крайне жестоким человеком даже по меркам того беспокойного времени. Он убивал пленных с садистским наслаждением и однажды собственноручно расстрелял несколько сотен ороскистов, предложив им игру в «русскую рулетку». Сам Фьерро с револьвером стоял в огражденном забором саду. Группа пленных должна была преодолеть этот сад, и тем, кому удалось бы перелезть через забор, гарантировалась свобода. В каждой группе было столько человек, сколько пуль в револьвере Фьерро. Из примерно 200 пленных спасся только один. Все остальные были застрелены генералом.

Фьерро отвез Бентона на поезде в окрестности Сьюдад-Хуареса и предложил тому выбрать место для могилы. Англичанин не потерял самообладания и перед лицом расстрельной команды. В этот момент Фьерро сзади ударил его лопатой по голове, и труп (а может быть, и еще живого человека) быстро закопали.

Есть, правда, и другая версия инцидента, согласно которой Бентона убил в офисе сам Вилья, а Фьерро только зарыл тело.

Жена Бентона забила тревогу, когда ее муж не вернулся от Вильи. Американские газеты посвящали исчезновению британца первые полосы. Так как английское правительство признавало Уэрту, оно попросило американцев выяснить судьбу Бентона. США восприняли инцидент как средство продемонстрировать модифицированную «доктрину Монро» в действии. Согласно этой доктрине США не только не допускали вмешательства европейских держав во внутренние дела стран Северной и Южной Америки, но и требовали, чтобы европейцы решали свои проблемы с Латинской Америкой через Вашингтон.

Но не одни лишь американцы решили раскрутить дело Бентона для демонстрации своего влияния. В тех же целях инцидент решил использовать Карранса. «Верховный главнокомандующий», которого и так тревожила популярность Вильи, немедленно потребовал, чтобы все обращения по делу Бентона шли только на его имя.

Во время уже упоминавшегося выше интервью с Ридом Карранса вдруг раздраженно произнес: «Дело Бентона не имеет никакого отношения к Соединенным Штатам. Бентон был британским подданным. Я дам ответ только представителям британского правительства». Карранса попытался с помощью убитого англичанина поставить на место американцев и, по сути, потребовал фактического признания со стороны Лондона.¹⁰⁷

Заодно Карранса решил дисциплинировать и Вилью. «Верховный главнокомандующий» отчитал своего генерала: Вилья теперь, мол, сам убедился, что ему ни в коем случае не надо лезть в большую политику. По совету

¹⁰⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 330

Каррансы штаб-квартира Вильи 21 февраля 1914 года издала официальное коммюнике, согласно которому Бентон угрожал генералу оружием и был расстрелян за это по приговору полевого трибунала. Однако американцы требовали эксгумации и вскрытия тела Бентона, чтобы убедиться в том, что его действительно расстреляли. Тогда Вилья поручил Фьерро тайно выкопать тело и прострелить его несколькими пулями. Естественно, этот подлог легко установили бы. Но тут Вилью спас Карранса, объявив, что никакого международного расследования дела Бентона не будет, поскольку это нарушает суверенные права Мексики. Одновременно Карранса жестко предупредил Вашингтон все в том же интервью Риду: «Если Соединенные Штаты начнут интервенцию в Мексику под этим смехотворным предлогом, то... это спровоцирует войну, которая помимо ее прямых последствий углубит и так сильную ненависть между Соединенными Штатами и всей Латинской Америкой».

Тем не менее дело Бентона ничуть не повлияло на растущую популярность Вильи в США. Тамашние газеты, воспитанные на «культуре» Дикого Запада, восхищались бывшим бандитом, который смог осуществить свою «мексиканскую мечту». Каким же путем достигнут успех, в Америке спрашивать было не принято. Молодой еще Голливуд открыл для себя Вилью как нового героя вестернов. Его изображали свирепым, но в тоже время непосредственным и добрым дикарем, стремившимся к ценностям американского образа жизни.

Однако президенту США и большей части американского истеблишмента Вилья был симпатичен по иным причинам. Он и вправду постоянно публично восторгался американским образом жизни, в отличие от Уэрты и Каррансы, не скрывавших своего презрения к США. Вилья говорил газетчикам, что целью его борьбы – построить в Мексике такое же общество, как и в Америке, где все равны перед законом и могут заработать себе на жизнь честным трудом. Некоторые исследователи склонны видеть в таких заявлениях только тактическую хитрость: генерал якобы просто не хотел ссориться со страной, из которой его дивизия получала все свое снаряжение. Но представляется, что Вилья, с его натурой бизнесмена, действительно выступал не против богатых как таковых, а только за то, чтобы каждый мексиканец имел шанс стать богатым. Именно под этим углом зрения Вилья видел и распределение земли между своими солдатами. Это было не глобальной аграрной реформой (к которой стремились, например, Сапата и Ороско) а средством вознаграждения тем, кто рисковал ради него, Вильи, жизнью. Имея же собственный надел, бывшие солдаты, получали, по мнению Вильи, реальный шанс разбогатеть.

Президент США Вильсон внимательно читал репортажи Джона Рида из пылающей Мексики. Он принял журналиста и сообщил, что не возражал бы против того, чтобы Вилья стал новым президентом Мексики. Вильсон даже считал необходимым провести в Мексике аграрную реформу и думал,

что это вполне по плечу командиру «Северной дивизии». Инцидент с Бентоном на популярность Вильи в Америке не повлиял еще и потому, что англичанин в глазах американского бизнеса был конкурентом, а собственности граждан США Панчо не трогал.

В марте 1914 года конституционалисты оснастили свои армии американским оружием и перешли к решительным действиям. К тому времени большинство американских консулов в Мексике полагали, что режим Уэрты обречен и его падения следует ждать со дня на день. В середине марта Обрегон продолжил свое осторожное движение на юг вдоль тихоокеанского побережья.¹⁰⁸ Вилья – как всегда, по железной дороге – двинулся на Торреон, а Пабло Гонсалес вновь обложил Монтеррей и начал наступление на важный порт атлантического побережья Тампико.

В ставке Уэрты по-прежнему уделяли основное внимание Вилье. Во-первых, тот был ближе всего к столице, а Гонсалес и Обрегон оперировали в то время на периферийных театрах военных действий. Во-вторых, несмотря на серию поражений в Чиуауа во второй половине 1913 года, федералы рассматривали «Северную дивизию» как наименее боеспособную часть конституционалистов. Взятие Сьюдад-Чиуауа, как и раньше, списывали на трусость Меркадо. Сьюдад-Хуарес считался вообще досадной оплошностью застигнутого врасплох гарнизона. Битву при Терра-Бланке Вилья выиграл не у регулярных войск, а у ополченцев Ороско. Теперь же в прекрасно укрепленном Торреоне его ждал мощный федеральный гарнизон во главе с лучшим генералом федеральной армии Веласко. Уэрта не сомневался, что после разгрома Вильи под Торреоном весь штат Чиуауа в считанные дни будет возвращен под федеральный контроль. Паскуаль Ороско уже был назначен командующим федеральными силами в Чиуауа. В Эль-Пасо перевели крупные суммы денег, с помощью которых Ороско и его генералы должны были финансировать партизанскую войну в тылу Вильи.

Однако к тому времени у Вильи появился свой собственный генерал – Фелипе Анхелес.¹⁰⁹ Этот интеллигентный офицер-артиллерист, родившийся в 1868 году в штате Идальго, был единственным генералом федеральной армии, присоединившимся к конституционалистам. Еще при Диасе у него сложились напряженные отношения с военным министром Мондрагоном. Вместе с последним Анхелес был направлен в Европу для закупки орудий во Франции (как и Мадеро, он очень любил эту страну). Будучи честным человеком, он протестовал против откровенной коррупции при согласовании контрактов, поэтому его отзывали в Мексику. Но революцию 1910

¹⁰⁸ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist Years. Austin, 1972. P. 114

¹⁰⁹ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 203

года Анхелес встретил, снова находясь в Европе. Верный присяге, он просил разрешения вернуться, чтобы принять участие в боях против повстанцев. После прихода Мадеро к власти Анхелес близко сошелся с новым президентом благодаря своей нетипичной для мексиканского генерала интеллигентности. Как уже упоминалось, Мадеро командировал Анхелеса в Морелос для борьбы с Сапатой.

Во время переворота в Мехико в феврале 1913 года Анхелес был подчиненным Уэрты и, по его словам, стал подозревать последнего в двойной игре. Однако он не решился доложить Мадеро о своих подозрениях – якобы потому, что не хотел быть обвиненным в интригах против непосредственного начальника. Анхелес был арестован вместе с Мадеро, но Уэрта все же не стал расстреливать офицера и отправил его с «ознакомительной» миссией в Европу. После восстания Каррансы Анхелес предложил свои услуги конституционалистам, попросив лишь 2 тысячи долларов на переезд из Европы в Мексику. Когда в октябре 1913 года Карранса образовал параллельное правительство, он сделал Анхелеса военным министром.

Это назначение вызвало раздражение Обрегона и почти всех высших офицеров армии Соноры. Обрегон считал, что именно он сам должен стать министром, а офицеры революционных войск не хотели подчиняться генералу федеральной армии. Карранса по своему обыкновению поддерживал то Анхелеса, то Обрегона, но сила была на стороне последнего. К тому же Анхелес включился во внутрисонорские интриги и стал поддерживать основного противника Обрегона, губернатора штата Майторену. Майторена и порекомендовал Вилье пригласить Анхелеса в «Северную дивизию». Вилья уважал грамотных и особенно технически подкованных военных (он многому научился в 1912 году и у самого Уэрты), поэтому с готовностью согласился. При штабе Вильи Анхелес числился теперь уже заместителем военного министра.

В начале марта 1913 года под командованием генерала Веласко в Торреоне были сосредоточены лучшие силы федеральной армии – от 10 до 15 тысяч солдат и офицеров.¹¹⁰ Уэрта прекрасно понимал, что взятие крупнейшего железнодорожного узла страны Торреона Вильей ознаменует коренной перелом в войне. Веласко с декабря не терял времени даром и сильно укрепил не только сам город, но и прилегавшие к нему населенные пункты. Однако у Веласко были длинные линии коммуникаций с центром страны, что исключало быструю присылку подкреплений. На востоке от Торреона к активным действиям перешел Пабло Гонсалес, отрезав Торреон от Монтеррея. Таким образом, войска Веласко находились практически в полной изоляции, тем не менее у них хватало оружия и боеприпасов для длительной битвы.

¹¹⁰ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years., Austin, 1972.

Карранса тоже прекрасно понимал значение Торреона как крупнейшего железнодорожного узла страны на пути к Мехико и отдал указание всем силам конституционалистов помочь Вилье в штурме города. К середине марта под командованием Вильи собрались около 15 тысяч человек. Он возглавил крупнейшие силы конституционалистов: у Обрегона и Гонсалеса, вместе взятых, в то время было примерно столько же бойцов.

20 марта 1913 года войска Вильи захватили первый опорный пункт Веласко на подступах к Торреону – Бермехильо.¹¹¹ Веласко предложили капитулировать. Он отказался. С 23 марта развернулись бои непосредственно за Торреон, которые продолжались 10 дней. Обе стороны несли большие потери. По некоторым данным, Вилья потерял примерно 500 человек, а Веласко – в два раза больше. Очень много было раненых, приблизительно вдвое больше, чем убитых. Вилья применил ту же тактику, которую они с Ороско использовали в мае 1911 года при осаде Сьюдад-Хуареса и которую не смог освоить Пабло Гонсалес. Вильисты атаковали противника и днем, и ночью, не давая ему времени для отдыха. Федералы были деморализованы, и 2 апреля Веласко с 4 тысячами бойцов оставил Торреон.

Генерал отступил к городу Сан-Педро, куда подошли присланные Уэртой подкрепления. Федералы рассчитывали, что измученные непрерывными боями солдаты Вильи на время оставят их в покое. Но Вилья был единственным командиром конституционалистов, который мог личным примером заставить своих людей драться, невзирая на усталость. Остатки группировки Веласко заразили подошедшие свежие пополнения своим пораженчеством, и когда 14 апреля Вилья начал атаку на Сан-Педро, исход сражения ни у кого не вызвал сомнений. К тому же между Веласко и другим генералом, Хоакином Маасом разгорелся ожесточенный спор, кто из них является главным. В результате Веласко продолжил отступление на восток, а Маас взялся оборонять Сан-Педро. Однако вскоре он понял, что при таком соотношении сил шансов у него нет, и отдал приказ отойти, взорвав в городе наиболее значимые здания, в том числе и те, которые принадлежали семейству Мадеро.

Если из Торреона федералы отошли, еще сохраняя порядок, то из Сан-Педро они уже просто бежали. При отступлении были брошены орудия, винтовки и медицинское снаряжение. Сотни людей срывали погоны и избавлялись от формы, чтобы слиться с гражданским населением. В столицу Коауилы Салтильо добрались только несколько сотен измученных людей из тех 20 тысяч, которые еще две недели назад были сливками федеральной армии. Кампания по взятию Торреона и Сан-Педро по своей ожесточенности не знала себе равных в гражданской войне. С 20 марта по 15 апреля погибли

¹¹¹ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972.

примерно три тысячи человек из обеих армий, около шести тысяч были ранены. Джон Рид, находившийся в «Северной дивизии», писал: «Потери конституционалистов были огромны. В четырехдневном сражении было убито около тысячи человек и почти две тысячи ранено».¹¹²

На пути отступления федеральных войск из Торреона на Салтильо еще несколько недель стоял удушающий запах разложившихся трупов. И Сан-Педро, и Торреон сильно пострадали от боев, прежде всего артиллерийского огня и тактики «выжженной земли», которую проводили федералы, оставляя города.

Разгром под Торреоном войск Уэрти открывал Вилье прямой путь на юг, к Мехико. Тем более что покинувшие Торреон части Веласко отступили на восток, где их и без того минимальная боеспособность не играла никакой роли при продвижении «Северной дивизии» в южном направлении. Возможно, Уэрта потерял бы власть уже в апреле, но неожиданно его спасли американцы (конечно, не желая того).

26 марта 1914 года войска Пабло Гонсалеса начали осаду порта Тампико, который обороняли федеральные части общей численностью около 2 тысячи человек под командованием генерала Сарагосы.¹¹³ Гонсалес теперь осторожно прощупывал слабые места в обороне противника, одним из которых, по его мнению, был мост Итурбиде, открывавший путь в город с севера. Однако Сарагоса отбил несколько попыток повстанцев прорваться через мост.

Тампико с населением примерно в 30 тысяч человек был крупнейшим после Веракруса портом атлантического побережья Мексики. Его значение выросло именно в начале XX века, так как через Тампико производился экспорт мексиканской нефти и нефтепродуктов. Соответственно, в городе жило много иностранных специалистов, и по общему количеству иностранцев Тампико уступал только Мехико.

Еще во время трагических событий февраля 1913 года под давлением тогдашнего посла США Вильсона в Тампико и Веракрус были направлены боевые корабли Атлантического флота ВМС США. На них предполагалось эвакуировать американцев и всех прочих иностранцев из Мексики в случае обострения обстановки. К началу апреля 1914 года американский адмирал Генри Майо командовал на рейде Тампико внушительной эскадрой из двух линкоров и двух крейсеров. В порту также находилось по одному немецкому и британскому крейсеру. Адмирал Майо имел указания не ввязываться в гражданскую войну, бушевавшую в Мексике. Прямой радиосвязи

¹¹² Рид Д. Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968, С. 202

¹¹³ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 119

с Вашингтоном он не имел, и все контакты шли через эскадру американского адмирала Флетчера, стоявшую на рейде Веракруса.

Когда отряды Гонсалеса начали осаду Тампико, Майо предложил эвакуироваться из города хотя бы женщинам и детям (естественно, только гражданам США). Однако многие американцы не хотели бросать бизнес. Их настроения не менялись даже в первые дни апреля, когда конституционалисты вплотную приблизились к пригородам Тампико.

9 апреля восемь моряков с американского крейсера «Дельфин», как обычно, отправились на вельботе к принадлежавшему немецкому бизнесмену складу, где они постоянно брали керосин.¹¹⁴ Склад находился на реке, недалеко от моста Итурбиде, который накануне был объявлен федералами запретной зоной (ждали нового наступления Гонсалеса). Офицер федеральных войск, возглавлявший патруль, заметил подозрительных людей и жестами приказал им следовать за ним (американцы не говорили по-испански, а мексиканцы – по-английски). Моряков доставили в штаб командира сектора обороны полковника Инохосы, а немецкий бизнесмен пока сообщил об инциденте адмиралу Майо. Инохоса сразу же понял, какую глупость совершили его подчиненные. Он извинился перед американцами и приказал их немедленно отпустить.

Полковник считал инцидент исчерпанным, но Майо решил заставить мексиканских варваров принести унижительные извинения. Утверждая, что на вельботе был флаг США (мексиканцы это отрицали), Майо предъявил Сарагосе 9 апреля следующий ультиматум: принесение формальных письменных извинений, наказание Инохосы и, главное, водружение на берегу американского флага, которому мексиканцы должны отсалютовать 21-орудийным залпом. На исполнение ультиматума Майо отводил Сарагосе 24 часа.

Майо действовал без всякого согласования с Вашингтоном, и там получили его сообщение об инциденте только 10 апреля, то есть когда срок ультиматума уже истек. Министерство ВМС и президент Вильсон одобрили действия адмирала, так как давно хотели унизить неуступчивого Уэрту.

Временный поверенный в делах США в Мехико О'Шонесси тоже узнал об инциденте 10 апреля – от сотрудника мексиканского министерства иностранных дел. С трудом разыскав Уэрту, американский дипломат поинтересовался его видением всей этой странной истории. Уэрта был явно не склонен драматизировать события. Он решил поначалу, что даже извиняться не стоит, ведь американским морякам не причинили никакого вреда. Мексиканскую общественность Уэрта вообще не намеревался посвящать в курс дела, надеясь, что оно не будет иметь последствий. 10 апреля амери-

¹¹⁴ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 82

канское посольство в Мехико получило ноту, в которой Уэрта все-таки приносил свои извинения и сообщал, что полковник Ихиноса арестован и в отношении его проводится следствие.¹¹⁵ Однако салютовать американскому флагу Уэрта не хотел.

Американские газеты тоже не были склонны придавать недоразумению в Тампико политического значения. А вот президент США Вильсон, с его репутацией пацифиста, придерживался на сей счет совсем иного мнения. 14 апреля 1914 года, узнав, что Уэрта не хочет салютовать американскому флагу, Вильсон приказал всему Атлантическому флоту США идти в Тампико. Без промедления должны были сняться с якоря 7 линкоров, два крейсера и десантный корабль с полком морской пехоты.¹¹⁶ Сенатор от республиканской партии Бора заявил, что США начинают марш к Панамскому каналу.

Однако многие конгрессмены все-таки считали, что военная интервенция против соседнего государства под предлогом обиды за честь американского флага является слишком явным нарушением суверенитета Мексики. Аргументировать же это защитой жизни и имущества граждан США тоже не приходилось, так как на них никто и не посягал.

Неожиданно Вильсону помог своим срочным сообщением американский консул в Веракрусе Кэнада. Он доложил, что 21 апреля 1914 года в Веракрус должно войти немецкое судно «Ипиранга» с важным военным грузом для Уэрты. История эта началась еще осенью 1913 года, когда по просьбе Уэрты сотрудник российского консульства в Мехико Леон Рааст закупил на фабриках Кольта в Коннектикуте винтовки, пулеметы и боеприпасы. Так как к тому времени еще действовало эмбарго на поставки оружия в Мексику, груз был отправлен сначала в Одессу, а потом в Гамбург, где его и забрала «Ипиранга». Из-за внушительного объема (20 скорострельных пулеметов, десятки тысяч карабинов и сотни ящиков различных боеприпасов) груз имел для Уэрты существенное стратегическое значение. Три поезда были готовы немедленно доставить оружие из Веракруса на северный фронт, где федералы сражались против Вильи.

Вильсон сразу же решил оставить Уэрту без важного груза и приказал перехватить «Ипирангу» в Веракрусе.¹¹⁷ Однако командование ВМС предостерегло президента, что в таком случае речь пойдет о пиратстве в отношении немецкого парохода, и Германии, естественно, это может и не

¹¹⁵ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 100

¹¹⁶ Всего курс на Тампико взяли около 50 американских кораблей, на которых находились 22 775 человек. См. Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 195

¹¹⁷ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 106

понравиться. Тогда Вильсон изменил план: надо захватить порт и таможенную Веракрусу, чтобы изъять уже выгруженный с «Ипиранги» груз. Консул Кэнада докладывал, что, по его данным, мексиканская армия не окажет сопротивления и потерь не ожидается.

20 апреля 1914 года Вильсон выступил в Конгрессе и сообщил, что грядущая акция устрашения (какая именно, он не разъяснил) направлена не против мексиканского народа, а исключительно против Уэрты, который якобы специально спровоцировал инцидент в Тампико, чтобы отомстить США за непризнание его режима. Пока конгрессмены аплодировали своему президенту, Майо получил приказ немедленно идти со всем своим флотом в Веракрус, оставив в Тампико только злосчастный «Дельфин».

Для адмирала Флетчера в Веракрусе (под его командованием было два линкора и канонерка «Прерия» с батальоном морской пехоты на борту) приказ о захвате порта прозвучал как гром среди ясного неба. Ведь первоначально ему велели только не допустить швартовки в Веракрусе «Ипиранги». Теперь он должен был занять таможенную и порт, причем в случае сопротивления ему предписывалось захватить весь город. Консул Кэнада пытался договориться с командующим федеральным гарнизоном генералом Маасом о бескровной операции, но тот ответил, что будет сопротивляться.

Сперва американцы не восприняли слова Мааса всерьез. Его считали опереточным генералом, во всем, особенно в форме усов, подражавшим германскому кайзеру Вильгельму II. Под началом Маасса были всего 600 бойцов регулярной армии. Однако, получив предупреждение Кэнады, Маас немедленно вооружил несколько сотен добровольцев из числа «социальной защиты», а также выпустил из тюрем много заключенных.¹¹⁸ Часть из них сидели за уклонение от призыва, и Маас предложил им искупить вину, сражаясь против американцев. Ненависть к янки в Мексике была глубока, и уговаривать никого не пришлось.

В 8 часов утра 21 апреля 1914 года связист принес адмиралу Флетчеру срочную радиограмму: «Захватите таможенную. Не дайте грузу оружия попасть в руки правительства Уэрты или любой другой группы». Адмирал немедленно стал готовить десант в количестве 1200 матросов и морских пехотинцев. Майо, боявшемуся, что после ухода его кораблей в Тампико начнутся антиамериканские погромы, Флетчер на свой страх и риск разрешил вместе с соединением остаться в городе.

В 11.30 американские матросы высадились на берег в Веракрусе. Они быстро установили контроль над пирсом № 4 (туда должна была пришвартоваться «Ипиранга») и таможенной, заняв заодно и центральный телеграф. Маас, только что положивший телефонную трубку после разговора с Кэнадой, ко-

¹¹⁸ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 109–110

А в Веракрусе ожесточенно сопротивлялись кадеты военно-морского училища, и их смогли подавить только главными калибрами американских линкоров. Десант в это время методично захватывал весь город. В целях избежания потерь в уличных боях американцы продвигались из дома в дом, взрывая стены между ними. Ворвавшись через проломы в дом, они сразу же захватывали верхние этажи и крыши. Вскоре сопротивление разрозненных защитников города было подавлено, и к 11 часам утра 22 апреля войска США контролировали весь Веракрус. За честь своего флага американцы заплатили 17 убитыми и 63 ранеными. В боях погибли также около 120 мексиканцев.

Теперь американцам было уже не до «Ипиранги». Госсекретарь США извинился перед германским послом в Вашингтоне фон Бернсторфом за действия командира «Юты», который превысил свои полномочия. Потом «Ипиранга» спокойно вошла в соседнюю гавань Пуэрто-Мехико и выгрузила там оружие. Однако задержка оказалась роковой: современные пулеметы так и не были использованы Уэртой в ключевых сражениях финальной фазы войны.

Для Уэрты захват американцами Веракруса оказался спасительным. Страну потряс взрыв патриотизма. На призывные участки явились десятки тысяч добровольцев, требовавших направить их на борьбу со «свиньями из Янкиландии». Военное министерство даже вынуждено было отправлять многих домой, так как не хватало оружия. Государственные железные дороги выразили готовность немедленно поставить под ружье 150 тысяч человек.¹²⁰ Рабочие многих предприятий добровольно в обеденное время стали проходить военную подготовку. Конгресс на специальном заседании осудил вылазку «кровавых воров и трусов». По улицам Мехико прокатывались многочисленные манифестации, одну из которых возглавлял осел с привязанным к хвосту звездно-полосатым флагом. Еще больше не повезло американскому флагу, из-за которого якобы началась интервенция, в Монтеррее, где его сорвали с американского консульства и сожгли.

Мексиканские бизнесмены украшали свои магазины национальным флагом, чтобы возмущенные соотечественники не спутали их с американцами. Статуя Джорджа Вашингтона в Мехико, торжественно освященная всего два года назад, была свергнута с пьедестала. Разгневанные мексиканцы проволокли ее по улицам столицы. 22 апреля 1914 года О'Шонесси предложили немедленно покинуть страну.

Однако «дикари-мексиканцы» воздержались от погромов и убийств. Были только выбиты витрины в некоторых американских магазинах. Власти арестовали несколько граждан США, но скорее для их же собственной без-

¹²⁰ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 201

тельственной пропаганды, рисовавшей конституционалистов марионетками США. В рядах генералов революционных войск события в Веракрусе не встретили единодушного отклика. Обрегон предлагал объявить США войну. А Вилья заявил американскому представителю при его штабе Каротерсу, что полностью понимает действия США и не возражает, чтобы американцы и дальше оккупировали Веракрус, лишая Уэрту таможенных сборов. Эти слова передали Вильсону, и тот выразил удовлетворение «зрелостью» генерала.

Вилья, однако, предупредил, что если американцы оккупируют другие города Мексики, то против них начнется всенародная борьба.¹²²

В этих условиях реакция Каррансы просто не могла быть не жесткой. «Верховный главнокомандующий» обвинил Уэрту в сознательной провокации и одновременно пообещал, что в случае продолжения агрессии конституционалисты с оружием в руках выступят против США.

Между тем в Веракрусе 27 апреля 1914 года высадилась 5-я пехотная бригада под командованием бригадира Фанстона. Таким образом, в Веракрусе собрались около 8 тысяч оккупантов. Для удержания города этого было достаточно, но для марша на Мехико явно не хватало. Вильсон, похоже, и сам уже не знал, как выпутаться из сложной ситуации. Ведь высадка в Веракрусе встретила не только предсказуемое единодушное осуждение в Латинской Америке, но и негативную реакцию европейских держав. Как нельзя кстати пришлось предложение о посредничестве со стороны Аргентины, Бразилии и Чили. Было решено созвать международную конференцию в канадском городе Ниагара-Фоллс. На нее позвали и представителей Уэрты (хотя ни Аргентина, ни Бразилия, ни Чили режим генерала не признавали), и посланцев Каррансы. Уэрта согласился, надеясь, что в Ниагара-Фоллсе удастся выработать компромисс с конституционалистами. Однако Карранса заявил, что примет участие в конференции, только если мексиканские внутренние дела на ней обсуждаться не будут. Американцы склонялись скорее к позиции Уэрты. Конечно, генерал им не нравился, но и Каррансу президентом Мексики Вашингтон видеть не хотел. Идеальным выходом казался сценарий 1911 года – некое компромиссное переходное правительство. В тогдашней военной ситуации для Уэрты это было приемлемым вариантом.

8 апреля 1914 года войска Пабло Гонсалеса, не снимая осады Тампико, во второй раз начали наступление на Монтеррей. Штурм 18 апреля перешел в несколько дней ожесточенных боев, и почти через неделю защитники были вынуждены покинуть город, бросив большое количество снаряжения.¹²³ Гонсалес с гордостью докладывал Каррансе, что дивизия федеральных войск на северо-востоке Мексики полностью уничтожена. Конечно, по масштабам

¹²² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 337

¹²³ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 120

успех Гонсалеса уступал победе Вильи под Торреоном, однако теперь стало ясно, что федеральным войскам уже не удержаться на севере Мексики.

Падение Монтеррея в глубоком тылу сделало бессмысленным удержание пограничных городов Пьедрас-Неграс и Нуэво-Ларедо. Все железные дороги на юг от этих городов находились под контролем повстанцев. Пьедрас-Неграс был занят войсками Гонсалеса еще за несколько дней до падения Монтеррея, а Нуэво-Ларедо федералы оставили сами, предварительно взорвав все общественные здания.

Успешная кампания под Монтерреем позволила Гонсалесу перебросить дополнительные силы под Тампико, который продолжал упорно сопротивляться. К командиру конституционалистов немедленно обратился уже знакомый нам адмирал Майо и пригрозил вмешательством его флота, если во время штурма погибнут американцы. Однако к тому времени генерала Сарагоса, видимо, уже свылся с мыслью о грядущем поражении.

11 мая, когда войска Гонсалеса осторожно приближались к городу, разразился сильный дождь, сделавший позиции федералов на низменной равнине непролазным болотом. Гарнизон Тампико пытался покинуть город по железной дороге, но она уже была перерезана войсками Гонсалеса. Гарнизону пришлось отступать по тяжелой горной местности, и через три недели части Сарагосы добрались до штата Пуэбла.

На западе Обрегон продолжал свое неспешное продвижение на юг. Крупные порты, например Масатлан, сонорские войска обходили. Сражения Обрегона с федеральными войсками по своим масштабам отнюдь не напоминали битвы Вильи или даже Гонсалеса. Поэтому когда в конце мая Обрегон добрался до конечной станции сонорской железной дороги, его армия была почти что свежей. Теперь, однако, для рывка на Гвадалахару (откуда было уже рукой подать до Мехико) Обрегону предстояло пройти около 200 километров через горы Сьерра-Мадре. Зато на его пути уже не оставалось крупных боеспособных контингентов федеральных войск.

В апреле 1914 года Карранса решил перенести свою ставку в Чиуауа, чтобы эффективнее контролировать Вилью.¹²⁴ «Верховного главнокомандующего» раздражало, что назначенный им губернатором Чао не только подтвердил все декреты, изданные Вильей в декабре 1913 года, но и сам выпустил, явно по просьбе того же Вильи, декрет о распределении конфискованных земель.

К апрелю отношения между Вильей и Каррансой были уже довольно напряженными. Последний не забыл, что еще в мае 1911 года Вилья и Ороско едва не арестовали Мадеро после того, как тот назначил Каррансу военным министром. Весной 1913 года в узком кругу Карранса назвал Вилью «опас-

¹²⁴ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 52

ным упрямым с неясными целями». Наконец, эти двое просто слишком сильно отличались друг от друга – и происхождением, и взглядами на жизнь.

Новым источником разногласий между Вильей и Каррансой стала, как уже упоминалось, оккупация американцами Веракруса. Вилья не только сообщил свое особое мнение Каротерсу, но и написал личное письмо президенту Вильсону. В этом письме Вилья охарактеризовал жесткую ноту Каррансы США как личное мнение губернатора Коауилы и «верховного главнокомандующего».

В апреле 1914 года Вилья наладил более тесное сотрудничество с Майтореной, копившим в тылу Обрегона оружие для последующей после свержения Уэрты битвы за власть. Осенью 1913 года Вилья послал Сапате письмо, в котором обещал провести на подконтрольной ему территории аграрную реформу. Сапата к тому времени уже открыто критиковал Каррансу, которого никогда и не признавал верховным главнокомандующим, за то, что он всячески противился распределению между крестьянами конфискованной у врагов революции земли. На север Сапата послал своего представителя Хильдардо Маганью, который в свое время познакомился с Вильей в тюрьме.

Отвечая Вилье, Сапата предупредил его о кознях Каррансы и предложил держаться вместе. Крестьянский вождь Юга теперь видел именно в дивизии Вильи единственно народный элемент конституционалистской армии. Сапата тоже был решительным противником «съентизма, милитаризма и клерикализма». Именно так именовал своих врагов в письме к нему Вилья.

И Сапата, и Вилья планировали после взятия Мехико провести массовые репрессии против представителей свергнутого режима. Оба были убеждены, что главной ошибкой Мадеро, стоившей ему жизни, был компромисс со старой армией и бюрократией.

В январе и феврале 1914 года Сапата копил силы, а главное – оружие и боеприпасы. В марте было решено комбинированным ударом всей повстанческой армии Юга захватить главный город штата Герреро Чилпансинго. Когда в середине марта город был окружен, федеральное правительство оказалось не в состоянии прислать на помощь подкрепление, так как взбунтовался самый крупный соседний гарнизон. Атака сапатистов (их было около 5 тысяч) на Чилпансинго началась несколько раньше срока – 23 марта 1914 года вместо намеченного 26-го – и увенчалась полной победой.¹²⁵ Командир гарнизона, прославившийся своей жестокостью генерал Картон вместе с 600 уцелевшими защитниками Чилпансинго пытался бежать, но был перехвачен, взят в плен и 6 апреля расстрелян на главной площади столицы Герреро. Американский консул в Акапулько сообщал, что взятие Чилпансинго является крупнейшей до сих пор победой революционеров на юге страны.

¹²⁵ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 182

Между тем в мае в лагере северных конституционалистов произошел раскол, который позднее привел к новой, еще более кровопролитной гражданской войне. Уже не раз упоминалось, что Карранса не доверял Вилье, но именно весной 1914 года взаимное недоверие переросло в открытую вражду. Поощряя в Соноре соперничество тамошнего губернатора Майторены с Обрегеном, «верховный главнокомандующий» не видел причин, почему бы ему не проводить такую же политику и в Чиуауа. Под воздействием Каррансы губернатор Чиуауа Чао стал назначать на ключевые посты своих людей, чтобы подорвать безусловный авторитет Вильи в штате. Но Вилья тоже был весьма искусственным мастером политической игры. Чао – не только губернатору, но и генералу – Вилья как главному конституционалисту в Чиуауа приказал вместе с отрядом выдвинуться под Торреон. Тот отказался, и Вилья немедленно приговорил его к расстрелу за невыполнение приказа в военное время. Однако перебравшийся уже к тому времени в Чиуауа Карранса отменил приговор. Авторитет Вильи был тем самым серьезно подорван.

В побежденном, сильно разрушенном Торреоне Вилья, как обычно, распорядился раздать голодавшему населению припасы из государственных фондов и из конфискованных имений врагов революции. Карранса не только отменил это распоряжение, но и вообще запретил экспроприацию собственности вплоть до принятия решений по этому вопросу легитимной властью, когда она наконец установится.

Но самым опасным для Вильи было назначение Каррансой своего человека управляющим всей сетью северных железных дорог. Мобильность «Северной дивизии» всецело зависела от использования железнодорожных коммуникаций. А для этого нужны были подвижной состав и уголь. И тем, и другим теперь распоряжался Карранса.¹²⁷

Вскоре стало ясно, что тактика Каррансы продиктована не только завистью к военным успехам Вильи. Карранса уже видел в командире «Северной дивизии» самого опасного соперника в будущей борьбе за власть. Поэтому «верховный главнокомандующий» решил под любыми предлогами задержать продвижение «Северной дивизии» к Мехико. Столицу должны были взять лояльные Каррансе генералы, желательнее – Альваро Обрегон. Поэтому 16 мая 1914 года Обрегон получил, к своему удивлению, от Каррансы приказание ускорить продвижение к Мехико. «Верховный главнокомандующий» не доверял не только Вилье, но и Анхелесу, поскольку множились слухи, что именно его Вилья прочит на пост президента страны.¹²⁸

Обрегон немедленно отказался от планов длительной осады важного тихоокеанского порта Масатлан и начал продвижение на восток к крупному

¹²⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 343

¹²⁸ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 52

городу Гвадалахаре. Однако он вел войска маршем и все равно не успел бы к Мехико раньше Вильи, так как в распоряжении последнего была железная дорога. Но тут на помощь Обрегону пришел Карранса.

Южнее Торреона последним крупным опорным пунктом на пути «Северной дивизии» к Мехико был город Сакатекас, в окрестностях которого давно, но не слишком успешно действовали отряды конституционалистов во главе с Панфило Натерой. Карранса преобразовал войска последнего в Центральный корпус и приказал немедленно взять Сакатекас. Одержав победу, Натера фактически отрезал бы «Северной дивизии» путь на Мехико. Но Сакатекас оказался крепким орешком. Город прикрывался природными возвышенностями, которые были хорошо укреплены федералами. Особенно хорошими естественными укреплениями служили две горы – Ла Буфа и Эль Грильо. Под командованием генерала Медины Баррона в Сакатекасе были сосредоточены от 12 до 15 тысяч федеральных солдат и офицеров. Уэрта не сомневался, что Сакатекас способен выдержать длительную осаду. План диктатора состоял в том, чтобы измотать отряды конституционалистов под городом, а затем с помощью свежих отрядов, которые набирал Ороско, нанести им решительное поражение и выиграть войну в целом. Причем Ороско должен был снабдить своих людей современным оружием, которое привезла «Ипиранга».

Натера, видимо, понимал всю бессмысленность своей атаки, но послушаться Каррансу не посмел. Нападавшие уповали лишь на то, что гарнизон взбунтуется и перейдет на их сторону.

Чтобы отдалить от Сакатекаса Вилью, Карранса отдал ему странное со всех точек зрения приказание: развернуть «Северную дивизию» на восток и помочь Пабло Гонсалесу взять столицу штата Коауила Салтильо. Однако Карранса просчитался, думая, что Вилья, как и Гонсалес, надолго завяжет в Коауиле, в то время как Обрегон и Натера спокойно займут Мехико.

11 июня 1914 года Натера пошел в самоубийственную атаку на превосходивший его по численности гарнизон Сакатекаса.¹²⁹ Уже через два дня боев Натера попросил Каррансу немедленно прислать на подмогу как минимум три тысячи человек. Такими силами поблизости обладал только Вилья. Карранса приказал последнему выделить Натере три тысячи бойцов. Вилья отказался: он не хотел жертвовать своими людьми в бессмысленных и неподготовленных атаках. 13 июня состоялся разговор Каррансы и Вильи по телеграфу, во время которого последний заявил о своем несогласии с приказом и попросил снять его с должности командира «Северной дивизии». Карранса тут же согласился и приказал генералам избрать себе нового командира. Однако они приняли решение опять поручить командо-

¹²⁹ Cumberland C. C.. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 135

вание дивизией Вилье, и тот не возражал. Вдобавок генералы «Северной дивизии» решительно осудили поведение Каррансы как диктаторское и мешающее достижению скорейшей победы над узурпатором Уэртой. Явно под влиянием Вильи Каррансу подвергли критике и за «внешнеполитические ошибки». Имелась в виду реакция Каррансы на оккупацию Веракруса, которая заставила Вильсона вновь ввести эмбарго на поставки оружия в Мексику.

Между тем Вилья неожиданно бросил около 8 тысяч своих кавалеристов на город Паредон, прикрывавший Салтильо, и этот сильный оплот федеральных сил был сразу захвачен.¹³⁰ После этого войска Уэрты сами покинули Салтильо, и таким образом Вилья в течение дня выполнил приказ Каррансы. «Северная дивизия» снова была готова к движению на юг. Пока Натера отходил от Сакатекаса на север, с того же севера к городу приближалась вся «Северная дивизия» – около 20 тысяч солдат, хорошо вооруженных и обладавших самым современным в Мексике передвижным госпиталем.

16 июня 1914 года генерал Урбина погрузил на поезд пехоту «Северной дивизии». Анхелес расставил вокруг города около 50 орудий – такой огневой мощи не было больше ни у кого из конституционалистских вождей. 22 июня, когда сам Вилья прибыл под Сакатекас, некоторые опорные посты в окрестностях уже занял Урбина. План атаки был нехитрым: с помощью массированного артиллерийского огня овладеть возвышенностями Эль Грильо и Ла Буфа (на этот участок выделялось 38 орудий), что сделает дальнейшее сопротивление гарнизона бессмысленным. Другие отряды «Северной дивизии», должны были отрезать разбитому противнику путь к отступлению на Мехико.

У федерального гарнизона было только 10 орудий, и Баррон не смог организовать плотного огня по всему периметру обороны города. Атака на Сакатекас началась в 10 часов утра 23 июня, причем наступлением на Эль Грильо руководил сам Вилья. Неожиданно среди атакующих вспыхнула паника, потому что у одного из артиллеристов из-за его неосторожности в руках взорвался снаряд прямо у орудия. Однако Вилья быстро пресек суматоху: «Это только несчастный случай. Я с вами!»

Бои за высоту Эль Грильо были очень ожесточенными. Она пала только в 17.30. К этому времени Урбина уже захватил Ла Буфу. Солдаты Баррона побежали, пытаясь укрыться в городе. По указанию генерала подрывались основные здания Сакатекаса. В этом кошмаре удалось скрыться лишь жалким остаткам разбитого гарнизона. Спаслись не больше 400 человек.

Битва за Сакатекас стала самым кровопролитным сражением всей войны против Уэрты.¹³¹ По некоторым данным, погибли около 5–6 тысяч

¹³⁰ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 344

¹³¹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 353

федеральных солдат и офицеров (примерно 2500 были ранены) и порядка тысячи бойцов «Северной дивизии». Наиболее боеспособные части армии Уэрты прекратили свое существование, и путь на Мехико был открыт. Анхелес просил у Вильи четыре бригады, чтобы по железной дороге в считанные дни добраться до мексиканской столицы. Вилья был готов выделить семь бригад.

Однако новый успех «Северной дивизии» был не нужен Каррансе. Он отдал приказ о прекращении поставок угля «Северной дивизии», и самая мощная военная машина конституционалистов остановилась. Одновременно Карранса всячески пытался обидеть и Вилью, и Анхелеса, чтобы спровоцировать их на необдуманные поступки. По примеру Уэрты Карранса ввел в своих войсках звание дивизионного генерала и немедленно присвоил его Гонсалесу и Обрегону. Вилья, чьи части до сих пор несли на себе основное бремя борьбы, так и остался бригадным генералом. Анхелес вообще был снят Каррансой с должности заместителя военного министра за «недостойное революционера» поведение.

Таким образом, совершенно неожиданно для себя Уэрта получил временную передышку. Он рассчитывал, что Вилья выступит против Каррансы с оружием в руках и внутри стана конституционалистов развернется братоубийственная война. Но Вилья, хотя и казался Каррансе дикарем, был настроен на разрешение противоречий путем переговоров. Сначала он хотел просто идти форсированным маршем на Коауилу и захватить накопленные там запасы угля, которых так не хватало его дивизии, однако это означало бы открытый разрыв с Каррансой. Поэтому Вилья предложил Гонсалесу и Обрегону провести совещание основных командиров повстанческой армии, чтобы определить порядок формирования новой власти после свержения Уэрты. В это время Вилья стягивал свои части назад в Чиуауа, как бы давая понять, что он не настаивает на лаврах завоевателя Мехико.

Гонсалес с идеей совещания согласился, а осторожный Обрегон сообщил, что прибыть не сможет, так как его войска готовятся к решающим сражениям.

Обрегону действительно предстояло взять Гвадалахару, которая прикрывала путь к Мехико с запада. 6–7 июля 1914 года Обрегон нанес поражение вышедшим из Гвадалахары ему навстречу федеральным войскам.¹³² Пытаясь прорваться на юг, разбитые федералы наткнулись на отряд, который Обрегон заблаговременно бросил им наперерез. Из 12 тысяч федералов в битве погибли около двух тысяч и еще 6 тысяч попали в плен. Войска Обрегона захватили федеральную артиллерию и более пяти тысяч винтовок. Это было первой и единственной крупной победой его армии.

¹³² Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 55

Характерно, что Обрегон, считавший себя социалистом и ненавидевший церковь, провел в Гвадалахаре ряд жестких мероприятий против религии. (Именно в этом городе в январе 1914 года прошли наиболее торжественные церковные мероприятия в поддержку режима Уэрты.)

8 июля 1914 года оказалось значимой датой в мексиканской истории. В этот день Уэрта принял решение уйти в отставку, хотя тогда страна об этом еще не знала. В этот же день в Торреоне между командирами «Северной дивизии» и генералами армии Пабло Гонсалеса было подписано соглашение, призванное сгладить противоречия между Вильей и Каррансой и сохранить единство революционных сил. Согласно Торреонскому пакту Вилья признавал Каррансу верховным главнокомандующим, а Карранса Вилью – командиром «Северной дивизии».

Но это лишь подтверждало уже и так существовавшее положение дел. Более важны были планы на будущее. Карранса признавался временным президентом. Это означало, что он лишается права выдвинуть собственную кандидатуру на будущих выборах, и было серьезным ударом по его амбициям. Ведь он не возложил на себя функций временного главы государства именно потому, что рассчитывал позже стать президентом постоянным. По Торреонскому пакту, Карранса должен был после победы созвать конвенцию (т.е. собрание) основных командиров революционной армии, которым и предстояло выдвинуть единого кандидата в президенты и принять программу глубоких социальных реформ. (На последнем положении настаивали командиры «Северной дивизии».) Карранса, конечно, не мог прямо выступить против согласованной позиции основных генералов своей армии и заявил, что принимает достигнутый в Торреоне компромисс к сведению.

9 июля Уэрта назначил новым министром иностранных дел Франсиско Карвахалья, явно намереваясь сделать его временным президентом после своей отставки.¹³³ Выбор кандидатуры был не случаен: в 1911 году Карвахаль вел в 1911 году переговоры от имени правительства Диаса с Мадеро. Поэтому это назначение ясно дало понять, что дни Уэрты сочтены и что режим попытается закончить войну компромиссом. Уэрта, видимо, не знал, что в Торреоне революционные командиры уже договорились о полном роспуске федеральной армии. Повторять ошибок Мадеро они не хотели.

Вечером 14 июля 1914 года из Мехико в направлении Веракруса отправилась автомобильная кавалькада, отвозившая семью Уэрты на ближайшую железнодорожную станцию. Там супруга диктатора донья Эмилия с детьми в компании домочадцев военного министра Бланкета сели на поезд и в сопровождении восьми сотен федеральных солдат выехали к океану. Сам

¹³³ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 142

Уэрта в тот день всячески стремился дать понять, что ничего особенного не происходит. Генерал даже побывал на приеме в честь французского национального праздника – Дня взятия Бастилии. Военный министр Бланкет издал очередное бодрое коммюнике, стремившееся умалить значение победы Обрегона под Гвадалахарой. Однако многие видели стоявшие наготове поезда, охранявшиеся «преторианской гвардией» режима – 29-м батальоном, во главе которого Бланкет когда-то арестовал Мадеро и разогнал Конгресс. Знали в Мехико, что еще 2 июля уехал с «ознакомительной поездкой» в Европу генерал Маас со своими двумя братьями. 13 июля объявили, что вскоре в Европу все с той же «ознакомительной» миссией отправится генерал Бланкет. Все было ясно.

15 июля в 16.45 настал момент истины. Уэрта собрал депутатов и сенаторов на чрезвычайное заседание и объявил о своей отставке. В 19.20 его просьба была удовлетворена 121 голосом против 17. В прощальном послании Уэрта признавал полную неудачу своей попытки умиротворить страну и возлагал вину за братоубийственную войну на правительство США, при поддержке которого мятежники смогли добиться столь значительных военных успехов.¹³⁴ На следующий день одна из газет Мехико, еще недавно прославлявшая Уэрту, вышла с аршинным заголовком «Коллапс тирании».

В Вашингтоне большинство газет тоже ликовали по поводу отставки Уэрты и в очень благоприятном ключе отзывались о временном президенте Карвахале. Американцы считали, что война, как они и надеялись, закончится компромиссом. Карвахаль действительно немедленно направил эмиссаров к Каррансе. Тот вступать в переговоры не торопился. Необходимо было выиграть время для выхода войск Обрегона и Гонсалеса на ближние подступы к Мехико. Обрегон быстро продвигался к местечку Теолойюкан. Никакого сопротивления федеральные силы ему не оказывали. 31 июля группировкой войск Обрегона под командованием генерала Лусио Бланко (ранее Карранса запретил ему проведение аграрной реформы в районах, занятых его войсками) был захвачен городок Ирапуато, где сходились основные железные дороги, ведущие из Мехико на север.¹³⁵ Туда же спешил с востока Пабло Гонсалес. Федеральные силы не оказывали сопротивления и ему. Однако в самом Мехико было сосредоточено около 25 тысяч солдат, и взятие столицы могло обернуться кровопролитными уличными боями.

Одновременно Карвахаль послал к Сапате представителей с предложением сдать город именно его армии, если партизаны обязуются гарантиро-

¹³⁴ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 208–209

¹³⁵ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 55

вать неприкосновенность жизни и собственности граждан. Карвахаль считал Сапату, в отличие от Каррансы, неопытным политиком, которым можно будет манипулировать в своих интересах. Но тот лишний раз показал свою принципиальность и на компромисс с режимом не пошел. Тогда Карвахаль, зная точку зрения американцев, попросил США через своих консулов на севере страны стать посредниками в его контактах с Каррансой. Последний категорически заявил, что предметом переговоров могут быть только условия безоговорочной капитуляции, а местом проведения должна стать столица Коауилы Салтильо. Карвахаль же хотел вести переговоры в Нью-Йорке. Он связался по телеграфу с Обрегеном, которого назвал представителем генеральского корпуса революционной армии, и выразил готовность договориться напрямую с ним. Однако Обрегон был лояльным Каррансе человеком и потребовал, чтобы все переговоры велись через «верховного главнокомандующего».

Пока Карвахаль маневрировал, Уэрта покинул Мехико на поезде 15 июля и через два дня добрался до гавани Пуэрто-Мехико, где еще совсем недавно разгружалась злополучная «Ипиранга». Навестившие Уэрту капитаны английского и британского крейсеров предложили ему содействие в безопасном выезде за пределы Мексики. Но свергнутый президент сначала дождался прибытия из Веракрусы семьи, еще не знавшей ничего о дальнейших планах своего главы. 20 июля на борту германского крейсера «Дрезден» Уэрта покинул Мексику.¹³⁶ Корабль держал курс на Ямайку, откуда Уэрта намеревался перебраться в Испанию.

Тем временем президент США Вильсон оказывал мощное давление на Каррансу, чтобы побудить того пойти на компромисс с правительством Карвахалья. 23 июля США потребовали недопущения политических репрессий со стороны конституционалистов. 31 июля Вашингтон намекнул, что в случае непризнания нового правительства Мексики тому будет сложно получить займы на мировом финансовом рынке. В первых числах августа до Коауилы добрались два посланца Карвахалья. Лично Карранса их не принял, поручив ведение переговоров своим помощникам. Карвахаль просил конституционалистов о немедленном прекращении огня и созыве Конгресса, распущенного Уэртой осенью 1913 года. Этот Конгресс должен был провозгласить всеобщую амнистию и подтвердить генеральские должности и для офицеров федеральной армии, и для конституционалистов, а также утвердить временного президента, который станет править Мексикой вплоть до выборов. Однако Карранса не захотел обсуждать никаких политических условий. Он требовал только сдать столицу и разоружить все федеральные войска.

¹³⁶ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 211

Пока шли эти переговоры, Карранса срочно перебрасывал под Мехико части северо-восточного корпуса во главе с Гонсалесом. Только вместе с Обрегеном Гонсалес имел численное превосходство над «Северной дивизией». Она к тому времени насчитывала 30 тысяч бойцов, а у Обрегона и Гонсалеса на двоих было примерно 37–40 тысяч. Главным для Каррансы на тот момент было взятие столицы лояльными ему генералами. 26 июля Обрегон с 18 тысячами бойцов двинулся на Мехико, а 8 августа направил Карвахалу простой и конкретный запрос: будет ли федеральная армия оборонять столицу? Через два дня (Обрегон был уже в 20 милях от Мехико) пришел ответ, что столицу сдадут без боя.¹³⁷

В это время с севера несолоно хлебавши вернулись посланцы Карвахала и сообщили, что никакой амнистии Карранса предоставлять не собирается. По столице поползли самые отчаянные слухи. Некоторые офицеры и генералы федеральной армии надеялись, что к Мехико прорвутся Вилья с Анхелесом и окажут гарнизону помощь в борьбе с Каррансой. Самое интересное в этих слухах, пожалуй, то, что профессиональные военные действительно больше доверяли бывшему разбойнику Вилье, чем уважаемому помещику Каррансе. С воззванием выступил ставший военным министром генерал Веласко, которого Вилья разбил под Торреоном. Он доказывал, что армия вне политики и ее офицеры не могут рассматриваться как преступники. Ведь Уэрта стал президентом с согласия Конгресса и в формальном соответствии с Конституцией.

Однако Карранса лишь сообщил, что все, кто совершил преступления против революции, могут покинуть страну. Карвахаль решил последовать этому совету и 12 августа 1914 года вместе со своим правительством отправился в эмиграцию. Высшим должностным лицом в Мехико стал губернатор столичного федерального округа Итурбиде, который на следующий день подписал с Обрегеном соглашение о сдаче города без боя. Пабло Гонсалес был раздосадован тем, что капитуляцию подписали без него. По соглашению войска Обрегона вступали в Мехико и брали на себя функцию охраны общественного порядка. Федеральная армия уходила из Мехико (с собой разрешалось брать только винтовки) и разоружалась в специально отведенных для этого местах, причем те части, которые противостояли Сапате, не подлежали разоружению вплоть до их замены войсками конституционалистов. Офицеры федеральной армии оставались в распоряжении «верховного главнокомандующего» Каррансы, который после вступления в Мехико принимал на себя обязанности временного президента республики.

Такие гарантии не устроили многих. Наиболее открытые противники Каррансы, вроде Паскуаля Ороско, бежали из страны. Некоторые офицеры ушли в горы.

¹³⁷ Cumberland C.C. Mexican revolution. The Constitutionalist Years. Austin, 1972. P. 146

15 августа 1914 года Обрегон вступил в Мехико во главе контингента из 6 тысяч солдат и офицеров.¹³⁸ В городе объявили осадное положение и ввели смертную казнь за нарушение общественного порядка. 10 тысяч бойцов под командованием Лусио Бланко были немедленно направлены в южные предместья столицы для предотвращения возможного нападения войск Сапаты. 18 августа в Мехико торжественно въехал Карранса. Он сразу же нарушил собственные обещания, отказавшись принимать на себя обязанности временного президента. Стало окончательно ясно: этот человек хочет власти и будет добиваться ее любым путем.

¹³⁸ Cumberland C.C. Mexican revolution. The Constitutionalist years, Austin, 1972. P. 149

Глава 5

Борьба титанов. Вилья против Каррансы

Не успели войска конституционалистов занять Мехико в августе 1914 года, как на мексиканском политическом горизонте забрезжила новая война. Страна была разорена, экономика находилась в упадке, некоторые штаты, особенно северные, жили на грани голода. Бесконтрольный выпуск денег и внешние заимствования довели мексиканский внешний долг до 675 миллионов песо. Выплатить же его было трудно, так как американские войска продолжали оккупировать Веракрус. Государственных резервов драгоценных металлов в Мексике было не более чем на 90 тысяч песо, между тем как в обращении находилось бумажных денег на 340 миллионов песо.¹ Кроме того, еще 60 миллионов песо напечатали во время борьбы против Уэрты конституционалисты. На рынке за каждое песо Каррансы давали только 25 сентаво. Основные предприятия Мексики, в том числе единственная металлургическая фабрика в Монтеррее, практически прекратили работу. Из-за засушливого сезона 1914 года стране угрожал голод, предотвратить который мог только импорт продовольствия.

Когда Карранса въехал в столицу, он, несмотря на неоднократные обещания, так и не принял на себя обязанности временного президента страны. Мало того, даже не стал назначать министров (их обязанности выполняли заместители), поскольку эта прерогатива по мексиканской Конституции отводилась только главе государства. Было ясно, что «верховный главнокомандующий» не готов соблюдать договоренности, подписанные его же генералами в Торреоне всего месяц тому назад. На местах, в штатах, Карранса тоже единолично назначил преданных себе губернаторов. Получалось, что в плане демократической легитимации режим «конституционалиста» Каррансы гораздо больше похож на диктатуру, чем образ правления его предшественника генерала Уэрты.

Именно это обстоятельство побудило США воздержаться пока от признания Каррансы. В Вашингтоне и так его недолюбливали. Когда же Карранса потребовал немедленно вывести американские войска из Веракруса, Вильсон не возражал, но потребовал гарантий, что все мексиканцы, исполнявшие при

¹ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 154

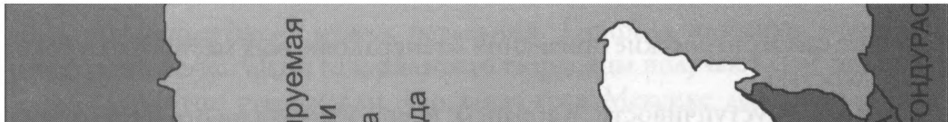
оккупационных властях обязанности служащих в городе, будут амнистированы (ведь по декрету Хуареса от января 1862 года им грозила смертная казнь). Карранса опять отказался даже говорить об амнистии, и американцы задержались в Веракрусе. Там они занимались приведением в порядок городского медицинского обслуживания, что на практике выражалось во врачебном освидетельствовании проституток, наносивших венерическими болезнями серьезный урон оккупантам.

Поздним летом и ранней осенью 1914 года США явно делали ставку на Вилья, и не только потому, что считали его самым сильным в военном отношении лидером страны. Через специального посланника президента США Фуллера Вилья сообщил Вильсону свой план обустройства Мексики. Американскому президенту он понравился.² Прежде всего, Вилья настаивал на немедленном проведении свободных выборов на уровне местного самоуправления и штатов, с тем чтобы избранные власти действительно отражали настроения населения, а не прихоть Каррансы. Далее предполагалось провести президентские выборы, честность которых и призваны были гарантировать вновь избранные местные власти. Ни один из генералов конституционалистской армии, включая Каррансу, не должен был выставлять свою кандидатуру. Еще до президентских выборов следовало сформировать демократические суды для того, чтобы они непредвзято разбирали возможные жалобы на нарушения в ходе голосования.

В социально-экономическом плане Вилья предлагал, как и раньше, раздачу земель демобилизованным солдатам конституционной армии, чтобы не только обеспечить их мирное существование, но и ликвидировать потенциальный очаг недовольства и мятежей в стране. Землю предполагалось выделить за счет государственного фонда и конфискованных поместий наиболее одиозных сторонников Уэрты, вроде клана Террасасов в Чиуауа. Понравилось Вашингтону и то, что Вилья, в отличие от Обрегона и Каррансы, выказывал терпимость по отношению к католической церкви. В этом ясно проявилась гибкость партизанского командира и его стремление учитывать традиции многовекового уклада жизни собственного народа. Был готов Вилья и к широкой амнистии для офицеров федеральной армии, большинство из которых не совершали преступлений против мирного населения.

Важно подчеркнуть, что, в отличие от Каррансы, Вилья никогда, ни публично, ни в узком кругу не выдвигал свою кандидатуру на президентский пост. Он считал себя полуграмотным человеком, абсолютно не подготовленным для занятия высоких государственных должностей. Как-то Вилья сказал, что больше всего завидует тем людям, которые могут ясно выражать свои мысли, и жалеет, что не настолько образован. Для Мексики той поры

² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 359

подобные самокритические признания «генералов» всех мастей были большой редкостью.

На фоне неуступчивости Каррансы и его маниакального стремления сохранить власть гибкость Вильи, конечно, смотрелась очень неплохо. Тем более что и в Мексике, и в США была известна политическая всеядность ныне столь непреклонного «верховного главнокомандующего». Когда в 1909 году Мадеро начинал свою политическую кампанию против Диаса, Карранса был сторонником Рейеса и даже направил диктатору письмо, в котором отзывался о Мадеро в самых пренебрежительных выражениях. Взамен Карранса просил «добро» на пост губернатора Коауилы. Но Диас ему отказал, и Карранса стал соратником Мадеро, которого недавно еще поливал грязью. Когда свой переворот совершил Уэрта, Карранса был готов с ним договориться при условии, что за ним сохранится пост губернатора все той же Коауилы. Уэрта, как и Диас, не пошел на сделку, и Карранса поднял против него оружие.

Вот и теперь, в августе – сентябре 1914 года американские консулы и специальные представители в Мексике доносили в Вашингтон, что Карранса ускоренным темпом закупает оружие и проводит дополнительный набор в подконтрольные ему военные формирования. Было более чем очевидно, что мишенью этих лихорадочных военных приготовлений является «Северная дивизия» Франсиско Вильи.

Расклад военных сил в Мексике выглядел тогда следующим образом. Самой мощной военной машиной считалась именно «Северная дивизия», объединявшая около 35 тысяч человек. Социальный состав этой армии, к тому времени уже профессиональной, был очень разнообразным. Большинство людей Вильи, конечно, воевали за землю или свободу, выступая за восстановление уничтоженного самоуправления их деревень и городов. Однако хватало и тех, кто видел в войне средство разбогатеть или просто поправить свое пошатнувшееся в годы экономического кризиса материальное положение. Ведь рабочих мест не хватало, а в армии Вильи хорошо платили. Один из солдат «Северной дивизии» на вопрос Джона Рида, почему он воюет, ответил, что это хорошая и интересная работа (неудивительно – раньше он был шахтером). Узнав от Рида, что в Америке нет войны, солдат удивился: «А чем же вы там тогда занимаетесь?» После побед Вильи под Торреоном и Сакатекасом в его армии усилился поток добровольцев, так как командир приобрел прочную репутацию человека, который никогда не проигрывает сражений.³

В организационном плане, и это было слабой стороной «Северной дивизии», войска Вильи состояли из преданной лично ему гвардии («дора-

³ После победы под Сакатекасом в «Северную дивизию» Вильи влились 2 тысячи бойцов, в том числе пленных.

дос», т.е. «золотых») и всех остальных. Природа названия «дорадос» точно неизвестна. Одни говорили, что гвардейцы получают свое жалованье золотом. Другие утверждали, что когда-то в Мексике действовала очень успешная банда, грабившая серебряные караваны, поэтому и называли себя те разбойники «серебряными». Мол, отсюда, по аналогии, – и прозвище гвардейцев Вильи. Но если «дорадос», которых насчитывалось несколько сотен, были абсолютно преданы Вилье, то большинство подразделений «Северной дивизии» испытывали безусловную лояльность прежде всего по отношению к своим «генералам». А среди вильистских генералов были люди с диаметрально противоположными взглядами не только на политику, но и на жизнь в целом.

Каликсто Контрерас был единственным по-настоящему крестьянским лидером среди генералов «Северной дивизии». Еще при Диасе он боролся за аграрную реформу.⁴ Однако Контрерасу с трудом удавалось навести порядок среди своих людей, и особо успешным генералом он не считался. Торибио Ортега сражался еще под знаменами Мадеро. Он выступал за глубокие социальные реформы, и не только на селе, к тому же на деле показывал всю чистоту своих идеалов. В армии Вильи Ортегу называли «Неподкупным». Он никогда не расстреливал пленных.

Другая группа генералов была полной противоположностью Ортеге. Томас Урбина и Родольфо Фьерро, профессиональные кондотьеры, стремились прежде всего к умножению собственного богатства. Например, Урбина (его называли «Лев Дуранго») присваивал до половины доходов с одной конфискованной асиенды, управляющим которой был назначен в интересах снабжения «Северной дивизии». Джон Рид так описывал Асиенду Урбины: «Дом генерала, разные службы и склады образовывали целый четырехугольник, внутри которого поместился бы целый квартал. Там кишели свиньи, куры и полуголые дети. Два козла и три пышных павлина задумчиво глядели на меня с крыши. Куры вереницами входили и выходили из гостиной, где граммофон терзал «Принцессу долларов». Из кухни вышла старуха и вылила на землю ведро помоев; к ним с визгом бросились свиньи. В углу за домом сидела маленькая дочка генерала и посасывала патрон. У колодца посреди двора стояли и лежали мужчины. В центре этой группы в поломанном плетеном кресле сидел сам генерал и кормил лепешками ручного оленя и хромую черную овцу».⁵

Вилья знал обо всех неблагоприятных делах своих соратников. Однако ценил в них безусловную лояльность. Ведь именно Фьерро или Урбина могли без всяких утрызений совести выполнить любой его приказ (вспомним хотя

⁴ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 260

⁵ Рид Д. Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968. С. 49

бы «дело Бентона»). Командир, правда, недооценивал тот факт, что лояльность Урбины или Фьерро является безусловной, только пока самому Вилье сопутствует военная удача.

С течением времени еще одной – наверное, самой многочисленной – группой командиров и советников Вильи стали выходцы из среднего образованного класса, которые стремились сформировать политические взгляды своего командира. Наиболее яркими их представителями были брат покойного президента Рауль Мадеро, журналист Сильвестре Террасас (в декабре 1913 года именно его Вилья сделал главой гражданской власти в Чиуауа) и, конечно, Фелипе Анхелес. Эти люди видели в Вилье прежде всего инструмент для обеспечения собственного карьерного роста. К Каррансе же, который фактически лишил их любой политической перспективы (вспомним отстранение Анхелеса от должности заместителя военного министра), они испытывали ненависть.

Таким образом, «Северная дивизия» являлась истинно народной (то есть разноплановой по своему составу) армией с неясной политической платформой. В сердцевине этой платформы, однако, несомненно было стремление сделать легче жизнь бедных и угнетенных слоев населения Мексики. «Народность» будущей программы гарантировалась в первую очередь личностью самого Вильи, авторитет которого был очень высок среди униженных и оскорбленных.

Другие мощные армии конституционалистов, Северо-западный корпус (Обрегон) и Северо-восточный корпус (Пабло Гонсалес), суммарно объединяли в своих рядах более 50 тысяч человек и считались основным оплотом Каррансы. Это было, однако, не совсем так. Как уже упоминалось, армии Гонсалеса и Обрегона, в отличие от «Северной дивизии» представляли собой своего рода официальные военные подразделения штатов Сонора и Коауила. Впоследствии они разрослись, но никогда не теряли характера централизованных регулярных формирований. Там служили в основном за жалованье, хотя определенную роль в мотивации бойцов, конечно, играло и стремление восстановить нарушенный Уэртой нормальный конституционный строй.

Большинство генералов этих армий являлись выходцами не из помещичьего, а бедного среднего класса. Гонсалес и Дьегес, руководивший знаменитой стачкой в Кананеа в 1906 году, до революции были квалифицированными рабочими.⁶ Политические убеждения всех этих генералов в целом

⁶ За участие в стачке суд приговорил Дьегеса (он родился в 1874 году в семье рабочего и из-за бедности не смог получить полное школьное образование) к 15 годам лишения свободы в самой страшной тюрьме Мексики на острове Сан-Хуан-де-Улуа у Веракруса, инкриминировав ему терроризм, подрыв общественного порядка, сопротивление силам правопорядка с оружием в руках и т.д. Революция освободила Дьегеса

почти совпадали и заключались в стремлении провести в Мексике глубокие реформы. Однако сделать это должно было правительство сверху, а не партизанские командиры вроде Вильи явочным характером. Тем более что грамотные генералы вроде Обрегона, в отличие от Вильи, вполне могли представить себя на посту министра или даже президента.

Несколько упростив, можно сказать, что Обрегон, Гонсалес и их соратники были яркими представителями городских прогрессистов. Они не доверяли Вилье или Сапате, так как видели в них неопытных крестьянских политиков, которыми могут манипулировать свергнутые реакционеры. Ведь пример Ороско доказывал, что крестьянский радикал с почти социалистической программой мог воевать и на стороне Уэрты, который, конечно, никаким социалистом не являлся. К тому же Обрегон и Гонсалес в духе мексиканских либеральных традиций были ярыми и воинственными противниками церкви, а солдаты того же Сапаты носили на шляпах изображение святой девы Марии.

Карранса устраивал Обрегона потому, что не имел своей собственной военной мощи. Вилья в этом смысле был гораздо более опасным конкурентом в борьбе за власть. Поэтому в идеале Обрегон, осенью 1914 года – третий по популярности человеком в стране после Каррансы и Вильи, хотел избавиться от обоих, чтобы самому занять президентский пост. Если Вилья, по его мнению, не подходил для государственной должности из-за своей некультурности, то Карранса на посту президента точно не провел бы никаких глубоких реформ, о которых мечтал Обрегон.

Четвертой военной силой Мексики конца 1914 года была партизанская армия Эмилиано Сапаты. Она так и не стала регулярной, в отличие от всех трех формирований северных конституционалистов. Партизаны Сапаты были плохо вооружены и не имели единой военной формы (вильисты к тому времени уже носили купленную в США униформу цвета хаки). В августе 1914 года под ружьем у Сапаты были около 15 тысяч человек, и еще столько же он мог мобилизовать в случае необходимости в штатах Морелос, Герреро и Пуэбла. Как и раньше, большинство его сторонников занимались повседневным мирным трудом и привлекались только для выполнения конкретных боевых операций, причем, как правило, в районе их проживания. Поэтому самой слабой стороной армии Сапаты была ее региональность. Никто из партизан не хотел воевать в других штатах. К тому же из-за жесткой тактики федеральной армии в Морелосе этот маленький штат лишь за год боев потерял более 20% всего населения.⁷

из тюрьмы, и он возглавил небольшой муниципалит, участвуя в борьбе с мятежом Ороско. После убийства Мадеро Дьегес собрал вооруженный отряд и в звании полковника вошел в корпус Обрегона.

⁷ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 191

Однако Сапата был единственным военачальником, который имел общенациональную политическую и социально-экономическую программу реформ («план Айялы»). И свое сотрудничество с иными военно-политическими силами он ставил не в зависимость от сиюминутной выгоды, а от близости платформы того или иного генерала «плану Айялы». После разгона Уэртой в мае 1914 года «Дома рабочих мира» в Мехико несколько из его руководителей (в том числе Сото-и-Гама) присоединились к Сапате, и вокруг полуграмотного вождя сложился блестящий кружок интеллектуалов, который еще больше усилил политическую привлекательность сапатистского движения в масштабах страны. Из всех лидеров северных армий Сапата, естественно, видел союзника прежде всего в Вилье, ибо тот выступал за аграрную реформу и за полную ликвидацию власти старой олигархии.

Каррансе Сапата не доверял уже хотя бы потому, что тот и не обещал даже на словах никаких социальных реформ. К тому же условия капитуляции федеральной армии, согласованные Обрегеном (а по этим условиям гарнизоны в Морелосе демобилизации и разоружению не подлежали) явно не настраивали Сапату на примирительный по отношению к Каррансе лад.

Сам Карранса, конечно, тоже презирал крестьянского вождя, возмнившего себя политиком, однако под воздействием своих советников все же попытался с ним договориться.⁸ Он все еще думал, что основные цели Сапаты – власть и признание. Но Сапата отказался приехать на переговоры в Мехико, и Каррансе пришлось, наступив на горло собственной гордости, послать представителей в Морелос. Ведь сам он находился в Мехико между молотом (нависавшей с севера армией Вильи) и наковальней (уже находившимися в предместьях Мехико отрядами Сапаты). Так как разрыв с Вильей, с точки зрения Каррансы, не мог быть урегулирован компромиссом, то оставалось договориться с Сапатой, чтобы избежать войны на два фронта. Однако Сапата и здесь проявил свою принципиальность. Он потребовал от Каррансы безоговорочного признания «плана Айялы». Возможно, из тактических соображений Карранса и пошел бы на обещание провести земельную реформу, но он никак не мог согласиться с положением «плана Айялы», по которому Сапата объявлялся общенациональным лидером революции. Поэтому переговоры Каррансы с Сапатой прекратились, фактически не начавшись.

Между тем Обрегон в Мехико вновь открыл «Дом рабочих мира» и выделил на его функционирование значительные средства. Он говорил на понятном большинству рабочих лидеров «социалистическом» языке, обещая коренное улучшение положения «пролетариата». Взамен Обрегон (как до него и Уэрта) требовал политической поддержки рабочих в грядущем противостоянии с «силами реакции». Таковыми Обрегон считал отряды

⁸ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 195

Вильи и Сапаты, якобы состоявшие из темных крестьян, зараженных религиозными предрассудками и ненавидевших горожан. Анархистские лидеры «Дома» полностью разделяли его взгляд на крестьянство как на реакционный элемент общества, ищущий смысла жизни лишь в частной собственности на землю. Поэтому «Дом», популярность которого после репрессий Уэрты сильно выросла, без колебаний встал на сторону прогрессивного «социалиста» Обрегона. Отныне Обрегон располагал не только собственной военной силой, но и политической поддержкой одного из самых боевых и многочисленных городских слоев мексиканского общества.

Карранса внимательно следил за политическими амбициями Обрегона, но не мог перед лицом мощной «Северной дивизии» отказаться от единственного своего генерала, способного хотя бы противостоять отлаженной военной машине вильистов.

Не успели войска конституционалистов вступить в Мехико, как вспыхнули бои между вчерашними союзниками в Соноре.⁹ Там губернатор Майторена давно уже копил силы, чтобы выступить против командующего верными Обрегону частями полковника Кальеса. Майторена не был прогрессивным реформатором, но справедливо опасался, что Обрегон хочет отстранить его от власти, и полагал, что в этих условиях может пойти на союз только с Вильей, располагавшимся со своей армией в соседнем Чиуауа. Вилья прекрасно помнил, что именно Майторена в свое время ссудил его деньгами и таким образом сделал возможным начало партизанской войны в начале 1913 года. Впоследствии Вилья охладел к Майторене, так как не хотел портить из-за него отношения с Обрегоном, которого считал единственным равным себе по военному таланту генералом армии конституционалистов. К тому же в феврале 1913 года Майторена повел себя действительно не самым благородным образом, фактически эмигрировав в США. Однако Анхелес убедил Вилью поддержать законного губернатора Соноры, тем более что тот фактически перешел в открытую оппозицию по отношению к Каррансе.

Вилья поддерживал Майторену только из тактических соображений, потому что последний явно вел собственную игру. Когда Вилья предложил направить ему на помощь 5 тысяч своих бойцов, что быстро разрешило бы военный конфликт в штате, Майторена отказался, так как не хотел видеть в Соноре «чужие», пусть и дружественные отряды. Он лишь соглашался принять от Вильи оружие.

16 августа 1914 года войска Майторены начали боевые действия против сил Кальеса, чтобы выдвинуть их из Соноры.¹⁰ Обрегон, конечно, не мог

⁹ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 62

¹⁰ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 153

спокойно смотреть на то, что творится в его штате. Оставался один выход: договориться с Вильей, без поддержки которого Майторена в военном отношении значил не очень много. Карранса предлагал Обрегону направиться в Сонору вместе с преданными войсками и силой подавить сторонников Майторены. Однако Обрегон разгадал провокацию «верховного главнокомандующего». Такое развитие событий неизбежно вело к военной конфронтации с Вильей, а Обрегон надеялся договориться с командиром «Северной дивизии», который не претендовал, в отличие от Каррансы, на президентское кресло.

К удивлению многих, 21 августа 1914 года Обрегон отправился на переговоры с Вильей в Чиуауа только с эскортом в 15 человек.¹¹ 24 августа Вилья устроил Обрегону торжественную встречу. Командир «Северной дивизии» прямо сказал, что лишь от них с Обрегоном зависит сейчас будущее Мексики. Обрегон предложил Вилье вместе отправиться в Сонору и положить там конец кровопролитию. Вилья был готов на все, чтобы заключить союз с Обрегоном, и оба генерала в сопровождении Каротерса отправились в Сонору на поезде через США. В Америке оба военных вождя были торжественно приняты бригадным генералом Джоном Першингом, который командовал расположенной на мексиканской границе 8-й кавалерийской бригадой. Вилья явно демонстрировал Обрегону свою популярность в США.

Майторена был неприятно поражен прибытием Обрегона и Вильи, так как последний всего пару дней тому назад заверял в письме, что с Обрегоном в Сонору не поедет. На переговорах Вилью впечатлило именно то, чего не хватало ему самому, – умелое полемическое искусство Обрегона. Тот потребовал от Майторены, постоянно именовавшего Обрегона предателем, представить доказательства его вины. Майторена молчал, и тогда уже Вилья потребовал от своего союзника: «Отвечайте на вопрос, сеньор губернатор!» Майторена смог лишь выдать, что не привык сразу отвечать на вопросы.

В конце концов, под давлением Вильи и при посредничестве США¹² был достигнут выгодный Обрегону компромисс. Майторена признавал генерала Обрегона верховным главнокомандующим всеми военными силами Соноры, а он Майторену – законным губернатором. Кальес в военном отношении подчинялся Майторене. Обрегон был доволен, поскольку намеревался отдать Майторене какой-нибудь заведомо оскорбительный для того

¹¹ Есть версия, что встречу Вильи и Обрегона организовали американцы через специального представителя при штабе Вильи Каротерса. По крайней мере, президент США Вильсон еще в конце июля 1914 года рекомендовал конституционалистам сохранить единство и провести необходимые для Мексики реформы.

¹² Hill L. D. *Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico.* Baton Rouge, 1973. P. 237

приказ, а затем снять губернатора за его невыполнение. Но Кальеса, прижатого Майтореной к американской границе, компромисс не устроил: полковник, в свою очередь, ждал от губернатора подобной же провокации.

Однако мексиканская общественность видела в вернувшихся из Соноры Вилье и Обрегоне истинных миротворцев, предотвративших братоубийственный конфликт среди революционеров. Большое впечатление Вилья (а ведь именно он поступился интересами своего союзника ради восстановления мира в стране) произвел и в Вашингтоне. Когда 1 сентября 1914 года он вместе с Обрегоном возвращался в Чиуауа через США, генерал Першинг передал командиру «Северной дивизии» послание госсекретаря США, где выражалась признательность за «восстановление порядка в Соноре». Американцев, естественно, беспокоила тамошняя ситуация, ведь бои между Майтореной и Кальесом шли прямо на границе.¹³ «Ваши терпеливые усилия в этом вопросе нашли очень высокую оценку со стороны государственного департамента и президента».

Ради мира в стране Вилья был готов пойти и дальше. Он понимал, что амбиции Майторены превратились в серьезное препятствие на пути достижения взаимоприемлемого компромисса между основными военачальниками конституционалистов. 3 сентября 1914 года Вилья обещал Обрегону, что будет содействовать замене Майторены на посту губернатора нейтральным лицом. Но теперь он хотел обсудить с Обрегоном и основной вопрос – кто и как будет править Мексикой.

План Вильи оставался тем же, что совсем недавно он изложил Вильсону. Карранса должен был стать временным президентом и не принимать участия в будущих выборах. То же самое относилось и ко всем генералам революционной армии. Общенациональному голосованию предшествовали выборы в штатах. По подписанному в июле Торреонскому пакту съезд всех военных командиров конституционалистов должен был утвердить программу социальных реформ будущего правительства. Обрегон солидаризировался с этими предложениями – ведь они выключали из политической борьбы и Вилью, и Каррансу – и пообещал довести их до сведения последнего.

«Верховный главнокомандующий» согласился со всем, кроме самого главного: он не хотел быть временным президентом и, соответственно, собирався участвовать в будущих президентских выборах.¹⁴ Пытаясь перехватить инициативу, Карранса объявил о созыве в Мехико 1 октября обещанной им в Торреоне хунты лидеров конституционалистского движения. Но если Вилья имел в виду только командиров, причем тех, под началом кото-

¹³ Hill L. D. *Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico*. Baton Rouge, 1973. P. 238

¹⁴ Cumberland C. C. *Mexican revolution. The Constitutionalist years*. Austin, 1972. P. 155

рых было много бойцов (в зависимости от численности отрядов и распределялись бы голоса на будущем съезде), то Карранса разослал приглашения и временным губернаторам штатов, назначенным некогда им самим. При таких условиях будущая хунта явно теряла свой репрезентативный характер.

Противники Вильи обвиняли его в милитаризме: почему судьбы страны должны решать именно военные лидеры? Однако все генералы или полковники армии конституционалистов (за исключением разве что Анхелеса) в недавнем прошлом были гражданскими людьми. Их авторитет, как правило, базировался на личных достижениях в борьбе против Уэрты, а не на дипломе военной академии. В этом смысле подход Вильи был абсолютно демократичен и поэтому весьма популярен в стране. Только те, кто низвергнул диктатуру, а не те, кто получил должности благодаря высокой протекции, имеют право вершить историю Мексики.

13 сентября Карранса заявил Обрегону, что все вопросы, касающиеся кандидатуры будущего президента, должна решать созываемая им репрезентативная хунта, а не два генерала, пусть и очень авторитетных в стране. Карранса не без оснований рассчитывал, что на будущем съезде получит прочное большинство.

Вилья был раздосадован, узнав о фактическом отказе «верховного главнокомандующего». Получалось, что он сдал Обрегону Майторену и ничего не получил взамен. Причем Вилья даже не был уверен в том, что Обрегон ведет самостоятельную игру, а не просто выигрывает время для Каррансы с его карманной хунтой.

Генералу Хиллу, который согласно выработанному компромиссу должен был с верными Обрегону войсками заменить Кальеса на посту командующего в штате Сонора, Вилья отдал указание прибыть из Соноры в Чиуауа. Тот указания Вильи просто проигнорировал, и в Соноре опять начались мелкие стычки между силами Хилла и Майторены.

Обрегон послал Вилье успокоительное письмо, но по сути ему было сказать нечего. Поэтому Обрегон опять решил поехать в Чиуауа, чтобы снова попытаться договориться с Вильей, и эта поездка едва не оказалась в его последней.¹⁵ 16 сентября Обрегон вместе с Вильей торжественно отмечал День независимости Мексики. На этот раз от внимания Обрегона не укрылось то обстоятельство, что Вилья нарочно демонстрировал всю мощь «Северной дивизии», давая понять, что не позволит обманывать себя вечно. Со своей стороны, Обрегон в ходе незаметной, как он ошибочно считал, работы с генералами Вильи выяснил, что многие из них готовы в критический момент предать командира и перейти на сторону Каррансы. Главное, чего они жаждали, – сохранить нажитые во время революции богатства и политический капитал. Вилья фактически заставил Обрегона направить

¹⁵ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 368

Хиллу инструкцию с приказом отступить в Чиуауа. Однако Хилл, понимая всю щекотливость положения Обрегона в ставке Вильи, не выполнил и этого приказа, чем подверг Обрегона реальной опасности.

17 сентября 1914 года, узнав о нападении отрядов Хилла на войска Майторены, Вилья впал в бешенство, назвал Обрегона предателем и пригрозил расстрелять его без суда и следствия. Вдобавок ему доложили о подрывной деятельности Обрегона среди его собственных генералов. Вилья и Обregon орали друг на друга, используя почти нецензурные выражения, и едва не схватились за пистолеты. Потом Вилья узнал, что ругань была слышна в приемной, где находилась его молоденькая секретарша. Командир «Северной дивизии» извинился перед девушкой и пообещал, что больше не позволит себе таких крепких словечек. Рауль Мадеро и некоторые генералы Вильи отговорили того от расстрела Обрегона. Жена Вильи Лус Корраль потом рассказывала, что это она якобы спасла жизнь генералу, запретив убивать его в своем доме.¹⁶ А потом, мол, Вилья уже и сам остыл. Как бы то ни было, формально Обregon и Вилья помирились, хотя без достижения новых политических договоренностей это примирение было искусственным и недолговечным.

Оба вождя опять подтвердили свои недавние договоренности относительно будущего съезда генералов революционной армии и принятия на себя Каррансой полномочий временного президента. Однако теперь Вилья не хотел отпускать Обрегона в Мехико до тех пор, пока Карранса не даст недвусмысленный положительный ответ.

Сначала Вилья хотел послать в Мехико своих представителей, но потом неожиданно позволил и Обregonу ехать вместе с ними. Он задумал повторить трюк, который Уэрта едва успешно не применил против него самого летом 1912 года. Под влиянием Фьерро и Урбины Вилья решил все-таки убить опасного Обрегона, без которого Карранса был всего лишь бумажным тигром, но сделать это на формально неподконтрольной себе территории.

Как ни странно, на такое решение Вильи повлияли действия самого Каррансы, которые были стопроцентно провокационными. «Верховный главнокомандующий» неожиданно приказал прервать все железнодорожные коммуникации между Сакатекасом, где находились передовые отряды «Северной дивизии», и Агуаскальентесом, где стоял авангард преданных Каррансе войск. При этом генерал Панфило Натера должен был уничтожить часть полотна, чтобы воспрепятствовать неожиданному броску вильистов

¹⁶ Лус Корраль сказала мужу, что если он прикажет расстрелять видного революционера, то и через сто лет будут вспоминать только об этом, а не о его заслугах. После этого разговора тот в слезах сказал Обregonу, что он, Вилья, не предатель и еще докажет Каррансе, что озабочен не личными интересами, а судьбой Родины.

на Мехико. В тех условиях это означало фактическое объявление войны. Возможно, Карранса пытался таким образом побудить Вилью разделиться с Обрегеном, чтобы подорвать моральный авторитет командира «Северной дивизии» в стране. И этот план едва не удался.

Вилья приказал генералу Матео Альмансе остановить по пути на юг поезд Обрегона и расстрелять его. Но Альманса не стал выполнять приказ и позволил поезду проследовать дальше.¹⁷ Тогда Вилья по телеграфу отдал приказ другому командиру своей дивизии Роке Гонсалесу Гарсе, сопровождавшему Обрегона: поезд задержать и дожидаться Альмансу. Однако Гарса указание проигнорировал и тем самым спас Обрегону жизнь. Вилья не унимался и требовал остановить поезд. Но еще два генерала Вильи, Еухенио Бенавидес и Хосе Исабель Роблес, ранее в конфиденциальных беседах с Обрегеном высказывавшие недовольство Вильей, на своем поезде догнали Обрегона, и под их прикрытием тот все-таки добрался до Мехико.

Миссия Обрегона¹⁸ привела уже к открытому разрыву между Каррансой и Вильей. Обе стороны арестовали на подконтрольной им территории некоторых приверженцев противника. Вилья дал указание своим войскам очистить его родной штат Дуранго, соседствующий с Чиуауа, от братьев Арриета, которые подчинялись Каррансе.¹⁹ Естественно, представители «Северной дивизии» отказались ехать на устраиваемый Каррансой съезд в Мехико.

Вилья издал манифест, в котором обвинял Каррансу в предательстве революции и заявлял о своем отказе признать его «верховным главнокомандующим». Карранса немедленно направил в Коауилу преданного ему генерала Антонио Вильяреала, который должен был провести набор добровольцев и в случае продвижения Вильи на Мехико нанести ему удары в левый фланг и тыл. Генералу Эуалио Гутьерресу Карранса писал, что вооруженная борьба против Вильи неминуема.

Однако недовольство смутой зрело не только в рядах вильистской верхушки. Не хотели воевать против Вильи и многие генералы Каррансы. После возвращения Обрегона из Чиуауа 49 генералов во главе с Лусио Бланко, тем самым, которому Карранса некогда не позволил провести раздел земель в штате Тамаулипас, образовали «миротворческую хунту». В ее состав вошел и Обрегон. Тогда Карранса с большой неохотой дал согласие на переговоры своих генералов с «Северной дивизией».

¹⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 371

¹⁸ От Вильи не укрылось то обстоятельство, что Обрегон подробно расспрашивал его об оснащении «Северной дивизии», особенно интересуясь боеприпасами. Вилья с ордостью показал гостю 7 миллионов патронов.

¹⁹ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P.

Чтобы подчеркнуть отсутствие у себя каких бы то ни было претензий на верховную власть в стране, Вилья предложил на пост президента Мексики Фернандо Иглесиаса Кальдерона. Тот был либералом с безупречной репутацией, однако не примыкал ни к одной воевавших против Уэрты фракций. Не опирался Кальдерон и на какую-либо дивизию или армию. Это был сугубо гражданский человек. Дополнительно Вилья подтвердил, что не только он, но и ни один из его генералов не будет баллотироваться на пост президента.

Предложение Вильи с энтузиазмом встретила «миротворческая хунта», члены которой вовсе не собирались затевать новую войну только ради личных амбиций Каррансы. «Хунта» во главе с Обрегоном отправилась в Сакатекас, где было быстро достигнуто новое соглашение с представителями Вильи. Оно опять повторяло договоренности, выработанные в Торреоне в июле 1914 года. Предполагалось провести Конвент революционных генералов в городе Агуаскальентес (то есть примерно на линии соприкосновения «Северной дивизии» и сил Каррансы) начиная с 10 октября. На этот съезд (Конвентом его называли по примеру якобинцев во Франции) должны были приехать только те генералы, кто командовал не меньше, чем тысячей солдат. Соответственно, каждая новая тысяча давала делегации той или иной армии дополнительный голос. Губернаторы штатов на съезд не допускались.

Карранса, тем не менее, созвал свою хунту в Мехико, как и планировал, 1 октября, но все уже считали это собрание просто подготовительным мероприятием к Конвенту.²⁰ Присутствовали 79 человек, все сторонники Каррансы, лично им отобранные.

Однако Каррансе все же удалось достичь на съезде своих сторонников пропагандистского успеха. Он лицемерно предложил хунте свою отставку, и та была отвергнута подавляющим большинством голосов. Хотя многие генералы решили оставить Каррансу у власти только до решений, которые примет Конвент в Агуаскальентесе.

С целью укрепления своего престижа Карранса хотел перед встречей в Агуаскальентесе добиться эвакуации американцев из Веракруса. Но в США, похоже, не желали укреплять авторитет «верховного главнокомандующего», считая, что дни его как политической фигуры сочтены. 22 сентября 1914 года госдепартамент сообщил, что американские войска не уйдут из Веракруса по крайней мере до тех пор, пока правительство Мексики не даст гарантий защиты жизни и собственности граждан США. Выдача таких гарантий, по сути, означала бы экстерриториальность американцев, и на это убежденный националист Карранса пойти не захотел. Он заявил, что американцы находятся в Веракрусе незаконно и поэтому должны покинуть его без всяких условий.²¹

²⁰ Quirk R. E. The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960. P. 87

²¹ Quirk R. E. The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960. P. 98

10 октября 1914 года в Театре Хосе Марии Морелоса в Агуаскальентесе собрались 57 генералов революционной армии и 95 присланных другими революционными частями полномочных представителей.²² Карранса как гражданский деятель в Конвенте участия не принимал. С самого начала работы в Конвенте образовалось три основных фракции. Первую составляли 39 вильистских делегатов. К тому времени число солдат Вильи превышало 39 тысяч: с сентября он по примеру Каррансы проводил массовый набор добровольцев, в том числе и для того, чтобы иметь на будущем съезде больше голосов. Однако делегация Вильи вела себя на съезде мирно и не возражала против отведенного ей количества мест. Решили не придирааться вильисты и к амбициям генералов, поддерживающих Каррансу, которые получили в Конвенте представительство, абсолютно несоразмерное с численностью их формирований.

Такое миролюбие ясно свидетельствует об отсутствии у Вильи собственных политических амбиций. Главной задачей «Северной дивизии» являлось отстранение от власти Каррансы. На его месте Вилья соглашался видеть любого другого представителя революционных сил. Второй основной задачей вильистской делегации было закрепление в решениях Конвента обязательства будущего правительства провести в стране аграрную реформу. Для этого вильисты с самого начала настаивали на приглашении в Агуаскальентес делегатов Сапаты. Возглавляли сторонников Вильи в Конвенте Роке Гонсалес Гарса (тот самый, который спас жизнь Обрегону) и Фелипе Анхелес.

Примерно в двух днях пути от Агуаскальентеса стояла основная масса «Северной дивизии» численностью около 40 тысяч человек. Еще 15 тысяч находились на расстоянии двухчасового перехода от города.²³ Однако в самом Агуаскальентесе располагался гарнизон сторонников Каррансы, а генерал Пабло Гонсалес держался наготове и тоже мог быстро привести свои войска.

Второй группой Конвента были сторонники Каррансы, в основном генералы (или их представители) из Северо-Восточной армии Пабло Гонсалеса. Сам Гонсалес на съезд не приехал, но наряду с Мануэлем Дьегесом имел среди членов группы наибольший авторитет. Эти люди ставили себе единственную цель – сохранить для Каррансы власть, так как политическая карьера большинства из них была уже неразрывно связана с судьбой «верховного главнокомандующего».

Самой многочисленной фракцией съезда оказалась «миротворческая хунта», в основном состоявшая из офицеров Северо-западной армии Обрегона. Они, будучи в массе своей убежденными реформаторами, не

²² Tobler H. W. Die mexikanische Revolution, Frankfurt am Main, 1984. S. 266

²³ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutional years. Austin, 1972. P. 167

доверяли Каррансе, потому что тот был слишком консервативен и не горел желанием провести в Мексике социальные преобразования. Вилью же Обрегон после своих приключений в Чиуауа и его приверженцы считали неуравновешенным тираном. Задачей этой фракции было одновременное отстранение от власти обоих соперников. В этом случае сторонники Обрегона получали все шансы на то, что их представитель станет новым президентом Мексики.

С точки зрения политической тактики именно группа Обрегона диктовала ход работы Конвента. Началось все с того, что генерал Вильяреаль (радикальный реформатор, которого уважали и многие вильисты) был избран председателем съезда. Уже в своей вступительной речи он пообещал проведение аграрной реформы и отмену принудительного труда пеонов. Но сердцевиной выступления Вильяреаля было предложение Вилье и Каррансе забыть свои политические амбиции и уйти в отставку во имя мира и спокойствия в стране. Обрегон предложил провести специальную церемонию: все участники Конвента в знак обязательства неукоснительно выполнить все принятые на нем решения должны были расписаться на национальном флаге. 17 октября для участия в этой церемонии прибыл Вилья. На предложение занять место в президиуме он скромно и нехотя согласился, подчеркнув, что для него («бескультурного человека») большая честь сидеть рядом с самыми образованными людьми страны.²⁴ Командир «Северной дивизии» торжественно пообещал, что подчинится любому решению Конвента относительно своей судьбы. Зал встретил Вилью бурными аплодисментами, и популярность его еще больше возросла после того, как он демонстративно обнял Обрегона.

Последний понимал, что половина его стратегической задачи решена. Но если Вилья признавал право Конвента принимать любые решения о будущих судьбах страны, то Карранса думал на сей счет совсем иначе. Опытный тактик, он полагал, что Конвент должен лишь добиться примирения между отдельными группами революционеров на местах, например в Соноре, вопрос же власти в Мексике это собрание решать неправомерно. Однако пока Карранса хранил молчание, а Обрегон почти каждый день сообщал ему об обстановке на съезде.

Участники Конвента быстро и единогласно приняли решение о немедленном прекращении всех враждебных действий отдельных групп революционеров друг против друга. Все войсковые части в стране должны были оставаться на своих местах. Но в Соноре это решение Конвента проигнорировали обе стороны. Майторена назвал Хилла бандитом и поклялся выдавить его из Соноры любыми средствами. В Дуранго продолжались столкновения между братьями Арриета и отрядами Вильи.

²⁴ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья. М., 1962. С. 148

По предложению делегации «Северной дивизии» Конвент пригласил представителей Сапаты принять участие в съезде. Главой делегации, которая отправилась в Морелос, был утвержден Фелипе Анхелес. Всего два года тому назад Анхелес командовал федеральными частями, воевавшими против партизан Сапаты. Но 22 октября командующий освободительной армией Юга встретил Анхелеса с воинскими почестями и не скрывал своей радости. Он подчеркнул, что Анхелес был единственным генералом, который старался вести войну гуманными методами. Также Сапату обрадовало, что вместе с Анхелесом приехал признанный крестьянский вождь севера Мексики Каликсто Контрерас. И Анхелесу, и Контрерасу он доверял.²⁵

Однако в отношении самого Конвента у Сапаты были серьезные сомнения. Он прекрасно сознавал, что близкие ему по духу вильисты не имеют там большинства. Обрегону же Сапата не доверял, помня условия его перемирия с федеральной армией в августе. Но и отказать Анхелесу крестьянский лидер не смог. Он быстро присвоил воинские звания наиболее красноречивым из своих советников-интеллектуалов, и 29 из них отправились в Агуаскальентес. (Партизанские командиры Сапаты были неграмотными или малограмотными людьми, и он опасался, что сторонники Обрегона и Каррансы обведут этих неискушенных в политике людей вокруг пальца.) Однако посланцы Сапаты имели статус наблюдателей, а вопрос об участии в Конвенте в качестве по-настоящему полномочной делегации должны были решить, определившись на месте.

Чтобы подчеркнуть свои политические предпочтения, делегация сапатистов сначала направилась в штаб-квартиру Вильи и только потом приехала на Конвент. В своем выступлении на съезде глава делегации Сапаты журналист Паулино Мартинес расставил все точки над «i»: «Истинными представителями революции являются генерал Эмилиано Сапата с его силами на юге и генерал Франсиско Вилья со своими людьми на севере». Учитывая неопределенность статуса южной делегации, ей разрешили принимать участие в дискуссиях, но запретили голосовать. Тем не менее после прибытия сапатистов все дискуссии по социально-политическим и экономическим вопросам шли практически под их диктовку. Во многом это объясняется тактикой Обрегона, который был готов поддерживать любые обещания реформ, лишь бы получить в свои руки реальную власть. Вильисты также поддерживали сапатистов по всем основным вопросам, так как и они не возражали против земельной реформы и коренной чистки государственного механизма. Поэтому неудивительно, что Конвент, на котором все же преобладали сторонники Каррансы, одобрил «в принципе» «план Айялы».

Впечатление от сапатистов, прибывших в Агуаскальентес 26 октября и пользовавшихся на съезде большим авторитетом, едва не испортил входив-

²⁵ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 216

ший в состав делегации анархист Сото-и-Гама, тот самый, который работал в «Доме рабочих мира» до закрытия его Уэртой. Чтобы подчеркнуть свои нигилистские воззрения на государство, Сото-и-Гама назвал мексиканский национальный флаг «выцветшей тряпкой с изображением птицы и ее добычи» (на флаге Мексики красуется орел, держащий в когтях змею).²⁶ Конвент зароптал, а председательствующий Вильяреаль, который и сам был не прочь занять пост президента Мексики, потребовал проявлять уважение к национальному символу. Некоторые делегаты направили на Сото-и-Гаму стволы своих пистолетов. Тот не испугался, но все же сменил тему и описал преимущества «плана Айялы». После этого с места вскочил вильястский делегат Гонсалес Гарса и воскликнул: «Северная дивизия принимает «план Айялы» как свой собственный!»

Если популярность Вильи росла, то Карранса также пытался расположить делегатов в свою сторону. «Верховный главнокомандующий» очень любил фотографироваться и сниматься в кино, поэтому делегатам был показан фильм, состоявший из подборки фотографий на тему революции. На самом деле большинство снимков изображали самого Каррансу в самых разных ракурсах. У делегатов Конвента должно было сложиться впечатление, что именно Карранса совершил основные славные деяния революции. Но зрители еще недавно сами воевали против Уэрты, и фотографиями их было не переубедить. Как только на экране возникали Вилья или Обрегон, в зале раздавались аплодисменты и крики «Да здравствует славная Северная дивизия!» или «Да здравствует славная Северо-Западная армия!». Каррансу сначала встречали свистом, а потом делегаты Конвента стали просто стрелять в изображения «верховного главнокомандующего» из пистолетов.

В этих не самых благоприятных для себя условиях Карранса совершил искусный тактический маневр. Он направил Конвенту послание, в котором соглашался уйти в отставку, если Вилья и Сапата тоже откажутся от командования своими частями и вернуться к частной жизни. Такое послание развешивало руки Обрегону, и 31 октября 1914 года Конвент принял резолюцию с требованием к Каррансе и Вилье подать в отставку. Сапату в резолюцию включать не стали, так как формально его делегация все же не участвовала в работе Конвента и не имела там права голоса.²⁷

Вилья не возражал. Карранса же, добившись своего, повел себя странно. Он уже не доверял генералу Лусио Бланко, командовавшему войсками в районе Мехико. Поэтому 1 ноября 1914 года под предлогом осмотра индейских пирамид в Теотиукане Карранса покинул столицу и отправился в Пуэблу, по направлению к Веракрусу. Там его частями командовал генерал Косс, которому Карранса безусловно доверял. Южнее в Оахаке собирал добровольцев

²⁶ Quirk R. E. The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960. P. 108

²⁷ C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 172

родной брат Каррансы Хесус. Таким образом, Карранса не собирался выполнять резолюцию съезда, которую сам же и инициировал. Одновременно верховный главнокомандующий наконец дал американцам заверения, что не будет наказывать лиц, сотрудничавших с ними в Веракрусе. После этого США стали готовить вывод оттуда войск. В Европе уже бушевала Первая мировая война, и флот США рассматривал Веракрус как не самый важный возможный театр боевых действий. Карранса рассчитывал по пятам американцев занять важнейший порт страны и сделать его (включая важнейшие для любой войны таможенные сборы) базой своего правительства.

Карранса рассылал лояльным генералам инструкции не подчиняться никаким решениям Конвента. Несмотря на запрет Конвента, он проводил массовый набор добровольцев и закупал в Америке оружие и боеприпасы.²⁸ Именно близкие Каррансе генералы не приехали на съезд сами, а прислали своих представителей.

Конвент между тем принял еще одно радикальное решение. Все «армии» и «корпуса» революционной армии отменялись, и войсковые части передавались в подчинение будущему военному министру. Следовательно, партизанские отряды, которые проявляли лояльность только по отношению к своему командиру, должны были превратиться в единую национальную армию. Вильестские делегаты поддержали это решение, которое действительно было для Мексики настоящим благом.

Обрегон продолжал свой путь к власти. 1 ноября 1914 года по его предложению Конвент, уже утвердивший отставку Каррансы, избрал временным президентом Мексики малоизвестного генерала Эулалио Гутьерреса. Тот командовал небольшими партизанскими группами в районе города Сан-Луис-Потоси. Авторитетом и военной мощью Гутьеррес даже отдаленно не мог сравниться с Вильей или Обрегеном. Его избрали на срок в 20 дней, после чего полномочия Гутьерреса либо продлевались, либо прекращались по решению Конвента. Обрегон наверняка рассчитывал, что Гутьеррес будет фигурой переходной (до 1 ноября этот человек никогда не рассматривался в качестве кандидата на пост главы государства) и после отставки Каррансы и Вильи именно его, Обрегона, выберут постоянным главой государства. После 20 ноября Обрегон планировал организовать избрание новым временным президентом своего соратника Вильяреала.

Вилья подтвердил готовность уйти в отставку одновременно с Каррансой и даже предложил, чтобы их обоих расстреляли по решению Конвента.

Конвент направил к Каррансе комиссию, чтобы официально уведомить того о своем решении и получить письмо об отставке. Но когда Обрегон и другие члены комиссии прибыли в Мехико, Каррансы там уже не было.

²⁸ Следует отметить, что оружие в США активно закупал и Вилья, причем в таких объемах, что завод фирмы «Ремингтон» едва успевал удовлетворять его заказы.

2 ноября 1914 года Вилья ввел в Агуаскальентес 6 тысяч своих солдат – якобы для фуражирования.²⁹ С течением времени в город подтягивалось все больше и больше частей «Северной дивизии». Этим воспользовались верные Каррансе генералы и отозвали своих представителей с Конвента.

Обрегон и его комиссия по телеграфу проинформировали Каррансу, что Конвент уже принял его отставку. Через пару дней комиссии все же удалось встретиться с «верховным главнокомандующим» в Орисабе. Карранса попросил время для изучения резолюции. Также он выразил сомнение, что Вилья на самом деле отказался от командования вверенными ему частями, и потребовал гарантий на сей счет. Общественное мнение Мексики было полностью на стороне Конвента. Впрочем, этот фактор Каррансу никогда особенно не интересовал.

5 ноября 1914 года Конвент принял подавляющим большинством голосов решение направить Каррансе ультиматум: либо он уйдет в отставку до 10.00 10 ноября, либо будет объявлен мятежником. 6 ноября Вилья официально отказался от командования «Северной дивизией» и заявил о подчинении всех своих частей Гутьерресу и его новому военному министру Роблесу. Роблес был тем самым генералом армии Вильи, который недавно спас жизнь Обрегону. Новому министру исполнилось всего 23 года.

10 ноября, не получив от Каррансы никакого официального ответа, Конвент в соответствии со своим ультиматумом объявил его мятежником. Временный президент Гутьеррес назначил Вилью командующим всеми вооруженными силами Конвента и поручил ему подавить мятеж.³⁰

11 ноября группа генералов во главе с самым лояльным Каррансе офицером Пабло Гонсалесом направила послания Гутьерресу и «верховному главнокомандующему». Каррансе предлагалось отказаться от всех постов. От Гутьерреса, что тоже было предсказуемым, требовали отстранить Вилью от командования вооруженными силами Конвента. Гутьеррес прибыл на переговоры к Гонсалесу и дал логичное, в общем, обещание: немедленно отстранить Вилью, если Карранса прекратит мятеж, подчинится решению Конвента и уйдет в отставку.

В этих условиях Обрегон решил уже не возвращаться в Агуаскальентес. Карранса два дня фактически продержал его под домашним арестом. Перед Обрегоном стоял непростой выбор: кого же поддержать в начавшейся снова гражданской войне? Сначала генерал захотел по-прежнему играть роль третьей силы. Он намеревался прибыть в штат Халиско на тихоокеанском по-

²⁹ Cumberland C.C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 173

³⁰ 10 ноября Гутьеррес переговорил с Каррансой по телефону, представившись как «законный глава государства». Карранса ответил, что не признает законность полномочий Гутьерреса. См. Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 205

бережье, где располагались наиболее боеспособные части Северо-Западной армии во главе с Мануэлем Дьегесом. Опираясь на военную силу, Обрегон планировал заставить Вилью и Каррансу покинуть Мексику и был готов обратит оружие против того из них, кто откажется это сделать. Однако Дьегес однозначно принял сторону Каррансы, и Обрегон неожиданно оказался генералом без армии. Лусио Бланко в Мехико колебался, но потом все же встал на сторону Конвента.

К моменту начала новой гражданской войны казалось, что преимуществом владеет Конвент, а войска Каррансы будут побеждены в считанные недели.

Вилья и его союзники держали в своих руках основные железнодорожные магистрали от американской границы почти до самого Мехико. Фактически они контролировали центральную часть страны. Союзник Вильи Майторена в Соноре прижимал части Хилла к границе. Сапата угрожал Мехико.

Карранса же не имел под своим контролем единой территории. Сам он после отплытия американцев обосновался в Веракрусе.³¹ Дьегес с частями Северо-Западной армии был на другом, тихоокеанском берегу в штате Халиско. Хесус Карранса находился в Оахаке, и между ним и братом стояли войска Сапаты. Наконец, на северо-востоке Вильяреаль держался в Тампико и Коауиле и мог поддерживать коммуникации с Каррансой только по морю.

Однако на стороне Каррансы был все тот же фактор, который позволил ему одержать победу над Уэртой. «Верховный главнокомандующий» был единоличным правителем, обеспечивавшим жесткое централизованное руководство войной. На его сторону встал один из самых талантливых генералов в военной истории Мексики Альваро Обрегон. При этом последний, как всегда, руководствовался прагматичным расчетом. Вилье он был не нужен, так как тот и сам считал себя толковым военачальником. А вот Карранса без Обрегона обойтись никак не мог. Поэтому следовало сначала сокрушить Вилью, а потом Карранса оказался бы уже полностью в руках победоносной армии Обрегона. Забегая вперед, скажем, что так оно и вышло.

Еще в ноябре 1914 года в переписке с Каррансой Обрегон дал свой анализ соотношению сил внутри сторонников Конвента. Первую группу, по его мнению, составляли Анхелес и группировавшиеся вокруг него сторонники свергнутого старого режима. Члены второй группы, Вилья и Сапата со своими приверженцами были, по оценке Обрегона, просто бандитами. Наконец, третью группу составляли честные и достойные революционеры. Сначала, предсказывал Обрегон, Вилья и Сапата разобьют Анхелеса. Затем

³¹ Американцы покинули Веракрус 23 ноября 1914 года, а через три дня в город прибыл Карранса. См. *Mexico since Independence*. London, Cambridge University Press, 1991. P. 158

против них самих выступит третья группа, с которой уже можно будет объединиться и Каррансе.

Силы Конвента едиными действительно не являлись, хотя предположения Обрегона насчет Анхелеса были абсолютно неверны. Конечно, основную боевую мощь правительства Гутьерреса составляла «Северная дивизия», именно поэтому Вилья и был назначен верховным главнокомандующим вооруженными силами Конвента. Второй военной опорой нового временного правительства были войска Сапаты. Однако по своей боевой мощи они никак не могли конкурировать с вильястами. Оставаясь партизанской армией локального характера, бойцы Сапаты не привыкли воевать вдали от родных деревень, и их нельзя было использовать, например, в Коауиле.

Главная же ошибка Вильи в ноябре 1914 года, стоившая ему победы, была в том, что он избрал неправильную стратегию военной кампании. Как и во времена борьбы с Уэртой, Вилья стремился любыми средствами обеспечить безопасность железнодорожных коммуникаций и контроль над своим родным штатом Чиуауа. Вместо того чтобы, объединившись с Сапатой, одним ударом разбить слабые силы Каррансы в Веракрусе, Вилья стал наступать на Коауилу и Халиско (т.е. на северо-восток и северо-запад), чтобы ликвидировать угрозу своим флангам. Взять Веракрус поручалось Сапате, не имевшему, конечно, ни подходящей артиллерии, ни регулярных войск для выполнения этой задачи. Анхелес умолял Вилью всеми силами обрушиться на Веракрус. Однако Вилья не пошел на это по целому ряду причин. В частности, он не хотел обижать Сапату, который рассматривал район Веракруса как свою вотчину.³² Хотя Вилья и был убежден, что порт в Веракрусе армии Сапаты не по зубам, он решил дать южанам возможность на практике убедиться в этом. После неудачи, думал Вилья, Сапата обратится к нему за помощью и тем самым подтвердит ключевое положение «Северной дивизии» среди вооруженных сил Конвента.

Но для прагматика Вильи тактические вопросы взаимоотношений с Сапатой были, конечно, далеко не главными в выборе военной стратегии. Вилья искренне уважал Сапату как принципиального революционера, однако он реально оценивал боевую мощь Освободительной армии Юга. Ее делали весьма невысокой в основном отсутствие жесткой дисциплины и плохое вооружение. Например, у Сапаты, практически не имелось артиллерии, а стрелковое оружие было не стандартизировано, что очень осложняло приобретение боеприпасов.³³

³² Анхелес уважал Сапату как истинного революционера, но считал, что тот ничего не понимает в военной стратегии. См. McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 273

³³ Анхелес вообще считал, что силы Сапаты не заслуживают названия «армия». См. McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 273

Стратегию Вильи определяли, главным образом, соображения экономического порядка. Он прекрасно помнил, как летом 1914 года Карранса отрезал его от запасов угля в Коауиле (там находились единственные угольные месторождения Мексики) и тем самым обездвижил его «Северную дивизию». Поэтому вопреки совету Анхелеса Вилья решил прежде всего занять Коауилу. К тому же взятие под контроль этого штата решало и другую задачу, которую Вилья считал основной. Именно из Коауилы каррансисты могли угрожать его железнодорожным коммуникациям с США. Их нарушение лишало бы «Северную дивизию» боеприпасов.

Исходя из этих соображений, Вилья решил сначала ликвидировать угрозы своим флангам с востока и запада, разгромив Вильяреала в Коауиле и Дьегеса в Халиско. Только после этого он намеревался обрушиться на Обрегона. Эта, на первый взгляд, здравая стратегия и стоила Вилье победы.

Как ни странно, и Обрегон, несмотря на репутацию блестящего и расчетливого военачальника, тоже избрал ложную стратегию. Он хотел перебросить войска из Веракруса на тихоокеанское побережье и оттуда совместно с Дьегесом угрожать флангам Вильи. Тем самым Веракрус практически без боя отдавался армии Конвента. Если бы Обрегон сделал так, как задумывал, оказался бы действенным и вышеописанный план Вильи. Однако Карранса запретил Обрегону этот маневр. Напротив, он приказал верным ему войскам оставить Мехико и отойти к Веракрусу. Таким образом Карранса как бы приглашал Вилью и Сапату взять на себя наступательную инициативу. Войска Каррансы же с разных сторон должны были тревожить растянутые коммуникации Вильи, не давая тому собрать мощную кавалерию и артиллерию в кулак. Такая стратегия позволяла выиграть время, которое, по мнению Каррансы, работало именно на него. Он, как и Обрегон, ждал, что в лагере Конвента вскоре обострятся противоречия. К тому же, опираясь на таможенную Веракруса, можно было проводить набор добровольцев и закупку оружия.

18 ноября, когда части Каррансы под командованием Обрегона стали покидать Мехико, противники Вильи могли рассчитывать примерно на 60–70 тысяч солдат, разбросанных по самым разным уголкам Мексики. У Вильи и Сапаты суммарно было примерно столько же, но Вилья благодаря железным дорогам мог держать свои войска в одном кулаке и быстро перебрасывать их на разные фронты. Пока же он двинул основную часть своих сил на Мехико, поручив Анхелесу сковывать каррансистские силы на северо-востоке. Фьерро должен был не выпускать из Халиско группировку Дьегеса.

13 ноября госсекретарь США объявил, что оккупация Веракруса закончится 23 ноября, и в этот день, примерно в два часа, последний американский корабль покинул рейд крупнейшего порта Мексики. Жители Веракруса ликовали.

стро договорились совместно воевать против Каррансы, хотя детально военная стратегия разработана не была. Как и предполагал Вилья, Сапата сам взял на себя обязательство занять Пуэблу и Веракрус, предоставив войскам союзника сокрушить каррансистов на севере. К сожалению, при определении линии военного взаимодействия и Вилья, и Сапата проявили непростительный в широкомасштабной войне регионализм. Ни один из них не хотел рисковать своими войсками вдалеке от своей основной базы: Сапата от Морелоса, а Вилья – от Чиуауа.

Вилья обещал Сапате помощь боеприпасами и артиллерией.³⁵ В обмен Сапата должен был наступать на Веракрус. Каждый попросил собеседника расстрелять несколько своих врагов, оказавшихся на контролируемой тем территории. Например, Вилья желал головы журналиста Паулино Мартинеса, когда-то написавшего о нем нелестную статью. Сапата хотел смерти назначенного Вильей вместо его родного брата Эуфемии коменданта Национального дворца. Следует подчеркнуть, что инициатива составления проскрипционных списков исходила от Вильи. Сапата эту тему обсуждал неохотно и отказался сдать как Мартинеса (хотя по другой, не слишком правдоподобной версии, он якобы все же согласился на ликвидацию главы своей делегации в Конвенте), так и бежавших к нему после августа 1914 года некоторых командиров Ороско.

Лидеры договорились, что части «Северной дивизии» и Освободительной армии Юга торжественно вступят в Мехико 6 декабря. Временному президенту Гутьерресу рекомендовали обосноваться в Национальном дворце, не дожидаясь парада союзников.

6 декабря 1914 года по запруженным ликующим народом центральным проспектам Мехико прошли около 50 тысяч солдат Вильи и Сапаты. Оба командира возглавляли парад, восседавая в открытом автомобиле. Вилья был в темно-синей униформе генерала революционной армии, которую надевал очень редко. Сапата облачился в типичный костюм богатого мексиканского ранчero – узкие брюки, расшитые серебром, украшенный золотой и серебряной вышивкой кожаный пиджак и неизменное сомбреро. Позже оба военачальника присоединились к президенту Гутьерресу на балконе Национального дворца. Во время экскурсии по этому зданию Вилья сел в президентское кресло, что немедленно было запечатлено фотографиями. Быстро распространившийся по стране снимок дал каррансистской пропаганде новый повод обвинить Вилью в стремлении захватить политическую власть в Мексике.³⁶

9 декабря Сапата покинул Мехико, чтобы подготовить свои войска к наступлению на город Пуэбла, после взятия которого он должен был осадить

³⁵ Guzman M. L. *Memoirs of Pancho Villa*. Austin, 1975. P. 377

³⁶ Quirk R. E. *The Mexican Revolution 1914–1915*. New York, 1960. P. 140

непосредственно Веракрус. На следующий день из столицы уехал и Вилья. Он намеревался лично возглавить операции по разгрому фланговых сил Каррансы в Халиско на западе и в Коауиле на востоке. Анхелес опять просил Вилью наступать именно на Веракрус. Если бы Вилья действительно бросил основную часть «Северной дивизии» на Веракрус вместе с Сапатой, то Карранса, несомненно, был бы разбит. Однако Вилья не хотел тем самым нарушить негласное распределение ответственности, по которому Веракрус и Пуэбла были в ведении Освободительной армии Юга. Он боялся обидеть гордого Сапату предложением помощи. Эта щепетильность полуграмотного человека спасла Каррансу и Обрегону от неминуемого поражения.

Между тем отряды Вильи и Сапаты в Мехико начали процесс ликвидации своих оппонентов, согласованный во время встречи 4 декабря. Всего были убиты примерно 150–200 человек. Репрессии не носили массового характера и не задевали интересов тысяч столичных жителей.³⁷ Но все же возмутили Гутьерреса и его правительство, так как с президентом никто действий не согласовывал. Гутьеррес стал осознавать, что является марионеткой в руках Вильи. Хотя на высший пост в стране его избрали, как мы помним, по инициативе другого человека – Обрегона.

Особенно потряс Гутьерреса случай с подполковником революционной армии, бывшим школьным учителем Берлангой. Тот выразил возмущение выходкой подвыпивших в ресторане гвардейцев Вильи «дорадос», которые отказались оплатить счет. Пристыдив их, Берланга сам заплатил хозяину. После этого подполковника арестовал Фьерро. Он разрешил ему написать предсмертное письмо, и Берлангу хладнокровно расстреляли «дорадос». Даже для Фьерро этот поступок был постыдным, и он начал выказывать недовольство Вильей, который приказал-де ему ликвидировать Берлангу. Вилья в своих мемуарах описывал этот случай несколько по-другому. Якобы Берланга на каждом углу заявлял, что Вилья бандит, за что военачальник и приказал его расстрелять после личного допроса.

Помимо Берланги были казнены три бывших генерала федеральной армии, в том числе и Охеда, который смог уйти при штурме Вильей Охинаги в январе 1914 года. По логике, их следовало бы наградить за полную профнепригодность, существенно облегчившую победы конституционалистов. Вилья приказал уничтожить и Паулино Мартинеса, хотя журналист еще недавно, на Конвенте в Агуаскальентесе прославлял его от имени Сапаты. Справедливости ради следует отметить, что все основные военнополитические лидеры Мексики того времени практиковали ликвидацию своих политических противников без суда и следствия. Но благодаря пропаганде Каррансы для многих исследователей именно Вилья и Сапата навсегда остались единственными злодеями в мексиканской истории.

³⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 456

Несмотря на распускаемые Каррансой слухи о зверствах «варваров» Сапаты и Вильи в Мехико, дипломатический корпус предпочел остаться в столице. Карранса предлагал иностранным дипломатам эвакуироваться вместе с его армией в Веракрус, так как в противном случае он-де не может отвечать за их безопасность.³⁸ Отказавшись от эвакуации, они не прогадали. Дипломаты видели, как голодные солдаты Сапаты с протянутыми шляпами смиренно просят милостыню на улицах столицы, хотя могли бы «реквизировать» все, что заблагорассудится.

Тем не менее случай с Берлангой переполнил терпение президента Гутьерреса, и он издал на рождество 1914 года специальный декрет, в котором осуждал политически мотивированные убийства без суда. Президент угрожал, что если репрессии не прекратятся, то Конвент может переехать в более безопасное место. Военный министр Роблес был послан к Вилье с предложением подать в отставку. Вместо этого Вилья сам прибыл в Мехико. Его отряды взяли под контроль главные здания города, в том числе и зал заседаний палаты депутатов, в котором продолжал работу поредевший после ухода сторонников Каррансы Конвент. К тому моменту Гутьеррес уже некоторое время вел тайную переписку с Обрегеном, пытаясь возродить план удаления с политической арены Каррансы и Вильи разом.³⁹ Обрегон с ведома Каррансы контакт поддерживал, стремясь побудить Гутьерреса к открытому разрыву с Вильей. В частности, под влиянием писем Обрегона Гутьеррес стал планировать перевод своего правительства из Мехико в другой город, где не было гарнизонов Вильи. Таким образом, ставка Каррансы и Обрегона на раскол рядов Конвента стала оправдываться даже раньше, чем они предполагали.

Вилья между тем окружил своими солдатами резиденцию главы государства и вошел в кабинет президента, где встретил помимо Гутьерреса еще и военного министра Роблеса. Гутьеррес сознался, что хочет перевести свое правительство в Сан-Луис-Потоси, что Вилья назвал предательством. Потом командир «Северной дивизии» неожиданно успокоился и смиренно спросил, не боится ли Гутьеррес оставаться без защиты его войск. Президент ответил, что как раз вдали от него и Сапаты он будет чувствовать себя спокойно. Гутьеррес резко осудил убийство Берланги. На это Вилья лишь заметил, что оно осуществлено в интересах революции. В конце беседы Роблес лично обещал своему бывшему командиру Вилье, что правительство никуда не двинется из Мехико. И Вилья на время – по крайней мере, по видимости – оставил Гутьерреса в покое.

³⁸ Hill L. D. *Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico.* Baton Rouge, 1973. P. 279

³⁹ Cumberland C. C. *Mexican revolution. The Constitutionalist years.* Austin, 1972. P. 189

В середине декабря 1914 года положение войск Каррансы стало казаться безнадежным.

В декабре Вилья отбил у Дьегеса Гвадалахару. Когда войска каррансистов вступили в этот город, они ухитрились вызвать недовольство и бедных, и богатых слоев населения. Как и Обрегон летом того же года, Дьегес закрыл все церкви, расстрелял и посадил в тюрьму некоторых сторонников Уэрты и конфисковал несколько асиенд в окрестностях. Рабочим Дьегес как бывший их коллега рекомендовал активнее практиковать забастовочную борьбу, посулив, что при разрешении споров будет на их стороне. Однако конфискованная продукция асиенд вопреки его обещаниям так и не поступила для раздачи бедным. Часто офицеры армии Дьегеса просто продавали конфискованное зерно на черном рынке. Когда же рабочие начали бастовать, это привело к нарушению снабжения города некоторыми товарами. Дьегес быстро поменял свою точку зрения и стал уговаривать бастующих снова выйти на работу. Но те ждали уступок. Тогда Дьегес обвинил в разжигании забастовок церковь и вильистских агентов.

Служивший в те годы в частях Дьегеса великий мексиканский художник и общественный деятель Давид Альфаро Сикейрос вспоминал: «Мексиканская революция не имела никаких трибуналов: жизнь зависела от приказа непосредственного начальника, и смертный приговор осуществлялся без всяких формальностей, прямо на месте».⁴⁰

Благодаря масштабной каррансистской пропаганде, которая представляла Вилью реакционером и американским наемником, многие зажиточные слои города ликовали, когда он занял Гвадалахару. Вилья действительно пошел на некоторые не популярные с революционной точки зрения меры, причем их пропагандистскую уязвимость он прекрасно сознавал. Командир «Северной дивизии» принял делегацию священников и согласился открыть по их просьбе церкви. При этом он подчеркнул, что данный шаг будет немедленно использован Каррансой для поддержания тезиса о «реакционности» Вильи. Единственное, о чем настоятельно просил Вилья, было недопущение использования храмов для антиреволюционной пропаганды.⁴¹

В отличие от войск Дьегеса, которые надоели населению тем, что почти ни за что не платили, вильисты поддерживали в Гвадалахаре, как и в других занятых ими районах страны, железную дисциплину. Мелкий и средний бизнес Вилья отнюдь не считал врагом революции, и его солдаты обеспечивали бесперебойную работу магазинов и предприятий.

Неудивительно, что толпы жителей Гвадалахары встречали Вилью радостным ликованием, еще больше усилившимся, когда он вместе с женой стал раздавать безработным пособия. Их получали даже оставшиеся не

⁴⁰ Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 68

⁴¹ Guzman M. L. Memoirs of Pancho Villa. Austin, 1975. P. 389

Естественно, и иностранные консулы в Гвадалахаре вскоре уже не отзывались о Вилье в восторженных тонах, тем более что он расстрелял некоторых представителей старого режима. Однако его экзекуции по масштабам не шли ни в какое сравнение с репрессиями Дьегеса: всего за месяц правления вильистов в Гвадалахаре были расстреляны по политическим мотивам 9 человек. Все меры Вильи и его губернатора Медины пользовались восторженной поддержкой подавляющего большинства горожан. Когда Дьегес в январе 1915 года снова на короткое время захватил Гвадалахару, его солдат встретили как оккупантов. Сикейрос вспоминал: «...нас встретил безмолвный город, горы мертвых, груды трупов на улицах».⁴²

Вилья не случайно в первую очередь занялся именно Гвадалахарой. Этот город нависал над железнодорожными коммуникациями «Северной дивизии», а Вилья, как мы помним, придавал бесперебойному функционированию железных дорог особое значение.

Другой задачей – захватом Коауилы с ее угольными запасами и всего северо-востока в декабре – январе занимался Фелипе Анхелес. Первоначально в Коауиле вильистами командовал брат покойного президента Эмилио Мадеро, которого со всех сторон теснили каррансисты. Анхелес привез с собой из Мехико около 11 тысяч бойцов, и силы противников примерно сравнялись, хотя у генералов Каррансы все же было некоторое преимущество.

Анхелес немедленно показал, на что способен толковый военачальник. Он двинул части Эмилио Мадеро на столицу Коауилы Салтильо, а сам на 19 поездах отправил основную массу сил в другую сторону. Каррансисты купились на отвлекающий маневр и бросились вслед за войсками Анхелеса, оголив подступы к Салтильо. Анхелес же опять погрузил свои силы на поезда и вернулся к Салтильо, взяв его практически без боя. 600 сторонников Каррансы, защищавшие подступы к городу, бежали в разные стороны.

После взятия Салтильо Анхелес стремился завоевать третий по величине город Мексики Монтеррей.⁴³ Войска Каррансы намеревались дать ему решающее сражение в местечке Рамос-Ариспе, примерно в десяти милях от Салтильо. Но это сражение, произошедшее 8 января 1915 года, оказалось одним из самых курьезных за весь период мексиканской революции. Поле боя покрывал густой туман. Вызванная им неразбериха усугублялась еще и тем, что солдаты противоборствующих сторон по внешнему виду ничем не отличались друг от друга. В ходе боя Рауль Мадеро два раза брал в плен каррансисты и оба раза освобождал, приняв за своего.⁴⁴ Офицеры

⁴² Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 65

⁴³ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 295

⁴⁴ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 295

Анхелеса по ошибке снабжали патронами солдат противника. Артиллерия обеих сторон была по своим. Как только туман чуть рассеялся, один из бывших генералов Вильи Макловио Эррера, который теперь воевал на стороне Каррансы, неожиданно увидел своего недавнего соратника – генерала вильистов Матиниано Сервина. Как в американском вестерне, оба выхватили пистолеты и устроили настоящую дуэль. Эррера был проворнее, однако на результатах сражения это не сказалось. Оно закончилось полным разгромом и бегством каррансистов, оставивших на поле боя 200 тысяч патронов. Из 12 тысяч человек три тысячи попали в плен.⁴⁵ Анхелес (и он доказал это в Морелосе) был человеком гуманным. Он предложил всем пленным дать честное слово, что те никогда больше не поднимут оружие против своих братьев-вильистов. В обмен на честное слово все пленные были отпущены по домам. Многие офицеры Каррансы немедленно нарушили обещание и снова включились в борьбу против Вильи. Например, отпущенный генерал Игнасио Рамос уже через два дня снова был на поле боя.

Когда Анхелес вступил в Монтеррей, жители города встретили его ликованием, так как каррансисты при отступлении сожгли железнодорожный вокзал. Зажиточные слои населения были приятно удивлены дисциплиной вильистов, а также обещанием Анхелеса уважать собственность и гарантировать свободу вероисповедания. Анхелес, как и Вилья, прекрасно сознавал непопулярность этих мер среди многих революционеров, однако отступать от них не собирался. На выборах временного военного губернатора штата Нуэво-Леон, столицей которого был Монтеррей, Анхелес получил только один голос против 10, отданных за Рауля Мадеро.

Богатые жители Монтеррея быстро почувствовали разницу между Анхелесом и Вильей, когда последний лично приехал в город. Вилья обвинил торговцев и предпринимателей в сознательном завышении цен на основные продукты питания и потребовал их снизить. Торговцы упирались, так как у них в условиях тотальной войны на севере просто уже не было достаточного количества товаров. К тому же окрестности Монтеррея все еще находились в руках каррансистов, блокировавших снабжение города. Тогда Вилья потребовал собрать миллион песо на оказание экстренной помощи бедным слоям населения.

Победы Анхелеса и Вильи на западе и северо-востоке в декабре 1914-го – январе 1915 года улучшили положение войск Конвента. Отнюдь не внушала каррансистам радужные надежды и ситуация в других частях Мексики. В Соноре Хилл едва отбивал атаки Майторены и просил Обрегона о срочной помощи. У Дьегеса на западном берегу страны дела тоже шли из рук вон плохо. На востоке вильисты атаковали нефтеналивной порт Тампико.

⁴⁵ Помимо этого, Анхелесу достались 14 локомотивов, 19 вагонов и 11 тысяч снарядов.

Наконец, 15 декабря 1914 года примерно 15 тысяч сапатистов без боя захватили стратегически важный город Пуэбла на полпути между Мехико и Веракрусом.⁴⁶ Сапата взял бы город и раньше, но Вилья запоздал с присылкой обещанной артиллерии, к тому же сапатистам пришлось перебрасывать пушки к Пуэбле на мулах и лошадях. Положение Каррансы в соседнем Веракрусе резко осложнилось, и он назначил Обрегона верховным главнокомандующим всех своих сил в центральном районе страны.

Обрегон за судьбу Веракруса не беспокоился. Он знал, что партизанская армия Сапаты, не регулярная и не имеющая боеприпасов, не сможет даже развить наступление на Веракрус. Действительно, Сапата написал Вилье желчное письмо о том, что враги хотят вбить между севером и югом, то есть между ними клин, и уехал из Пуэблы в Морелос, не предприняв никаких попыток укрепить покидаемый город.⁴⁷

Поэтому основным противником Обрегон избрал Вилью, с разгромом которого Сапата автоматически опять превращался в локальную проблему Морелоса и сопредельных штатов. Не обращая внимания на угрожавшего с фланга Сапату, Обрегон решил начать наступление на Мехико. Потом он собирався установить оперативный контакт с войсками Дьегеса в Халиско и ударить в тыл противостоявшему Дьегесу Фьерро.

В отсутствии реальной угрозы со стороны сапатистов Обрегон убедился, когда, к собственному удивлению, легко отбил у них важный железнодорожный узел Апам (примерно в 50 милях северо-восточнее Мехико). Столь важный со стратегической точки зрения пункт удерживали всего 150 сапатистов. Стало ясно, что Сапата не хочет отрываться от своих баз в Морелосе, предпочитая оборонительное ведение войны с привычными рейдами против отдельных городов врага.

К тому времени обозначился и политический раскол между Вильей и Сапатой. До последнего дошли сведения, что Вилья активно набирает в свою армию сторонников Феликса Диаса и Рейеса, то есть представителей ненавистного Сапате старого режима. Убийство Паулино Мартинеса также потрясло крестьянского лидера. Наконец, Вилья, несмотря на обещания, не торопился проводить на подконтрольной ему территории аграрную реформу. Разочаровавшись, Сапата удалился в Морелос и на время отошел от руководства боевыми операциями.

Если за Мартинеса Сапата обижался вполне справедливо, то по всем другим пунктам подозревал Вилью напрасно. Действительно, 4 января 1915 года Вилья принял в свою армию 1500 офицеров старой федеральной армии, в том числе 7 дивизионных генералов, но сделал это, конечно, не из-за своих симпатий к реакционерам. Просто он ощущал нехватку толковых офи-

⁴⁶ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 222

⁴⁷ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 222

церов, а многие из бывших федералов доверяли ему больше, чем Каррансе, который так и не объявил амнистию для сотрудников госаппарата и вооруженных сил Уэрты. Политика Вильи оказалась очень умной, и бывшие солдаты и офицеры федеральной армии вскоре подняли восстание на Юкатане (этот штат вообще не участвовал в революционных боях против Уэрты) и объявили себя вильистами.⁴⁸

Что касается поставок оружия и боеприпасов Сапате, то у самого Вильи уже в конце 1914 года возникли проблемы со средствами для закупки всего этого в США. Резервы основной «твердой валюты» Чиуауа – скота – подходили к концу. Промышленность же простаивала уже больше года, так как именно в Чиуауа происходили самые разрушительные столкновения эпохи войны против Уэрты. Начало Первой мировой войны в Европе привело к резкому взлету цен на патроны. Если раньше агенты Вильи в США платили по 40 долларов за тысячу патронов, то теперь приходилось выкладывать все 70, причем еще и уговаривать поставлять эти патроны именно в Мексику, так как европейский рынок был гораздо масштабнее. Наконец, Вилья и Анхелес вели тяжелые бои на северо-востоке, стремясь захватить Тампико с его доходами от экспорта нефти, но пока это не удавалось. Финансовое положение Сапаты было даже в некотором смысле лучше, ведь в его руках были серебряные рудники штата Герреро.

В начале 1915 года Обрегон перешел в контрнаступление. У сапатистов был быстро отбит город Тласкала. 5 января после ожесточенного сражения пала Пуэбла, несмотря на то, что обороняли ее бывшие сторонники Ороско, ставшие самыми боеспособными солдатами Сапаты. Разбив еще несколько сапатистских гарнизонов, 28 января Обрегон без боя вошел в Мехико. Для многих жителей столицы и даже некоторых офицеров сапатистского гарнизона приближение Обрегона стало полной неожиданностью. Как обычно, столичные газеты, отражая мнение действующей власти, преуменьшали успехи войск Каррансы.⁴⁹ Постоянная дезинформация сыграла дурную шутку с самими же защитниками Мехико, которые не готовились к упорной обороне.

Вилья в это время был занят проблемами, возникшими с США. Его пригласил на беседу старый друг генерал Скотт, который стал начальником аме-

⁴⁸ Следует отметить, что большая часть официально распущенной Каррансой федеральной армии просто разошлась по домам, не примкнув ни к одной из революционных фракций. См. Katz F. *The Life and Times of Pancho Villa*. Stanford University Press, 1998. P. 446

⁴⁹ Формальный президент Конвента Гутьеррес в начале января 1915 года при содействии американцев вел переговоры с Обрегоном, предлагая последнему убраться с политической арены как Вилью, так и Каррансу. 13 января Гутьеррес сообщил американскому эмиссару Стилману, что позволит Обрегону оккупировать Мехико. Стилман, в свою очередь, сообщил об этом госдепартаменту.

риканского генштаба, и потребовал немедленно прекратить огонь между войсками Майторены и Хилла. Во время недавних боев в приграничной полосе, утверждал Скотт, шальные пули и осколки убили одного и ранили 26 американцев. Вилья не хотел давать Майторене соответствующего распоряжения, так как губернатору Соноры только что ценой больших потерь (около 800 убитых) удалось прижать Хилла к границе. Однако ссориться с американцами Вилья не желал, ведь те могли прекратить закупки оружия и боеприпасов его армией в США. Скрепя сердце Вилья послал Майторене указание отступить от границы, не преминув сказать Скотту, что Карранса будет страшно доволен. Получив от Вильи приказ, Майторена зарыдал. Ему не дали добить Хилла, положение которого было действительно безнадежным.

Как только Вилья вернулся из приграничного Сьюдад-Хуареса, его ждал еще более сильный удар. Войска Анхелеса, о чем мы уже сказали, потеснили каррансистов на северо-востоке и захватили столицу Коауилы Салтильо. Там среди бумаг поспешно отступившего генерала Вильяреала, бывшего председателя Конвента, были найдены письма президента Гутьерреса, в одном из которых он именовал Вилью бандитом. Гутьеррес предлагал Обрегону объединиться против Вильи и Каррансы, хотя последнего он бандитом не называл. По телеграфу Вилья немедленно отдал Роблесу приказание расстрелять Гутьерреса как предателя. Однако к тому времени Роблес и сам был заодно с временным президентом. Гутьеррес успел скрыться, уехав 16 января 1915 года в Сан-Луис-Потоси и прихватив из казны половину всех резервов – около 10 миллионов песо. Его переписка с Обрегоном закончилась после того, как последний начал свое наступление. Теперь Гутьеррес был ему уже не нужен, и Обрегон попросту арестовал посланцев временного президента.

В Мехико власть принял в свои руки один из вильистских командиров Роке Гонсалеса Гарсы, которого избрали председателем снова поредевшего Конвента (часть его сбежала вместе с Гутьерресом). После того как Обрегон занял Мехико, Конвент отступил под защиту Сапаты в столицу Морелоса Куэрнаваку. Теперь в Мексике было четыре правительства. В Сан-Луис-Потоси находился уже никого не представлявший временный президент Гутьеррес. Вскоре под давлением Вильи он переехал в небольшое местечко Доктор-Арройо, откуда даже направлял представителей в США, хотя их никто не воспринимал всерьез. В Куэрнаваке заседало правительство Гонсалеса Гарсы.⁵⁰ Вилья был вынужден образовать в Чиуауа собственное временное правительство из трех человек для северной части Мексики, так как постоянного контакта с Куэрнавакой у него не было. Наконец, в Веракрусе размещалось правительство Каррансы. Теперь уже он располагал единой терри-

⁵⁰ Quirk R. E. The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960. P. 170

торией в центре страны, а лагерь его противников был расколот географически на северную и южную части.

В Куэрनावаке в Конвент были кооптированы несколько сторонников Сапаты, и теперь они стали там большинством. Пока Конвент, не торопясь, обсуждал обширную программу политических и экономических реформ, Сапата постоянно требовал у Гарсы денег для своей освободительной армии. Монеты, которые чеканились из серебра штата Герреро, пользовались спросом населения, но их не хватало. Поэтому в Морелосе ходили напечатанные Вильей на севере купюры. Однако южане им не доверяли, к тому же эти купюры могли поступать в законный оборот только после проставления на них специальной печати правительства Конвента, а Гарса забыл эту печать в Мехико. Тем не менее вильистские деньги худо-бедно все же принимались, так как за ними пока стоял авторитет армии Сапаты. Гарса был вынужден установить освободительной армии Юга постоянные субсидии сначала в 200 тысяч, а потом и в 250 тысяч песо за каждые двадцать дней.

Взамен Гарса логично требовал усиления боевой активности сапатистов. Но многие солдаты партизанской армии разошлись обрабатывать полученную ими землю и воевать в других частях страны не хотели. Требования Гарсы настроили против него многих сапатистских командиров. Связи с севером у председателя Конвента практически не было.

На фронтах бои шли с переменным успехом. Анхелес, как упоминалось, в январе захватил Монтеррей и Салтильо, однако Дьегес, двинувшись навстречу Обрегону, занял 18 января Гвадалахару на северных подступах к Мехико.⁵¹ Все части Вильи в районе столицы могли попасть в окружение. Правда, у самого Обрегона были только 6 тысяч человек (по другим данным – 9 тысяч), и он держался в Мехико главным образом благодаря пассивности Сапаты. Помогало Обрегону и тотальное отсутствие даже признаков военной координации между вильистами и сапатистами. Как только сапатисты атаковали столицу с юга, Обрегон перебрасывал туда всю свою небольшую армию. После отражения атаки он переводил группировку на север, где начиналась атака вильистов. Если бы противники Каррансы хотя бы раз ударили по столице одновременно, Обрегон попал бы в очень тяжелое положение. Много войск было отвлечено на охрану важнейшей железнодорожной коммуникации Мехико – Веракрус. Обрегон, человек основательный, предпочитал воевать только при хорошем и постоянном снабжении.

⁵¹ Сикейрос вспоминал, как он и несколько офицеров зашли в один из лучших ресторанов города и увидели там пьяного вильистского полковника, который с радостью сказал: «Ну, как дела, приятели? Здорово мы врезали этим карранкланам?» (Так вильисты пренебрежительно называли сторонников Каррансы.) Полковник быстро понял свою ошибку, но протрезветь не успел: его немедленно расстреляли прямо у дверей ресторана. Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 65–66

Проводил Обрегон и умную тактику относительно обращения с пленными. Он отказался от применявшейся Каррансой практики расстрелов без суда. Наоборот, раненым пленным оказывалась медицинская помощь, а тех, кто не хотел переходить на службу в армию Обрегона, отпускали по домам. В боях на подступах Мехико, по некоторым данным, на сторону Обрегона с оружием перешли около двух тысяч сторонников Конвента (хотя эти сведения представляются все же несколько преувеличенными).

Снабжение населения в самом Мехико ухудшалось день ото дня. В столице царил полный финансовый хаос. После разгрома Уэрты в городе ходили выпущенные конституционалистами бумажные деньги. Когда Мехико заняли Вилья и Сапата, эти деньги были оставлены в обращении, однако Вилья привез с собой и новые, которые он напечатал на севере страны. Карранса же после 1 декабря 1914 года выпустил новые собственные деньги, по внешнему виду не отличавшиеся от тех, которые печатали во время борьбы с Уэртой. Различие было только в номерах банкнот. Вилья и Сапата запретили хождение именно этих новых денег, которые не каждый мог распознать по внешнему виду. Когда в столицу вступил Обрегон, он, наоборот, запретил все деньги, напечатанные до 1 декабря.⁵² Торговцы, окончательно запутавшиеся в разных деньгах, просто стали придерживать наиболее ценные товары, тем более что положение Обрегона в Мехико было непрочным. Товарный голод усиливался постоянными нападениями сапатистов на поезда, доставлявшие в Мехико различную продукцию. Бойцы Сапаты разрушили водонапорную башню в окрестностях столицы, и вскоре там стал ощущаться недостаток воды.

Обрегон и не пытался всерьез заниматься столичными проблемами, хотя в Мехико начался самый настоящий голод. Госсекретарь США и президент Вильсон направили Каррансе протест по этому поводу. Американцы в резких выражениях обвинили Каррансу в целенаправленной политике удушения Мехико голодом, чтобы наказать его жителей, поддерживавших Конвент.⁵³ А Обрегон тем временем вывозил из Мехико все припасы и даже заводское оборудование, так как не надеялся удержать столицу после подхода к ней основных сил Вильи.

В целом режим Обрегона в Мехико был, используя его же собственное выражение, гораздо более «бандитским», чем правление Вильи и Сапаты. Чтобы как-то поправить вызванную им же самим (потом генерал, правда, утверждал, что вывести деньги из обращения его заставил Карранса) тотальную экономическую разруху в Мехико, он издал декрет о принудительной

⁵² Hall L., B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 109.

⁵³ Карранса дошел до того, что официально провозгласил Веракрус новой столицей Мексики, низведя Мехико до уровня обычной столицы штата. См. Hill L. D. Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico. Baton Rouge, 1973. P. 306

контрибуции у «реакционной» церкви средств на общую сумму в 500 тысяч песо. Эти деньги должны были пойти в фонд созданной под эгидой «Дома рабочих мира», который поддерживал тесные отношения с Обрегеном еще с августа 1914 года, «Хунты помощи бедным». Однако церковь отказалась платить, в частности, именно потому, что не хотела передавать деньги указанной Обрегеном организации. Тогда конституционалист Обрегон просто арестовал 167 ведущих деятелей церкви Мехико. Этот шаг вызвал возмущение иностранной колонии Мехико, так как многие из арестованных были иностранцами гражданами.

Чтобы опять наполнить прилавки магазинов, Обрегон издал декрет о введении 10%-ного натурального налога для бизнесменов, торгующих товарами первой необходимости. К таким товарам были отнесены кукуруза, бобы, перец чили, кофе, сахар, свиной жир, уголь, древесина, масло и свечи. Но и здесь очевидного успеха не получилось: большинство коммерсантов просто припрятали свои товары.

Тогда Обрегон принял еще более радикальное решение. Теперь предполагалось обложить чрезвычайным налогом все зажиточные слои города и лиц свободных профессий. Это вызвало взрыв возмущения среди средних слоев. На собрании в столичном театре представители бизнеса решительно отказались платить этот налог и обратились к иностранным посольствам с просьбой о защите от незаконных реквизиций. Однако Карранса лишь изъял из перечня налогооблагаемых лиц иностранных коммерсантов. На следующее собрание в театре «Идальго» Обрегон явился лично. Тех, кто отказался платить чрезвычайный налог, он приказал немедленно арестовать.

Получалось, что «бандиты» Вилья и Сапата правили в Мехико гораздо более гуманными методами. Когда Гутьеррес в начале декабря 1914 года образовал в Мехико полноценное правительство Конвента, бизнесмены выразили ему полную поддержку, хотя министром по аграрным вопросам, например, в этом правительстве стал известный своими радикальными взглядами секретарь Сапаты Палафокс. Профсоюз работников городских сетей электричества взял на себя организацию и обеспечение бесперебойного снабжения Мехико и окрестностей теплом и светом.

Уже перед самым уходом Обрегона из Мехико в марте 1915 года в столице начали вспыхивать голодные волнения. Обрегон пригрозил зажиточным горожанам и церкви, что если голодные толпы начнут громить магазины и дома богачей, он запретит своим войскам вмешиваться.⁵⁴ Именно после этого и последовал вышеупомянутый протест госсекретаря США, переданный Обрегону бразильским посланником (США пока не признавали режим Каррансы). Обрегон просто переслал протест Каррансе. Когда войска

⁵⁴ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 116

Обрегону ушли из Мехико, они прихватили с собой в качестве заложников несколько десятков представителей церкви. Причем перед походом их подвергли медицинскому освидетельствованию и распространили информацию, что многие «святые отцы» больны венерическими заболеваниями. Уже тогда в это верили немногие, однако позднее Обрегон опубликовал в своих мемуарах якобы изготовленные тогда врачами медицинские справки.⁵⁵

Гражданская война в Мексике шла не только на поле боя. После разгрома Уэрты сторонники Каррансы и представители правительства Конвента пытались обойти друг друга и на поле социального реформаторства. Политическая и идеологическая обстановка в Мехико за год диаметрально поменялась. Бывшие еще недавно довольно сильными консервативные группировки исчезли с политической арены. Слыть реакционером стало не только опасно, но и не модно в интеллектуальном смысле, поэтому обе воюющие стороны представляли именно себя защитниками идеалов революции, а соперников – «лакеями реакции». Однако мексиканцы уже устали от слов. Они разбили федеральную армию диктатора Уэрты и теперь хотели реальных реформ.

Обрегон раньше Каррансы понял необходимость проведения в стране аграрных преобразований, которые в случае успеха не только дали бы конституционалистам, как продолжали именовать себя сторонники Каррансы, новых добровольцев, но и ослабили бы привлекательность лозунгов Сапаты и Вильи. Карранса, возможно, так и не пошел бы на аграрную реформу, если бы не война с Конвентом. В отличие от Обрегона, «верховный главнокомандующий» нуждами униженных и оскорбленных интересовался постольку, поскольку эти нужды могли угрожать его власти.

Реформаторскому пылу Каррансы Обрегон, однако, не доверял. Поэтому еще в конце 1914 года он вместе с группой сторонников образовал для пропаганды и лоббирования глубоких социальных реформ Революционную конфедерацию. В ноябре Обрегон познакомился с одним из лидеров анархосиндикалистского движения Херардо Мурильо (псевдоним – Доктор Атль), который стал посредником между генералом и организованным рабочим движением. Атль и Обрегон составили перечень принципов, которыми должны были руководствоваться их сторонники в социально-политической деятельности. Прибыв в Веракрус, новая политическая группа пополнилась министрами иностранных и внутренних дел в правительстве Каррансы – Хесусом Уруэтой и Рафаэлем Субараном Капмани. Члены группы регулярно встречались и обсуждали основные проблемы Мексики и пути их решения.

⁵⁵ Обрегон заявлял, что церковники пожертвовали 40 миллионов песо диктатору и убийце президента Мадеро Уэрте, а теперь не желают выделить 500 тысяч нуждающимся классам общества. См. Knight A. The Mexican Revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990. P. 315

Обрегон настоял, чтобы Карранса был проинформирован об образовании Революционной конфедерации, хотя Уруэта был против. Карранса не возражал. Он и сам стал уже понимать: необходимо сделать хоть что-нибудь для улучшения повседневной жизни измученного войной населения. Доктор Атьль, Уруэта и другие члены группы регулярно выступали перед общественностью в веракрусском театре, обтачивая на публике свои новаторские идеи.

В конце 1914 – начале 1915 года Карранса облек многие предложения Революционной конфедерации в форму декретов. 12 декабря 1914 года он объявил, что его правительство приступает к активной законотворческой деятельности, намереваясь не только гарантировать основные политические права и свободы, но и улучшить положение «пролетарских классов». Все нововведения были приняты как дополнение к «плану Гуадалупе» от февраля 1913 года.⁵⁶

На рождество 1914 года Карранса впервые в истории Мексики легализовал разводы, тем самым дав женщинам минимальные гражданские права.⁵⁷ Для удовлетворения основных нужд населения северной части Мексики важным было решение о полном восстановлении автономии муниципалитетов, отмененной еще во времена Диаса. Ненавистные населению префекты («хесфес политикос»), которые подчинялись только указам сверху, упразднились. Все должностные лица отныне избирались, а не назначались властями штата. Таким образом были восстановлены старинные суверенные права бывших военных поселений в Соноре, что сразу же увеличило приток добровольцев в армию Хилла.

Вопрос о политической автономии был самым тесным образом связан с основной проблемой Мексики – чудовищным неравенством в распределении земель. Ведь именно назначенные сверху префекты обеспечивали интересы асиенд, которые под разными предлогами отбирали у деревень земли.

6 января 1915 года Карранса издал радикальный декрет по аграрному вопросу, который, вне всяких сомнений, не появился бы, не будь в стране гражданской войны с Вильей и Сапатой.⁵⁸ Декрет провозглашал возврат деревням всех незаконно отнятых у них сельскохозяйственных земель, пастбищ и водных ресурсов. Землю предполагалось или возвращать общинам, или передавать в частную собственность. Карранса хотел сделать из крестьян-общинников нечто вроде американских фермеров. Но не это было главным

⁵⁶ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico. 1810–1996. New York, 1997. P. 351

⁵⁷ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico. 1810–1996. New York, 1997. P. 351

⁵⁸ Еще в сентябре 1914 года, ведя переговоры с Сапатой, Карранса заявлял о своей готовности легализовать «план Айялы» в тех штатах, которые попросят об этом.

в декрете, а то, что он сразу начал претворяться в жизнь. Генералы Каррансы на местах получили широкие полномочия, и степень радикальности аграрных преобразований зависела только от степени революционности того или иного генерала.

Губернатор Веракруса, член Революционной конфедерации Луис Санчес Понтон немедленно приступил к разделу асиенд. В Соноре Плутарко Кальес (Хилл был отозван в распоряжение Обрегона) издал брошюру «Земля и книги для всех». В ней он не только поддерживал идею раздела помещичьих хозяйств, но и предлагал законодательно ограничить максимальный надел земли в руках одного собственника. Программа Кальеса в этом смысле ничуть не уступала по радикализму тому, что делал в Морелосе Сапата.

Обрегон намеревался привлечь на свою сторону и мексиканских рабочих. Это было сделать нелегко, если учесть ужасные условия повседневного быта жителей столицы, да и Веракруса после прихода туда войск Каррансы. Но Обрегон решил воспользоваться именно этими трудностями. Как уже упоминалось, он обложил налогами в пользу бедных церковь и предпринимателей. И хотя реальных денег так и не поступило, сами по себе эти меры, конечно, расположили к Обрегону столичных рабочих и текстильщиков Рио-Бланко и Веракруса. Под эгидой Доктора Атля и «Дома рабочих мира» был создан социальный фонд помощи, куда Обрегон передавал часть реквизированных денег и продуктов. Все эти меры сопровождались «социалистической» демагогией Доктора Атля, который живописал сапатистов и вильистов как наймитов реакции и зараженных религиозными предрассудками мелких собственников.⁵⁹ Пролетарские газеты публиковали даже частью вымышленные сообщения о зверствах сапатистов в отношении рабочего класса.

Еще по пути из Веракруса в Мехико Обрегон устраивал в каждом вновь занятом городе музыкально-политические вечера. Сначала Доктор Атль и его соратники выступали с пламенными речами о необходимости улучшения жизни пролетариата, а потом походный оркестр Обрегона играл танцевальную музыку. Еще никогда правительство или армия так не обхаживали рабочих. И, как потом оказалось, Обрегон много ждал взамен от пролетариев.

Уже в феврале 1915 года Доктор Атль попросил рабочих-механиков влиться в военное производство на столичном арсенале. Правда, выяснилось, что и сам арсенал, и его работники должны переселиться в Веракрус.

⁵⁹ Например, Атль во время многочисленных митингов объяснял безработным текстильщикам, что их фабрики закрылись, так как вильисты прервали подвоз хлопка с северо-востока. Три тысячи безработных получили единовременную помощь по 5 песо. См. Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 111

Реакция пролетариата не была единодушной, но лидеры «Дома рабочих мира» не сидели без дела и уже 10 февраля приняли решение о формировании специальных пролетарских воинских частей для поддержки Обрегона в борьбе против «реакции». Позднее их назовут «красными батальонами». Помимо «Дома» с таким же предложением обратился к Обрегону профсоюз водителей трамваев. На встрече в «Доме» 19 февраля собрались уже почти все профсоюзы столицы, которые тоже решили участвовать в формировании воинских частей. Энтузиазм рабочих подогревался постоянными выступлениями Доктор Атль. За первые три недели нахождения Обрегона в Мехико он произнес около 40 речей.

Обрегон прекрасно понимал, что чисто военная ценность около 600 рабочих-добровольцев была весьма сомнительной, ведь большинство из них не имели никакого боевого опыта. Однако с политической точки зрения его успех ошеломлял. Рабочие действительно поверили в то, что Сапата и Вилья являются наймитами реакции, и встали на сторону помещика Каррансы. Армия Обрегона численно почти удвоилась, и он уже знал, на каких ролях он будет использовать «красные батальоны» в предстоявшей решающей схватке с Вильей.⁶⁰

Следует подчеркнуть, что, будучи, несомненно, крестьянскими лидерами, и Вилья, и Сапата с симпатией относились к рабочему движению. Роке Гонсалес Гарса сам призывал рабочих к «здоровому радикализму» в борьбе за свои интересы. В правительстве Конвента продолжал работать департамент по труду, созданный Мадеро. Именно Сапата официально передал «Дому рабочих мира» самовольно конфискованный этой организацией монастырь, где и расположилась штаб-квартира этой организации. Вилью активно поддерживали железнодорожники и горняки. В марте 1915 года в Мехико прошла 10-тысячная демонстрация профсоюза учителей в поддержку Конвента.⁶¹ Многие деятели «Дома» восхищались Сапатой как идейным революционером, несмотря на то, что анархистское руководство этой организации возмущалось показной религиозностью многих простых сапатистов.⁶² В рабочих батальонах Обрегона было гораздо больше ремесленников и безработных, чем фабричных рабочих.

Таким образом, можно сделать вывод, что Обрегону и Каррансу поддержал не рабочий класс Мехико, а конкретная организация – анархистский

⁶⁰ Когда Обрегон оставил Мехико, с ним ушли около 3000 бойцов «красных батальонов». Всего было сформировано 5 батальонов общей численностью 7 тысяч человек. См. Villafane V. L. La formacion del sistema politico mexicano. Mexico, 2005. P. 112

⁶¹ Knight A. The Mexican Revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990. P. 316

⁶² Lear J. Workers, Neighbors and Citizens. The Revolution in Mexico City. Lincoln, University of Nebraska Press, 2001. P. 260

«Дом рабочих мира», причем по принципу «ты мне – я тебе». «Дом» обязался поставить Обрегону под ружье рабочих, а Обрегон выразил готовность считать «Дом» единственным партнером правительства в решении рабочего вопроса.

Если Карранса занялся социальным реформаторством не от хорошей жизни, то Сапата наконец получил возможность беспрепятственно реализовать все положения «плана Айялы», пусть только в масштабе Морелоса и территорий сопредельных штатов. Министр по аграрным вопросам Палафокс привез из Мехико молодых землемеров, которые немедленно стали проводить кадастровый учет и изъятие в пользу деревень несправедливо отторгнутых у них плантаторами земель.⁶³ Власть в штате теперь была народная, и в спорных случаях решения принимались в пользу крестьян. Сапата не предписывал формы собственности, разрешая как восстановление общин, так и выделение частных наделов.

В Морелосе коренным образом изменилась структура земледелия. На бывших плантациях сахарного тростника вновь стали выращивать традиционные кукурузу и бобы. Для Сапаты в условиях военного времени это оказалось не выгодным. Ему, как и Вилье, требовались деньги, а их можно было выручить, только продавая сахар за границу. Поэтому пришлось сохранить некоторые конфискованные плантации, которые были фактически объявлены государственной собственностью. За счет их производства удовлетворялись некоторые нужды повстанческой армии.

Если Карранса всячески строил из себя социального радикала и реформатора, то Вилье примерял на себя противоположный имидж. Каррансисты и так рисовали его как бандита и Робина Гуда, поэтому Вилье приходилось быть особенно осторожным в социальных преобразованиях. Кроме того, в отличие от Сапаты, которого пока не тревожил в Морелосе противник, Вилья вел постоянные боевые действия на пространстве в сотни тысяч квадратных километров. Твердо вильистская администрация контролировала лишь Чиуауа, но и там все экономические решения были подчинены только одному – получению средств для все разрастающейся войны. Карранса мог спокойно играть в реформы, имея в своих руках доходы от таможен Тампико и Веракруса. (Кстати, он потребовал, чтобы все иностранные нефтяные компании получили у его правительства новые лицензии на добычу полезных ископаемых.)

Как и Карранса, Вилья восстановил в Чиуауа местную автономию, передав власть избранным при Мадеро советам. Однако по всем военным вопросам эти органы подчинялись местным военным командирам. Это было вызвано не только объективными нуждами войны, а еще и тем, что, не обладая политической программой или политической организацией, Вилья не рас-

⁶³ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 231

полагал, в отличие от Каррансы и Сапаты, кадровым резервом гражданских администраторов, способных проводить в жизнь социальные реформы. Поэтому он полагался только на лично преданных офицеров «Северной дивизии». В большинстве своем выходцы из городской и сельской бедноты, они придерживались, как правило, более радикальных взглядов, чем представители консервативных средних слоев, из которых зачастую состояли местные администрации времен Мадеро. К некоторым командирам Вильи простые люди обращались даже с просьбами решить их семейные проблемы, например, вернуть ушедшего к другой женщине мужа.

Если на территории, подвластной Каррансе, царила жесткая военная диктатура, то в Чиуауа еще в начале 1914 года формировались политические партии, готовившиеся к губернаторским выборам. В октябре 1914 года был разработан закон о выборах в штате. Выборы наметили на последнее воскресенье ноября, однако начавшаяся гражданская война отодвинула их на неопределенное время.

Что касается раздела конфискованной земли клана Террасаса-Криля среди крестьян, то Вилья не стал этого делать – опять же, по соображениям военного характера. Он хотел сохранить асиенды как средство финансирования военных закупок в США. К тому же опасался, что если раздать солдатам «Северной дивизии» землю немедленно, то ее численность резко сократится. А ведь все части Вильи были добровольческими. Пока же конфискованными асиендами продолжали управлять отдельные генералы или администрация штата.

В отличие от Каррансы, Вилья искренне уважал покойного Мадеро и стремился задействовать интеллектуальный потенциал сподвижников бывшего президента. Выработать закон о будущей аграрной реформе он поручил Мануэлю Бонилье, министру экономики в правительстве Мадеро, взгляды которого по земельному вопросу были довольно консервативными.⁶⁴ Осенью 1914 года комиссия Бонильи опубликовала проект аграрного закона. В нем провозглашалось право каждой семьи в Чиуауа иметь собственный участок земли. Но удовлетворить это право предполагалось за счет экспроприации у асиенд только тех земель, которые не обрабатывались, причем бывшим собственникам выплачивалась компенсация. Государство должно было дать новым собственникам дешевые кредиты, а также построить в засушливых местах ирригационные сооружения. В декабре 1914 года в Чиуауа землемеры приступили к кадастровому учету всех сельскохозяйственных земель, как и в Морелосе.

Некоторые идеи Бонильи явно расходились с взглядами самого Вильи. Бонилья предполагал продавать новым собственникам землю, тогда как Вилья был однозначно за бесплатное распределение, особенно между вете-

⁶⁴ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 409

ранами его армии. В середине 1915 года Вилья просто приказал губернатору штата Авиле начать распределение земли, исключая угодья Террасаса, которые пока по-прежнему должны были служить для финансирования войны.⁶⁵ В мае 1915 года (позже мы поймем, почему именно тогда) Вилья наконец опубликовал собственный проект общенациональной аграрной реформы. Все угодья, превышающие определенную величину, должны быть разделены между крестьянами. Бывшие собственники получают определенную компенсацию, а новые владельцы мелкими взносами выкупают у государства предоставленную им землю. В своем родном штате Чиуауа Вилья предполагал распределить землю все же бесплатно, поскольку за олигархией и так числились недополученные государством в течение десятилетий огромные налоговые недоимки, образовавшиеся за счет заниженной оценки латифундий.

Вилья продолжал свою политику прямой материальной поддержки бедняков. В штате Чиуауа были установлены пенсии для инвалидов войны, а тем семьям, которые хотели посетить своих родственников в госпиталях, бесплатно предоставлялись железнодорожные билеты. Госпиталь «Мануэль Салас», финансируемый штатом, каждый месяц сообщал властям города Сьюдад-Чиуауа, сколько бедных пациентов получили медицинскую помощь бесплатно. Причем речь шла не о раненых солдатах Вильи, а о гражданском населении.⁶⁶

Из приведенного выше краткого анализа социальной политики всех противоборствующих лагерей очевидно, что никакими реакционерами Сапата и Вилья не являлись. Оба крестьянских вождя в силу своего происхождения и невысокого образования просто не были близко знакомы с рабочим вопросом и испытывали традиционное недоверие к образованным средним слоям, которые раньше так часто обманывали крестьян. Однако нет сомнений, что в случае своей победы Сапата и Вилья наверняка приняли бы радикальные законодательные меры в пользу рабочих. Тем более что президент Гутьеррес еще до своего бегства в политическое небытие активно занимался рабочим вопросом и принял в пользу пролетариата ряд декретов в Сан-Луис-Потоси.

Можно, несколько обобщая, подытожить: пропаганда Каррансы была гораздо более радикальной, чем его политика на самом деле. И наоборот, Вилья в реальности проводил гораздо более радикальные меры, но его пропаганда была по тону спокойнее и консервативнее.

Но весной 1915 года все противоборствующие стороны, за исключением Сапаты, в основном еще могли только говорить о будущих реформах. Отдельные меры на местах носили скорее явочный характер. Сначала

⁶⁵ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 412

⁶⁶ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 420

и Каррансе, и Сапате, и Вилье требовалось выиграть войну, а она приобрела невиданные ранее размах и ожесточенность.

Когда в феврале 1915 года Дьегес отбил у Фьерро Гвадалахару, Вилья лично поспешил на этот участок фронта. Свою ставку он разместил в Ирапуато, где сходились железнодорожные пути из Мехико на север и из Гвадалахары на Мехико. Опираясь на этот ключевой железнодорожный узел, Вилья намеревался держать под прицелом как Обрегону на юге, так и Дьегеса на западе. Дьегес соорудил укрепленные позиции в районе городка Сайюла, где он надеялся отразить знаменитые кавалерийские атаки вильистов. Однако ему не удалось сдержать мощного наступления основных сил «Северной дивизии» и пришлось опять оставить Гвадалахару. И снова жители города встречали вильистов как освободителей.

К марту 1915 года на полях сражений воевали более 160 тысяч человек – 80 тысяч сторонников Каррансы, 50 тысяч вильистов, 20 тысяч сапатистов и еще 10 тысяч бойцов разных самостийных командиров. Например, в горах к северу от Тампико держался со своим отрядом Мануэль Пелаес, политическая физиономия которого была крайне неопределенной. Тем не менее его движение росло, так как он брал с нефтяных компаний деньги за покровительство. Очень часто местные командиры в мгновение ока превращались из «вильистов» в «каррансистов» и наоборот, в зависимости от того, на чью сторону склонялось военное счастье.

После захвата Коауилы с важными угольными копями этого штата (именно уголь обеспечивал поразительную мобильность «Северной дивизии», передвигавшейся на поездах) Вилья отдал приказ сперва Мануэлю Чао, а затем Урбине занять центр мексиканской нефтедобычи – город Тампико. Это сулило солидные денежные поступления от американских компаний, которые вели там нефтедобычу. 15 тысяч вильистов при поддержке отрядов Пелаеса в марте 1915 года начали на город наступление, во время которого впервые проявилась ущербность тактики массированных кавалерийских атак. Оборонявший Тампико молодой офицер каррансистов Хасинто Тревиньо обнес его рядами окопов и колючей проволоки. Осажденные использовали авиацию для разведки и могли заранее установить сосредоточение кавалерии противника для атаки. Вильисты несли чудовищные потери (на одного убитого каррансиста в среднем приходились 7 человек Урбины).⁶⁷

Обрегон хотел выступить против Вильи уже в феврале 1915 года, однако 9 февраля 1915 года неожиданно вспыхнуло восстание в штате Юкатан, фактически провозгласившем свою независимость. Карранса предписал Обрегону немедленно подавить мятеж, так как он лишал его правительство

⁶⁷ Knight A. The Mexican Revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990. P. 312

экспортных поступлений от продажи сизаля. Сухопутного пути из Мехико в Юкатан через непролазные джунгли не было, и Обрегон 19 февраля послал несколько тысяч солдат во главе с генералом Альварадо морем. 14 марта Альварадо столкнулся в упорном бою со студентами-добровольцами из столицы штата города Мерида, которые героически сражались против вторжения чуждых им северян. Когда у студентов кончились патроны, конституционалисты, по своему обыкновению, построили их, чтобы расстрелять на месте. Подоспевший в последний момент Альварадо отменил приказ, что принесло ему признание богатых семей города, и Юкатан был умиротворен.⁶⁸

В конце марта Вилья тоже попытался улучшить свое финансовое и стратегическое положение, снова обрушившись на Тампико. Однако каррансистские генералы Дьегес и Мургуя опять начали наступление на Гвадалахару, чем ослабили натиск Вильи на важнейший нефтеналивной порт.

Лишившись солдат Альварадо, Обрегон решил оставить столицу. Каждый день для обороны города против сапатистов ему приходилось тратить до 40 тысяч патронов и держать в боевой готовности 5 тысяч солдат. 10 марта 1915 года, устав от проблем Мехико и выработав новую стратегию наступления, Обрегон покинул столицу, которую немедленно заняли сапатисты. Из Куэрнаваки туда опять переехал Конвент.

И снова Обрегон и Карранса по-разному представляли себе стратегию будущей военной кампании. Правда, теперь, как потом выяснилось, ошибался именно Карранса. Он рекомендовал Обрегону отойти из Мехико на юго-восток, располагаясь между Сапатой и Веракрусом. При отходе Обрегон должен был уничтожить железнодорожные пути, чтобы лишить Вилью снабжения с севера. Однако Обрегон решил, что настало время ему самому перейти в наступление. Его армия отдыхала два месяца и была прекрасно вооружена за счет бесперебойного снабжения через Веракрус. Поэтому он решил уйти из Мехико на северо-восток, ни в коем случае не отрываясь от железнодорожной линии на Веракрус.⁶⁹

Обрегон был самым европейским из всех мексиканских генералов. Он вел войну по всем правилам тактического и стратегического искусства. Прежде всего он тщательно выбирал поле будущих сражений и осматривал лично главные топографические особенности местности, в чем ему помогала от-

⁶⁸ Расстрел был для конституционалистов на Юкатане обычным делом еще и потому, что они полагали, что имеют дело с коренными жителями полуострова – индейцами майя. Белых студентов из богатых семей расстреливать все же не решились, а вот жизни индейцев никто не ставил и в грош. См. De La Pedraja Toman, R. *Wars of Latin America 1899–1941*. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 235

⁶⁹ Hall L. B. *Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920*. College Station, 1981. P. 122

личная память. Потом Обрегон мог представить себе до мельчайших подробностей позиции и будущие маневры своих частей. Он придавал очень большое значение сбору достоверной информации о противнике. Движения своих войск Обрегон сопровождал массированными пропагандистскими кампаниями, чтобы деморализовать противника и ввести его в заблуждение относительно своих истинных намерений.

Обрегон внимательно изучил опыт начального периода Первой мировой войны, в чем ему помог его советник немецкий полковник Максимилиан Клосс, и пришел к выводу: хорошо оборудованная колючей проволокой и пулеметами оборона может нанести невосполнимые потери наступающему противнику. Эта тактика казалась ему наиболее подходящей для противоборства с Вильей.

За последнее время Обрегон детально изучил тактику и характер своего главного противника. Особенностью Вильи были массированные атаки, которые подавляли волю противника к сопротивлению именно своей массовостью и непрерывностью. Но и сами вильисты во всех подобного рода битвах несли значительные потери. К началу 1915 года главным военным преимуществом Вильи был ореол его непобедимости. Где бы ни появлялся командир «Северной дивизии», его частям сопутствовал успех. А потери с лихвой восполнялись добровольцами, желавшими оказаться на стороне победителя. Все предыдущие успехи Обрегона Вилья списывал на то, что ему доводилось воевать с неорганизованными и страдающими от нехватки артиллерии сапатистами, и горел желанием лично нанести врагу решающее и окончательное поражение.

Исходя из своего анализа сильных и слабых сторон Вильи-военачальника, Обрегон и строил план решающей военной кампании гражданской войны. Он предполагал дать Вилье сражение в заранее выбранном и хорошо укрепленном месте. После того как вильисты выдохнутся и понесут сильные потери, свежие силы должны были нанести им неожиданный удар и обратить в бегство.⁷⁰

Между тем военная машина вильистов с ее массированными кавалерийскими атаками начала давать сбои. В марте 1915 года вильисты решили захватить город Матаморос на границе с США, чтобы улучшить свое военное снабжение. Город обороняли только 307 каррансистов во главе с генералом Нафарете, но даже от такого малочисленного гарнизона нападавшие не ждали сопротивления. Предполагалось, что гарнизон просто разбежится, увидев кавалерию «Северной дивизии». Однако Нафарете получил из США 16 пулеметов и 4 миллиона патронов. Пулеметы были замаскирова-

⁷⁰ Следует отметить, что Карранса опасался открытого сражения с Вильей. Он рекомендовал Обрегону отступать, взрывая за собой железную дорогу, чтобы растянуть на марше кавалерийские части вильистов.

ны на возможных направлениях атаки вильистов, и Нафарете отдал строгий приказ стрелять только тогда, когда противник приблизится на расстояние 200 метров. План сработал на сто процентов: атака кавалерии «Северной дивизии» натолкнулась на губительный огонь 12 пулеметов, что привело к страшным потерям. 13 апреля Нафарете контратаковал, открыв шлюзы местных ирригационных каналов, вода из которых хлынула на опешивших вильистов, и те в беспорядке отступили.⁷¹

Вилья же при выборе своей стратегии опять не послушался Анхелеса. Точнее, теперь он вспомнил старый совет последнего, данный в ноябре 1914 года: обрушиться на Обрегона, уничтожить его армию и выбить Каррансу из Веракруса. Решимость Вильи подогревали призывы о помощи Сапаты и председателя Конвента Гарсы, просившего прислать ему в Мехико хотя бы две тысячи закаленных в боях вильистов, которые могли бы стать костяком реорганизованной Освободительной армии Юга. Население Мехико, в основной массе ненавидевшее Обрегона, было готово встать на сторону Конвента, но у последнего просто не имелось оружия. Анхелес трезво оценивал сильные стороны Обрегона и предлагал Вилье отступить на север до Торреона. Если Обрегон последует за ним, то сильно растянет свои линии коммуникаций, в то время как у Вильи они будут максимально короткими. Сапатистам полагалось, по замыслу Анхелеса, перерезать коммуникации армии Обрегона с Веракрусом (это южане делать умели). После того как Обрегон израсходует в стычках запас своих патронов и снарядов, «Северная дивизия» должна была перейти в наступление и разгромить основную армию Каррансы.

Обрегон же решил полностью повторить стратегию Нафарете в генеральном сражении против Вильи.

Такое развитие событий предвидел Анхелес, умоляя Вилью не увлекаться фронтальными кавалерийскими атаками, а, напротив, отходить, изматывая Обрегона. Но Вилья опять не послушал Анхелеса.⁷² Он не хотел растерять свой основной боевой ресурс – имидж непобедимого полководца. Войска бы не поняли причин отступления «Северной дивизии» перед немногочисленной (около 12 тысяч человек) армией Обрегона. Была у Вильи для наступления на юг и другая, довольно парадоксальная причина. Он писал Сапате, что не может пока присылать ему боеприпасы, так как у самих вильистов начала ощущаться их нехватка. Поэтому, он, Вилья, решил обрушиться на свежую армию Обрегона, чтобы захватить недостающие боеприпасы у врага.

Возможно, Вилье действительно удалось бы разбить Обрегона, если бы он бросил в сражение основную часть своих войск. Однако в марте 1915

⁷¹ De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 237

⁷² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 489

года Эмилио Мадеро срочно попросил помощи, поскольку каррансисты снова стали теснить его в Коауиле и Нуэво-Леоне. Вилья выехал на север, хотя Анхелес и предупреждал, что у Мадеро достаточно собственных сил, чтобы остановить врага. Каррансисты были отброшены, и Вилья оставил на северо-востоке значительную часть своих сил для завершения кампании по взятию Тампико. Как назло, упал с коня и повредил ногу Анхелес. Теперь он не мог сопровождать Вилью, который отправился на юг для решающего сражения с Обрегеном.

Обрегон решил дать бой Вилье на равнине Бахио (в переводе «низина») к северу от Мехико. Своей ставкой он сделал город Селайю с населением в 25 тысяч жителей, известный во всей Мексике центр производства сахаренных фруктов.⁷³ Местность вокруг Селайи идеально подходила для оборонительной стратегии Обрегона. Бахио являлась зерновой житницей Мексики, поэтому все подступы к городу изобиловали дренажными и оросительными каналами, которые можно было легко использовать в качестве окопов. К тому же эти каналы (как и в Матаморосе) серьезно затрудняли кавалерийские атаки – основу фирменной стратегии Вильи.

Вилья недооценивал боеготовность недавно набранной армии Обрегона, и первые столкновения, казалось, подтверждали его правоту. Обрегон нарочно провоцировал гордость Вильи, рассказывая всем репортерам о своей грядущей победе. Он даже посвятил будущее сражение своим друзьям, чтобы показать, что уверен в успехе. Все это не укрылось от внимания Вильи, и он писал Майторене, что, в свою очередь, посвящает грядущее сражение «сынам Соноры», которые больше всего пострадали от Обрегона.

Вместо того чтобы привести под Селайю все 32 тысячи своих бойцов, Вилья решил сокрушить Обрегона 12 тысячами, отправив остальных на запад против Дьегеса. Сначала он вообще хотел сам возглавить борьбу против Дьегеса и только в последний момент решил лично командовать войсками в битве против Обрегона. Если бы вся «Северная дивизия», даже во фронтальной атаке, обрушилась на армию Обрегона, то последнему не помогли бы ни окопы, ни пулеметы: у него просто не хватило бы боеприпасов, чтобы сдерживать напор таких масс конницы.

Обрегон прибыл в Селайю 4 апреля 1915 года и проследил за тем, чтобы оборонительные позиции были укреплены достаточным числом пулеметных гнезд. Производя, по своему обыкновению, рекогносцировку на местности, одновременно генерал послал 1500 кавалеристов на разведку в направлении предполагаемого расположения вильистов. Авангард должен был разрушить железнодорожные пути между Селайей и Ирапуато, чтобы лишить Вилью возможности оперативно перебрасывать подкрепления на поле боя. Однако к тому времени вильисты были уже южнее Ирапуато и бы-

⁷³ Quirk R. E. The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960. P. 221

стро окружили части Обрегона на станции Гуахе. Тогда сам Обрегон на поезде во главе подкрепления пробился на помощь осажденным, и ему удалось организованно отойти к Селайе.

Вилья воспринял этот отход как начало общего отступления Обрегона и немедленно бросил в преследование основную часть своих сил. Их было тогда у Вильи ничуть не больше, чем у Обрегона, – около 12 тысяч человек. Сам Вилья остался в Ирапуато, а его начальники по мере подхода к Селайе вводили свои силы в сражение по частям, что полностью устраивало Обрегона. 6 и 7 апреля вильисты продолжали ожесточенные атаки на укрепленные позиции врага. Потери были большие (из-за усеявших поле трупов коней и людей кавалерийские атаки теряли свою стремительность), но у оборонявшихся кончались патроны. В 9 часов утра 7 апреля Обрегон решил лично проинспектировать передовую и увидел, что четыре его батальона в панике отступают в Селайю, оставшись без боеприпасов. В последний момент Обрегону удалось подвезти на этот участок патроны и перебросить туда последний резервный батальон.

Тем не менее утром 7 апреля один отряд Вильи ворвался в Селайю, и обрадованные этим успехом бойцы «Северной дивизии» ударили в колокола в городской церкви.⁷⁴ Обрегона спас случай. Он приказал своему десятилетнему трубачу играть сигнал к наступлению. Вильисты замешкались, думая, что Обрегон заманивает их в ловушку. За это короткое время подоспели упомянутые резервы, и прорыв был ликвидирован.

К середине дня 7 апреля у осаждавших Селайю частей Вильи закончились патроны для винтовок системы «маузер». Заметив, что атаки врага потеряли былую интенсивность, Обрегон в 13.10 дал приказ своим кавалерийским частям ударить в оба фланга осаждавших. К наступлению Обрегона побудило то, что и у него кончались патроны. Вильисты, не ожидавшие вступления в бой свежих сил противника, начали беспорядочно отступать на север. Впервые «Северная дивизия» потерпела ощутимое поражение. Конница Обрегона преследовала отступавшего врага на протяжении 15 километров, пока над полем боя не опустилась темнота. В бою погибли около 2000 вильистов⁷⁵ и 600 бойцов Обрегона.

Вилья счел причиной временной неудачи только недостаток боеприпасов. Он решил подтянуть дополнительные силы и сокрушить Обрегона. Представителю США Каротерсу Вилья представил сражение как ничью. Газеты в Чиуауа и Мехико писали, что Обрегон истощен и готовится к отступлению. В частности, газета из Чиуауа «Вида Нуэва» («Новая жизнь») сообщала, что Обрегону не удалось прорвать боевые порядки «Северной

⁷⁴ Quirk R.. E. The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960. P. 222

⁷⁵ Причем особенно чувствительными были массовые потери среди опытных офицеров, которые лично вели свои части в губительные конные атаки.

дивизии».⁷⁶ Спустя два дня та же газета смеялась над празднествами, которые каррансисты устроили в Веракрусе. На самом деле войска Обрегона, мол, отступают и не желают сражаться.

Все это время и Вилья, и Анхелес, и Гарса умоляли Сапату перекрыть железную дорогу, по которой армию Обрегона снабжали из Веракруса. Однако сапатисты отсиживались в Морелосе. Кстати, тот же Гарса был гораздо более реалистичен в своих оценках поражения «Северной дивизии» под Селайей. Он видел причину в отсутствии у Вильи резервов.

7 апреля Обрегон направил Каррансе телеграмму, в которой сообщал, что после 30-часового сражения вильясты в беспорядке отступают, оставляя на поле боя оружие и сдаваясь в плен. К счастью, писал Обрегон, Вилья лично руководит своими частями.

Вилья, однако, все-таки осознал, что дело не только в недостатке боеприпасов. Он решил, в свою очередь, сыграть на гордости Обрегона и предложил тому вывести свою армию из города, чтобы сразиться в чистом поле и не подвергать опасности жизнь мирных жителей. Эту просьбу поддержали иностранные консулы. Но Обрегон на провокацию не поддался.

После окончания первого сражения обе стороны лихорадочно подтягивали к Селайе подкрепления. Вилья оголил фланги и собрал под своим командованием около 20 тысяч солдат. У Обрегона было уже примерно 15 тысяч. Здесь-то и пригодились рабочие батальоны, в частности, третий и четвертый, сформированные «Домом рабочих мира». В наступлении эти добровольцы стоили немного, однако вести огонь из окопов при поддержке пулеметов они умели. Присоединились к Обрегону и отряды генерала Амаро, одетые в полосатую форму узников тюрьмы Сан-Хуан-де-Улуа, расположенной на острове рядом с Веракрусом (на тот момент у Каррансы не оказалось под рукой другой униформы). Итак, вся пополненная армия Обрегона состояла примерно из 8 тысяч кавалеристов и 7 тысяч пехотинцев, в том числе трех тысяч необученных добровольцев. Обрегон получил из Веракруса много патронов (туда как раз пришел груз из США)⁷⁷ и прикрыл окопы колючей проволокой. Это был первый опыт применения колючей проволоки в бою на территории Латинской Америки.

После первой битвы при Селайе Карранса рекомендовал Обрегону продолжить наступление на север и занять Агуаскальентес. Однако Обрегон понимал, что пока против него сражалось даже менее половины «Северной дивизии». Без соединения с частями Дьегеса у Обрегона не было шансов на успешное наступление, так как войска Вильи имели численное преимущество над разрозненными армиями конституционалистов.

⁷⁶ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 492

⁷⁷ Эшелон с патронами Обрегон окрестил «Поездом победы».

Поэтому Обрегон решил удвоить успех и ожидал повторения Вильей фронтальной атаки. Теперь командующий каррансистами окружил Селайю почти круговой обороной диаметром около 20 километров, чтобы растянуть силы нападавших. В лесу неподалеку от города скрывался крупный кавалерийский отряд в 7 тысяч человек, который должен был ударить в тыл вильистам после истощения их наступательного порыва. То есть теперь Обрегон хотел конницей перерезать пути отступления «Северной дивизии» и полностью ее уничтожить.

Вилья привел к Селайе уже 30 тысяч человек, сняв их с фронта против Дьегеса. У Обрегона Селайю обороняли в окопах примерно 9 тысяч бойцов.

Утром 13 апреля 1915 года огромные клубы пыли подсказали каррансистам, что прибыла вильистская конница. К 16.00 она появилась перед окопами солдат Обрегона, которые давно поджидали противника. Вильисты медлили, чтобы ошеломить противника демонстрацией своего численного превосходства, и бой начался только в шесть вечера.

Удивительно, но Вилья даже не стал полностью окружать Селайю, чтобы перерезать Обрегону пути доставки снабжения. Видимо, он рассчитывал на быструю победу. Вечером 13 апреля вильисты в темноте подошли на расстояние 400 метрам к окопам каррансистов и стали рыть траншеи. Обрегон был потрясен: он понимал, что если Вилья решил просто осаждать Селайю, то скоро у осажденных кончатся патроны, и встретить кавалерийскую атаку вильистов будет уже нечем.

Однако, на счастье Обрегона, Вилью подвел его необузданный темперамент. Он отказался от осады и дал приказ наступать. На рассвете 14 апреля войска Вильи опять повели фронтальные атаки Селайи, чего и хотел Обрегон. Вильисты несли чудовищные потери, но на этот раз они уже не смогли прорваться в город, как в первый раз. Впрочем, и войска Обрегона держались из последних сил. 14 апреля он сообщил Каррансе, что у него почти закончились боеприпасы.⁷⁸

15 апреля утром части кавалерии Обрегона стали выходить с южных окраин Селайи, поддерживая начатую пехотой контратаку. С севера в тыл вильистам ударила спрятанная в лесу основная масса каррансистской конницы. К 10.00 утра Вилье удалось было остановить противника, создав круговую линию обороны. Осаждавшие превратились в осажденных. Однако часом позже пехотинцы Обрегона поднялись из окопов, чтобы поддержать конницу. Последняя же сконцентрировала удар по одному месту – слабому правому флангу вильистов.

Попав под перекрестный огонь, ошеломленные внезапным ударом вильисты побежали, избавляясь от оружия и амуниции. Но на этот раз пути

⁷⁸ Katz F. *The Life and Times of Pancho Villa*. Stanford University Press, 1998. P. 493

отступления были перекрыты. Впервые целые части «Северной дивизии» сдавались в плен. «Северной дивизии» не просто нанесли поражение – ее практически разгромили. Погибли около четырех тысяч вильистов, еще 6 тысяч попали в плен. Войска Обрегона захватили 32 орудия (всю артиллерию Вильи), 5 тысяч винтовок и тысячу лошадей. Сам Обрегон утверждал, что потерял лишь примерно 500 человек. После второй битвы у Селайи проявилась и истинная «гуманность» главного военачальника Каррансы. Пленным предложили признаться, кто из них имеет офицерский чин. 120 человек, наслышанные о милосердии Обрегона, признались, и их немедленно расстреляли.

Двойная битва у Селайи стала крупнейшим боевым столкновением на американском континенте со времен гражданской войны в США в 1861–1865 годах. Она же решила и исход гражданской войны в Мексике. Ореол непобедимости Вильи был рассеян, и армия Обрегона двинулась в наступление на поверженного противника. На этот раз даже подконтрольная Вилье пресса уже не могла скрыть истинные масштабы чудовищного поражения. Одна из статей «Вида Нуэва» называлась «Давайте не терять веру!». Авторы призывали вспомнить, что в 1913 году Вилья уже потерпел неудачу, когда не смог захватить столицу штата Чиуауа, но буквально через пару дней он занял Сьюдад-Хуарес. Американские газеты были настолько уверены в непобедимости Вильи, что в течение нескольких дней после второй битвы у Селайи не решались публиковать ее результаты. Многие газетчики все еще думали, что сведения о разгроме являются плодом воображения каррансистской пропаганды. Наконец, 20 апреля представитель США при штабе Вильи Каротерс сообщил, что «Северная дивизия» разгромлена.

Двойное поражение при Селайе деморализовало «Северную дивизию». 16 апреля Дьегес в штате Халиско нанес поражение частям Вильи и 18 апреля опять занял столицу штата Гвадалахару. 22 апреля 11 тысяч солдат Дьегеса соединились с армией Обрегона, и теперь объединенные силы конституционалистов насчитывали около 30 тысяч человек. Впервые у Обрегона было численное превосходство над Вильей.

Присоединившийся наконец к главным силам Вильи Анхелес считал, что победа над Обрегоном еще возможна.⁷⁹ Он предлагал отступить до Торреона, чтобы Обрегон растянул свои линии коммуникации. Там необходимо было измотать каррансистов в оборонительных боях и только после этого перейти в контрнаступление. То есть Анхелес опять настоятельно рекомендовал отказаться на время от наступательной стратегии и применить ту же тактику, что использовал против вильистов сам Обрегон. И опять Вилья не послушался своего главного военного советника. И снова вовсе не потому, что был упрямым и самовлюбленным человеком. После двойного

⁷⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 494

разгрома под Селайей у Вильи начались проблемы с закупкой боеприпасов в США. Некоторые торговцы не хотели продавать оружие силам, поражение которых считали неминуемым, к тому же стоимость вильистской валюты резко падала. Вилье просто жизненно необходим был скорый и крупный успех. Требовался он еще и потому, что появились признаки недовольства среди высшего командного состава «Северной дивизии». Вилья боялся, что некоторые его генералы могут договориться с Обрегеном и перейти на его сторону.

Между тем в Веракрусе звонили колокола и устраивались торжественные церемонии. Карранса послал специальную телеграмму, в которой благодарил за героизм десятилетнего трубача. Президент Конвента Гарса теперь уговаривал сапатистов оставить Мехико и пробираться на север, так как взятие столицы Каррансой было только вопросом времени. Однако когда сапатистское большинство все-таки согласилось уехать на север, пути к отъезду уже перерезала армия Обрегона. Гарса пытался при посредничестве американцев договориться с Каррансой об объявлении Мехико свободным, то есть нейтральным городом. Но Вилья запретил продолжать явно бесперспективные переговоры, которые лишь свидетельствовали о политической слабости Конвента.

В Вашингтоне быстро поняли значение Селайи как переломного момента гражданской войны. 18 апреля 1915 года госсекретарь Брайан выпустил для прессы заявление, где говорилось, что США уже не доверяют тем мексиканским лидерам, на которых они раньше делали ставку.⁸⁰ Имелся в виду, конечно, Вилья.

19 апреля 1915 года армия Обрегона выступила из Селайи на север. Через три дня был занят ключевой железнодорожный узел Ирапуато, где еще недавно располагалась ставка вильистов. Последним пришлось прекратить бои против Дьегеса и отступать на север, чтобы избежать окружения. 20 апреля, чтобы окончательно сломить сопротивление деморализованного противника, была объявлена амнистия. В мае Вилья решил дать бой противнику недалеко от города Леон. Теперь уже вильисты устроили оборонительные рубежи на протяжении 20 километров и не стремились атаковать подошедшего Обрегона. Обе стороны ограничивались мелкими стычками, пытаясь нащупать слабые места в обороне противника. Вильистская пресса опять стала публиковать ободряющие сообщения. Подчеркивалось, что Обрегону не удастся прорвать оборону вильистов и вскоре Вилья все-таки нанесет сокрушительное поражение Обрегону.

Вилья и Анхелес продолжали умолять Сапату нарушить коммуникации каррансистской армии. Однако Освободительная армия Юга по-прежнему практически бездействовала. В июле Сапата все же нанес удар по тылам

⁸⁰ Quirk R. E. The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960. P. 226

Обрегона и даже вынудил Пабло Гонсалеса очистить Мехико, который тот занял 11 июля.

Некоторые генералы Обрегона убеждали своего командующего перейти в решительное наступление, так как в войсках стало проявляться недовольство длительным бездействием. В конце концов, Обрегон нехотя назначил общее наступление на 5 июня. Однако и Вилья терял терпение. Тремя днями раньше он тоже решил перейти в атаку. На поле боя гнили неубранные трупы, и солдаты обеих сторон боялись эпидемий. Вопреки совету Анхелеса Вилья собрал в кулак все резервы и ударил по тылам Обрегона. Первоначально вильистам сопутствовал успех, и они заняли город Силао. Главные силы Обрегона были окружены в районе асиенды «Санта-Анна», и сам он едва не попал в плен.⁸¹

3 июня вильистский снаряд оторвал Обрегону правую руку. Истекая кровью и мучась от невыносимой боли, он приставил к виску пистолет и выстрелил. Однако, к счастью для каррансистов, адъютант командующего накануне чистил оружие и удалил из пистолета все пули. Обрегон выжил, но на время выбыл из борьбы, поручив командование генералу Хиллу. Потом генерал вспоминал о ранении, едва не стоившем ему жизни, с черным юмором. Он рассказывал, что, придя в сознание, увидел своих помощников, разыгрывавших между собой его часы.

Вильисты быстро узнали о ранении Обрегона, и это, конечно, подняло их боевой дух. Они кричали недругам из окопов: «Эй, вы, каррансисты, идите к нам и возьмите руку своего Обрегона!» Так и получилось. Чтобы избежать дальнейшего роста боевого духа врага, части Обрегона под командованием Хилла на рассвете 5 июня перешли в контрнаступление. Сам Хилл было хотел отойти, но этому воспротивился генерал Мургуя, потребовавший решительной атаки.

Армия Обрегона ударила по всему 28-километровому фронту вильистов, который был слишком протяженным для измотанной «Северной дивизии». Вильисты не выдержали и стали отступать. Их потери составили более трех тысяч человек.⁸² Однако Хилл не смог организовать быстрого преследования: посланная им на перехват кавалерия заблудилась, и Вилья отошел в полном порядке, сохранив артиллерию и поезд. В полдень каррансисты вошли в Леон, но разгрома не вышло. Если бы не настойчивость Мургуи, то бой под Леоном вообще окончился бы отступлением каррансистов, что могло вызвать эмоциональный перелом в войне.

После поражения под Леоном Вилья уже не мог в открытом бою мериться силами с намного превосходившим его численно врагом. Легендарный

⁸¹ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья. М., 1962. С. 175

⁸² В руки каррансистов попало 300 000 патронов, 3000 винтовок и 6 орудий. См. McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P 303

командир стал подумывать о переходе к партизанской войне. Обрегон сообщал Каррансе, что взятие Леона стало триумфом в борьбе против «предателей Вильи и Анхелеса».

И все же Вилья хотел попытать военного счастья еще раз и решил оставить Обрегона под городом Агуаскальентес. Сдать этот город, место, где родился Конвент, без боя значило признать окончательное и бесповоротное поражение. Перестав рассчитывать на Сапату, Вилья направил в тыл Обрегону два конных отряда под командованием Фьерро и Кануто Рейеса, чтобы перерезать коммуникации каррансистов с Веракрусом. Фьерро блестяще справился с задачей и разобрал несколько десятков километров железнодорожных путей. Он соединился с Сапатой и захватил стратегически важный город Пачуко. Именно тогда испуганный Пабло Гонсалес приказал очистить Мехико. Если бы этот рейд был совершен в апреле перед битвой под Селайей, то военное счастье могло бы улыбнуться Вилье. Однако теперь «Северная дивизия», понесшая громадные потери, была уже только тенью былой мощной армии. Узнав, что боеприпасы противника подходят к концу, Обрегон отдал приказ о генеральном наступлении, и остатки вильистской армии 10 июля были вынуждены очистить Агуаскальентес. Вилья ожидал атаки с юга, где и находились позиции каррансистов, но Обрегон обходным маневром вывел часть своей армии в тыл противника и атаковал Вилью с севера. Бегство вильистов было столь быстрым, что бойцы Обрегона успели доестъ еще не остывший обед, приготовленный для их противников.⁸³

За гражданской войной в Мексике по-прежнему внимательно следили американцы. Президент США Вильсон недолго любил Каррансу, и поражения Вильи его никак не радовали. Глава Белого дома, называвший Каррансу «невозможным» политиком, решил, как и в 1914 году, попытаться добиться компромиссного окончания гражданской войны. Помимо негативного отношения к Каррансе у американцев были и более веские причины для посреднических усилий. В Европе бушевала Первая мировая война, принявшая затяжной характер. Симпатии Вильсона были полностью на стороне Антанты, и он лишь ждал удобного случая, чтобы убедить американское общественное мнение вступить в войну. Но для этого был необходим прочный мир на южной границе. Вильсон боялся, что немцы могут поставлять в Мексику оружие и с территории этой страны досаждают США, если те вступят в войну.

В апреле 1915 года Вильсон отправил в Мексику очередного эмиссара, судью Дюваля Веста, который был убежден, что ни одна из противоборствующих сторон не может выиграть войну чисто силовыми методами. Вест счи-

⁸³ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 304

тал, что у США есть три альтернативных варианта действий в отношении Мексики. В первом случае надо было признать одну из воюющих сторон и оказать ей всяческую помощь. Во втором варианте следовало найти некоего альтернативного кандидата в президенты, приемлемого для всех враждующих партий и групп. Наконец (сам Вест склонялся именно к этому варианту), можно было просто признать временным легитимным президентом одного из министров свергнутого в феврале 1913 года правительства Мадеро. Вест в качестве первого из американских представителей добрался до Морелоса и встретился с Сапатой. Последний просил, чтобы его делегацию приняли в США на высоком уровне и посланцы Освободительной армии Юга сумели проинформировать американских политиков о целях мексиканской революции. Однако в Вашингтоне решили не злить без нужды окрепшего после Селайи Каррансу и во встрече отказали, сославшись на нейтралитет в гражданской войне.

2 июня 1915 года Вильсон для поддержки миссии Веста направил всем воюющим сторонам в Мексике необычайно резкую по форме ноту, в которой призывал в кратчайшие сроки договориться о прекращении огня.⁸⁴ В противном случае США примут меры, чтобы «помочь Мексике спасти себя». Карранса, естественно, отверг американскую ноту. Вилья дал понять американцам, что не возражает против компромисса. Публично он заявил, что по-прежнему готов одновременно с Каррансой покинуть Мексику, если это поможет восстановить мир.

Конвент отреагировал на посреднические усилия США 15 июня. Он предложил каррансистам на месяц прекратить все боевые действия. За этот срок восстановленный в своем первоначальном составе Конвент должен был избрать временного президента и правительство из 9 министров, представляющее все противоборствующие стороны. На время переговоров каждый из военных командиров должен был сохранить контроль над территорией, которую он занимал к тому времени. Инициативу Конвента Карранса, теперь уже рассчитывавший добиться полной и безоговорочной победы, тоже отверг.

Между тем в мексиканском политическом пасьянсе неожиданно появилась карта, которую все еще недавно считали полностью битой.

Уехавший летом 1914 года в испанскую эмиграцию бывший диктатор Уэрта явно томился в Барселоне без дела. Сначала он охотно раздавал интервью испанским газетчикам, которые называли его «ацтекским генералом» и считали жертвой американского империализма. (Сама Испания только недавно, в 1898 году была разгромлена американцами, и янки там ненавидели.) Посетил Уэрта и родину предков своей жены – Страну басков.

⁸⁴ Hill L. D. Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico. Baton Rouge, 1973. P. 335

Но в начале декабря 1914 года отставной президент неожиданно наведался в британское посольство в Мадриде и пожаловался на слишком холодную испанскую зиму. Он просил разрешения переехать на остров Ямайку, в то время – колонию Великобритании.⁸⁵ В Лондоне раскусили причину, побудившую Уэрту сменить климат, и вежливо отказали, предложив обосноваться на Канарских островах.

В феврале 1915 года к Уэрте в Барселоне обратился сотрудник германской разведки капитан фон Ринтелен, который ранее работал и в Мексике, и в США и хорошо ориентировался в тамошних делах. От имени самого кайзера Вильгельма II германский эмиссар предложил Уэрте деньги в обмен на то, что он снова придет к власти в Мексике и будет проводить дружественную Германии политику. Немцы тоже предполагали вступление США в войну на стороне Антанты и хотели иметь в Мексике базу для своих подводных лодок. Уэрта пока ничего не обещал, но собеседники договорились поддерживать контакт и в будущем.

В том же месяце Уэрту навестил Энрике Криль. Он рассказал, что жесткая политика Каррансы вынудила десятки мексиканских политических деятелей самой различной ориентации эмигрировать в США. Паскуаль Ороско готовит с американской территории вторжение в Мексику, но его движению не хватает знаковой фигуры, вокруг которой сумели бы объединиться политики – от Васкеса Гомеса до Мондрагона. На эту роль, по мнению Криля, и мог бы претендовать Уэрта. К тому времени под влиянием Первой мировой войны в Техасе образовались тайные политические организации местных жителей мексиканского происхождения, которые стремились вновь присоединить утраченные в ходе войны 1846–1848 года территории к Мексике. Тех американцев, которые не пожелают воссоединения со старой родиной, предполагалось уничтожить. Таким образом, Уэрта, по словам Криля, мог бы не только примирить Мексику, но и объединить ее население достойной национальной сверхзадачей – возвращением незаконно отторгнутых американским империализмом территорий. Подобное развитие событий было бы, естественно, и в интересах Германии: война на южной границе не позволила бы Вашингтону принять участие в мировом конфликте в Европе.

Уэрта доверял военному таланту Ороско и принял предложение Криля. Об американской армии Уэрта был самого невысокого мнения, в то время как немцев уважал. Он рассказал Крилю о визите Ринтелена, и оба решили принять финансовую поддержку Германии. В марте 1915 года Уэрта, не скрываясь от прессы, отплыл в США и 12 апреля уже был в Нью-Йорке.⁸⁶ Правительство Каррансы и вильистский агент единогласно потребовали не пускать Уэрту в США, но американцы все же приняли бывшего диктатора.

⁸⁵ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 212

⁸⁶ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 216

Тому, правда, пришлось поклясться, что он не будет заниматься в Америке политической деятельностью. Возможно, что именно с помощью Уэрты США хотели заставить Каррансу пойти на компромисс. К тому же в Вашингтоне все еще надеялись опять привести к власти умеренные, консервативные силы. С точки зрения Вашингтона и Вилья с Сапато, и Карранса были слишком уж революционно настроены.

В Нью-Йорке Уэрта установил тесный контакт с германским посольством, что не укрылось от внимания американских спецслужб. В частности, генерал встречался с германским военно-морским атташе Карлом Бой-Эдом и военным атташе Францем фон Папеном, будущим вице-канцлером в правительстве Гитлера. Оба дипломата уже ездили на американо-мексиканскую границу на встречу с Ороско. В мае 1915 года германские агенты разместили на различных счетах в США 895 тысяч долларов для поддержки вторжения сил Ороско-Уэрты из США в Мексику.⁸⁷ Сам Ороско держал в Техасе свою революционную хунту и в июне 1915 года ездил в Нью-Йорк на встречу с Уэртой. Он сообщил, что его сторонники уже начали восстание в Чиуауа (среди его руководителей был уже известный нам генерал Инес Салазар, имевший личные счета с Вильей). К удивлению самого Ороско, восстание развивалось успешнее, чем он предполагал. Лидер «алых» проинформировал, что вдоль границы заготовлены склады с оружием и по сигналу Уэрты он начнет вторжение.

К тому времени немцы закупили для будущего восстания 8 миллионов патронов и заказали еще три миллиона. После начала боев германские подводные лодки должны были доставить в Мексику 10 тысяч винтовок.

Май и июль 1915 года были временем небывалой политической активности мексиканских эмигрантов в США. Многие хотели только одного: убрать из страны и Вилью, и Каррансу. После поражения вильистов при Леоне в Америку приехал и Фелипе Анхелес. Формально для того, чтобы навестить свою семью в Бостоне, а фактически – для встречи с президентом США, которому он надеялся представить свой план мирного урегулирования ситуации в Мексике.

Бывший представитель госдепартамента в Мексике Леон Канова, который присутствовал на встрече Сапаты с Вильей в Мехико в декабре 1914 года, к тому времени вернулся в Вашингтон и стал работать в отделе Латинской Америки госдепартамента. В середине июля 1915 года он направил госсекретарю Лансингу необычное предложение.

Канова сообщал, что провел консультации не только с Вильей и Сапато, но и с формальным временным президентом Гутьерресом, видными деятелями Католической партии, бывшим военным министром Бланкетом и Мондрагоном, представлявшим интересы Феликса Диаса. Канова предла-

⁸⁷ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 217

гал Вильсону назвать имя временного президента Мексики и обещал, что его примут все силы, за исключением Каррансы. Если президент США не возражает, то он, Канова, в течение 10 дней подготовит список наиболее приемлемых политических фигур Мексики, из которых Вильсон сможет выбрать самого подходящего. После этого под знаменами американского ставленника 5 тысяч мексиканских эмигрантов перейдут границу, а затем к ним присоединятся 20 тысяч вильистов и солдат бывшей федеральной армии. Одновременно вспыхнут восстания против Каррансы на юге – на Юкатане и в Оахаке. Будет восстановлена конституция и проведены свободные выборы. Для успеха проекта Канова предлагал снабжать новое политическое движение оружием и боеприпасами, причем на поставки всего этого Каррансе наложить жесткое эмбарго.

Бросается в глаза, что план Кановы и план, который как раз в то время придумал Уэрта, очень похожи. Вероятно, Бланкет и Мондрагон искусно подтолкнули американского дипломата к выдвижению этой инициативы. Себя Канова видел особым представителем при новом мексиканском правительстве, призванным фактически направлять его деятельность от имени президента США. Вильсон разгадал, кого Канова видит новым мексиканским мессией, и подчеркнул, что, несмотря на все его презрение к Каррансе, он не хочет иметь никаких дел с «мерзавцем Уэртой».

Вместе с новым госсекретарем США Лансингом Вильсон намеревался как можно быстрее «умиротворить» Мексику, готовясь к вступлению в Первую мировую войну на стороне Антанты. В этих условиях и Вильсон, и Лансинг собирались предложить воюющим мексиканским сторонам свое посредничество совместно с Аргентиной, Бразилией и Чили, то есть «группой ABC» (по начальным буквам названий этих стран на латинском алфавите).⁸⁸ К тому же Вильсон постепенно убеждался в военной силе конституционалистов. 2 августа 1915 года Пабло Гонсалес окончательно занял Мехико. Конвент переехал в городок Толука рядом со столицей, но серьезного влияния на умы в стране уже не оказывал. Все понимали, что после окончательного разгрома Вильи Сапату вместе с Конвентом, как и раньше, быстро вытеснят в Морелос. А Вилья продолжал отступление на север.

К тому времени отношения командира «Северной дивизии» с американцами серьезно осложнились.⁸⁹ Вилья чувствовал, что Вильсон при всем

⁸⁸ Hill L. D. *Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico*. Baton Rouge, 1973. P. 339

⁸⁹ Против Вильи стали активно интриговать американские скотопромышленники. Если раньше Вилья поставлял в США в обмен на оружие живой скот и тем самым обеспечивал их бизнес работой, то в 1915 году вильисты сами устроили на границе скотобойню и торговали уже готовым мясом. Таким образом, они превратились из компаньонов в конкурентов.

показном идеализме готов поддержать в Мексике ту силу, которая предоставит американскому бизнесу больше прав. Еще в 1914 году сам Вилья получил от американского консула в Веракрусе Силлимэна (позднее тот стал неофициальным представителем при Каррансе) секретное письмо, в котором США обещали ему официальное признание в обмен на выполнение ряда условий. В частности, Вилья должен был предоставить американскому флоту право использовать базу в бухте Магдалена (того же некогда требовали и от Порфирио Диаса) и отдавать предпочтение американским компаниям при выдаче лицензий на добычу нефти. Вилья посоветовался с Сапатай, и тот дал своему партнеру полную свободу рук в торге с американцами. Однако условия Силлимэна были настолько кабальными, что Вилья на письмо не ответил. К тому же он вовсе не был уверен, что консул говорит от имени президента Вильсона.

Еще больше разозлили Вилью действия уже упоминавшегося выше Кановы, которому он поначалу доверял. Во время своих переговоров Сапата и Вилья решили казнить бывшего губернатора столичного федерального округа Итурбиде, руководителя столичной полиции и помещика, жестоко обращавшего со своими пеонами. Канова узнал об этом и решил вывезти Итурбиде в США в своем купе, ссылаясь на дипломатическую неприкосновенность (приговоренный дал американскому дипломату взятку 5 тысяч долларов). Однако солдаты Вильи все же попытались арестовать Итурбиде – потомка мексиканского президента начала XIX века, объявившего себя императором и свергнутого народом. Тот выпрыгнул в окно и добрался до США. Там он, естественно, сразу вошел в контакт с тем человеком, который его когда-то и назначил, – с генералом Уэртой. Вполне вероятно, что Канова видел на посту временного президента Мексики именно консерватора Итурбиде. Последний обещал, что в обмен на кредит в 500 миллионов долларов новое консервативное мексиканское правительство предоставит США полное право контроля над своими таможнями.

Все эти планы только показывают, насколько Канова при всем своем опыте и знании испанского языка не понимал свершившихся в Мексике кардинальных перемен политического ландшафта. Ни Карранса, ни Вилья при всей своей взаимной вражде не допустили бы возвращения к власти одиозных фигур эпохи Порфирио Диаса или Уэрты. Но главное, что такое развитие событий было абсолютно неприемлемо для подавляющего большинства мексиканцев, твердо стоявших на стороне революции, пусть в виде ее многочисленных фракций. Слово «реакционер» к тому времени стало в Мексике ругательным.

Однако Канова, несмотря на прохладное отношение Вильсона к его проектам, добился поддержки гораздо более консервативного министра внутренних дел США Лейна, благоволившего американскому нефтяному биз-

несу, и встретился с Анхелесом.⁹⁰ Но тот категорически отказался сотрудничать с такими фигурами, как Итурбиде, Феликс Диас или Мондрагон. Тогда Канова решил отправить к Вилье нового эмиссара, бизнесмена и бывшего адвоката с сомнительной репутацией Киди. Канова полагал, что после сокрушительных поражений от Обрегона Вилья станет поговорчивее.

В сентябре 1915 года Киди добрался в Чиуауа и быстро добился встречи с Вильей (раньше он уже имел с командиром «Северной дивизии» «деловые отношения»). Киди предложил Вилье полное признание со стороны США, если тот назначит консервативное правительство в соответствии с пожеланиями Кановы. Вилья отказался, хотя и был на грани поражения. Сомнительно, чтобы Канова опять действовал от имени Вильсона. Однако Лейн и американские нефтяные бароны ненавидели Каррансу и надеялись, что неопытный Вилья станет игрушкой в руках американского бизнеса, тем более если командира «Северной дивизии» свяжет по рукам и ногам консервативное правительство.

Вилья понял, что американцы хотят сделать из Мексики протекторат. Его отношения с США еще больше ухудшились, в том числе и под влиянием экономических факторов. По мере того как Обрегон наносил Вилье все новые и новые поражения, падал и курс вильистских денег.⁹¹ Даже в Чиуауа многие торговцы не хотели больше их принимать. Истощались и ресурсы для закупки в США боеприпасов. поголовье скота, который служил главным экспортным товаром вильистской зоны, резко сократилось за время войны. До Селайи Вилья очень осторожно относился ко всем американским предприятиям в Мексике, однако перед лицом тотального поражения он стал требовать налоги и различного рода платежи и с американцев. Так как во время революции американские предприниматели закрыли многие свои горнодобывающие предприятия, Вилья немедленно приказал открыть их (чтобы потом обложить налогами), пригрозив в противном случае конфискацией. Тем не менее вплоть до осени 1915 года американскому представителю при штабе Вильи Каротерсу и различного рода специальным посланникам удавалось отговаривать командира «Северной дивизии» от реализации его планов на практике. Все еще надеясь, что США не признают Каррансу, Вилья шел на уступки.

Когда в августе 1915 года США при поддержке ведущих латиноамериканских государств из группы ABC потребовали от всех мексиканских

⁹⁰ В июне 1915 года госсекретарь Брайан рекомендовал Вильсону «поддержать» Анхелеса в качестве компромиссной фигуры. См. Katz F. *The Life and Times of Pancho Villa*. Stanford University Press, 1998. P. 509

⁹¹ Если до битвы при Селайе за один вильистский песо американцы давали 30 центов, то к осени 1915 года – только 1,5 цента. См. Katz F. *The Life and Times of Pancho Villa*. Stanford University Press, 1998. P. 511

противоборствующих сторон прекращения боевых действий и заключения компромиссного соглашения, Вилья направил в Вашингтон генерала Анхелеса с миссией ни в коем случае не допустить признания Каррансы.

Анхелес пользовался в американском истеблишменте очень высокой репутацией, и многие в США видели в нем идеальную кандидатуру на пост президента Мексики. Он был революционером, но одновременно умеренным и тактичным политиком. В июне 1915 года госсекретарь США предлагал президенту Вильсону оказать Анхелесу политическую поддержку. В июле Вильсон всерьез размышлял над тем, чтобы предложить именно Анхелеса в качестве компромиссного кандидата для всех враждующих сторон. К этому его побуждали, в частности, неоднократные высказывания самого Анхелеса, отзывавшегося о Вильсоне в восторженных тонах.

Однако в августе 1915 года, после поражения Вильи при Агуаскальентесе, Вильсон не решился принять Анхелеса, чтобы не дать Каррансе повода упрекнуть себя в пристрастности. Тем не менее посланца Вильи приняли начальник генерального штаба Скотт и министр внутренних дел Лейн.⁹² Скотт не скрывал своего восхищения от этой встречи и обещал содействовать успеху миссии Анхелеса всеми доступными ему средствами. Лейну Анхелес рекомендовал поддержать в Мексике правительство во главе с членом бывшего кабинета Мадеро, чтобы подчеркнуть преемственность и легитимность власти. В качестве конкретной кандидатуры он предложил Васкеса Тагле, который после убийства Мадеро не примыкал ни к одной из противоборствующих фракций. Если Карранса не согласится, США следует, по мысли Анхелеса, ввести против него эмбарго на поставки оружия и боеприпасов. Нового президента утвердит обновленный Конвент. Причем фракция Каррансы назовет тех своих противников, которые должны быть исключены из членов Конвента. То же самое в отношении сторонников Каррансы сделают и его противники. Соответственно, в Конвенте останутся наиболее приемлемые для обеих сторон депутаты.

Лейн направил меморандум о своей беседе с Анхелесом Вильсону. Но в августе 1915 года американский президент уже был уверен, что Карранса одержит военную победу и его признание неминуемо. Задача американской дипломатии теперь состояла в том, чтобы в обмен на признание добиться от Каррансы наибольшего количества уступок в политической и экономической сферах.

Лейн ухватился за Анхелеса еще и потому, что в июне 1915 года рухнул еще один, консервативный вариант развития мексиканской политической драмы.

24 июня из Нью-Йорка отбыл Викторiano Уэрта.⁹³ Он якобы направился в Калифорнию, но обмануть наружное наблюдение американской секрет-

⁹² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 510

⁹³ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 220

ной полиции ему не удалось: за Уэртой следили постоянно с тех пор, как он вступил на территорию США. Госдепартамент поручил Министерству юстиции не допустить перехода Уэртой мексиканской границы. А именно это и собирались сделать Уэрта с Ороско, встретившись на железнодорожном вокзале – конечно, не в Калифорнии, а в небольшом городке Ньюмэн, штат Нью-Мексико. Ороско встретил генерала у поезда, и оба они были немедленно арестованы спецгруппой из федеральной полиции, пограничной стражи и солдат регулярной армии. Однако мэр города Эль-Пасо, в тюрьму которого перевели задержанных, попросил доставить их на военную базу Форт-Блисс. Градоначальник опасался, что арестантов могут отбить, к тому же не совсем понимал, за что, собственно, арестовали Уэрту и Ороско. На самом деле Министерство юстиции США по просьбе госдепартамента должно было либо добыть данные о незаконной политической деятельности Уэрты, либо продержать его в тюрьме до депортации из страны как нежелательного иностранца.

Обоих мексиканцев выпустили из тюрьмы под сравнительно небольшой залог (конкретных доказательств их преступной деятельности не нашлось) и поместили фактически под домашний арест. Однако 3 июля Ороско выпрыгнул из заднего окна дома, где их содержали, и, обманув бдительность стражи, скрылся. Уэрту вновь арестовали. И, если при первом аресте к бывшему главе государства отнеслись уважительно, то теперь его посадили в общую камеру с обычными преступниками. Генерал, понимая, что из тюрьмы он уже вряд ли выйдет, терял интерес к жизни. Приехавшая поближе к нему семья была довольно бесцеремонно обыскана, что вызвало письменный протест заключенного Уэрты.

1 сентября 1915 года тexasские газеты сообщили, что Ороско и четверо его спутников были убиты полицией штата Техас, когда они расположились на отдых в каньоне Грин Ривер.⁹⁴ Причем мексиканцев даже не пытались захватить в плен. Чтобы как-то оправдать стрельбу без предупреждения – ведь Ороско все-таки имел чин генерала соседнего государства, – американцы распространили слух, что эмигрантов приняли за особо опасных похитителей скота. Новость о смерти соратника сильнейшим образом потрясла Уэрту. Он стал много пить. Здоровье его ухудшалось день ото дня, его выпустили из тюрьмы для лечения, и 13 января 1916 года бывший временный президент Мексики умер от цирроза печени после перенесенной операции.

В начале осени 1915 года положение Вильи еще больше ухудшилось. 4 сентября пришлось очистить Салтильо – последний опорный пункт вильистов на северо-востоке Мексики. 19 сентября «Северная дивизия» начала эва-

⁹⁴ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 226

куацию из города своей «боевой славы», Торреона. 28 сентября город был занят войсками каррансистского генерала Мургуи. Вилья рассчитывал на какое-то время укрепиться в своем родном Чиуауа. Он все-таки надеялся, что американцы заставят Каррансу пойти на компромисс.

Между тем уже и в Чиуауа стало проявляться недовольство властью еще недавно столь популярного здесь военачальника. Все бизнесмены ждали неминуемого прихода каррансистов. Если раньше вильистские деньги не только активно ходили по всей Мексике, но и копились на «черный день», то теперь их совсем отказывались принимать. Рабочие и солдаты самой же «Северной дивизии» требовали выплаты жалованья в долларах или золоте. Ни того ни другого у Вильи не было. Однако он все же издал декрет, заставлявший горнорудные компании платить своим рабочим в долларах. У американских хозяев этих компаний доллары, конечно же, были, но и они ждали смены власти и не собирались выполнять указы Вильи, дни которого, казалось, уже сочтены. Тем не менее декрет вызвал зависть к горнякам жеолеснодородников, которые, пригрозив забастовкой, потребовали той же привилегии и для себя.

Вилья не хотел верить, что его деньги теряют в стоимости из-за его же собственных военных поражений. Он полагал, что финансисты и коммерсанты Чиуауа занимаются целенаправленной спекуляцией, подрывающей покупательную способность вильистской валюты. В столице штата Сьюдад-Чиуауа Вилья посадил самых преуспевающих торговцев в тюрьму на 48 часов и приказал не кормить их, чтобы узники почувствовали на своей шкуре страдания бедных и голодающих соотечественников.⁹⁵ Он издал указ о принудительной высылке за границу всех торговцев-иностранцев, чтобы «они искали золото там». С оглядкой на американцев этот декрет был отменен, однако Вилья все же конфисковал товарные запасы многих местных и иностранных торговцев, после чего эти товары были проданы по низким ценам в Чиуауа и Торреоне.

Но все эти шаги, конечно же, не могли остановить падения покупательной стоимости вильистской валюты. Плохо было и с «твердой валютой» Чиуауа – скотом. Американцы по-прежнему были готовы его закупать и даже несколько ослабили свои меры санитарного контроля. Однако самого скота почти не осталось, ведь за счет асиенд мексиканского севера уже два года кормились многотысячные армии. Так как основная масса поголовья экспортировалась в обмен на боеприпасы, цены на которые сильно выросли после начала Первой мировой войны, в самом Чиуауа мясо во многих местах исчезло из употребления. Начался голод.

Отчаяние и моральное разложение охватили «Северную дивизию». Во время войны с Уэртой это была спаянная боевая единица, состоявшая

⁹⁵ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 512

в основном из уроженцев Чиуауа и слепо доверявшая своему командиру, который вел их от победы к победе. В 1915 году в дивизию влились много уроженцев с юга и центра страны, которые просто рассчитывали на скорую победу над Каррансой и ждали в качестве наград земельных участков. Кровопролитные и неудачные битвы весны и лета 1915 года привели к сильному дезертирству именно в рядах недавнего пополнения. Эти люди, как правило, не имели твердых политических взглядов, и Карранса был для них в целом приемлемой альтернативой. Перед уходом из поредевшей армии Вильи многие солдаты напоследок занимались откровенным грабежом, что подрывало репутацию «Северной дивизии», ранее известной своей образцовой дисциплиной.

Но от Вильи отрекались и целые воинские формирования, например бойцы Панфило Натеры, с которым вместе он в 1914 году штурмовал Торреон. Теперь Натера перешел на сторону Каррансы. В начале сентября 1915 года Вилья получил письмо от брата покойного президента Рауля Мадеро, который имел чин генерала «Северной дивизии». Мадеро раньше уже писал губернатору Соноры Майторене, что Вилья после поражения под Селайей и Леоном стал непредсказуемым человеком и постоянно ссорится со своими генералами.⁹⁶ Теперь Мадеро решил открыть глаза самому Вилье. Он писал, что солдаты устали и больше не хотят воевать, так как не видят ни малейшей перспективы победы. Причина этого состояния кроется в том, что народ Мексики устал от войны. Единственным выходом для Вильи, по мнению Рауля Мадеро, был немедленный роспуск своих войск и отказ от борьбы.

Написав такое письмо, Мадеро бежал в США и уже оттуда через три недели снова настоятельно рекомендовал Вильи уйти в отставку со всех постов. Его новое предложение чем-то предвосхищало известный лозунг Троцкого: «Ни мира, ни войны, а армию распустить». Мадеро предлагал именно распустить армию, но Каррансу не признавать и его генералам не сдаваться. Непонятно, что должны были делать при таком варианте бойцы и командиры Вильи. Ведь Обрегон считал их предателями и прислужниками реакции, а это часто означало расстрел без суда.

Вместе с Раулем Мадеро армию Вильи покинул и другой брат бывшего президента – Эмилио, тоже являвшийся генералом «Северной дивизии». Справедливости ради надо отметить, что только очень немногие из бывших военачальников Вильи прямо перешли на сторону Каррансы.

Анхелес вернулся из США и доложил о скромных результатах своей миссии. В начале сентября 1915 года американские представители стали сообщать, что Вилья, по-видимому, за что-то злится на Анхелеса и жизнь генера-

⁹⁶ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 306

ла в опасности. Начали открыто критиковать Анхелеса и многие военачальники Вильи, никогда в душе не доверявшие бывшему генералу федеральной армии. Теперь именно на Анхелеса хотели взвалить вину за катастрофические поражения от Обрегона. Сам Анхелес в сентябре сообщал Каротерсу, что он боится американской военной интервенции и если единственным средством ее предотвращения является признание Каррансы, то это придется сделать. К тому времени Анхелес уже и для Вильи не видел иной альтернативы, чем отказаться от борьбы и покинуть страну. 13 сентября Вилья приказал Анхелесу срочно прибыть в Торреон. Американцы опасались физической ликвидации генерала. Однако с ним ничего не произошло, более того, казначей Вильи, его брат Иполито выплатил Анхелесу причитавшееся ему жалованье, и тот 24 сентября переселился в США. Находясь там, Анхелес не сказал против своего бывшего командира ни одного плохого слова. Отставной генерал был человеком честным, а поэтому жил в США очень скромно (денег в «Северной дивизии» он не скопил). При финансовой помощи Майторены он купил небольшое ранчо в Техасе недалеко от мексиканской границы и занялся скотоводством.

Особенно потрясло Вилью предательство Томаса Урбины, которого он знал еще со времен своей бурной молодости. Когда они вместе скрывались от полиции и Урбину ранили, Вилья выходил его. Урбина был человеком, мягко говоря, практичным и не забывал о собственном кармане ни при каких обстоятельствах. Он управлял асиендой «Лас Нивес» от имени «Северной дивизии», присваивая половину доходов.⁹⁷ Вилья знал это, однако до поры до времени закрывал глаза на махинации старого друга. Когда Джон Рид расспрашивал простых крестьян об Урбине, то слышал самые разные отклики: от «удачливый делец» до «пули отскакивают от него, как дождевые капли от сомбреро». Рид заметил, что на фронт генерал Урбина со «своей» асиенды не слишком рвался.

Когда военное счастье переменилось, Урбина спрятал в колодце на асиенде 54 золотых слитка, собрал множество ювелирных украшений и стал готовиться к бегству за границу. Вилья после поражений 1915 года стал очень подозрительным, почти во всех бывших соратниках видя предателей. Командир «Северной дивизии» и раньше всегда опасался за свою жизнь. На приемах (балы и танцы Вилья очень любил) он часто менялся тарелками со своими соседями. Китайцев Вилья не жаловал, как говорили, за то, что как-то отравился в китайском ресторане. И вот теперь до него дошли слухи об измене Урбины. Вилья немедленно приказал ему выдать начальника штаба Барбоа, который был замешан в нескольких расстрелах без суда. Урбина отказался. Тогда Вилья тайно окружил его асиенду, и после упорного ночного боя раненый Урбина

⁹⁷ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 307

был захвачен в плен. Давние друзья долго говорили о чем-то один на один. После этого Фьерро было поручено отконвоировать бывшего генерала Урбину в штаб. Естественно, по пути Фьерро расстрелял своего пленника.

Вилья поручил одному из офицеров найти спрятанные Урбиной сокровища («Северной дивизии» тогда очень нужны были деньги). Офицер слитки действительно обнаружил, но сдал их каррансистам.

Пока Вилья терпел поражение за поражением, единственным светлым пятном на мрачном военном горизонте вооруженных сил Конвента был генерал Буэльна, который продолжал бить каррансистов в своем родном штате Тепик. Буэльна был единственным студентом, ставшим за время революции генералом. Его военные таланты проявлялись, в частности, в том, что без постоянного притока оружия и боеприпасов ему удавалось наносить поражения войскам Каррансы, численно превосходящим его собственные силы. Однако и Буэльна бежал в США, причем по пятам за ним гнался отряд Вильи, получивший приказ расстрелять очередного предателя. Как и Анхелес, Буэльна был честным человеком. У него не хватило денег даже на покупку маленького ранчо, поэтому бывший генерал приобрел ресторанчик в Эль-Пасо. Но дела его шли плохо: Буэльна не мог отказать ни одному эмигранту из Мексики в бесплатном обеде. Через несколько лет он вернулся в Мексику и был убит во время мятежа против Обрегона, ставшего к тому времени президентом страны.

Осенью 1915 года, несмотря на предательство генералов и дезертирство рядовых, Вилья строил планы новой военной кампании. Прежде всего он приказал разрушить железнодорожные пути, ведущие из Чиуауа на юг, чтобы замедлить продвижение преследовавших его каррансистов. Получив таким образом временную передышку, Вилья решил вместе со всей своей армией, к тому времени сократившейся до 12 тысяч бойцов, перейти в Сонору.⁹⁸ Там отряды его союзника Майторены по-прежнему блокировали на границе в районе города Агуа-Приэта отряд сторонников Каррансы: три тысячи человек под командованием Кальеса. Вилья предполагал разгромить Кальеса и, пополнив свои ряды индейцами яки (именно из этих воинственных людей в основном состояли отряды Майторены), двинуться вдоль тихоокеанского побережья на юг, повторяя маршрут Обрегона образца 1913–1914 годов. По пути к Вилье, по его замыслу, должны были присоединиться разрозненные отряды сторонников с тихоокеанского побережья. Кроме того, победа в Соноре призвана была поднять боевой дух армии и обеспечить приток добровольцев. Добравшись до Мехико, Вилья рассчитывал вместе с Сапатою взять столицу штурмом.

Сонора привлекала Вилью и по экономическим соображениям. Этот штат практически не затронула гражданская война. Имея протяженную

⁹⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 524

границу с США, Сонора по-прежнему экспортировала на север продукцию горнодобывающей промышленности. Вилья хотел за счет этих ресурсов наконец выплатить своим солдатам достойное жалование. Вдобавок Сонора не имела железнодорожного сообщения с остальной страной, и Вилья полагал, что армия Обрегона сможет добраться туда не скоро.

Все эти планы были вполне разумны, но они не нравились Майторене. Роке Гонсалес Гарса писал Майторене, что «Северная дивизия» деморализована и может представлять опасность для населения Соноры. Кроме того, Майторена был человеком консервативным и опасался, что в Соноре Вилья продолжит практику принудительных кредитов среди тамошнего крупного бизнеса, а также начнет проводить аграрную реформу. Ранее Вилья уже предлагал самому Майторене начать раздел крупных поместий, но тот отказался. Поэтому перед приходом «Северной дивизии» Майторена бежал в США. Своим генералам он дал указание уклониться от похода вместе с Вильей на юг. Если Вилья начнет уж очень сильно настаивать, армия Майторены должна быть распущена и разбита на мелкие партизанские отряды. После бегства Майторены Вилья и его объявил предателем, однако без армии губернатора Соноры рушился весь план его кампании. Все-таки Вилью объединяла с Майтореной ненависть к Обрегону.

9 октября 1915 года конференция ведущих латиноамериканских стран в Вашингтоне высказалась за признание Каррансы. Вилья из последних сил пытался предотвратить дипломатическое признание своего противника. Он дал интервью американской газете «Эль-Пасо Морнинг Таймс» (скорее всего, не предполагая, что это будет его последнее интервью прессе США). Вилья признал, что последний месяц был самым трудным в его жизни и он страшно устал. Однако он, Вилья, никогда не сомневался в своем деле, деле «свободы, человеческой свободы и справедливости... Я тоже был жертвой угнетения... Я очень глубоко ощущал это. Даже когда находился в тюрьме. Я торжественно поклялся, что убегу, атакую эту систему и жестоко накажу ее, так жестоко, насколько смогу».

Признал командир «Северной дивизии» и свою вину за недавние поражения. Это произошло из-за недостатка общей культуры и образования. Он, Вилья, не испытывает вражды к простым солдатам армий Каррансы (к тому времени у каррансистов под ружьем были около 100 тысяч человек). Их обманули. Основным виновником братоубийственной войны Вилья назвал богатые классы, отстаивавшие свое экономическое могущество.⁹⁹ Он предупредил американцев, что признание Каррансы не принесет мира и спокойствия Мексике. Одна революция будет сменяться другой (прогноз оказался абсолютно верным). Вилья сказал, что не понимает, почему американцы выбрали именно Каррансу, который до сих пор демонстрировал

⁹⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 525

по отношению к ним в лучшем случае холодную вежливость, и заявил, что никогда не покинет Мексику, даже временно. «Мексика – это моя страна. Я сейчас в Сьюдад-Хуаресе, но это самое северное место, до которого я добрался. Отсюда я не убегу. Я буду жить и буду сражаться».¹⁰⁰

На следующий день после этого интервью, 19 октября 1915 года США де-факто признали правительство Каррансы. Теперь с юридической точки зрения Вилья и Сапата превращались в мятежников. Если Карранса имел полное право на закупку в Америке оружия и боеприпасов, то такого рода поставки его противникам отныне становились незаконными.

¹⁰⁰ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa, Stanford University Press, 1998. P. 524

Глава 6

Революция продолжается

Осенью 1915 года силы Каррансы контролировали большую часть территории Мексики, однако в разных местах страны продолжались вооруженные столкновения. Тем не менее Карранса уже приступил к консолидации своей власти. Он все больше и больше обращал пристальное и недружественное внимание на архитектора своей победы Альваро Обрегона. Именно он, а не Вилья, теперь становился основной угрозой политическому всевластию «верховного главнокомандующего».

Разногласия между Каррансой и Обрегоном носили не только конъюнктурный, но и более глубокий политический характер.¹ Обрегон прекрасно понимал, что, несмотря на пропаганду военного времени, не Вилья, а Карранса на самом деле является реакционером. Как только военное счастье улыбнулось его сторонникам, «верховный главнокомандующий» немедленно прекратил даже робкие попытки осуществления аграрной реформы в соответствии с собственным декретом от 6 января 1915 года. Губернаторы на местах получили приказ возвратить крупным помещикам и предпринимателям конфискованное у них имущество. Признание со стороны США сопровождалось обещанием Каррансы компенсировать весь ущерб от революции и войны, нанесенный американским гражданам.

Правительство Каррансы состояло из людей, прямо или косвенно защищавших интересы ведущих американских компаний. Например, директор национальных железных дорог Альберто Пани был на хорошем счету у «Стандард Ойл».² Игнасио Бонильяс, министр коммуникаций (в ведении этого министерства и находились железные дороги) был доверенным лицом «Сазерн Пасифик». Именно такие люди, люди своего круга, и требовались теперь Каррансе для управления страной. А от вчерашних союзников вроде «красных батальонов» следовало избавиться. Но за всеми радикальными течениями в рабочем и крестьянском движении стоял Обрегон. Поэтому Карранса решил дать понять генералу, что политикой тому заниматься не следует.

¹ Hall L. B., Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 144

² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 167

В первую очередь Карранса решил поставить на место политическую партию Обрегона – Революционную конфедерацию. Пока Обрегон приходил в себя после тяжелого ранения в битве при Леоне в июне 1915 года, Карранса спровоцировал правительственный кризис. Он приказал самому доверенному из своих советников Феликсу Палавичини, придерживавшемуся, как и Карранса, консервативных взглядов, взять под контроль все «газеты революции», прежде всего рупор Революционной конфедерации «Эль Пуэбло» («Народ»)³. До сих пор «Эль Пуэбло» курировал один из главных «конфедератов», министр внутренних дел в кабинете Каррансы Рафаэль Субаран. Планировалось взять под уздцы и «Вангардию» Доктора Атля. Субаран отказался «сдать» газету, и его «ушли» в отставку. Когда Палавичини прибыл в редакцию «Эль Пуэбло», его помощников арестовали по приказу близкого к Субарану министра юстиции. Однако Карранса решительно встал на сторону своего советника, и вслед за Субараном подали в отставку еще трое министров, сторонников Обрегона и Революционной конфедерации.

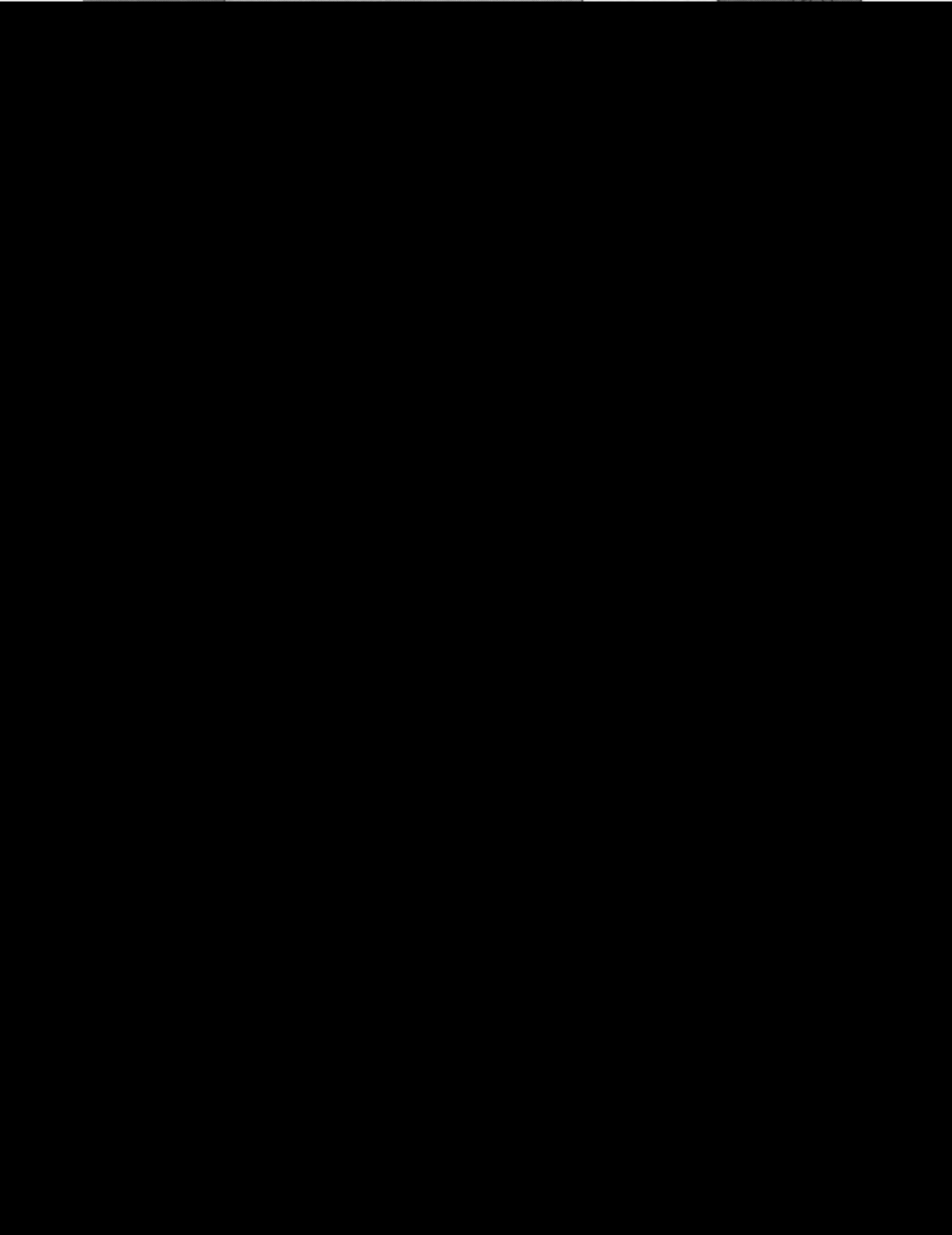
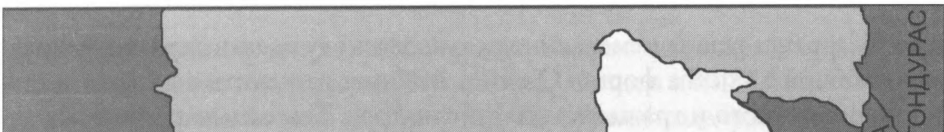
Таким образом, Обрегон сразу лишился всех своих сторонников в кабинете. Он направил Каррансе телеграмму с выражением беспокойства, но Карранса ответил лишь, что в кризисе виноват Палавичини и что новое правительство не означает смены политического курса.

Сам Обрегон не был классическим военным мятежником типа Ороско. Наоборот, он всячески стремился консолидировать мексиканскую государственность. В этом его желания совпадали с Каррансой. Последний вообще считал, и не без оснований, что стабильной государственной системы в Мексике пока так и не сложилось. Сначала три века колониального рабства, потом столетие гражданских войн и диктатуры. Теперь революция и разрушительная гражданская война (по разным оценкам, только в столкновениях между самими революционерами в 1914–1915 гг и только на поле боя погибли около 100–150 тысяч человек). Во многом причиной этого был милитаризм, под которым и Обрегон, и Карранса понимали вмешательство разного рода военных вождей от Санта-Анны до Порфирио Диаса в нормальный политический процесс.

Не случайно Обрегон предложил Каррансе принять закон о запрете действующим военачальникам занимать любые государственные должности. Военный должен был уволиться из армии по крайней мере за шесть месяцев до того, тем как баллотироваться на любую выборную должность.⁴ Но если Обрегон думал, выдвигая это предложение, о послевоенном будущем стра-

³ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 142

⁴ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 143

ны, то Карранса решил немедленно реализовать эту идею на практике, правда, в удобной для себя форме. Он считал нужным разделить в каждом штате функции военного и гражданского губернатора. Тем самым резко ослаблялось влияние на местах самого Обрегона, так как все военные подчинялись именно ему. Напрасно Обрегон возражал, что многие штаты еще являются ареной боевых действий. «Верховный главнокомандующий» не имел привычки менять уже принятые решения.

Еще одной причиной разлада между Каррансой и Обрегоном были связи Каррансы с представителями старой элиты. В мексиканском обществе Каррансу справедливо считали осколком времен «порфириата». Такую точку зрения подтверждала и очень консервативная политика Каррансы по социальным проблемам. С мая по декабрь 1915 года Обрегон направил Каррансе несколько меморандумов, в которых выступал против привлечения в лагерь конституционалистов бывших членов Конгресса времен Уэрты и офицеров федеральной армии. Карранса либо вовсе игнорировал эти меморандумы, либо отрицал все, что вменяли ему в вину. В немалой степени реакцией «верховного главнокомандующего» на беспокойство Обрегона было удаление сторонников последнего из правительства в июне 1915 года.

Укрепив власть, Карранса стал давить и своих, как он считал, непрощенных союзников – организованное рабочее движение. Командирам на местах приказывалось пресекать забастовки, особенно на железных дорогах, где были наиболее боевые профсоюзы. Рабочим лидерам угрожали судом либо за их симпатии к «вильизму», либо за саботаж транспорта в военное время. Одновременно некоторые губернаторы повышали указами зарплату рабочим, чтобы удерживать их от антиправительственных выступлений. Но если учесть, что летом 1915 года за один бумажный песо давали 7 американских центов, то и повышение зарплаты не везде даже восстанавливало дореволюционный уровень жизни. При этом правительство Каррансы в июле 1915 года объявило, что большинство находящихся в обращении купюр поддельные, и выпустило новых денег на 250 миллионов песо.

В марте 1915 года Карранса, как и Уэрта до него, попытался обложить налогом иностранные (читай – американские) горнодобывающие компании. Но это вызывало немедленный протест госдепартамента США. Карранса, однако, не сдавался: 15 августа, после побед Обрегона над Вильей, он запретил иностранцам в Мексике использовать дипломатические каналы для защиты своих прав. Отныне иностранцы должны были обращаться только в мексиканские суды.⁵

Сначала каррансисты финансово поддерживали учреждение филиалов подконтрольного им столичного «Дома рабочих мира», и таковые действи-

⁵ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico. 1810–1996. New York, 1997. P. 356

тельно возникли примерно в 30 городах. Однако сам «Дом» контролировал отнюдь не все профсоюзы. Пабло Гонсалес еще в мае 1915 года столкнулся в Мехико с забастовкой электриков, в свое время поддержавших Конвент. В августе электрики выиграли новую забастовку, причем на этот раз их поддержали товарищи из других городов. 16 ноября 1915 года началась забастовка на железных дорогах. Карранса ответил на нее тем, что перевел всех рабочих на положение военнослужащих. Отныне забастовка каралась смертью. Однако в том же ноябре бастовали уже и текстильщики, и горняки, и пекари, и типографские работники.

Рабочие требовали в основном увеличения заработной платы, которая не могла угнаться за высокой инфляцией. За время гражданской войны цены на главные продукты питания выросли в среднем на 75–100%, а зарплата – на 100–150%.⁶ 22 марта 1915 года Карранса декретировал повышение почасной заработной платы на 35%, но это положения не исправило.⁷

Особенно опасным для Каррансы было то обстоятельство, что организованное рабочее движение по-прежнему верило Обрегону, но уже не верило самому «верховному главнокомандующему». 2 января 1916 года «Дом рабочих мира» и профсоюз электриков образовали первый профсоюз межотраслевого характера – Федерацию рабочих синдикатов столичного федерального округа. Эта организация провозглашала уже цели политического характера, в том числе классовую борьбу и социализацию средств производства. Карранса ответил тем, что лишил рабочих их вооруженного крыла – 13 января 1916 года были распущены «красные батальоны». Через 5 дней «верховный главнокомандующий» пригрозил, что не потерпит в стране «пролетарской тирании», а 5 февраля было прекращено субсидирование «Дома». Теперь рабочие на собственном примере смогли убедиться, что Конвент отнюдь не был таким уж реакционным в сравнении с Каррансой.

Хотя внутренняя политика Каррансы после побед Обрегона над Вильей носила откровенно реставраторские черты, он по-прежнему пользовался определенной популярностью за враждебную США риторику. На самом деле с июня 1915 года между Каррансой и Вашингтоном шли закулисные переговоры, на которых представители «верховного главнокомандующего» держались очень вежливо и почтительно. Каррансе повезло, что именно в этом месяце сменился руководитель американской внешней политики. Вместо влиятельного бывшего лидера демократов Брайана госсекретарем, как упоминалось, стал прагматик Роберт Лансинг.

⁶ Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 235

⁷ Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 261

Лансинг стремился втянуть США в Первую мировую войну и видел все мексиканские проблемы только под этим углом зрения. США, по его мнению, должны были делать все, что не нравилось Германии. Если немцы хотели продолжения гражданской войны в Мексике, чтобы держать южную границу США в напряжении, то американцам, по логике Лансинга, нужно было любой ценой и быстро эту войну закончить. Именно поэтому Вашингтон решил поддержать самую сильную в военном отношении сторону внутримексиканского конфликта – Каррансу. За признание Каррансы стоял и уже известный нам специальный представитель президента Вильсона в Мексике Джон Линд.

Еще в апреле 1915 года отношения между Вашингтоном и представителями Каррансы в США стали настолько доверительными, что на правку госсекретарю был передан манифест, с которым Карранса намеревался обратиться к мексиканскому народу после побед при Селайе. Президент Вильсон лично изучил проект и внес в него поправки. 9 июня 1915 года манифест был опубликован. В нем Карранса, явно преувеличивая факты, утверждал, что контролирует семь восьмых мексиканской территории, 20 из 27 штатов, в которых живут 13 из 15 миллионов мексиканцев.

Данные этого манифеста помогли Вильсону принять в октябре 1915 года уже упоминавшееся решение о признании правительства Каррансы де-факто. Однако Карранса тянул с удовлетворением основного американского требования – возмещения ущерба американцам, пострадавшим от боевых действий в ходе гражданской войны в Мексике.⁸ Карранса рассчитывал, что скоро закончится Первая мировая война и он опять сможет противопоставлять интересы европейцев претензиям своего северного соседа. Уже в ноябре 1915 года режим Каррансы признала Германия, а также все основные европейские страны обоих воюющих лагерей.

Понимая, что США пока больше заинтересованы в добрососедских отношениях с Мексикой, чем сами мексиканцы (не собиравшиеся вступать в Первую мировую войну), Карранса поставил в качестве условия возмещения ущерба иностранцам выделение Мексике Америкой кредита в 500 миллионов долларов. В ноябре – декабре 1915 года специальная правительственная комиссия проверила 24 мексиканских банка и закрыла 14 из них. На базе распущенных кредитных учреждений Карранса готовился учредить новый центральный банк, основным резервом которого и призван был стать американский кредит.

⁸ Помимо этого условия американцы выдвинули еще несколько, от выполнения которых, с их точки зрения, зависело признание режима Каррансы де-юре. Например, США требовали компенсации своим гражданам, чьи земли изымались в ходе аграрной реформы. См. Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 182

Чтобы США не очень привередничали на переговорах по кредиту, Карранса начал прижимать американские нефтяные компании в Мексике, которые упорно отказывались получать у его правительства новые лицензии на право добычи «черного золота». Он закрыл филиал «Стандард Ойл», но здесь, пожалуй, несколько не рассчитал свои силы. Госдепартамент выступил с протестом, обвинив конституционалистов в стремлении национализировать нефтяную индустрию. А американские компании продолжили добычу нефти, но стали платить «налог» местному полковому командиру Мануэлю Пеласеу, который укрепился настолько, что не давал правительственным войскам взять под контроль нефтяные месторождения. Одновременно некоторые американские нефтяные компании выделили деньги почти позабытому герою февральского переворота 1913 года Феликсу Диасу, чтобы он начал очередную «революцию» против Каррансы.

Хотя Карранса всячески демонстрировал внешнему миру свой контроль над страной, все наблюдатели понимали, что этот контроль никогда не будет стабильным, пока сражается «Северная дивизия». 16 сентября 1915 года Вилья узнал, что высланный им на разведку отряд нашел ключевой перевал через горы Сьерра-Мадре свободным. Это было большой удачей, так как даже небольшой отряд мог прикрыть перевал от многочисленной армии. Вилья немедленно отдал приказ собираться в поход на Сонору. Впервые и так уже уставшим и деморализованным ветеранам «Северной дивизии» приходилось идти в поход не на поездах с полным запасом продовольствия, а верхом, через труднопроходимую местность, лишенную населенных пунктов и питьевой воды. Запрещалось брать с собой и незаменимых женщин-квартирьеров. Тем больше поражает все еще сохранявшаяся вера людей в своего командира. В трудных условиях армия Вильи перевалила через горы и вошла в Сонору почти без потерь.

Одного человека Вилья все же потерял, и этот один в его глазах стоил тысяч. Родольфо Фьерро, в отличие от Урбины, не бросил своего командира в трудную минуту и выступил на соединение с основными силами Вильи из Сьюдад-Хуареса, где был командиром гарнизона. На пути марша лежало озеро, и Фьерро решил не тратить время на обход. Его отговаривали, но он лишь назвал своих спутников трусами и направил своего коня вброд. Лошадь попала в болото и сбросила Фьерро в трясины. Генерал, прозванный «мясником», погиб страшной и грязной смертью.⁹

Перейдя Сьерра-Мадре, Вилья со своим войском остановился на отдых примерно в 18 милях от города Агуа-Приета, где держался каррансистский гарнизон Кальеса. На асиенде, принадлежавшей американцу Джону Слотеру, армия подкрепилась мясом и впервые вдоволь напилась чистой

⁹ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 308

воды. Слотер испытывал к Вилье давнюю симпатию и кормил его бойцов добровольно. От него Вилья узнал о признании США Каррансы. Однако он все еще надеялся, что американцы изменят свое решение после того, как он разобьет Кальеса, и вновь ощутившая вкус победы «Северная дивизия», сметая все на своем пути, неудержимо покатится на юг, к Мехико.

Шли дни, а Майторена с обещанной многотысячной армией не появлялся. Затем Вилья узнал, что он бежал в США. Эта новость поначалу не очень его расстроила. Ведь у Кальеса было, по данным Вильи, всего три тысячи солдат, а у него самого, включая подошедшие отряды индейцев яки, – около 15 тысяч. Конечно, каррансисты перебросили морем в Сонору армию Дьегеса, которая взяла столицу штата Эрмосильо. Но Вилья уже неоднократно бил Дьегеса и стычки с ним не боялся.

Однако Вилья так и не узнал перед сражением за Агуа-Приету самого главного. Обрегон попросил американцев о разрешении перебросить железной дорогой через территорию США подкрепление Кальесу. Пока «Северная дивизия» совершала изматывающий марш через Сьерра-Мадре, около 3500 каррансистов с комфортом проехали через Техас и Нью-Мексико и влились в группировку Кальеса.¹⁰

В истории США переброска столь значительного количества иностранных войск по американской территории не имела прецедента. Прекрасно понимали американцы и то, что именно эти свежие войска решат исход будущего сражения. Американской армией в приграничной полосе командовал известный эксперт по Мексике Фанстон, уже дослужившийся до генерала. Всего год назад он руководил оккупационными силами США в Веракрусе. Теперь Фанстон стянул к аризонскому городу Дугласу, который располагался на границе прямо напротив Агуа-Приеты, три пехотных полка, полк артиллерии и кавалерийские части. Для американской армии того времени, численность которой не превышала 50 тысяч человек, это была внушительная группировка.

Войска Кальеса постоянно получали с американской стороны продовольствие и боеприпасы. По совету Обрегона Кальес опутал окопы вокруг Агуа-Приеты колючей проволокой, а некоторые участки велел заминировать. Пулеметы и артиллерия каррансистов были готовы к еще одной бойне и ждали лобовых атак вильистов. Возможно, если бы Вилья узнал о прибытии к Кальесу пополнения, он отменил бы штурм. Но при соотношении сил пять к одному в его пользу Вилья не сомневался в быстром успехе.

30 октября 1915 года отряд разведчиков Кальеса обнаружил «Северную дивизию» в районе ранчо Слотера. После этого командующий каррансистами (в будущем он, как и Обрегон, станет президентом Мексики) решил

¹⁰ Machado M. A. Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revolution and Northern Mexico. Austin, 1988. P. 141

индейцев яки. В ночь на 3 ноября 1915 года они ползком двинулись через проволочные заграждения. Неожиданно в лицо им ударили три мощных прожектора. Слепленные индейцы десятками умирали под плотным пулевым огнем.

«Северной дивизии», понесшей большие потери, пришлось отойти от Агуа-Приеты, и она расположилась на отдых в небольшом приграничном городе Нако. Положение бойцов Вильи было ужасным. Раненые страдали от недостатка медикаментов, особенно морфина. Прослышав об этом, владелец уже известной нам по событиям 1906 года горнорудной компании из Кананеа Джордж Кингдон прислал Вилье двух врачей-американцев. От них и узнал Вилья страшную для себя правду: именно благодаря американцам Кальес получил подкрепление, решившее исход битвы. Вилья был потрясен. Ведь он на протяжении всей гражданской войны оберегал американскую собственность в Мексике. В ярости Вилья приказал расстрелять обоих врачей, но потом, когда американская компания из Кананеа согласилась уплатить ему «налог» в 25 тысяч долларов, все-таки отменил приказ.¹²

Но теперь для Вильи дело было уже не в деньгах. Его отношение к американцам переменялось коренным образом. Через пограничный забор из колючей проволоки Вилья провел переговоры с Фанстоном и попросил передать американскому правительству предупреждение: больше он не оставит без реакции любую переброску войск Каррансы по территории США. К тому же Вилья прекрасно понимал, что и прожекторами Кальес обязан американцам. Ведь в Агуа-Приете просто не было электричества, и без подключения к американской сети Кальес не смог бы использовать столь удачное противоядие от ночных атак. Многие вильисты были вообще убеждены, что прожекторы находились на американской территории.

После поражения при Агуа-Приете политическая стратегия Вильи полностью изменилась. Отныне он стал самым бескомпромиссным борцом против своих недавних союзников-американцев. Однако нельзя видеть в столь радикальной смене курса лишь отражение справедливого возмущения Вильи вмешательством США в гражданскую войну. Как мы помним, в отличие от Каррансы, Вилья не осудил оккупацию войсками США Веракруса в апреле 1914 года. Нет, он, несмотря на отсутствие формального образования, все-таки был расчетливым политиком и предпочитал продумывать свои шаги на несколько ходов вперед. Другое дело, что не всегда его анализ политической и военной ситуации был правильным.

Заняв жесткий антиамериканский курс, Вилья рассчитывал спровоцировать военную интервенцию США в Мексику, которая либо вынудит Каррансу заключить с ним перемирие для совместной борьбы против агрес-

¹² Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 209

соров, либо побудит патриотично настроенных генералов-каррансистов свергнуть самого «верховного главнокомандующего».

9 ноября 1915 года Вилья из Нако обратился к нации с манифестом – самым объемным и детальным из всех своих воззваний.¹³

Во-первых, Вилья решительно отвергал домыслы пропаганды Каррансы, что он является представителем реакции. Все эти обвинения были построены прежде всего на том, что Вилья принял в свои ряды много бывших офицеров федеральной армии. Он этого не отрицал, но утверждал в манифесте, что большинство этих офицеров были честными патриотами. Зато Карранса действительно окружил себя сторонниками свергнутых режимов Диаса и Уэрты. Он, Вилья, конфисковывал имущество олигархии, а Карранса начал обратный процесс. Карранса и раньше пытался выступить против Мадеро (под этим утверждением были определенные основания – «верховный главнокомандующий» не любил убитого президента). Еще раньше Карранса был сторонником Рейеса, но предал и его (это вполне соответствовало действительности).

Во-вторых, Вилья утверждал, что Карранса продал Мексику Соединенным Штатам. Иначе зачем было американцам признавать режим человека, который ранее относился к ним столь недружественно? Вилья приводил целый ряд условий тайной сделки, в результате которой Карранса якобы получил признание Вильсона. Карранса-де обещал амнистировать всех политических противников (на самом деле он отказал настаивавшим на амнистии американцам), предоставить США в аренду военно-морскую базу в бухте Магдалена, назначать ключевых министров кабинета по согласованию с Вашингтоном, провести денежную реформу под диктовку американцев (здесь тоже было зерно истины), удовлетворить все претензии на возмещение ущерба иностранцам (Карранса действительно обещал это), передать железные дороги под текущий контроль США и в обмен на кредит в 500 миллионов долларов предоставить Штатам право контроля над таможнями.¹⁴ Далее Вилья утверждал, что Пабло Гонсалес будет назначен временным президентом, чтобы потом передать власть Каррансе уже как президенту постоянному.

Все, что перечислил Вилья в своем манифесте, ему самому неоднократно предлагали в обмен на признание американские эмиссары, но он отказывался от столь кабальных условий. Поэтому Вилья и не сомневался, что раз Каррансу признали, то он на эти условия согласился. Действительно, некоторые из перечисленных Вильей пунктов были на повестке дня переговоров между Каррансой и американцами. Однако пока «верховный главнокомандующий» маневрировал, используя интерес американцев к европейским делам.

¹³ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 527

¹⁴ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 528

Заканчивал свой манифест Вилья торжественным обещанием вести самую бескомпромиссную борьбу против империализма янки и угрозой, что именно на США будет лежать ответственность за судьбы американских граждан в Мексике. Уже вскоре в США убедятся, что эти слова не были пустой бравадой. Когда Вилья помиловал двух американских врачей, его спросили, будет ли он теперь убивать американцев. «Хуже», – таинственно, но твердо ответил командир «Северной дивизии».

Между тем после поражения при Агуа-Приете Вилья все еще был не готов отказаться от своего плана продвижения на юг для соединения с Сапатой. К нему присоединились отряды индейцев яки, и Вилья решил двинуться на столицу Соноры Эрмосильо, которую занимал Дьегес. Однако к тому времени для личного руководства боевыми действиями в Сонору, тоже через территорию США, прибыл Обрегон. Поэтому Вилья счел за необходимость оставить для защиты своего тыла около 6 тысяч бойцов на подступах к Агуа-Приете. Двинувшись на Эрмосильо, Вилья решил проверить в действии свою новую антиамериканскую тактику. Он направил письмо Дьегесу и второму каррансистскому генералу в Эрмосильо Флоресу. В письме не содержалось напрямую предложения о политическом союзе против США, но Вилья спрашивал своих противников, готовы ли они и дальше служить Каррансе, превратившему Мексику в американский протекторат. Он также спрашивал, допустят ли генералы Каррансы вступление американских войск на мексиканскую территорию. Пока лишь он, Вилья, как командующий вооруженными силами Конвента ведет освободительную борьбу против янки, но ждет, что к нему присоединятся все честные патриоты.

Однако для столь опытного политика, как Дьегес, все эти вопросы пока носили умозрительный характер, и он даже не ответил на письмо. 22 ноября Вилья начал свою последнюю битву в роли командующего крупным соединением регулярных войск.¹⁵ Он атаковал Эрмосильо, но его бойцы опять были отбиты с большими потерями плотным пулеметным огнем. После тридцатичасового сражения вильясты не просто отступили, а стали спасаться бегством в направлении Ногалеса. Фактически «Северная дивизия» прекратила свое существование. План грандиозного похода на юг рухнул.

С остатками своей армии (около двух тысяч человек) Вилья снова двинулся в Чиуауа через горы Сьерра-Мадре. На этот раз он уже не сдерживал своих эмоций по отношению к дезертирам и предателям. Всех своих бывших солдат и офицеров, которые перешли на сторону Каррансы, Вилья расстреливал сразу, как только они попадали ему в руки.¹⁶

¹⁵ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 531

¹⁶ «Не помню более ужасных дней, чем эти, – вспоминал Вилья позднее, и не желая их своим наихудшим врагам. Больше всего я переживал гибель раненых и изнуренных бойцов, которым ничем не мог помочь». Цит по: Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья.

Впервые Вилья стал ненавидеть и простых мексиканцев, которые поддерживали его врагов. Чудовищный случай произошел при отступлении остатков «Северной дивизии» в небольшой сонорской деревне Сан-Педро-де-лас-Куэвас.¹⁷ Тамошние жители, устав от набегов бесконечных отрядов разных политических партий, а то и просто бандитов, сформировали отряд местной самообороны. Когда к деревне подъехали несколько всадников, бойцы этого отряда приняли их за обычных уголовников и открыли огонь на поражение. Когда они подошли к убитым, то с ужасом убедились, что расстреляли бойцов Вильи. Селяне немедленно выразили самое глубокое сожаление и извинились перед командиром вильистского отряда Макарио Бракамонте. Тот сам был родом из Соноры и пожалел своих земляков. Однако он хорошо знал, какие чувства после разгрома в Соноре обуревают Вилью, и настоятельно рекомендовал жителям деревни скрыться на время в горы. Те, на свою беду, не послушались – ведь Вилья никогда раньше не обижал простых людей.

Как только Вилья вступил в деревню, он приказал арестовать всех взрослых мужчин и приговорил их к расстрелу. Местный священник попытался спасти хотя бы некоторых. Вилья помиловал несколько человек, но велел священнику больше никогда не попадаться ему на глаза. Когда тот пришел ходатайствовать за земляков еще раз, Вилья собственноручно расстрелял его. Всего были казнены 69 мирных жителей. Семи из них чудом удалось спастись, притворившись мертвыми. Через день после трагедии Вилья раскался и зарыдал, но слезами уже нельзя было оживить погибших от его рук простых крестьян.

Несмотря на продолжавшееся дезертирство из «Северной дивизии», авторитет Вильи все же был еще достаточно высок, и 17 декабря 1915 года остатки его армии вошли в Сьюдад-Чиуауа. Но если раньше командира приходили встречать восторженные толпы, то теперь на вокзале собрались 10 человек, все – местные чиновники, назначенными самим же Вильей.¹⁸ К тому времени под его контролем оставались только два крупных города – столица штата и Сьюдад-Хуарес.

Вилья собрал всех гражданских служащих высокого ранга и полевых командиров своей армии, чтобы объяснить им свою дальнейшую стратегию. Несмотря на потери последнего года, под ружьем у Вильи в Чиуауа были еще около 15 тысяч бойцов, и он готовился защищать Чиуауа от наступающих войск Каррансы. Однако впервые его генералы высказали свое решительное несогласие. Некоторые утверждали, что никаких 15 тысяч бойцов уже не существует, хотя здесь был прав именно Вилья. Другие говорили, что

М, 1962. С. 178

¹⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 532

¹⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 533

их солдаты устали от войны и не будут сражаться. Пораженный такой реакцией ближайших соратников, Вилья обрушился на них с горькими упреками: «Я думал, что вы смелые люди, готовые умереть за свою страну. Больше я так уже не думаю. Теперь я знаю, что меня окружали предатели и трусы».

Но и губернатор Чиуауа Авила в беседе с Вильей тоже рекомендовал полную капитуляцию. Сам он намеревался переселиться в США. Авила – неизвестно, по своей или Вильи инициативе – отправил президенту США Вильсону письмо с просьбой предоставить командиру «Северной дивизии» гарантии политического убежища. Американцы ответили быстро: они примут Вилью, если его соратники, которые предпочтут остаться в Мексике, гарантируют безопасность жизни и собственности граждан США. Некоторые американские предприниматели уже готовились предложить Вилье выгодные контракты по участию в шоу-программах в стиле вестернов «Дикого Запада».

Но те, кто думал, что Вилья станет одним из тысяч мексиканских политических эмигрантов, сильно ошибались. За день до того, как Авила отправил запрос Вильсону, сам Вилья отправил письмо генералам Каррансы, наступавшим на Чиуауа. В нем он предлагал прекратить проливать мексиканскую кровь и объединиться в борьбе против янки. Конечно, слабым местом его предложения было отсутствие какой-либо войны с американцами на тот момент. Естественно, большинство мексиканцев в силу исторических причин ненавидели США, но население Мексики устало от бесконечных боевых действий и к новой войне было явно не готово. Вилья, конечно, не дождался от каррансистов никакого ответа.

Не получив согласия своих генералов на продолжение борьбы, Вилья стал готовиться к переходу на нелегальное положение. Тех из своих генералов, кто пытался скрыться за границу, он выслеживал и убивал как предателей. Многие, опасаясь расправы, сами бежали за рубеж. Пытаясь в последний раз зажечь своих соратников новым энтузиазмом, Вилья собрал 27 генералов «Северной дивизии» на асиенде Бустильо. Это место имело в истории мексиканской революции особое значение. Именно сюда в 1911 году отступил Мадеро после поражения от правительственных войск при Касас-Грандес. Именно из Бустильо он призвал к активизации борьбы против Порффио Диаса. Возможно, на такую же реакцию рассчитывал и Вилья. Он опять ошибся. 23 из 27 генералов снова высказались за полное прекращение боевых действий.¹⁹

Пока шло совещание в Бустильо, другие генералы Вильи втайне от него уже вели в Сьюдад-Хуаресе переговоры о капитуляции остатков «Северной дивизии». Каррансисты обещали всем солдатам и офицерам амнистию. Обрегон согласился выплатить им выходное пособие (в том числе 10 дол-

¹⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 535

ларов золотом). Желаящие зачислялись в вооруженные силы Каррансы, остальных отпускали по домам. Такие условия оказались привлекательными, и оружие сложили 40 генералов, 5046 офицеров и 11 128 солдат.

Фактически славная «Северная дивизия» прекратила свое существование. Вилья выступил перед жителями Сьюдад-Чиуауа и официально объявил, что он слагает с себя обязанности командующего вооруженными силами Конвента, но клянется продолжать борьбу против главного врага Мексики – американского империализма. После своего выступления Вилья с несколькими сотнями наиболее преданных бойцов ушел в горы на западе Чиуауа. Карранса считал, что в военном и политическом отношении Вилья перестал играть какую-либо роль в жизни Мексики. Он ошибался.

8 января 1916 года Вилья отправил письмо Сапате с изложением своей дальнейшей стратегии. «Северная дивизия» как регулярная армия временно прекратила свое существование. Он, Вилья, в этих условиях разбил свои силы на несколько мелких отрядов, каждый из которых должен был укрепиться в отведенном ему районе штатов Чиуауа, Сонора и Дуранго. Не позднее, чем через шесть месяцев, народ Мексики осознает, что Карранса является всего лишь марионеткой в руках США, и тогда Вилья снова поднимется на борьбу. Партизанские отряды составят кадры новой армии. В вооружении недостатка не будет, так как в разных местах севера Мексики оборудованы тайные склады. Вилья предлагал Сапате собрать его Освободительную армию Юга в единый кулак и двинуться на север, чтобы вместе участвовать в борьбе против США.

На первый взгляд, мысли Вильи, изложенные в этом письме, кажутся излишне оптимистичными. Откуда странный срок в шесть месяцев? На самом деле Вилья отнюдь не собирался сидеть сложа руки и ждать, пока Карранса поссорится с американцами. Он хотел спровоцировать между Мексикой и США войну, которая сметет Каррансу и объединит по-настоящему революционные силы. Ведь, в общем, у Вильи не было абсолютно никаких политических разногласий с Обрегоном и большинством генералов Каррансы. Будучи хорошим политическим тактиком, Вилья уже видел назревающий в лагере конституционалистов раскол. Большинство генералов и офицеров требовали реформ, прежде всего аграрной. Карранса же, несмотря на внешне радикальный декрет января 1915 года, за прошедшие после его издания 12 месяцев не распределил среди крестьян ни одного гектара земли. Наоборот, конфискованные революционерами в ходе гражданской войны латифундии возвращались их владельцам. Вилья предполагал, что максимум за полгода основной массе населения станет ясно: никаких реформ Карранса по доброй воле осуществлять не намерен. Только сильная оппозиция (а возглавить ее мог быть лишь Вилья) способна заставить «верховного главнокомандующего» опять взять радикальный курс. Однако в одиночку Вилья тогда уже не сумел бы свалить Каррансу. Для этого был необходим союз с Обрегоном.

А этот союз, по замыслу Вильи, мог сложиться только на почве совместной борьбы с внешним врагом – США.

Уже первые шаги Каррансы в Чиуауа полностью оправдали прогнозы Вильи. Пока бывший главнокомандующий вооруженными силами Конвента отсиживался в горах вместе с наиболее преданными сторонниками, новые хозяева Чиуауа вели себя там, как на оккупированной территории. Карранса едва нашел подходящую кандидатуру на пост губернатора. Большая часть образованной политической элиты Чиуауа поддерживала либо Вилью, либо ороскистов. Ни тем ни другим Карранса не доверял. Даже Мануэль Чао, которого Карранса в начале 1914 года сделал губернатором в пику Вилье, оказался человеком порядочным и сохранял по отношению к последнему лояльность.

Новым губернатором штата стал его уроженец Игнасио Энрикес.²⁰ Каррансу он устраивал прежде всего «хорошим» происхождением. Отец Энрикеса был при Диасе «хэфе политико» Сьюдад-Хуареса. Сам Игнасио получил образование в США и в революции Мадеро в 1911 году не участвовал. После переворота Уэрты он примкнул к конституционалистам, однако почему-то не остался в Чиуауа, а отправился в Сонору и стал офицером армии Обрегона. Когда в 1914 году Карранса перенес свою ставку в Чиуауа, Энрикес отвечал за личную безопасность «верховного главнокомандующего». Затем он возглавил «красные батальоны» и позже сообщал Каррансе, что на этом посту научился контролировать рабочих.

Став губернатором, Энрикес почти буквально взялся выполнять прогнозы Вильи. Начался возврат собственности помещикам. Если во многих штатах губернаторы хотя бы для вида создавали аграрные комиссии для изучения претензий деревень и отдельных крестьян (даже Карранса создал такую комиссию на национальном уровне), то Энрикес подобного органа в Чиуауа не образовал.

Правительство штата не реагировало на нужды рабочих, пытаясь поставить профсоюзы под свой контроль. В результате боевых действий закрылось большинство предприятий, и в штате был очень высокий уровень безработицы. Эта проблема еще более обострилась после массовой демобилизации вильистов. Они не получили обещанные им за службу земельные участки, а иного источника дохода у них не было. На государственную службу бывших вильистов старались не принимать. Одни голодали, другие отправлялись на заработки в США. Были недовольны и те, кто перешел в каррансистскую армию. Им очень плохо и нерегулярно платили. Офицеры были в основном из других штатов и нуждами солдат не интересовались. Считая Чиуауа оккупированной территорией, многие каррансистские офицеры прибегали к незаконным реквизициям. Занимались они и спекуляцией продуктами,

²⁰ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 547

что особенно возмущало голодающее население. Мука и мясо изымались со складов и через знакомых посредников реализовывались в США. Офицеры армии Каррансы часто не платили в ресторанах, наевшись там до отвала.

Энрикес мог бы смягчить недовольство, если бы провел местные выборы. Но и этого он не сделал, так как популярность Вильи была еще очень высока. Новая власть опасалась, что голосование принесет кандидатам-вильистам полную победу, которой они не смогли добиться на поле брани.

Но пока недовольство новой властью не выплескивалось наружу, и Энрикес сообщал Каррансе, что полностью контролирует ситуацию. Он даже отказывался от присылки в Чиуауа дополнительных воинских контингентов, считая, что вполне достаточно двух тысяч солдат и офицеров.²¹ Правда, Энрикес вооружил многие деревни, создав там отряды «социальной защиты». Он почему-то полагал, что эти отряды самообороны станут надежной опорой правительства.

В первые месяцы 1916 года казалось, что уверенность Энрикеса в своих силах вполне обоснована. О Вилье не было ни слуху ни духу. Все населенные пункты штата полностью контролировались правительственными силами.

Действительно, положение Вильи в начале 1916 года казалось незавидным. Вместо нескольких десятков тысяч солдат у него остались всего пара сотен бойцов. Однако эти люди были безусловно преданы своему командиру и готовы сражаться на смерть. Большинство полевых командиров, в отличие от прежних дней, составляли не местные революционные вожди со своими собственными силами, а выросшие из простых солдат или «дорадос» офицеры. Всем они были обязаны уже только Вилье.

Вилья же приступил к активным антиамериканским действиям с первых дней нового 1916 года, не дожидаясь истечения предсказанных им в письме Сапаты 6 месяцев. В этом отношении интересы опять ставшего партизанским командиром Вильи совпали с интересами правительства кайзера Вильгельма в далеком Берлине.

Германо-американские отношения обострялись день ото дня. Американские фабрики активно снабжали оружием и боеприпасами Англию, Францию и Россию. Поэтому немцы были вынуждены топить своими подлодками американские суда, формально нейтральные, однако перевозившие военные грузы. В свою очередь, для Вильсона эти действия немцев служили желанным предлогом для подготовки американского общественного мнения к вступлению в войну на стороне Антанты.

Между тем немцы хотели сделать все возможное, чтобы связать американцам руки на южной границе США. Сначала, как уже упоминалось, они сделали ставку на Уэрту. Однако американская контрразведка выявила германские контакты бывшего мексиканского диктатора, и он окончил свои

²¹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 550

дни в тюрьме. После провала этой операции на немецкое посольство в США вышел некий Феликс Зоммерфельд. Этот бизнесмен был немцем по происхождению и одно время закупал для Вильи в США оружие и боеприпасы. Но Вилья подозревал его в коррупции, причем справедливо: Зоммерфельд предлагал некоторые партии оружия, предназначенные вильистам, армии Каррансы. С началом Первой мировой войны дела у Зоммерфельда пошли плохо. Американские оружейные фабрики переключились на заказы Антанты и не хотели иметь дел с немцем (всех немцев из-за развязанной правительством США антигерманской пропаганды в Америке считали германскими агентами). Тогда Зоммерфельд предложил немецкому посольству организовать интервенцию США в Мексику с помощью Панчо Вильи.

Дипломаты согласились и сообщили о предложении в Берлин. Надо отметить, что в то время многие американские генералы тоже выступали за интервенцию. В отличие от кровопролитной войны в Европе, экспедиция в Мексику казалась увеселительной прогулкой. Опыт оккупации Веракруса, казалось, полностью подтверждал такой прогноз. К тому же с помощью маленькой победоносной войны можно было убедить Конгресс США резко увеличить военные расходы и численность армии в целом.

Немцы решили помочь американским генералам. По информации Зоммерфельда, военная интервенция США в Мексику сразу же сказала бы на американских военных поставках в Европу. Большинство контрактов фирм США со странами Антанты содержали положения об их немедленном разрыве, если бы США оказались вовлеченными в какой-нибудь военный конфликт. Докладная германского посольства в США о возможных контактах с Вильей через Зоммерфельда была полностью одобрена рейхсканцлером Готтлибом фон Яговым.²² Даже если интервенция в Мексике не прервет американские военные поставки в Европу, хотя канцлер был уверен в обратном, она все равно отвлечет внимание США от Старого Света. В особенности от Англии, на сторону которой все больше и больше склонялся Вашингтон.

Есть сведения, что немецкие агенты в Америке оказывали Вилье финансовую помощь и якобы чуть ли не приказали ему напасть на США. Из такого рода рассуждений обычно делают вывод, что Вилья был платным германским агентом. Это конечно, не так. В определенном смысле Вилья вел в 1916 году такую же игру, как Ленин годом позже. Оба они использовали немцев для достижения своих собственных целей, на данном конкретном историческом этапе не противоречивших целям Германии. Но будущее свое и Вилья, и Ленин видели уже в полном отрыве от мнения Берлина. Большевицкая революция привела к революции в Германии в ноябре 1918 года – сомнительно, что это входило в планы немецкого генерального штаба. Если бы

²² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 555

Вилья пришел к власти в Мексике, он вряд ли объявил бы войну США, как на это рассчитывали немцы, поскольку понимал экономическую зависимость своей страны от северного соседа. Вилья решил напасть на территорию США не потому, что этого хотели немцы, а потому, что это было в его собственных интересах.

По ту сторону мексиканско-американской границы, как уже упоминалось, были тоже не прочь затеять небольшую войну. В конце 1915 – начале 1916 года для этого, казалось, имелись очевидные причины. В Техасе и Нью-Мексико по-прежнему распускались слухи о готовящемся восстании граждан США мексиканского происхождения. Программой этих повстанцев, которых никто так толком и не видел, был возврат Мексике всех отторгнутых у нее в XIX веке территорий. Вся эта программа, как водится, была сформулирована в очередном «плане» – «плане Сан-Диего».²³

Серьезного внимания грядущему восстанию в Вашингтоне никто не уделял. Одного из проповедников «плана Сан-Диего» хотели даже судить за лунатизм, по сей день считающийся законодателями США и Мексики преступлением, а не психическим расстройством.

Тем не менее в Техасе разрастался настоящий антимексиканский психоз с четкой расистской подоплекой. Власти штата требовали резкого увеличения федеральных сил на границе, хотя, по данным генерала Фанстона, в 25 инцидентах с участием мексиканцев на территории США во второй половине 1915 года погибли 11 американцев и в разы больше тех же мексиканцев. Власти Техаса не удовлетворились наращиванием федеральных сил и образовали под эгидой штата отряды рейнджеров, которые вскоре под предлогом борьбы с мексиканскими повстанцами стали без суда и следствия расстреливать невинных граждан мексиканского происхождения и издеваться над ними. Естественно, такие выходы встречали справедливое возмущение по ту сторону границы. Всю Мексику потряс случай, когда рейнджеры облили керосином и заживо сожгли двадцать мексиканцев. Потом убийцы уверяли, что подожгли свои жертвы случайно, а керосином облили лишь для того, чтобы избавить от вшей.

Сначала власти Техаса оправдывали свое беззаконие необходимостью упредить общее восстание мексиканцев на юге США, якобы намеченное на 20 февраля 1915 года. Но этот день миновал, и ничего не случилось. Тогда стали распространять слухи, что Карранса и его генералы на севере подстрекают к мятежу соотечественников, живущих в США. Например, тот же Фанстон цитировал статью из газеты «Эль Демократика» в Монтеррее, которую он считал официальным органом каррансистов. В номере от 26 августа 1915 года эта газета призывала «братьев по расе» отомстить за безо-

²³. Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 213

ружных женщин, стариков и детей, которых убивают так называемые рейнджеры: «Настало время! Да здравствует независимость штатов Техас, Нью-Мексико, Калифорния, Аризона...»²⁴ Конечно, такие статьи официальную точку зрения Каррансы не отражали. Но для американских ястребов они были желанным поводом для вооруженной интервенции в Мексике.

8 августа 1915 года отряд мексиканцев напал на небольшой железнодорожный разъезд в Техасе, в 70 милях севернее города Браунсвилль. Как ни странно, почему-то именно в этом месте оказались части американской 8-й кавалерийской дивизии. Погибли четверо из нападавших. Общественное мнение Техаса просто взорвалось. Газеты кричали об отмщении. А 18 октября был пущен под откос поезд, опять недалеко от Браунсвиля. Фанстон немедленно приписал организацию этой диверсии мэру пограничного мексиканского города Матаморос (к тому времени он был уже под властью Каррансы) Эмилиано Нафарете. Нападавшие якобы кричали: «Вива Карранса!» Но Каррансе такого рода неприятности были абсолютно не нужны, и он снял Нафарете с должности, чтобы не злить могучего северного соседа.

Таким образом, к началу 1916 года нервная обстановка на границе между США и Мексикой явно благоприятствовала планам Вилья втянуть Каррансу в военный конфликт с США.

Сначала Вилья хотел обойтись без нападения на американскую территорию. Ему помогла самоуверенность Каррансы и его заместника в Чиуауа Энрикеса. Последний предложил американскому бизнесу возобновить эксплуатацию горнорудных месторождений, прерванную в ходе войны. Теперь, мол, правительство полностью контролирует ситуацию, и опасаться нечего. Некоторые американские бизнесмены поверили в это, тем более что безопасность гарантировал и сам Обрегон. К тому же многие американцы по инерции не боялись Вилья, который до этого относился к ним очень предупредительно.

9 января 1916 года семнадцать американских инженеров и рабочих горнорудной компании «Америкэн Куси Майнинг» сели на поезд в Сьюдад-Чиуауа, чтобы выехать к своему руднику. С мексиканцами в одном вагоне американцы тогда не ездили, и горнякам предоставили отдельный вагон. Недалеко от ранчо Санта-Исабель поезд был остановлен отрядом вильястов численностью примерно в 70 человек, которым командовал генерал (по другим данным полковник) Пабло Лопес.²⁵ Нападавшие сразу заявили, что мексиканцев они не тронут, и сдержали свое слово. Лопес даже прекратил попытки своих солдат «освободить» пассажиров-соотечественников от их

²⁴ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 209

²⁵ McLynn F. Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 320

багажа. Американцев вытащили из вагона, и те бросились бежать. Их преследовали и добивали. Оставшихся в живых после этой охоты выстроили вдоль вагона. Два бойца вильистов убивали их выстрелом в голову, после чего тела раздели и изуродовали. Во время расстрела нападавшие, по воспоминаниям очевидцев, ругали Вильсона и Каррансу. Они издевательски спрашивали американцев, почему это Карранса не смог обеспечить их безопасность.

14 января 1916 года весть о трагедии в Санта-Исабель достигла Эль-Пасо. Естественно, там едва не линчевали всех находившихся в городе мексиканцев.²⁶ Когда в Эль-Пасо доставили обезображенные тела убитых американцев, властям пришлось ввести осадное положение, чтобы избежать массовых беспорядков. Только с помощью этой меры удалось не допустить прорыва возмущенной толпы через реку Рио-Гранде в Сьюдад-Хуарес. Вилья отрекся от ответственности за инцидент, заявив, что его совершил на свой страх и риск полковник Лопес.

Карранса пообещал найти и наказать виновных. Схваченного вскоре вильистского генерала Хосе Родригеса обвинили в причастности к трагедии и быстро расстреляли. Потом, примерно через полгода, схватили и Лопеса. Тот признался ирландскому репортеру, что Панчо Вилья давно хотел наказать США. Однако и Лопес не утверждал, что именно Вилья отдал приказ о расстреле американцев. Лопеса также без излишних разбирательств отправили на тот свет. Позднее американская следственная комиссия установила, что на момент инцидента Вилья был далеко от места события и не мог дать Лопесу приказ расстрелять американцев, так как вряд ли вообще знал об их поездке.

В США множились требования к Вильсону разобраться с дикарями-мексиканцами. Но президент США, готовясь к войне в Европе, не хотел глубоко ввязываться во внутримексиканский конфликт.

Таким образом, трагедия в Санта-Исабель не привела к разрыву между Каррансой и американцами. Тогда Вилья решил атаковать непосредственно территорию США. Перейти границу решили неподалеку от Охинаги, напротив которой располагался небольшой американский городок Пресидио («дыра» даже по меркам провинциального Техаса). 18 января 1916 года отряд из примерно 200 бойцов во главе с самим Вильей двинулся к границе. Вилья пообещал спутникам, что по пути к ним присоединятся другие, крупные отряды и что с материальной точки зрения атака на США принесет всем бойцам ощутимую выгоду.

Однако такую оценку предстоящих событий разделяли явно не все. Отряд стремительно таял по дороге, причем дезертировали даже командиры подразделений вместе со своими людьми. 30 января Вилья осознал, что

²⁶ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 216

если он не откажется от плана атаки США, то его и так крошечная армия просто разбежится.²⁷ Он нехотя дал приказ отступить на исходные позиции. Чтобы поднять боевой дух своих солдат, Вилья остановил пассажирский поезд из Сьюдад-Хуареса. Всех пассажиров заставили выйти из вагонов, и бойцам разрешили взять себе все, что они захотят. Но причинять физический вред здоровью ограбленных Вилья запретил. Действительно, после такого материального стимула дезертирство на время прекратилось.

Тем не менее отказываться от нападения на США Вилья не собирался. Ему пришлось отойти от традиционного принципа формирования своего отряда. Раньше он принимал только добровольцев, а теперь впервые прибегнул к насильственной, хотя и частичной мобилизации. Например, он направил одного из своих командиров Канделарио Сервантеса в его родной городишко Намикипу. Сервантес вез с собою приказ, в соответствии с которым мобилизации для проведения боевой операции подлежали все бывшие солдаты и офицеры армии Конвента. Уклоняющихся предписывалось расстреливать без суда.

Пополнив таким образом свои ряды, Вилья, наученный горьким опытом, не стал разглашать цель предстоящей операции. Далеко не все из мобилизованных знали, что им предстоит напасть на США. На всякий случай Вилья пригрозил новобранцам, что в случае дезертирства он повесит членов их семей на деревьях вдоль реки.

24 февраля 1916 года отряд Вильи выступил в поход. Его отличительной особенностью было то, что он включал в себя контингенты с разных частей Чиуауа и даже из соседних штатов. Вилья по-прежнему считал себя военным и политическим лидером общенационального масштаба. Целью был избран небольшой американский пограничный городок Колумбус в штате Нью-Мексико. Не совсем понятно, почему именно Колумбус стал мишенью Вильи. В отличие от Пресидио, в этом городе был крупный гарнизон, совсем недавно усиленный подкреплениями. Некоторые исследователи считают, что Вилья попутно хотел покарать одного из своих коммерческих агентов в США, некоего Сэма Ревеля, задолжавшего «Северной дивизии» деньги. Контора Ревеля как раз находилась в Колумбусе. Однако если, забегая вперед, учесть результаты нападения Вильи на город, складывается впечатление, что там его ждали.

Действительно, даже бывший американский представитель при штабе Вильи Каротерс, отозванный после признания Каррансы США в октябре 1915 года, предупреждал незадолго до нападения, что отряд Вильи находится рядом с Колумбусом. Значит, планы Вильи таким уж секретом для американцев не являлись, хотя тот стремился соблюдать максимальную скрытность при выдвижении к границе. Он даже приказал расстрелять случайно

²⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 561

встреченных его отрядом трех американских ковбоев. Правда, жизнь одной захваченной отрядом американки пощадили, но Вилья приказал взять ее с собой и держать в плену вплоть до нападения на Колумбус. После рейда она была освобождена.

Возможно, военные круги США специально дали Вилье напасть на Колумбус, чтобы получить наконец долгожданный предлог для интервенции. Сам Вилья, проведя рекогносцировку подступов к городу, едва не отменил нападение. Разведчики доложили ему, что в Колумбусе всего около 50 американских солдат (у самого Вильи было примерно 490 бойцов) и гарнизон можно спокойно одолеть за пару часов.²⁸ Вилья не поверил и лично произвел разведку местности, осмотрев Колумбус с одного из прилегающих к городу холмов. И все же заподозрив наличие там крупного гарнизона, пришел к выводу, что нет смысла тратить людские жизни на атаку. Лучше и безопаснее с точки зрения возможного результата было дать бой каррансистам. Однако Сервантес убедил командира атаковать, иначе еще одну неудачную попытку дать бой янки его армия просто не переживет. Вилья нехотя согласился и отдал приказ атаковать Колумбус в ночь с 8 на 9 марта 1916 года.

Гарнизон Колумбуса был внушительным по американским меркам – примерно 350 солдат и офицеров из 13-го кавалерийского полка, который нес службу по охране границы.²⁹ Всего в полку было 550 человек, и его командир, сильно пьющий ветеран индейских войн полковник Герберт Слокам не боялся возможных провокаций Вильи, которого он не ставил по боевым качествам выше почти безоружных индейцев. Оборону Колумбуса усиливали имевшиеся у Слокама пулеметы, но и Вилья, учитывая прежние ошибки, делал теперь ставку на внезапную атаку. И все же он не знал численности гарнизона. Действительно было трудно предположить, что в такой дыре, как Колумбус с его 350 жителями, находится столько же, если не больше, солдат американской регулярной армии.

Если американские солдаты жили в Колумбусе в казармах (Кэмп-Ферлонг), то офицеры с семьями проживали в городе. В этом не было ничего необычного, так как 13-й кавалерийский полк не находился в боевой готовности. Правда, в последнее время на улицах города слонялись какие-то мексиканцы, но и это никого не удивляло: в Колумбус постоянно приходили за покупками жители мексиканского пограничного города Лас-Паломас. Отоваривались там и солдаты соседнего с Колумбусом гарнизона каррансистских войск.

7 марта во второй половине дня в Колумбус прискакали два мексиканца, один из которых, Хуан Фавела, постоянно проживал в городе. Они расска-

²⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 563

²⁹ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 218

зали Слокаму, что наткнулись неподалеку от границы на пять сотен вильистов и еле унесли ноги. Слокам решил послать Фавелу на разведку, пообещав ему 20 долларов.³⁰ Разведчик вернулся вечером 8 марта. Лагерь вильистов, по его данным, был недавно оставлен. Слокам несколько повысил боевую готовность, хотя в дерзость Вильи поверил не до конца. Ходили слухи, что бывший командир «Северной дивизии» хочет приехать в США абсолютно мирно, чтобы оправдаться перед американскими властями за трагедию в Санта-Исабель.

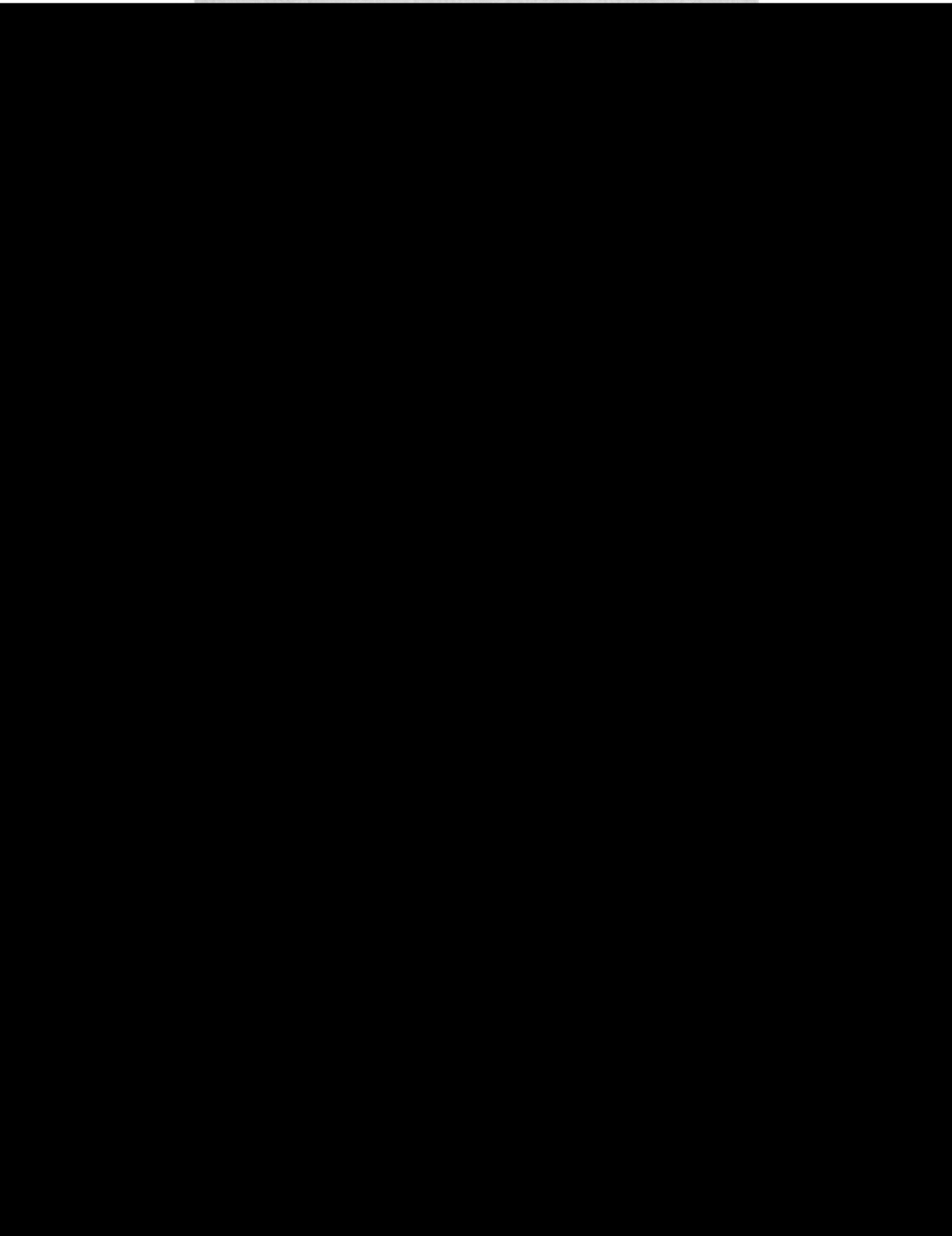
В любом случае, оставив на ночь в городе три обычных поста и один передвижной патруль, Слокам уехал из Колумбуса в соседний городок Деминг тем же вечером 8 марта. В то же самое время отряд Вильи стал выдвигаться к границе, которую тайно пресек примерно в половине третьего ночи 9 марта. По некоторым свидетельствам, Вилья произнес перед рейдом речь. Основным мотивом выступления была священная месть, а не сложные для понимания простых солдат политические хитросплетения. Настало время, говорил Вилья, отомстить янки за их помощь Каррансе, решившую исход битвы при Агуа-Приете. К тому же США в последнее время присылали ему, Вилье, дефектные боеприпасы, что тоже отрицательно сказалось на боеспособности войск в критический момент гражданской войны. Упомянул Вилья и об инциденте с сожженными заживо мексиканцами, за которых следовало хорошенько отомстить.

Не все участники рейда подтверждали потом сам факт этого выступления. Многие, особенно мобилизованные из Намикипы, вообще утверждали, что не знали цели атаки. Они считали, что нападают на каррансистский гарнизон в Лас-Паломас. Перед самой атакой Вилья разделил свой отряд на несколько групп. Он с резервом из 80 человек оставался на подступах к Колумбусу. Другие группы должны были напасть на коммерческий центр города, чтобы взять местный банк и поквитаться с Сэмом Ревелем. Третьим предстояло подавить сопротивление гарнизона в Кэмп-Ферлонг на юго-восточной окраине Колумбуса.

Когда около 4.30 утра на улицах Колумбуса началась стрельба, в казармах находился всего один офицер – 26-летний лейтенант Джон Лукас, только что вернувшийся из поездки в Эль-Пасо. Лейтенант выбежал на улицу босиком, смог быстро организовать оборону и вызволить из запертой оружейной комнаты пулеметы.³¹ Однако и ему ничего не удалось бы сделать, если бы не странная тактика вильистов. Они на полном скаку промчались мимо казарм к конюшням. То ли нападавшие просто заплутали в темноте, то ли хотели

³⁰ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 221

³¹ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 222

на улице умирающего вильиста, он только процедил: «Пусть поджарится на солнышке!» Затем трупы погрузили в вагон, вывезли за город и сожгли.

10 марта 1916 года стало первым рабочим днем нового министра обороны США Ньютона Бейкера. Когда-то этот политик был ярым пацифистом, но теперь он передал начальнику генерального штаба Скотту приказ срочно разработать план карательной операции против Вильи. Генерал Скотт по-прежнему относился к своему старому другу Вилье с уважением и встретил приказ без всякого энтузиазма: а если тот сядет на поезд и поедет в Гватемалу, американская армия должна следовать за ним и туда?

Бейкер признал очевидную нелепость приказа, и отныне целью операции стало преследование мексиканской банды, атаковавшей Колумбус. Приказ отдал лично президент Вильсон. Он шел на интервенцию неохотно, так как не хотел связывать себе руки в Мексике накануне вступления в Первую мировую войну в Европе.³³ К тому же Вильсон все еще испытывал определенные симпатии к мексиканской революции и ее представителям. Однако после нападения на территорию США он должен был сделать хоть что-нибудь. Иначе под угрозой оказывалось его переизбрание на пост президента (выборы должны были состояться осенью 1916 года). Реакцию американского общественного мнения на рейд Вильи наглядно показывала статья в газете «Лос-Анджелес Экземинар»: «Почему даже эта маленькая, жалкая презренная бандитская нация, каковой является Мексика, убивает наших граждан, марает в грязи наш флаг и плюет на нашу нацию с невыносимой наглостью?»

Прежде всего Вильсон попытался договориться с Каррансой о беспрепятственном пропуске на мексиканскую территорию отряда, получившего с тех пор в американской истории название «карательная экспедиция».³⁴ Карранса был, конечно, напуган инцидентом, но утверждал, что мексиканцы поймают Вилью собственными силами. Для этой цели якобы уже выделена группировка в 2500 бойцов. Об этом еще 9 марта сообщил американскому консулу в Чиуауа генерал Луис Гутьеррес. Но американцы не верили в эффективность каррансистских командиров, и тогда Карранса предложил компромисс, который уже действовал между Мексикой и США в 80-е

³³ Российский посол в Вашингтоне сообщал в Санкт-Петербург, что мексиканские дела являются главными для Вильсона. С момента его инаугурации в Мексике погибли 200 тысяч человек, были убиты 400 или 500 граждан США, правительству США пришлось потратить на различные цели, связанные с Мексикой, 200 миллионов долларов. См. Рогогов Ю. «Mejor morir de pie». Emiliano Zapata. Moscú. 1990. P. 309

³⁴ По иронии судьбы, в день атаки Вильи на Колумбус принес присягу новый посол США в Мексике Флетчер. Нападение Вильи задержало его прибытие в мексиканскую столицу почти на год. См. Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 189

годы прошлого века: вооруженные силы обеих стран могли бы преследовать бандитов по обе стороны границы. Правда, министр иностранных дел Каррансы пытался доказать американскому представителю, что сам факт нападения Вильи на США свидетельствует... о силе правительственных войск Мексики. Мол, на них нападать Вилья уже не решает.

Компромисс Каррансы Вильсон расценил как фактическое разрешение на вторжение (сами американцы, естественно, и не собирались давать мексиканцам право преследовать бандитов на своей территории). Он даже рассчитывал на то, что каррансистская армия будет помогать американской. Однако уже через день Карранса, похоже, передумал и прислал в Вашингтон жесткую ноту: любое вторжение американских войск на территорию Мексики будет расценено как объявление войны. Карранса понимал, что его согласие на американское вторжение приведет к взрыву мексиканского патриотизма (на это и рассчитывал Вилья). Поэтому он назначил Обрегона военным министром, чтобы показать свою решимость защищать неприкосновенность Мексики. Одновременно Карранса обратился с воззванием к нации. В нем он призывал уважать права американцев, живущих в Мексике, но предупреждал, что правительство конституционалистов не допустит никакого иностранного вторжения.

Но Вильсон просто-напросто решил проигнорировать воинственные заявления Каррансы, которые тот и раньше делал по отношению к США. Командующим карательной экспедицией был назначен 55-летний генерал Джон Першинг по прозвищу Блэкджек. Как и Фанстон, он отличился в подавлении восстания на Филиппинах в начале XX века и считался экспертом по борьбе с партизанами. Сам Фанстон тоже горел желанием лично проучить Вилью, но его предпочли заменить на более дипломатичного Першинга. Правда, карьера Першинга складывалась удачно не только из-за успехов в истреблении почти безоружных филиппинцев. Офицер вовремя женился на дочери влиятельного сенатора, и президент Теодор Рузвельт через год после свадьбы, в 1906-м, произвел капитана Першинга сразу в бригадные генералы.³⁵ Адьютантом Першинг по протекции взял молодого настырного лейтенанта Паттона, которого сейчас считают лучшим американским генералом Второй мировой войны.

16 марта 1916 года группировка Першинга двумя колоннами перешла мексиканскую границу. Силы вторжения состояли из двух кавалерийских и одной пехотной бригады (в общей сложности около 8 тысяч человек). В составе группы было и 8 самолетов типа JN-3. План Першинга исходил из двух основных предпосылок, которые не оправдались. Во-первых, генерал рассчитывал на сотрудничество с войсками Каррансы и на использова-

³⁵ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 235

ние для снабжения своей группировки мексиканских железных дорог. Вторых, он думал, что ненавидящее бандита Вилью мексиканское население поможет установить его местонахождение. Без этого локализовать Вилью на огромных пустынных просторах Чиуауа, где он знал каждый уголок, не представлялось возможным.

С чисто военной точки зрения тактика, которую предполагал применить Першинг, была вполне адекватной поставленной ему задаче. Он намеревался разбить лагерь группировки в районе городка Касас-Грандес. Рядом с Касас-Грандесом находилась колония американских мормонов, и войска США могли рассчитывать на дружелюбность хотя бы этой части населения. Опираясь на лагерь, Першинг намеревался прочесать окрестности мобильными кавалерийскими группами. Одновременно постоянную разведку должен был вести авиаотряд.

Першинг нисколько не уступал Вилье по скорости передвижения, хотя в некоторых исследованиях его экспедицию ошибочно называют «неповоротливой». Уже вечером 17 марта его группировка проделала 68 миль и достигла колонии мормонов, которые сразу же пригласили генерала на ужин.³⁶

Карранса отдал приказ своим вооруженным силам не сопротивляться, но и ни в чем не содействовать американцам. Запретил он и предоставлять в распоряжение Першинга национальные железные дороги. Однако американское вторжение всколыхнуло всю Мексику. Генерал Дьегес вызвался привести в Чиуауа 13 тысяч солдат и вышвырнуть янки восвояси. Губернатор Соноры Плутарко Кальес предлагал 14 тысяч солдат и офицеров, закаленных в боях против Вильи.³⁷ Готов был Кальес и вторгнуться в Аризону.

Карранса предполагал, что экспедиция Першинга будет кратковременной, так как поймать Вилью в его родном штате не удавалось, даже задевствуя его бывших соратников. Поэтому он отдал указание Дьегесу и Кальесу просто не допускать американские войска во вверенные им штаты, но самим к наступательным действиям не переходить. Дьегес, однако, продолжал настаивать на объявлении войны США, и Каррансе пришлось его успокаивать на личной встрече.

Таким образом, как и предвидел Вильсон, Карранса, несмотря на свои воинственные заявления, не чинил американским войскам препятствий в самом главном, что влияло на успех операции, – в снабжении. Формально железным дорогам было запрещено перевозить грузы для Першинга, однако фактически эти грузы доставлялись бесперебойно. Просто в качестве их адресата указывались как частные лица американские офицеры группировки.

³⁶ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 243

³⁷ Stout J. A. Border Conflict: Villistas, Carrancistas and the Punitive Expedition 1915–1920. Texas Christian University Press. 1999. P. 62

Першинг немедленно убедился и в том, что никакого содействия от местного населения ожидать не приходилось. Популярность Вильи в Чиуауа после его рейда на Колумбус взлетела до заоблачных высот. Не сработал и призыв губернатора Чиуауа Энрикеса помочь американцам изловить «бандита Доротео Аранго».

Тем не менее сначала казалось, что дни Вильи сочтены и несколько тысяч каррансистских и американских солдат все-таки смогут окружить и уничтожить его отряд. В марте 1916 года в Чиуауа стали распространяться слухи, что Вилья тяжело ранен или даже убит. Карранса надеялся, что уже в начале апреля американцы уберутся домой. Именно это и предлагал начальник генерального штаба армии США Скотт. Ведь общественное мнение США успокоено, честь Америки отомщена, а оставаться бесконечно армия в безлюдном Чиуауа не сможет.

Между тем боевой дух отряда Вильи был сильно подорван. Рейд на Колумбус принес большие потери, но не дал никакой добычи.³⁸ Солдаты роптали, и лишь авторитет Вильи удержал отряд от полного распада. Теперь легендарный командир решил на всю катушку эксплуатировать политический эффект от американского вторжения. Он направил письмо генералам армии Каррансы и предложил заключить перемирие в целях совместной борьбы с агрессорами. В каждой деревне, через которую проходил его отряд, Вилья созывал митинги и клеймил американский империализм. Его одобрительно слушали и снабжали продовольствием. Однако добровольцев было мало: люди в Чиуауа сильно устали от практически пятилетней непрерывной войны. Например, в городе Галеана 14 марта послушать Вилью собрались несколько тысяч человек, но только пятеро галеанцев согласились присоединиться к его отряду. В других местах Вилье пришлось прибегать уже к насильственной мобилизации, что, естественно, не добавляло ему популярности.

Однако в одном расчет Вильи оказался полностью верным. Многие местные командиры каррансистских войск, по сути, прекратили преследование вильистов и даже оказывали им определенное содействие. Уже 16 марта отряд Вильи неожиданно наткнулся на сильную кавалерийскую часть правительственных войск, но каррансисты позволили вильистам проследовать своей дорогой. В другом случае один из вильистов, которого преследовали американцы, был захвачен отрядом сил Каррансы. Когда офицер узнал, что в его руки попал вильист, он дал ему коня и отпустил на все четыре стороны.

Но сам Карранса отнюдь не разделял идеи национального примирения перед лицом внешней агрессии. Наоборот, он считал, что чем быстрее его собственные войска разделяются с Вильей, тем скорее из Мексики будет вы-

³⁸ После рейда на Колумбус у Вильи остались примерно 400 бойцов. См. Katz F. *The Life and Times of Pancho Villa*. Stanford University Press, 1998. P. 571

ведена группировка Першинга. Уже 17 марта 1916 года отряд Вильи подвергся нападению правительственных войск. Хотя Вилья заявлял в своих прокламациях и выступлениях, что не станет больше проливать мексиканскую кровь, Карранса не оставил ему выбора. К тому же теперь единственным источником пополнения запасов оружия и боеприпасов для Вильи были именно правительственные силы.

Перейдя к активным наступательным действиям, вильисты атаковали 27 марта город Сьюдад-Герреро и два других населенных пункта, один из которых, Сан-Исидро, был когда-то центром мятежа Ороско.³⁹ Сьюдад-Герреро Вилья взял на рассвете с наскока, причем без единого выстрела. Но в Сан-Исидро оказался каррансистский отряд во главе с генералом Хосе Кавасосом, которого предупредили о нападении партизан солдаты, бежавшие из Сьюдад-Герреро. Атака вильистов была отбита. Тем не менее и сам Кавасос не смог отбить Сьюдад-Герреро и отступил, оставив много оружия и пленных. 80 бывших каррансистов были зачислены в отряд Вильи.

Однако бой за Сьюдад-Герреро едва не стоил Вилье жизни. Он был ранен в колено и не мог скакать верхом. Таким образом, командир превратился в обузу для своего отряда. Один каррансист, взятый вильистами в плен, утверждал потом, что специально стрелял в Вилью, чтобы его убить. Вилье не мог обратиться в больницу, где его выдали бы американцам или Каррансе. Один из его командиров, обладавший некоторыми познаниями в медицине, сумел наложить на колено примитивную повязку. Вилье пришлось отпустить своих бойцов. С ним остались всего два человека, оба – его родственники. Вилью верхом на осле доставили в пещеру, где он провел почти два месяца в полном уединении. Только родственники периодически носили ему воду и пищу. Вход в пещеру был замаскирован ветками.⁴⁰

Рана заживала очень тяжело. Но, как ни странно, возможно, именно она спасла Вилье жизнь. Теперь о его убежище не знал почти никто, и даже захваченные в плен бойцы его отряда при всем желании не смогли бы указать, где скрывается их командир. Иногда из своей пещеры Вилья наблюдал за рыскавшими поблизости американскими кавалеристами. Едва ушел он от американцев и в Сьюдад-Герреро. Интервенты узнали о бое в этом городе и срочно направили туда кавалерийский отряд. Однако местные проводники не показали отряду кратчайший путь, и американцы на въезде в Сьюдад-Герреро разминутись с покидавшим город раненым Вильей. Никогда больше солдаты Першинга не смогут так близко подобраться к человеку, ради которого они находились в Мексике.

Между тем без Вильи его отряду пришлось не сладко. Часть сил, оставшихся в Чиуауа, была уничтожена американцами и каррансистами, часть

³⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 572

⁴⁰ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья. М., 1962. С. 188

распалась из-за внутренних разногласий. Канделарио Сервантес вскоре потерял почти всех из своих 300 бойцов, но все же решил бросить вызов американцам, обосновавшимся в окрестностях его родной Намикипы. Сервантес направил воззвание офицерам каррансистской армии с предложением совместных действий. Те, конечно, с ним не объединились, но и мешать ему не стали. Однако Сервантеса разочаровали его же земляки в Намикипе. Для них американская оккупация была экономическим раем, так как солдаты и офицеры Першинга за все платили твердой валютой, а мексиканские бумажные песо к тому времени уже почти ничего не стоили. Вдобавок ни вильисты, ни каррансисты практически никогда не платили за то, что брали. Американцам даже удалось организовать в Намикипе отряд местной самообороны. Кто-то из тамошних жителей выдал оккупантам участников нападения на Колумбус и раскрыл место нахождения тайного вильистского склада с оружием. Большинство горожан все-таки ненавидели американцев, но побаивались столкнуться с ними в открытом бою. Поэтому Сервантесу так и не удалось поднять земляков на освободительную войну. Его имя, в отличие от имени пропавшего Вильи, не могло зажечь сотни людей.⁴¹

Другой отряд вильистов разгромили непосредственно американцы. Им командовал Хулио Акоста, который при правлении Вильи в Чиуауа был командиром района Сьюдад-Герреро. Потом он сдался каррансистам и был амнистирован. В налете на Колумбус Акоста участия не принимал, и американцы его не трогали. Однако он сам решил присоединиться к своему бывшему командиру и включиться в борьбу против интервентов. Акоста выступил с воззванием к офицерам Каррансы, и те без боя сдали ему гарнизон города Охос Асулес («Голубые глаза»). Но неожиданно напавший на вильистов американский отряд нанес им сокрушительное поражение. (Американцев позвали на помощь бежавшие с поля боя каррансисты.) 41 вильиста убили, многих ранили. У американцев потерь не было. Акоста с трудом ушел и отныне предпочитал воевать против каррансистов.

Некоторым бойцам Вильи удалось пробиться в штат Дуранго и закрепиться там. Однако в целом казалось, что дни вильистского движения сочтены.

Карранса использовал нападение американцев, чтобы еще больше укрепить свое внутриполитическое положение. Он решил показать Вашингтону силу своей армии и разгромить другого бывшего лидера сил Конвента – Эмилиано Сапату. Сапатисты к началу 1916 года контролировали не только штат Морелос, но и значительные территории сопредельных штатов. Земельная реформа в Морелосе была полностью завершена, и все асиенды поделены между деревнями. Характерно, что Сапата и его командиры не вмешивались в передел собственности и выступали арбитрами, только

⁴¹ Katz I. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 574

если возникали споры между деревнями. Идейному революционеру Сапате, в отличие от практически всех северных лидеров типа Обрегона, Кальеса или Гонсалеса, было чуждо стремление к власти или богатству. Он даже не стал переносить свою штаб-квартиру в столицу Морелоса Куэрनावак, жил в обычной деревне, и резиденцией его стало по-спартански скромное здание рисовой мельницы. Весь его штаб одевался в типичную рабочую одежду, какую носили местные крестьяне.

После 10 октября 1915 года в столице Морелоса Куэрनावаке обосновалось правительство Конвента, но вскоре его «северная» часть бежала на север. Теперь Конвент практически полностью состоял из сапатистов. Несмотря на сокрушительные поражения Вильи, Сапата не намеревался сдаваться, так как считал Каррансу своим политическим противником и реакционером. Сам Карранса, с удивлением наблюдавший, как Сапата отказывается от выгодных компромиссов, в конце концов решил, что имеет дело просто с недалеким человеком, который из принципа воюет с любой властью.

26 октября 1915 года, когда многие мексиканские «генералы» переходили на сторону победившего Каррансы, штаб-квартира Сапаты опубликовала политический манифест, составленный Палафоксом. (Формально тот все еще был министром сельского хозяйства в правительстве Конвента.)⁴² Возможно, текст обрабатывал Сото-и-Гама.

Манифест представлял собой ответ на попытки социального маневрирования Каррансы и содержал детальные соображения по проведению политических и экономических реформ. Однако с пропагандистской точки зрения он был не очень удачным. Манифест призывал всех мексиканцев, от пеонов до предпринимателей, объединиться в борьбе против помещиков, а ведь революция практически и так уже уничтожила этот класс. Теперь асиенды, особенно на севере, перешли в руки революционных генералов – вчерашних телеграфистов, клерков и даже рабочих, – и новые хозяева отнюдь не горели желанием расстаться с собственностью. Многие революционеры решительно отвергали пуританство Сапаты. Для них революция была прежде всего средством сделать головокружительную карьеру. Отношения собственности они хотели менять лишь в той степени, в которой это было выгодно им самим.

В тот же день, что и манифест, Палафокс опубликовал аграрный декрет, по которому его министерство получало самые широкие полномочия по распределению земли. Беда была в том, что правительство Конвента тогда контролировало только Морелос и часть территории соседних штатов.

Осенью 1915 года Сапата провел целую серию рейдов, доходя до окрестностей Мехико.⁴³ Однако эти рейды уже не могли спасти положение разби-

⁴² Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 246

⁴³ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 247

того Вильи. Тем не менее Карранса приказал уничтожить сапатистов в их логове. Сапата как мог готовился к решающей битве. Как всегда, основную проблему представляла собой нехватка боеприпасов. Была организована кустарная мастерская, в которой заново снаряжали пустые гильзы от винтовок «маузер». Вместо пуль использовали кусочки медного кабеля, похищенного партизанами из Мехико. Но такого рода меры, естественно, не могли решить проблему снабжения в целом. Сапата пытался поставить под единый контроль своей штаб-квартиры отобранные у плантаторов мелкие сахарные заводы, чтобы обеспечить гарантированный источник снабжения своей армии. Одновременно он запретил любую официальную торговлю между подконтрольной ему зоной и территорией каррансистов.

Карранса назначил командующим армии, действовавшей против Сапаты, своего самого лояльного генерала Пабло Гонсалеса. Возможно, он хотел победой над Сапатой создать Гонсалесу в стране такую же популярность, какой пользовался Обрегон после разгрома «Северной дивизии». К новому 1916 году под командованием Гонсалеса сосредоточились отборные войска численностью около 30 тысяч человек, хорошо вооруженные и экипированные. Гонсалесу была придана единственная авиационная эскадрилья мексиканской армии.

Тем не менее положение сапатистов отнюдь не выглядело безнадежным. Их лучшие силы прикрывали горные хребты, отделявшие Морелос от Мехико, и командовал ими лично генерал Пачеко – военный министр Конвента. В частях генералов Сапаты было много бывших офицеров федеральной армии, и они смогли установить контакты со своими коллегами в войсках каррансистов. Тем самым Сапата заблаговременно получал информацию о планах врага, а кое-где бывшие офицеры даже снабжали его партизан боеприпасами.

В конце 1915 года каррансисты начали наступление от тихоокеанского порта Акапулько через штат Герреро, столицу которого Чилпансинго им удалось захватить. Однако генералы Сапаты Хеновеве де ла О и Хесус Сальгадо провели мощное контрнаступление, и к концу года каррансисты опять были прижаты к Акапулько.⁴⁴ Американский консул в этом городе сообщал, что за его пределами правительство Каррансы не осуществляет никакого контроля, зато любой «индеец самого низкого происхождения» может передвигаться абсолютно свободно.

Чтобы хоть как-то уменьшить популярность Сапаты среди поддерживавшего его сельского населения, Карранса создал в январе 1916 года Национальную аграрную комиссию, призванную изучать все просьбы отдельных крестьян и целых деревень о наделении их земель. Одновременно министерство обороны объявило, что в дополнение к уже воюющим с Сапатой

⁴⁴ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 249

10 тысячам солдат и офицеров выделяются еще 20 тысяч. Такую мощную армию не посылали против Сапаты ни Диас, ни Уэрта. Параллельно, как и в случае с Вильей, эмиссары Каррансы вели тайные переговоры с отдельными генералами Сапаты, чтобы побудить их переменить фронт.

Ставка Сапаты ответила новым манифестом к нации, опубликованным 1 февраля 1916 года. В нем единственной причиной кровавой братоубийственной войны назывались личные амбиции Каррансы и его ближайшего окружения. Некоторые соратники командующего Освободительной армии Юга после успехов в Герреро были уверены, что сапатисты скоро возьмут Мехико.

20 февраля 1916 года Сапата разрешил Пачеко провести тайные переговоры с Гонсалесом.⁴⁵ Крестьянский вождь был убежден, что Каррансу ненавидят большинство генералов его же собственной армии, и не теряя надежды договориться с ними о совместной борьбе против «верховного главнокомандующего». Однако Пачеко вел переговоры совсем с иной целью. Его дивизия сильно поредела от дезертирства, так как состояла из случайных людей, которые примкнули к Сапате в пору наивысшего военного могущества Конвента. Военный министр, по всей видимости, договорился с Гонсалесом, и 13 марта его войска без боя оголили фронт. Неожиданно силы Гонсалеса прошли через сильно укрепленную горную позицию и оказались всего в 7 километрах от столицы Морелоса Куэрнаваки. Устанавливая орудия для обстрела города, каррансисты наблюдали в бинокли, как на домах Куэрнаваки появляются белые флаги.

Сапата отказывался верить в предательство Пачеко. Но один из патрулей де ла О застрелил изменника, когда он собирался вместе с Гонсалесом захватить в плен правительство Конвента в Хохутле. Гонсалес постепенно окружал Куэрнаваку, и 29 апреля правительственные войска изготавились к штурму. В шесть часов утра 2 мая началось наступление, и город был взят. Сапата, лично руководивший обороной едва успел скрыться. В течение нескольких дней Гонсалес оккупировал все крупные населенные пункты Морелоса и 6 мая рапортовал об успешном завершении кампании. Освободительная армия Юга удерживала Хохутлу и несколько деревень. Однако, как и Вилья, Сапата был фактически вынужден перейти к партизанской войне.

Жестокостью «революционные» войска бывшего рабочего Пабло Гонсалеса затмили все ужасы, с которыми столкнулось мирное население Морелоса во времена Уэрты. В Куаутле каррансисты повесили местного священника, объявив его шпионом Сапаты. В местечке Хикотепек были расстреляны сразу 225 пленных.⁴⁶ Когда в середине июня каррансисты наконец-

⁴⁵ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 251

⁴⁶ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 254

то заняли ставку Сапаты в деревне Тлальтисапан, они расстреляли 286 человек, в том числе 112 женщин и 42 детей и подростков. В Мехико на тот свет были отправлены более 1300 «пленных», многие из них – мирные жители. Военный командующий столицы Бенджамен Хилл отдал приказ депортировать их на «перевоспитание» на плантации сизаля на Юкатане. Тем же самым, как мы помним, занимался Порфирио Диас. В ужасе крестьяне бежали в горы и в те немногие, и так уже переполненные беженцами деревни, которые удерживала Освободительная армия Юга.

Пока Гонсалес вел кровавую войну с сапатистами в Морелосе, Карранса решил окончательно поставить на место ставших ему ненужными бывших союзников из организованного рабочего движения. Нельзя сказать, что Карранса ненавидел рабочих, хотя он и не испытывал симпатий к низшим слоям мексиканского общества. Когда они бастовали на частных предприятиях и выдвигали чисто экономические требования, Карранса не реагировал. Более того, многие его генералы на местах поддерживали требования рабочих. Однако их уже не удовлетворяли сокращение трудового дня и увеличение зарплаты. Ведь эту зарплату все равно платили бумажными песо, которые весной 1916 года почти ничего не стоили. Но вопрос инфляции был уже отнюдь не частным и никак не зависел от предпринимателей. Неудивительно, что забастовки все чаще и чаще стали проходить под антиправительственными лозунгами. А посягательств на свою власть Карранса не прощал никому. Он считал, что профсоюзы либо должны поддерживать правительство, либо их вообще не должно существовать.

К декабрю 1915 года строительные рабочие Мехико парализовали столицу и добились увеличения заработной платы на 150 процентов. К ним присоединились даже парикмахеры. На северо-востоке штата Мехико забастовали рабочие серебряных рудников, принадлежавших французам, американцам и англичанам. Рудники пришлось закрыть, и разыгрались настоящие уличные сражения между бастующими и штрейкбрехерами. Каррансе по внешнеполитическим соображениям никак не выгодно было дальнейшее обострение отношений с американцами, тем более что Вилья начал открытую борьбу с ними на севере.

Между тем анархо-синдикалисты из «Дома рабочих мира» стали настойчиво требовать введения рабочего контроля за ценами, производством и зарплатами.⁴⁷ 100–150 тысяч членов филиалов «Дома» по всей стране полностью поддерживали эти требования. Но с точки зрения Каррансы рабочие тем самым перешли черту, отделявшую их экономическую борьбу от борьбы за власть. Не случайно, что именно в январе 1916 года Карранса рас-

⁴⁷ Если в 1911 году мешок кукурузы стоил 8 песо, то в 1915 году – 200. Семьи рабочих питались опилками. См. Лавров Н.М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 220

пустил «красные батальоны». Он готовился к силовому подавлению пролетариата и хотел заблаговременно лишить его возможности самообороны.

В ответ лидеры «Дома» перешли к прямым атакам на правительство Каррансы, критикуя «верховного главнокомандующего» на многочисленных собраниях и митингах. Тот же тон взяла и рабочая печать, которую во время борьбы с Вильей активно финансировали сами же конституционалисты. На улицы вышли разгневанные ветераны «красных батальонов», которые требовали национализации промышленности и борьбы с безработицей путем организации правительством общественных работ. Однако в начале 1916 года у Каррансы уже не было резона обхаживать рабочих, как тогда, когда он стремился направить их на борьбу с Вильей и Сапато.

Войска Гонсалеса по образцу Уэрты провели в Мехико рейд против «Дома рабочих мира» и арестовали всех, кого там застали. Отдельные рабочие лидеры провели в тюрьме по четыре месяца. Однако «Дом» не был намерен сдавать свои позиции без боя. Образованная под его эгидой 90-тысячная федерация столичных синдикатов стала готовить генеральную забастовку, чтобы полностью парализовать деловую жизнь Мехико. В Веракрусе и Тампико прошли демонстрации, угрожавшие бесперебойной работе этих основных портов страны. Губернатор Веракруса в ответ объявил в городе осадное положение. Теперь рабочие, вероятно, вспоминали с ностальгией господство в Мехико «реакционеров» Сапаты и Вильи, которые ничем не мешали их повседневной борьбе.

22 мая 1916 года Мехико был охвачен всеобщей забастовкой. Электрики отключили свет.⁴⁸ Рабочие требовали освобождения лидеров «Дома» и возврата отобранного у них Гонсалесом здания (годом раньше Обрегон предоставил им одно из самых феешенбельных зданий столицы, в котором прежде размещался престижнейший клуб Мехико). Лишенная электричества столица осталась, соответственно, без телефонной связи и почти без питьевой воды. Застигнутый такой демонстрацией экономической мощи врасплох, командующий войсками Мехико генерал Хилл согласился встретиться с лидерами забастовки. Он сделал вид, что полностью солидарен с требованиями рабочих, и издал ультиматум, требуя от предпринимателей участия во встрече с трудящимися под его председательством. Считая, что забастовка закончилась победой, рабочие возобновили подачу электричества.

Однако вскоре стало ясно, что достигнутое повышение зарплаты опять съедено инфляцией. К середине 1916 года за один бумажный песо давали только два сентаво золотого (т.е. обеспеченного золотом) песо. Вдохновленный успехом майской забастовки «Дом рабочих мира» начал готовить новую всеобщую стачку в столице. Но на сей раз правительство

⁴⁸ Lear J. *Workers, Neighbors and Citizens. The Revolution in Mexico City*. Lincoln, University of Nebraska Press, 2001. P. 327

уступать не собиралось. 31 июля 1916 года в Мехико началась еще более мощная забастовка, полностью парализовавшая столицу. Тысячи рабочих вышли на демонстрацию в центре города. Но правительство знало от своих информаторов о готовящейся забастовке и накануне под покровом ночи стянуло в Мехико войска.

Солдаты, неожиданно напав на митингующих, рассеяли их на мелкие группы. Снова был захвачен «Дом», опять арестованы его руководители. Одновременно Доктор Атль пригласил лидеров забастовки на встречу с Каррансой в Национальный дворец. Карранса приказал арестовать гостей и обвинил их в государственной измене на основании своего любимого декрета Хуареса от 1862 года. 2 августа в Мехико было объявлено осадное положение.⁴⁹ Лидеру электриков Эрнесто Веласко приставили к голове пистолет, и он был вынужден показать солдатам, как восстановить в городе электроснабжение.

«Дом» был закрыт (в прошлый раз, как мы помним, его закрыл Уэрта в мае 1914 года) и в столице, и в других городах страны. Теперь военные власти на местах не стеснялись применять силу для подавления локальных забастовок. Карранса указал рабочему классу Мексики его место в новом государстве.

Пока Карранса занимался сапатистами и профсоюзами, американцы продолжали в Чиуауа охоту за Вильей. Они узнали о его ранении, а также о том, что Вилью отвезли на юг штата в район города Парраль. Парраль был известным центром поддержки Вильи еще со времен революции против Диаса. Першинг решил перенести свою ставку южнее: из колонии мормонов Дублан в Намикипу. Оттуда он выслал еще дальше на юг кавалерийский отряд майора Томпкинса. Тот был уверен, что в Паррале захватит Вилью живьем. По пути на юг 10 апреля 1916 года конники Томпкинса разбили в городе Сан-Сарагоса небольшую группу вильистов, которые грабили местную фабрику.⁵⁰ Майор отдал всю добычу обратно владельцам. На подступах в Парраль отряд американцев встретил мексиканский офицер Антонио Меса, пообещавший, что в городе проскакавших десятки миль всадников накормят и обеспечат фуражом.

Однако когда на горизонте показался Парраль, стало ясно, что американцев там видеть не желают. Командующий гарнизоном каррансистов генерал Лосано вежливо, но твердо предложил отряду уйти из города и обещал показать удобное место для отдыха. Улицы города были запружены враждебно настроенными мексиканцами, кричавшими «Вива Вилья!» и «Вива

⁴⁹ Lear J. *Workers, Neighbors and Citizens. The Revolution in Mexico City*. Lincoln, University of Nebraska Press, 2001. P. 335

⁵⁰ Eisenhower J. *Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917*. New York, 1993. P. 269

Мехико!»). Томпкинс решил пошутить и крикнул в ответ: «Вива Вилья!» Раздался смех. Когда Лосано отвел сотню американцев к северу от города, майор заподозрил неладное. Предложенное Лосаной место было окружено с трех сторон холмами, а на них занимали позиции вооруженные люди с мексиканскими флагами. Томпкинс отказался расположить свой отряд в этом месте, но понял, что боя уже не миновать. Как только Лосано покинул американцев, началась стрельба. Только плохие снайперские навыки мексиканцев помогли американцам избежать серьезных потерь. Одного из них убили, двоих ранили. Сами карранситы потеряли в бою около 40 человек. Тем не менее Томпкинсу пришлось отступить от Парраля. Этот город в 350 милях от границы оказался самой южной точкой, до которой продвинулась карательная экспедиция Першинга.

Американцам приходилось полагаться на конные разъезды, потому что их допотопные самолеты оказались скорее обузой, чем подспорьем. Радиус их действия не превышал 50 миль, и в первый день экспедиции они даже не смогли за один перелет нагнать конницу Першинга. Вскоре самолеты стали ломаться. Годились они разве на то, чтобы передавать сообщения отдельным отрядам. Когда два самолета доставили сообщение от Першинга командующему мексиканскими войсками в Сьюдад-Чиуауа, мексиканцы исцарапали и прожгли машины окурками. А когда Першинг запросил в Вашингтоне более современные самолеты, ему ответили, что вся американская авиация уже находится в его распоряжении. В то время на западно-европейском театре боевых действий в воздушных боях участвовали уже сотни самолетов с обеих сторон. Но военное ведомство США проявляло поразительную беспечность, не считая авиацию серьезным средством борьбы, хотя именно американцы братья Райт изобрели, как полагают на Западе, самолет.

Бой у Парраля поставил Мексику и США на грань войны.⁵¹ Першинг опасался, что Карранса может прервать его линии снабжения, которые сильно удлинились после того, как американец перенес свою ставку в Намикипу. Чтобы поддерживать с Вашингтоном радиосвязь, пришлось отойти назад к границе. Потом через систему радиорелейных вышек удалось наладить связь между Намикипой и колонией Дублан.

21 апреля 1916 года мексиканские генералы Лосано и Эррера прибыли на переговоры с командиром американского авангарда под Парралем полковником Брауном. Мексиканцы предложили американцам отойти на 40 миль к северу, поскольку их присутствие в окрестностях Парраля только

⁵¹ На этот момент в Мексике находились 6675 американских солдат и офицеров. На мексикано-американской границе были сосредоточены еще 19 468 военнослужащих. См. Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 197

увеличивает и так высокую популярность Вильи в этой местности. Браун показал на стоявший за его спиной американский флаг и безапелляционно отчеканил, что этот флаг сдвинется с места лишь после приказа его командования. Однако уже на следующий день Першинг отдал соответствующий приказ, и американцы отошли на север.

Карранса был напуган инцидентом под Парралем, так как он не хотел полномасштабной войны. Но подобный инцидент мог повториться в любой момент. 12 апреля 1916 года мексиканский министр иностранных дел Агилар направил своему американскому коллеге Лансину ноту, в которой США дипломатическим языком предлагалось отозвать войска Першинга на свою территорию. Подчеркивалось, что взаимное обязательство Мексики и США разрешать преследование бандитов на территориях друг друга пока не вступило в силу, а было всего лишь предложено как тема переговоров мексиканской стороной. Соответственно, у экспедиции Першинга никаких прав для нахождения в Мексике нет. К тому же утверждалось, что банды Вильи рассеяны и с ними вполне справятся правительственные войска. В ноте предлагалось немедленно начать переговоры о выводе американских войск.⁵²

В США за вывод войск выступал начальник генерального штаба Скотт, хотевший одновременно мобилизовать Национальную гвардию пограничных штатов для надежной охраны границы с Мексикой. Однако министры внутренних дел и сельского хозяйства настаивали на продолжении экспедиции. Министр обороны Бейкер вообще рекомендовал начать широкомасштабную интервенцию, свергнуть Каррансу и навести порядок в Мексике. Вильсон, хотя и понимал всю бессмысленность пребывания солдат Першинга в Мексике, все же решил пока экспедицию не отзывать. Президент готовился к переизбранию, а американское общественное мнение того времени было пронизано шовинизмом.

Но на переговоры с мексиканцами США решили пойти, так как к тому времени резко осложнилась обстановка в Европе. Германская подлодка потопила в проливе Ла-Манш мирное французское пассажирское судно «Сассекс». Несмотря на то, что не погиб ни один американец, Вильсон заявил Берлину решительный протест и потребовал прекратить нападения на мирные суда. Казалось, что вопрос вступления Америки в войну является делом нескольких дней. Именно поэтому в Вашингтоне решили не обострять отношения с Каррансой в связи с инцидентом в Паррале.

⁵² Карранса предписал своему представителю в США Арредондо требовать немедленного вывода американских войск, иначе никто не застрахован от повторения инцидентов вроде перестрелки у Парраля. См. Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 199

Американцы согласились провести с Мексикой переговоры на уровне военных. Главой делегации был назначен генерал Скотт, считавшийся большим знатоком Мексики. Карранса нехотя дал добро и отправил на границу в Сюдад-Хуарес Обрегону. Однако инструкции у обоих переговорщиков были диаметрально противоположными. Обрегону следовало добиться от Скотта конкретной даты вывода группировки Першинга из Мексики. Скотт должен был подчеркнуть, что пребывание Першинга в Мексике не является вмешательством во внутренние дела этой страны, а также пригрозить, что повторение рейдов, подобных колумбусскому, может заставить администрацию Вильсона прибегнуть к полномасштабной интервенции.⁵³ По сути, Скотт предлагал, чтобы войска Першинга сконцентрировались в северной части Чиуауа, чтобы помочь каррансистам ловить Вилью в южной части штата. То есть фактически США отказались от активных операций по поимке Вилье и рассматривали свои войска в Мексике как гарантию того, что каррансисты всерьез будут охотиться за последним.

Таким образом, американцы рассматривали переговоры как чисто военные, ведущиеся с целью разграничения зон ответственности каррансистов и Першинга в Чиуауа. Что же касается вывода войск, то Скотт и данный ему в помощь Фанстон объявили эту тему сугубо дипломатической и сказали, что у них нет никаких полномочий для ее обсуждения. Обрегон и сопровождавший его генерал Хасинто Тревиньо, командующий каррансистами в Чиуауа, в свою очередь, отказались обсуждать какое-либо сотрудничество мексиканских и американских войск в штате. Переговоры явно заходили в тупик, несмотря на совместные торжественные обеды и другие знаки взаимной протокольной вежливости. Скотт сообщал в Вашингтон, что они с Обрегоном приехали разговаривать об абсолютно разных вещах.

1 мая 1916 года, на следующий день после начала переговоров Скотта с Обрегоном до американцев дошли слухи, что мексиканские войска получили приказ разгромить армию Першинга, предварительно отрезав ее от баз снабжения.⁵⁴ Обрегон как министр обороны ничего об этом якобы не знал, но, по всей видимости, такие слухи были дополнительным средством давления на американскую сторону. Скотт не мог не понимать, что если полностью разгромить Першинга мексиканцам пока не удастся (по данным разведки, в Чиуауа было около трех тысяч каррансистов), то лишить карателей снабжения им труда не составит. Американцы и так уже стали достав-

⁵³ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 149

⁵⁴ Скотт понимал: мексиканцы убеждены, что США не готовы к большой войне. Американский генерал не исключал, что Карранса может пойти и на объявление войны США, если каратели Першинга не покинут территорию Мексики. См. Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 151

лять часть грузов на автомобилях, но для обеспечения безопасности маршрута приходилось держать вдоль пути следования сильные гарнизоны. Из Вашингтона Скотту и Фанстону пришло указание принять меры для охраны своей личной безопасности.

Обрегон же понимал, что если он вернется с переговоров с пустыми руками, это нанесет сильный удар его популярности (на что и рассчитывал Карранса). Поэтому генерал, чтобы избежать постоянных расспросов со стороны мексиканской прессы, перенес переговоры в техасский Эль-Пасо. Начало переговоров назначили на полночь, но дотошные газетчики все равно смогли вычислить место и время их проведения. Скотт стал вести себя более настойчиво. Он сообщил, что американцам известно о концентрации крупных контингентов мексиканских войск на западном и восточном флангах экспедиции Першинга. Если Карранса хочет потерять свою страну, то пусть попробует атаковать карательную экспедицию. Обрегон, видимо, сознавал, что с военной точки зрения Скотт прав, к тому же полномасштабная американская интервенция была в интересах Вильи и Сапаты, которые отнюдь не собирались прекращать борьбу. Поэтому министр обороны Мексики наконец стал обсуждать вопросы по существу, и переговоры в Эль-Пасо продолжались целых 12 часов.

Договорились, что Першинг отойдет на север и развернет свою ставку, как и прежде, в районе мормонской колонии Дублан. В Намикипе останется небольшой южный авангард. Таким образом, Скотт и Фанстон добились всего, чего желали. Однако дату окончательного вывода американских войск они обсуждать отказались. 4 мая 1916 года было подписано чисто военное по своему характеру соглашение, фактически разрешавшее американцам легально находиться в северном Чиуауа. Вильсон немедленно утвердил его, но Карранса отказался от ратификации. Он понимал, что с политической точки зрения такое соглашение было бы блестящим подтверждением вильевской пропаганды, утверждавшей, что Першинг находится в Чиуауа с полного согласия Каррансы.

6 мая 1916 года на американскую территорию (местечко Гленн-Спрингс в Техасе) было совершено новое нападение мексиканского конного отряда.⁵⁵ 60 всадников, переправившихся вброд через Рио-Гранде, кричали не только «Вива Вилья!» но и «Вива Карранса!». Они атаковали небольшое подразделение 14-го кавалерийского полка армии США. С американской стороны погибли трое солдат, с мексиканской – двое. Американская кавалерия без всякого уведомления правительства Мексики преследовала нападавших на протяжении около ста миль вглубь мексиканской территории. После этого странного инцидента Вильсону пришлось нехотя дать согласие на моби-

⁵⁵ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 286

лизацию 4500 национальных гвардейцев в штатах Техас, Аризона и Нью-Мексико. Еще 38 тысяч резервистов Национальной гвардии были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

История этого странного рейда окутана тайной, однако в последнее время большинство исследователей считают, что за ним стоял Карранса. Он же, скорее всего, поддерживал и сепаратистское движение в Техасе и Нью-Мексико. Интересно, что именно так уже в то время думало и большинство американских наблюдателей, включая федеральную полицию. В тех условиях рейд был осуществлен для того, чтобы дезавуировать соглашение, достигнутое Обрегоном. Карранса не желал укрепления авторитета своего основного соперника.

В мае 1916 года, несмотря на вынужденное оперативное бездействие (рейды в южные районы Чиуауа, где находился Вилья, были запрещены), группировка Першинга все же добилась некоторых успехов местного значения. 25 мая в случайной стычке с американским патрулем был убит второй по значению командир вильистов Канделарио Сервантес.⁵⁶ Першинга это несказанно обрадовало потому, что именно Сервантес имел наглость действовать на подконтрольной ему территории вблизи Намикипы. В отчете в Вашингтон Першинг справедливо именовал Сервантеса наиболее «способным и отчаянным» из вильистских командиров. Кстати, в самой Намикипе к американцам по мере обострения их конфликта с Каррансой относились все более прохладно. Все знали, что Карранса неизменно применяет декрет Хуареса от 1862 года в отношении всех пособников иностранных оккупантов. Когда позднее Першинг ушел из Мексики, вместе с ним бежал и лидер местной самообороны в Намикипе. Этот человек вернулся в родной город в 1933 году, и его сразу же убили неизвестные лица.

Першинг разбил оккупированную им территорию северного Чиуауа на секторы и поручил своим командирам следить за обстановкой во вверенных им районах.⁵⁷ Однако главным противником войск Першинга была скука, которую никак не компенсировали бесконечные учения, которые проводил Першинг (вскоре этот человек возглавит американские экспедиционные войска в Европе). Пришлось организовать бордель, чьи обитательницы находились под постоянным врачебным контролем. Першинг мог гордиться, что уровень венерических заболеваний в его частях был даже несколько ниже, чем в среднем по армии США.

Карранса, однако, не был намерен молчаливо соглашаться с продолжением американского военного присутствия в Мексике на неопределенное вре-

⁵⁶ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 289

⁵⁷ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 290

мя. 16 июня 1916 года командующий каррансистскими войсками в Чиуауа Тревиньо сообщил Першингу, что получил приказ «верховного главнокомандующего» силой оружия воспрепятствовать любому продвижению американских войск на восток, запад или юг. На север, поближе к своей границе, американцы двигаться могли. После письма Тревиньо пребывание американских войск в Мексике превращалось в полное посмешище. Они ничего не могли сделать Вилье, который вновь появился в южном Чиуауа. Не могли они и контролировать собственные коммуникации через мексиканские железные дороги, так как дороги эти были к востоку от колонии Дублан.

Першинг ответил Тревиньо довольно дерзко: он подчиняется только американскому правительству, а оно его движения никак не ограничивает. Командующий экспедицией пригрозил, что если его части будут атакованы мексиканской армией, то вся ответственность за последствия целиком ляжет на мексиканскую сторону.

Но Карранса не мог больше терпеть столь вызывающего поведения непрошенных гостей. Он отдал приказ о переброске в Чиуауа крупных контингентов и опубликовал ультиматум Тревиньо. В свою очередь, американские газеты, особенно из концерна медийного магната Херста, владевшего ранчо в северном Чиуауа, развязали активную антимексиканскую кампанию. Журналисты утверждали, что Вилья и Карранса заключили соглашение о совместной борьбе против американцев. Тем самым Карранса, дескать, поставил себя на одну доску с «бандитом» Вильей.

20 июня 1916 года госсекретарь Лансинг направил мексиканскому правительству грозную ноту, в которой предостерегал от любой попытки нападения на войска Першинга.⁵⁸ Таким образом, политический план Вильи, казалось, сбывался. Американцы пришли в Мексику, чтобы расправиться с ним, а теперь их основным противником стали войска Каррансы. Вилье же досталась роль счастливого смеющегося третьего.

Першинг получил сведения, что в районе Вилья-Аумада (основной базе снабжения карательной экспедиции на железной дороге в Эль-Пасо) к востоку от его ставки собралась крупная мексиканская армия примерно в 10 тысяч человек. Столько же или даже больше мексиканцев концентрировались с запада, подтягиваясь из Соноры. Увеличивались и силы самого Тревиньо, который прикрывал возможные пути наступления американцев на юг. Таким образом, Першинг чувствовал, что готовится полное окружение его группировки.

При неблагоприятном соотношении сил (мексиканцев, по данным американской разведки, насчитывалось больше как минимум в два раза) и перекрытии путей снабжения исход возможного сражения был далеко не ясным.

⁵⁸ Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 257

К тому же мексиканская армия представляла собой все-таки не отряды почти безоружных индейцев или филиппинских повстанцев, с которыми привыкла сражаться армия США. Почти все солдаты правительственных сил Каррансы имели опыт вооруженной борьбы, включая и крупные бои. К тому времени у Каррансы под ружьем числились около 120 тысяч солдат и офицеров – более чем в два раза больше, чем во всех сухопутных войсках США.

Першинг решил направить на восток сотню кавалеристов под командованием капитана Бойда, чтобы разведать намерения мексиканцев в Вилья-Аумаде. Бойда строго предупредили, чтобы он не ввязывался в бой. Утром 21 июня кавалеристы Бойда подошли к городку Каррисаль, который прикрывал подступы к Вилья-Аумаде. Там уже заняли боевую позицию более 400 солдат правительственных сил. Бойд направил в Каррисаль парламентаря с требованием пропустить его отряд через город. В ответ командующий мексиканским гарнизоном просил передать, что здесь нет никаких вильистов, но если американцам нужен враг, то его гарнизон таковым и является.

На переговоры с Бойдом прибыл генерал Феликс Гомес, который вежливо, но твердо заявил, что имеет приказ не допустить дальнейшего продвижения американского отряда.⁵⁹ Бойд просил переводчика передать «сукиному сыну», что он все равно пройдет через город. Но Гомес в переводе не нуждался. Сохраняя вежливость, он ответил, что в таком случае американцам придется пройти через его труп.

Бойд стал пленником собственной пропаганды, рисовавшей мексиканцев расово неполноценными по сравнению с гордыми англосаксами. Капитан ожидал легкой победы. Он спешил своих кавалеристов и бросил их в атаку. Уже вскоре от мексиканского огня погибли 10 человек, а остальным пришлось поспешно отступить. К пущему позору 23 американцев захватили в плен. Гомес сдержал свое слово – он был в числе 45 погибших мексиканцев. Был убит и Бойд. На счастье остатков его отряда, мексиканцы не стали его преследовать.

Першинг узнал о разгроме своего отряда под Каррисалем из США, так как у него самого связи с Бойдом не было. Каррансисты же сразу передали новость о своей победе в США, где ее услышал потрясенный Фанстон. Он обрушился на Першинга с критикой: почему командующий карательной экспедицией даже спустя 24 часа после боя ничего о нем не знает? Сам Першинг, естественно, решил, что инициатива в сражении исходила от мексиканцев, и немедленно стал строить планы по оккупации всего Чиуауа, включая столицу штата. Не зная о довольно слабых боевых качествах, проявленных кавалеристами Бойда, Першинг считал, что возьмет Сьюдад-Чиуауа без всяких проблем. Но Фанстон, похоже, оценивал ситуацию гораздо реалистичнее.

⁵⁹ Eisenhower J. Intervention! The United States and the Mexican revolution, 1913–1917. New York, 1993. P. 295

Он строго приказал Першингу оставаться на позициях в колонии Дублан. Тем более что вскоре стало ясно: не мексиканцы, а американцы начали бой.

Однако Вильсон не мог оставить инцидент в Каррисале без всякой реакции: в США набирала обороты предвыборная кампания. Поэтому Каррансе 25 июня была направлена жесткая нота с требованием немедленно освободить американских пленных.⁶⁰ Одновременно министерство обороны США приказало войскам на границе разработать операцию по захвату всех мостов через Рио-Гранде, чтобы по ним в Мексику двинулась полноценная армия вторжения. Беда, правда, заключалась в том, что в США на тот момент не было под ружьем 200 тысяч солдат, необходимых для войны с Мексикой по расчетам самих же американских военных.

По Мексике прокатилась волна анитиамериканских демонстраций, многие из которых были организованы самим же правительством. Карранса хотел показать американцам, что и он тоже вынужден считаться с националистически настроенным общественным мнением своей страны. Однако он немедленно приказал Тревиньо освободить американских пленных, и 29 июня те прибыли на границу. Мексиканцы сняли с них форму, и некоторые пленники кутались в одеяла.

Посчитав, что общественное мнение удовлетворено, Карранса 4 июля 1916 года предложил американцам начать переговоры с целью преодоления напряженности в двусторонних отношениях. Вильсон быстро согласился: его мысли уже целиком занимала Германия и предстоящее вступление США в Первую мировую войну.⁶¹ Была образована двусторонняя комиссия – на этот раз из гражданских лиц. С мексиканской стороны ее возглавил самый влиятельный из советников Каррансы – министр финансов Луис Кабрера. Американской делегацией было поручено руководить министру внутренних дел Лейну. Американцы преподносили в качестве важной дипломатической победы то обстоятельство, что комиссия должна была заседать на территории США.

Впервые двусторонняя комиссия собралась 6 сентября 1916 года в Нью-Лондоне, штате Коннектикут. Американцы опять говорили о чем угодно, кроме интересовавшей мексиканцев даты вывода войск Першинга. В частности, они требовали от Каррансы согласия на безусловную гарантию неприкосновенности жизни и собственности американских граждан в Мексике. Если правительство Мексики не справлялось бы с этим обязательством. США получили бы право ввода на территорию Мексики своих войск без предварительного уведомления. Естественно, Карранса не мог пойти

⁶⁰ Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 257

⁶¹ Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 259

на такие кабальные условия. Но он на сей раз и не торопился. «Верховный главнокомандующий» понимал, что США вступят в войну в Европе сразу же после переизбрания Вильсона на второй срок в ноябре 1916 года. А тогда они сами будут вынуждены убрать 11 тысяч своих солдат и офицеров из Мексики.

Однако неожиданно появился еще один фактор, с которым пришлось считаться и Каррансе, и Вильсону. На политическую арену вернулся еще не оправившийся от ранения Панчо Вилья. Этот человек довольно точно учел все благоприятные для него изменения во внутренней и внешней политике Мексики. Бой под Каррисалем показал мексиканцам, что американцев можно бить, и довольно успешно. Сотни ветеранов «Северной дивизии» были готовы снова взяться за оружие, тем более что их прежний вождь и Карранса вроде бы имели теперь общего врага.

На Вилью работали и изменившиеся настроения населения в самом Чиуауа. Как и предсказывал Вилья, для того чтобы жители штата прозрели, понадобилось примерно шесть месяцев. После ввода войск Першинга Карранса назначил командующим в Чиуауа генерала Хасинто Тревиньо. Тревиньо сделал губернатором своего брат Франсиско, и оба руководителя устроили в штате такой коррупционный режим, который даже по меркам того беспокойного времени был слишком уж наглым.

Если при Вилье многие коммерсанты чувствовали себя в безопасности (особенно когда «Северная дивизия» шла от успеха к успеху), то при каррансистах полностью исчезли постоянные правила игры. Принудительные кредиты были бы еще терпимыми, учитывая полностью обесценившиеся деньги. Однако каррансистские солдаты и офицеры ни за что не платили (Вилья же, как мы помним, требовал от своих солдат рассчитываться за все товары). Мало того, они просто грабили магазины и перепродавали дефицитные продовольственные товары в США целыми грузовиками. Полковник армии Каррансы Диас Гонсалес командовал гарнизоном в Эль-Валье, где располагались и 4 тысячи солдат Першинга. Поэтому американцы оказались свидетелями «нового порядка». Гонсалес просто арестовывал неугодных и освобождал их за выкуп. Если выкупа не было, арестованный исчезал.⁶² Когда одна из элитных путан Маргарита Акоста отказала полковнику в своем обществе, он арестовал ее и расстрелял как шпионку Вильи. Конечно, без всякого суда. Заодно расстреляли сестру и служанку жрицы любви. Как настоящий рэкетиер, Гонсалес требовал, чтобы все, проходящие через «его» город, имели «пропуск». Пропуск этот, естественно, надо было купить. Тех, кто не воспринимал такой порядок всерьез, бросали в тюрьму. Те, кто прогонял через Эль-Валье скот, должны были платить Гонсалесу по 5 долларов «пошлины» за каждую голову.

⁶² Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P.581

Тревиньо не только не пытался навести в штате порядок, но и сам вместе со своим братом участвовал в незаконных выгодных коммерческих операциях. Американцы оценивали уровень боеспособности каррансистской армии крайне низко, так как офицеры, в отличие от получавших скудное жалование солдат, жили в роскоши и не интересовались боевой подготовкой. Тем более что, по мнению Тревиньо, «вильизм» в штате был полностью уничтожен. Так же считал и командующий войсками соседнего с Чиуауа штата Дуранго генерал Франсиско Мургуя.

Американцы в конце лета 1916 года тоже придерживались подобной точки зрения. Им удалось внедрить в ближайшее окружение Вильи своего агента.⁶³ Тот докладывал, что рана затягивается плохо, Вилья передвигается на костылях, а верховая езда доставляет ему нестерпимую боль.

И все же в середине лета Вилья опять начал борьбу. Вместе со своим отрядом он объезжал городки и деревни и выступал на главных площадях с речами. Оратором Вилья был не очень искушенным, но с лихвой компенсировал недостаток образования горячей убежденностью в правоте собственных слов. Он опять призывал вступать в его ряды, чтобы бороться с американцами. Длительное присутствие последних на мексиканской земле доказывало всю истинность его манифеста в ноябре 1915 года. Теперь, говорил Вилья, понятно, что Карранса готов продать США Сонору и Чиуауа. Речи сопровождались распределением среди населения захваченного на принадлежавших американцам асиендах продовольствия.

Рекруты-добровольцы стали снова пополнять ряды вильистских отрядов. Однако вскоре Вилье пришлось объяснять новым бойцам, почему он вопреки собственным речам не воюет с американцами, зато бьет каррансистов, которые тоже вроде не испытывают особых симпатий к войскам Першинга. Конечно, Вилья не мог прямо сказать, что сам спровоцировал карательную экспедицию, чтобы поставить «верховного главнокомандующего» в трудное положение. Он разъяснял, что пока предатель Карранса находится у власти, невозможно объединить всех мексиканцев на борьбу с извечным северным врагом. Вилья не трогал Першинга, во-первых, потому, что не сомневался в его способности быстро захватить столицу штата, а захватить и ее, и весь штат он хотел сам. Во-вторых, в случае успеха его стратегического плана – захвата Чиуауа и Дуранго и движения на юг по железной дороге на соединение с Сапатой – Вилье как командующему новой массовой армии неизбежно потребовались бы оружие и боеприпасы из США. Он понимал, что при кровопролитных столкновениях с войсками США ему даже при помощи контрабандистов не удастся в будущем получить доступ к американскому рынку оружия.

⁶³ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 583

После пропагандистских выступлений последовали первые бои отряда Вильи с каррансистскими гарнизонами в Чиуауа. Сначала эти стычки не вызвали особого беспокойства Тревиньо, у которого были в Сьюдад-Чиуауа более 6 тысяч солдат. Первую победу вильисты одержали за счет военной хитрости. Командир каррансистского отряда в 600 человек Игнасио Рамос направил письмо одному из вильистских офицеров Николасу Фернандесу с предложением объединить усилия против американцев. Фернандес пригласил коллегу на переговоры, и там на каррансистов неожиданно напал вильистский отряд. Рамос сопротивлялся, но все-таки был вынужден отступить с 300 бойцами.⁶⁴

Вилью обвиняли в предательстве. Однако и каррансисты совсем недавно обещали одному из офицеров Вильи амнистию, но расстреляли его, как только тот перешел на их сторону. Теперь и Вилья отбросил всякую гуманность по отношению к пленным. Офицеров Каррансы он расстреливал сразу. Солдатам предлагался выбор: либо присоединиться к вильистам, либо последовать за офицерами. Вильистский генерал Урибе отрезал часть уха всем отпущенным им пленным: захватив вновь, их расстреляли бы, немедленно узнав бывших каррансистов. Такая тактика, впрочем, не была особо успешной, потому что многие вчерашние каррансисты перебежали обратно к своим при первой же возможности.

Мелкие стычки с переменным успехом были лишь репетицией к новому началу общенациональной борьбы, которое Вилья решил приурочить ко Дню мексиканской независимости, 16 сентября. В этот день во всех крупных городах происходили народные гуляния. Тревиньо не видел никакого повода, чтобы не разрешить своим солдатам принять в них участие. Правда, ему докладывали, что Вилью видели поблизости от Сьюдад-Чиуауа, однако он не воспринял это сообщение всерьез. Ведь, в отличие от прошлых времен, у Вильи не было артиллерии, а на холме Санта-Роза, который господствовал над столицей штата, размещались пушки правительственных сил.

Вилья решил захватить Сьюдад-Чиуауа на короткое время своей излюбленной ночной атакой.⁶⁵ Он сознавал, что удержать город ему пока не удастся, однако успех рейда, несомненно, продемонстрировал бы отсутствие реального контроля правительственных сил над штатом. Но, в отличие от рейда на Колумбус, сейчас для атаки Вилье нужен был предлог, который поняли и одобрили бы его бойцы. Он разъяснил, что хочет освободить из городской тюрьмы находящихся там вильистов и ороскистов. Среди прочих в тюрьме сидел бывший генерал Ороско Салазар, который потерпел поражение от Вильи при Терра-Бланка в ноябре 1913 года. Если раньше Вилья сразу же расстреливал сторонников Ороско, то теперь он решил объединиться с

⁶⁴ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 588

⁶⁵ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 589

ними. Салазар был знаменем «алых» после смерти Ороско, и Вилья с полным основанием рассчитывал, что он привлечет под общие знамена тысячи сторонников. Тем более что ороскисты были возмущены предательским убийством своего лидера в США.

Вилья написал письмо генералу Тревиньо, обещая пожать ему руку в столице штата 16 сентября. Согласно одной из легенд (вряд ли достоверных) Вилья, переодевшись, лично ходил на разведку в город. Уже вечером 15 сентября 1916 года под видом посетителей праздничных торжеств в Сьюдад-Чиуауа стали просачиваться вильисты.⁶⁶ Всего Вилья собрал для атаки около 1700 бойцов. По плану один отряд должен был захватить тюрьму, а другой – напасть на дворец губернатора и военные казармы. Ночью весь город наполнился криками: «Вива Вилья!» Охранники тюрьмы не успели оказать сопротивления и были перебиты. Сами вильисты потерь не понесли. Они освободили около 200 политических заключенных. Вилья обнял своего недавнего смертельного врага Салазара и произнес: «Я пришел сюда только с одной целью – предотвратить твой расстрел».

Услышав стрельбу, Тревиньо впал в панику и укрылся под защитой артиллерии на холме Санта-Роза. Вилья же инспектировал дворец губернатора, который еще совсем недавно был символом его безраздельной власти в штате. Он вышел на балкон, где в декабре 1915 года прощался с жителями столицы. Толпа внизу скандировала: «Вива Вилья!» Вилья произнес краткую речь, пообещав вскоре освободить весь штат от американцев и Каррансы. «Я вернусь через несколько дней!» Однако успех вильистов был омрачен некоторой несогласованностью в действиях двух основных групп. Планировалось, что те, кто займет дворец губернатора, уйдут из города, как только смолкнет стрельба в районе тюрьмы (это должно было послужить им сигналом, что тюрьма взята). Но стрельба продолжалась, так как ее вели рассеявшиеся по Сьюдад-Чиуауа каррансисты. Поэтому, когда основная часть отряда покинула город, другая часть осталась и была окружена. Только с большими потерями вильистам удалось соединиться со своими главными силами.

В докладе Обрегону Тревиньо расценил атаку Вильи как собственную блестящую победу. Ведь противник продержался в Сьюдад-Чиуауа только до 10 часов утра.⁶⁷ Однако все население штата думало иначе. Ведь Вилья, всеми считавшийся уже отыгранной картой, спокойно захватил центр Чиуауа, который обороняло около 9 тысяч каррансистов. Многие мексиканцы опять поверили в непобедимость командующего «Северной дивизией». Поверили в нее и американцы, отмечавшие усилившийся приток добровольцев в отряды Вильи.

⁶⁶ Лаврецкий И. Р. Панчо Вилья, М, 1962. С. 197

⁶⁷ Вилья ушел отнюдь не с пустыми руками: он захватил 16 машин с оружием и боеприпасами.

К тому же после рейда на столицу штата вильисты одержали еще целый ряд побед. Из Сьюдад-Чиуауа отряд направился в городок Сан-Андрес, который Вилья брал еще во времена борьбы против Диаса. Тамошний начальник каррансистского гарнизона полковник Суаса решил обмануть противника. Он укрепился в городе вместе с 60 бойцами (такая малочисленность должна была сыграть для вильистов роль приманки). Большая же часть гарнизона (300 бойцов) была заранее отведена из города, чтобы напасть на Вилью, когда он будет сражаться с гарнизоном. Однако засадный отряд напасть не решился, и после нескольких часов боя Суаса сдался. Все пленные были расстреляны. Вилья раздобыл телеграфный код гарнизона и отправил соседнему каррансистскому отряду срочную телеграмму с требованием прибыть на помощь осажденному гарнизону Сан-Андреса. Лейтенант, командовавший тамошними каррансистами, сначала не поверил, так как один из бежавших из Сан-Андреса солдат уже рассказал ему о гибели Суасы. Но Вилья по телеграфу приказал расстрелять этого солдата как паникера и срочно идти в Сан-Андрес. Лейтенант так и сделал, и 25 его солдат были взяты в плен и расстреляны.

Вилья действительно не церемонился с пленными, тогда как раньше он всегда щадил рядовых. По всей видимости, он был возмущен расправой над вильистами, которых взяли в плен при атаке на Сьюдад-Чиуауа. Перед расстрелом пленных заставили собственноручно копать себе могилы, что по тому времени считалось вопиющей бесчеловечностью.

После Сан-Андреса вильисты двинулись на горнорудный центр Кусиуирачик (именно туда на работу ехали американцы, которых расстреляли в январе 1916 года). Вилья предупредил о своем наступлении командира каррансистского гарнизона, и тот решил сам уйти из города. При отступлении каррансисты открыли огонь по приблизившимся к городу всадникам. После ожесточенного боя выяснилось, что под обстрел попал другой каррансистский отряд, который как раз шел гарнизону на выручку. Когда недоразумение обнаружилось, подошел Вилья и легко разбил оба отряда. В живых оставили только военный оркестр, который отныне сопровождал вильистов и играл в занимаемых ими населенных пунктах.

Далее отряд Вильи отправился в бывший центр ороскистского движения Сан-Исидро, где были торжественно, с оркестром и петушиными боями, отпразднованы именины командира.⁶⁸ В местечке Санта-Исабель, том самом, где расстреляли в январе американских рабочих и инженеров, вильисты разгромили отряд генерала Кавасоса, который Тревиньо отправил на поиски Вильи. Упоенные победой, солдаты Вильи не выставили на ночь караулы, и утром их разбудил новый отряд каррансистов во главе с генералом Осуной. В панике вильисты бежали. Однако солдаты Осуны были деморализованы

⁶⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 591

видом десятков расстрелянных пленных, тела которых лежали на улицах. И когда одна из небольших групп вильистов открыла огонь, солдаты Осуны бросились наутек, решив, что их заманивают в ловушку. На следующий день вильисты действительно пришли в себя и атаковали Осуну, который укрепился на окрестных холмах. Бой был коротким, и каррансисты бежали. Многих настигли (у солдат были плохие и некормленные кони) и расстреляли.

Тревиньо, правда, не видел в успехах вильистов большой беды. Любой неудачный бой имел у него свое объяснение. В одном случае подвела несогласованность действий, в другом каррансисты по ошибке обстреляли друг друга и так далее. Тревиньо сообщал Обрегону, что основной причиной неудач помимо описанных выше случайностей является недостаток боеприпасов. Следует отметить, что после стычки у Паррала в апреле 1916 года американцы сначала сократили, а потом вообще запретили поставки оружия и боеприпасов в Мексику, чтобы оказать давление на Каррансу. После этого во многих частях действительно стал ощущаться недостаток боеприпасов. Вилья же заранее заготовил несколько складов, и у него такого недостатка не было.

Однако Обрегон не поверил объяснениям Тревиньо. Он считал основной бедой командующего каррансистами в Чиуауа неправильную тактику. Следовало не ждать нападений Вильи, а атаковать его в инициативном порядке. Кстати, в этом случае, по мнению Обрегона, был бы меньше и расход боеприпасов. Но Тревиньо был только мастером обороны – именно он несколько месяцев успешно сдерживал атаки вильистов на порт Тампико в 1914–1915 годах. Поэтому Обрегон решил направить в Чиуауа командующего войсками соседнего штата Дуранго генерала Мургуя. Напомним, это он разгромил Вилью при Леоне в 1915 году, когда сам Обрегон был тяжело ранен. Тревиньо воспринял свое подчинение Мургуе как оскорбление и подал в отставку. Обрегон отставку не принял, намекнув, что сначала Тревиньо должен искупить позор за свои неудачи. В ответ тот поклялся когда-нибудь убить Обрегона.

Вилья же отправил Тревиньо открытое письмо, в котором «докладывал», что около 300 бойцов стоит вычеркнуть из списка живых, и просил прислать ему еще солдат и офицеров.⁶⁹ Назвав адресата предателем (американцы в Чиуауа, но их никто не прогоняет), подытожил Вилья свое издевательское послание так: толковать, мол, с Тревиньо – все равно что разговаривать с необразованным ослом.

Впервые после ноября 1915 года Вилья, ощутив свою силу, снова обратился с манифестом к нации.⁷⁰ На этот раз воззвание было выдержано в подчеркнуто националистических тонах. Социальных реформ Вилья не обе-

⁶⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 592

⁷⁰ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 592

шал. Он призывал сосредоточить усилия исключительно на борьбе с «врагами нашей расы» – американцами. Вилья предлагал немедленно лишить всех иностранцев права владения собственностью в Мексике. Только те из них, кто принял мексиканское гражданство и прожил в стране не менее 25 лет, должны были получить возможность приобретать недвижимость, да и то вдалеке от границы. Вилья даже предлагал полностью прекратить всю торговлю с США и перерезать ведущие в Америку телеграфные и железно-дорожные линии.

На первый взгляд, эти требования выглядели несколько утопично. Но, как ни странно, они свидетельствовали о хорошем политическом чутье Вильи. В то время (конец 1916 года) Карранса опять широковещательно объявлял о грядущих глубоких реформах, а многие генералы-губернаторы на местах (например Кальес в Соноре) уже активно проводили их в жизнь. В этих условиях поднять людей на вооруженную борьбу под лозунгом социальных реформ было тяжело. Зато американцев ненавидели все, в том числе и многие солдаты и офицеры каррансистской армии.

В манифесте Вилья высказал и одну мысль, очень сходную с тем, что предлагал Обрегон: будущим президентом Мексики не должен стать кто-либо из генералов, а Конгресс нужно составить из людей «скромного» происхождения – тех, кто не понаслышке знает о чаяниях простых мексиканцев.

Манифест действительно сыграл свою роль, и к Вилье потянулись дезертиры из каррансистской армии. Американцы отмечали, что правительственные войска удерживают только крупные города и что симпатии подавляющей части населения Чиуауа на стороне вильистов. Из такой оценки ситуации они сделали довольно оригинальный вывод – решили отравить Вилью. Им удалось войти в контакт с японцами, которые прислуживали Вилье и его семье. Вилья терпеть не мог китайцев, считая, что все они бедняки и их иммиграция ничего не может дать Мексике, зато японцев он, как и многие мексиканцы, очень уважал. Это уважение стало распространяться в Мексике после удивительной для всего мира победы Японии в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Страна восходящего солнца убедительно продемонстрировала, как за короткий срок можно превратиться из отсталой полукolonии в ведущую мировую державу. Многие мексиканцы видели в этом яркий пример для подражания. Например, офицеры мексиканской армии внимательно изучали историю всех крупных сражений Русско-японской войны, и одним из главных усвоенных уроков было широкое применение пулеметов.

Японцы стали информировать американцев о передвижении Вильи, однако проку от этого было немного, так как теперь американцы все равно не могли уже свободно передвигаться по Чиуауа. Когда же японцы предложили отравить Вилью, то начальник разведки Першинга капитан Рид с удовольствием передал им яд. 23 сентября 1916 года японцы Дио и Сато доложили,

что подсыпали яд в кофе Вильи.⁷¹ Однако с последним ничего не произошло. Нет даже сведений, что Вилья болел. Возможно, Вилью спасло то, что он отлил полчашиki своему адъютанту. Мы уже упоминали, что Вилья всегда боялся отравления. Как оказалось, не зря. Японцы сокрушались: ведь предвзвешенно они успешно испытали яд на собаке.

Когда через Министерство обороны рапорт о попытке отравления Вильи дошел до президента США, тот был потрясен. Вильсон меньше всего хотел, чтобы эта постыдная история всплыла перед президентскими выборами. Даже Карранса не захотел обсуждать эту тему, когда еще в марте 1916 года те же японцы предложили отравить Вилью и ему.

Вилья не знал, что едва не расстался с жизнью. Наоборот, после рейда на Чиуауа он стал осторожно нащупывать контакты для примирения с американцами. Вскоре он опять должен был возглавить многотысячную армию, и ему требовалось американское оружие. С его точки зрения, экспедиция Першинга свою основную задачу уже выполняла: многие мексиканцы стали считать Каррансу предателем, а Вилью – лидером общенационального движения сопротивления агрессорам. В этих условиях Вилья пригласил в свой лагерь двух американцев (один из которых, кстати, раньше поставлял боеприпасы для его «Северной дивизии»). Вилья просил их передать, что не несет никакой ответственности за расстрел 16 американцев в Санта-Исабель, узнал о нем спустя несколько дней после инцидента и выражает по этому поводу свое глубокое сожаление. Что касается Колумбуса, то его самого там не было. В город Вилья действительно не въезжал, что еще раз доказывает: этот человек просчитывал свои действия на много ходов вперед. Вскоре Вилья подтвердит свое алиби – укажет место своего нахождения во время рейда на Колумбус с помощью трех американских граждан.

В полном противоречии со своим же недавно выпущенным манифестом Вилья заверил двух американцев, что испытывает по отношению к их стране только добрые чувства. Придя к власти, он, как и прежде, станет защищать американскую собственность в Мексике и полностью гарантировать все коммуникации между обеими странами. И вообще он любит всех иностранцев, за исключением китайцев.

Американские агенты сообщали и о демарше одного из видных вильистских офицеров. Тот передал желание Вильи вступить в прямой контакт с представителями американского правительства. Целью переговоров должно было стать определение характера будущих отношений между США и Вильей как одним из политических лидеров Мексики. Вилья даже назвал через своего офицера желательного для него партнера по переговорам – своего старого друга генерала Скотта. Вильистский офицер заявил о готовности передать для Вильи любую информацию от американского правительства.

⁷¹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 609

О тайных контактах Вильи с американцами узнали даже каррансисты. Тревиньо абсолютно верно расценил их как попытку заручиться возможностью приобретать в США оружие и боеприпасы.

Однако ни Першинг, ни его непосредственный начальник Фанстон не обманывались насчет истинных чувств Вильи по отношению к США. В октябре 1916 года, после серии побед Вильи над каррансистскими гарнизонами, Фанстон предложил немедленно оккупировать два самых крупных города Чиуауа – Сьюдад-Чиуауа и Сьюдад-Хуарес.⁷² Целью акции должен был стать именно удар по Вилье, так как каррансистская армия, по мнению Першинга, уже не контролировала ситуацию в штате. Одобрение этого плана дало бы Першингу и хоть какое-то оправдание бесцельному пребыванию его группировки в Чиуауа. Однако Вильсон, который уже решил в ближайшем будущем втянуть США в войну в Европе, не был заинтересован в возможных осложнениях в Мексике и с планом Першинга не согласился.

Между тем Обрегон направил из Дуранго против Вильи крупный отряд войск во главе с генералом Фортунато Майкотте. Именно этот человек вел авангард Обрегона в решающей первой битве при Селайе. Майкотте получил жесткую инструкцию: немедленно атаковать отряд Вильи сразу же после его обнаружения. Эта инструкция Обрегона привела к тяжелому поражению правительственных войск. Вилья оказался способным учеником и применил против Майкотте ту же самую тактику, которую при Селайе применил против него самого Обрегон.

Отряд Вильи занял заранее укрепленные позиции у местечка Ла-Энрамада. Подошедший туда отряд Майкотте подвергся нападению небольшого отряда вильистов во главе с «отрезателем ушей» Урибе. Майкотте ринулся за отхлынувшими вильистами в атаку и был встречен плотным ружейно-пулеметным огнем окопавшихся основных сил Вильи. Каррансисты в беспорядке бежали с поля боя.

После разгрома Майкотте Тревиньо наконец почувствовал, что над его головой сгущаются тучи. Такое поражение свежего и сильного отряда уже трудно было объяснить простой случайностью. Поэтому Тревиньо отослал свою жену в Эль-Пасо вместе с солидной суммой в 47 тысяч долларов. К тому времени вильисты одержали победу в 22 стычках с каррансистами. Сам Вилья поражений не имел.

Обрегон решил, что пора одним ударом закончить кампанию и, как уже упоминалось, направил в Чиуауа 6 тысяч солдат во главе с одним из лучших генералов Каррансы Мургуей. Мургуя по прибытию доложил Обрегону,

⁷² В свою очередь, Карранса дал мексиканским консулам на юге США указание скрытно подготовить топографические карты американских приграничных территорий на случай начала войны между Мексикой и США. См. Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 246–247

что Тревиньо превратил штат в свою кормушку и население его ненавидит. Даже Вилья, который все чаще прибегал к непопулярному в Чиуауа методу насильственной вербовки в свои отряды, народ все еще любил гораздо больше, чем кого-либо из представителей каррансистской власти.

Узнав о движении в Чиуауа сильной колонны во главе с толковым генералом, Вилья решил захватить столицу штата до того, как Тревиньо и Мургуя успеют соединиться.⁷³ Это была та же тактика, которую он использовал осенью 1913 года, громя генералов Уэрты по отдельности. Однако на этот раз у Вильи не было артиллерии, в то время как Тревиньо разместил на холме Санта-Роза пушки, прикрывавшие подступы к столице штата.

Но, как в старые времена, Вилья погрузил свой отряд на поезд и двинулся в Сьюдад-Чиуауа. А предварительно его бойцами была разрушена железная дорога к югу от города, чтобы замедлить движение Мургуи. 23 ноября 1916 года армия Вильи по всем правилам осадила Сьюдад-Чиуауа. Четыре дня продолжались кровопролитные бои, не принесшие успеха ни одной из сторон. На второй день осады Тревиньо лично повел свои войска в контратаку, и Вилье с трудом удалось ее отбить, направив на поле боя свой неприкосновенный резерв – «дорадос». Но Тревиньо решил, что Вилья разгромлен, и назначил на 28 ноября торжества в честь своей победы.

Однако генерал поторопился. В ночь на 28 ноября вильисты начали отчаянную атаку холма Санта-Роза. Вести людей в бой вызвался уже раненный в руку 23-летний командир вильистов Мартин Лопес. Он просил у Вильи 300 бойцов. Сначала Вилья колебался: Мартин Лопес был одним из его самых лучших командиров. Но, в конце концов, он согласился, и спустя несколько часов Лопес доложил о взятии холма. После этого положение защитников Сьюдад-Чиуауа стало критическим. К семи часам утра на улицах уже раздавались крики: «Вива Вилья!» Солдаты и офицеры правительственных войск ринулись на вокзал, чтобы успеть ударить из города на поезде. Сам Тревиньо усакал на коне, бросив свои войска на произвол судьбы. Некоторые части, например те, что охраняли тюрьму, держались еще несколько часов. Только после обещания Вильи сохранить им жизнь каррансисты сложили оружие. Вилья произнес перед пленными речь, призвав их в его рядах сражаться против американцев. Часть пленников присоединилась к вильистам, но в первом же бою снова перешла на сторону правительственных войск.

Тревиньо винил в своем поражении, по привычке, недостаток боеприпасов, а также медлительность Мургуи. Ведь сам Тревиньо в декабре 1915 года с 7 тысячами бойцов добрался до Сьюдад-Чиуауа за 11 дней, причем войска его шли с боями, а Мургуя не смог дойти до города и за 25 дней, не встречая никакого сопротивления.⁷⁴

⁷³ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 601

⁷⁴ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 603

Но какими бы техническими и чисто военными причинами ни пытался объяснить Тревиньо потерю столицы штата, было ясно, что Вилья опять превратился из обычного партизана в крупный общенациональный политический фактор.

Почти синхронно с Вильей восстала из пепла Освободительная армия Юга. За время полуторагодового периода фактического правления сапатистов в Морелосе население штата коренным образом изменило свой повседневный уклад жизни. Люди получили землю и полную автономию на местном уровне. И теперь, в мае 1916 года, у них все это отняли войска Пабло Гонсалеса. Несмотря на название своего движения, конституционалисты не собирались восстанавливать конституцию в Морелосе. Штатом управлял военный губернатор. Все самоуправление было фактически ликвидировано. У деревень снова отобрали землю и предложили им подать свои заявки на выделение дополнительных участков в аграрную комиссию штата.

Морелос подвергся невиданному грабежу.⁷⁵ На черном рынке в Мехико офицеры Гонсалеса продавали не только захваченное у противника военное имущество, но и «конфискованную» частную собственность. Одна англичанка увидела, как офицеры продают ванны из отеля в Куэрनावаке, которым она владела. Вернуть добычу они отказались, так как, по их словам, хозяйка сама бросила свой отель.

Такое поведение «революционных» войск обеспечило партизанские отряды Сапаты массой добровольцев. Хотя несколько командиров сапатистов все же перешли на сторону Гонсалеса, большинство повстанческих лидеров были решительно настроены на продолжение борьбы. 29 мая 1916 года ставка Сапаты обратилась с манифестом к народу. В нем каррансистов называли пособниками американцев, которые с согласия новой власти оккупировали часть Чиуауа. Как и Вилья, Сапата сделал упор на патриотизм, хотя, в отличие от союзника, он никогда не забывал о социальных целях своего движения.

В июле 1916 года сапатисты опять начали рейды против каррансистских гарнизонов в штате. Гонсалес был вынужден признать, что партизаны пользуются полной поддержкой местного населения. «Во имя порядка и прогресса» главнокомандующий оккупационных войск пригрозил крестьянам суровым и коллективным наказанием, не подлежащим обжалованию. В ответ уже более крупные отряды сапатистов (до тысячи человек) напали на столичный округ. Каждые две недели в июле сапатисты атаковали Тлаатисапан, где раньше располагалась их ставка. К началу осени 1916 года партизанская армия насчитывала больше тысячи человек в боевых порядках, а еще две-три тысячи каждодневно были готовы заменить уставших, больных и раненых.

Гонсалес отреагировал на возрождение повстанческого движения в стиле Хувенсио Роблеса. Чтобы крестьяне Морелоса не омрачали 16 сентября

⁷⁵ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 260

празднование Дня независимости, он приказал сконцентрировать сельское население в городах с целью его последующей депортации из штата.⁷⁶ Сапата ответил указом о восстановлении муниципальной автономии в Морелосе. Причем, в отличие от широковещательных заявлений Каррансы по этому же поводу, план Сапаты был очень хорошо продуман и содержал финансовые гарантии самостоятельности местных властей. В частности, они получали все доходы от ломбардов, закусовых, а также имели право облагать налогами всех торговцев товарами первой необходимости. Вдобавок Сапата объявил, что в период временной оккупации штата каррансистами муниципалитеты имеют право собирать и те налоги, которые в мирное время принадлежали властям штата. Таким образом, полуграмотный крестьянин Сапата, не в пример интеллигенту Каррансе или «якобинцу» Обрегону, с самого начала пытался придать экономической и политической структуре Морелоса упорядоченный характер, не основанный на разного рода единовременных реквизициях. Время издания и содержание манифестов Сапаты показывают, что он очень тонко чувствовал настроения своих земляков.

Об этом же свидетельствует и новая тактика борьбы партизан. Они старались не вести бои в деревнях или даже вблизи них, чтобы избежать страданий мирного населения и не дать Гонсалесу повода для репрессий. Как и Вилья, Сапата решил проводить такие операции, которые возбуждали бы внимание общественного мнения и показывали бы всю эфемерность контроля Каррансы над страной.

Главной мишенью сапатисты избрали железные дороги. 1 октября 1916 года Сапата заклеил выборы в конституционную ассамблею Мексики как фарс. В Морелосе они таковым и являлись: «избранные» офицеры оккупационной армии не имели к штату никакого отношения.⁷⁷ Одновременно Сапата предупредил (в том числе и иностранных дипломатов), что ни одна из железных дорог страны более не безопасна и что Карранса не в состоянии эту безопасность обеспечить. За словами немедленно последовали дела. Американский временный поверенный в Мехико сообщал 4 октября, что после тяжелейшего боя сапатисты захватили водонапорную станцию в Хочимилко, снабжавшую всю столицу водой. Позднее они атаковали предместья самого Мехико, и в центре города была отчетливо слышна стрельба на окраинах. Атаки стали проводиться и в соседних с Морелосом штатах. Объектами рейдов были железные дороги и промышленные объекты. Населенных пунктов партизаны старались избегать.

Освободительная армия Юга наконец-то превратилась в регулярную. Все части были разбиты на боевые, а также резервы разных степеней готовно-

⁷⁶ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 264

⁷⁷ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 266

сти. Создавались медицинская и другие необходимые службы. Уличенных в трусости или пассивности командиров Сапата отстранил от должности.

Сапата издал также строгий приказ, запрещавший партизанским командирам любые немотивированные реквизиции и насилия против мирного населения. После взятия деревень и городов (а Сапата не сомневался, что вскоре его армия добьется подобных успехов) предписывалось немедленно проводить свободные выборы и не вмешиваться в работу избранных таким путем органов власти. Местным командирам следовало на месте расстреливать мародеров и всех, кто вмешивался в работу местного самоуправления. Контраст с поведением Гонсалеса был налицо.

Последний боролся с повстанцами уже проверенными во времена Уэрты методами. Жителей Морелоса в товарных вагонах перевозили в Мехико, где они ютились на вокзалах или во временных хижинах без всяких средств к существованию. Непокорные деревни сжигались дотла, проводились показательные массовые расстрелы. Так, например, только 30 сентября 1916 года в Тлалтисапане были расстреляны 180 человек, среди них много женщин.⁷⁸ Они провинились в том, что отказались платить местному командиру каррансистов очередной «налог». 11 ноября Гонсалес издал неслыханно жестокий приказ, каких не знали даже во времена Порфирио Диаса. Расстрелу подлежали все, кто прямо или косвенно оказывали поддержку «сапатизму». Под такую формулировку в Морелосе мог попасть практически каждый. Расстрел без суда ждал и тех, кого задерживали в штате без специального пропуска, выписанного каррансистской армией. Такая же кара ждала того, кто давал свой пропуск кому-нибудь еще.

В ответ на этот приказ сапатисты взорвали очередной эшелон. Погибли несколько десятков человек. В точном соответствии с предвидением Сапаты иностранные дипломаты в Мехико стали сообщать об отсутствии действенного контроля правительства даже в окрестностях столицы. Гонсалес реагировал на растущую критику в свой адрес постоянными требованиями к Обрегону прислать ему дополнительные войска. Около 6 тысяч солдат и офицеров Гонсалеса к тому времени уже болели разными инфекционными заболеваниями, которые сами же они и распространяли в разграбленном и лишенном запасов продовольствия штате. Но Обрегон не мог удовлетворить подобные пожелания. В Чиуауа снова развернул активную борьбу Вилья, да и американцев в этом же штате следовало постоянно держать под прицелом. Гонсалес стал подозревать Обрегона в том, что тот специально не дает ему добить сапатистов, этих «варваров», «сатиров», «преступников по натуре».

А глава «варваров» уже к 1 декабря 1916 года снова освободил Тлалтисапан и развернул там свою ставку. По его приказу впервые с весны сапати-

⁷⁸ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 268

сты провели скоординированные атаки на все крупные города Морелоса, включая столицу.⁷⁹ Два города были взяты в первый же день. Оборона гарнизонов Гонсалеса в других местах держалась из последних сил. Гонсалес к тому времени, в отличие от Сапаты, на всякий случай перенес свою ставку в Мехико и сообщал оттуда о все новых успехах правительственных войск, причем победы якобы одерживались все ближе и ближе к столице.

К концу декабря, менее чем за месяц своего наступления, сапатисты отбили большинство городов Морелоса. В январе 1917 года пала Куэрнавака. Кампания армии Гонсалеса завершилась полным поражением. Сапата уже строил планы по захвату Мехико.

Для Каррансы такое развитие событий в Чиуауа и Морелосе было явно не ко времени. Как раз в конце 1916 года «верховный главнокомандующий» решил завершить затянувшуюся, по его мнению, революцию. Для этого следовало, конечно, провозгласить некоторые реформы, чтобы успокоить огромное большинство населения Мексики, а главное – выбить из-под ног Обрегона его социальную опору. Но основной вопрос для Каррансы был в другом – он хотел наконец превратиться из верховного главнокомандующего в полноценного президента страны.

Карранса провозгласил созыв нового представительного совещания, призванного выработать новую редакцию Конституции 1857 года. Именно в этом документе и планировалось закрепить основные результаты многолетней кровопролитной войны. Карранса прекрасно помнил, к чему пришел первый Конвент, созданный в Агуаскальентесе в октябре 1914 года. Делегаты этого форума попросили его уйти в отставку, и понадобился целый год жестоких боев, чтобы уничтожить или загнать в подполье тех, кто воевал под знаменами этого Конвента. Причину такого развития событий Карранса видел в том, что на Конвенте 1914 года согласно совместному предложению Вильи и Обрегона были представлены только военные лидеры конституционалистской армии. Теперь под флагом борьбы с засильем милитаризма Карранса решил добиться преобладания на съезде гражданских чиновников, большинство из которых были обязаны своим положением именно ему, а не своим солдатам, как, например, Обрегон.

Формально Карранса решил поиграть в демократию и заявил, что на будущий съезд делегаты должны избираться.⁸⁰ Но выборы эти Карранса представлял себе следующим образом: в каждом округе гражданский губернатор штата выдвигает «официальную» кандидатуру, а все ее противники объявляются сторонниками Вильи или Сапаты, что в условиях того времени повлекло бы за собой предание военному трибуналу. Однако многие губер-

⁷⁹ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970. P. 271

⁸⁰ Карранса предлагал провести выборы 22 октября 1916 года. См. Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 328

наторы конца 1916 года являлись либо бывшими, либо действующими генералами революционной армии, и ориентировались эти люди отнюдь не на Каррансу, а на своего неформального лидера Альваро Обрегона.

Отношения Каррансы с Обрегоном в конце 1916 года приобрели такой характер, что последнему постоянно приходилось опровергать слухи о своем готовящемся выступлении против «верховного главнокомандующего». Карранса с ревностью следил за успехами Обрегона на посту военного министра. Обрегон провел полный учет всех военнослужащих, особенно офицеров. При этом его интересовало, кто произвел того или иного человека в офицерское звание. Людей, связанных своей карьерой с Вильей, старались из армии удалить. Далее Обрегон полностью централизовал все военные закупки и создал постоянно действующую медицинскую службу вооруженных сил.

В составе Военного министерства был создан специальный департамент по развитию авиации.⁸¹ В отличие от своего американского коллеги, Обрегон придавал авиации первостепенное значение. Именно его армия еще во время борьбы с Уэртой провела пробное бомбометание по кораблю правительственных сил. Пабло Гонсалес использовал авиацию в своем походе против Сапаты. Обрегон решил, что Мексика должна производить собственные самолеты. В конце 1916 года за границей было закуплено 12 авиамоторов, и в городе Сан-Лазаро мексиканские рабочие и инженеры стали конструировать аэропланы. Они старались, чтобы эти машины как можно лучше были приспособлены к климатическим условиям Мексики: к большей по сравнению с Европой высоте над уровнем моря, а, следовательно, и к более разреженному воздуху.

Обрегон стремился, чтобы все офицеры вооруженных сил, большинство из которых еще совсем недавно были сугубо гражданскими людьми, получили тактическую и техническую подготовку. Для этого он учредил 8 октября 1916 года академию генерального штаба. Как и в России времен Гражданской войны, многие офицеры мексиканской революционной армии были против профессионализации военной службы, так как не хотели, чтобы их добровольческие формирования стали хоть в чем-то похожи на ненавистную старую федеральную армию. Но Обрегон так объяснил свою идею: «Народ можно умиротворить только законом, а этот закон можно защитить только винтовками... Как только эти законы и декреты обретут законную силу, найдутся те, кто в нарушение принципов морали и права попытаются нарушить их. И тогда мы будем готовы защитить свои институты против этих атак и интриг с оружием в руках».⁸² Это высказывание – по сути, адаптирован-

⁸¹ Hall L. B. *Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920*. College Station, 1981. P. 158

⁸² Hall L. B. *Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920*. College Station, 1981. P. 159

ный к мексиканским реалиям известный тезис Ленина: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».

Обрегон рвался в отставку с поста военного министра. В соответствии со своими убеждениями он решил пожертвовать военной службой ради политической борьбы. Однако Карранса никак не хотел на это соглашаться и убеждал Обрегона остаться в должности до тех пор, пока территорию Мексики не покинет последний американский солдат. Одновременно через Пабло Гонсалеса, бывшего своего рода посредником между группой сторонников Обрегона и приближенными «верховного главнокомандующего», Карранса фактически предложил Обрегону сделку. Он, Карранса, не станет препятствовать внесению в будущую конституцию радикальных положений. (Опытный политик, он знал, чего стоила, например, конституция Хуареса при Порфирио Диасе.) Обрегон же поддержит его кандидатуру на предстоящих президентских выборах, а главное – не станет баллотироваться сам.

Обрегон, конечно, тоже знал цену обещаниям Каррансы насчет политических и экономических реформ. Ему нечего было сказать поверившим ему лидерам «красных батальонов», распущенных Каррансой. (Правда, Обрегон лично спас от расстрела лидера столичных электриков Веласко.) С другой стороны, он не хотел в тот момент новой гражданской войны внутри каррансистского лагеря, так как она придала бы второе дыхание Вилье и Сапате. Обрегон, как и Вилья, умел мыслить на несколько шагов вперед. Он понимал, что при новой Конституции все будет зависеть от ее исполнения. Если Карранса станет саботировать закон, то революционная армия спокойно уберет его от власти.

Поэтому Обрегон решил, во-первых, добиться на будущем съезде принятия радикальной Конституции, а во-вторых, создать вместо разгромленной Каррансой в июне 1915 года Революционной конфедерации новую политическую опору для своих сторонников. Он всячески поощрял реформаторскую деятельность своего ближайшего соратника, губернатора Соноры генерала Плутарко Кальеса (того самого, который разбил Вилью при Агуа-Приете). Кальес ввел в штате 8-часовой рабочий день, бесплатное начальное образование и приступил к радикальной земельной реформе, которая в принципе ничем не отличалась от сапатистской в Морелосе. Сонора превратилась в социальный полигон, все достижения которого Обрегон и его сторонники хотели сделать общенациональными путем их закрепления в будущей Конституции.

20 ноября 1916 года конституционное собрание начало свою активную работу в Керетаро (этот город имел, как мы помним, особое значение в мексиканской истории – там в 1867 году расстреляли императора Максимилиана). Карранса сразу понял, что и на этот раз послушного ему большинства не будет. Конечно, теперь на съезде не было ни одного сторон-

ника Вильи или Сапаты, зато присутствовали многие сторонники их идей, которые постоянно ощущали поддержку Обрегона и большинства революционной армии.⁸³ Обрегон формально делегатом не был, но в Керетаро наведывался регулярно, особенно тогда, когда съезд решал наиболее принципиальные вопросы. Карранса, как обычно, открыв собрание, затем счел ниже своего достоинства участвовать в его текущей работе.

В социальном отношении делегаты представляли собой победивший в революции новый средний класс. К нему можно было условно причислить около 85% участников съезда. Еще 15% были из рядов «униженных и оскорбленных»: рабочих, пеонов и крестьян. Аристократия, разгромленная в войне против Уэрты, в Керетаро отсутствовала. По роду занятий 220 делегатов распределялись так: 62 адвоката (со времен Хуареса представители этой профессии были особенно политически активны в Мексике), 22 высших офицера, 19 земледельцев (сюда причислялись и крестьяне, и землевладельцы), 18 учителей, 16 инженеров и столько же врачей, 14 журналистов, 7 бухгалтеров, 5 профсоюзных лидеров, 4 шахтеров, 3 железнодорожника, 2 аптекаря, 1 актер и еще 31 представитель иных профессий.⁸⁴ То есть это был скорее бедный средний класс, который смел старую аристократию и впервые со времен Хуареса снова получил возможность вершить судьбы страны.

Около 150 делегатов занимали должности в государственных органах штатов времен Мадеро или в аппарате управления конституционалистов 1914–1915 годов. Именно на этих людей и рассчитывал Карранса.

С политической точки зрения на съезде сразу же выделились две основные группы. Большинство консервативных сторонников Каррансы – 31 человек – прежде были депутатами разогнанного Уэртой в октябре 1913 года Конгресса. Поскольку тогда они входили в «блок обновления», в Керетаро их именовали «обновленцами». Это были главным образом гражданские лица, не руководившие крупными воинскими формированиями в годы революции. Другая группа называлась «якобинцами» и ориентировалась на радикальные взгляды Обрегона и Кальеса.

Люди Обрегона сразу же попытались дать бой «обновленцам», стремясь не допустить их регистрации в качестве депутатов съезда. «Якобинцы» говорили, что бывшие члены Конгресса голосовали за избрание Уэрты президентом, а потом полгода поддерживали его, – таким не место на съезде сторонников революции. Однако лидеру «обновленцев» министру образования Феликсу Палавичини (в июне 1915 года вместе с Каррансой изгнавшему из правительства членов Революционной конфедерации) удалось со ссылкой на Каррансу доказать, что члены Конгресса остались в Мехико

⁸³ Противников Обрегона называли «обновленцами», сторонников – «якобинцами». См. Cumberland C. C. Mexican revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 333

⁸⁴ Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 250

лишь для того, чтобы вредить Уэрте.⁸⁵ Естественно, Карранса поддержал эти сомнительные утверждения. Ведь и он сам был готов признать Уэрту, если бы тот сохранил за ним пост губернатора штата Коауила.

Отбив первую атаку «якобинцев», сторонники Каррансы продолжали развивать успех. Им казалось, что в юридической казуистике споров вокруг новой Конституции они смогут перехитрить вчерашних клерков и учителей, ставших генералами. Председателем съезда был избран сторонник Каррансы Луис Мануэль Рохас, а другой «обновленец» Хосе Нативидад Масиас возглавил ключевую комиссию по выработке проекта Конституции.

Духовным лидером и организатором «обновленцев» стал Палавичини, быстро превратившийся в открытого врага Обрегона. Антипатия была взаимной. На одном из приемов Обрегон, повернувшись к Палавичини, журналисту, курировавшему всю печать конституционалистов, заявил, что считает журналистику самой легкой профессией. Тот поинтересовался, почему. «Потому что все, что вам надо делать, так это писать обо всем, ни в чем не разбираясь». Палавичини ответил, что профессия военного героя еще легче, потому что можно сидеть в глубоком тылу, а после победы присвоить ее себе. Обрегон сильно обиделся – ведь он-то всегда руководил войсками в бою лично, о чем и свидетельствовало его тяжелое ранение, превратившее молодого еще мужчину в инвалида.

Палавичини, кичась своим образованием, оскорблял не только Обрегона. Одного инженера-металлурга он обвинил в том, что тот не знает арифметики, других делегатов именовал «блохами» или «малолетними идиотами».⁸⁶ Собственно, так же о вчерашних мелких служащих думал и помещик Карранса, но старался держать подобные суждения при себе. Неудивительно, что полномочия Палавичини, второго человека в правительстве после самого Каррансы, были признаны съездом с большим трудом.

Когда Карранса представил съезду свой проект новой редакции Конституции 1857 года, выяснилось, что ничего нового в этой редакции нет. Карранса следовал классическому кредо мексиканского либерализма середины XIX века: главное – зафиксировать политические права и свободы, а экономическое развитие будет осуществляться и без вмешательства государства. При этом, что логично, в Конституции практически ничего не говорилось об улучшении положения рабочих и крестьян, составлявших более 80% населения страны.

Основная борьба по проекту Каррансы развернулась вокруг трех основных моментов: отношения церкви с государством (классическая тема мек-

⁸⁵ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 170

⁸⁶ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 170

сиканского либерализма), аграрной реформы и решения рабочего вопроса. К тому же «якобинцы» именно в силу своей нацеленности на социально-экономические реформы выступали за сильное централизованное государство, а Карранса предлагал как раз отдать все социальные вопросы в компетенцию отдельных штатов.

По церковному вопросу проект Каррансы вроде бы выглядел отнюдь не консервативным. Либералы всегда были противниками католической церкви. Школьное государственное образование в проекте «обновленцев» провозглашалось исключительно светским, однако церкви разрешалось учреждать частные религиозные школы. Такой подход Карранса объяснял правом каждого человека самому выбирать себе форму образования. С этим «якобинцы» решительно не согласились, и церкви все-таки запретили заниматься воспитанием в какой-либо форме. Основные акты гражданского состояния должны были регистрироваться только в органах государственной власти. Все священники отныне обязаны были быть мексиканскими гражданами и не допускать высказываний против существующего государственного строя. Кальес в Соноре вообще поначалу изгнал из штата всех служителей культа.

Сторонники Каррансы, пытаясь сохранить свою редакцию статьи Конституции о церкви, стали прибегать к угрозам. В частности, они заявили, что радикальные тезисы вызовут недовольство у американцев.⁸⁷ Группа «якобинцев» немедленно отправилась навестить Обрегона, так как военное вмешательство США в то время было отнюдь не только гипотетической возможностью. Обрегон рекомендовал принять конституцию, служащую исключительно интересам мексиканцев. Если США и не признают новое правительство сразу, рано или поздно они все равно сделают это (прогноз оказался абсолютно точным). Однако некоторые «якобинцы» все же засомневались: Вилья как раз снова вышел из подполья, и в этих условиях признание со стороны США означало поставки оружия и боеприпасов. Ответ Обрегона был лаконичен: если надо, он опять победит Вилью без всякой помощи со стороны американцев. После этой встречи делегация «якобинцев» без всяких сомнений проголосовала за радикальный вариант статьи о церковном вопросе.

Итак, согласно утвержденной в острых спорах статье 130 новой мексиканской Конституции страна превращалась в абсолютно светское государство, которое имело право жестко контролировать общественно-политическую деятельность церкви. Никто тогда и не мог представить, что уже через пару лет церковь решится на открытый вооруженный мятеж против новой революционной власти.

⁸⁷ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 175

Сторонники Каррансы были обескуражены столь чувствительным поражением и перешли к открытым нападениям на Обрегона. Председатель съезда Рохас прямо обвинил Обрегона в интригах против «верховного главнокомандующего». В ответ он услышал, что такой выдающийся военный деятель, как Обрегон, не снизошел бы до банальных кабинетных интриг. Рохас под свист делегатов констатировал, что съезд раскололся на две группы. Американский представитель докладывал, что атаки на Обрегона и армию в целом приобрели такой характер, что отставка последнего с поста военного министра неминуема.

Обрегон, однако, складывать оружие явно не собирался. Если до сих пор он предпочитал действовать за кулисами, то 22 декабря 1916 года появилось его открытое письмо съезду.⁸⁸ Обрегон решительно опроверг обвинения Палавичини и Рохаса в том, что он хочет устранить «обновленцев» от процесса принятия важных решений. Но одновременно он снова обвинил этих людей в открытом пособничестве Уэрте. Даже если, оставшись в Мехико, члены Конгресса действовали по указанию Каррансы, хотя в этом Обрегон сильно сомневался, они все равно были предателями, так как предавали Уэрту. Заканчивал письмо Обрегон призывом к делегатам руководствоваться только личными убеждениями: «...если людей можно калечить и убивать за принципы, то нельзя допустить, чтобы принципы калечили ради людей».

Каррансе тоже пришлось выступить с письмом, в котором он еще раз подтверждал, что «обновленцы» остались в Мехико при Уэрте с его ведома. Однако никто из делегатов-«якобинцев» в это не поверил.

Между тем надвигалась новая принципиальная битва за будущее страны. Карранса не представил в своем проекте изложения четких и кодифицированных прав рабочего класса. Но когда делегаты приступили к обсуждению одной из статей, содержавших перечень общих прав граждан, то возник и вопрос о пролетариате. Сонорская делегация, которой руководил Обрегон, прямо заявила, что статья о правах является абсолютно недостаточной по сравнению с тем, что уже реализовал на практике губернатор их штата Кальес (например, он ввел по образцу США как минимум один законный выходной в неделю – до этого многие мексиканские рабочие работали всю неделю без отдыха).⁸⁹

И тут Карранса показал свой уже проявленный не раз талант превращать грядущие поражения в победы. В то время как делегаты без усталости крити-

⁸⁸ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 176–177

⁸⁹ Один из самых радикальных делегатов Конвента генерал Мухика выступил с блестящей речью по рабочему вопросу, заявив, что революция должна гарантировать права рабочих и обуздать неумеренные стремления капиталистов. См. Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 254

ковали пренебрежение к рабочим со стороны «верховного главнокомандующего», 28 декабря 1916 года один из «обновленцев» неожиданно внес на обсуждение необычайно радикальный проект статьи Конституции, посвященной рабочему вопросу. Фактически это был целый трудовой кодекс. Как и в конце 1914 года, когда его судьба висела на волоске под мощными ударами «Северной дивизии», Карранса решил сам предстать в облике революционера-радикала.

Положения нового трудового права оставили теперь объемную статью 123 новой Конституции. Можно констатировать, что вплоть до принятия первой советской Конституции годом позже мексиканская Конституция 1917 года была самой прогрессивной в области трудового законодательства. Даже после победы социалистической революции в России она оставалась таковой на пространствах капиталистического мира.

Согласно статье 123 (ее целью провозглашалось достижение по возможности гармонии между интересами труда и капитала) в Мексике законодательно закреплялся 8-часовой рабочий день. Вводился один выходной в неделю, устанавливалась минимальная заработная плата. Провозглашался необычайно радикальный даже для развитой Европы принцип участия рабочих в распределении прибыли своих предприятий (в ФРГ, например, законы на сей счет появились только в 50-е годы XX века). Вводились ограничения на труд в ночное время, под особую защиту закона ставились женщины, запрещался труд детей до 12 лет.⁹⁰ Предприниматели были обязаны выплачивать рабочим особые пособия при несчастных случаях. Кроме того, те же предприниматели должны были предоставлять рабочим в аренду дешевые квартиры, а если их фабрики располагались вне населенных пунктов – обеспечивать всю социальную инфраструктуру (школы, медицинские учреждения).

И рабочие, и предприниматели получили право объединяться в союзы и, соответственно, проводить забастовки и локауты. Однако трудовые конфликты подлежали арбитражу смешанных комиссий, ведущую роль в которых играли представители государства. В то время местные власти явно были настроены преимущественно в пользу рабочих.

Статья 123 ликвидировала и страшное наследие всей мексиканской истории – пеонаж. Все долги пеонов на момент принятия Конституции аннулировались. На будущее разрешалось давать в долг рабочим, и промышленным, и сельскохозяйственным, лишь сумму, не превышающую их месячную зарплату. Запрещалось переписывание долга на членов семей. Также запрещалось выдавать зарплату в любой форме, кроме денежной. Окончательно отменялись все заводские магазины.

Максимальный срок трудового договора был ограничен одним годом, чтобы рабочий имел право достаточно быстро сменить не понравившееся

⁹⁰ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 301

ему место. Запрещалось применять к рабочим любые насильственные методы, чтобы заставить их выполнять трудовой договор.

Рабочий вопрос был, конечно, важен для Мексики, однако вся страна ждала, как будет перераспределена земельная собственность. Именно в таком перераспределении видели цель революции и оправдание ее кровавых жертв миллионы мексиканцев.

Карранса и здесь поначалу решил ограничиться косметическими мерами. В его редакции Конституции 1857 года остался принцип предварительного возмещения помещикам стоимости земли в случае ее конфискации на общественные нужды. Но этот принцип, как мы помним, сорвал все аграрные планы Мадеро, так как помещики заламывали за свои угодья баснословные цены, которые не мог осилить мексиканский бюджет.

Все аграрные проблемы была призвана решить статья 27 новой конституции, которая попутно урегулировала еще и вопрос о праве иностранцев на эксплуатацию мексиканских недр. Не случайно, что именно за дискуссиями вокруг этой статьи очень внимательно следили американцы.

Карранса, в духе старых и классических либеральных традиций, настаивал, чтобы землей наделялись только частные собственники. Деревни в его понимании могли получить землю лишь временно, чтобы потом опять же разделить ее между отдельными крестьянами. Революционная фракция съезда прекрасно понимала, что при таком подходе Сапату нельзя будет победить никогда, если только полностью не выселить всех крестьян из Морелоса. Как всегда, «якобинцы» поддерживали самый тесный контакт с Обрегеном.

К тому времени Обрегон и его ближайшие сторонники из числа генералов революционной армии образовали новую партию – Либерально-конституционалистскую.⁹¹ Слово «либеральный» в ее названии означало отнюдь не то, что принято понимать под либерализмом в Европе. Скорее это было возвращение к истокам мексиканской истории – народной борьбе за реформы времен Хуареса, которая шла под флагом Либеральной партии. Свою работу партия активизировала в декабре 1916 года.

Естественно, это не укрылось от внимания Каррансы. Его ставленник Пабло Гонсалес стал активным членом партии (как и большинство мексиканских «партий», она больше напоминала политический кружок влиятельных лиц). Гонсалес собрал членов руководства партии на встречу в Мехико как раз в то время, когда началась работа конституционного съезда. Назвав целью встречи сплочение основных руководителей конституционалистов, он немедленно предложил выдвинуть кандидатуру Каррансы на пост президента. Обрегон и Доктор Атль сначала решительно высказались против

⁹¹ Hall L.. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 172

кандидатуры Каррансы, но потом все же решили не форсировать раскол до окончания работы над новой конституцией. Карранса стал официальным кандидатом партии. Однако вступления в партию Палавичини Обрегон все же не допустил.

Когда начались дискуссии вокруг статьи 27, Карранса первоначально сопротивлялся сведению воедино всех положений, касавшихся земли и недр (так же он поначалу относился и к рабочему вопросу). Всю первую половину января 1917 года шли ожесточенные дискуссии. На них влиял не только Обрегон, регулярно навещавший Керетаро, но и сапатисты, как раз в то время очищавшие Морелос от правительственных войск.⁹²

29 января 1917 года проект статьи 27 был представлен делегатам съезда. Авторы конституционной комиссии использовали практически ту же самую терминологию, что и большевики девять месяцев спустя. «Земля и недра являются единственным источником богатства в нашей стране, и богатство это было сосредоточено в руках немногих. Крупные землевладельцы захватили огромную власть и представляют собой, как показывает история, постоянное препятствие на пути прогрессивного развития нации... Такая ситуация ведет к катастрофическим последствиям для экономики, так как зачастую национальное сельскохозяйственное производство не может удовлетворить потребности потребителей». Далее говорилось, что для борьбы с таким положением дел декрет от 6 января 1915 года (радикализм которого, как мы помним, был навеян успехами армий Вильи и Сапаты) объявляется конституционным законом. При этом декрет дополнялся положением о том, что земля может передаваться и деревням, а не только отдельным крестьянам. Следующим шагом предполагалось объявить «уничтожение латифундий» с выплатой собственникам компенсации. Социальная цель реформы, по замыслу ее авторов, состояла все-таки в увеличении числа независимых мелких собственников, что улучшило бы благосостояние крестьян и позволило им поднять свой культурный и образовательный уровень.

Коренное отличие новой статьи от положений Конституции 1857 года состояло в том, что в принципиальном плане земля (включая водные ресурсы) и недра были объявлены достоянием всей нации.⁹³ Нация могла предоставлять эти ресурсы в частную собственность. Но теперь превалировали именно общественные интересы, ради которых государство могло конфисковать землю с уплатой компенсации. Однако вариант Каррансы о «предварительной компенсации» не прошел. Практически это означало, что теперь уже не помещик, а государство будет определять справедливую величину компенсации.

⁹² О дискуссии вокруг статьи 27 см. *La constitucion de 1917 y la economia Mexicana*. Mexico, 1958. P. 76–79

⁹³ *Очерки новой и новейшей истории Мексики*. М., 1960. С. 299

В новой конституции сохранился принцип запрета владения землей для церкви. Но теперь землей могли владеть некоторые «публичные корпорации», а именно деревни (точнее, сельские общины), индейские племена и жители отдельных ранчо. Разрешались совместные владение и обработка земли. Одновременно отменялись все юридические сделки начиная с 1856 года, в результате которых сельские общины потеряли свою землю. Земля эта подлежала возврату. Если по чрезвычайным обстоятельствам реституция земли в натуре представлялась невозможной, то выплачивалась компенсация. Таким образом, фактически были отменены ключевые положения законодательства о реформе середины XIX века и восстановлено общинное землевладение.

Статья 27 была, бесспорно, радикальной и напоминала декрет о земле, который большевики и левые эсеры приняли в России в ноябре 1917 года. Однако при разделе асиенд земля возвращалась только окрестным деревням, но не пеонам, которые жили и работали на этих асиендах. Теоретически многие из этих пеонов могли потерять работу и лишиться источника существования. Чтобы не допустить этого, конституция предоставила штатам полномочия для проведения дальнейшей аграрной реформы. В частности, каждый штат мог определять максимальную величину землевладения в одних руках (прослеживается пример Соноры). Те, кто владел излишками, должны были в течение определенного срока разбить эти излишки на отдельные участки и выставить их на свободные торги. Государство могло гарантировать уплату покупателями суммы в рассрочку путем выпуска специальных долговых ценных бумаг.

Можно с чистой совестью присоединиться к мнению творцов новой аграрной политики Мексики, утверждавших, что статья 27 победоносно увенчала революцию и превратила Мексику из полуколониальной отсталой страны в современное государство с социальными обязательствами по отношению к собственному населению. Однако теперь все зависело от того, как положения конституции будут претворяться в жизнь, а в этом важную роль играли политические убеждения главы государства. Аграрная политика Каррансы на тот момент не внушала никакого оптимизма авторам новой конституции. За весь 1916 год на основании декрета от января 1915 года землю (1246 гектаров) получили только одна деревня и 182 частных собственника.⁹⁴

Но особенно радикальными положения статьи 27 казались иностранным, прежде всего американским инвесторам. Именно из-за этой статьи на несколько лет задержалось официальное дипломатическое признание Вашингтоном нового режима в Мексике. Все недра также были объявлены собственностью мексиканской нации, то есть государства. Отдельно подчер-

⁹⁴ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 169

кивалось, что в понятие недр входят все твердые, жидкие или газообразные углеводороды. Если при Диасе иностранные компании были собственниками месторождений, то теперь они разом превратились в арендаторов, причем государству запрещалось и впредь продавать месторождения частным лицам. Иностранные компании получали права аренды, только взяв на себя обязательство соблюдать мексиканские законы и не прибегать к помощи правительств своих стран при возникновении споров. Американцев больше всего возмутило то, что положения конституции имели обратную силу: хозяева месторождений теряли свое приобретенное задолго до 1917 года право владения.

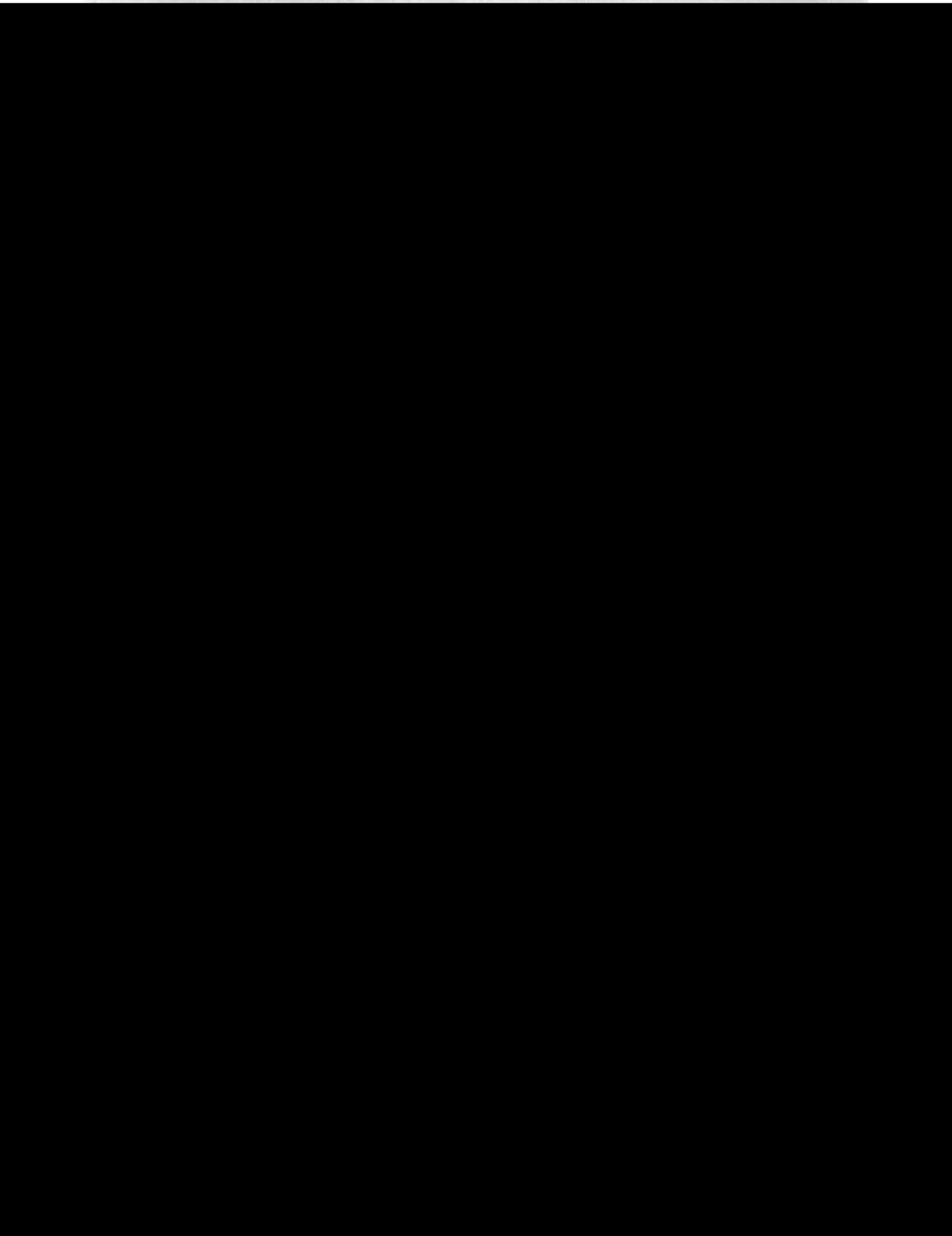
31 января 1917 года новая Конституция Мексики была подписана всеми делегатами конституционного съезда и вступила в силу. На улицах Керетаро звучала «Марсельеза», один банкет сменялся другим. Общественность страны ликовала и приписывала основную заслугу в деле утверждения столь прогрессивного основного закона Альваро Обрегону.⁹⁵ Это не могло нравиться Каррансе, и столкновения между сторонниками этих самых влиятельных людей тогдашней Мексики продолжались даже в день торжественного подписания Конституции. «Якобинцы» выступили с манифестом, в котором обвинили «обновленцев» в попытках мешать работе съезда и спровоцировать открытый разрыв между Обрегоном и Каррансой. Манифест появился в тот момент, когда Обрегон участвовал в торжественном приеме от имени «верховного главнокомандующего».

А Карранса теперь хотел добиться только двух целей. Во-первых, убрать экспедицию Першинга из Мексики, а во-вторых, стать наконец президентом страны.

До декабря 1916 года работа совместной американо-мексиканской комиссии в США шла довольно медленно. Американцы явно хотели посмотреть, будут ли учтены в новой Конституции Мексики права иностранных собственников. Гарантией такого учета и были, по мнению Вашингтона, войска Першинга в Чиуауа. Однако на Каррансу работали постоянно ухудшавшиеся отношения между США и Германией. В ноябре 1916 года Вильсона вновь избрали президентом, и он лихорадочно готовился вступить в Первую мировую войну.

24 декабря 1916 года американо-мексиканская комиссия выработала соглашение, предусматривавшее вывод экспедиции Першинга из Мексики в течение 40 дней. Однако имелось туманное условие: если ситуация в Мексике позволит это сделать. Карранса опять отказался утвердить соглашение, потребовав немедленного и безоговорочного вывода войск США. Американцы в виде компромисса предложили обменять согласие на вы-

⁹⁵ Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981. P. 182

нием воздержаться от подобных действий. Глава американской делегации в смешанной комиссии Лейн в начале ноября 1916 года действительно сообщил мексиканцам о требовании англичан. Ответ мексиканской стороны был довольно уклончивым. Мексика не считала операции германских субмарин в Мексиканском заливе угрозой для своей безопасности. К тому же, подчеркивали мексиканцы, германские подлодки уже топили иностранные суда в американских территориальных водах, но это не привело к ухудшению англо-американских отношений. И, наконец, если англичан интересуют какие-либо вопросы, то им стоит обратиться напрямую в Мехико. Американцам пришлось извиниться за свое неуклюжее посредничество.

Между тем Карранса, чтобы досадить американцам и их потенциальным союзникам в Европе, сам в ноябре 1916 года предложил немцам базы для их подлодок на мексиканской территории. Те вежливо отказались, так как не хотели портить отношений с США. Однако ситуация резко изменилась 9 января 1917 года, когда в Берлине было принято решение о начале с 1 февраля неограниченной подводной войны против всех судов, перевозящих в Великобританию грузы. Немцы прекрасно понимали, что это, в свою очередь, с большой долей вероятности приведет к вступлению США в Первую мировую войну. А значит – возрастет роль Мексики в германской внешнеполитической стратегии.

К тому времени Карранса добился и другой своей основной цели. 11 марта 1917 года прошли выборы, где у него практически не было оппонентов, характеризовавшиеся фальсификациями и запутыванием избирателей. Венустиано Карранса был избран первым постоянным президентом Мексики с февраля 1913 года. Обрегон, здоровье которого сильно подорвали последствия тяжелого ранения, подал в отставку с поста военного министра и уехал в свой родной штат Сонора – в политическое небытие, как тогда казалось многим.

Но мексиканская революция отнюдь не закончилась в марте 1917 года. Наоборот, начался ее новый, еще более насыщенный драматическими событиями этап. В этой драме будут активно участвовать и уже знакомые нам герои – Обрегон, Вилья и Сапата, и совсем новые лица, внесшие в историю своей страны выдающийся вклад.

Краткая хронология истории Мексики до 1917 года

Около 2500 лет до н. э.

Население мексиканского нагорья становится оседлым. Появляется керамика.

XIV век.

Основание государства ацтеков в Центральной Мексике. Столицей империи становится Теночтитлан, находившийся на месте современного Мехико.

1519, март.

Высадка испанских конкистадоров во главе с Кортесом на мексиканском побережье.

1520, май – август.

Подавление испанцами восстания ацтеков. Разрушение Теночтитлана.

1810, 16 сентября.

Выступление священника Мигеля Идальго в городе Долорес с призывом к независимости Мексики от Испании («клич Долорес»). В настоящее время годовщина этого события отмечается как национальный праздник Мексики – День независимости.

1811, 31 июля.

Расстрел Идальго испанцами.

1821, 28 сентября.

Декларация о независимости Мексики от Испании.

1822–1823.

Империя Итурбиде.

1829, июль – сентябрь.

Испанская интервенция против Мексики.

1835.

Мятеж американских поселенцев в Техасе.

1836, 21 апреля.

Разгром мексиканской армии Санта-Анны техасскими поселенцами при Сан-Хасинто (недалеко от современного города Хьюстон). Техас становится независимым.

1845.

Войска США занимают Техас.

1846–1848.

Война между Мексикой и США. По мирному договору от 2 февраля 1848 года Мексика вынуждена уступить США более половины своей территории.

1853, 30 декабря.

Президент Мексики Санта-Анна подписывает с США договор о продаже американцам 120 тысяч кв. км мексиканских территорий.

1857, 5 февраля.

Мексиканский Конгресс принимает новую Конституцию. Церковь в Мексике лишена имущественных прав.

1857–1860.

Гражданская война между либералами (сторонниками Конституции 1857 года) и консерваторами.

1860, декабрь.

Войска либералов занимают Мехико и побеждают в гражданской войне.

1861, июнь.

Президентом Мексики избирается Бенито Хуарес.

1862–1867.

Иностранная интервенция против Мексики.

1872, 18 июля.

Смерть Хуареса.

1872–1876.

Президентство Себастьяна Лердо де Техада.

1876, январь.

Восстание генерала Порфирио Диаса при поддержке США.

1876–1911.

Диктатура Порфирио Диаса («порфириат»).

1890.

Установление дипломатических отношений между Россией и Мексикой.

- 1910, ноябрь.
Вооруженное выступление против Диаса во главе с Франсиско Мадеро. Начало мексиканской революции.
- 1911, 26 мая.
Бегство Диаса из Мехико.
- 1911, октябрь.
Мадеро избран президентом Мексики.
- 1912, май – октябрь.
Мятеж Паскуалья Ороско.
- 1913, февраль.
Военный переворот генерала Уэрты при поддержке посла США в Мехико. Убийство Мадеро.
- 1913, февраль – 1914, август.
Борьба конституционалистов во главе с Венустиано Каррансой против Уэрты.
- 1914, апрель – ноябрь.
Американские войска оккупируют важнейший порт Мексики Веракрус.
- 1914, октябрь.
Конвент победивших конституционалистов в городе Агуаскальентес. Противоречия между Каррансой и Вильей.
- 1914, ноябрь – 1915, ноябрь.
Гражданская война между правительством Каррансы и правительством Конвента.
- 1915, апрель.
В двух битвах при Селайе (крупнейших сражениях в истории Латинской Америки) войска конституционалистов во главе с генералом Обрегоном разбивают доселе непобедимую «Северную дивизию» Вильи.
- 1916, март.
Отряд Вильи производит налет на американский пограничный городок Колумбус. Иностранные войска впервые появляются на американской территории с момента англо-американской войны 1812–1814 годов.
- 1916, март – 1917, январь.
На мексиканской территории находятся американские войска «карательной экспедиции» генерала Першинга.
- 1917, 5 февраля.
Опубликование новой Конституции Мексики – на тот момент самого прогрессивного основного закона государства в мире.

Список источников и литературы

- Альперович М. С.* Рождение мексиканского государства. М., 1979
- Альперович М. С., Руденко Б. Т.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958
- Галеана П.* Хуарес в истории Мексики. М., 2008
- Григорьева З. К.* Иностранный капитал в экономике Мексики. М., 1976
- Гонсалво П. Э. и др.* Новая краткая история Мексики. М., 2008
- Гордин А. Я.* Три войны Бенито Хуареса. М., 1984
- Лаврецкий И. Р.* Панчо Вилья. М., 1962
- Лаврецкий И. Р.* Хуарес. М., 1969
- Лавров Н. М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972
- Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983
- Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960
- Паркс Г.* История Мексики. М., 1949
- Потокова Н. В.* Агрессия США против Мексики 1846–1848. М., 1962
- Рид Д.* Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968
- Россия и Мексика в первой половине XIX века: Совместный советско-мексиканский сборник документов. М., 1989
- Селиванов В. Н.* Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984
- Сихейрос Д. А.* Меня называли лихим полковником. М., 1986
- Слезкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964
- Фрид Н.* Императрица. М., 1978
- Черняк Е. Б.* Жандармы истории. М., 1969

- Albro W. S.* Always a Rebel. Ricardo Flores Magon and the Mexican Revolution. Fort Worth, 1992
- Blumberg A.* The diplomacy of the Mexican Empire 1863–1867. Malabar, Florida, 1987
- Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America Policy, 1876–1930. The University of Alabama Press, 1996
- Cavert P.* The Mexican Revolution, 1910–1914. The Diplomacy of Aglo-American Conflict. Cambridge University Press, 1968
- Cockroft J. D.* Precursores intelectuales de la Revolution mexicana. Mexico, 1971
- Cumberland C. C.* Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972
- Cumberland C. C.* Mexican Revolution. Genesis under Madero. New York, 1969
- De La Pedraja Toman, R.* Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006
- Delgado de Cantu, G. M.* Historia de Mexico. Volumen II: Mexico en el siglo veinte. Mexico, 2003
- Eisenhower J.* Intervention! The United States and the Mexican Revolution, 1913–1917. New York, 1993
- Fowler W.* Santa Anna of Mexico. Lincoln, University of Nebraska Press, 2007
- Glary D. A.* Eagles and Empire. The United States, Mexico and the Struggle for a Continent. New York, 2009
- Guzman M. L.* Memoirs of Pancho Villa. Austin, 1975
- Hall L. B.* Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981
- Haley P. E.* Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970
- Harris C., Sadler L.* The Texas Rangers and Mexican Revolution. The bloodiest decade 1910–1920. University of New Mexico Press, 2004
- Hart J. M.* Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution. Berkeley, University of California Press, 1989
- Henderson P. V.* In the absence of Don Porfirio. Fransisco Leon de la Barra and the Mexican Revolution. Wilmington, 2000
- Hill L. D.* Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico. Baton Rouge, 1973
- Historia moderna de Mexico.* Tomo 4. La vida social en el Porfiriato. Mexico, 1957
- Katz F.* The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998
- Knight A.* The Mexican Revolution. Volume 1: Porfirians, Liberals and Peasants. London, Cambridge University Press, 1986

- Knight A.* The Mexican Revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990
- Krauze E.* Fransisco Madero. Mistico de la libertad. Mexico, 1997
- Krauze E.* Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico. 1810–1996. New York, 1997
- Krauze E.* Porfirio Diaz. Mistico de la autoridad. Mexico, 1995
- La constitucion de 1917 y la economia mexicana. Mexico, 1958
- La Intervencion Francesa en Mexico segun el Archivo del Mariscal Bazaine. Mexico, 1973
- La Revolucion Mexicana. Cronicas, Documentos, Planes y Testimonios. Mexico, 2005
- Labastida H.* Belisario Dominguez y el estado criminal 1913–1914. Mexico, 2002
- Lear J.* Workers, Neighbors and Citizens; the Revolution in Mexico City. Lincoln, University of Nebraska Press, 2001
- Machado M.* Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revolution and Northern Mexico. Austin, 1988
- McLynn F.* Villa and Zapata. A History of the Mexican Revolution. New York, 2000
- Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991
- Meyer M.* Mexican rebel: Pascual Orozco and the Mexican Revolution 1910–1915. Lincoln, University of Nebraska Press, 1967
- Meyer M.* Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972
- Meyer M., Sherman W.* The Course of Mexican History. New York, 1987
- Paporov Y.* «Mejor morir de pie». Emiliano Zapata. Moscu, 1990
- Quirk R. E.* The Mexican Revolution 1914–1915. New York, 1960
- Ruiz R. E.* Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people. New York, 1992
- Ruiz R. E.* The Great Rebellion. Mexico 1905–1924. New York, 1980
- Stout J. A.* Border Conflict: Villistas, Carrancistas and the Punitive Expedition 1915–1920. Texas Christian University Press, 1999
- Tobler H. W.* Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984
- Villafañe V. L.* La formación del sistema político mexicano. Mexico, 2005
- Womack J.* Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1970
- ...Y nos fumos a la revolucion. Mexico, 1987

КНИГИ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ¹:

В офисе нашего издательства (Москва, ул. Малая Пироговская, дом 13.
Тел: +7 (495) 708-34-90, +7 (499) 766-46-19

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru и www.urss.ru

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- «Книжная галерея «НИНА»» (м. «Павелецкая», ул. Бахрушина, д. 28).
www.kniginina.ru
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездииковский пер., д. 12).
www.falanster.ru
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Zubovskiy pr., д. 2; 1-й гуманитарный корпус МГУ).
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Академическая», ул. Вавилова, д. 55/7).
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Цветной бульвар», Цветной бульвар, д. 21).
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чаянова, д. 15: здание РГГУ).
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (ул. Дм. Ульянова, д. 19.
м. «Академическая»).
- РОССПЭН: «Книжный киоск в библиотеке ИНИОН» (Нахимовский проспект 51/21,
здание ИНИОН, 2-й этаж. [м. Профсоюзная]).
- «ГИЛЕЯ». (123104, Москва, Тверской бульвар, д. 9).
Тел: +7-495-925-81-66. *<http://gileia.org/contacts>*

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н., Васильевский Остров).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55) *www.aletheia.spb.ru*
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9: рядом со зданием исторического института) *www.dbulanin.ru*
- «АКАДЕМКНИГА». (Литейный проспект, дом 57). Тел.: 272-36-65.
- «АКАДЕМКНИГА». (ул. Петрозаводская, д. 7 б). Тел.: 235-40-64.
- «АКАДЕМКНИГА». (Менделеевская линия, д. 1. Васильевский Остров). Тел.: 328-38-12.
- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). *www.wordorder.ru*

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул. Студенческая, Парковая: здание Гуманитарного института, книжный киоск).

¹ Подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавления, отдельные главы) Вы можете найти на сайте: *www.s-and-e.ru*

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
(ул. Свердлова, д. 9: бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ».
(г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33: книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (г. Вологда, ул. Предтеченская д. 31).
Тел.: +7, 8-8172-72-61-28, d.book@visp.ru

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (66049, Красноярск, ул. Сурикова, дом 45). Тел: 8 (391) 227-03-90.

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (634050, Томск, Набережная реки Ушайки, дом 18 а).
Тел: 8 (3822) 51-60-36.
- «ПОЗИТИВ» (634050, Томск, Проспект Ленина, дом 24 а). Тел: 8 (3822) 53-40-74.

Новосибирск

- «АКАДЕМКНИГА» (г. Новосибирск, Красный проспект, 51). Тел: +7 (383) 2211560.
- «АКАДЕМКНИГА» (630090 Новосибирск, Морской проспект, 22).
Тел. +7 (3832) 35-09-22.

УКРАИНА

- Официальный представитель в Украине Филук Олег Васильевич:
тел. CDMA: +38 (044) 221-97-44, GSM: +38 (063) 487-27-84.
E-mail: Helg11@yandex.ru; RUSfondUKR@yandex.ua

Киев

- «БУКИНИСТ-ЦЕНТР» (ул. Лютеранская, д. 4: рядом с Крещатиком).
Тел: +380-44-279-57-31.
- «АКАДЕМКНИГА» (01030, ул. Богдана Хмельницкого, д. 42, тел.: +380-44-234-51-42.
- «АКАДЕМКНИГА №7» (01025, ул. Сретенская, 17, тел.: +380-272-34-72, 272-35-82).
- «МОГИЛЯНСЬКА КНИГАРНЯ» (центральный вход: 04070, пл. Контрактова, д. 4, тел: +380-44-581-52-23, E-mail: mogilyanka@bigmir.net)
- Интернет-магазин www.artlover.com.ua, E-mail: info@artlover.com.ua
- «ЗНАННЯ» (01001, ул. Крещатик, д. 44. Тел.: +380-279-10-45, 234-22-91).
- «НАУКОВА ДУМКА» (01001, ул. Грушевского, 4). Тел.: +380-278-06-96, 279-12-01).
- «Киевский национальный университет им . Шевченко » (книжный магазин в корпусе Института филологии: 01030, бульвар Шевченка, д. 14).
- «Киевский национальный университет им . Шевченко » (книжный магазин в главном корпусе): 01034, ул. Владимирская, д. 60.
- «Киевский национальный университет им . Шевченко » (книжный магазин в корпусе Института международных отношений): 04119, ул. Мельникова, д. 36/1.

Харьков

- «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА» (площадь Свободы, 4: книжный магазин в главном корпусе Харьковского Национального Университета им. Каразина). Тел.: +380-44-456-84-63.
- «ЛИТЕРА НОВА» («Litera Nova») (ст. м. Советская, ул. Квитки-Основьяненко 4/6: рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, 719-52-40; www.iap.kharkov.ua, <http://litera-book.com.ua/>
- ДОМ КНИГИ «Books» (ул. Сумская, 21). Тел. +38-057-714-04-71.
- АВИОНИКА (61022, г. Харьков, ул. Сумская, 51).

Тернополь

- «ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ» (ул. Руська, 19). Тел. +38-0352-43-10-21.

Винница

- «КОБЗАРЬ» (ул. Привокзальная, 2/1). Тел. +38-043-261-77-44.

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт-на-Майне

- “KNIZHNIK Internationale Buchhandlung” (Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70) www.knizhnik.de/ru

При оптовых закупках возможны скидки, с вопросами обращайтесь к директору издательства Андрею Гореvu: andrey.gorev@bk.ru или к заместителю директора Любви Горовой: L.izdat@bk.ru

Научное издание

Платошкин Николай Николаевич
История Мексиканской революции.
Истоки и победа 1810–1917 гг.
Том 1

*Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Дизайн обложки
Е. А. Горева
Макет и верстка
И. Р. Яворский

Подписано в печать 20.04.11. формат 70.100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3231

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-91244-034-2

9 785912 440342